

63.3(4Pa)

K-83

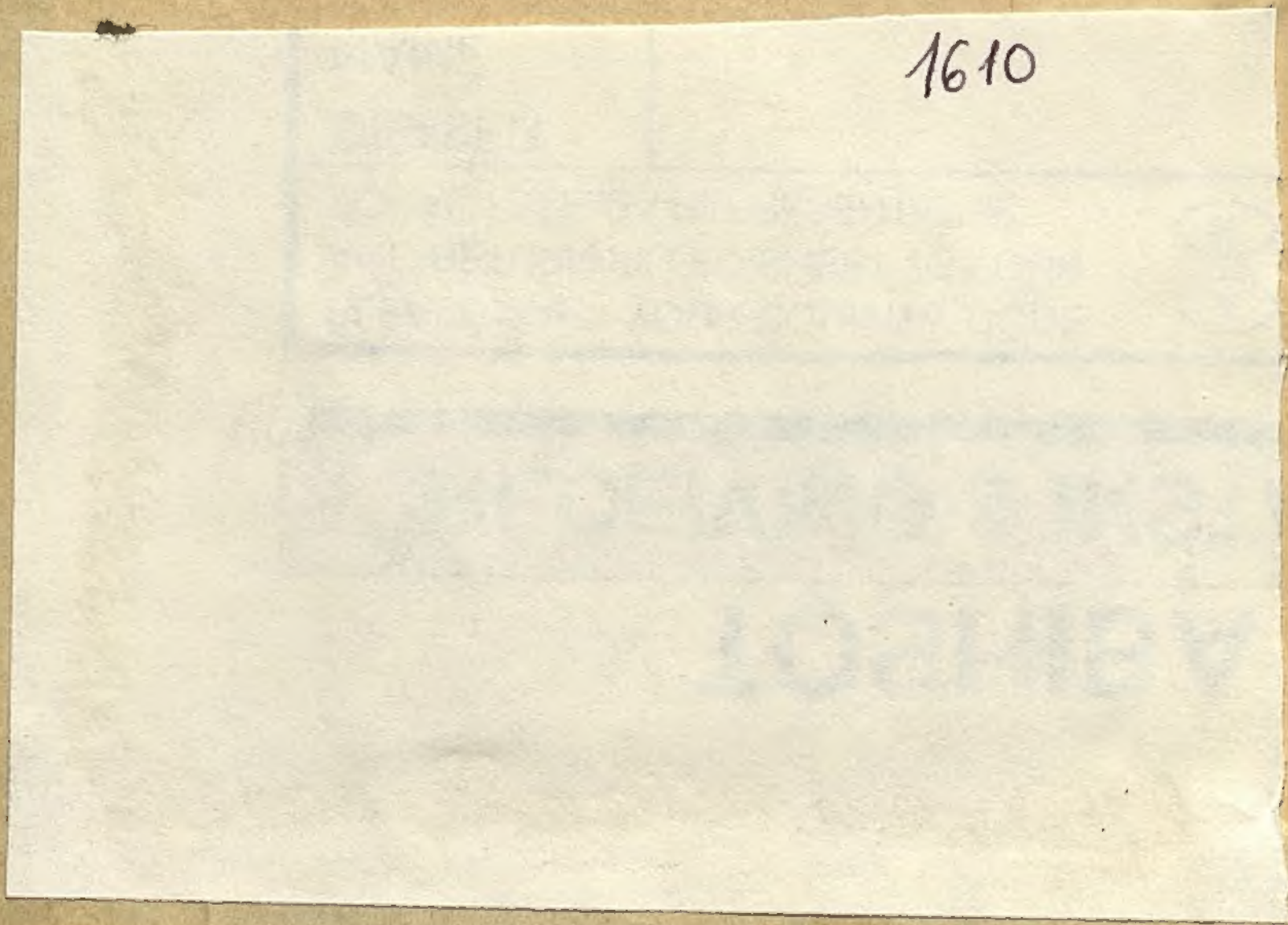
1941

ПРОВЕРЕНО
1938 г.

ПРОВЕРЕНО
ПЕРЕУЧЕТ 1935 г.

1610

П. КРОПОТКИНЪ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

Томъ II.

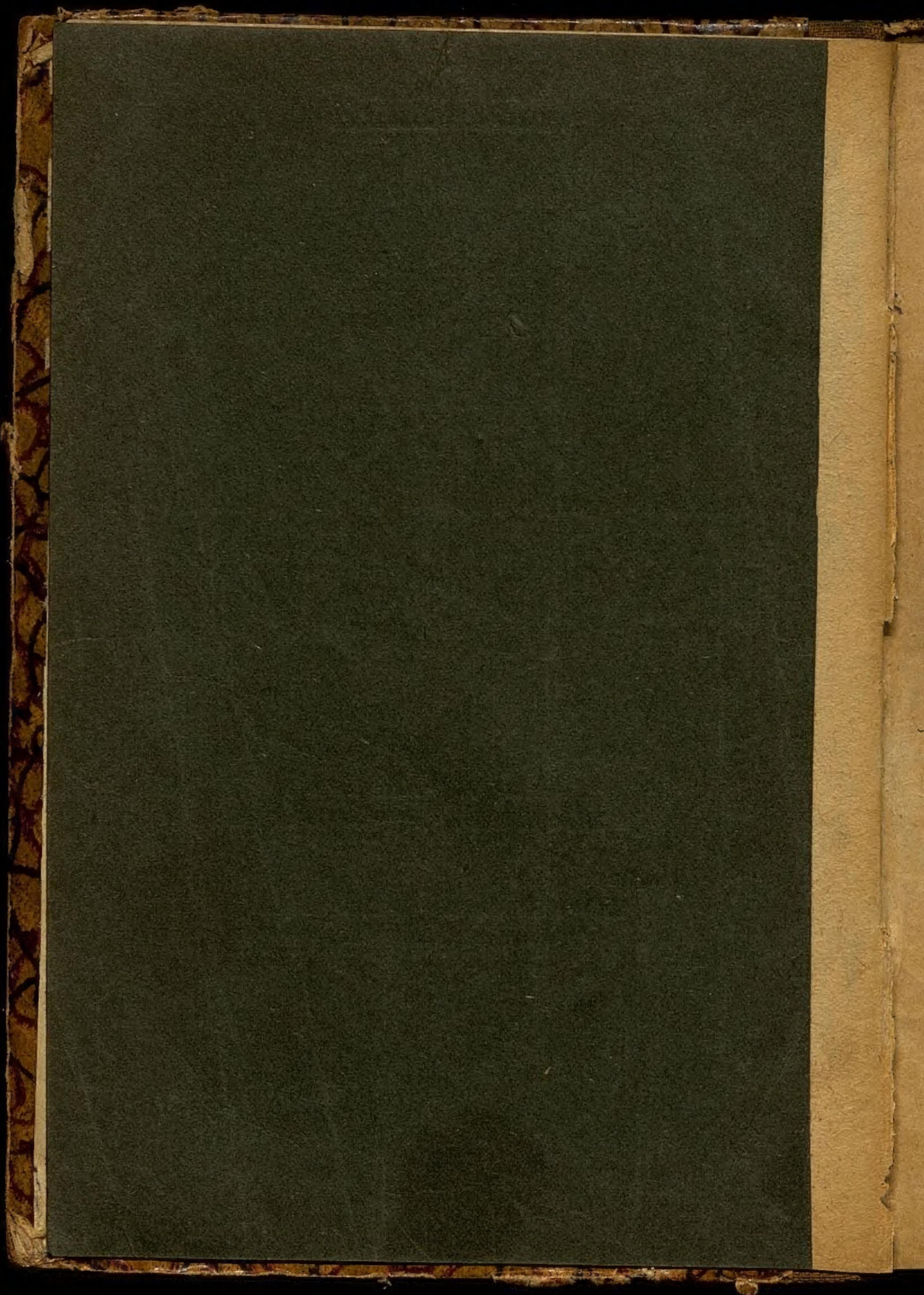
ВЕЛИКАЯ
ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ
1789—1793.

Переводъ съ французскаго
подъ редакціей автора.

Изданіе, пересмотрѣнное авторомъ
и разрѣшенное имъ для Россіи.

МОСКВА.

1919.

ВЕЛИКАЯ
ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ
1789—1793.

9/4-9/12
193

„Издание зарегистрировано и цена
утверждена Отделом Печати М. С. Р.
и Кр. Д.“.

035

П. КРОПОТКИНЪ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

Томъ II.

9(44)

К 83

Великая

французская революція

1789—1793.

И яв.

1610

№

61250

ПРОВЕРЕНО
ПЕРЕУЧЕТ 1935 г.

Переводъ съ французскаго
подъ редакціей автора.

Изданіе, пересмотрѣнное авторомъ
и разрѣшенное имъ для Россіи

МОСКВА.
1919.

ТОГО ЖЕ АВТОРА

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

Записки революціонера.

Взаимная помощь, какъ факторъ эволюціи.

Въ русскихъ и французскихъ тюрьмахъ.

Поля, фабрики и мастерскія (земледѣліе, промышленность и ремесла), новое, значительно дополненное изданіе.

Хлѣбъ и воля.

Современная наука и анархія, новое, расширенное изданіе.

МОСКВА.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., с. д.
1919.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Чѣмъ больше мы изучаемъ Французскую Революцію, тѣмъ болѣе мы узнаёмъ, насколько еще несовершенна исторія этого громаднаго переворота: сколько въ ней остается проблемъ, сколько фактовъ, еще неразъясненныхъ.

Дѣло въ томъ, что Революція, перевернувшая всю жизнь Франціи и начавшая всё перестраивать въ нѣсколько лѣтъ, представляетъ собой цѣлый міръ, полный жизни и дѣйствія. И если, изучая первыхъ историковъ этой эпохи, въ особенности Мишлэ, мы поражаемся, видя невѣроятную работу, успѣшно выполненную нѣсколькими людьми, чтобы разобратъ въ тысячахъ отдѣльныхъ фактовъ и параллельныхъ движеній, — мы узнаёмъ также громадность работы, которую предстоитъ еще выполнить будущимъ историкамъ.

Исслѣдованія, обнародованныя за послѣднія тридцать лѣтъ историческою школою, которой представителями служатъ профессоръ Оларъ и Историческое Общество Французской Революціи, безспорно дали намъ въ высшей степени цѣнные матеріалы, бросающіе массу свѣту на акты Революціи, на ея политическую исторію и на борьбу партій, оспаривавшихъ другъ у друга власть.

Тѣмъ не менѣе изученіе экономическаго характера Революціи и въ особенности — столкновеній, происходившихъ на почвѣ экономической, едва только начато, и, какъ замѣтилъ Оларъ, цѣлой жизни человѣка не хватитъ на такое изученіе, на основаніи сохранившихся архивныхъ документовъ. А между тѣмъ, нужно признать, что безъ такого изученія политическая исторія Революціи остается непол-

ною и даже очень часто совершенно непонятною. Цѣлый рядъ новыхъ вопросовъ, обширныхъ и сложныхъ, возникаетъ, едва только историкъ касается этой стороны революціоннаго переворота.

Съ цѣлью выяснитъ себѣ нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ, я началъ, еще съ 1886 года — вѣрнѣе, съ 1878 года — нѣсколько частныхъ изслѣдованій: первыхъ шаговъ Революціи, крестьянскихъ возстаній въ 1789 году, борьбы за и противъ уничтоженія феодальныхъ правъ, истинныхъ причинъ движенія 31-го мая и т. д. Къ сожалѣнію, я вынужденъ былъ ограничиться, для этихъ работъ, одними коллекціями — весьма, впрочемъ, богатыми — печатныхъ изданій въ Британскомъ музеѣ, не имѣя возможности заняться во Франціи работою въ архивахъ.

Но такъ какъ читателю трудно было бы ориентироваться въ частныхъ изслѣдованіяхъ такого рода, не имѣя общаго изложенія всего развитія Революціи, я вынужденъ былъ дать болѣе или менѣе послѣдовательный рассказъ событій. Я не сталъ, однако, повторять, такъ часто уже рассказанную; драматическую сторону главныхъ эпизодовъ того времени, но я постарался употребить въ дѣло результаты новѣйшихъ изслѣдованій, чтобы освѣтить внутреннюю связь и причины различныхъ событій, изъ которыхъ сложился переворотъ, заканчивающій собою восемнадцатый вѣкъ.

Методъ, состоящій въ изученіи Революціи путемъ изслѣдованія въ отдѣльности различныхъ частей выполненнаго ею, имѣетъ, конечно, свои недостатки: онъ неизбежно ведетъ къ повтореніямъ. Я предпочелъ, однако, подвергнуться этому послѣднему упреку, надѣясь лучше запечатлѣть такимъ образомъ въ умѣ читателя различныя теченія мысли и дѣяній, столкнувшіяся во время Французской Революціи, — теченія, настолько обусловленные самой сущностью человѣческой природы, что они неизбежно встрѣтятся и въ историческихъ событіяхъ будущаго.

Писатели, знакомые съ исторіей Революціи, знаютъ, какъ трудно избѣжать фактическихъ ошибокъ въ частнос-

дѣлахъ тѣхъ страстныхъ столкновений, развитіе которыхъ приходится излагать. Я буду, поэтому, чрезвычайно признателенъ тѣмъ, кто укажетъ мнѣ ошибки, вкравшіяся въ мою работу. И я уже выражаю мою глубочайшую признательность моимъ друзьямъ, Джемсу Гильому и профессору Эрнесту Нису (E. Nys), которые были такъ добры, что прочли мою рукопись и корректуры, и помогли мнѣ своими обширными познаніями и своимъ критическимъ умомъ.

Лондонъ.
15 марта 1909.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ НАСТОЯЩЕМУ ИЗДАНІЮ.

Первое русское изданіе этой книги вышло въ Лондонѣ, въ іюль 1914 года, за нѣсколько недѣль до объявленія войны. Въ него вошли нѣкоторыя поправки, не успѣвшія войти во французское, англійское, нѣмецкое и итальянское изданія. Въ теперешнее изданіе я впѣсь только нѣкоторыя случайныя поправки шероховатостей слога и прибавляю Алфавитный Указатель, за составленіе котораго приношу глубокую благодарность моимъ друзьямъ Н. К. и Н. А. Лебедевымъ.

Москва,
февраль, 1918.

Великая Французская Революція

1789 — 1793.

I.

Два главных теченія революціи.

Два главных теченія подготовили и совершили революцію. Одно изъ нихъ, наплывъ новыхъ понятій относительно политическаго переустройства государства, исходило изъ буржуазіи. Другое — дѣйствіе для осуществленія новыхъ стремленій, — исходило изъ народныхъ массъ: крестьянства и городского пролетаріата, стремившихся къ непосредственному и осязательному улучшенію своего положенія. И когда эти два теченія совпали и объединились въ виду одной, вначалѣ общей имъ цѣли, и на нѣкоторое время оказали другъ другу взаимную поддержку, тогда наступила революція.

Философы XVIII вѣка давно уже подрывали основы современныхъ имъ культурныхъ государствъ, гдѣ и политическая власть и громадная доля богатства принадлежали аристократіи и духовенству, тогда какъ народная масса оставалась выючнымъ животнымъ для сильныхъ міра. Провозглашая верховное владычество разума, выступая съ повѣдью вѣры въ человѣческую природу, — въ то, что природа человѣка, испорченная разнаго рода учрежденіями, поработившими её въ теченіе исторической жизни, проявитъ всѣ свои хорошія стороны, какъ только ей будетъ возвращена свобода, — философы открыли передъ человѣчествомъ широкіе, новые горизонты. Равенство всѣхъ людей безъ

решеніи и племени, обязанность всякаго гражданина, буржуа, горожанина или крестьянина, повиноваться закону. — Это были представители народа и считающемуся народом общей волей; наконец, свобода договоров и свободу свободными людьми и уничтоженіе феодальной, крепостной зависимости — эти требованія философов, свизанные въ одно цѣлое, благодаря духу системы и методичности, свойственнымъ французскому мышленію, несомнѣнно, подготовили въ умахъ наденіе стараго строя.

Но этого одного было бы недостаточно, чтобы вызвать революцію. Отъ теории предстояло перейти къ дѣйствию, отъ созданнаго въ воображеніи идеала — къ его осуществленію на практикѣ; а потому обстоятельства, которыя въ извѣстныіи моменты дали французскому народу возможность совершить этотъ шагъ, — приступить къ осуществленію намѣченнаго идеала, — пріобрѣтають особую важность для исторіи.

Съ другой стороны, задолго еще до 1789 года, Франція вступила въ періодъ небольшихъ народныхъ возстаній. Всенародное на престолѣ Людовика XVI, въ 1774 году, послужило сигналомъ къ цѣлому ряду голодныхъ бунтовъ. Они продолжались до 1783 года, послѣ чего наступило относительное затишье. Но затѣмъ, начиная съ 1786, а особенно въ 1788 году, крестьянскія возстанія возобновились съ новой силой. Если въ перерывъ рядѣ бунтовъ главнымъ дѣйствующимъ факторомъ былъ голодъ, то теперь, хотя недостатокъ въ хлѣбѣ еще оставался одною изъ существенныхъ причинъ, главной чертою бунтовъ являлся отказъ отъ платежа феодальныхъ (грѣшностныхъ) повинностей. Число бунтовъ все росло вплоть до 1789 года; и наконецъ, въ 1789 году, они охватили весь востокъ, сѣверо- и юго-востокъ Франціи.

Строй общества, такимъ образомъ, распадался. Однако, сами по себѣ крестьянскія возстанія еще не составляютъ революціи, даже если они принимаютъ такія грозныя формы, какъ пугачевскій бунтъ, происходившій у насъ въ 1773 году. Революція есть нечто неизмѣримо большее, чѣмъ рядъ возстаній въ деревняхъ и городахъ; большее, чѣмъ простая борьба партій, какъ бы кровопролитна она ни была; большее, чѣмъ уличная война и гораздо большее, чѣмъ простая перестройка правительства, подобная тѣмъ, какія происходили во Франціи въ 1830 и 1848 годахъ. Революція есть — быстрое уничтоженіе, на протяженіи немногихъ лѣтъ,

учреждений, устанавливавшихся вѣками и казавшихся такими несомненными, что даже самые пылкіе реформаторы едва осмѣливались нападать на нихъ. Это — распаденье, разложенье въ нѣсколько лѣтъ всего того, что составляло до того времени сущность общественной, религіозной, политической и экономической жизни націи; это — полный переворотъ въ установленныхъ понятіяхъ и въ ходячихъ мнѣніяхъ, по отношенію ко всѣмъ сложнымъ отношеніямъ между отдѣльными единицами человѣческаго стада.

Это, наконецъ — зарожденіе новыхъ понятій о равенствѣ въ отношеніяхъ между гражданами, которыя скоро становятся дѣйствительностью, и тогда начинаютъ распространяться на сосѣднія націи, перевѣртываютъ весь міръ и даютъ слѣдующему вѣку его лозунги, его задачи, его науку. — все направленіе его экономического, политическаго и нравственнаго развитія.

Чтобы достигнуть такихъ крупныхъ результатовъ, чтобы движеніе приняло размѣръ революціи, какъ это было въ 1648 — 1688 годахъ въ Англіи и въ 1789 — 1793 во Франціи, еще недостаточно было того, чтобы среди образованныхъ классовъ проявилось извѣстное идейное теченіе, какъ бы это теченіе ни было глубоко: недостаточно было и однихъ народныхъ бунтовъ, какъ бы они ни были многочисленны и какъ бы широко они ни распространялись. Нужно было, чтобы *революціонное дѣйствіе*, исходящее изъ народа, совпало съ *движеніемъ революціонной мысли*, шедшимъ обыкновенно, до тѣхъ поръ, отъ образованныхъ классовъ. Нужно было, чтобы они, хотя на время, подали другъ другу руку.

Вотъ почему Французская революція, какъ и Англійская, произошла въ тотъ моментъ, когда буржуазія, обильно черпавшая свои мысли изъ философіи своего времени, дошла до сознанія своихъ правъ, создала новый планъ политическаго устройства и, сильная своими знаніями, готовая къ упорной работѣ, почувствовала себя способной взять въ свои руки управленіе, вырвавъ его изъ рукъ дворцовой аристократіи, которая своею неспособностью, легкомысліемъ и расточительностью, вела государство къ полному разоренію. Но буржуазія и интеллигентные классы сами по себѣ ничего бы не сдѣлали, если бы, благодаря различнымъ условіямъ, не всколыхнулась крестьянская масса и не дала бы, цѣлымъ рядомъ возстаній, длившихся четыре года, возможность недовольнымъ элементамъ среднихъ классовъ бо-

ротся съ королемъ, дворомъ и бюрократіею, низвергнуть старыя учрежденія и совершенно измѣнить политическій строй государства.

Исторія этого двойного движенія еще не рассказана. Исторія Великой Французской революціи была написана много разъ, съ точки зрѣнія самыхъ различныхъ партій; но до сихъ поръ историки занимались, главнымъ образомъ, политическою исторіею, исторіею побѣдъ, одержанныхъ буржуазіею надъ придворною партіею и надъ защитниками старыхъ монархическихъ учрежденій. Вслѣдствіе этого, мы очень хорошо знакомы съ умственнымъ пробужденіемъ, предшествовавшимъ революціи; мы знаемъ общія начала, господствовавшія въ революціи и нашедшія себѣ выраженіе въ ея законодательствѣ; мы восхищаемся великими идеями, которыя она бросила въ міръ и проведенію которыхъ въ жизнь заняло затѣмъ весь девятнадцатый вѣкъ. Однимъ словомъ, *парламентская исторія* революціи, ея войны и ея политика изучены и рассказаны во всѣхъ подробностяхъ. Но *народная исторія* революціи еще не написана. Роль *народа* — деревень и городовъ — въ этомъ движеніи никогда еще не была полностью изучена и рассказана. Изъ двухъ теченій, совершившихъ революцію, теченіе *умственное* извѣстно; по другое теченіе — *народное движеніе* — еще очень мало затронуто.

Наше дѣло — дѣло потомковъ тѣхъ, кого современники называли „анархистами“, изучить это народное движеніе, или, по крайней мѣрѣ, указать его главныя черты.

II.

Идейное теченіе

Чтобы понять идеи, вдохновлявшія буржуазію 1789 года, нужно обратиться къ ихъ воплощеніямъ, т.-е. къ современнымъ государствамъ.

Та форма культурныхъ государствъ, которую мы наблюдаемъ въ настоящее время въ Европѣ, еще только намѣчалась въ концѣ восемнадцатаго вѣка. Сосредоточеніе власти еще не достигло тогда ни такого совершенства, ни такого единообразія, какія мы видимъ теперь. Грозная машина, благодаря которой все мужское населеніе страны, готовое къ войнѣ, приводится теперь въ движеніе по приказанію изъ столицы и несетъ разореніе въ деревни и горе въ семьи, тогда еще не существовала. Этихъ странъ, покрытыхъ сложною административною сѣтью, гдѣ личности администраторовъ совершенно стусевываются въ бюрократическомъ рабствѣ и машинальномъ подчиненіи передъ приказаніями, исходящими отъ центральной волн; этого пассивнаго повиновенія гражданъ закону и этого поклоненія закону, Парламенту, судебной власти и ея агентамъ, развившимся съ тѣхъ поръ; этой іерархіи дисциплинированныхъ чиновниковъ; этой сѣти школъ, содержимыхъ или руководимыхъ государствомъ, гдѣ преподается повиновеніе власти и ея обожаніе; этой промышленности, дающей рабочаго, цѣликомъ отданнаго государствомъ въ руки хозяевъ; торговли, скопляющей неслыханныя состоянія въ рукахъ тѣхъ, кто захватилъ землю, каменно-угольные копи, пути сообщенія и другія естественныя богатства, и доставляющей громадныя средства государству; наконецъ, нашей науки, которая, освободивъ мысль, увеличила въ сотни разъ производительныя силы человѣчества, но вмѣстѣ съ тѣмъ стремится подчинить эти силы праву сильного и государству,—ничего этого до революціи не существовало.

Однако задолго до того времени, когда раздались первые раскаты революціи, французская буржуазія — Третье Сословіе — уже составила себѣ понятіе о томъ, какой политическій организмъ долженъ былъ развиться, по ея мнѣнію, на развалинахъ феодальной монархіи. Весьма возможно, что англійская революція помогла французской буржуазіи понять, какую именно роль ей суждено будетъ играть въ управленіи обществомъ. Несомнѣнно и то, что энергіи революціонеровъ во Франціи былъ данъ толчокъ американскою революціею. Но уже съ начала восемнадцатаго вѣка изученіе государственныхъ вопросовъ и того политическаго строя, который могъ бы возникнуть на почвѣ представительнаго правленія (конституціи), сдѣлалось — благодаря Юму, Гоббсу, Монтескьё, Руссо, Вольтеру, Маблю, Аржансону и др. — любимымъ предметомъ изслѣдованій: при чемъ, благодаря Тюрго и Смиту, къ нему присоединилось изученіе экономическихъ вопросовъ и роли собственности въ политическомъ устройствѣ государствъ.

Вотъ почему, задолго до того времени, когда вспыхнула революція, идеаль, централизованнаго, благоустроеннаго государства, подъ управленіемъ классовъ, обладающихъ земельною и промышленною собственностью, или же занимающихся свободными профессіями, намѣчается и излагается во множествѣ книгъ и брошюръ, откуда дѣятели Революціи черпали внослѣдствіи свое вдохновеніе и свою обдуманную энергію.

И вотъ почему французская буржуазія, вступая въ 1789 году въ революціонный періодъ, уже отлично знала, чего хочетъ. Правда, она тогда еще не стояла за республику (стоитъ ли она за неё теперь?), но она не хотѣла королевскаго произвола, не признавала правленія принцевъ и Двора, и отрицала привилегіи дворянства, которое захватывало главныя правительственныя должности, но умѣло только разорять государство, — точно такъ же, какъ оно разоряло свои собственные громадныя помѣстья. Чувства у передовой буржуазіи были республиканскія въ томъ смыслѣ, что она стремилась къ республиканской простотѣ правовъ, по примѣру молодыхъ американскихъ республикъ; но она желала также, и прежде всего, перехода управленія въ руки имущихъ классовъ.

Изъ своимъ религіознымъ убѣжденіямъ буржуазія того времени не доходила до атеизма; она скорѣе была „свобо-

домісляшея“; но вѣтъ съ тѣмъ она не питала вражды и къ католицизму. Она ненавидѣла только Церковь, съ ея іерархіей, съ ея епископами, державшимися заодно съ принципами, и съ ея священниками, — послушными орудіями въ рукахъ дворянства.

Буржуазія 1789 года понимала, что во Франціи наступилъ моментъ (какъ онъ наступилъ ста-сорока годами раньше въ Англіи), когда Третье Сословіе станетъ наследникомъ власти, выходящей изъ рукъ монархіи; и она уже обдумала заранее, какъ ей распорядиться съ этою властью.

Идеаломъ буржуазіи было дать Франціи конституцію на манеръ англійской. Роль короля должна была быть сведена къ роли инстанціи, утверждающей волю Парламента иногда, впрочемъ — властью, удерживающею равновѣсіе между партіями; но, главнымъ образомъ, король долженъ былъ служить символомъ національнаго единства. Настоящая власть должна была быть выборною и находиться въ рукахъ парламента, въ которомъ образованная буржуазія представляющая дѣятельную и думящую часть націй господствовала бы надъ всеми остальными сословіями.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ планы буржуазіи входило упраздненіе всѣхъ мѣстныхъ или частныхъ властей, представлявшихъ независимыя (автономныя) единицы въ государствѣ. Сосредоточеніе всѣхъ правительственныхъ силъ въ рукахъ центральной исполнительнѣйшей власти, находящейся подъ строгимъ контролемъ парламента, было ея идеаломъ. Этой власти все должно повиноваться въ государствѣ. Она должна будетъ держать въ своихъ рукахъ все отрасли управленія: взиманіе налоговъ, судъ, военныя силы, школы, полицейскій надзоръ и, наконецъ, общее руководство торговлей и промышленностью, — все! Но рядомъ съ этимъ, говорила буржуазія, слѣдуетъ провозгласить полную свободу торговыхъ дѣлъ; промышленнымъ предпринимателямъ слѣдуетъ предоставить полную возможность эксплуатировать все естественныя богатства страны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и рабочихъ, — отдавая ихъ на произволъ тѣхъ, кому угодно будетъ дать имъ работу.

При этомъ государство должно, утверждали они, способствовать обогащенію частныхъ лицъ и накопленію большихъ состояній. Этому условію буржуазія того времени неизбѣжно придавала большое значеніе, такъ какъ и самый созывъ Генеральныхъ Штатовъ былъ вызванъ необ-

ходимостью бороться съ финансовымъ разореніемъ государства.

Не менѣе ясны были экономическія понятія людей Третьяго Сословія. Французская буржуазія читала и изучала труды отцовъ политической экономіи. Тюрго и Адама Смита. Она знала, что ихъ теоріи уже прилагаются въ Англіи и смотрѣла на экономическую организацію своихъ сосѣдей, англійскихъ буржуа, съ такою же завистью, какъ и на ихъ политическое могущество. Она мечтала о переходѣ земель въ руки буржуазіи, крупной и меткой, и объ эксплуатаціи ея естественныхъ богатствъ страны, остававшихся до сихъ поръ непроизводительными въ рукахъ дворянства и духовенства. И въ этомъ, союзницею городской буржуазіи являлась мелкая деревенская буржуазія, которой численность была уже значительна, раньше чѣмъ революція увеличила этотъ классъ собственниковъ. Наконецъ, французская буржуазія уже предвидѣла быстрое развитіе промышленности и крупнаго производства, благодаря машинамъ, заморской торговлѣ и вывозу промышленныхъ издѣлій: а затѣмъ ей уже рисовались богатые рынки Востока, крупныя финансовыя предпріятія и быстрый ростъ огромныхъ состояній.

Она понимала, что для достиженія этого идеала, ей прежде всего требовалось порвать связь крестьянина съ деревней. Ей нужно было, чтобы крестьянинъ могъ, и вынужденъ былъ, покинуть свое родное гнѣздо и направиться въ городъ для пріисканія какой-нибудь работы; ей нужно было, чтобы онъ перемѣнилъ хозяина и началъ бы обогащать промышленность, вмѣсто того, чтобы платить помѣщику всякія повинности, хотя и очень тяжелыя для крестьянина, но въ сущности мало обогащавшія барина. Нужно было, наконецъ, чтобы въ финансахъ государства водворилось больше порядка, чтобы налоги было легче платить, и чтобы они, вмѣстѣ съ тѣмъ, приносили больше дохода казнѣ.

Буржуазіи нужно было, однимъ словомъ, то, что политико-экономы называли „свободой промышленности и торговли“, то-есть, съ одной стороны, освобожденіе промышленности отъ медочнаго и мертвящаго надзора государства, а съ другой стороны—полной свободы въ эксплуатаціи рабочаго, лишеннаго всякихъ правъ самозащиты. Уничтоженіе государственнаго вмѣшательства, которое только стѣсняло предпринимателя, уничтоженіе внутреннихъ таможенъ и

всякаго рода стѣснительныхъ законовъ — и вмѣстѣ съ тѣмъ, уничтоженіе всѣхъ существовавшихъ до того времени ремесленныхъ союзовъ, гильдій, цеховой организаціи, которые могли бы ограничивать эксплоатацію наёмнаго труда. Полная „свобода“ договоровъ для хозяевъ — и строгое запрещеніе всякихъ соглашеній между рабочими. „Laissez faire“ („Пусть дѣйствуютъ“) для однихъ, — и никакой возможности объединяться для другихъ!

Таковъ былъ двойной планъ, намѣчавшійся въ умахъ... И какъ только представилась къ тому возможность, французская буржуазія, сильная своими знаніями, яснымъ пониманіемъ своей цѣли и своимъ навыкомъ въ „дѣлахъ“, взялась, уже не колеблясь, ни относительно общей цѣли, ни относительно деталей, надъ проведеніемъ своихъ взглядовъ въ жизнь. Она принялась за дѣло такъ сознательно, съ такой энергіей и послѣдовательностью, какой совершенно не было у народа, — такъ какъ народъ не выработалъ, не создалъ себѣ общественнаго идеала, который онъ могъ бы противопоставить идеалу господъ членовъ Третьяго Сословія.

Было бы, конечно, несправедливо утверждать, что буржуазія 1789 года руководилась исключительно узко-эгоистическими расчетами. Если бы такъ было на дѣлѣ, она бы никогда ничего не добилась. Для большихъ преобразованій всегда нужна извѣстная доля идеализма. И дѣйствительно, лучшіе представители Третьяго Сословія воспитывались на философіи восемнадцатаго вѣка — этомъ глубокомъ источникѣ, носившемъ въ зародышѣ всѣ великія идеи позднѣйшаго времени. Истинно-научный духъ этой философіи, ея глубоко нравственный характеръ — даже тамъ, гдѣ она осмысливала условную мораль, — ея вѣра въ умъ, въ силу и величіе освобожденнаго человѣка, разъ только онъ будетъ жить въ обществѣ равныхъ себѣ, ея ненависть къ деспотическимъ учрежденіямъ, — все это мы находимъ у революціонеровъ того времени. Иначе, откуда почерпнули бы они силу своихъ убѣжденій и преданность имъ, которую они проявили въ великой борьбѣ?

Нужно также признать и то, что среди людей, больше всего работавшихъ надъ осуществленіемъ программы буржуазіи, нѣкоторые искренно вѣрили, что обогащеніе отдѣльных лицъ — лучший путь къ обогащенію всего народа. Это писалось тогда, съ полнымъ убѣжденіемъ, лучшими политико-экономами, начиная съ Адама Смита.

Но, какъ бы ни были высоки отвлеченныя идеи свободы, равенства и свободнаго прогресса, одушевлявшія искреннихъ людей изъ буржуазіи 1789 — 1793 годовъ, мы должны судить объ этихъ людяхъ на основаніи ихъ *практической* программы, на основаніи *приложенія* ихъ теоріи къ жизни. Какъ воплотится данная отвлеченная идея въ дѣйствительной жизни? Вотъ что даетъ намъ мѣрло для ея оцѣнки.

И вотъ, хотя буржуазія 1789 года, несомнѣнно, вдохновлялась идеями свободы, равенства (передъ закономъ) и политическаго и религіознаго освобожденія, мы видимъ, однако, что какъ только эти идеи облекались въ плоть и кровь, онѣ выражались именно въ той двойной программѣ, которую мы только что изложили: свобода пользованія всевозможными богатствами въ видахъ личнаго обогащенія и свобода эксплуатаціи человѣческаго труда, безъ всякой защиты для жертвъ этой эксплуатаціи. При этомъ — такая организація политической власти, переданной въ руки буржуазіи, при которой свобода эксплуатаціи труда была бы вполне обезпечена. И мы скоро увидимъ, какая страшная борьба разгорѣлась въ 1793 году, когда часть революціонеровъ захотѣла пойти дальше этой программы, для дѣйствительнаго освобожденія народа.

III.

Народное дѣйствіе.

А народъ? Въ чемъ состояла его идея?

Народъ также испыталъ до нѣкоторой степени вліяніе философіи восемнадцатаго вѣка. Тысячами окольных путей великіе принципы свободы и равенства проникали въ деревни и въ рабочіе кварталы большихъ городовъ. Почтеніе къ королевской власти и аристократіи исчезало. Идеи равенства доходили даже до самыхъ темныхъ угловъ. Въ умахъ всыхивалъ уже огонекъ возмущенія, бунта. Надежда на близкую перемену заставляла сильно биться сердца у самыхъ забитыхъ людей. — „Не знаю, что такое случится, но что-то должно случиться, и скоро“, говорила въ 1787 году одна старуха Артуру Юпгу, путешествовавшему по Франціи наканунѣ революціи. Это „что-то“ должно было принести облегченіе народному бѣдствію.

Недавно былъ поднятъ вопросъ о томъ, имѣлись ли элементы социализма въ движеніи, предшествовавшемъ Революціи и въ самой Революціи? Слово „социализмъ“ тамъ, конечно, не было, потому что самое это слово появилось только въ половинѣ девятнадцатаго вѣка. Понятіе о государственномъ капитализмѣ, тогда, конечно, не занимало того господствующаго положенія, какое оно заняло теперь, такъ какъ труды творцовъ социалдемократическаго „коллективизма“, Видаля и Пеккёра, появились только въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Но когда читаешь произведенія предвѣстниковъ революціи, то поражаешься, видя, насколько они проникнуты мыслями, составляющими сущность современнаго социализма.

Двѣ основныя мысли — равенство всѣхъ гражданъ въ правѣ на землю, и то, что мы теперь называемъ коммунизмомъ, — насчитывали убѣжденныхъ сторонниковъ, какъ среди энциклопедистовъ, такъ и среди популярныхъ писа-

телей того времени, какъ Маблі, д'Аржансонъ и многіе другіе, менѣе извѣстные. Такъ какъ крупная промышленность была тогда еще въ пелёнкахъ, и главнымъ орудіемъ эксплуатаціи человѣческаго труда являлась земля, а не фабрика — только-что возникавшая въ это время, — то понятно, что мысль философовъ, а позднѣе и мысль революціонеровъ восемнадцатаго вѣка, направлена была, главнымъ образомъ, на *владѣніе землею*. Маблі, повліявшій на дѣятелей революціи гораздо больше чѣмъ Руссо, еще въ 1768 году требовалъ (въ своихъ „Сомнѣніяхъ въ естественномъ и основномъ порядкѣ обществъ“ — „Doutes sur l'ordre naturel et essentiel des sociétés“) равенства всѣхъ въ правѣ на землю и общей собственности на нее. Право народа на всю поземельную собственность и на всѣ естественныя богатства — тѣса, рѣки, водопады и проч. — было господствующею идеею у предвѣстниковъ Революціи, а также и у лѣваго крыла народныхъ революціонеровъ во время самой революціонной бури.

Къ сожалѣнію, эти коммунистическія стремленія не выражались у мыслителей, желавшихъ блага народу, въ ясной, опредѣленной формѣ. Въ то время, какъ у просвѣщенной буржуазіи освободительныя идеи находили себѣ выраженіе въ цѣлой программѣ политической и экономической организаціи, — идеи народнаго освобожденія и экономическихъ преобразованій преподносились народу лишь въ формѣ неясныхъ стремленій къ чему-то. Нерѣдко, въ нихъ ничего не было, кромѣ простого отрицанія. Тѣ, которые обращались къ народу, не старались выяснить, въ какую форму могутъ вылиться въ дѣйствительной жизни ихъ пожеланія, или ихъ отрицанія. Они даже, какъ будто, не хотѣли выражаться болѣе точно. Сознательно или безсознательно, они какъ будто думали: „Къ чему говорить народу о томъ, какъ организовать въ будущемъ? Это только охладить его революціонный порывъ. Пусть только у него хватитъ силъ для нападенія на старыя учрежденія, а тамъ видно будетъ, какъ устроиться“.

Сколько социалистовъ и анархистовъ разсуждаютъ по сію пору такимъ же образомъ! Нетерпѣливо стремясь приблизить день возстанія, они называютъ усыпляющими теоріями всякую попытку сколько-нибудь выяснить то, что революція должна стараться ввести.

Нужно сказать также, что важную роль играло при этомъ незнакомство писателей — по большей части горо-

жанъ и людей кабинетной работы, — съ формами промышленной и крестьянской народной жизни. Въ такомъ, на-примѣръ, собраніи людей образованныхъ и опытныхъ въ „дѣлахъ“ — юристовъ, журналистовъ, торговцевъ, — каково было Національное Собраніе, нашлось всего два или три законовѣда, хорошо знакомыхъ съ феодальными правами; извѣстно также, что представителей крестьянъ, знакомыхъ съ нуждами деревни по собственному опыту, было въ этомъ Собраніи весьма мало.

Вотъ почему мысль народа выражалась, главнымъ образомъ, въ формахъ чисто отрицательныхъ. „Будемъ жечь уставныя грамоты (terriers), въ которыхъ записаны феодальныя повинности! Долой десятину; ничего не платить по-намъ! Долой госпожу Вето (королеву Марію Антуанету)! На фонарь аристократовъ!“ Но кому достанется освобожденная земля? Кому пойдетъ наслѣдство гильотинированныхъ аристократовъ? Кто завладѣетъ властью, ускользавшею изъ рукъ г-на Вето, и ставшею въ рукахъ буржуазіи гораздо большей силою, чѣмъ она была при старомъ порядкѣ? На эти вопросы у народа не было отвѣта.

Это отсутствіе у народа яснаго понятія о томъ, чего онъ можетъ ждать отъ революціи, наложило свой отпечатокъ на все движеніе! Въ то время, какъ буржуазія шла твердымъ и рѣшительнымъ шагомъ къ обоснованію своей политической власти въ государствѣ, построенномъ совершенно ся соображеніямъ, — народъ колебался. Особенно въ городахъ, онъ вначалѣ даже какъ будто не зналъ, какъ воспользоваться въ своихъ интересахъ завоеванною властью. А когда, впослѣдствіи, проекты земельныхъ законовъ и уравнинія состояній стали намѣчаться болѣе ясно, имъ пришлось столкнуться съ собственническими предразсудками, которыми были проникнуты даже люди, искренно ставшіе на сторону народа.

Подобное же столкновеніе произошло и въ понятіяхъ о политическомъ устройствѣ государства. Оно особенно ярко замѣтно въ борьбѣ между правительственными предразсудками демократовъ того времени и новыми идеями, зарождавшимися въ массахъ относительно политической децентрализаціи и въ той преобладающей роли, которую народъ хотѣлъ предоставить своимъ городскимъ управамъ, „отдѣламъ“ (секціямъ) въ большихъ городахъ и сельскимъ обществамъ въ деревняхъ. Изъ этого источника произошелъ

цѣлый рядъ кровавыхъ столкновѣній, вспыхнувшихъ въ Конвентѣ. Изъ этого же произошла неопредѣленность результатовъ революціи для народа, за исключеніемъ того, что касалось отнятія земель у свѣтскихъ и церковныхъ владѣтелей и освобожденія этихъ земель отъ феодальныхъ повинностей.

Но если въ смыслѣ положительномъ идеи народа оставались неясными, то въ смыслѣ отрицательномъ онѣ были, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, вполне опредѣленны.

Во-первыхъ, ненависть бѣдняка ко всей праздной, лѣнивой, развращенной аристократіи, господствовавшей надъ нимъ, въ то время какъ гнетущая нужда царила въ деревняхъ и темныхъ закоулкахъ большихъ городовъ; эта ненависть была совершенно опредѣлена. Затѣмъ — ненависть къ духовенству, потому что оно сочувствовало скорѣе аристократіи, чѣмъ кормившему его народу. Ненависть ко всемъ учрежденіямъ стараго порядка, которыя, не признавая за бѣдными никакихъ человѣческихъ правъ, дѣлали ихъ бѣдность еще болѣе тяжелой. Ненависть къ феодальному, т.-е. крепостному строю, съ его повинностями, удерживавшими крестьянъ въ подчиненіи помѣщику, хотя личная ихъ зависимость уже перестала существовать. Наконецъ — отчаяніе, оглаждавшее крестьянскомъ въ неурожайные годы, когда онъ видѣлъ, какъ земля остается необработанной въ рукахъ помѣщиковъ и служить только для дворянскихъ развлеченій, въ то время какъ голодъ свирѣпствуетъ въ деревняхъ.

Вотъ эта-то ненависть, медленно назрѣвшая въ теченіе всего восемнадцатаго вѣка, по мѣрѣ того, какъ все рѣзче и рѣзче становился эгоизмъ богатыхъ, эта *потребность въ землѣ*, этотъ протестъ голоднаго и возмущеннаго крестьянина противъ помѣщика, не допускавшаго его до земли, и пробудили, начиная съ 1788 года, бунтовскій духъ въ народѣ. Эта же ненависть, эта же потребность, вмѣстѣ съ надеждою на успѣхъ, поддерживали въ теченіе 1789—1793 годовъ непрерывные крестьянскіе бунты, и эти бунты дали буржуазіи возможность свергнуть старыя порядки и организовать свою власть на началахъ представительнаго правленія, а крестьянамъ и городскому пролетаріату — возможность окончательно освободиться отъ феодальной (крепостной) зависимости.

Безъ этихъ возстаній, безъ полной дезорганизаціи провинціальныхъ деревенскихъ властей, произведенной крестьянами, безъ той готовности тотчасъ же вооружаться и идти противъ королевской власти по первому зову революціонеровъ, какую проявилъ народъ въ Парижѣ и въ другихъ городахъ, всѣ успѣхи буржуазіи остались бы, несомнѣнно, безъ результата. Но именно этому вѣчно-живому источнику революціи—народу, готовому взяться за оружіе—историкамъ революціи до сихъ поръ не отдали той справедливости которую обязана отдать ему исторія цивилизаціи.

IV.

Народъ наканунѣ революціи.

Излишне было бы долго останавливаться здѣсь на описаніи положенія крестьянства и бѣдныхъ классовъ городского населенія наканунѣ 1789 года. Все историкъ великой Революціи посвятили этому предмету рядъ краснорѣчивыхъ страницъ. Народъ стоналъ подъ тяжестью налоговъ, взимаемыхъ государствомъ, оброка, платимаго помѣщику, десятины, получаемой духовенствомъ, и барщины, требуемой всеми тремя. Населеніе цѣлыхъ мѣстностей было доведено до нищеты. Въ каждой провинціи толпы въ пять, десять, двадцать тысячъ людей, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, бродили по большимъ дорогамъ. Въ 1777 году была официально установлена цифра въ 1.100.000 нищихъ. Въ деревняхъ голодъ сталъ хроническимъ; онъ повторялся черезъ короткіе промежутки времени и опустошалъ цѣлыя провинціи. Крестьяне массами покидали тогда свои деревни, въ надеждѣ найти гдѣ-нибудь лучшія условія — надеждѣ, конечно, тщетной. Вместе съ тѣмъ, въ городахъ число бѣдныхъ росло съ каждымъ годомъ. Хлѣба постоянно не хватало, а такъ какъ городскія управы оказались неспособными доставлять на рынки нужное количество хлѣба, то голодные бунты, всегда сопровождавшіеся избиеніями народа, стали обычнымъ явленіемъ въ жизни Франціи.

Съ другой стороны, избѣженная аристократія восемнадцатаго вѣка растрчивала въ безумной, неограниченной роскоши громадныя состоянія — сотни тысячъ, миллионы франковъ годового дохода. Реакціонные историкъ, въ родѣ Тэна, могутъ, конечно, приходить въ восторгъ отъ образа жизни этой аристократіи, потому что они видятъ его издали, стоя въ спускѣ, и знаютъ только по книгамъ; но въ дѣйствительности, за регулируемымъ танмейстеромъ вишневыми формами, за всею шумною расточительностью, скрывалась

самая грубая чувственность, отсутствіе всякаго интереса, всякой мысли, даже простыхъ человѣческихъ чувствъ. *Скука*, поэтому, постоянно стучалась въ двери этихъ богачей, и чтобы развлечься, они прибѣгали ко всякимъ, самымъ пустымъ, даже самымъ ребяческимъ забавамъ.

Что такое представляли собою эти аристократы — ясно обнаружилось, когда наконецъ разразилась революція, и когда всѣ они, нисколько не думая защищать „своего“ короля и „свою“ королеву, поспѣшили бѣжать за границу и призывать оттуда иностранцевъ, чтобы они защитили ихъ отъ возставшаго народа. Ихъ нравственное достоинство и степень „благородства“ ихъ характеровъ достаточно обнаружались также въ жизни колоній этихъ эмигрантовъ въ Кобленцѣ, Брюсселѣ, Туринѣ, Митавѣ.

Противоположности роскоши и нищеты, которыми такъ изобилывалъ восемнадцатый вѣкъ, прекрасно описаны всѣми историками великой революціи. Къ нимъ нужно прибавить только одну черту, значеніе которой особенно ясно выступаетъ передъ нами, при изученіи современнаго положенія крестьянъ въ Россіи.

Бѣдственное положеніе громаднаго большинства французскаго крестьянства было, несомнѣнно, ужасно. Оно, не переставая, ухудшалось, съ самаго начала царствованія Людовика XIV, по мѣрѣ того, какъ росли государственные расходы, а роскошь помѣщиковъ принимала тотъ утонченный и сумасбродный характеръ, на который ясно указываютъ нѣкоторые мемуары того времени. Особенно невыносимыми дѣлались требованія помѣщиковъ отъ того, что значительная часть аристократіи была въ сущности разорена, но скрывала свою бѣдность подъ вѣщиною роскошью, а потому старалась выжать изъ крестьянъ какъ можно больше дохода, требуя отъ нихъ уплаты мельчайшихъ денежныхъ и натуральныхъ повинностей, когда-то установленныхъ обычаемъ. Черезъ посредство своихъ управляющихъ дворяне обращались съ крестьянами съ суровостью настоящихъ ростовщиковъ. Объединеніе дворянства превратило дворянъ, въ ихъ отношеніяхъ съ бывшими крѣпостными, въ настоящихъ буржуа, жадныхъ до денегъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, неспособныхъ найти какіе-нибудь другіе источники дохода, кромѣ эксплуатаціи старыхъ привилегій — остатковъ феодальной эпохи, т.-е. крѣпостного права. Вотъ почему мы находимъ въ историческихъ документахъ прямые указанія

на то, что требовательность помещиковъ по отношенію къ платежамъ крестьянъ замѣтно усилилась за послѣднія пятнадцать лѣтъ передъ 1789 годомъ, въ царствованіе Людовика XVI.

Но если историки великой революціи вполне правы, когда рисуютъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ положеніе крестьянъ, было бы ошибочно утверждать, что другіе историки (напр. Токвиль), ошибаются, когда говорятъ объ *улучшеніи* положенія деревенскаго населенія. Въ дѣйствительности, въ деревняхъ наблюдалось двоякое явленіе: обѣдненіе крестьянской массы и улучшеніе положенія нѣкоторыхъ изъ крестьянъ.

Крестьянскія массы разорялись. Съ каждымъ годомъ ихъ существованіе становилось все болѣе и болѣе неустойчивымъ; малѣйшая засуха вела къ недороду и голоду. Порядомъ съ этимъ создавался—особенно тамъ, гдѣ раздробленіе дворянскихъ имѣній шло быстрѣе—новый классъ отдѣльныхъ зажиточныхъ крестьянъ, стремившихся подняться надъ своими односельчанами. Въ деревняхъ появились деревенскіе буржуа, крестьяне побогаче; и именно они, передъ революціей, стали первые протестовать противъ феодальныхъ платежей и требовать ихъ уничтоженія. Именно они, въ теченіе четырехъ или пяти лѣтъ революціи, упорно требовали, чтобы отмена феодальныхъ правъ произведена была *безъ выкупа*, посредствомъ конфискаціи дворянскихъ земель и ихъ раздробленія; и они же, въ 1793 году, ожесточеннѣе всѣхъ нападали на разныхъ „бывшихъ“ (*ci-devant*), бывшихъ дворянъ, бывшихъ помещиковъ.

Въ рассматриваемое время, наканунѣ революціи,—именно благодаря имъ—крестьянамъ, занимавшимъ видное положеніе въ деревнѣ,—надежда стала проникать въ села, и стала назрѣвать бунтовской духъ.

Слѣды этого пробужденія очень ясны: начиная съ 1786 года, возстанія учащаются все болѣе и болѣе. И нужно сказать, что если отчаяніе и нищета толкали народъ къ бунту, то надежда на улучшеніе вела его къ революціи.

Какъ и всѣ революціи, революція 1789 года совершилась, благодаря надеждѣ достигнуть тѣхъ или иныхъ крупныхъ результатовъ.

Безъ этого не бываетъ революціи.

V.

Бунтовской духъ.—Возстаніе.

Новое царствование почти всегда начинается какъ имп-ни-будь реформами. Такъ же началось и царствование Людовика XVI. Черезъ два мѣсяца послѣ своего восшествія на престолъ король призвалъ въ министерство писателя экономиста Тюрго, а мѣсяць спустя назначилъ его главнымъ контролёромъ финансовъ. Вначалѣ онъ даже защищалъ его противъ той рѣзкой враждебности, которую Тюрго — политико-экономъ, буржуа, бережливый правитель и врагъ тунеядствующей аристократіи—долженъ былъ неминуемо встрѣтить при Дворѣ.

Провозглашеніе свободы хлѣбной торговли въ сентябрѣ 1774 года ¹⁾, отмѣна барщины въ 1776 году и уничтоженіе въ городахъ старыхъ корпорацій и цеховыхъ старшинъ, служившихъ только къ поддержанію своего рода промышленной аристократіи—все эти мѣры неизбежно должны были возбудить въ народѣ нѣкоторую надежду на реформы. Видя, какъ падаютъ внутреннія таможи, воздвигнутыя по всей Франціи помѣщиками и мѣшавшія свободному обращенію хлѣба, соли и другихъ предметовъ первой необходимости, бѣдняки радовались этому началу уничтоженія возмутительныхъ привилегій дворянства. Болѣе зажиточные крестьяне радовались также отмѣнѣ круговой поруки въ уплатѣ податей. Наконецъ въ 1779 году были

¹⁾ До этого времени фермеръ не могъ продавать свой хлѣбъ раньше, чѣмъ по прошествіи трехъ мѣсяцевъ послѣ его уборки. Продавать въ эту пору имѣлъ право только помѣщикъ, въ силу феодальной привилегіи, дававшей ему возможность продавать хлѣбъ по болѣе высокой цѣнѣ. Во многихъ мѣстахъ существовали также внутреннія заставы, воздвигнутыя крупными помѣщиками, на которыхъ взималась пошлина при ввозѣ или вывозѣ хлѣба.

уничтожены право „мортвой руки“ ¹⁾ и личная крѣпостная зависимость въ помѣстьяхъ короля; а въ слѣдующемъ году рѣшено было отмѣнить пытку, все еще практиковавшуюся до того времени въ уголовныхъ дѣлахъ, въ самыхъ ужасныхъ формахъ, установленныхъ указомъ 1670 года ²⁾.

Вмѣстѣ съ тѣмъ стали говорить и о представительномъ правленіи — такомъ, какое ввели у себя англичане послѣ своей революціи. Къ нему давно стремились многіе писатели-философы, и Тюрго даже выработалъ съ этой цѣлью планъ провинціальныхъ земскихъ собраній, за которыми должно было послѣдовать введеніе представительнаго правленія во всей Франціи и созывъ парламента изъ выборныхъ отъ имущихъ классовъ. Людовикъ XVI испугался, однако, этого проекта и далъ отставку Тюрго; но тогда вся просвѣщенная Франція заговорила о конституціи и народномъ представительствѣ ³⁾.

Уклониться отъ вопроса о конституціи теперь было уже невозможно, и съ назначеніемъ, въ 1777 году, министромъ Неккера онъ снова выступилъ на очередь. Неккеръ, умѣв-

¹⁾ Право помѣщика на личный достатокъ крестьянина.

²⁾ Декларация 24 августа 1780 года. Колесованіе, впрочемъ, поддерживалось и существовало еще въ 1785 году. Несмотря на „вольтеріанство“ того времени и на общее смягченіе правовъ, парламенты (такъ назывались областные суды, на которыхъ лежала также, какъ на русскомъ Сенатѣ, обязанность опубликованія королевскихъ указовъ) оставались ярыми защитниками пытки, которая была окончательно уничтожена только Национальнымъ Собраніемъ. Слѣдуетъ отмѣтить (см. E. Seligman, „La Justice en France pendant la Révolution“, стр. 97), что Бриссо, Марать и Робеспьеръ содѣйствовали своими писаніями этой реформѣ уголовного кодекса.

³⁾ Любопытно отмѣтить доводы, на которыхъ основывался Людовикъ XVI. Я резюмирую ихъ по труду E. Semichon'a „Les réformes sous Louis XVI: Assemblées provinciales et parlements“ (Парижъ, 1876, стр. 57). Проекты Тюрго казались Людовику XVI опасными, и онъ писалъ: „Будучи созданиемъ человека съ хорошими намѣреніями, его конституція можетъ перевернуть весь современный порядокъ“. И дальше: „Система избранія на основаніи ценза создаетъ недовольныхъ среди неимѣющихъ собственности, а если позволить собираться симъ послѣднимъ, то этимъ будетъ посягнъ безпорядокъ“. „Переходъ отъ существующаго режима къ тому, который предлагаетъ г. Тюрго, заслуживаетъ вниманія; то, что есть, ясно видно: но то, что еще не существуетъ, можно только представлять себѣ въ воображеніи; не слѣдуетъ пускаться въ опасныя предпріятія, цѣль которыхъ не совсемъ видна“. См. въ приложеніи къ книгѣ Semichon'a очень интересный списокъ главныхъ законовъ, издаваемыхъ при Людовику XVI между 1774 и 1789 годами.

пій угадывать мнѣнія своего господина и старавшійся примирить его самодержавныя стремленія съ финансовыми необходимостями, попробовалъ было лавировать. Онъ предложилъ сначала созывъ провинціальныхъ земскихъ собраний, говоря о возможности народного представительства, какъ о вопросѣ отдаленнаго будущаго. Но онъ встрѣтилъ со стороны Людовика XVI рѣшительный отказъ. „Не прекрасно ли будетъ, — писалъ хитрый финансистъ, — если Ваше Величество, сдѣлавшись посредникомъ между Вашими высшими сословіями и народомъ, будетъ проявлять свою власть только для указанія границъ между строгостью и справедливостью,“ — на что Людовикъ XVI отвѣтилъ: *Въ природѣ моей власти быть не посредникомъ, а главою*. Эти слова не мѣшаетъ запомнить, въ виду чувствительныхъ фразъ, которыя въ послѣднее время истории изъ реакціоннаго лагеря стали преподносить своимъ читателямъ. Людовикъ XVI вовсе не былъ тѣмъ безразличнымъ, безобиднымъ, добродушнымъ человѣкомъ, занятымъ только охотой, какимъ хотятъ его изобразить. *Въ теченіе пятнадцати лѣтъ*, вплоть до 1789 года, онъ сумѣлъ противодействовать настоятельно чувствовавшейся потребности въ новыхъ политическихъ формахъ, которыя замѣнили бы королевское своеволие и положили бы конецъ возмутительнымъ злоупотребленіямъ стараго порядка.

Главнымъ оружіемъ Людовика XVI была хитрость; онъ уступалъ только подъ вліяніемъ страха, и сопротивлялся — все тѣмъ же оружіемъ: хитростью и лицемеріемъ — не только вплоть до 1789 года, но и до самой послѣдней минуты: вплоть до подножія эшафота. Во всякомъ случаѣ, въ 1778 году, когда болѣе или менѣе дальновиднымъ людямъ, какъ Тюрго и Неккеру, уже было ясно, что королевское самовластіе отжило свой вѣкъ, и что пришло время замѣнить его какою-нибудь формою народного представительства, Людовика XVI удалось подвинуть только на незначительныя уступки. Онъ созвалъ провинціальныя собранія въ Берри и въ Верхней Гюьеннѣ (въ 1778 и 1779 годахъ); но, въ виду сопротивленія привилегированныхъ классовъ, планъ распространенія этихъ собраний на другія провинціи былъ оставленъ, и въ 1781 году Неккеръ получилъ отставку.

Между тѣмъ революція въ Америкѣ сильно способствовала пробужденію умовъ и распространенію духа свободы и республиканскаго демократизма. 4 іюля 1776 года, съ-

веро-американскія англійскія колоніи провозгласили свою независимость, а въ 1778 году новые „Соединенные Штаты“ были признаны Франціею, что вызвало войну съ Англіею, длившуюся до 1783 года. Всѣ историки говорятъ о впечатлѣніи, произведенномъ этою войною на умы. Возстаніе англійскихъ колоній и образованіе ими Соединенныхъ Штатовъ, дѣйствительно, имѣли вліяніе на Францію и сильно содѣйствовали пробужденію революціоннаго духа. Извѣстно также, что Декларации Правъ, выработанныя въ молодыхъ американскихъ Штатахъ, оказали глубокое вліяніе на французскихъ революціонеровъ. Можно, пожалуй, указать и на то, что американская война, въ которой Франціи пришлось создать цѣлый флотъ, чтобы противопоставить его англійскому, окончательно разорила финансы стараго режима и ускорила его крушеніе. Но, съ другой стороны, несомнѣнно и то, что эта война положила начало цѣлому ряду ожесточенныхъ войнъ Англіи противъ Франціи, а также и коалицій, направленной ею впослѣдствіи противъ республики. Какъ только Англія оправилась отъ своихъ поражений и почувствовала, что Франція ослаблена внутреннею борьбою, она повела противъ нея, всѣми способами, явными и тайными, рядъ войнъ, начавшихся ожесточенною войною 1793 года и продолжавшихся вплоть до 1815 года.

Всѣ эти причины Великой революціи необходимо указать, потому что, какъ всякое событіе крупной важности, она явилась послѣдствіемъ цѣлаго ряда причинъ, сошедшихся въ извѣстный моментъ и создавшихъ тѣхъ людей, которые, въ свою очередь, усилили дѣйствіе этихъ причинъ. Но нужно напомнить также и то, что несмотря на всѣ подготовлявшія революцію причины, несмотря на весь умъ буржуазіи и ея желаніе власти, осторожные буржуа еще долго продолжали бы ждать, если бы народъ не ускорилъ ходъ событій. Народные бунты, возросшіе въ силѣ и численности и неожиданно принявшія крупные размѣры, внесли новый элементъ и придали буржуазіи недостававшую ей наступательную силу.

Бунты начались съ самаго вступленія на престолъ Людовика XVI. Во все время царствованія Людовика XV народъ терпѣлъ нищету и угнетеніе; но какъ только, въ 1774 году, король умеръ, народъ, отлично понимая, что при всякой перемѣнѣ хозяина во дворцѣ, власть ослабѣваетъ,

началъ возставать. Между 1775 и 1777 годами вспыхнулъ цѣлый рядъ бунтовъ.

Это были голодные бунты. Урожай 1774 года былъ плохъ, хлѣба не хватало. Тогда, въ апрѣлѣ 1775 года, начались бунты. Въ Дижонѣ народъ завладѣлъ домами скушниковъ-хлѣботорговцевъ, разгромилъ ихъ мебель, разломалъ ихъ мельницы. Тогда-то комендантъ города—одинъ изъ тѣхъ изящныхъ, утонченныхъ господъ, о которыхъ говорить съ такимъ восхищеніемъ Тэнъ—и произнесъ въ обращеніи къ народу роковыя слова, которыя потомъ столько разъ повторялись во время революціи противъ дворянъ: „Трава уже выросла—ступайте, ѣшьте ее!“

Оксеръ, Аміенъ, Лиль послѣдовали примѣру Дижона. Черезъ нѣсколько дней „разбойники“—такъ называется большинство историковъ голодныхъ бунтовщиковъ,—собравшись въ Понтуазѣ, въ Пуасси, въ Сень-Жерменѣ съ намѣреніемъ разграбить склады муки, направились въ Версаль. Людовику XVI пришлось выйти на балконъ дворца, говорить съ народомъ и обѣщать, что цѣна на хлѣбъ будетъ понижена на два су (около 4 коп.),—чему Тюрго, какъ истинный „экономистъ“, конечно, воспротивился. Цѣна на хлѣбъ не была понижена. Въ то же время „разбойники“ вошли въ Парижъ, разграбили булочные и роздали толпѣ хлѣбъ, который успѣли захватить. Войска разсѣяли ихъ. Двое бунтовщиковъ были повѣшены на площади Грэвы и, умирая, они кричали, что умираютъ за народъ.

Съ этого времени создается легенда о „разбойникахъ“, странствующихъ по Франціи,—легенда, которая сыграла такую важную роль лѣтомъ 1789 года, когда она послужила городской буржуазіи предлогомъ, чтобы вооружиться. Съ этого же времени въ Версаль начинаютъ расклеивать прокламаціи, направленные противъ короля и его министровъ, и угрожающія, если цѣна на хлѣбъ останется та же, казнить короля на другой день послѣ коронаціи или уничтожить всю королевскую семью. Съ этого же времени въ провинціи начинаютъ распространяться подложные правительственные указы. Въ одномъ изъ нихъ говорилось, что Совѣтъ назначилъ таксу на зерновой хлѣбъ.

Эти бунты были, правда, подавлены, но они оставили глубокий слѣдъ. Началась ожесточенная борьба между партіями. Брошюры сыпались отовсюду; въ однихъ обвиняли министровъ, въ другихъ говорилось о заговорѣ принцевъ

противъ короля, въ третьихъ нападали на королевскую власть. Словомъ, при общемъ возбужденномъ состояніи умовъ, народный бунтъ явился искрой, упавшей на порохъ. Заговорили объ уступкахъ народу, о чемъ раньше никогда не думали: открыты были общественныя работы; уничтоженъ былъ налогъ на помолье — что послужило народу, въ окрестностяхъ Руана, поводомъ къ разнымъ слухамъ: говорили, что всѣ помѣщичьи права уничтожены, и крестьяне стали отказываться (въ іюль) отъ платежа повинностей. Однимъ словомъ, недовольные, видимо, не теряли времени и пользовались всякимъ случаемъ, чтобы расширить народные возстанія.

Разсказать въ послѣдовательности обо всѣхъ народныхъ бунтахъ въ царствованіе Людовика XVI невозможно: для этого нѣтъ достаточныхъ матеріаловъ. Историки мало занимаются этимъ вопросомъ, архивы не использованы, и только случайно приходится встрѣчать указанія на то, что въ томъ или другомъ мѣстѣ были „безпорядки“. Въ Парижѣ, напримѣръ, они происходили послѣ уничтоженія цеховыхъ судовъ въ 1776 году; въ томъ же году по всей Франціи были довольно серьезныя бунты, вызванныя слухами объ отменѣ барщины и подушной подати, платившейся помѣщику. Нѣкоторыя печатныя данныя, которыя мнѣ пришлось изучать, указываютъ, однако, на то, что въ промежуткахъ между 1777 и 1783 годами число бунтовъ нѣсколько уменьшилось; возможно, что на это повліяла до нѣкоторой степени американская война, а также лучшіе урожаи.

Съ 1782 и 1783 года бунты, однако, возобновляются и идутъ, все усиливаясь, до самой революціи. Въ 1782 году было возстаніе въ Пуатье; въ 1786 — въ Визилѣ; отъ 1783 до 1787 — въ Севеннахъ, въ Биварэ и въ Жеводанѣ. Недовольные, которыхъ называли „маскаратами“ (*mascarats*), врывались въ суды, къ нотаріусамъ и прокурорамъ и жгли всѣ акты и контракты, чтобы отомстить такъ-называемымъ *praticiens* (мелкимъ адвокатамъ), сѣявшимъ раздоры между крестьянами и возбуждавшимъ всевозможные процессы. Трое вожаковъ было повѣшено, остальные отправлены въ каторжные работы; но безпорядки возобновились при первомъ же случаѣ, а именно, при закрытіи парламентовъ¹⁾. Въ 1786 году возсталъ Лионъ (*Chassin, Génie de la*

¹⁾ C. de Vic и J. de Vaissète, „Histoire générale du Languedoc“: продолженіе составилъ Du Mège; 10 томовъ, 1840—1846.

Révolution). Ткачи, обрабатывавшіе шелкъ, забастовали; имъ обѣщали повышение заработной платы — и тѣмъ временемъ вызвали войска; произошло столкновение, и троихъ зачинщиковъ повѣсили. Съ этого времени, Лионъ становится очагомъ возстаній, и когда въ 1789 году были назначены выборы, выборщиками избраны были тѣ самые, которые принимали участіе въ бунтѣ 1786 года.

Иногда возстанія принимали религіозный характеръ; иногда они являлись въ видѣ сопротивленій при наборѣ солдатъ (всякій наборъ милиціи, говорилъ Тюрго, сопровождается бунтомъ): иногда народъ, возставалъ противъ налога на соль, или же отказывался платить десятину. Такъ или иначе, бунты происходили постоянно, и многочисленнѣе всего они были на востокѣ, юго-востокѣ и сѣверо-востоку Франціи — будущихъ очагахъ революціи. Они разрослись все больше и больше и, наконецъ, въ 1788 году, послѣ роспуска судебныхъ учреждений, называвшихся въ то время парламентами, и назначенія, въ замѣну ихъ, другихъ судовъ (*cours plénières*), возстанія охватили почти всю Францію.

Для народа, конечно, не было большой разницы между парламентомъ и „*cour plénière*“. Если парламенты иногда и отказывались зарегистрировать какой-нибудь королевскій указъ, или министерское распоряженіе, то они, съ другой стороны, не проявляли никакого вниманія къ народнымъ нуждамъ. Но парламенты сопротивлялись Двору — и этого было достаточно. Когда посланные буржуазіи и парламентовъ просили у народа поддержки, народъ охотно начинать волноваться, чтобы выразить свой протестъ противъ Двора и богачей.

Въ іюнь 1787 года парижскій Парламентъ приобрѣлъ себѣ популярность тѣмъ, что отказалъ Двору въ деньгахъ. Законъ требовалъ, чтобы королевскіе указы заносились въ парламентскіе реестры для обнародованія, и парижскій парламентъ охотно исполнилъ это по отношенію къ нѣкоторымъ изъ нихъ: о хлѣбной торговлѣ, о созывѣ провинціальныхъ собраний и о барщинѣ. Но онъ отказался отъ регистраціи указа, вводившаго новые налоги: новую „земельную субсидію“ и новый штемпельный сборъ. Тогда король созвалъ особое королевское засѣданіе, называвшееся *lit de justice*, и заставилъ зарегистрировать свои указы. Парламентъ выразилъ протестъ, и тѣмъ завоевалъ себѣ сим-

патіи и буржуазіи, и народа. Во время каждаго засѣданія парижскаго парламента около зданія суда собиралась цѣлая толпа; иисцы разныхъ судебныхъ мѣстъ, любопытные и люди изъ народа толкались у дверей и устраивали оваціи членамъ парламента. Чтобы положить этому конецъ, король сослалъ парламентъ въ Труа; но тогда въ Парижѣ начались всеобщія демонстраціи, и народная ненависть была направлена — уже тогда, — главнымъ образомъ, противъ принцевъ (въ особенности противъ герцога Артуа) и противъ королевы, получившей прозвище *L'oisiveuse* Де-фигитъ.

Парижская Палата денежныхъ сборовъ, поддерживаемая народными волненіями, а также и всѣ провинціальныя парламенты и суды, выразили протестъ противъ ссылки парижскаго парламента, и такъ какъ волненія все усиливались, то королю пришлось, 9 сентября, вернуть обратно сосланный парламентъ, при чемъ это, конечно, подало поводъ къ новымъ демонстраціямъ въ Парижѣ, во время которыхъ жгли чучело, изображавшее министра Калонна.

Эти волненія происходили преимущественно среди мелкой буржуазіи. Но въ другихъ мѣстахъ они принимали и болѣе народный характеръ.

Въ 1788 году, возстаніе вспыхнуло въ Бретани. Когда комендантъ города Ренна и интендантъ (губернаторъ) этой провинціи явились въ зданіе суда, чтобы объявить парламенту Бретани приказъ о его упраздненіи, весь городъ поднялся. Толпа осыпала оскорбленіями и даже помяла коменданта и губернатора. Дѣло въ томъ, что народъ ненавидѣлъ интенданта, Бертрана де Мольвиля, а буржуазія, пользуясь этимъ, распространяла слухъ, что все это — дѣло его рукъ. „Это чудовище слѣдуетъ задушить“, говорили въ одномъ изъ листовъ, распространявшихся въ толпѣ. Когда Мольвиль вышелъ изъ суда, въ него стали бросать камнями и нѣсколько разъ пытались набросить на него веревку съ затяжной петлей. Были вызваны войска, и сраженіе готово было уже начаться, но молодежь дезорганизовала войска: одинъ изъ офицеровъ бросилъ свою шпагу и присоединился къ народу.

Мало-по-малу подобныя волненія распространились и на другіе города Бретани; затѣмъ крестьяне поднялись въ свою очередь во время погрузки хлѣба въ Кемперъ, Сенъ-Бріе, Морла, Поръ-л'Аббэ, Ламбалъ и проч. Интересно отмѣтить

дѣятельную роль, которую играли въ этихъ безпорядкахъ реннскіе студенты, присоединившіеся къ возстанію¹⁾.

Въ Дофинэ, въ особенности въ Греноблѣ, движеніе приняло еще болѣе серьезный характеръ. Какъ только комендантъ, Клермонъ-Тонэръ, опубликовалъ указъ о распусcenіи парламента, населеніе Гренобля поднялось. Забили въ набатъ; звуки его скоро донеслись до сосѣднихъ деревень, и крестьяне сбѣжались въ городъ. Произошло кровопролитное столкновеніе, было много убитыхъ. Стража, охранявшая коменданта, оказалась безсильной; его дворецъ былъ разгромленъ. Самъ Клермонъ-Тонэръ, подъ угрозою поднятаго надъ его головою топора, долженъ былъ отмѣнить королевскій указъ.

Здѣсь дѣйствовалъ народъ, особенно женщины. Что касается членовъ парламента, то народу было трудно даже разыскать ихъ. Они спрятались и писали въ Парижъ, что возстаніе произошло противъ ихъ воли. Когда народъ напелъ ихъ, ему пришлось держать ихъ, какъ плѣнниковъ, потому что ихъ присутствіе придавало возстанію видъ законности. Плѣнныхъ членовъ парламента сторожили женщины: онѣ боялись довѣрить это дѣло мужчинамъ, изъ опасенія, чтобы тѣ ихъ не выпустили.

Гренобльская буржуазія, очевидно, испугалась этого народнаго возстанія; ночью же она организовала свою милицію, которая завладѣла городскими воротами и военными постами и потомъ передала ихъ въ руки войска. Противъ возставшихъ были выставлены пушки, а члены парламента воспользовались темнотою, чтобы убѣжать. Отъ 9 до 14 іюня реакція торжествовала; но 14-го узнали, что въ Безансонѣ произошло возстаніе, и что швейцарцы отказались тамъ стрѣлять въ народъ, и это вновь подняло духъ; заговорили даже о созывѣ Провинціальныхъ Штатовъ. Но изъ Парижа были присланы новыя войска, и волненіе мало-по-малу утихло. Тѣмъ не менѣе броженіе, поддерживаемое въ особенности женщинами, продолжалось еще нѣкоторое время (см. *Vic et Vaissette*, т. X, стр. 637).

Помимо этихъ двухъ возстаній, о которыхъ упоминаютъ всѣ историки, было въ то же время еще много другихъ:

¹⁾ См. Du Châtelier, „Histoire de la Révolution dans les départements de l'ancienne Bretagne“, 6 томовъ, 1836, т. II, стр. 60—70, 161 и слѣд.

въ Провансѣ, въ Лангедокѣ, въ Руссильонѣ, въ Беарнѣ, въ Фландріи, въ Франшъ-Контѣ и въ Бургундіи. Тамъ, гдѣ не было настоящихъ возстаній, общимъ возбужденіемъ все-таки пользовались, чтобы поддерживать волненія и устраивать демонстраціи.

Въ Парижѣ праздновали многочисленными демонстраціями отставку архіепископа Санса, бывшаго до того министромъ. Для охраны Новаго моста (Pont Neuf) была выставлена военная сила, и произошло нѣсколько столкновеній между войскомъ и народомъ, вожаками котораго, замѣчаетъ Вертранъ де Мольвилъ въ своихъ Запискахъ (стр. 136), „были тѣ самые люди, которые въслѣдствіи принимали участіе во всѣхъ народныхъ движеніяхъ во время революціи“. Интересно письмо Маріи Антуанеты къ графу Мерси, отъ 24 августа 1788 года, въ которомъ она говоритъ о своихъ опасеніяхъ, сообщаетъ объ отставкѣ архіепископа Санса и рассказываетъ, что она хлопочетъ о томъ, чтобы вернули Неккера. Изъ этого письма ясно видно, какое впечатлѣніе производили на Дворъ уличныя сборища. Королева предвидитъ, что возвращеніе Неккера „ослабитъ королевскую власть“; она боится „какъ бы не пришлось назначить премьеръ-министра“, но „время не терпитъ“. Нужно непременно, чтобы Неккеръ согласился¹⁾.

Три недѣли спустя, при извѣстіи объ отставкѣ Ламуаньона, начались новыя сборища. Толпа бросилась поджигать дома двухъ министровъ — Ламуаньона и Бриенна, — а также и домъ Дюбуа. Были призваны войска, и на улицахъ Мале и Гриннель произошло „страшное избіеніе этихъ несчастныхъ, которые даже не защищались“. Дюбуа бѣжалъ изъ Парижа. Иначе, „народъ устроилъ бы свой самосудъ“, говорятъ „Два друга свободы“.

Позднѣе, въ октябрѣ 1788 года, когда сосланный въ Труа парламентъ былъ возвращенъ, „клерки и чернь“ устраи-

¹⁾ J. Feuillet de Conches, „Lettres de Louis XVI, Marie-Antoinette et Madame Elisabeth“, Парижъ, 1861 г., т. I, стр. 214—216. „Вчера вечеромъ, — пишетъ королева, — аббатъ написалъ вамъ и сообщилъ о моемъ желаніи. Больше чѣмъ когда-нибудь я думаю, что время не терпитъ, и что необходимо, чтобы онъ (Неккеръ) согласился. Король вполне со мной согласенъ, онъ только что принесъ мнѣ бумагу, написанную его рукою, съ изложеніемъ его мнѣній, копию съ которой я вамъ посылаю“. На другой день она пишетъ опять: „Колебаться больше нечего. Если онъ можетъ приняться за дѣла завтра же, тѣмъ лучше. Дѣло очень спѣшное... Я боюсь, чтобы не пришлось назначить премьеръ-министра“, т. е. составить министерство.

вали, нѣсколько вечеровъ подъ рядъ, иллюминаціи на площади Дофинъ. Они выпрашивали у прохожихъ денегъ на фейерверки, заставляли господъ выходить изъ своихъ экипажей, и кланяться статуѣ Генриха IV, жгли куклы, изображавшія любимцевъ Двора, — Калонна, Бретейля, герцогиню Полиньякъ. Собирались также жечь изображение королевы. Мало-по-малу эти сборища распространились и на другіе кварталы, и чтобы разогнать ихъ вызваны были войска. Произошло кровопролитіе, и на площади Грэвы было много убитыхъ и раненыхъ; но такъ какъ арестованныхъ судили члены Парламента, то они отдѣлались легко.

Вотъ какъ возбуждался и распространялся революціонный духъ наканунѣ революціи¹⁾. Починъ шелъ отъ буржуазіи, особенно отъ мелкой; но, вообще говоря, буржуа старались не компрометироваться, и очень немногіе изъ нихъ рѣшались, до созыва Генеральныхъ Штатовъ, болѣе или мѣнѣе открыто сопротивляться Двору. Если бы не было ничего другого, кромѣ рѣдкихъ случаевъ ихъ протеста, Франція еще много лѣтъ ждала бы низверженія королевскаго самоволія. Къ счастью, многія причины толкали народныя массы на возстанія; и, несмотря на то, что за каждымъ бунтомъ слѣдовали висѣлицы, массовые аресты и даже пытки арестованныхъ, народъ, доведенный до отчаянія нищетой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, движимый тою смутною надеждою, о которой говорила старуха Артуру Юнгу, всё-таки возставалъ. Онъ поднимался противъ интендантовъ провинцій, противъ сборщиковъ податей, противъ сборщиковъ соляного налога, даже противъ самого войска, и, такимъ образомъ, разстраивалъ правительственный механизмъ.

Начиная съ 1788 года, крестьянскіе бунты стали такимъ общимъ явленіемъ, и подати такъ плохо поступали въ казну, что на государственные расходы не хватало средствъ. Когда Людовикъ XVI, въ теченіе четырнадцати лѣтъ отказывавшійся собрать представителей народа, изъ опасенія, что отъ этого пострадаетъ его королевская власть, оказался вынужденнымъ созвать сначала Собраніе Нотаблей (почтенныхъ людей) и наконецъ, — Генеральные Штаты.

¹⁾ Для болѣе подробныхъ свѣдѣній см. Félix Roquain, „L' Esprit révolutionnaire avant la Révolution“. Парижъ, 1878.

Необходимость созыва генеральных Штатовъ.

Для всякаго, кто зналъ положеніе Франціи, было ясно, что безотвѣтственное управленіе Дворомъ болѣе не можетъ продолжаться. Нищета въ деревняхъ все росла и росла, и съ каждымъ годомъ становилось труднѣе собирать подати и, кромѣ того, заставлятъ крестьянина платить еще повинности помѣщику и отбывать всевозможные виды барщины по приказу провинціальной администраціи. Одни налоги поглощали больше половины, а иногда и больше двухъ-третей того, что крестьянинъ могъ заработать въ продолженіе года. Нищенство, съ одной стороны, и бунтъ—съ другой, становились обычнымъ явленіемъ въ деревняхъ. Да и не только крестьяне протѣстовали и возставали теперь. Буржуазія тоже громко выражала недовольство. Правда, она пользовалась разореніемъ крестьянъ, чтобы вовлекать ихъ въ промышленность, пользовалась и деморализаціей въ администраціи, и безпорядкомъ въ финансовыхъ дѣлахъ, чтобы завладѣвать всевозможными монополіями и обогащаться на государственныхъ займахъ. Однако, долго это не могло продержаться. Въ теченіе нѣкотораго времени буржуазія можетъ отлично уживаться съ королевскимъ самовластіемъ и правленіемъ Двора. Но приходитъ моментъ, когда она начинаетъ бояться за свои монополіи, за деньги, данныя ею въ займы государству, за пріобрѣтенную земельную собственность, за свои промышленныя предпріятія, — и тогда она начинаетъ смотрѣть снисходительно на народные бунты, или даже поощряетъ ихъ, съ цѣлью сломить правленіе Двора и водворить свою собственную политическую власть. Это очень ясно видно въ первые тринадцать или четырнадцать лѣтъ царствованія Людовика XVI, отъ 1774 до 1788 года.

Необходимость полной перемѣны во всемъ политическомъ строѣ Франціи бросалась въ глаза: но Людовикъ XVI и

весь Дворъ противились этому; и противились такъ долго, что тѣ скромныя реформы, которыя были бы очень хорошо приняты въ началѣ царствованія, или даже въ 1783 и 1785 годахъ, оказались, къ тому времени, когда король рѣшился дать ихъ, далеко отставшими отъ развитія народной мысли. Въ то время, какъ въ 1775 году смѣшанный режимъ правленія аристократіи съ народнымъ представительствомъ вполне удовлетворилъ бы буржуазію, двѣнадцатью или тринадцатью годами позже, въ 1787 и 1788 годахъ, король столкнулся съ общественнымъ мнѣніемъ, которое больше слышать не хотѣло о полумѣрахъ и уже требовало представительнаго правленія со всѣмъ вытекающимъ изъ него ограниченіемъ королевской власти.

Мы уже видѣли, какъ Людовикъ XVI отвергъ скромныя проекты Тюрго. Его возмущала самая мысль объ ограниченіи королевской власти. Вотъ почему реформы Тюрго—уничтоженіе барщины, отмена учрежденія цеховыхъ старостъ и робкая попытка заставить привилегированные классы—дворянство и духовенство—платить кое-какіе налоги, не дали ничего существеннаго. Въ государствѣ все связано, а въ старомъ режимѣ все разрушалось.

Неккеръ, назначенный министромъ вскорѣ послѣ отставки Тюрго, былъ скорѣе финансистомъ, чѣмъ государственнымъ человѣкомъ; у него и умъ былъ ограниченный, умъ финансиста, улавливающей скорѣе мелкую сторону общественныхъ дѣлъ, чѣмъ ихъ крупныя государственныя стороны. Среди финансовыхъ операций и займовъ онъ былъ у себя дома, но стоить только прочесть его книгу „*Pouvoir exécutif*“ („Исполнительная власть“), чтобы увидать, какъ плохо его умъ, привыкшій разсуждать о *теоріяхъ* государства, разбирался въ борьбѣ человѣческихъ страстей и въ потребностяхъ общества въ данный моментъ: какъ мало способенъ былъ онъ понять громадную политическую, экономическую, религіозную и социальную задачу, стоявшую въ 1789 году передъ Франціей¹⁾.

1) „*Du pouvoir exécutif dans les grands Etats*“, 2 тома, 1792. Основная мысль этого труда—та, что если въ 1792 году Франція переживаетъ революціонный кризисъ, то причина этого въ томъ, что Національное Собраніе не дало въ руки короля сильной исполнительной власти. „Все бы пошло своимъ порядкомъ, болѣе или менее хорошо, если бы позаботились о томъ, чтобы установить у насъ спасительную руководящую власть“, пишетъ Неккеръ въ своемъ

Неккеръ, поэтому, никогда не могъ обходиться съ Тюдовиномъ XVI такъ рѣшительно, опредѣленно, строго и смѣло, какъ того требовало положеніе. Онъ робко говорилъ ему о представительномъ правленіи и ограничился такими реформами, которыя не могли ни вывести Францію изъ затруднительнаго положенія, ни удовлетворить кого бы то ни было, а только показывали всѣмъ необходимость коренныхъ преобразованій.

Провинціальнымъ земскимъ собраніямъ, которыхъ Неккеръ созвалъ восемнадцать, въ придачу къ созваннымъ ранѣе Тюрго, и за которыми послѣдовали собранія окружныхъ и приходскія, — пришлось обсуждать самыя сложные вопросы и обнаружить страшныя язвы неограниченной королевской власти. А такъ какъ пренія объ этихъ предметахъ скоро становились извѣстными и доходили даже до деревень, то они, очевидно, еще болѣе расшатывали старый порядокъ. Такимъ образомъ, провинціальныя собранія, которыя въ 1776 году могли бы служить прообразомъ, въ 1788 уже явились пособниками революціи. Точно такъ же и знаменитый „Отчетъ о состояніи финансовъ“, опубликованный Неккеромъ въ 1781 году, за нѣсколько мѣсяцевъ до его выхода въ отставку, былъ громовымъ ударомъ для королевской власти. Какъ это обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, Неккеръ помогъ такимъ образомъ націю уже расшатаннаго строя, но онъ былъ не въ силахъ предотвратить переходъ этого паденія стараго строя въ революцію. По всей вѣроятности: онъ едва ли даже предвидѣлъ ея приближеніе.

За первой отставкой Неккера послѣдовалъ, съ 1781 до 1787 года, періодъ полнаго финансоваго разгрома. Положеніе финансовъ стало такъ плохо, что долги государства, провинцій, министерствъ и даже самого королевскаго двора

предисловіи, и объясняетъ затѣмъ, въ двухъ томахъ, какія огромныя права слѣдовало предоставить королю. — Правда, въ книгѣ „Sur la législation et le commerce des grains“, вышедшей въ 1776 году, онъ развивалъ — въ противоположность системѣ свободы хлѣбной торговли, защищаемой Тюрго, нѣкоторыя мысли, указывающія на его сочувствіе бѣднымъ классамъ населенія: онъ требовалъ, напримѣръ, чтобы государство вмѣшалось и установило таку на хлѣбъ, въ интересахъ бѣдныхъ; но этимъ и ограничивался его правительственный „соціализмъ“. Самое главное было для него — сильное государство, пользующійся уваженіемъ, тронъ, окруженный для этого высокими чиновниками, и могущественная исполнительная власть.

роси ужасающимъ образомъ. Государство каждую минуту могло обанкротиться, а этого ни за что не хотѣла теперь буржуазія, заинтересованная въ качествѣ залогодавцевъ. Народъ такъ обѣднѣлъ, что не могъ уже больше платить налоговъ: онъ и не платилъ ихъ, и возставалъ. Что же касается духовенства и дворянства, то они рѣшительно отказывались пожертвовать чѣмъ бы то ни было изъ своихъ привилегій ради пользы государства. При такихъ условіяхъ, крестьянскія возстанія быстро приближали революцію. И вотъ, посреди всѣхъ этихъ затрудненій, министръ Калоннъ созвалъ въ Версалѣ, 22 февраля 1787 года, Собраніе нотаблей („лучшихъ“ людей).

Созывъ Собранія нотаблей былъ, какъ разъ, то самое, чего Неккеру не слѣдовало дѣлать въ данный моментъ, такъ какъ эта полумѣра, съ одной стороны, неизбежно вела къ созыву Національнаго Законодательнаго Собранія, а съ другой — вызывала недовѣріе къ Двору и ненависть противъ привилегированныхъ сословій — дворянства и духовенства. Черезъ нотаблей стало извѣстнымъ, что государственныя долги достигли цифры въ тысячу-шестьсотъ-сорокъ-шесть милліоновъ ливровъ, — сумма для того времени громадная. И что ежегодный дефицитъ дошелъ до ста-сорока милліоновъ¹⁾. И это — въ такой разоренной странѣ, какой была тогда Франція!

Все это стало извѣстнымъ; объ этомъ заговорили: а когда всѣ уже говорили объ этомъ, тогда нотабли, избранные изъ высшихъ классовъ общества и представлявшіе собою, въ сущности, министерское собраніе, разошлись 25 мая, ровно ничего не сдѣлавши, ровно ничего не рѣшивши. Въ время ихъ засѣданій на мѣсто Калонна назначили министромъ Ломени де Бріенна, архіепископа города Сана; но онъ своими интригами и „мѣрами строгости“ только возстановилъ противъ себя парламенты, а потомъ вызвалъ повсюду бунты тѣмъ, что захотѣлъ распустить парламенты, и еще больше возбудилъ общественное мнѣніе противъ Двора. Когда онъ былъ отставленъ (25 августа), по всей Франціи устроили празднества. Но онъ такъ наглядно доказалъ невозможность самовластнаго режима, что Двору уже не осталось ничего другого, какъ подчиниться. И вотъ, 8 августа 1788 года, Людовикъ XVI былъ вынужденъ, наконецъ, со-

¹⁾ Ливръ былъ тогда около франка.

звать Генеральные Штаты. Ихъ открытіе было назначено на 1 мая 1789 года.

Но даже и тутъ Дворъ и Неккеръ, снова призванны въ 1788 году въ министерство, устроили такъ, что усилили вообще недовольство. Общественное мнѣніе во Франціи требовало, чтобы въ Генеральныхъ Штатахъ, гдѣ три существующія сословія имѣли, каждое, свое отдѣльное представительство, третьему сословію было предоставлено двойное число мѣстъ, и чтобы голосованія происходили по числу депутатовъ, а не по сословіямъ. Въ этомъ направленіи высказались уже провинціальныя Собранія (т.-е. провинціальныя Земства). Но Людовикъ XVI и Неккеръ воспротивились этому и даже созвали (6 ноября 1788) второе Собраніе нотаблей, которые—они надѣялись—отвергнуть и двойное представительство Третьяго Сословія, и поголовное голосованіе. Нотабли такъ и поступили, но и это ничему не помогло. Благодаря провинціальнымъ Собраніямъ, общественное мнѣніе было уже такъ настроено въ пользу Третьяго Сословія, что Неккеръ и Дворъ были все-таки вынуждены уступить. Третье Сословіе получило двойное представительство, т. е. изъ тысячи депутатовъ оно имѣло право на столько же представителей, какъ духовенство и дворянство вмѣстѣ взятые.

Однимъ словомъ, Дворъ и Неккеръ сдѣлали все, что могло возстановить противъ нихъ общественное мнѣніе, ничего не выигравъ. Сопротивленіе Двора со стороны представителей народа было побѣждено, и 5 мая 1789 года Генеральные Штаты собрались, наконецъ, въ Версаль.

VII.

Крестьянское возстаніе въ первые мѣсяцы 1789 года.

Было бы совершенно ошибочно думать, что французскій народъ наканунѣ 1789 года состоялъ изъ героевъ. Кинэ былъ виолнѣ правъ, когда разрушилъ эту легенду. Конечно, если собрать и изложить на нѣсколькихъ страницахъ все примѣры, впрочемъ, очень немногочисленные, открытаго сопротивленія буржуазіи старому режиму—какъ, напримѣръ, протестъ Д'Опремениля.—то картина получится довольно внушительная. Но если посмотрѣть на Францію въ цѣломъ, то особенно поражаешь насъ именно *редкость серьезныхъ протестовъ, редкость проявленія личности*, даже, можно сказать, *раболовнѣ въ средѣ буржуазіи*.—„Никто ни въ чемъ не дасть о себѣ знать“, виолнѣ справедливо говорить Кинэ. „Человѣку нѣтъ даже случая самого себя познать“ (Quinet. „La Révolution“, изд. 1869 года. т. I, стр. 15). „Гдѣ были въ то время.—спрашиваетъ онъ.—Барнавъ, Тура, Сейеесъ, Верньо, Гуадо, Роланъ, Дантонъ, Робеспьеръ и многіе другіе, скоро ставшіе героями революціи?“

Въ провинціяхъ, въ городахъ, царило молчаніе, тишина. Для того, чтобы Третье Сословіе составило свои знаменитые указы, нужно было, чтобы центральная власть пригласила людей, велухъ высказать то, что они до тѣхъ поръ говорили потихоньку, промежъ себя. Да и то! Если мы находимъ въ нѣкоторыхъ указахъ смѣлыя слова протеста, зато въ большинствѣ ихъ сколько покорности, сколько робости, какая умѣренность требованій! Рядомъ съ правомъ ношенія оружія и нѣкоторыми судебными гарантіями противъ произвольныхъ арестовъ, указы Третьяго Сословія требуютъ, главнымъ образомъ, немножко больше свободы въ дѣлахъ городского самоуправленія¹⁾. И только позднѣе, когда децү-

¹⁾ Въ числѣ требованій, которыя больше всего возбудили впоследствии негодованіе собственниковъ, нужно отмѣтить слѣдующія: Ліонъ, Тура, Парижъ и Шалонъ требуютъ таксы на хлѣбъ и на мясо,

тагы Третьяго Сословія почувствовали, что ихъ поддержи-
ваетъ народъ Парижа, и когда начали слышаться раскаты
крестьянскаго возстанія, ихъ поведеніе по отношенію къ
двору стало болѣе смѣлымъ.

Къ счастью, начиная съ движеній, вызванныхъ роспус-
комъ парламентовъ, лѣтомъ и осенью 1788 года народъ не
пересталъ бунтовать повсюду; волны поднимались все выше
и выше, вплоть до большого крестьянскаго возстанія въ
іюль и августъ 1789 года.

Мы уже говорили о томъ, что положеніе крестьянъ и
городскаго населенія было таково, что одного неурожая до-
статочно было, чтобы вызвать страшное повышеніе цѣнъ на
хлѣбъ въ городахъ и голодъ въ деревнѣ. Крестьяне не были
крѣпостными: крѣпостное право давно уже было уничто-
жено во Франціи, по крайней мѣрѣ, во владѣніяхъ частныхъ
лицъ. А съ тѣхъ поръ, какъ Людовикъ XVI отменилъ его
и въ своихъ помѣстьяхъ (въ 1779 году), во Франціи оста-
лось очень мало крѣпостныхъ. Въ Юрѣ, напримѣръ, было
не болѣе 80.000 человекъ, подчиненныхъ праву „мертвой
руки“, а во всей странѣ — самое большее около полутора
милліона, а, можетъ-быть, и меньше милліона; да и эти за-
висимые крестьяне не были въ точномъ смыслѣ слова крѣ-
постными. Большинство французскихъ крестьянъ давно уже
перестало быть крѣпостными. Но они все еще продолжали
платить, деньгами и своимъ трудомъ (отчасти барщиной),
за свое личное освобожденіе. Эти повинности были крайне
тягостны и разнообразны, но онѣ не были произвольными:
онѣ считались выкупомъ за право владѣнія землею — общи-
наго, или частнаго, или же аренднаго; на каждой землѣ
лежали свои многочисленныя и разнообразныя повинности,
тщательно занесенныя въ земельныя записи, или „уставныя
грамоты“ (terriers).

устанавливаемой на основаніи среднихъ цѣнъ. Ренъ требуетъ, чтобы
„заработная плата устанавливалась періодически, соответственно
нуждамъ поденнаго рабочаго“; и некоторые города хотятъ, чтобы
всѣмъ способнымъ къ работѣ бѣднякамъ была обезпечена работа.
Что же касается роялистовъ-конституціоналистовъ — очень много-
численныхъ въ то время — то, какъ видно изъ проекта „Общаго на-
каза“, разобраннаго Массеномъ („Les élections et les cahiers de
Paris en 1789, т. III, 1889, стр. 185), они хотѣли ограничить обсужде-
ніе въ Генеральныхъ Штатахъ исключительно вопросомъ финансовъ
и сокращенія дворцовыхъ расходовъ короля и принцевъ.

Кромѣ того, за помѣщикомъ оставалось право суда, и на многихъ земляхъ онъ или самъ быть судьей, или назначать судей; это издревле удержавшееся право давало ему возможность взимать со своихъ бывшихъ крѣпостныхъ всевозможные поборы¹⁾. Когда какая-нибудь старуха оставляла своей дочери въ наслѣдство одно или два орѣховыхъ дерева и какія-нибудь старыя лохмотья (напр. „мою черную ватную юбку“ — мнѣ случалось встрѣчать такія наслѣдства), то „благородный и великодушный сеньёръ“ или „благородная и великодушная дама“ изъ замка взимали съ этого наслѣдства извѣстный налогъ. Крестыянннъ точно такъ же платилъ за свадьбу, за крестины, за похороны, платилъ за всякую совершонную имъ покупку или продажу. Даже его право продавать свой хлѣбъ или свое вино было ограничено: онъ не могъ продавать своей жатвы раньше помѣщика. Наконецъ, сохранились еще со времени крѣпостного права всевозможныя платежи за пользованіе принадлежавшими помѣщику мельницей, сельскою печью для печенья хлѣба, прессомъ для выжиманія винограднаго сока, печью для стирки, нѣкоторыми дорогами, извѣстными бродами и т. д., а также полагались всякія „приношенія“, орѣхами, грибами, полотномъ, тальками, считавшіяся въ прежнія времена подарками по случаю „счастливаго вступленія во владѣніе“ или „счастливаго прѣзда“.

Что касается обязательныхъ барщинныхъ работъ, то онѣ были разнообразны до безконечности: работа на помѣщичьихъ поляхъ, въ паркѣ, въ садахъ, разныя работы ради удовлетворенія помѣщичьихъ капризовъ, и т. д. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ существовало даже обязательство хлопотать ночью палками по водѣ въ прудѣ, чтобы лягушки не мѣшали спать барину.

¹⁾ Въ прекрасной брошюрѣ, подъ заглавіемъ: „Les Pléaux de l'agriculture, ouvrage pour servir à l'appui des cahiers des Doléances des Campagnes“ Бичи земледѣлія, трудъ предназначенный для того, чтобы поддержать жалобы деревень, изданной нѣкимъ Д. (Долневъ?) 10 апрѣля 1789 года, мы находимъ слѣдующее перечисленіе причинъ, мѣшающихъ развитію земледѣлія: громадныя налоги: десятина „обычная“ и „необычная“, все растущая въ размѣрахъ; вредъ, наносимый дичью вълѣдствіе злоупотребленій правомъ охоты; наконецъ, придирки и злоупотребленія помѣщичьяго правосудія. Мы читаемъ тамъ, что „благодаря судамъ, связаннымъ съ помѣстьями, помѣщики сдѣлались деспотами, которые держатъ жителей деревень въ цѣняхъ рабства“ (стр. 95).

Лично крестьянинъ былъ свободенъ; но вся эта сѣть платежей и взысканій, мало-по-малу сплетенная за долги вѣка крѣпостного права хитростью помѣщиковъ и ихъ управляющихъ, продолжала опутывать крестьянское населеніе.

Въ довершеніе являлось государство съ своими налогами (подушныя, „двадцатые“) и все растущими натуральными повинностями. — Подобно помѣщикамъ и ихъ управляющимъ, государство и его чиновники тоже все время изощрялись въ выдумываніи предлоговъ для обложенія крестьянъ новыми формами поборовъ.

Правда, со времени реформъ Тюрго крестьяне перестали платить нѣкоторыя феодальныя повинности, а нѣкоторые губернаторы провинцій даже отказывались прибѣгать къ силѣ при взысканіи тѣхъ платежей, которые они сами считали вредными злоупотребленіями. Но крупныя феодальныя повинности, связанныя съ землею, все еще платились нѣблизкомъ, и онѣ становились еще болѣе тягостными отъ непрерывнаго роста присоединившихся къ нимъ государственныхъ и провинціальныхъ налоговъ. Вотъ почему въ мрачныхъ картинахъ изъ крестьянской жизни, рисуемыхъ всеми историками революціи, нѣтъ ни слова преувеличенія.

Но точно такъ же не преувеличиваютъ и тѣ, кто говоритъ, что въ каждой деревнѣ было нѣсколько крестьянъ, достигшихъ извѣстнаго благосостоянія, и что они, въ особенности, стремились сбросить съ себя феодальныя обязательства и завоевать свободу личности. Оба типа, изображенные Оркманомъ-Шатріаномъ въ его *Исторіи одного крестьянина* (— гитъ сельскаго буржуа и гитъ крестьянина, подавленнаго чуждой. — вѣрны. Оба они существовали. Первый доставилъ Гретьему Сословію его политическую силу, а революціонныя банды, которыя еще зимою 1788 — 1789 года начали принуждать дворянъ отказываться отъ взысканія феодальныхъ повинностей, внесенныхъ въ земельныя записи, вербовались преимущественно среди деревенской бѣдности, которой жилиемъ служили землянки, а пищею — главнымъ образомъ каштаны, да подобранные послѣ помѣщицкой жатвы колосы.

То же самое можно сказать и о городахъ. Феодальное право существовало и въ городахъ. Бѣдные классы городского населенія точно такъ же изнывали подъ тяжестью феодальныхъ платежей, какъ и крестьяне. Право сеньера на

отправление правосудія удержалось во многихъ городахъ, и хижины городскихъ ремесленниковъ и чернорабочихъ точно такъ же платили налогъ барину, въ случаѣ продажи или наслѣдованія, какъ и крестьянскія избы. Нѣкоторые города даже платили извѣстную дань помѣщикамъ, духовнымъ и свѣтскимъ, какъ выкупъ изъ бывшего феодальнаго подчиненія. Кроме того, большинство ихъ платило еще *даръ благодарности* (*don gratuit*) королю, за сохраненіе нѣкоторой тѣни городской независимости, и всѣ эти платежи ложились своею тяжестью на бѣдные классы. Если прибавить къ этому тяжелые королевскіе налоги, провинціальныя платежи и натуральныя повинности, затѣмъ налоги на соль и т. п., также произволъ чиновниковъ, большіе расходы при веденіи дѣлъ въ судахъ и невозможность для непривилегированнаго добиться у суда справедливости противъ дворянина или даже богатаго буржуа; и если представить себѣ все угнетеніе, всѣ оскорбленія и обиды, которымъ подвергался ремесленникъ, то мы сможемъ составить себѣ понятіе о положеніи бѣдныхъ классовъ городского населенія наканунѣ 1789 года.

Изъ этихъ бѣдныхъ классовъ и исходило революціонное движеніе городовъ и деревень, которое дало Третьему Состоянію смѣлость сопротивляться въ Генеральныхъ Штатахъ королю и объявить себя Учредительнымъ Собраніемъ.

Засуха погубила урожай 1788 года, и зима стояла очень суровая. Бывали, конечно, и раньше почти такіе же суровыя зимы и такіе же плохіе урожаи; бывали и народные бунты. Почти каждый годъ въ какой-нибудь мѣстности Франціи бывалъ недородъ, и нерѣдко онъ захватывалъ цѣлую четверть или треть страны. Но на этотъ разъ явилась *недежда*, пробужденная всѣми предшествовавшими событіями: провинціальными собраніями, созывомъ нотаблей, возстаніями въ городахъ по поводу парламентовъ, — возстаніями, которыя (мы видѣли это, по крайней мѣрѣ, на примѣрѣ Бретани) распространялись и по деревнямъ. И вотъ, бунты 1789 года приняли въ силу этого широкіе и угрожающіе размѣры.

Профессоръ Карбевъ, специально изучавшій послѣдствія Великой революціи для французскихъ крестьянъ, говорилъ мнѣ (въ 1878 году), что въ Національномъ Архивѣ имѣются особыя связки документовъ, касающихся крестьянскихъ возстаній, предшествовавшихъ взятію Басти-

лія¹⁾. Ихъ слѣдовало бы изучить: но я никогда не имѣлъ возможности работать во французскихъ архивахъ. Впрочемъ, изъ изученія провинціальныхъ исторій того времени²⁾, я пришелъ, уже въ моихъ прежнихъ работахъ³⁾, къ заключенію, что, начиная съ января 1789 года и даже съ декабря 1788 года, въ деревняхъ происходило очень много возстаній. Во многихъ провинціяхъ неурожаемъ создавалось ужасное положеніе, и повсюду населеніе охватывалъ мало привычный до того времени революціонный духъ. Къ веснѣ бунты стали учащаться въ Пуату, Бретани, Турени, Орлеанѣ, Нормандіи, Иль-де-Франсѣ, Пикардіи, Шампани, Эльзасѣ, Бургундіи, Нивернѣ, Оверни, Лангедокѣ и Провансѣ.

Характеръ этихъ бунтовъ былъ почти вездѣ одинъ и тотъ же. Вооруженные вилами, косами, дубинами, крестьяне сбѣгались въ городъ, и тамъ заставляли землевладельцевъ и фермеровъ, привезшихъ на рынокъ хлѣбъ, продавать его по извѣстной „честной“ цѣнѣ (например 3 ливра за четверикъ, boisseau); или же брали хлѣбъ у хлѣбныхъ торговцевъ и „дѣлили его между собою по уменьшеннымъ цѣнамъ“, съ обещаніемъ заплатить послѣ слѣдующаго урожая; въ деревняхъ же иногда заставляли помещика отказаться на двухмѣсячный срокъ отъ взиманія пошлины за муку, или вынуждали городскія управленія назначить таксу на хлѣбъ, а иногда „повысить на четыре су плату за рабочій день“. Тамъ, гдѣ голодъ свирѣпствовалъ всего сильнѣе (например въ Тьерри), рабочіе шли изъ городовъ снимать хлѣбъ въ деревняхъ. Часто взламывали хлѣбные амбары религіозныхъ общинъ, торговцевъ-скупщиковъ, или частныхъ лицъ, и муку отдавали булочникамъ. Кромѣ того,

1) Геперъ извѣстно, что Тэнъ, якобы изучившій доклады интендантовъ относительно этихъ возстаній, только бѣгло просмотрѣлъ, какъ показалъ Оларъ, 26 такихъ докладовъ изъ 1770. Но и эти доклады дали ему очень цѣнные данныя, такъ какъ Тэнъ, вѣроятно пользуясь содѣйствіемъ архиваріуса, использовалъ доклады именно изъ тѣхъ провинцій, гдѣ преимущественно происходили возстанія.

2) Исторія Юры, Соммы; исторія Лангедока, Вика и Вессетта; исторія города Кастра, Комба; исторія Бретани, Дю-Шателъ; исторія Франшъ-Конте, Клерка; исторія Оверни, Дюлора; исторія Берри, Рейналя; исторія Лимузена, Леймари; исторія Эльзаса, Штробеля и т. д.

3) „La Grande Révolution“, брошюра, изданная въ Парижѣ въ 1890 году; The Great French Revolution and its Lessons, статья по случаю годовщины Революціи въ англійскомъ журналѣ „Nineteenth Century“, июль 1889 года; статьи о революціи въ газетѣ „La Révolte“.

именно въ то же время стали собираться шайки, состоявшія изъ крестьянъ, дровосѣковъ, а иногда и контрабандистовъ, которые ходили по деревнямъ, захватывали хлѣбъ, и мало-по-малу онѣ начали жечь земельныя записи (terriers) и принуждать помещиковъ отказываться отъ своихъ феодальныхъ правъ. Эти банды дали буржуазіи, въ іюль 1789 года, предлогъ вооружить свою городскую милицію.

Начиная съ января, въ этихъ бунтахъ слышится уже крикъ: *Да здравствуетъ свобода!* и съ января же, а еще прежде рѣшительно съ марта, крестьяне начинаютъ тамъ и тамъ отказываться отъ уплаты десятины и феодальныхъ повинностей и даже налоговъ. Кромѣ тѣхъ трехъ провинцій — Бретани, Эльзаса и Дофинэ, — на которыя указываетъ Тэнъ, слѣды этихъ движеній можно найти почти по всей восточной части Франціи.

На югѣ, въ Агдѣ, во время бунта 19, 20 и 21 апрѣля „народъ“, какъ писали потомъ мэръ и консулы (городское управленіе), „безумно вообразилъ себѣ, что онъ — все, и что онъ все можетъ, въ виду того, что король якобы желаетъ уравненія состояній“. Народъ грозилъ совершенно разграбить городъ, если не будетъ понижена цѣна на всѣ продукты, и не будутъ уничтожены провинціальныя пошлины на вино, рыбу и мясо: кромѣ того — и въ этомъ уже видѣтъ коммуналистическій, т.-е. общинный, здравый смыслъ народныхъ массъ во Франціи — „они хотятъ назначать консуловъ изъ состава своего класса“. Этимъ требованіямъ возставшаго народа дано было удовлетвореніе. Черезъ три дня народъ потребовалъ, чтобы налогъ на помолъ былъ уменьшенъ на половину, и въ этомъ ему также должны были уступить¹⁾.

Въ этомъ возстаніи повторялось то, что происходило въ сотнѣ другихъ. Первымъ поводомъ для движенія являлся вопросъ о хлѣбѣ. Но скоро къ нему присоединялся рядъ требованій изъ такой области, гдѣ экономическія условія и политическая организація соприкасаются, — области, въ которой народное движеніе идетъ всегда наиболѣе увѣреннымъ шагомъ и достигаетъ непосредственныхъ результатовъ.

Въ Провансѣ, все въ томъ же мартѣ и апрѣлѣ 1789 года, больше сорока мѣстечекъ и городовъ, въ томъ числѣ Оксѣ, Марсель и Тулонъ, отменили налогъ на муку: повсюду

¹⁾ Тэнъ, II, 22, 23.

толпа громила дома чиновниковъ, на обязанности которыхъ было собирать налоги на муку, кожи, мясо и т. д. Цѣны на жизненные припасы были понижены, и на все продукты была назначена такса; когда же господа буржуа запротестовали, толпа стала бросать въ нихъ камнями; иногда начинали на ихъ глазахъ рыть могилу, чтобы похоронить ихъ, и даже приносили заранее гробъ, для вѣчнаго утѣшенія упорствующихъ, которые, конечно, сдѣлали уступку. Все это происходило тогда (въ апрѣлѣ 1789 года) безъ всякаго кровопролитія. Это—„родъ войны, объявленной собственникамъ и имуществамъ“, говорится въ докладахъ депутатовъ и городскихъ властей; „народъ продолжаетъ заявлять, что не хочетъ ничего платить: ни налоговъ, ни повинностей, ни долговъ¹⁾).

Съ этого времени т.-е. съ апрѣля, крестьяне начали также грабить замки и помѣщичьи усадьбы, и принуждали помѣщиковъ отказываться отъ своихъ правъ. Въ Понье помѣшникъ заставили „подписать актъ, въ которомъ онъ отказывался отъ взиманія всякихъ помѣщичьихъ платежей“ (письмо въ Архивахъ); въ Рiezъ требовали, чтобы епископъ сжегъ архивы. Въ Iерѣ (Nîmes) и другихъ мѣстахъ сжигали старые бумаги, въ которыхъ были записаны феодальныя повинности и налоги. Однимъ словомъ, уже съ апрѣля мы видимъ въ Провансѣ начало того большого крестьянскаго возстанія, которое заставило дворянство и духовенство сдѣлать цѣль уступки 4 августа 1789 года.

Легко понять, какое вліяніе эти бунты и броженія имѣли на выборы въ Національное Собраніе. Шассенъ²⁾ рассказываетъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дворянство имѣло большое вліяніе на выборы, и что тамъ крестьянскіе выборщики не посмѣли ни на что жаловаться. Въ другихъ же мѣстахъ, наиримѣръ, въ Реннѣ, дворянство воспользовалось засѣданіемъ бретонскихъ Генеральныхъ Штатовъ (въ декабрѣ 1788 и январѣ 1789 года), чтобы попытаться поднять голодающій народъ противъ буржуа. Но что могли сдѣлать эти предсмертныя конвульсіи дворянства противъ надвигающейся народной волны? Народъ видѣлъ, что въ рукахъ дворянства и духовенства больше половины земель

¹⁾ Письма, находящіеся во французскихъ Національныхъ Архивахъ, II. 1453, цитированныя Тэнномъ, т. II, стр. 24.

²⁾ Chassin, „Génie de la Revolution“.

остаются невоздѣланными, и понимаютъ лучше, чѣмъ если бы ему доказали это статистики, что до тѣхъ поръ, пока крестьяне не завладѣютъ этими землями и не пачнутъ ихъ обрабатывать сами, голодъ всегда будетъ свирѣпствовать по-прежнему.

Самая невозможность дальнѣйшаго существованія заставляла крестьянъ возставать противъ скушниковъ. Въ продолженіе зимы 1788—89 года, говоритъ Шассенъ, не проходило дня въ Юрѣ, чтобы не были гдѣ-нибудь ограблены обитатели хлѣбомъ (стр. 162). Высшія власти очень хотѣли бы „строгихъ мѣръ“ противъ народа, но суды отказывались осуждать и даже судить голодныхъ бунтовщиковъ. Офицеры отказывались стрѣлять въ народъ. Дворянство сѣмью открытъ свои амбары, *изъ боязни поджоговъ* (въ началѣ апрѣля 1789 года). Повсюду, говоритъ Шассенъ, на сѣверѣ и на югѣ, на западѣ и на востокѣ, вспыхивали подобныя возстанія.

Выборы внесли большое оживленіе въ деревни и возбуждали много надеждъ. Вліяніе помещика чувствовалось, правда, повсемѣстно; но какъ только въ деревнѣ оказывался какой-нибудь буржуа, врачъ или адвокатъ, читавшій Вольтера, или хотя бы брошюру Сейеса; какъ только находился какой-нибудь ткачъ или каменщикъ, умѣвшій читать и писать, хотя бы только печатными буквами, — картина мѣнялась, и крестьяне сѣмью занести на бумагу свои *жалобы*. Правда, эти жалобы ограничивались болѣею частью восторженными предметами, но почти повсюду проглядываетъ такъ это было и въ нѣмецкомъ крестьянскомъ возстаніи (1825 года) требованіе, чтобы помещики *доказали свои права* и феодальныя привилегіи.

Представивъ свои наказы, крестьяне стали терпѣливѣе ждать. Но медлительность Генеральныхъ Штатовъ и Национальнаго Собранія возмущала ихъ, и какъ только кончилась ужасная зима 1788—89 года, какъ только выглянуло солнце, а съ нимъ явилась и надежда на будущій урожай, бунты возобновились, особенно по окончаніи весеннихъ полевыхъ работъ.

Интеллигентная буржуазія, конечно, воспользовалась выгодами для распространенія революціонныхъ идей. Былъ образованъ „Конституціонный Клубъ“, отдѣленія котораго создались во всѣхъ, даже самыхъ маленькихъ, городахъ. Равнодушіе къ общественнымъ дѣламъ, поражавшее Артура

Юна, продолжало, конечно, существовать; но, тѣмъ не менѣе, во многихъ мѣстностяхъ буржуазія вполнѣ использовала избирательную агитацію. Можно даже видѣть, какъ событія въ Национальномъ Собраніи, разыгравшіяся въ іюлѣ въ Версалѣ, подготовлялись за нѣсколько мѣсяцевъ въ провинціи. Такъ, въ Дофинѣ сліяніе трехъ сословій и голосованіе по числу депутатовъ было принято, еще въ августѣ 1788 года. Провинціальными Штатами, подъ давленіемъ мѣстныхъ возстаній.

Ошибочно было бы думать, однако, что буржуа, выдвинувшіеся во время выборовъ, были въ какой бы то ни было мѣрѣ революціонно настроены. Это были люди умѣренные. Люди „мирнаго протеста“, какъ говоритъ Шассенъ. О революціонныхъ способахъ дѣйствія говоритъ больше народъ: такъ, среди крестьянъ образуются тайныя общества, и по деревнямъ ходятъ незнакомцы, призывающіе крестьянъ не платить податей и сдѣлать такъ, чтобы ихъ платили дворяне. А то вдругъ распространяется слухъ, что дворяне уже согласились платить всѣ налоги, но что это, съ ихъ стороны, не болѣе какъ хитрость. „Женевскій народъ освободился въ одинъ день... Бойтесь, дворяне!“ гласитъ прокламация. Тайно распространяются брошюры, въ которыхъ обращаются къ крестьянамъ, напримѣръ: „Къ свѣдѣнію деревенскихъ жителей“ („Avis aux habitants des campagnes“). Новомъ броженіе въ деревняхъ было такъ сильно, говоритъ Шассенъ (несомнѣнно, лучше чѣмъ кто-либо изучавшій эту сторону Революціи), что если бы даже 14 іюля Парижъ былъ побѣжденъ, то невозможно было бы вернуть деревни къ тому состоянію, въ какомъ они были въ январѣ 1789 года. Для этого пришлось бы завоевывать каждую деревню въ отдѣльности. Уже съ марта нигдѣ не платили больше повинностей (стр. 167 и слѣд.).

Легко понять значеніе этого глубокаго броженія въ деревняхъ. Если образованная буржуазія пользовалась для политической агитаціи столкновеніями между Дворомъ и парламентами, если она дѣятельно сѣяла недовольство, то крестьянскою основою Революціи все время оставалось крестьянское возстаніе, захватившее и города. Именно оно дало депутатамъ Третьяго Сословія рѣшимость — которую и скоро проявили въ Версалѣ — преобразовать весь государственный строй Франціи и положить начало глубокимъ реформамъ въ распредѣленіи богатствъ.

Безъ крестьянскаго возстанія, начавшагося зимою, усилившагося лѣтомъ 1789 года и продолжавшагося вплоть до 1793 года, никогда королевскій деспотизмъ не былъ бы свергнутъ вполне, и никогда за его сверженіемъ не послѣдовало бы такихъ глубокихъ политическихъ, экономическихъ и социалистическихъ переменъ, какія произошли во Франціи. Франція получила бы парламентъ—какъ получила свой нѣточный парламентъ Пруссія въ 1848 году—но это нововведеніе не имѣло бы характера революціи: оно осталось бы такимъ же поверхностнымъ, какимъ было въ нѣмецкихъ государствахъ послѣ 1848 года.

VIII.

Бунты въ Парижѣ и его окрестностяхъ.

Понятно, что при такихъ условіяхъ Парижъ не могъ оставаться спокойнымъ. Голодь сирѣдствовала въ окрестностяхъ столицы, какъ и повсюду: въ самомъ Парижѣ, какъ и въ другихъ большихъ городахъ, не хватало припасовъ: а нацывъ бѣдниковъ, ищущихъ работы, все усиливало, особенно въ предвидѣніи крупныхъ событій, приближеніе которыхъ чувствовалось всѣми.

Въ концѣ зимы (въ мартъ и апрѣль) мы находимъ въ документахъ интендантовъ упоминаніе о голодныхъ бунтахъ и о захватахъ хлѣбнаго зерна въ цѣломъ рядѣ городовъ: въ Орлеанѣ, въ Конѣ (Cosnes), въ Рамбульѣ, въ Жуйи (Jouy), въ Понъ-Сентъ-Максансѣ, въ Брѣ-па-Сентъ, въ Сансѣ, въ Нанжи, въ Вирофлѣ, въ Монлери, и т. д. Въ другихъ мѣстностяхъ той же области, въ лѣсахъ вокругъ Парижа, крестьяне начали въ мартѣ уничтожать зайцевъ и кроликовъ: даже лѣса, принадлежавшіе аббатству Сентъ-Дени, и тѣ рубились, и срубленные деревья увозились на глазахъ у всѣхъ.

Парижъ жадно набрасывался на революціонныя брошюры, которыхъ каждый день выходило по десяти, по двѣнадцати и по двадцати, и онѣ быстро переходили изъ рукъ богатыхъ въ руки самаго бѣднаго населенія. Брошюра Сейеса, „Что такое Третье Состояніе?“, „Соображенія о нуждахъ Третьяго Состоянія“ Рабо де Сентъ-Этіенна, нѣсколько окраинная социализмомъ, „Права Генеральныхъ Штатовъ“ д'Антрэга и сотни другихъ, менѣе извѣстныхъ, но часто еще болѣе рѣзкихъ, читались нарасхватъ. Весь Парижъ страстно негодовалъ противъ Двора и дворянства, и именно въ бѣднѣйшихъ рабочихъ кварталахъ, въ самыхъ жалкихъ кабаккахъ городскихъ предмѣстій, буржуазія скоро начала вербовать руки и ноги, нужныя ей, чтобы нанести ударъ

народской власти. Пока же, 24 апрѣля, вспыхнуло движеніе, которое впоследствии получило названіе „Ревельонского дѣла“, и явилось какъ бы предвозвѣстникомъ знаменитыхъ революціонныхъ дней.

27 апрѣля былъ день созыва избирательныхъ собраній въ Парижѣ, и, повидимому, во время составленія наказовъ въ предмѣстьѣ Сентъ-Антуанъ, произошло какое-то столкновение между буржуа и рабочими. Рабочіе выставили свои жалобы, буржуа отвѣтили имъ грубостями. Особенно выдѣлился своею наглостью ибкто Ревельонъ, собственникъ бумажной и обойной фабрики, самъ когда-то бывший рабочимъ, но сумѣвшій, при помощи ловкой эксплуатаціи, стать хозяиномъ фабрики, на которой теперь работало до 300 рабочихъ. То, что онъ говорилъ, много разъ пришлось слышать впоследствии: „Для рабочаго достаточно чернаго хлѣба и чечевицы; бѣлый хлѣбъ—не для него“, и т. д.

Есть ли какая-нибудь доля истины въ сопоставленіи, которое дѣлали позднѣе богатые, во время слѣдствія по дѣлу Ревельона, когда они указывали на фактъ, засвидѣтельствованный чиновниками у заставъ, а именно, — что будто бы „громадная толпа“ бѣдняковъ, оборванцевъ и всякихъ мрачныхъ фигуръ явилась въ тѣ дни въ Парижѣ, — объ этомъ можно только строить предположенія, въ концѣ-концовъ, совершенно праздна. При томъ состояніи умовъ, какое было въ Парижѣ, и при гулѣ возстаній кругомъ столицы, поведение Ревельона по отношенію къ рабочимъ, само по себѣ, служить достаточнымъ объясненіемъ того, что произошло на другой день.

27 апрѣля народъ, раздраженный сопротивленіемъ и словами богатаго фабриканта, сталъ носить по улицамъ его чучело, чтобы судить его и сжечь на площади Грэвы. При чемъ на площади Палэ Рояля распространился слухъ, что Третье Сословіе присудило Ревельона къ смерти. Но съ наступленіемъ вечера толпа разсѣялась и только всю ночь паводила страхъ на богатыхъ своими криками. Наконецъ, на слѣдующее утро, 28-го, толпа явилась къ фабрикѣ Ревельона и принудила рабочихъ бросить работу; затѣмъ она взяла приступомъ самый домъ Ревельона и разграбила его. Явились войска, но народъ сопротивлялся, бросая изъ оконъ и съ крышъ что попало: камни, черепицы, мебель. Тогда войска стали стрѣлять, а народъ ожесточенно защищался въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Въ резуль-

татъ оказалось 12 убитыхъ и 80 раненыхъ солдатъ, а со стороны народа — 200 убитыхъ и 300 раненыхъ. Рабочіе завладѣли трупами своихъ убитыхъ братьевъ и понесли ихъ по улицамъ предмѣстья.

Нѣсколько дней спустя, въ Вильжюифъ собралась толпа, человекъ въ 500 или 600, и пыталась взломать ворота Бисетрской тюрьмы.

Такъ началось первое столкновеніе между парижскимъ народомъ и богатыми, и оно произвело сильное впечатлѣніе. Это было первое появленіе на улицѣ народа, доведеннаго до ожесточенія; и призракъ ожесточенной толпы глубоко повліялъ на выборы, удаливъ отъ нихъ реакціонные элементы.

Нечего и говорить, что господа буржуа попытались выставить этотъ бунтъ дѣломъ враговъ Франціи. — „Развѣ могъ добрый парижскій народъ возстать противъ фабриканта?“ — „Они подкуплены были англійскими деньгами“, говорили одни. — „Не даромъ на нѣкоторыхъ изъ убитыхъ оказались деньги!“ — „Деньги принцевъ“, говорили революціонеры изъ буржуазіи. И никто не хотѣлъ понять, что народъ взбунтовался просто потому, что онъ страдалъ, и что ему надобно терять высокомеріе богатыхъ, оскорбляющихъ даже самыя его страданія!¹⁾

Такимъ образомъ, тогда уже начала складываться мало-по-малу легенда, которая впоследствии пыталась свести всю Революцію къ ея парламентской дѣятельности, а всѣ народныя возстанія первыхъ четырехъ годовъ Революціи представляла *случайными* явленіями: дѣломъ разбойниковъ, или же агентовъ, находившихся на жалованьи у англійскаго министра Питта, или у реакціи. Впоследствии эту легенду стали повторять и историки. — „Такъ какъ этотъ бунтъ могъ быть использованъ Дворомъ, какъ предлогъ, чтобы отложить открытіе Генеральныхъ Штатовъ, следовательно, онъ могъ быть только дѣломъ реакціи“. Сколько разъ сталкивались мы съ подобными же разсужденіями и въ наши дни!

Въ дѣйствительности, дни 24—28 апрѣля—предвѣстники дней 8—14 іюля. Съ этого времени парижскій народъ про-

¹⁾ Реакціонный историкъ, Дрозъ (Droz, „Histoire du règne de Louis XVI“) вполне справедливо замѣтилъ, что деньги, найденныя на нѣкоторыхъ изъ убитыхъ, могли быть продуктомъ грабежа.

являетъ свой революціонный духъ, зарождающійся въ рабочихъ слояхъ предметій. Рядомъ съ садами Пале-Рояли, которые стали революціоннымъ клубомъ буржуазіи, вставали рабочія предметія—центры народнаго возстанія. Съ этого момента Парижъ становится очагомъ Революціи, и взоръ Генеральныхъ Штатовъ, имѣющихъ собраться въ Версаль, будетъ обращенъ съ надеждою къ Парижу. Въ немъ будутъ они искать той силы, которая поддержитъ ихъ и будетъ толкать ихъ впередъ, въ борьбѣ за выставленныя ими требованія, противъ козней Двора.

Генеральные Штаты.

4 мая 1789 года тысяча-двести народных представителей, собравшись въ Версаль, присутствовали въ церкви св. Людовика на молебнѣ по случаю открытія Генеральных Штатовъ, а на другой день король, въ присутствіи многочисленной публики, открылъ засѣданіе. И уже въ этомъ первомъ засѣданіи почувствовалась вся неизбежность революціи, которою должна была стать Революція.

Король, прежде всего, отнесся съ полнымъ недоверіемъ къ созваннымъ имъ народнымъ представителямъ. Онъ согласился, наконецъ, созвать ихъ; но онъ жаловался передъ тѣми же представителями на „безпокойство въ умахъ“ и на всеобщее броженіе,—точно это безпокойство было не что иное, какъ искусственное, а не было вызвано самимъ положеніемъ дѣла въ Франціи; точно это собраніе было не что иное, какъ бесполезное и произвольное нарушеніе королевскихъ правъ.

Поставленная въ теченіе долгаго времени въ невозможность провести какія бы то ни было реформы, Франція чувствовала теперь потребность въ полномъ пересмотрѣ всѣхъ своихъ учрежденій,—а король говорилъ лишь о несколькихъ легкихъ измѣненіяхъ въ системѣ финансовъ, изъ которыхъ достаточно будетъ небольшой экономіи въ расходахъ. Онъ хотѣлъ „согласія между сословіями“, въ то время какъ Провинціальныя Собранія уже подавали, своимъ самымъ существованіемъ отдѣльныхъ сословій, острое чувство въ умахъ, что оно—не болѣе какъ балластъ, какъ пережитокъ прошлаго. И тогда, какъ являлась необходимость общаго преобразованія, король опасался, главнымъ образомъ, „повожденій“! Въ его рѣчи уже намѣчалась, такимъ образомъ, борьба не на жизнь, а на смерть, которая скоро должна была завязаться между королевскимъ самовластіемъ и народнымъ представительствомъ.

Что касается до народных представителей, то существовавший уже среди них самих раскол служил преемником того глубокого раздвѣленія, которое произошло въ послѣдствіи черезъ всю Революцію: расколъ между тѣми, кто старался удержать свои привилегіи, и тѣми, кто стремился ихъ уничтожить.

Наконецъ, здѣсь былъ замѣтенъ и основной недостатокъ національнаго представительства. Народъ совершенно не былъ представленъ въ немъ; крестьяне отсутствовали. Буржуазія бралась говорить отъ имени всего народа; а что касается до крестьянъ, то въ этомъ собраніи, составленномъ изъ юристовъ, законопиковъ, адвокатовъ, было всего, можетъ-быть, пять или шесть человекъ, знавшихъ истинное, или даже только правовое положеніе громадной массы крестьянства. Въ качествѣ горожанъ, они умѣли защищать интересы городскихъ жителей; но что касается крестьянъ, то они даже не знали, что имъ полезно и что имъ вредно.

Гражданская война уже ясно намѣчается въ этомъ первомъ засѣданіи, гдѣ король, окруженный дворянами, обращается къ Третьему Состоянію, какъ повелитель, и попрекаетъ его своими „благодѣяніями“. Истинныя желанія короля обнаружили въ своей рѣчи хранитель печати, Барантъ, настаивавшій, главнымъ образомъ, на томъ, какую роль должны ограничиться Генеральные Штаты. Они будутъ обсуждать палаты, которыя имъ предложатъ, они займутся пересмотромъ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, выработаютъ законъ о печати, которую необходимо обладать, въ виду вольностей, присвоенныхъ ею за послѣднее время. Вотъ и все. Не нужно опасныхъ реформъ. — „Справедливыя требованія удовлетворены; король не захотѣлъ обращать вниманія на слишкомъ нескромныя выраженія недовольства, и сообразовался отнесень къ нимъ сънисходительно: онъ простилъ даже выраженіе, въ которомъ высказывались крайніе взгляды, но въ прикрываемъ которыхъ стремился ввести опасныя дѣйствія, свѣдущія къ неизбѣжному приниженію монархіи. Да, господа, отсрочите съ извѣстнымъ или ограниченнымъ позволеніемъ“.

Вся борьба послѣдующихъ четырехъ дѣтъ заключается въ этихъ словахъ, и рѣчь Неккера, говорившаго послѣ короля и хранителя печати, — рѣчь, продолжавшаяся три часа, — несколько не подвинула впередъ ни существеннаго вопроса о представительномъ правленіи, занимавшемъ бур-

буржуазію, ни вопроса о землѣ и феодальныхъ повинностяхъ, интересовавшихъ крестьянъ. Хитрый контролёръ финансовъ сумѣлъ проговорить цѣлыхъ три часа такъ, чтобы не скомпрометировать себя ни въ глазахъ Двора, ни въ глазахъ народа.

Король, попрежнему вѣрный взглядамъ, высказаннымъ имъ еще Тюрго, совершенно не понималъ глубокой серьезности этой минуты. Онъ предоставлялъ королевѣ и принцамъ вести ихъ интриги, съ цѣлью помѣшать тѣмъ уступкамъ, которыхъ отъ него требовали. Но и Неккеръ также не понималъ, что дѣло шло не только о финансовомъ, но и о глубокомъ политическомъ и социальномъ кризисѣ, и что при такихъ условіяхъ политика лавирования между Дворомъ и Третьимъ Сословіемъ неизбежно окажется гибельной. Онъ не видѣлъ, что, если еще не поздно предотвратить Революцію, то нужно въ такомъ случаѣ выступить открытой политикой уступокъ въ вопросахъ управленія и поставить, хотя въ общихъ чертахъ, существенный вопросъ—вопросъ земельный, такъ какъ отъ него зависитъ процвѣтаніе или благосостояніе цѣлаго народа.

Что касается самихъ представителей, то ни оба интегрированныхъ сословія, ни Третье Сословіе также не понимали всей глубины стоявшей передъ Франціею задачи. Кирьяство мечтало вновь пріобрѣсти вліяніе на монарха; Ковенство заботилось исключительно о сохраненіи своихъ привилегій; а Третье Сословіе, хотя и понимало, что оно дѣлать для завоеванія буржуазіею политической власти, не замѣчало, однако, что на очередь поставленъ не другой, неизмѣримо болѣе важный вопросъ: вопросъ о передачѣ земли крестьянамъ, съ тѣмъ, чтобы, владѣя своею землею, освобожденною отъ тягостныхъ феодальныхъ вѣдѣній, они могли бы удвоить и утроить производительность Франціи, и, такимъ образомъ, положить конецъ хроническому голоду, убивавшему силы французскаго народа.

Какой же другой выходъ былъ возможенъ, при такихъ условіяхъ, какъ не столкновеніе и не борьба?—Народные бунты, крестьянское возстаніе и возстаніе рабочихъ и вообще бѣдноты въ городахъ—однимъ словомъ, Революція. со всею взаимною ненавистью партій, съ страшными столкновеніями интересовъ, съ ея актами мести и взаимнаго устраненія!

Въ теченіе пяти слѣдующихъ недѣль депутаты Третьяго Сословія пытались, путемъ переговоровъ, склонить депутатовъ двухъ другихъ сословій къ тому, чтобы засѣдали вмѣстѣ, — въ то время, какъ роялистскіе комитеты агитировали, чтобы удержать раздѣленіе между сословіями. Переговоры ни къ чему не приводили. Но тѣмъ временемъ поведеніе народа въ Парижѣ становилось все болѣе и болѣе угрожающимъ. Палэ-Рояль, превратившійся въ клубъ на открытомъ воздухѣ, куда всѣ имѣли доступъ, возбуждался все больше и больше. Брошюры сыпались изъ дня въ день, и ихъ читали нарасхватъ. „Каждый часъ появляется новая брошюра“, писалъ Артуръ Юнгъ; „сегодня ихъ вышло тринадцать, вчера шестнадцать, а на прошлой недѣлѣ девяносто-двѣ. Девятнадцать изъ двадцати говорятъ въ пользу свободы... Броженіе превосходитъ всякое воображеніе“. Ораторы обращаются съ рѣчами къ толпѣ, стоя на стульяхъ около кафе и уже говорятъ о томъ, чтобы захватить дворцы и замки. Слышатся уже угрозы террора, а въ Версалѣ у дверей Національнаго Собранія каждый день собираются толпы народа, чтобы выразить свое озлобленіе противъ аристократовъ.

Депутатовъ Третьяго Сословія поддерживаютъ. Мало-помалу они становятся смѣлѣе, и, наконецъ, 17 іюня они объявляютъ себя, по предложенію Сейеса, *Національнымъ Собраніемъ*. Это былъ первый шагъ къ упраздненію привилегированныхъ классовъ, и парижскій народъ приветствовалъ его шумными оваціями. Набираясь еще болѣе смѣлости, Собраніе постановило тогда, что существующіе налоги, какъ неустановленные закономъ, будутъ взиматься лишь временно, и только покуда засѣдаетъ Собраніе. Какъ только оно будетъ распущено, народъ не обязанъ болѣе платить налоги. Назначенъ продовольственный комитетъ для борьбы съ голодомъ. Послѣ чего Собраніе посѣщило успокоить капиталистовъ, торжественно признавъ и утвердивъ государственный долгъ. Актъ, очевидно, въ высшей степени благоразумный въ такой моментъ, когда главное было — просуществовать, и когда нужно было обезоружить такую силу, какъ займодавцы — капиталисты, которые стали бы весьма опасными, если бы они перешли на сторону Двора.

Но все это значило идти наперекоръ королевской власти. Поэтому принцы (герцогъ Артуа, герцогъ Кондэ и герцогъ Конти), въ сообществѣ съ хранителемъ печати, стали го-

ить государственній переворотъ. Въ намѣченный ими день король долженъ былъ торжественно явиться въ Собраніе, отменить всѣ его постановленія, предписать раздѣленіе сословій и самому указать нѣсколько реформъ, которыя должны будутъ провести сословія, засѣдая порознь.

Что же думалъ противопоставить этому перевороту, подготовлявшемуся Дворомъ, типичный представитель буржуазіи того времени, — Неккеръ? — Компромиссъ; ничего болѣе. Онъ тоже хотѣлъ, чтобы король, въ торжественномъ засѣданіи, заявилъ и утвердилъ свои права, свою личную власть, послѣ чего онъ даровалъ бы голосованіе по числу депутатовъ, безъ различія сословій, по всемъ вопросамъ о налогахъ. Во всемъ же томъ, что касалось привилегій дворянства и духовенства, долженъ былъ быть сохраненъ порядокъ засѣданій каждаго сословія порознь. Это было очевидно, еще менѣе осуществимо, чѣмъ проектъ принцевъ. Прибѣгать къ рискованному средству — перевороту, силою королевской власти — ради такой полумѣры, которая все равно не могла бы продержаться дольше двухъ недѣль, — было совершенно нелѣпо. И притомъ, — какъ же можно было провести реформы въ налогахъ, не затрогивая именно привилегій двухъ высшихъ сословій?

Тогда 20 іюля депутаты Третьяго Сословія, ободряемые все болѣе угрожающимъ поведеніемъ парижскаго и даже преальскаго населенія, рѣшили воспротивиться проектамъ роспуска Собранія, и для этого взаимно связать себя торжественною клятвою. Найдя свою залу закрытою, въ виду происходившихъ въ ней приготовленій къ королевскому засѣданію, они отправились процессіею въ первую попавшуюся частную залу — въ залу Jeu de Paume. Толпа народа сопровождала эту процессію, когда она, съ Байльи во главѣ, проходила по улицамъ Версаля. Солдаты-добровольцы предложили свои услуги для ея охраны. Энтузіазмъ окружавшей ихъ толпы увлекалъ депутатовъ.

Прійдя въ залу Jeu de Paume, взволнованные и потрясенные, они все, за исключеніемъ одного, въ благородномъ порывѣ торжественно присягнули, что не разойдутся до тѣхъ поръ, пока не выработаютъ конституцію для Франціи.

Правда, то были только слова. Въ этой присягѣ было даже нѣчто театральное. — Но бываютъ минуты, когда такія слова, заставляющія биться сердца людей, необходимы. А присяга, принесенная въ залѣ Jeu de Paume, дѣйстви-

тельно, заставила горячо биться сердца революціонной молодежи во Франціи. Горе тѣмъ собраніямъ, которые не сумѣютъ даже найти такихъ словъ, не сумѣютъ сдѣлать даже такого торжественнаго заявленія!

Послѣдствія этого смѣлаго акта не замедлили обнаружиться. Черезъ два дня, когда депутаты Третьяго Сословія находились въ церкви Св. Людовика, гдѣ имъ пришлось сѣсть за неизмѣнныя залы, туда явились представители духовенства и присоединились къ нимъ для совместной работы.

Королевское засѣданіе, на которомъ должны были вершиться великія дѣла, произошло на другой день, 23 іюня. Но его эффектъ уже зрѣнью былъ ослабленъ присягою Люи де Рашле и засѣданіемъ въ церкви Св. Людовика. Король явился къ депутатамъ. Онъ отбинулъ все постановленія Собранія, т.-е. собственно Третьяго Сословія. Своею властью сохранить раздѣленіе на сословія и ихъ засѣданія порознь: отъ опредѣлить предѣлы предстоящихъ реформъ и грозилъ Генеральнымъ Штатамъ роспускомъ, въ случаѣ неповиновенія. Пока же онъ повелѣлъ депутатамъ разойтись.

Дворянство и духовенство повиновались и оставили залы, но депутаты Третьяго Сословія остались на своихъ мѣстахъ. Тогда-то Мирабо произнесъ свою прекрасную и знаменитую рѣчь, въ которой онъ сказалъ депутатамъ, что король—не больше какъ ихъ уполномоченный, что источникъ ихъ власти—въ народѣ, и что, разъ они принесли присягу, они не имѣютъ права разойтись, не создавъ конституціи. „Находясь здѣсь по волѣ народа, они разойдутся, только уступая силѣ языка“.

Но ичегто силы у Двора уже не было. Еще въ февралѣ Неккеръ измѣнчиво говорилъ, что никто больше не повинуется, и что даже въ войскахъ нельзя быть увѣренными.

Что касается до парижскаго народа, то событія 27 апрѣля показали, каково было его настроеніе. Въ Парижѣ съ минуты на минуту ждали общаго возстанія *народа противъ божества*, и, несомнѣнно, нѣкоторые изъ смѣлыхъ революціонеровъ ходили въ темныя закоулки предместій, чтобы искать тамъ поддержки противъ Двора. Въ самомъ Версалѣ, наканунѣ королевскаго засѣданія, народъ чуть не убилъ одного изъ депутатовъ духовенства, аббата Мори (Mauru), а также депутата Третьяго Сословія д'Эрмения, пере-

шедшаго на сторону дворянства. Въ самый день засѣданія хранитель печати и архіепископъ парижскій были такъ „освистаны, опозорены, ослеваны и осмѣяны,—ниинетъ современникъ.—что можно было умереть отъ стыда и бѣшенства;“ а секретарь короля, Насеро, сопровождавшій министра, дѣйствительно „въ тотъ же день умеръ отъ поражения“. 24 іюня епископа города Бове чуть не убили въ Парижѣ камнемъ, брошеннымъ ему въ голову. 25 іюня толпа освистала депутатовъ дворянства и духовенства. Во дворцѣ архіепископа парижскаго были выбиты все окна. „Войска отказались бы стрѣлять въ народъ“, прямо говоритъ Артуръ Юнгъ.

При такихъ условіяхъ угроза короли оставалась пустымъ словомъ. Настроenie народа было слишкомъ грозно, чтобы Дворъ осмѣлился прибѣгнуть къ силѣ штыковъ; и тогда Людовикъ XVI воскликнулъ: „А впрочемъ, чортъ съ ними: пусть засѣдаютъ!“

Но и сами засѣданія Третьяго Сословія происходили на глазахъ и подъ угрозами народа, сидѣвшаго на хорахъ залы. Уже 17 іюня, когда Третье Сословіе объявило себя Національнымъ Собраніемъ, это памятное рѣшеніе было принято при крикахъ одобренія со стороны публики на хорахъ и двухъ или трехъ-тысячной толпы, окружавшей залу засѣданій. Списокъ именъ тѣхъ трехсотъ депутатовъ Третьяго Сословія, которые протестовали противъ этого рѣшенія и сплотились вокругъ роялиста Малуэ, ходилъ по рукамъ въ Парижѣ, и народъ собирался ежекъ ихъ дома. А когда, во время присяги депутатовъ въ Jeu de Paume, Маргэнъ Домъ высказался противъ этой присяги, представитель Собранія Байма изъ предосторожности долженъ былъ вынудить его черезъ заднюю дверь, чтобы ему не пришлось встрѣтиться съ народомъ, стоявшимъ у дверей залы; въ теченіе несколькихъ дней Домъ вынужденъ былъ скрываться.

Не будь этого давленія народа на Собраніе, наиболѣе смѣлымъ изъ депутатовъ Третьяго Сословія—тѣмъ, о которыхъ воспоминаніе осталось въ исторіи,—никогда не удалось бы побѣдить упорство болѣе робкихъ.

А въ Парижѣ, между тѣмъ, народъ открыто готовился къ возстанію, въ отвѣтъ на военный переворотъ, который подготавлился Дворомъ противъ Парижа, на 16-е іюня.

X.

Приготовление къ перевороту.

Обычное представленіе о событіяхъ 14 іюля сводится приблизительно къ слѣдующему: Національное Собраніе засѣдало. Въ концѣ іюня, послѣ двухмѣсячныхъ переговоровъ и колебаній, всѣ три сословія, наконецъ, объединились. Власть ускользала изъ рукъ Двора. Тогда придворная партія начала готовить переворотъ. Были созваны войска и расположены вокругъ Версаля; въ назначенный день они должны были разогнать Собраніе и усмирить Парижъ.

11-го іюля, говорится все въ томъ же ходячемъ изложеніи событій, Дворъ рѣшается начать дѣйствія: Неккеръ получаетъ отставку и отправляется въ ссылку. 12-го Парижъ узнаетъ объ этомъ. Устраивается процессія, которая шествуетъ по главнымъ улицамъ, неся бюсты изгнаннаго министра. Въ Палэ-Рояль Камилль Дюмуленъ призываетъ къ оружію. Предмѣстья поднимаются и въ 36 часовъ выковываютъ 50.000 пикъ; 14-го народъ двигается на Бастилію, которая скоро спускаетъ свои висячіе мосты и сдается. Революція одержала свою первую побѣду.

Таковъ рассказъ о 14-мъ іюля, который обыкновенно повторяютъ на официальныхъ празднествахъ Французской Республики. Но онъ вѣренъ только на половину. Какъ сухое изложеніе фактовъ, онъ не содержитъ неточностей; но онъ не передаетъ того, что слѣдуетъ сказать о роли народа въ возстаніи и объ истинныхъ отношеніяхъ между обѣими силами движенія: народомъ и буржуазіею. А между тѣмъ, въ парижскомъ возстаніи, разрѣшившемся взятіемъ Бастиліи, какъ и во всей Революціи, существовало уже два теченія: различнаго происхожденія: политическое движеніе буржуазіи и движеніе народное. Въ нѣкоторые моменты—въ великіе дни Революціи—оба эти теченія временно сливались и одерживали надъ старымъ строемъ крупныя побѣды. Но бур-

буржуазія всегда относилась съ недоверіемъ къ своему временному союзнику—народу. Такъ было и въ іюль 1789 года. Союзъ былъ заключенъ буржуазіею поневоле, и на другой же день послѣ 14 іюля, и даже во время самаго движенія, она уже сѣнила организовать, чтобы быть въ силахъ обуздать возставшій народъ.

Со времени дѣла Ревельона парижскій народъ, голодавшій и видѣвшій, какъ нужда растетъ и какъ его усыпляютъ пустыми обвинаніями, все время готовъ былъ подниматься. Но, не чувствуя поддержки со стороны буржуазіи, даже со стороны тѣхъ, кто выдвинулся своими нападеніями на королевскую власть, онъ только грызъ свои удила. Но вотъ придворная партія, сплотившись вокругъ королевы и принцевъ, рѣшаетъ однимъ ударомъ покончить съ Собраніемъ и умирить народное броженіе въ Парижѣ. Они собираютъ войска, стараются возбудить въ нихъ чувство привязанности къ королю и королевѣ и открыто готовятъ разгонъ Собранія и военное усмиреніе Парижа. Тогда Собраніе, почувствовавъ опасность, предоставляетъ свободу дѣйствія тѣмъ изъ его членовъ и его сторонниковъ въ Парижѣ, которые предпринимаютъ „обращеніе къ народу“, т.-е. призываютъ къ народному возстанію. А такъ какъ народъ въ предѣлахъ только того и ждетъ, то онъ немедленно откликается на призывъ. Онъ начинаетъ бунтоваться еще раньше отставки Неккера.—т.-е. уже съ 8 іюля и даже съ 27 іюня. Однимъ пользуется буржуазія. Она толкаетъ народъ къ открытому возстанію, она предоставляетъ ему вооружаться, а вмѣстѣ съ тѣмъ вооружается и сама, чтобы задержать народную волну и помѣшать имъ зайти „слишкомъ далеко“. Но народная волна, подымаясь все выше и выше, овладѣваетъ, вопреки желаніямъ буржуазіи, Бастилію,—эмблемою и опорою королевской власти; и тогда буржуазія, организовавшая тѣмъ временемъ свою собственную милицію, сѣмлетъ укротить „людей вооруженныхъ пистолетами“, т.-е. народъ.

Это двойное движеніе я и постараюсь изложить.

Мы видѣли, что цѣлью королевскаго засѣданія 23 іюня было—показать Генеральнымъ Штатамъ, что они вовсе не та сила, какою они себя считаютъ: что королевская власть существуетъ попрежнему, что Генеральные Штаты не могутъ ничего измѣнить въ ея правахъ, и что привилегированныя сословія—дворянство и духовенство—сами опредѣ-

дать, какія они расположены сдѣлать уступки въ видахъ болѣе справедливаго распределенія налоговъ¹⁾. Благодѣянія, которыя будутъ оказаны народу, *будутъ оказаны самимъ королемъ*, и будутъ состоять въ слѣдующемъ: отмѣна натуральныхъ повинностей (уже въ нѣкоторой степени отмѣненыхъ), права „мертвой руки“ и феодальнаго, т.-е. крѣпостного подданства; ограниченіе права охоты; замѣна жребія, три вербовки въ войска, правильнымъ рекрутскимъ наборомъ; уничтоженіе слова *подданства*; и организанія земскаго самоуправленія. Все это должно было, кромѣ того, оставаться въ формѣ однихъ обѣщаній, или даже простыхъ заголовковъ реформъ, потому что содержаніе этихъ реформъ, сущность этихъ измѣненій предстояло опредѣлить впоследствии, а сдѣлать это, очевидно, было невозможно. не нарушая привилегій двухъ высшихъ сословій.

Но самымъ важнымъ пунктомъ королевской рѣчи—такъ какъ онъ оказался центральнымъ пунктомъ всей Революціи—было заявленіе короля относительно *неприкосновенности собственности короля*. Онъ объявлялъ *абсолютно и на вѣки неприкосновенною собственностью* десятину, чиншъ, ренту и все помѣщичьи и церковныя феодальныя права!

Такими обѣщаніями король, конечно, склонялъ на свою сторону дворянство и вооружалъ его противъ Третьяго Состоянія. Но давать такіа обѣщанія—значило заранее ограничить Революцію и сдѣлать ее неспособною произвести какія бы то ни было существенныя реформы въ государственныхъ финансахъ и во всемъ внутреннемъ строѣ Франціи. Это значило—сохранить въ цѣлости старую Францію, весь старый порядокъ. И мы увидимъ, что впоследствии, въ продолженіе всей Революціи, народъ уже не отбывалъ путь отъ друга *королевскаго вѣдѣнія и сохраненія феодальныхъ правъ*—старую политическую и старую экономическую форму.

Несомнѣнно, что до извѣстной степени замыслы Двора сперва удались. Проектъ Королевскаго засѣданія 23 іюня и

¹⁾ Первоначальный проектъ Неккера оставилъ за Соборомъ право довести Революцію до составленія хартии, подобіе английской, говоритъ Луи Бланъ; но лишь предметомъ прейи онъ помышлялъ исключитъ вопросъ о формѣ конституціи, на основаніи которой соберутся слѣдующіе Генеральные Штаты. „Histoire de la Révolution Française“, изд. in 4-o, t. I, стр. 120.

приказа Собранию разойтись, дворянство устроило королю, а особенно королевѣ, овацію во дворцѣ, а на другой день въ общее засѣданіе остальныхъ двухъ сословій явилось всего 47 дворянъ. Только нѣсколько дней спустя, когда разнесся слухъ, что сто тысячъ парижанъ идутъ на Версаль, большинство дворянъ, среди общаго унынія, царившаго во дворцѣ по полученіи этого извѣстія, рѣшило присоединиться къ Духовенству и Третьему Сословію; но и это было сдѣлано по приказанію короля, подтвержденному плачущею королевою (на короля дворянство больше не рассчитывало). Впрочемъ, и тутъ дворяне почти не скрывали своей надежды на то, что „бунтовщики“ Національнаго Собранія скоро будутъ разогнаны силою.

Между тѣмъ, всѣ интриги Двора, всѣ его секреты и даже слова, произнесенныя тѣмъ или другимъ принцемъ или аристократомъ, скоро становились извѣстными у революціонеровъ. Тысячами тайныхъ путей, объ установленіи которыхъ позаботились въ свое время передовые люди, все узнавалось въ Парижѣ; и слухи, доходившіе изъ Версаля, поддерживали броженіе въ столицѣ. Бываютъ такіа времена, когда сильныя міра не могутъ больше рассчитывать даже на своихъ слугъ; и такое именно время наступило въ Версаль. Пока дворянство радовалось ничтожному успѣху Королевскаго засѣданія, нѣсколько революціонеровъ изъ буржуазіи основали въ самомъ Версаль клубъ, подъ названіемъ *Бретонскаго клуба*, скоро ставшій объединяющимъ центромъ, куда стекались всѣ свѣдѣнія. Туда приходили даже слуги короля и королевы и рассказывали все, что тайно говорили при Дворѣ. Основателями этого клуба были нѣсколько бретонскихъ депутатовъ, — между прочимъ Ле-Шапелье, Глезентъ, Манжюинъ; Мирабó, герцогъ Эгильонъ, Сейесть, Барнавъ, Пейонъ, аббатъ Грегуаръ и Робеспьеръ также были его членами. Впослѣдствіи онъ превратился въ Клубъ Якобинцевъ.

Со времени открытія Генеральныхъ Штатовъ въ Парижѣ царило большое оживленіе. Палэ-Рояль, съ его садами и многочисленными кафе, превратился въ клубъ на открытомъ воздухѣ, куда стекалось до десяти тысячъ человѣкъ, всевозможныхъ общественныхъ положеній, — подѣлиться новостями, поговорить о новой брошюрѣ, окунуться въ толпу и почерпнуть изъ нея силу для будущаго дѣла; познакомиться, столкнуться другъ съ другомъ. Всѣ слухи, всѣ новости, узнавныя въ Версаль бретонскимъ клубомъ, тотчасъ

же передавались въ Палэ-Рояль, бурному клубу парижской толпы. Оттуда они распространялись по предместьямъ, и если, по дорогѣ, къ нимъ иногда присоединялись легенды, то эти легенды, какъ это часто бываетъ съ народными легендами, были вѣрнѣе самой истины, потому что онѣ забывали впередъ, вскрывали въ легендарной формѣ тайныя побужденія поступковъ и очень часто инстинктивно судили о людяхъ и вещахъ вѣрнѣе, чѣмъ судятъ люди „осторожные и благоразумные“. Кто обвинилъ Марию-Антуанету, герцогиню Полиньякъ, лукаваго короля, безшабашныхъ принцевъ, лучше чѣмъ неизвѣстныя массы рабочихъ въ предместьяхъ? Кто, лучше народа, сумѣлъ понять, разгадать ихъ?

На другой же день послѣ Королевскаго засѣданія въ великомъ городѣ уже чувствовалось дыханіе революціи. Городская Дума послала Національному Собранію выраженіе своего одобренія, а Палэ-Рояль обратился къ нему съ адресомъ, составленнымъ въ боевомъ тонѣ. Для народа, голоднаго и презираемаго, въ торжествѣ Собранія надъ дворцовой партією блеснулъ лучъ надежды, и возстаніе явилось въ глазахъ народа единственнымъ средствомъ добыть себѣ хлѣбъ. Голодъ свирѣпствовалъ въ Парижѣ все больше и больше; даже плохой, желтой и горѣлой муки, которую оставляли обыкновенно для бѣдныхъ, и той все время не хватало; а между тѣмъ народъ зналъ, что въ Парижѣ и его окрестностяхъ имѣется достаточно хлѣба, чтобы накормить всѣхъ, и бѣдняки приходили къ мысли, что пока народъ не возстанетъ, спекуляторы будутъ попрежнему морить его голодомъ.

Между тѣмъ, по мѣрѣ того, какъ населеніе темныхъ закоулковъ Парижа роптало все громче и громче, парижская буржуазія и представители народа въ Версалѣ все больше и больше боялись возстанія. „Лучше король и Дворъ, чѣмъ возставшій народъ!“ рѣшили они ¹⁾. Въ самый день соединенія

¹⁾ Тѣ, которые произносятъ теперь рѣчи на празднованіяхъ республиканскихъ годовщинъ, предпочитаютъ умалчивать объ этомъ щекотливомъ предметѣ и рассказываютъ намъ о трогательномъ согласіи, будто бы существовавшемъ между народомъ и его представителями. Но еще Луи Бланъ ослѣпно показалъ, какой страхъ обуялъ буржуазію передъ 14 іюля, а новыя изслѣдованія только подтверждаютъ это. Факты, которые я привожу здѣсь относительно дней отъ 2-го до 12-го іюля, показываютъ, что возстаніе парижскаго народа шло, до 12-го, своимъ собственнымъ путемъ, независимо отъ буржуазныхъ депутатовъ Третьяго Сословія.

состовий, 27-го июня, послѣ первой побѣды Третьяго Состоянія. Мирабо, до того времени взывавшій къ народу, рѣзко отдѣлился отъ него: онъ старался увлечь за собою и другихъ представителей, предостерегая ихъ противъ „помощниковъ-бунтовщиковъ“. Въ Собраніи уже намѣчалась, такимъ образомъ, будущая программа Жирондистовъ. Мирабо хотѣлъ, чтобы Собраніе содѣйствовало „поддержанію порядка, общественнаго спокойствія и власти законовъ и министровъ“. Онъ шель даже дальше. Онъ хотѣлъ, чтобы Собраніе слѣдило вокругъ короля, потому что король желаетъ добра, а если иногда и дѣлаетъ зло, то только потому, что его обманываютъ, что ему даютъ дурные совѣты!

II Собраніе ему рукоплескало.—„Дѣло въ томъ“, совѣщенію вѣрно говорить Луи Бланъ, „что, вмѣсто того, чтобы стараться свергнуть престолъ, буржуазія уже стремилась стать подъ его защиту. Отвергнутый дворянствомъ, Людовикъ XVI нашелъ самыхъ вѣрныхъ и самыхъ заботливыхъ защитниковъ въ средѣ Общинъ, на мгновеніе казавшихся такими непреклонными. Онъ пересталъ быть королемъ дворянъ и становился королемъ собственниковъ“. Этотъ коренной недостатокъ Революціи будетъ, какъ мы увидимъ дальше, тяготѣть надъ нею все время, вплоть до самой реакціи.

Между тѣмъ нищета въ столицѣ росла и росла. Правда, Неккеръ принялъ кое-какія мѣры для предотвращенія голода. 7 сентября 1788 года онъ пріостановилъ вывозъ хлѣба изъ Франціи и назначилъ премію для поощренія ввоза: 70 миллионовъ ливровъ было истрачено на покупку хлѣба за границей. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приказалъ широкою властью рѣшенію Королевскаго Совѣта: отъ 23 апрѣля 1788 года, которое предоставляло судьямъ и полицейскимъ чиновникамъ право производить осмотръ хлѣбныхъ складовъ, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ, дѣлать опись находящагося въ нихъ зерна и, въ случаѣ надобности, посылать его на рынокъ. Но исполненіе этихъ мѣръ было поручено старымъ властямъ, и въ результатъ получилось то, что хотя правительство и давало преміи тѣмъ, кто ввозилъ хлѣбъ въ Парижъ, но ввезенный хлѣбъ тотчасъ же вывозился тайными путями и потомъ ввозился вторично чтобы снова получить премію. Въ провинціи скупщики закупали хлѣбъ спеціально для этой спекуляціи; они скупали даже на корню будущій урожай.

Въ этомъ дѣлѣ вполне проявился петиціонный характеръ Національнаго Собранія. Въ моментъ присяги въ Jeu de Paume оно было, несомнѣнно, прекрасно; но по отношенію къ народу оно всегда, прежде всего, оставалось буржуазнымъ. 4 іюля Собраніе, выслушавъ докладъ своего Продовольственнаго Комитета, обе ждало мѣры, которыя слѣдуетъ принять, чтобы обезпечить народу хлѣбъ и работу. Говорили цѣлые часы, предложенія сыпались одно за другимъ. Петіонъ предложилъ заемъ, другіе говорили о томъ, чтобы предоставить провинціальнымъ Собраніямъ принять необходимыя мѣры, но ничего не было рѣшено, ничего не было предпринято: дѣло ограничилось выраженіемъ сожалѣній о народѣ. А когда одинъ изъ членовъ заговорилъ о спекуляторахъ и назвать некоторыхъ изъ нихъ, все Собраніе оказалось противъ него. Черезъ два дня, 6 іюля, Бушъ заявилъ, что виновные извѣстны, и что черезъ день они будутъ формально названы. „Общій страхъ овладѣлъ Собраніемъ“, писалъ Горсасъ въ только что основанномъ имъ „Courrier de Versailles et de Paris“. Но пришелъ слѣдующій день, и на этотъ счетъ не было болѣе произнесено ни слова. Въ промежуткѣ между двумя засѣданіями дѣло было забыто. — Почему? Какъ показали дальнейшія событія, — изъ боязни скандальныхъ разоблаченій.

Въ такомъ случаѣ, Собраніе настолько боялось народнаго бунта, что когда, 30 іюня, въ Парижѣ произошли волненія по поводу ареста одиннадцати солдатъ изъ французской гвардіи, отказавшихся заряжать ружья боевыми патронами, Собраніе послало королю адресъ, составленный въ самыхъ рабскихъ выраженіяхъ и полный увѣреній въ „глубокой привязанности къ королевской власти“¹⁾.

Какъ только король предоставилъ буржуазии малѣйшую долю участія въ управленіи, она уже начала спланировать вокругъ него и всею силою своей организованности стала угрожать ему противъ народа. Но — и пусть это послужитъ предостереженіемъ для будущихъ революцій — въ жизни личностей, партій, а также и учрежденій, есть своя логика, ко-

1) „Національное Собраніе страдаетъ отъ безпорядковъ, волнующихъ въ настоящее время Парижъ... Къ королю будетъ послана депутация, чтобы умолять его, сообразованно прибѣгнуть, для возстановленія порядка, къ вѣрному средству милосердія и доброты, столь пріемимымъ его сердцу, а также довѣрія, которое его вѣрныи народъ всегда будетъ заслуживать“.

торой никто не въ силахъ измѣнить. Королевскій деспотизмъ не могъ поладить съ буржуазіей, требовавшей себѣ долю власти. Онъ логически, фатально, долженъ былъ съ нею вступить въ бой и, разъ вступивши въ борьбу, долженъ былъ погибнуть и уступить мѣсто представительному правленію, т.-е. формѣ, наиболее подходящей для буржуазіи. Точно такъ же не могъ онъ, не измѣняя своей естественной опорѣ—дворянству,—стать на почву народной демократіи. Онъ старался, поэтому, всѣми силами защищать дворянство и его привилегіи, при чемъ эти привилегированные дворяне, при первомъ же испытаніи, измѣнили ему.

Между тѣмъ свѣдѣнія о тайныхъ придворныхъ интригахъ притекали со всѣхъ сторонъ, какъ къ сторонникамъ герцога Орлеанскаго, собиравшимся въ Монружъ, такъ и къ революціонерамъ, посѣщавшимъ Бретонскій клубъ. Въ Версалѣ и по дорогѣ изъ Версаля въ Парижъ стягивались войска. Въ самомъ Парижѣ они заняли одинъ изъ самыхъ важныхъ пунктовъ, на дорогѣ къ Версалю. Говорили, что на пространствѣ между Версалемъ и Парижемъ размѣщено уже 35.000 человекъ и что на-дняхъ къ нимъ присоединятся еще 20.000. Принцы и королева сговаривались между собою, чтобы распушить Собраніе, раздавить, въ случаѣ возстанія, Парижъ, арестовать и убить, не только главныхъ зачинщиковъ и герцога Орлеанскаго, но также и такихъ членовъ Собранія, какъ Мираббъ, Муньё, Лалли-Толендаля, стремившихся превратить Людовика XVI въ конституціоннаго монарха. Двѣнадцать депутатовъ должны были быть принесены въ жертву, рассказывалъ впослѣдствіи Лафайетъ. Для осуществленія этого плана были вызваны баронъ де-Бретейль и маршалъ де-Брольи, и оба были готовы дѣйствовать.—*„Если нужно сжечь Парижъ, говорилъ де-Бретейль, сожжемъ Парижъ!“* А маршалъ де-Брольи писалъ принцу Кондэ, что „довольно будетъ одного пушечнаго залпа, чтобы разогнать всѣхъ этихъ спорщиковъ и снова поставить самодержавную власть на мѣсто нарождающагося республиканскаго духа“¹⁾.

И не нужно думать, чтобы это были—какъ увѣряютъ нѣкоторые реакціонные историки—одни слухи. Найденное впослѣдствіи письмо герцогини Полиньякъ къ городскому головѣ Флесселю,—письмо, посланное ею 12 іюля, въ ко-

¹⁾ Луи Бланъ, *Исторія Французской Революціи*.

торомъ всѣ видныя дѣтели обозначены условными именами, ясно доказываетъ существованіе заговора, подготовлявшагося Дворомъ на 16 іюля.

Если бы на этотъ счетъ могло оставаться хотя малѣйшее сомнѣніе, то достаточно напомнить слова, сказанныя 10 іюля, въ Каннѣ, герцогинею де-Бёвронъ генералу Дюмурьё, въ присутствіи больше чѣмъ шестидесяти торжествующихъ дворянъ:

„Знаете новости, Дюмурьё? Вашъ пріятель Неккеръ прогнанъ; король снова восходитъ на престолъ; Собраніе низвергнуто; ваши друзья—всѣ сорокъ семь—теперь, можетъ быть, уже въ Бастиліи, вмѣстѣ съ Мирабб, Таржэ и еще сотней такихъ же нахаловъ изъ Третьяго Сословія; а маршалъ де-Бролли теперь, навѣрное, въ Парижѣ съ тридцати-тысячнымъ войскомъ“¹⁾. Но герцогиня ошибалась: Неккеръ былъ прогнанъ только 11-го, а Бролли не успѣлъ войти въ Парижъ. Парижъ опередилъ Дворъ.

Что же дѣлало въ это время Національное Собраніе?—То, что всегда дѣлало и всегда неизбѣжно будутъ дѣлать всѣ Собранія. Оно не принимало никакихъ рѣшительныхъ мѣръ.

Въ тотъ самый день, когда парижскій народъ началъ уже возставать, т.-е. 8 іюля, Собраніе поручило не кому иному, какъ своему трибуну Мирабб, изложить почтительнѣйшую просьбу къ королю, въ которой Собраніе ходатайствовало передъ Людовикомъ XVI о томъ, чтобы онъ убралъ своихъ солдатъ. Просьба была написана въ самыхъ льстивыхъ выраженіяхъ. Въ ней говорилось о томъ, какъ народъ любитъ своего короля, какъ онъ благословляетъ небо за тотъ даръ, который ему ниспосланъ въ любви короля! И такія же слова, такую же мысль мы еще не разъ встрѣтимъ во время Революціи въ обращеніяхъ народныхъ представителей къ королю.

Чтобы понять Революцію, нужно не упускать изъ вида эти постоянныя усилія имущихъ классовъ привлечь къ себѣ королевскую власть и сдѣлать себѣ изъ нея щитъ для охраны противъ народа. Въ этой просьбѣ, поданной Національнымъ Собраніемъ за нѣсколько дней до 14 іюля, уже находятся въ зародышѣ драмы, разыгравшіяся впослѣдствіи, въ 1793 году, въ Конвентѣ.

¹⁾ Dumouriez, „Memoires“, т. II, стр. 55.

XI.

Парижъ наканунѣ 14 іюля.

Вниманіе историковъ обыкновенно бываетъ почти всецѣло поглощено Національнымъ Собраніемъ. Представители народа, собранные въ Версаль, кажутся имъ олицетвореніемъ Революціи, и каждое слово, каждый ихъ жестъ отмѣчается съ благоговѣніемъ. А между тѣмъ, въ эти іюльскіе дни сердце Революціи и революціонный починъ были не тамъ. Они были въ Парижѣ.

Не будь Парижа, не будь парижскаго народа, Собраніе было бы ничто. Если бы не страхъ передъ возставшимъ народомъ, Дворъ, навѣрное, распустилъ бы Собраніе, какъ это дѣлалось не разъ впоследствии: 18 брисмера Наполеономъ I и 2 декабря Наполеономъ III во Франціи, а въ самое недавнее время въ Венгріи и въ Россіи. Депутаты, конечно, протестовали бы; ими было бы сказано не мало красивыхъ фразъ, и, можетъ-быть, даже сдѣлана была бы попытка поднять провинцію. Но безъ *готоваго возстать народа*, безъ предварительной революціонной работы, оставшей слѣдъ въ массахъ, безъ призыва народа къ возстанію—призыва, сдѣланнаго нѣсколькими смѣлыми людьми и переданнаго изъ устъ въ уста въ народѣ.—безъ этого, собраніе представителей безсильно передъ установленнымъ правительствомъ, съ его свѣтлою чиноуковъ, съ его послушною арміею!

Къ счастью, Парижъ не дремалъ. Пока Національное Собраніе, обманутое кажущеюся безопасностью, спокойно принималось, 10 іюля, за продолженіе преній о проектѣ Конституціи, парижскій народъ, къ которому, наконецъ, обратились наиболѣе смѣлые и дальновидные дѣятели изъ буржуазіи, готовился къ возстанію. Въ предмѣстьяхъ передавали другъ другу всѣ подробности военнаго разгрома, который готовился Дворомъ на 16-ое число; все было

известно тамъ—даже угроза короля удалиться въ Суассонъ и отдать Парижъ въ руки войска. И вотъ это громадное горнило, Парижъ, сталъ организовываться въ своихъ „округахъ“ (districts), чтобы противопоставить сплу силъ. „Помощники - бунтовщики“, которыми Мирабó грозилъ Двору, были, дѣйствительно, призваны на помощь; въ темныхъ кабачкахъ предмѣстій, бѣдный, одѣтый въ лохмотья Парижъ совѣщался о средствахъ „спасти отечество“, и вооружался какъ могъ.

Сотни агитаторовъ - патриотовъ, — конечно, „неизвестныхъ“—дѣлали все возможное, чтобы поддержать агитацію и вызвать народъ на улицу. Однимъ изъ излюбленныхъ средствъ, ишетъ Артуръ Юнгъ, были петарды и фейерверки; ихъ продавали за полцѣны, и когда на какомъ-нибудь перекресткѣ собиралась толпа, чтобы посмотреть на фейерверкъ, кто-нибудь обращался къ ней съ рѣчью и передавалъ ей извѣстія о заговорѣ Двора. Чтобы разсѣять эти сборища, „прежде достаточно было бы одной роты швейцарцевъ; теперь же понадобился бы цѣлый полкъ, а черезъ нѣсколько дней понадобится цѣлое войско“, писалъ Артуръ Юнгъ передъ 14 іюля (стр. 219).

И дѣйствительно, уже начиная съ половины іюня, парижскій народъ волновался и готовился къ возстанію. Еще въ началѣ іюня ожидались бунты вслѣдствіе дороговизны хлѣба, говоритъ англійскій книгопродавецъ Гарди, жившій въ то время въ Парижѣ; и если Парижъ оставался спокойнымъ до 25 іюня, то только потому, что до королевскаго засѣданія народъ все еще надѣялся, что Собраніе что-нибудь сдѣлаетъ въ его пользу. Но 25-го Парижъ понялъ, что у него остается одна надежда—возстаніе.

Часть парижанъ въ этотъ день направилась уже къ Версаю, готовясь къ столкновенію съ войсками. Въ самомъ Парижѣ повсюду устраивались сборища, „готовыя на самыя ужасныя крайности“, читаемъ мы въ Тайныхъ докладахъ, адресованныхъ министру иностранныхъ дѣлъ и изданныхъ Шассеномъ¹⁾. „Народъ волновался всю ночь, устраивалъ иллюминаціи и пускалъ множество ракетъ передъ Палэ-Роялемъ и Государственнымъ Контролемъ“. Раздавались крики: „Да здравствуетъ герцогъ Орлеанскій!“

¹⁾ Chassin, „Les élections et les cahiers de Paris“, Парижъ, 1889, т. III, стр. 453

Въ тотъ же день, 25 іюня, солдаты французской гвардіи, покинувъ казармы, шли и братались съ народомъ, который увлекалъ ихъ за собою въ разные кварталы города и ходилъ по улицамъ съ криками: „Долой поповъ!“

Между тѣмъ, парижскіе „округа“ (districts), т.-е. собранія выборщиковъ первой степени, которые продолжали сходиться и послѣ выборовъ, правильно организовывались, особенно въ рабочихъ кварталахъ, и принимали мѣры для боевого сопротивленія Парижа. „Округа“ находились между собою въ постоянныхъ сношеніяхъ, и ихъ представители старались составить изъ себя родъ независимаго городского управленія, помимо буржуазной Ратуши. 25 іюня, въ собраніи избирателей, Бошневиль уже призываетъ къ оружію и предлагалъ избирателямъ составить „Коммуну“, ссылаясь на историческія данныя изъ Среднихъ вѣковъ для подкрѣпленія своего предложенія. На слѣдующій день, послѣ предварительнаго собранія въ Музеѣ, на улицѣ Дофинъ, представители округовъ отправились, наконецъ, на общее собраніе въ городскую Ратушу. 1-го іюля уже происходило ихъ второе засѣданіе, протоколъ котораго приводитъ Шассень (т. III, стр. 439—444, 458, 460). Такъ образовался тотъ „Постоянный Комитетъ“, который потомъ засѣдалъ въ день 14 іюля; и такъ создавалась революціонная организація Парижа, сыгравшая впоследствии такую видную роль въ дальнѣйшемъ ходѣ Революціи.

30 іюня такого простого случая, какъ арестъ и заключеніе въ тюрьму Аббатства (Abbaye) одиннадцати солдатъ французской гвардіи, отказавшихся зарядить свои ружья боевыми патронами, оказалось достаточно, чтобы вызвать въ Парижѣ цѣлый бунтъ. Когда Лустало, редакторъ „Les Révolutions de Paris“, взобрался на стулъ въ Палатѣ-Рояль, противъ кафе Фуа, и обратился по этому поводу съ рѣчью къ толпѣ, вызывая къ дѣйствию, четыре тысячи человѣкъ готчасъ же направились къ тюрьмѣ Аббатства и освободили арестованныхъ солдатъ. Увидавъ приближающуюся толпу, тюремщики поняли, что всякое сопротивленіе было бы бесполезно, и сами передали заключенныхъ народу. Въ это время прискакали въ карьеръ драгуны, готовые броситься на народъ; но и они колебались, вложили сабли въ ножны и стали брататься съ толпою — обстоятельство, нагнавшее страхъ на Национальное Собраніе, когда оно на другой день узнало, что войско оказалось заодно съ бун-

товщиками.—„Неужели мы станемъ трибунами разнузданнаго народа?“ спрашивали господа депутаты.

Бунтъ начинался и въ окрестностяхъ Парижа. Въ Нанжи народъ отказался платить налоги до тѣхъ поръ, пока они не будутъ установлены Собраніемъ. Хлѣба тамъ не хватало (каждому покупателю продавали не больше двухъ четвериковъ пшеницы), и рынокъ былъ постоянно окруженъ драгунами. Но, несмотря на присутствіе войска, и въ Нанжи и въ другихъ городкахъ вокругъ Парижа произошло нѣсколько бунтовъ. Повсюду легко возникали ссоры между народомъ и булочниками; тогда у нихъ захватывали весь хлѣбъ,—не платя имъ, говоритъ Юнгъ (стр. 225). 27 іюня газета „Mercure de France“ рассказываетъ даже о попыткахъ, сдѣланныхъ въ разныхъ мѣстахъ, между прочимъ въ Сень-Кантенъ, скосить еще зеленые хлѣба,—такъ сильно чувствовался недостатокъ въ хлѣбѣ.

Въ Парижѣ 30 іюня патриоты начали уже записываться въ кафе Погребка (du Caveau), въ виду возстанія; а когда, на другой день узнали, что де-Брольи назначенъ командующимъ войсками, населеніе, донося тайные доклады полиціи, стало повсюду говорить и объявлять, что „если войска дадутъ хоть одинъ выстрѣлъ, все будетъ сожжено и разнесено.... Оно говоритъ и многое другое, еще болѣе страшное... Благоразумные люди не рѣшаются выходить на улицу“, прибавляетъ тотъ же полицейскій агентъ.

2 іюля народный гнѣвъ направляется противъ герцога Артуа и семейства Полиньяковъ.—приближенныхъ королевы. Ихъ собираются убить, а ихъ дома—разгромить. Собираются также завладѣть всѣми пушками, размѣщенными по Парижу. Сборища становятся все многочисленнѣе; „ярость народа невообразима“, говорится въ тѣхъ же полицейскихъ докладахъ. Въ этотъ же день, пишетъ въ своемъ дневникѣ книгопродавецъ Гарди, „около восьми часовъ вечера, изъ сада Палэ-Рояля, разъяренная толпа“ чуть было не двинулась въ Версаль, спасти депутатовъ Третьяго Сословія, такъ какъ пронесся слухъ, что дворяне хотятъ ихъ перебить. При этомъ начинаютъ уже говорить о захватѣ оружія изъ Дома Инвалидовъ, гдѣ имѣются склады ружей и пушки.

Одновременно съ негодованіемъ противъ Двора росло и раздраженіе, вызванное голодомъ. 4 и 6 іюля власти стали принимать мѣры въ виду возможнаго грабежа булочныхъ;

по улицамъ, рассказываетъ Гарди, ходили патрули изъ французской гвардіи, наблюдавшіе за распредѣленіемъ хлѣба.

8 іюля въ самомъ Парижѣ, среди двадцати тысячъ безработныхъ, которыхъ правительство занимало земляными работами на Монмартрѣ, разыгралась прелюдія къ возстанію; а черезъ два дня, 10-го, уже лилась кровь, и въ тотъ же день народъ началъ жечь городскія заставы. На Шоссе-д'Антенъ народъ воспользовался тѣмъ, что застава была сожжена, чтобы ввозить, не платя пошлины, разную провизию и вино.

Очевидно, что Камилль Демуленъ никогда не рѣшился бы, 12 іюля, призывать народъ къ оружію, если бы онъ не былъ увѣренъ, изъ опыта предыдущихъ дней, что на его призывъ откликнутся; если бы онъ не зналъ, что уже за двѣнадцать дней до того, Лустало поднялъ толпу по мѣтѣ значительному поводу, и что теперь предместья Парижа только ждутъ перваго сигнала, перваго толчка, чтобы возстать.

Нетерпѣніе принцевъ, увѣренныхъ въ успѣхъ своего переворота, ускорило ударъ, подготовлявшійся Дворомъ на 16-ое. Королю пришлось дѣйствовать, такимъ образомъ, не дождавшись прибытія новыхъ подкрѣпленій въ Версаль¹⁾.

Неккеръ былъ уволенъ 11-го, при чемъ герцогъ Артуа поднесъ свой кулакъ подъ носъ министру, когда онъ направлялся въ залу засѣданій Совѣта министровъ. Король же, съ свойственнымъ ему лицемѣріемъ, сдѣлалъ видъ въ Совѣтѣ, что ничего не знаетъ, тогда какъ распоряженіе объ отставкѣ министра уже было подписано имъ. Неккеръ безпрекословно подчинился приказаніямъ своего господина. Онъ даже предвосхитилъ его намѣренія, устроивъ свой отъѣздъ въ Брюссель такъ, чтобы не возбудить въ Версали ни малѣйшаго шума.

Парижъ узналъ объ этомъ только на другой день, въ воскресенье 12-го, около полудня. Отставку Неккера, которая должна была быть первымъ актомъ военнаго переворота, всѣ уже ожидали. Вездѣ передавались также слова герцога де-Брольи, говорившаго, что онъ со своими три-

¹⁾ См. письма саксонскаго уполномоченнаго Сальмура къ Штуттергейму, отъ 19 іюля и 20 августа. (Дрезденскій Архивъ, цитир. Фламмермономъ, „La Journée du 14 juillet 1789, par Pitra“. Изд. Общ. Исторіи Французской Революціи, 1892).

дцатью тысячами солдатъ, поставленныхъ между Парижемъ и Версалемъ, „отвѣчаетъ за Парижъ“. А такъ какъ съ утра стали носиться зловѣщіе слухи о подготовлявшихся Дворомъ избіеніяхъ въ столицѣ, то „весь революціонный Парижъ“ направился къ Палэ-Роялю. Тамъ и получено было извѣстіе о ссылкѣ Пеккера.

„Итакъ, Дворъ рѣшился начать войну?!“ Тогда Камилль Демуленъ, выйдя изъ одного изъ палэ-рояльскихъ кафе, изъ кафе Фуа, со шпагой въ одной рукѣ и пистолетомъ въ другой, взобрался на стулъ и обратился къ толпѣ съ призывомъ къ оружію. Отломивъ вѣтку отъ дерева, онъ, какъ извѣстно, сдѣлалъ себѣ изъ зеленого листа кокарду, которая должна была служить знакомъ объединенія. И его крикъ: „*Нельзя терять ни минуты времени! Къ оружію!*“ разнесся по всѣмъ предмѣстьямъ.

Послѣ обѣда, громадная процессія съ бюстами герцога Орлеанскаго и Неккера, обвиненными крепомъ (говорили, что герцогъ Орлеанскій также сосланъ), двинулась черезъ Палэ-Рояль и улицу Ришельё, къ площади Людовика XV (теперешняя площадь Согласія). Площадь была занята войсками: швейцарцами, французскою пѣхотою, гусарами и драгунами, подъ командой маркиза Безанваля. Войска скоро оказались окруженными народомъ; они старались оттиснуть толпу саблями и даже дали залпъ по народу; но, подъ давленіемъ несмѣтной, все растущей толпы, которая толкала, давила, обволакивала ихъ и разбивала ихъ ряды, они вынуждены были отступить. Съ другой стороны, пронесся слухъ о томъ, что солдаты французской гвардіи стрѣляли въ полкъ Королевскій-Нѣмецкій (Royal-Allemand), вѣрный королю, и что швейцарцы отказываются стрѣлять въ народъ. Тогда Безанваль—кажется, впрочемъ, не особенно довѣрявшій Двору,—отступилъ передъ растущею народною волною и увелъ свои войска на Марсово поле¹⁾.

Борьба, такимъ образомъ, началась. Но каковъ еще будетъ ея конечный исходъ, если войско, оставшееся вѣр-

¹⁾ „Солдаты французской гвардіи, присоединившиеся къ черни, стрѣляли въ отрядъ полка Royal-Allemand, расположенный на бульварѣ, подъ моими окнами. Было убито двое, и двѣ лошади“, писалъ 13 июля Симоненъ, уполномоченный Екатерины II въ Парижѣ, канцлеру Остерману. Заѣмъ онъ прибавлялъ: „Третьяго дня и вчера вечеромъ сожгли городскую заставу Бланшъ и заставу предмѣстья Туассоньеръ“. Conches, „Lettres de Louis XVI“, etc, стр. 223).

нымъ королю, получить приказаніе идти на Парижъ? И вотъ, буржуазные революціонеры, скрѣпя сердце, рѣшаются прибѣгнуть къ крайнему средству: обратиться съ призывомъ къ народу. По всему Парижу бьютъ въ набатъ, и предместья начинаютъ ковать пики¹⁾. Мало-по-малу население выходитъ на улицу, вооруженное. Всю ночь люди изъ народа требуютъ у прохожихъ денегъ на покупку пороха. Заставы горятъ. Всѣ заставы на правомъ берегу, отъ предместья Сентъ-Антуанъ до предместья Сентъ-Опорэ, а также у предмѣстій Сентъ-Марсель и Сентъ-Жакъ, сожжены; съѣстные припасы и вино свободно, безпошлинно ввозятся въ Парижъ. Всю ночь слышится набатъ, и буржуазія дрожитъ за свои имущества, потому что люди, вооруженные пиками и дубинами, ходятъ по городу, грабятъ дома и въ которыхъ враговъ народа и спекуляторовъ и стучатся въ двери богатыхъ, прося хлѣба и оружія.

На другой день, 13-го, народъ направляется прежде всего туда, гдѣ есть хлѣбъ, а именно въ монастырь Сентъ-Лазаръ, и осаждаетъ его при крикахъ: *Хлѣба, хлѣба!* Нагружаютъ пятьдесятъ-два повозки, но хлѣбъ не грабятъ, а везутъ его на центральный рынокъ, на площадь у Ратуши, чтобы досталось всѣмъ. Туда же направляетъ народъ и тѣ припасы, которые безпошлинно ввозятся въ Парижъ²⁾.

Въ то же время толпа овладѣваетъ тюрьмою Форсъ (Forse). гдѣ тогда содержались сидѣвшіе за долги, и освобожденные заключенные идутъ по улицамъ Парижа и благодарятъ народъ; но бунтъ заключенныхъ въ тюрьмѣ Шатлэ оказался усмиренымъ, повидимому, буржуазіею, которая усиленно вооружалась и разсылала свои патрули по улицамъ. Около шести часовъ вечера сформировавшаяся буржуазная милиція уже направилась къ Ратушѣ, а въ десять часовъ вечера, говоритъ Шассенъ, она уже вступила въ должность.

¹⁾ Ихъ было выковано 50.000, а также приготовлено „всевозможное второстепенное оружіе“ на счетъ города, говоритъ Dusaulx („L'œuvre de sept jours“, стр. 203).

²⁾ „Со всѣхъ сторонъ къ Ратушѣ притекало безконечное число возовъ, телѣгъ и телѣжекъ, остановленныхъ у городскихъ воротъ и нагруженныхъ припасами, посудой, мебелью, и т. д.. Народъ, требовавший только оружія и боевыхъ запасовъ... притекалъ къ намъ толпами и становился все настойчивѣе съ каждою минутою“. Это было 13 іюля (Dusaulx, „L'œuvre de sept jours“, въ „Mémoires sur la Bastille“, Linguet-Dusaulx, изданныхъ Н. Monin'омъ, Парижъ, 1889, стр. 197).

Тэнъ и ему подобные, представляя собою вѣрное отраженіе страховъ буржуазіи, стараются показать, что 13-го Парижъ „былъ въ рукахъ разбойниковъ“. Но это противорѣчитъ свидѣтельствамъ современниковъ. Были, конечно, случаи, когда голытьба, вооруженная пиками, останавливала прохожихъ на улицахъ и просила у нихъ денегъ на вооруженіе; было также и то, что въ ночь съ 12-го на 13-ое и съ 13-го на 14-ое вооруженные люди стучались въ двери богатыхъ и просили у нихъ ѣсть и пить, или оружія и денегъ. Известно также, что были попытки грабежа, потому что достойные довѣрія свидѣтели рассказываютъ, что въ ночь съ 13-го на 14-ое нѣсколько человекъ было повѣшено за такого рода попытки¹⁾. Но и здѣсь, какъ вездѣ, Тэнъ страшно преувеличиваетъ, когда ему нужно сказать что-нибудь противъ Революціи.

Что бы ни говорили теперешніе буржуазные республиканцы, но революціонеры 1789 года обратились за содѣйствіемъ именно къ тѣмъ „компрометирующимъ помощникамъ“, о которыхъ говорилъ Мирабб. Они пошли искать

¹⁾ Цитаты, приведенныя Жюлемъ Фламмермономъ въ одномъ изъ примѣчаній, въ его трудѣ о 14-мъ іюля („La Journée du 14 juillet 1789, fragment des Mémoires de L. G. Pitre“, съ введеніемъ и примѣчаніями; Парижъ, 1892), указываютъ на это очень опредѣленно — болѣе опредѣленно, чѣмъ самый текстъ, въ которомъ, на страницахъ CLX XI и CLXXXII, замѣчаются нѣкоторыя противорѣчія. — „Послѣ полудня, — говоритъ графъ Сальмуръ, — буржуазная гвардія, уже сформировавшаяся, начала обезоруживать всѣхъ подозрительныхъ людей. Она, а также вообще вооруженные буржуа, и спасли Парижъ въ эту ночь своею бдительностью... Ночь прошла спокойно и въ полномъ порядкѣ; воровъ и бродягъ задерживали и, въ самыхъ важныхъ случаяхъ, тутъ же вѣшали“. (Письмо графа Сальмура отъ 16 іюля 1789, въ Дрезденскомъ Архивѣ). Слѣдующія фразы изъ письма доктора Ригби (Rigby), приводимаго Фламмермономъ въ примѣчаніи къ стр. CLXXXIII, и которыя я буквально перевожу съ англійскаго, говорятъ о томъ же: „Когда пришла ночь, можно было видѣть лишь очень немногихъ изъ тѣхъ людей, которые вооружились наканунѣ. Нѣкоторые, однако, отказались отдать свое оружіе и доказали, въ теченіе ночи, какъ справедливы были по отношенію къ нимъ опасенія жителей, потому что они принялись грабить; но теперь этого уже нельзя было дѣлать безнаказанно; ихъ скоро обличили и схватили, и мы узнали на слѣдующее утро, что нѣкоторыхъ изъ этихъ негодяевъ пойманныхъ на мѣстѣ преступленія, повѣсили“. („Dr. Rigby's Letters“, стр. 55 — 57). Чтеніе этихъ свидѣтельствъ приводитъ къ тому выводу, что въ рассказѣ Морелла, гдѣ говорится, что „въ ночь съ 13-го на 14-ое іюля были нападенія на людей и на имущества“, есть доля правды.

ихъ въ темныхъ углахъ парижскихъ предмѣстій; и они поступили совершенно правильно, потому что, если и было нѣсколько случаевъ грабежа, то, въ общемъ, эти „помощники“, понимая важное значеніе этихъ дней, отдали свое оружіе на служеніе общему дѣлу, гораздо больше чѣмъ на удовлетвореніе своей личной мести или на облегченіе своей личной нужды, какъ бы тяжела она ни была.

Несомнѣнно, что случаи грабежа были очень рѣдки. Наоборотъ, настроеніе вооруженной толпы стало очень серьезно, какъ только она узнала о столкновеніи, происшедшемъ между войсками и вооруженными буржуа. „Люди съ пиками“ считали себя, очевидно, защитниками города, несущими на себѣ большую отвѣтственность. Такъ, напримеръ, Мармонтель, завѣдомый противникъ Революціи, отмѣчаетъ, тѣмъ не менѣе, слѣдующую черту: „Сами разбойники, заразившись общимъ ужасомъ (?), не сдѣлали ничего вреднаго. Единственные лавки, которыя они заставили открыть, были лавки оружейниковъ, и оттуда взяли оружіе“, говоритъ онъ въ своихъ *Мемуарахъ*. А когда народъ привезъ на площадь Грэвы (около ратуши) карету принца Ламбеска, съ тѣмъ, чтобы сжечь ее, то онъ отдалъ сундукъ и всѣ найденныя въ ней вещи въ городскую Ратушу. У монаховъ-лазаристовъ народъ отказался взять деньги и отобралъ только муку, оружіе и вино, которыя и были привезены на площадь Грэвы. Ничего въ этотъ день не тронули ни въ Казначействѣ, ни въ Учетномъ Банкѣ, говорить въ своемъ донесеніи англійскій посолъ.

Что правда,—такъ это то, что при видѣ толпы въ лохмотьяхъ и голодныхъ людей, вооруженныхъ дубинами и пиками „всѣхъ видовъ“, при видѣ вышедшихъ на улицу призраковъ голода, буржуазію обуялъ такой ужасъ, отъ котораго она съ тѣхъ поръ не могла опомниться. Впослѣдствіи, въ 1791 и 1792 годахъ, даже тѣ изъ буржуа, которые стремились уничтожить монархію, предпочитали реакцію и иностранное нашествіе новому призыву народа къ революціи. Воспоминаніе о голодномъ и вооруженномъ народѣ, который они на мгновеніе увидали на улицахъ 12-го, 13-го и 14-го іюля 1789 года, не давало имъ покоя.

„Оружія!“—таковъ былъ общій крикъ, послѣ того какъ народу удалось получить немного хлѣба. Оружія искали повсюду, но не находили, и въ предмѣстіяхъ день и ночь ковали, изъ всего, что попадалось подъ руку, пики всевозможныхъ формъ.

Между тѣмъ буржуазія, не теряя не минуты, организовывала свою власть,—свое городское управление въ Ратушѣ и свою милицію.

Какъ извѣстно, выборы въ Національное Собраніе были двухстепенные; но послѣ окончанія выборовъ, выборщики Третьяго Сословія, къ которымъ присоединилось нѣсколько выборщиковъ дворянства и духовенства, продолжали собираться, и, начиная съ 27 іюня, выборщики изъ разныхъ избирательныхъ округовъ собирались въ Ратушѣ, съ разрѣшенія официальныхъ властей муниципалитета, т.-е. Городского „Бюро“ и „Министра города Парижа“. Эти выборщики и взяли на себя организовать буржуазную милицію. Мы видѣли, что 1 іюля происходило уже второе ихъ засѣданіе.

12 іюля они образовали „Постоянный Комитетъ“, подъ предѣдательствомъ городского головы, Флесселя, и рѣшили, что каждый изъ шестидесяти избирательныхъ округовъ Парижа выберетъ двѣсти гражданъ, извѣстныхъ и способныхъ носить оружіе, которые образуютъ милицію въ 12.000 человекъ, для охраны общественной безопасности. Въ теченіе четырехъ дней предполагалось довести численность этой милиціи до 48.000 человекъ, при чемъ Комитетъ, въ то же время, старался обезоружить бѣдный народъ.

„Такимъ образомъ“, говоритъ вполне справедливо Луи Вланъ, „буржуазія образовала для себя преторіанскую гвардію въ 12.000 человекъ. Народъ хотѣли обезоружить во что бы то ни стало, хотя бы даже рискуя снова подпасть подъ власть Двора“.

Вмѣсто зеленого цвѣта кокарды первыхъ дней, милиція должна была носить кокарду красную съ синимъ, и Постоянный Комитетъ принялъ мѣры, чтобы простой народъ, вооружаясь, не навелъ бы собою ряды этой милиціи. Опъ издалъ распоряженіе, по которому всякій, кто будетъ носить оружіе и красную съ синимъ кокарду, *не будучи записаннымъ въ одномъ изъ округовъ*, будетъ преданъ суду Комитета. Въ ночь съ 13 на 14 іюля Постояннымъ Комитетомъ былъ назначенъ и главнокомандующій этой національной гвардіи; это былъ человекъ дворянскаго происхожденія — герцогъ д'Омонъ (d' Aumont). Онъ отказался; тогда начальство было дано другому дворянину, маркизу де-ла-Салль, который сперва былъ назначенъ помощникомъ главнокомандующаго.

Словомъ, пока народъ ковалъ пики и вооружался, пока онъ принималъ мѣры, чтобы изъ Парижа не вывозили пороха, пока онъ захватывалъ муку и отправлялъ ее на центральный рынокъ, или на площадь Грэвы; пока онъ, 14 іюля, строилъ баррикады, чтобы помѣшать королевскимъ войскамъ вступить въ Парижъ; пока онъ овладѣвалъ оружіемъ изъ Дома Инвалидовъ и толпою направлялся къ Бастиліи, чтобы заставить ее сдаться,—буржуазія заботилась о томъ, чтобы власть не ускользнула изъ ея рукъ. Она образовала буржуазную Парижскую Коммуну, которая старалась препятствовать народному движенію, и она поставила во главѣ этой Коммуны городского голову Флесселя, который переписывался съ г-жою Полиньякъ о томъ, какъ помѣшать возстанію Парижа. Извѣстно также, что 13 іюля, когда народъ пришелъ къ Флесселю за оружіемъ, онъ вынулъ изъ складовъ, вмѣсто ружей, ящики съ старымъ бѣльемъ, а на другой день употребилъ все свое вліяніе, чтобы помѣшать народу взять Бастилію.

Такъ было положено, ловкими жожаками буржуазіи, начало той политикѣ измѣны, съ которою мы встрѣтимся на всемъ дальнѣйшемъ протяженіи Революціи.

ХІІ.

Взятіе Бастиліи.

Съ утра 14 іюля вниманіе возставшаго парижскаго народа стало направляться на Бастилію — мрачную крѣпость съ массивными, высокими башнями, возвышавшуюся среди домовъ рабочаго квартала, въ началѣ предмѣстья Сентъ-Антуанъ. Историки до сихъ поръ дописываются, кто именно обратилъ вниманіе народа въ эту сторону, и нѣкоторые изъ нихъ высказали предположеніе, что Постоянный Комитетъ, засѣдавшій въ Ратушѣ, направилъ народъ противъ этой эмблемы королевской власти, желая, говорятъ они, такимъ образомъ дать возстанію опредѣленную цѣль. Это предположеніе, однако, ничѣмъ не подтверждается, и многіе факты говорятъ противъ него. Вѣришь, что, уже начиная съ 12-го и 13-го числа, народъ инстинктивно понималъ, что въ планахъ подавленія парижскаго возстанія Бастилія должна была играть важную роль, а потому рѣшилъ овладѣть ею.

Въ самомъ дѣлѣ, извѣстно, что въ западной части Парижа у Двора имѣлось тридцать тысячъ человѣкъ солдатъ, расположенныхъ на Марсовомъ полѣ подъ начальствомъ Безанваля; а на востокъ, точку опоры для нападающаго на Парижъ войска представляла Бастилія, которой пушки были направлены на революціонное предмѣстье Сентъ-Антуанъ и на его главную улицу, а также на другую большую артерію — улицу Сентъ-Антуанъ, ведущую къ Ратушѣ (Hôtel de Ville), къ Палэ-Роялю и къ дворцу Тюильри. Угрожающее значеніе Бастиліи было, поэтому, очевидно, и уже съ ранняго утра 14 іюля, рассказываютъ „Два друга свободы“, „слова къ Бастиліи! переходили изъ устъ въ уста отъ одного конца города до другого“¹⁾.

¹⁾ Уже въ нѣкоторыхъ своихъ наказахъ избиратели выражали желаніе, „чтобы Бастилія была разрушена и исчезла“. (См. Наказъ квартала Рынка, а также кварталовъ Матюреновъ, Кордсельеровъ,

Правда, гарнизонъ Бастили состоялъ всего изъ 114-ти человекъ,—84-хъ инвалидовъ и 30-ти швейцарцевъ, и извѣстно теперь, что комендантъ не позаботился о припасахъ. Но это доказываетъ только, что самая мысль о возможности серьезнаго нападенія на грозную крѣпость считалась нелѣпой. Между тѣмъ, народъ зналъ, что заговорщики-роялисты разсчитываютъ на Бастилю; отъ жителей окрестныхъ домовъ узнали, что въ ночь 12-го на 13-ое изъ Арсепала были доставлены въ Бастилю запасы пороха. Извѣстно было также, что съ утра 14 іюля комендантъ крѣпости, маркизъ де-Лонэ, поставилъ пушки такъ, чтобы онѣ были наготовѣ для стрѣльбы по народу, если толпа направится къ городской Ратушѣ.

Нужно сказать также, что народъ всегда ненавидѣлъ тюрьмы: Бисетрскую тюрьму, Венсенскій замокъ, Бастилю. Во время волненій 1783 года, когда дворянство протестовало противъ произвольныхъ арестовъ, министръ Бретейль отмѣнилъ заключеніе въ Венсенгъ; послѣ чего знаменитый замокъ былъ превращенъ въ хлѣбный амбаръ, и Бретейль, въ угоду общественному мнѣнію, даже разрѣшилъ публикѣ осматривать страшные каменные мѣшки этого замка. Объ ужасахъ, видѣнныхъ тамъ посѣтителеми, много говорили въ ту пору, пишетъ Дрозъ¹⁾, и нѣтъ сомнѣнія, что, говоря о Венсенскомъ замкѣ, вспоминали и Бастилю, гдѣ заключеніе должно было быть еще ужаснѣе.

Какъ бы то ни было, извѣстно, что уже 13-го вечеромъ отрядъ вооруженныхъ парижанъ, проходившій мимо Бастили, и защитники крѣпости обмѣнялись нѣсколькими выстрѣлами, и что 14-го, съ ранняго утра, болѣе или менѣе вооруженныя толпы народа, загромаждавшія улицы въ теченіе всей предыдущей ночи, стали собираться на улицахъ, ведущихъ къ Бастили. Еще ночью разнесся слухъ, что королевскія войска приближаются со стороны Тропной заставы къ Сентъ-Антуанскому предместью, такъ что толпы народа

Сепюлькръ и др., приведенные у Шассена, въ „Les élections et les cahiers de Paris“, т. II, стр. 449 и слѣд.). Избиратели были правы, потому что уже во время дѣла Ревельона было отдано распоряженіе о вооруженіи Бастили. Вотъ почему, уже въ ночь 30-го іюня говорили о томъ, что необходимо овладѣть этою крѣпостью. („Récit de l'élargissement... des gardes françaises“, цит. у Шассена, стр. 452, примѣчаніе).

¹⁾ Droz, „Histoire du règne de Louis XVI“, т. 1, стр. 417.

направились въ восточную часть города и баррикадировали улицы къ сѣверо-востоку отъ городской Ратуши.

Утромъ 14 іюли удачное нападеніе на Домъ Инвалидовъ дало возможность народу вооружиться и добыть пушки.

Еще наканунѣ нѣсколько буржуа, уполномоченныхъ своими округами, явились въ Домъ Инвалидовъ и требовали оружія, говоря, что ихъ домамъ угрожаетъ нападеніе разбойниковъ. Баронъ Безанваль, командовавшій королевскими войсками въ Парижѣ, находился въ это время въ Домѣ Инвалидовъ и обѣщалъ испросить, у маршала Брольи, разрѣшенія на выдачу оружія. Но на другой день, 14-го, разрѣшенія еще не было получено, когда, около семи часовъ утра, въ то время, какъ инвалиды, подъ начальствомъ Сомбрѣйля, стояли у своихъ пушекъ, разставленныхъ передъ Домомъ Инвалидовъ, съ фитилями въ рукахъ, готовые открыть огонь,—изъ трехъ сосѣднихъ улицъ вдругъ высыпала бѣгомъ толпа въ семь или восемь тысячъ человекъ. Моментально, говорятъ очевидцы, эта толпа перешла, помогая другъ другу, черезъ рвы въ восемь футовъ глубиною и двѣнадцать шириною, окружавшіе площадку передъ Домомъ Инвалидовъ, заняла эту площадку и захватила двѣнадцать пушекъ (двадцати-четырехъ, восемнадцати и десяти фунтовыхъ) и одну мортиру¹⁾. Инвалиды, уже затронутые „духомъ возмущенія“, не защищались. Затѣмъ толпа, мало-по-малу пробираясь повсюду, добралась до подваловъ и до церкви, гдѣ было спрятано 32.000 ружей и нѣкоторое количество пороха²⁾. Эти ружья и пушки въ тотъ же день послужили для взятія Бастиліи. Что же касается до пороха, то народъ еще наканунѣ задержалъ тридцать шесть боченковъ, отсылавшихся въ Руанъ; они были привезены въ Ратушу, и порохъ раздавался всю ночь вооружавшемуся народу.

Ружья увозились народомъ изъ Дома Инвалидовъ очень медленно, и извѣстно, что къ двумъ часамъ дня они еще далеко не всѣ были вывезены. Времени, слѣдовательно, было бы достаточно, чтобы привести войска и разогнать народъ, тѣмъ болѣе, что пѣхота, кавалерія и даже артиллерія стояли очень близко—въ Военной Школѣ и на Мар-

¹⁾ Пушки такъ называются по вѣсу своихъ ядеръ

²⁾ Я руководюсь здѣсь письмомъ графа Сальмура, а также свидѣтельствомъ Mathieu Dumas, приведенными у Фламмермона.

совомъ Поль. Но офицеры этихъ полковъ не рассчитывали на своихъ солдатъ, а можетъ-быть и сами колебались, въ виду несмѣтной толпы людей всѣхъ возрастовъ и состояній; свыше 300.000 человекъ, наводнявшей улицы за послѣдніе два дня. Всѣ предметы, вооруженныя отчасти ружьями, а главное пиками, молотами, топорами или просто дубинами, тоже высыпали на улицу, и массы народа толпились на площади Людовика XV (теперешняя площадь Согласія), а также вокругъ городской Ратуши, Бастиліи и на улицахъ между Ратушею и Бастиліею. Народа было столько, что буржуазія пришла въ ужасъ при видѣ этой массы вооруженной бѣдноты.

Узнавъ, что народъ наводнитъ улицы, прилежація къ Бастиліи, Постоянный Комитетъ, заседавшій въ Ратушѣ, о которомъ мы говорили выше, послалъ съ утра 14-го парламентаровъ къ коменданту крѣпости, де-Лонэ, съ просьбою убрать пушки, направленные на улицы, и не предпринимать ничего противъ народа. Съ своей стороны, Комитетъ принималъ на себя обязательство, на которое онъ никѣмъ не былъ уполномоченъ; онъ обѣщалъ, что и „народъ не предприметъ противъ крѣпости ничего враждебнаго“. Делегаты Комитета были очень хорошо приняты комендантомъ, который даже оставилъ ихъ у себя на завтракъ, протянувши такимъ образомъ дѣло почти до двѣнадцати часовъ. Де-Лонэ, по всей вѣроятности, старался выиграть время, въ ожиданіи опредѣленныхъ распоряженій изъ Версаля; но они не приходили, потому что еще утромъ были перехвачены народомъ. Какъ всякій военный начальникъ, де-Лонэ, очевидно, предвидѣлъ, что ему трудно будетъ сопротивляться парижскому народу, толпами высылавшему на улицу, и онъ старался затянуть дѣло переговорами. Пока, онъ приказалъ отодвинуть назадъ пушки, на четыре фута, а чтъ бы народъ не видѣлъ ихъ извиѣ, онъ велѣлъ забрать амбразуры досками.

Около двѣнадцати часовъ округъ Сенъ-Луи-ла-Кюльтюръ прислалъ, съ своей стороны, двухъ депутатовъ къ коменданту, и одинъ изъ нихъ, адвокатъ Тюріо-де-ла-Розьеръ, получилъ отъ коменданта, маркиза де-Лонэ, форменное обѣщаніе не стрѣлять, если на него не будутъ нападать. Затѣмъ, около часу и около трехъ часовъ къ коменданту были посланы еще двѣ депутаціи отъ Постояннаго Комитета, но онѣ не были приняты. Обѣ онѣ просили коменданта пере-

дать крѣпость въ руки буржуазной милиции, которая будетъ охранять ее, вмѣстѣ съ солдатами и швейцарцами, составлявшими гарнизонъ Бастиліи.

Къ счастью, все эти сдѣлки были сведены на ничто народомъ, который отлично понималъ, что ему нужно во что бы то ни стало овладѣть Бастиліею. Послѣ того, какъ толпѣ удалось добыть ружья и пушки въ Домѣ Нивалидовъ, духъ народа сталъ подниматься все выше и выше. Толпа наводнила прилежащія къ Бастиліи улицы и дворы, окружавшіе крѣпость. Скоро между народомъ и нивалидами, стоявшими на крѣпостной стѣнѣ, завязалась перестрѣлка. Пока постоянный Комитетъ пытался охладить пылъ нападающихъ и собирается объявить на площади Грэвы, что де-Лонэ обѣщаль не стрѣлять, если на него не будутъ нападать,—толпа, съ криками: *Мы хотимъ Бастилію! Спускайте мосты!* двигалась къ крѣпости. Говорятъ, что, увидавши съ высоты стѣнъ, что улица предместья Сентъ-Антуанъ и сосѣднія съ нею черны отъ двигающаго къ Бастиліи народа, комендантъ, поднявшійся на стѣну вмѣстѣ съ адвокатомъ Тюріо, чуть не упалъ въ обморокъ. Онъ, повидимому, даже готовъ былъ сейчасъ же сдать крѣпость милиціи Комитета; но этому воспротивились швейцарцы¹⁾.

Вскорѣ первые подъемные мосты той вѣншей части Бастиліи, которая называлась Передовою (l'Avancée), были спущены—какъ это всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, благодаря смѣлости горсти людей. Восемь или десять человекъ, среди которыхъ былъ бакалейный лавочникъ Паннетье—человѣкъ высокаго роста и сильный,—воспользовались тѣмъ, что къ вѣншей стѣнѣ Передовой части крѣпости былъ пристроенъ какой-то домъ. При помощи этого дома, они взобрались на стѣну; затѣмъ, подвигаясь по стѣнѣ верхомъ, они добрались до кордегардіи, стоявшей около маленькаго подъемнаго моста Передовой части, а оттуда спрыгнули въ первый дворъ собственно Бастиліи—Губернаторскій дворъ, въ которомъ помѣщался домъ коменданта. Дворъ этотъ оказался пустымъ, такъ какъ послѣ ухода Тюріо нивалиды, вмѣстѣ съ де-Лонэ, удалились во внутрь крѣпости. Попадши на Губернаторскій дворъ, эти восемь

¹⁾ Такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ письмо швейцарца Де-Гю (De Hue) къ его братьямъ, приведенное въ нѣмецкомъ подлинникѣ у Фламмермона, стр. CXCVIII, примѣчаніе.

или десять человѣкъ спустили прежде всего маленькій подъемный мостъ Передовой части, выломали его ворота топорами, а затѣмъ спустили и большой мостъ. Тогда больше трехсотъ человѣкъ ворвались въ Губернаторскій дворъ и побѣжали къ двумъ другимъ подъемнымъ мостамъ, малому и большому, служившимъ для перехода черезъ широкій главный ровъ въ самую крѣпость. Оба моста были, однако, уже подняты изнутри, защитниками крѣпости.

Здѣсь произошло то, что сразу довело ярость парижскаго народа до высшей точки и позднѣе стоило жизни де-Лонэ. Когда толпа наводнила Губернаторскій дворъ, защитники Бастиліи стали стрѣлять по ней; была даже сдѣлана кѣмъ-то попытка поднять большой подъемный мостъ Передовой части, чтобы помѣшать толпѣ уйти изъ Губернаторскаго двора и взять ее въ плѣнъ, или уничтожить¹⁾. Такимъ образомъ, въ тотъ самый моментъ, когда Тюріо и Корни объявляли народу на площади Грэвы, что комендантъ обѣщалъ не стрѣлять, солдаты, съ высоты крѣпостной стѣны, обстрѣливали Губернаторскій дворъ ружейными залпами, а пушки Бастиліи обстрѣливали ядрами сосѣднія улицы.

Послѣ всѣхъ переговоровъ, происходившихъ утромъ, этотъ огонь, открытый по толпѣ, естественно было понять какъ измѣна со стороны де-Лонэ, и народъ сталъ обвинять его въ томъ, что онъ самъ спустилъ первые два подъемные моста Передовой части, съ цѣлью заманить толпу подъ огонь съ крѣпостной стѣны²⁾.

1) Теперь есть историки, старающіеся доказать, что эта попытка была сдѣлана не по приказанію де-Лонэ, а по собственной инициативѣ нѣсколькихъ инвалидовъ, которые выходили за провизіей и теперь возвращались въ крѣпость. Мнѣ кажется, что такой образъ дѣйствій совершенно невѣроятенъ со стороны трехъ или четырехъ солдатъ, затерянныхъ въ громадной толпѣ. Кромѣ того, зачѣмъ было запираеть толпу во дворъ, если не имѣлось въ виду сдѣлать изъ нея заложниковъ противъ народа, или перебить ее?

2) Этой внезапно начатой стрѣльбѣ были даны разные объясненія. По мнѣнію нѣкоторыхъ, защитники Бастиліи открыли огонь, потому что толпа, наводнившая дворы Ормъ и Губернаторскій, стала грабить домъ коменданта и дома, гдѣ жили инвалиды. Между тѣмъ, въ глазахъ всякаго военнаго, само *взятіе приступомъ* Передовой части, которое давало народу доступъ къ подъемнымъ мостамъ крѣпости и къ ея воротамъ, было уже достаточною причиною для открытія стрѣльбы по осаждающимъ. Возможно, и даже вѣроятно, что въ это самое время де-Лонэ получилъ ожидаемый имъ приказъ за-

Все это произошло приблизительно въ часъ пополудни.

Извѣстіе, что орудія Бастиліи стрѣляютъ по народу, немедленно разнеслось по всему Парижу и привело къ двумъ послѣдствіямъ. Постоянный Комитетъ парижской милиціи, съ своей стороны, поспѣшилъ отправить новую депутацію къ коменданту, съ предложеніемъ принять въ крѣпость отрядъ милиціи, который будетъ защищать ее вмѣстѣ съ войсками. Но эта депутація не дошла до коменданта, вслѣдствіе сильной перестрѣлки, продолжавшейся все время между инвалидами и нападающими, которые, стоя подъ стѣнами окружающихъ построекъ, стрѣляли, въ особенности по солдатамъ, стоявшимъ на стѣнѣ у орудій. Народъ, кромѣ того, понималъ, что депутація Комитета только мѣшаютъ осадѣ.— „Они не хотятъ больше депутацій, они требуютъ сдачи Бастиліи и хотятъ разрушить эту ужасную тюрьму: они громко требуютъ смерти коменданта“, рассказывали вернушіеся депутаты.

Это не помѣшало, однако, Комитету, засѣдавшему въ Ратушѣ, послать еще третью депутацію. Королевскому и го-одекому прокурору. Эпису-де-Корни и еще нѣсколькимъ гражданамъ было поручено охладить пылъ народа, помѣшать осадѣ и войти въ соглашеніе съ де-Лонэ, съ тѣмъ, чтобы онъ впустилъ въ крѣпость комитетскую милицію. Стремленіе помѣшать народу овладѣть Бастиліею обнаружилось здѣсь очень ясно¹⁾.

Инцидентъ Бастиліи до послѣдней крайности. Извѣстно, что одинъ такой приказъ былъ перехваченъ; но возможно, что тотъ же приказъ, посланный другимъ путемъ, дошелъ по назначенію. Существуетъ даже предположеніе, что такой приказъ действительно былъ переданъ коменданту.

¹⁾ „Имъ было поручено уговаривать всѣхъ тѣхъ, кто находился въ окрестностяхъ Бастиліи, возвратиться въ свои округа, и тамъ немедленно записываться въ парижскую милицію, и напомнить г-ну де-Лонэ обѣщаніе, данное имъ господамъ Тюріо-де-ла-Розьеръ и Беллону“... (Фламмермонъ, указ. соч. стр. CLVIII). Явившись во дворъ Передовой части, полный людей, вооруженныхъ ружьями, топорами и т. д., депутація обратилась къ инвалидамъ. Послѣдніе, очевидно, потре-овали, чтобы народъ прежде всего удалился съ Губернаторскаго двора. Тогда депутація стала уговаривать народъ удалиться (См. Boucheron, цитированный Фламмермономъ, стр. CCXIV, примѣчаніе). Къ счастью; народъ и не думалъ послѣдовать ихъ совѣту, а про-олжалъ осадѣ. Онъ понималъ, что время переговоровъ прошло, и обошелся съ господами депутатами очень дурно; слышались даже разговоры о томъ, чтобы убить ихъ, какъ измѣнниковъ. (Boucheron, указ. соч., стр. CCXVI, примѣчаніе, и „Procès-verbal des électeurs“).

Что же касается до парижскаго народа вообще, то онъ, со своей стороны, какъ только вѣсть о перестрѣлкѣ распространилась по городу, сталъ дѣйствовать, не ожидая ничьихъ приказаній, а руководствуясь однимъ своимъ революціоннымъ чутьемъ. Онъ привезъ къ Ратушѣ захваченныя въ Домѣ Инвалидовъ пушки, и около трехъ часовъ, когда депутація Корни возвращалась, съ разсказомъ о своей неудачѣ, она встрѣтила на пути приблизительно триста солдатъ французской гвардіи и множество вооруженныхъ буржуа, подъ командою бывшаго солдата Юлена (Hulin), направлявшихся къ Бастиліи, съ пятью пушками. Въ это время стрѣльба продолжалась уже около трехъ часовъ. Народъ не отступалъ, несмотря на многихъ убитыхъ и раненыхъ¹⁾, и продолжалъ осаду, прибѣгая къ разнаго рода уловкамъ: были, напримѣръ, привезены два воза соломы и навоза, чтобы дымъ отъ нихъ составилъ своего рода завѣсу и облегчилъ осаду двухъ входныхъ воротъ (у малаго и у большого подъемнаго моста). Зданія, расположенныя на Губернаторскомъ дворѣ, уже были сожжены.

Пушки являлись какъ разъ во-время. Ихъ ввезли на Губернаторскій дворъ и поставили противъ подъемныхъ мостовъ и воротъ, всего въ пятнадцати саженьяхъ отъ нихъ.

Легко себѣ представить, какое впечатлѣніе должны были произвести на осажденныхъ эти пушки въ рукахъ народа! Ясно было, что всячіе мосты скоро упадутъ, и ворота будутъ выбиты. Толпа, все болѣе и болѣе грозная, становилась все многочисленнѣе.

Наступилъ, наконецъ, моментъ, когда защитники крѣпости поняли, что сопротивляться долѣе—значило бы осудить себя на вѣрную смерть. Де-Тонэ рѣшилъ сдаться. Инвалиды, видѣвши, что имъ не устоять противъ всего Парижа, ведущаго на нихъ осаду, еще раньше совѣтовали капитуляцію, и около четырехъ часовъ, или между четырьмя и пятью, комендантъ выбросилъ бѣлый флагъ и велѣлъ бить отбой, т.-е. приказъ прекратить огонь и сойти съ крѣпостной стѣны.

Гарнизонъ сдавался и просилъ оставить за нимъ право выйти съ оружіемъ. Возможно, что военные, Юленъ и Эли, находившіеся противъ большого подъемнаго моста, дали

¹⁾ 83 человека было убито на мѣстѣ. 15 умерло отъ ранъ, 13 было изувѣчено, 60 ранено

свое согласіе на такое условіе, но народъ и слышать о немъ не хотѣлъ. Раздавались ожесточенные крики: „Спустить мосты!“

Тогда, въ пять часовъ, комендантъ передалъ черезъ одну изъ бойницъ, около малаго подъемнаго моста, записку слѣдующаго содержанія: „У насъ есть двадцать бочекъ пороха; если вы не примете капитуляціи, мы взорвемъ весь кварталъ и гарнизонъ“. Это были одни слова, такъ какъ если бы даже комендантъ думалъ привести свою угрозу въ исполненіе, то гарнизонъ никогда не допустилъ бы до этого. Какъ бы то ни было, де-Лонэ самъ отдалъ ключъ отъ воротъ маленькаго подъемнаго моста.

Ворота отперли изнутри, и народъ тотчасъ же наводнилъ крѣпость, обезоруживая швейцарцевъ и инвалидовъ, и захватилъ самого де-Лонэ, котораго потащили въ городскую Ратушу. По дорогѣ, толпа, разъяренная его измѣною, осыпала его всякими оскорбленіями. Двадцать разъ рисковалъ онъ быть убитымъ, несмотря на героическія усилія нѣкоего Шола, и еще одного¹⁾, заслонявшихъ его собою. Въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ Ратуши его, впрочемъ, вырвали изъ ихъ рукъ и отрубили ему голову. Де-Гю (De Hue), начальникъ швейцарцевъ, спасъ свою жизнь тѣмъ, что заявилъ, что сдается Городу и Націи, и выжилъ за ихъ процвѣтаніе; но три офицера генеральнаго Штаба Бастиліи и три инвалида были убиты. Что касается городского головы Флессея, находившагося въ сношеніяхъ съ Безанвалемъ и герцогинею Полиньякъ, и въ рукахъ котораго, — какъ это выясняется изъ одного его письма, — было еще много другихъ тайнъ, сильно компрометировавшихъ королеву, то народъ готовился уже казнить его, когда какой-то неизвѣстный застрѣлилъ его изъ пистолета. Не рѣшилъ ли этотъ неизвѣстный, что „мертвые лучше всѣхъ хранятъ тайны?“

Какъ только подъемные мосты Бастиліи были спущены, народъ бросился во дворы и сталъ разыскивать заключенныхъ, заживо-погребенныхъ въ Бастиліи. При видѣ этихъ призраковъ, выходившихъ изъ темныхъ казематовъ и совершенно растерявшихся отъ свѣта и отъ гула присутствовавшихъ ихъ голосовъ, растроганная толпа проливала слезы. Мучениковъ королевскаго деспотизма торжественною про-

¹⁾ Не былъ ли это Мальяръ (Maillard)? Извѣстно, что имъ былъ арестованъ де-Лонэ.

цессіею повели по улицамъ Парижа. И скоро, при извѣстїи, что Бастилія въ рукахъ народа, восторгъ овладѣлъ всѣмъ городомъ, при чемъ населеніе сейчасъ же стало еще ревностнѣе заботиться о томъ, чтобы сохранить за собою свое завоеваніе. Переворотъ, задуманный Дворомъ, кончился полнѣйшею неудачею.

Такъ началась Революція. Народъ одержалъ первую свою побѣду. Такая осязательная побѣда была необходима. Нужно было, чтобы Революція выдержала борьбу и вышла изъ нея побѣдительницей. Народъ долженъ былъ показать свою силу, чтобы заставить своихъ враговъ считаться съ нимъ. Чтобы повсюду въ странѣ возбудить бодрость и всюду дать толчокъ къ возстаніямъ. къ завоеванію свободы.

XIII.

Послѣдствія 14 іюля въ Версалѣ.

Во всякой Революціи, разъ она началась, каждое отдѣльное ея событіе не только подводитъ итоги тому, что уже совершилось, но также заключаетъ въ себѣ главные зачатки будущаго; такъ что, если бы современники способны были отрѣшиться отъ впечатлѣній минуты, и отдѣлить въ происходившемъ вокругъ нихъ существенное отъ случайнаго, — они уже на другой день послѣ 14 іюля могли бы предвидѣть весь дальнѣйшій ходъ Революціи.

При дворѣ, еще наканунѣ вечеромъ, т.-е. 13 іюля, совершенно не понимали важности движенія, происходившаго въ Парижѣ. Въ Версалѣ въ этотъ вечеръ было устроено празднество. Во дворцѣ танцовали, въ Оранжереѣ, и шли за будущую побѣду надъ взбунтовавшеюся столицей. Королева со своею пріятельницею Полиньякъ и другими придворными дамами, и вмѣстѣ съ нею принцы и принцессы, расточали въ казармахъ любезности иностраннымъ солдатамъ, чтобы возбудить ихъ къ предстоящему бою¹⁾. Съ безумнымъ легкомысліемъ французскій Дворъ — жившій, какъ и всякій Дворъ, въ мірѣ заблужденій и условной логики, — не подозревалъ даже, что завладѣть Парижемъ уже невозможно, что моментъ былъ упущенъ. Самъ Людовикъ XVI зналъ о положеніи дѣлъ не больше, чѣмъ королева или принцы. Когда 14-го вечеромъ, Собраніе, испуганное народнымъ возстаніемъ, бросилось къ нему, и въ раболѣпныхъ выраженіяхъ стало умолять его вернуть министровъ и удалить войска, онъ отвѣтилъ тономъ властелина, все еще увѣреннаго въ по-

¹⁾ Мирабб, въ отчетѣ о рѣчи, произнесенной имъ въ засѣданіи Собранія, открывшемся 15-го въ восемь часовъ утра, говоритъ такъ, какъ будто бы это празднество происходило наканунѣ. Но говорилъ, онъ именно о празднествѣ 13-го числа.

бѣдѣ. Онъ вѣрилъ въ планъ, который ему присовѣтовали: а именно, поставить во главѣ буржуазной милиціи вѣрныхъ людей, обуздать съ помощью этой милиціи народъ, а затѣмъ—ограничиться изданіемъ нѣсколькихъ распоряженій относительно удаленія войскъ. Вотъ въ какомъ искусственномъ мірѣ, населенномъ призраками, жили король и Дворъ, — и продолжали жить, несмотря на краткіе моменты пробужденія, до той самой минуты, когда оставалось только погибнуть на эшафотъ.

И какъ хорошо опредѣляются, уже тогда, характеры всѣхъ дѣйствующихъ лицъ! Король, отуманенный своею неограниченною властью, готовъ всегда сдѣлать именно тотъ шагъ, который приведетъ къ катастрофѣ. Затѣмъ, когда катастрофа подходитъ, онъ проявляетъ въ борьбѣ съ нею свое упорство, свою косность, — только косность, — и, наконецъ, какъ разъ тогда, когда всѣ думаютъ, что онъ выдержитъ и будетъ упорно сопротивляться, онъ уступаетъ — всегда только для вида. А вотъ королева: порочная, испорченная до глубины души своею неограниченною властью, она прямо толкаетъ короля къ катастрофѣ. Сперва она рѣзко сопротивляется событіямъ, не хочетъ признавать ихъ; затѣмъ, вдругъ рѣшается уступить — и впадаетъ со своими пріятельницами въ ребячество куртизанки. А принцы? Они совѣтуютъ королю самыя гибельныя рѣшенія и покидаютъ его при первой же неудачѣ; они оставляютъ Францію и становятся эмигрантами, тотчасъ же послѣ взятія Бастиліи, и ѣдутъ интриговать въ Германію или въ Савойю. — Какъ быстро обрисовываются всѣ эти характеры, въ нѣсколько дней, отъ 8 до 15 іюля!

А съ другой стороны, мы видимъ народъ, съ его пылкимъ энтузіазмомъ, съ его великодушіемъ, съ его готовностью погибнуть за торжество Свободы; но вмѣстѣ съ тѣмъ — народъ, ищущій руководителей, готовый подчиниться новымъ господамъ, водворяющимся въ Городской Ратушѣ. Онъ такъ хорошо понимаетъ всѣ интриги Двора, такъ ясно видитъ — лучше самыхъ проиницательныхъ людей — развитіе заговора, подготовливаемаго уже съ конца іюня, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ даетъ себя опутать другимъ заговорщикамъ, т.-е. имущимъ классамъ, которые скоро загоняютъ назадъ въ трущобы голодныхъ пролетаріевъ, вооружившихся пиками. Ихъ призывали на помощь, когда нужно было противопоставить силѣ арміи силу народнаго возстанія, а теперь ихъ

выживаютъ съ улицы, надававши имъ разныхъ обѣщаній,— и они повинуются.

Съ самыхъ первыхъ дней въ поведеніи буржуазіи уже намѣчаются всѣ будущія великія драмы Революціи. 14 іюля, по мѣрѣ того, какъ королевская власть становится все меньше и меньше опасною, представители Третьяго Сословія, собравшіеся въ Версаль, все болѣе и болѣе начинаютъ бояться народа. И, несмотря на пылкія слова Мирабо по поводу праздника, происходившаго въ Оранжерей, королю достаточно появиться въ Собраніи, признать власть представителей и обѣщать имъ личную неприкосновенность; чтобы они разразились рукоплесканіями, пришли въ восторгъ и вышли на улицу провожать короля, составляя ему почетный караулъ и оглашая Версаль криками: „Да здравствуетъ король!“ И это происходитъ въ то самое время, когда въ Парижѣ народъ избивается во имя того же короля, когда въ Версаль толпа грозитъ королевѣ и герцогинѣ Полиньякъ, а про обѣщанія короля люди спрашиваютъ себя, — не надо ли видѣть въ нихъ одну его обычную лживость?

Парижскій народъ, дѣйствительно, не поддастся на обѣщанія короля удалить войска. Онъ ему не повѣрилъ. Онъ предпочелъ организовать въ революціонную Коммуну, и эта Коммуна, наподобіе средневѣковыхъ коммунъ, приняла нужныя мѣры для защиты города отъ короля. Улицы Парижа были перерѣзаны траншеями или перегорожены баррикадами; народныя патрули стали ходить по городу, готовые при малѣйшей тревогѣ звать въ набатъ. Даже посѣщеніе Парижа королемъ не успокоило народа.

17 іюля, видя себя побѣжденнымъ и покинутымъ всѣми. Людовикъ XVI рѣшился поѣхать въ Парижъ, въ Городскую Ратушу, чтобы помириться тамъ со своею столицею. Буржуазія постаралась сдѣлать изъ этого посѣщенія торжественный актъ примиренія между нею и королемъ. Буржуазные революціонеры, изъ которыхъ весьма многіе были франкъ-масонами, оказали королю великую почесть, составивши изъ своихъ, скрещенныхъ надъ его головою шпалъ такъ-называемый „стальной сводъ“, когда онъ поднимался въ Ратушу; а Байльи, назначенный мэромъ Парижа, прикололъ къ его шпалѣ трехцвѣтную кокарду. Въ буржуазіи стали даже поговаривать о томъ, чтобы поставить Людовику XVI статую на мѣстѣ разрушенной Бастиліи. Но народъ отнесся ко всему этому весьма сдержанно и недовѣрчиво, и такое

отношеніе не исчезло послѣ посѣщенія королемъ Ратуши. Король буржуазіи — сколько угодно, но не король народа!

Съ своей стороны, Дворъ отлично понималъ, что послѣ возстанія 14 іюля между королевскою властью и народомъ примиренія быть не можетъ. Герцогиню Полиньякъ спроводили въ Швейцарію, несмотря на слезы Маріи-Антуанеты, и на другой же день начали выѣзжать за границу принцы. Тѣ, кто былъ душою неудавшагося заговора — принцы и министры — спѣшили покинуть Францію. Герцогъ д'Артуа скрылся ночью, и такъ боялся за свою жизнь, что тайно проѣхалъ черезъ городъ, а въ пути его сопровождалъ цѣлый полкъ, съ двумя пушками. Король обѣщалъ при первой возможности отправиться вслѣдъ за милыми его сердцу эмигрантами; и съ тѣхъ поръ уже созданъ планъ бѣгства короля за границу, съ тѣмъ, чтобы вернуться во Францію во главѣ нѣмецкихъ войскъ.

Въ сущности, 16 іюля все уже было готово къ отъѣзду короля. Людовикъ XVI долженъ былъ доѣхать до Меца, стать тамъ во главѣ войска и идти войною на Парижъ. Экипажи уже были запряжены, и ихъ готовы были подать, чтобы увезти короля и королеву подъ прикрытіемъ войскъ, расположенныхъ между Версалемъ и нѣмецкою границею. Но герцогъ Брולי отказался везти короля въ Мецъ, а принцы слишкомъ торопились убѣжать сами по себѣ. Тогда Людовикъ XVI — онъ самъ рассказывалъ это впоследствии, — видя себя покинутымъ принцами и дворянствомъ, отказался отъ плана вооруженнаго сопротивленія, внушеннаго ему исторіею англійскаго короля Карла I, и рѣшилъ съѣздить въ Парижъ, выразить свое подчиненіе волѣ народа.

Нѣкоторые историки, роялисты, стараются набросить сомнѣніе на самое существованіе при Дворѣ заговора противъ Національнаго Собранія и города Парижа. Но заговоръ доказанъ множествомъ документовъ. Минье, — историкъ, какъ извѣстно, весьма умѣренный и притомъ писавшій вскорѣ послѣ самыхъ событій, — не выражаетъ на этотъ счетъ ни малѣйшаго сомнѣнія, и всѣ позднѣйшія изслѣдованія подтвердили его взглядъ. 13 іюля король долженъ былъ повторить заявленіе, сдѣланное имъ 23 іюня, послѣ чего Собраніе должно было быть распущено. Заявленіе короля уже было отпечатано въ сорока тысячахъ экземпляровъ, для разсылки по всей Франціи. Командующій войсками, стяну-

тыми на пространствах между Версалемъ и Парижемъ, получили неограниченныя полномочія, чтобы устроить избіеніе парижскаго народа и принять строгія мѣры противъ Собранія, въ случаѣ если бы оно стало сопротивляться.

Что миллионы кредитныхъ билетовъ уже было отпечатано, безъ разрѣшенія Собранія, для покрытія издержекъ Двора. Все было готово: и когда 12-го пришло извѣстіе, что Парижъ возсталъ, на это возстаніе сперва взглянули при Дворѣ какъ на бунтъ, способствующій замысламъ придворныхъ. Потомъ, немного позже, когда узнали, что движеніе растетъ, король собрался уѣзжать, предоставляя министрамъ разогнать Собраніе при помощи наѣмныхъ иностранныхъ войскъ—пѣмецкихъ полковъ и швейцарцевъ. Но министры этому воспротивились, такъ какъ видѣли, что волна движенія все растетъ и растетъ. Вотъ почему, послѣ 14 іюля, при полученіи извѣстія о взятіи Бастиліи и убійствѣ де-Лонэ, Дворомъ овладѣла такая паника, и почему Полиньяки, принцы и многіе другіе аристократы, бывшіе душою заговора и боясь допосовъ, поспѣшили бѣжать за границу.

Но народъ не дремалъ. Онъ смутно понималъ, чѣмъ ищутъ эти бѣглецы по ту сторону границы, и крестьяне начали задерживать ихъ. Въ числѣ ихъ были задержаны Фуллонъ и Бертъе.

Мы уже говорили о нищетѣ, свирѣпствовавшей въ Парижѣ и его окрестностяхъ и о спекуляторахъ на хлѣбѣ, преступленія которыхъ Собраніе не рѣшалось разслѣдовать. Среди этихъ спекуляторовъ, обогащавшихся народною нищетою, особенно указывали на Фуллона, нажившаго себѣ громадное состояніе, какъ финансовыми операціями, такъ и въ своей должности интенданта арміи и флота. Вмѣстѣ съ тѣмъ, извѣстна была его ненависть къ народу и Революціи. Бродяи, когда готовился переворотъ на 16-е іюля, приглашали Фуллона въ министры. Хитрый финансистъ, правда, отказался отъ этого опаснаго поста, но на совѣты онъ не скупился: по его мнѣнію, слѣдовало разомъ избавиться отъ всѣхъ тѣхъ, кто пріобрѣлъ вліяніе въ революціонномъ лагерѣ.

Послѣ взятія Бастиліи, когда онъ узналъ, какъ по улицамъ носили голову де-Лонэ, Фуллонъ понялъ, что ему не остается ничего другого, какъ послѣдовать примѣру принцевъ и бѣжать: но такъ какъ сдѣлать это было уже трудно,

вслѣдствіе бдительнаго надзора парижскихъ „округовъ“, то онъ воспользовался смертью одного изъ своихъ лакеевъ, чтобы распустить слухъ, что Фуллоны умеръ и похороненъ, а самъ тѣмъ временемъ выѣхалъ изъ Парижа и скрылся у одного изъ своихъ пріятелей, въ окрестностяхъ Фонтэблô.

Тамъ Фуллона открыли и задержали крестьяне, и тогда они отомстили ему за всѣ свои долги страданія, за всю свою нужду. Взваливъ ему на плечи охапку сѣна—намѣкъ на его похвальбу, что онъ заставитъ парижанъ ѣсть сѣно,—озлобленная толпа потащила спекулятора въ Парижъ. Тамъ, въ Ратушѣ, Лафайетъ попытался спасти его. Но разъяренный народъ не послушалъ революціоннаго генерала и повѣсилъ Фуллона на фонарь.

Его зять, Бертъе,—тоже участникъ въ королевскомъ заговорѣ и къ тому же интендантъ войска Брoльи,—былъ задержанъ въ Компьенѣ и тоже приведенъ толпою въ Парижъ, гдѣ его тоже собирались повѣсить на фонарь; но онъ сталъ сопротивляться, въ надеждѣ спастись, и былъ убитъ.

Нѣсколько другихъ заговорщиковъ, направившихся за границу, было задержано на сѣверѣ и на сѣверо-востокѣ Франціи, и они возвращены были въ столицу.

Легко себѣ представить, какой ужасъ охватилъ придворныхъ при извѣстіи объ этихъ актахъ народной расправы и неусыпной бдительности крестьянъ. Все высокомеріе придворной партіи, вся ихъ рѣшимость бороться противъ Революціи исчезли. Теперь они желали одного: чтобы ихъ забыли. Реакціонная партія поняла, что ея дѣла стоятъ очень плохо.

XIV.

Народныя возстанія.

Разстроивши всѣ планы Двора, Парижъ нанесъ королевской власти смертельный ударъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ, появленіе на улицахъ самыхъ бѣдныхъ слоевъ народа, въ качествѣ дѣятельной силы Революціи, придавало всему движению новый характеръ; оно вносило въ него новыя требованія—требованія равенства. Богатые и властные сразу поняли смыслъ того, что произошло за эти дни въ Парижѣ, а бѣгство за границу, сначала принцевъ, а потомъ и придворныхъ фаворитовъ и спекуляторовъ, только подчеркнуло смыслъ народной побѣды. Дворъ сталъ искать за границею поддержки противъ революціонной Франціи.

Тѣмъ не менѣе, если бы движеніе ограничилось одною столицею, то Революція никогда не выросла бы до того, чѣмъ она стала въслѣдствіи, т.-е. до разрушенія всего стараго строя. Возстаніе въ центрѣ было, само собою, необходимо для того, чтобы нанести ударъ центральному правительству, чтобы поколебать его, чтобы обезкуражить его защитниковъ. Но для того, чтобы сломить силу правительства въ провинціи, на мѣстахъ,—чтобы уничтожить старый порядокъ въ его правительственныхъ отправленіяхъ и въ его экономическихъ привилегіяхъ, необходимо было широкое народное возстаніе, въ городахъ, мѣстечкахъ и деревняхъ. Такое возстаніе и произошло въ іюль, въ значительной части Франціи.

Историки, которые всѣ, сознательно или безсознательно, руководствуются первою исторіею Революціи, написанною „Двумя друзьями свободы“, обыкновенно изображаютъ это движеніе въ городахъ и деревняхъ, какъ послѣдствіе взятія Бастиліи. Извѣстіе объ уснѣхѣхъ народа въ Парижѣ подняло, говорятъ они, движеніе въ деревняхъ; крестьяне начали жечь замки, и это крестьянское возстаніе навело такой

ужасъ, что 4 августа дворянство и духовенство отказались отъ всѣхъ своихъ феодальныхъ правъ.

Но такое толкованіе вѣрно только отчасти. Въ городахъ, дѣйствительно, многія возстанія произошли подъ вліяніемъ взятія Бастиліи. Одни изъ нихъ, напримѣръ, въ Труа—18 іюля, въ Страсбургъ—19-го, въ Шербургъ—21-го, въ Руанъ—24-го, въ Мобёжъ—27-го, послѣдовали вскорѣ за парижскимъ движеніемъ. Другія совершились въ теченіе слѣдующихъ трехъ или четырехъ мѣсяцевъ, пока Національное Собраніе не провело муниципальнаго закона 14 декабря 1789 года, установившаго правленіе буржуазіи въ городахъ, при очень значительной независимости отъ центральнаго правительства.

Но что касается крестьянъ, то при медленности сообщенія въ тѣ времена, трехъ недѣль, протекшихъ между 14 іюля и 4 августа, было совершенно недостаточно для того, чтобы взятіе Бастиліи могло вызвать движеніе въ деревняхъ, а крестьянское возстаніе, въ свою очередь, могло повліять на рѣшенія Національнаго Собранія. Представлять себѣ событія въ такомъ видѣ, значить, въ сущности, умалять глубокое значеніе движенія, происходившаго въ деревняхъ.

Возстаніе крестьянъ, съ цѣлью уничтоженія феодальныхъ правъ и возврата общинныхъ земель, отнимавшихся у деревенскихъ общинъ, еще съ семнадцатаго вѣка, свѣтскими и духовными помѣщиками, это—*самая сущность, истинная основа Великой Революціи*. На этой основѣ крестьянскаго и городского возстанія разыгралась вся борьба буржуазіи изъ-за политическихъ правъ. Безъ крестьянскаго движенія никогда Революція не получила бы того глубокаго значенія, какое она имѣла въ Европѣ. Именно это широкое крестьянское возстаніе, начавшееся съ января 1789 года (даже съ 1788 года) и продолжавшееся съ перемѣнною силою цѣлыхъ пять лѣтъ, дало Революціи возможность выполнить ту громадную разрушительную работу, которой мы ей обязаны. Оно дало ей возможность заложить первыя основы политической жизни, построенной на идеѣ равенства; оно развило во Франціи республиканскій духъ, котораго ничто внострѣдствіи не могло убить, и оно дало возможность приступить въ 1793 году къ выработкѣ принциповъ земледѣльческаго коммунизма. Это возстаніе составляетъ, наконецъ, характерную черту французской Революціи, въ отличіе отъ англійской Революціи 1648—1657 годовъ.

Въ Англіи буржуазія послѣ борьбы, продолжавшейся девять лѣтъ, также низвергла неограниченную власть короля и разрушила политическія привилегіи придворныхъ прислужниковъ. Но рядомъ съ этимъ отличительную черту англійской Революціи составляетъ борьба за право каждого человѣка исповѣдывать избранную имъ вѣру, толковать Библію, какъ онъ самъ ее понимаетъ, и избирать самому своихъ пастырей; словомъ, право личности идти по тому пути умственного и религіознаго развитія, который она сама изберетъ. Другую отличительную черту англійской Революціи составляетъ борьба за мѣстную независимость приходо-въ, а слѣдовательно и городовъ. Но на такое возстаніе, какое было во Франціи, чтобы уничтожить феодальныя повинности и вернуть отобранныя у сельскихъ общинъ земли, англійскіе крестьяне не поднялись. Если крестьяне и банды Кромвеля разрушили не мало замковъ, представлявшихъ настоящія крѣпости феодализма, то они не объявили войны ни феодальнымъ притязаніямъ помѣщиковъ на землю, ни даже ихъ праву суда надъ своими вассалами. Вотъ почему англійская Революція, хотя и завоевала драгоцѣнныя для личности права, но не уничтожила феодальную власть помѣщика: она только слегка измѣнила ее, сохраняя, однако, за помѣщиками захваченныя ими права на землю — права, уцѣлѣвшія и до нашихъ дней.

Англійская Революція упрочила, конечно, политическую власть за буржуазіею; но, чтобы добиться этой власти, буржуазіи пришлось раздѣлить ее съ землевладѣльческою аристократіею. И если Революція дала англійской буржуазіи процвѣтаніе торговли и промышленности, то только подъ условіемъ, что буржуазія, которая воспользуется этимъ процвѣтаніемъ, не тронетъ землевладѣльческихъ привилегій дворянства. Мало того, англійская Революція даже содѣйствовала развитію этихъ привилегій, — по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ увеличенія ихъ цѣнности. Она помогла помѣщикамъ овладѣть общинными землями путемъ законодательства въ Парламентѣ, посредствомъ закона объ „огораживаніи“ этихъ земель (Enclosure Acts); вслѣдствіе чего деревенское населеніе, доведенное до нищеты, было отдано на произволъ помѣщиковъ и вынуждено было выселяться въ города, гдѣ обезземеленные крестьяне подпадали подъ ничѣмъ неограниченную эксплоатацію промышленной буржуазіи. При этомъ англійская буржуазія помогла дворянству сдѣлать изъ своихъ

громадных имѣній, не только источникъ доходовъ, иногда баснословныхъ, но и источникъ мѣстной политической и судебной власти, благодаря возстановленію, въ вопросахъ о продажахъ земли, монополіи землевладѣнія, тогда какъ потребность въ землѣ чувствовалась все сильнѣе въ странѣ, гдѣ непрерывно развивались промышленность и торговля¹⁾.

Мы знаемъ теперь, что французская буржуазія — особенно высшая промышленная и торговая буржуазія — хотѣла послѣдовать примѣру англійской. „Конституція на англійскій ладъ“ (à l'anglaise) была ея идеаломъ. Она охотно пошла бы въ соглашеніе съ королемъ и дворянствомъ, чтобы получить власть. Но это ей не удалось, потому что во Франціи основа Революціи оказалась шире, чѣмъ она была въ Англіи. Во Франціи движеніе не было только возстаніемъ за завоеванія *религіозной* свободы, или *личной* политической свободы, или свободы *торговли* и *промышленности*, или же борьбою за установленіе *городского самоуправления* въ рукахъ небольшой кучки мѣстныхъ буржуа. Это было главнымъ образомъ, *крестьянское возстаніе*, т.-е. народное движеніе съ цѣлью овладѣть землею и освободить ее отъ тяготѣвшихъ надъ нею феодальныхъ поборовъ. И хотя мы находимъ въ немъ сильный индивидуалистическій элементъ, — т.-е. стремленіе овладѣть землею въ личную собственность, — но былъ въ немъ и элементъ *коммунистическій, общинный*, утверждавшій *право на землю всего народа*, — право, которое, какъ мы увидимъ ниже, громко провозглашалось бѣдными въ 1793 году.

Вотъ почему изображать крестьянскія возстанія, происходившія лѣтомъ 1789 года, какъ кратковременную вспышку, вызванную подъемомъ духа послѣ взятія Бастиліи, значило бы суживать значеніе движенія, имѣвшаго глубокіе корни въ самой жизни значительной доли французскихъ крестьянъ.

¹⁾ Исходя изъ того, совершенно ложнаго, положенія, что помѣщикъ былъ владѣльцемъ всей земли подчиненнаго ему округа, — тогда какъ онъ былъ только судьей и начальникомъ милиціи (въ случаѣ призыва ея королемъ), — Парламентъ провелъ законъ, въ силу котораго Ландлордъ (помѣщикъ) могъ стать владѣльцемъ всѣхъ необработываемыхъ общинныхъ земель, — выгоновъ, пустошей, луговъ, лѣсовъ — огородивши ихъ какою-нибудь загородью. Сотни тысячъ десятинъ земли перешли такимъ образомъ (и еще переходятъ) отъ крестьянъ дворянству.

XV.

Города.

Послѣ всѣхъ мѣръ, принятыхъ королевскою властью въ теченіе двухсотъ лѣтъ противъ городского самоуправленія, въ восемнадцатому вѣку оно пришло въ состояніе полного упадка. Со времени уничтоженія городскихъ вѣчевыхъ собраний, пользовавшихся въ прежнія времена правомъ судебной и распорядительной власти, дѣла большихъ городовъ шли все хуже и хуже ¹⁾. Мѣста „городскихъ совѣтниковъ“, учрежденныхъ въ восемнадцатомъ вѣкѣ, покупались у города, и очень часто эти полномочія становились пожизненными (Babeau, „La ville sous l'ancien régime“, стр. 153 и слѣд.). Собранія Городскихъ Совѣтовъ происходили все рѣже и рѣже — въ нѣкоторыхъ городахъ, всего два раза въ годъ — и носились они неаккуратно. Весь механизмъ городского управленія былъ въ рукахъ секретаря, который взималъ съ заинтересованныхъ лицъ тяжелую дань. Прокуроры и адвокаты, а еще болѣе того интенданты провинцій (губернаторы) постоянно вмѣшивались въ дѣла городовъ и подрывали всякую независимость городскихъ Управъ.

При такихъ условіяхъ городскія дѣла все болѣе и болѣе сосредоточивались въ рукахъ пяти или шести семей, присваивавшихъ себѣ львиную часть городскихъ доходовъ. Вотчинные поборы съ крестьянъ, сохранившіеся за нѣкоторыми городами, доходъ съ городскихъ таможенъ, торговля города и налоги шли, главнымъ образомъ, на обогащеніе этихъ семей. Кромѣ того, мэры и синдики (т.-е. голова и члены город-

¹⁾ О жизни средневѣковыхъ независимыхъ городовъ читатель найдетъ довольно много данныхъ и указанія на сочиненія объ этомъ въ высшей степени важномъ историческомъ періодѣ въ моей книгѣ *Взаимная Помощь. Для Россіи, см. Разсказы изъ Русской Исторіи*; Вѣляева, третій томъ: *Сѣверно-русскія народоправства*, Костомарова Псковскія и Новгородскія лѣтописи.

ской Думы) занимались хлѣбною и мясною торговлею и пускались въ спекуляціи. Рабочее населеніе обыкновенно ненавидѣло ихъ. Пригомы, синдѣки, совѣтники и городскіе судьи работниствовали передъ „господиномъ интендантомъ“, т.-е. губернаторомъ, и исполняли его капризы. Расходы городовъ на помѣщеніе интенданта, на увеличеніе его жалованья, на подарки ему, на крестины его дѣтей и т. д., все росло и росло, не говоря уже о взяткахъ, которыя приходилось ежегодно посылать разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ въ Парижъ.

Въ городахъ, какъ и въ деревняхъ, феодальныя, т.-е. крѣпостныя права оставались еще въ полной силѣ. Всякая недвижимая собственность несла на себѣ феодальныя повинности. Епископы продолжали быть феодальными владѣльцами, и все владѣльцы, какъ свѣтскіе, такъ и духовные — какъ, напримѣръ, „пятьдесятъ канониковъ въ Бриудъ“ — сохраняли за собою, не только почетныя права, или право вмѣшиваться въ выборы городскихъ старшинъ, но въ нѣкоторыхъ городахъ они удержали за собою и право суда. Въ городѣ Анжеръ, напримѣръ, было шестнадцать владѣльческихъ судебныхъ округовъ, гдѣ судьями состояли феодальныя владѣльцы этихъ округовъ. Въ Дижонѣ, кроме муниципальнаго суда, сохранилось шесть духовныхъ судовъ: епископство, капитулъ и монахи Сентъ-Венинь, Святой Капеллы, Шартрѣзы и коммандорства Св. Магдалины¹⁾. И все это наживалось на счетъ полуголоднаго народа. Въ Труа было девять владѣльческихъ судовъ, помимо „двухъ королевскихъ мэрій“. Точно такъ же полиція не всегда была въ рукахъ города, а очень часто находилась въ рукахъ тѣхъ, кто управлялъ „правосудіемъ“. Словомъ, феодальный порядокъ сохранился вполнѣ¹⁾.

Но въ особенности раздражали горожанъ всевозможныя феодальныя налоги, уцѣлѣвшіе со временъ крѣпостнаго права: подушныя, „двадцатые“ и всякія „субсидіи“ (*dons gratuits*), ставшія обязательными съ 1758 года и уничтоженныя только въ 1789 году, а также „*lods et ventes*“, т.-е. феодальныя пошлины, взимаемыя владѣльцемъ всякій разъ, когда его вассалъ продавалъ или покупалъ что-нибудь. Все это тяжело

¹⁾ См. Babeau, „La Ville“, стр. 323, 331 и слѣд. — Rodolphe Reuss въ своемъ сочиненіи „L'Alsace pendant la Révolution“, т. I. приводитъ наказъ Третьяго Соеловія Страсбурга, очень интересный въ этомъ отношеніи.

ложились на горожанъ, особенно на ремесленниковъ. Хотя эти платежи и были, можетъ-быть, менѣе значительны, чѣмъ въ деревняхъ, но въ суммѣ, вмѣстѣ съ другими городскими налогами, они оказывались очень тяжелыми.

Особенно возмущало горожанъ то, что при распределеніи налоговъ сотни привилегированныхъ лицъ требовали для себя изъятія отъ податей. Духовенство, дворянство и офицеры были избавлены отъ податей по праву, но избавлялись отъ нихъ также и „офицеры королевскаго дома“, т.-е. всевозможные почетные конюшіе и т. п., покупавшіе за деньги эти „должности“ безъ всякой службы, только для удовлетворенія своего тщеславія и для избавленія отъ налоговъ. Достаточно было выставить свой титулъ на воротахъ дома, чтобы ничего ни платить городу. Понятно, какую ненависть возбуждали въ народѣ эти привилегированные господа.

Все городское управленіе предстояло, такимъ образомъ, преобразовать. Но — кто знаетъ, сколько времени оно еще продержалось бы въ прежнемъ видѣ, если бы дѣло преобразованія было предоставлено Учредительному Собранію. Народъ, впрочемъ, взялся за него самъ, тѣмъ болѣе, что ко всемъ указаннымъ причинамъ недовольства присоединилась дѣломъ 1789-года еще одна: недородъ, страшно высокая цѣна на хлѣбъ и недостатокъ хлѣба, отъ котораго сильно страдало бѣдное населеніе большинства городовъ. Даже тамъ, гдѣ городскія управленія старались по возможности понизить цѣны, сами закупая зерновой хлѣбъ, или устанавливая такеу на хлѣбъ, его все-таки не хватало, и толпы голоднаго народа простаивали цѣлыя ночи у дверей булочныхъ.

Во многихъ городахъ мэръ (голова) и городскіе старшины слѣдуя примѣру Двора и принцевъ, сами спекулировали на хлѣбѣ. Вотъ почему, какъ только извѣстія о взятіи Бастиліи и о казни Фуллона и Бертье распространились въ провинціи, городское населеніе начало повсюду волноваться. Народъ требовалъ, прежде всего, таксы на хлѣбъ и мясо; затѣмъ толпа громила дома главныхъ спекуляторовъ — часто самими членами городского управленія, — завладевала ратушей и назначала, путемъ народнаго избранія, новое городское управленіе, не обращая вниманія ни на требованія закона, ни на „законныя“ права прежняго городского Совѣта, ни на то, что должности „совѣтниковъ“ были куплены.

Такимъ образомъ, произошло во Франціи движеніе, имѣвшее глубокое революціонное значеніе. тѣмъ болѣе, что города не только утверждали на дѣлѣ свою городскую независимость (автономію), но и заявили, вмѣстѣ съ тѣмъ о своемъ рѣшеніи принимать дѣятельное участіе въ общемъ управленіи страной. Какъ очень вѣрно замѣчаетъ Оларъ¹⁾, это было въ высшей степени важное общинное (коммуналистическое) движеніе, въ которомъ провинція слѣдовала примѣру Парижа, гдѣ, какъ мы видѣли, населеніе организовало, 13 іюля, свою Городскую Управу — свою Коммуну.

Само собою, это движеніе не было повсемѣстнымъ. Оно проявилось болѣе или менѣе ярко въ нѣкоторыхъ крупныхъ и мелкихъ городахъ, преимущественно въ восточной Франціи. Но повсюду муниципалитетамъ стараго порядка пришлось подчиниться волѣ народа, или, по крайней мѣрѣ, волѣ народныхъ собраний избирателей. Такъ произошла, *прямая революція*, въ самой жизни, — въ іюль и августъ 1789 года, та городская революція, которую Учредительное Собраніе утвердило законами о городскомъ управленіи 14 декабря 1789 и 21 іюня 1790 года.

Легко понять, какую могучую силу и живучесть внесло это движеніе въ Революцію. Вся сила Революціи сосредоточилась, какъ мы увидимъ, когда дойдемъ до 1792 и 1793 года, въ городскихъ и деревенскихъ муниципальных учрежденіяхъ, для которыхъ примѣромъ и образцомъ послужила революціонная Коммуна Парижа.

Сигналы этого переустройства были поданы, какъ уже сказано выше, Парижемъ. Не дожидаясь закона о городскомъ самоуправленіи, который когда-нибудь проведетъ Учредительное Собраніе, Парижъ началъ съ того, что самъ создалъ у себя Коммуну. Онъ назначилъ своей Городской советъ, своего мэра — Байльи — и своего командующаго національною гвардіею — генерала Лафайета, отличившагося въ Америкѣ во время войны Соединенныхъ Штатовъ за независимость. Что важнѣе всего, Парижъ организовалъ свои шестьдесятъ „округовъ“ (districts) — „шестьдесятъ республикъ“, какъ удачно выразился одинъ современникъ, Монжуа. Эти „округа“, хотя и облечли властью собраніе представите-

¹⁾ E. Aulard, „Histoire politique de la Révolution Française“, 2me éd., 1903. Есть русскій переводъ.

лей всего города Парижа, но значительную власть удержали за собою. — „Власть разбѣяна повсюду“, говорилъ Байльи, „а въ центрѣ ея нѣтъ“. „Каждый округъ представлялъ независимую власть“, съ грустью говорятъ по сѣю пору сторонники казарменной дисциплины, не понимающіе, что только такъ и происходятъ революціи.

Въ самомъ дѣлѣ, когда смогло бы Учредительное Собраніе при постоянной опасности роспуска королемъ и при громадномъ количествѣ предстоившихъ ему дѣлъ, приступить къ обсужденію закона о преобразованіи суда? Оно едва дошло до него десять мѣсяцевъ послѣ взятія Бастиліи. Между тѣмъ, уже 18 іюли одинъ изъ округовъ Парижа, *Petit Augustins*, „рѣшаетъ самъ установить мировыхъ судей“, пишетъ Байльи въ своихъ Мемуарахъ. И этотъ округъ тогда же приступаетъ къ выбору судей, всеобщимъ подачею голосовъ. Другіе округа и дѣльные города (Страсбургъ и другіе) дѣлаютъ то же самое; и когда, въ ночь 4 августа, феодалы и вѣдѣльщики приходится отказаться отъ своихъ судебныхъ правъ, во многихъ городахъ это уже сдѣлано: новые судьи уже избраны народомъ, и Учредительному Собранію остается только занести въостѣдствіи, въ конституцію 1791 года, совершившійся фактъ ¹⁾.

Такъ и другіе почитатели административнаго порядка сонныхъ министерствъ, конечно, съ неудовольствіемъ отмѣчаютъ, что „округа“ Парижа опередили Національное Собраніе и своими рѣшеніями показали ему, чего хочетъ народъ; но именно такъ и развиваются человѣческія учрежденія, когда они — не продуктъ бюрократіи. Такъ построились въ большихъ городахъ, такъ строятся они и до сихъ поръ. Вотъ группа домовъ и нѣсколько лавокъ — это будетъ въ будущемъ важный пунктъ зарождающагося города; вотъ едва обозначившаяся дорога — это будетъ одна изъ главныхъ улицъ. Таковъ анархическій путь развитія, — единственный, который мы видимъ въ свободной Природѣ. То же происходитъ и съ учрежденіями, когда они органически развиваются въ жизни: потому-то революціи и имѣютъ такое громадное значеніе въ жизни общества, что онѣ даютъ людямъ возможность *заняться органической созидательною работою*, безъ гнѣбительства въ ихъ дѣлю стѣснительной власти, все-

¹⁾ Національное Собраніе называлось также Учредительнымъ *Constituant*.

гда неизбежно являющейся представительницею прошлых вѣковъ и прошлаго гнета.

Бросимъ же взглядъ на нѣкоторые изъ этихъ городскихъ революцій и посмотримъ, какъ народъ, не дожидаясь королевскихъ указовъ, самъ сумѣлъ организовать городской строй, вмѣсто дезорганизованныхъ выступлений отдельныхъ личностей, которыя могли бы руководиться жаждою личной наживы.

Въ 1789 году извѣстiя распространялись съ большою медленностью. Артуръ Юнгъ, объѣзжавшiй Францію въ июлѣ этого года, не нашелъ. 12 июля, въ Шато-Тьерри, и 27 июля въ Безансонѣ, ни одного кафе, гдѣ имѣлась бы какая-нибудь газета. Въ городѣ толковали о событияхъ, происшедшихъ двѣ недѣли тому назадъ. Въ Дижонѣ, черезъ девять дней послѣ большого возстанiя въ Страсбургѣ и взятiя городской ратуши народомъ, никто еще объ этомъ не зналъ. Зато, когда въ провинцію доходили слухи изъ Парижа, если они и принимали сказочный характеръ, то всегда складывались такъ, что двигали народъ къ возстанiю. Говорилось, напри- мѣръ, что всѣ депутаты посажены въ Бастилю, и съ увѣренностью рассказывали о всякихъ злодѣйствахъ, яко бы совершенныхъ Марією-Антуанетою.

Въ Страсбургѣ волненiя начались 19 июля, какъ только въ городѣ разнеслась вѣсть о взятiи Бастилии и убiйствѣ де-Лона. Народъ еще раньше былъ недоволенъ Магистратомъ, т.-е. городскимъ совѣтомъ, за ту медленность, съ какою онъ сообщалъ „представителямъ народа“, т.-е. собранiямъ выборщиковъ, о результатахъ своего обсужденiя свода жалобъ, поданнаго бѣднымъ населенiемъ. Теперь, т.-е. 19 июля, подъ влiянiемъ вѣстей изъ Парижа, толпа бросилась къ дому аммейстера (городского головы) Лемна и разгромила его.

Устами своего „Собранiя буржуазiи“ народъ требовалъ мѣръ „для того, чтобы обезпечить политическое равенство гражданъ и ихъ влiянiе на избранiе лицъ, управляющихъ общимъ достоянiемъ, и свободно избираемыхъ судей“¹⁾. Онъ хотѣлъ, чтобы, независимо отъ существующаго закона, были выбраны всеобщею подачею голосовъ новое городское управленiе и новые судьи. Магистратъ, т.-е. старое город-

¹⁾ „Lettre des représentants de la bourgeoisie aux députés de Strasbourg à Versailles“, 28 июля 1789 (R. Reuss, „L'Alsace pendant la Révolution française“, Парижъ, 1881, Documents, XXVI). Перевожу буквально.

ское управленіе, наоборотъ, совершенно не хотѣлъ этого и противопоставлялъ законъ, установленный нѣсколькими вѣками, предлагавшемуся измѣненію“. Тогда народъ сталъ осаждать городскую ратушу, и въ залу, гдѣ происходили переговоры Магистрата съ представителями революціонеровъ, посыпался градъ камней. Магистратъ уступилъ.

Между тѣмъ, при видѣ высыпавшей на улицу бѣдности, зажиточная буржуазія стала вооружаться противъ народа и явилась къ коменданту провинціи, графу Рошамбó, „испросить его согласія на то, чтобы добрая буржуазія вооружилась и присоединилась къ войску для охраны порядка“, — на что генеральный штабъ коменданта, проникнутый аристократическими взглядами, отвѣтилъ отказомъ, — какъ де-Лонъ въ Бастиліи.

На другой день въ городѣ распространился слухъ, что Магистратъ взялъ свои уступки назадъ, и народъ снова явился къ Ратушѣ съ требованіемъ уничтоженія таможенныхъ платежей при ввозѣ въ городъ принасовъ, а также Палаты денежныхъ сборовъ (*aides*). Разъ это сдѣлано въ Парижѣ, — почему не сдѣлать того же въ Страсбургѣ? Около шести часовъ, по тремъ улицамъ ведущимъ къ Ратушѣ, двинулись толпы „рабочихъ, вооруженныхъ топорами и молотками“. Они выломали топорами двери ратуши, разбили ея погреба и стали съ ожесточеніемъ уничтожать накопившіяся въ канцеляріяхъ старыя бумаги. „На эти бумаги набросились съ варварскою яростью: онѣ были все выброшены въ окно“ и уничтожены, писалъ потомъ новый Магистратъ. Все двойныя двери архивовъ были выломаны, чтобы сжечь старыя документы. Изъ ненависти къ Магистрату, народъ ломалъ даже мебель ратуши и выбрасывалъ ее въ окна. Главную канцелярію и „Складъ спорныхъ документовъ“ постигла та же участь. Въ Отдѣленіи денежныхъ сборовъ были выломаны двери, и деньги разграблены. Войска, собравшіяся на площади противъ ратуши, оказались безсильны; народъ дѣлалъ, что хотѣлъ.

Перепуганный Магистратъ поспѣшилъ уменьшить цѣны на мясо и на хлѣбъ; на хлѣбъ была назначена такса. въ двѣнадцать су за ковригу въ шесть фунтовъ¹⁾. Затѣмъ Ма-

¹⁾ Мѣшокъ зерна стоилъ тогда 19 ливровъ. Въ концѣ августа, цѣны поднялись до 28 и 30 ливровъ, и булочникамъ было запрещено печь широкия, хлѣбъ на молокѣ и т. п. Ливръ былъ почти равенъ теперешнему франку.

магистратъ вступилъ въ дружескіе переговоры съ представителями двадцати „отбѣловъ“, или гильдій города (называвшихся въ Страсбургѣ „les tribus“), съ цѣлью выработки новой городской конституціи. Приходилось снѣшиться, такъ какъ бунты продолжались въ Страсбургѣ и въ соседнихъ деревняхъ. Вездѣ народъ смѣщалъ „установленныхъ“ *prévôts des communes*, т.-е. чиновниковъ, купившихъ свои мѣста, и назначалъ новыхъ старшинъ, по своему выбору; а вмѣстѣ съ тѣмъ „выставлялъ“ требованія на дѣла, и требовалъ себѣ другихъ правъ, прямо противоположныхъ установленіямъ законно-пріобрѣтенной собственности. Теперь всякій считаетъ, что можетъ вернуть себѣ то, на что яко бы имѣетъ право“, писалъ Магистратъ въ своемъ письмѣ отъ 5 августа.

Между тѣмъ, 11 августа доходить до Страсбурга вѣсть о вѣсти 4 августа въ Национальномъ Собраніи, и движеніе сразу становится еще болѣе грознымъ, тѣмъ болѣе, что войско убиваетъ теперь заодно съ вооруженными. Тогда старый Магистратъ рѣшается сложить свои полномочія (*Reuss, „L'Alsace“, стр. 147*). На другой день, 12 августа, триста городскихъ старшинъ, въ свою очередь, смѣщаютъ своихъ „отбѣловъ“ — въкрѣпе свои привилегіи. Народъ избираетъ новыхъ старшинъ, и они назначаютъ новыхъ судей. Такимъ образомъ, составляется 14 августа, новый Магистратъ, — родъ временнаго городского управленія, которое беретъ на себя забвѣтываніе городскими дѣлами до тѣхъ поръ, пока Национальное Собраніе не разработаетъ новаго закона объ управленіи въ городахъ.

Не доживаясь этого закона, но, вѣдая революціонной задачей на плечи Собранія, Страсбургъ самъ назначаетъ, по своему усмотрѣнію, свое собственное Городское управленіе и своихъ судей.

Старый порядокъ рушился такимъ образомъ, и 17 августа, Дитрихъ привѣтствовалъ новый городской Софѣтъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Господа, переворотъ, совершившійся въ нашемъ городѣ, отмѣтитъ собою моментъ возвращенія того довѣрія, которое должно царить между гражданами одной и той же коммуны... Это высшее собраніе свободно уполномочено своими согражданами быть имъ представителемъ... Первое, на что вы употребили свою власть, это — назначеніе новыхъ судей... Какую силу дать намъ это единеніе“. И Дитрихъ предлагалъ, чтобы 14 августа — день страсбургской революціи — праздновался ежегодно.

Въ этой революціи нужно отмѣтить одинъ важный фактъ. Страсбургская буржуазія освободилась отъ феодальнаго порядка и создала для себя демократическое городское управленіе: но она не имѣла ни малѣйшаго желанія разстаться со своими феодальными (вотчинными) правами, которыми она пользовалась по отношенію къ нѣкоторымъ окружающимъ сельскимъ мѣстностямъ. Когда отъ обоихъ депутатовъ, представившихъ Страсбургъ въ Национальномъ Соораніи, ихъ соотаварищи потребовали, въ ночь 4 августа, чтобы они отреклись отъ своихъ правъ, они отвѣтили отказомъ.

И когда, впоследствии, одинъ изъ этихъ депутатовъ (Швевдтъ) настаивалъ передъ страсбургскими буржуа на томъ, чтобы они не препятствовали теченію Революціи, его избиратели все-таки продолжали требовать сохраненія за собою феодальныхъ правъ. Мы видимъ, такимъ образомъ, какъ, уже начиная съ 1789 года, въ Страсбургѣ образуется партія, которая струнируется затѣмъ вокругъ короля — „лучшаго изъ городовъ“, „самаго уступчиваго изъ всѣхъ монарховъ“; а еще позже слиянется въ партію жирондистовъ, ради сохраненія своихъ правъ на богатые помѣстья, принадлежавшія городу при феодальномъ правѣ. Въ этомъ отношеніи очень характерный документъ представляетъ собою письмо, въ которомъ другой страсбургскій депутатъ, Тюркгеймъ, ублаженный изъ Версаля послѣ народнаго движенія 5 октября, заявляетъ о томъ, что подаетъ въ отставку письмо это напечатано у Reuss'a). Изъ него уже видно, какимъ образомъ и почему жирондисты могли впоследствии струнировать вокругъ своего буржуазнаго знамени „защитниковъ имуществъ“ и роялистовъ.

Событія, происходившія въ Страсбургѣ, даютъ намъ довольно ясное представленіе о томъ, что происходило и въ другихъ большихъ городахъ. Въ Труа, напримѣръ, — городѣ, о которомъ мы имѣемъ довольно полныя свѣдѣнія — движеніе сложилось изъ тѣхъ же элементовъ. Начиная съ 18 іюля, т.-е., какъ только получилось извѣстіе, что въ Парижѣ жгутъ заставы, народъ началъ возставать, при поддержкѣ соотѣнныхъ крестьянъ. 20 іюля крестьяне, вооруженные вилами, серпами и пѣнами, пришли въ городъ — вѣроятно, съ цѣлью захватить хлебъ, котораго у нихъ не хватало, и который скупишники держали въ городѣ, въ своихъ амбарахъ. Но

буржуазія наскоро составила національную гвардію и отогнала крестьянъ; она уже тогда называла ихъ „разбойниками“. Въ теченіе слѣдующихъ десяти или двенадцати дней, буржуазія воспользовалась общей паникой, чтобы исполнить организовать свою Национальную гвардію (распространился слухъ, что 500 „разбойниковъ“ идутъ изъ Парижа, съ цѣлью все разгромить). Вооружились также другіе мелкіе города въ кругъ Труа. 8 августа, вѣроятно, подъ вліяніемъ извѣстій о ночи 4 августа въ Парижѣ, народъ сталъ требовать оружія для *всѣхъ* желающихъ вступить въ національную гвардію, и таксы на хлѣбъ. Муниципалитетъ колебался. Тогда 19 августа народъ смѣстилъ старую городскую думу и, также какъ въ Страсбургѣ, выбралъ свою, новую.

Захвативъ ратушу, народъ забралъ оружіе и подѣлилъ его. Соляной складъ былъ взломанъ, но и тутъ его не разграбили, а заставили выдавать соль по шести су^а. Наконецъ, 9 сентября движеніе, не прекращавшееся съ 19 августа, достигло своей высшей точки. Толпа захватила мэра Гюля, котораго обвиняли въ защитѣ скупщиковъ, и убила его. Его домъ былъ разгромленъ; пострадали также дома одного портіуса, бывшаго коменданта Сень-Жоржа, за двѣ недѣли до того отдавнаго приказъ стрѣлять въ народъ, и лейтенанта жандармовъ, приказавшаго въ одномъ изъ предшествовавшихъ бунтовъ повѣсить одного бунтовщика; народъ грозилъ также въ Парижѣ послѣ 14 июля) разгромить еще много другихъ домовъ. Послѣ этого, въ теченіе приблизительно двухъ недѣль, среди высшей буржуазіи царилъ паника, что, впрочемъ, ей не помѣшало организовать тѣмъ временемъ свою національную гвардію; такъ что 26 сентября, въ концѣ концовъ, буржуазія взяла верхъ надъ безоружнымъ народомъ.

Вообще говоря, народный гнѣвъ направлялся, повидимому, столько же противъ представителей буржуазіи, спекулировавшихъ на предметахъ первой необходимости — хлѣбѣ, маслѣ и т. п., сколько и противъ помѣщиковъ, захватившихъ землю. Въ Аміенѣ, напримѣръ, народъ чуть не убилъ нѣсколькихъ хлѣбныхъ торговцевъ, послѣ чего буржуазія поспѣшила вооружить свою милицію. Можно даже сказать, что всеобщей организацией милиціи въ городахъ въ теченіе августа и сентября, вѣроятно, не было бы, если бы народное возстаніе происходило только въ деревняхъ и направлено было только противъ помѣщиковъ. Но когда народъ сталъ угрожать имуществамъ городской буржуазіи, она, не дожидаясь,

даясь рѣшеній Собранія, организовала, по образцу парижскихъ Трехсотъ, свои городскія управленія, въ которыя ей пришлось, впрочемъ, принять также и представителей отъ возставшаго бѣднаго народа.

Почти то же самое происходило 21 іюля въ Шербургѣ, 21-го — въ Руанѣ, а затѣмъ во многихъ другихъ, менѣе крупныхъ, городахъ. Народъ возставалъ съ криками: *Хлѣба! Смерть скупщикамъ! Долой заставы!* (что означало свободный ввозъ съѣстныхъ припасовъ изъ деревень). Они заставляли городскія управы понизить цѣну на хлѣбъ, или завладѣвать складами скупщиковъ и увозить хлѣбъ. Дома тѣхъ, кто спекулировалъ на съѣстныхъ припасахъ, народъ глумилъ. Тогда буржуазія пользовалась народнымъ движеніемъ, чтобы свергнуть старое городское управленіе, проникнутое феодальнымъ духомъ, и назначить новый муниципалитетъ *избранный народомъ на демократическихъ началахъ*. Вместе съ тѣмъ, пользуясь паникой, вызванною возстаніемъ „черни“ въ городахъ, и „разбойниковъ“ въ деревняхъ, буржуазія вооружалась и организовала свою муниципальную гвардію. Затѣмъ, она приступала къ „возстановленію порядка“; иногда казнила народныхъ вожаковъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ брала на себя и возстановленіе порядка въ деревняхъ, давая сраженія крестьянамъ и вѣшая предполагаемыхъ „зачинщиковъ“.

Послѣ ночи 4 августа городскія возстанія стали еще многочисленнѣе. Они вспыхивали повсюду. Ни податей, ни внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ, ни всякихъ поборовъ натурою, ни соляного налога никто больше не платилъ. „Сборщики подушныхъ не знаютъ что дѣлать“, писалъ Нексеръ въ своемъ докладѣ отъ 7 августа. — „Пришлось уменьшить на половину цѣну на соль въ двухъ возставшихъ военныхъ округахъ; поборовъ (*aides*) нельзя больше собирать“, и т. д. „Множество мѣстъ“, писалъ онъ, „взбунтовалось противъ казны. Народъ не хочетъ больше платить косвенныхъ налоговъ“. Что же касается до прямыхъ, то народъ не отказывается ихъ платить, — но только на извѣстныхъ условіяхъ. Въ Эльзасѣ, на примѣръ, „народъ по большей части отказывается платить что бы то ни было, пока неподатныя сословія (дворянство, духовенство) и привилегированныя лица не будутъ также внесены въ списки плательщиковъ“.

Вотъ какимъ образомъ французскій народъ, *задолго до Собранія*, совершалъ революцію на мѣстахъ, создавая ре-

эволюционнымъ путемъ новое городское управленіе, установивъ
новый судъ, провести границу между различными налогами —
тѣми, которые онъ соглашался платить, и тѣми, въ кото-
рыхъ онъ отказывалъ. — и указывая, какъ слѣдуетъ равно-
мерно распределить тѣ налоги, которые народъ наобро-
тавался платить государству или общинѣ.

Только изучая эти приемы народнаго воздѣйствія, —
вмѣсто того, чтобы упорно заниматься одною законодатель-
ною дѣятельностью Собранія, — можемъ мы уловить духъ
Великой Революціи, т.-е., въ сущности, духъ всѣхъ револю-
цій, прошлыхъ и будущихъ.

XVI.

Крестьянское возстаніе.

Мы видѣли, что, уже начиная съ зимы 1788 года, и особенно съ марта 1789, народъ переставалъ платить повинности помѣщикамъ. Что въ этомъ его поощряли буржуазные революціонеры въ этомъ нѣтъ сомнѣнія: среди буржуазіи 1789 года было немало людей, понимавшихъ, что безъ народнаго возстанія, имъ никогда не одолѣть королевской неограниченной власти. Что пренія въ Собраніи Нотаблей, во время которыхъ говорилось объ отмене феодальныхъ правъ, способствовали волненіямъ, и что составленіе приходескихъ наказовъ (которыми должны были руководствоваться выборщики при первыхъ выборахъ) вліяли въ томъ же направленіи—все это вполне понятно. Революціи никогда не бываютъ результатомъ отчаянія, какъ это часто думаютъ молодые революціонеры, предполагающие, что отъ избытка зла можетъ произойти добро. Напротивъ того: въ 1789 году народъ увидѣлъ проблески близкаго освобожденія и тѣмъ охотнѣе сталъ возставать. Но одной надежды еще мало: нужно дѣйствовать, нужно платиться жизнью за первые бунты, подготовляющіе революцію, — и народъ такъ и дѣлалъ.

Даже въ тѣ времена, когда бунтъ карался еще жельзнымъ ошейникомъ, нитками и висѣлицей, крестьяне все-таки возставали. Уже въ ноябрѣ 1788 года интенданты доносили министру, что подавить всѣ бунты нѣтъ возможности. Въ отдѣльности каждый изъ нихъ не имѣлъ большого значенія, но вмѣстѣ взятые они подрывали самыя основы государства. Въ январѣ 1789 года началось составленіе наказовъ, а затѣмъ приступили къ выборамъ. И тогда уже крестьяне стали отказываться во многихъ мѣстахъ отъ барщины помѣщику и отъ натуральныхъ повинностей государству. Среди нихъ стали возникать тайныя общества, и отъ времени до времени тотъ или другой помѣщикъ оказывался казненнымъ

Жаками ¹⁾. Въ одномъ мѣстѣ сборщика податей встрѣча дубинами; въ другомъ—захватывали и пахали помѣщичьи земли.

Съ каждымъ мѣсяцемъ эти волненія становились все многочисленнѣе. Въ мартѣ возстаніе охватило всю восточную часть Франціи. Движеніе, конечно, не было ни непрерывнымъ, ни повсемѣстнымъ; крестьянскія возстанія никогда такими не бывають. Очень вѣроятно даже, что, какъ это всегда случается съ крестьянскими возстаніями, они утихали во время полевыхъ работъ, въ апрѣлѣ, и дѣломъ при началѣ уборки хлѣба. Но послѣ уборки, во второй половинѣ іюня и въ августѣ 1789 года волненія возобновились съ новою силою, особенно на востокѣ, сѣверо-востокѣ и юго-востокѣ Франціи.

Точныхъ данныхъ относительно этихъ возстаній очень мало. То, что было напечатано о нихъ—очень неполно и, кромѣ того, носитъ на себѣ слѣды партійныхъ взглядовъ. Если, напримѣръ, обратиться къ „Moniteur“²⁾у, начавшему выходить, какъ извѣстно, только 24 ноября 1789 года, такъ что его первые 93 номера были составлены лишь въ послѣдствіи, въ IV году³⁾, то въ немъ видна склонность приписывать все крестьянское движеніе врагамъ революціи,—безсознательнымъ людямъ, пользовавшимся невежествомъ крестьянъ. Другіе писатели доходятъ до того, что говорятъ, что крестьянъ подняли дворяне, помѣщики или англичане. Что же касается до матеріаловъ, изданныхъ Комитетомъ изысканій (Comité des recherches) въ январѣ 1790 года, то въ нихъ все дѣло изображается скорѣе какъ продуктъ недоразумѣнія: какіе-то разбойники опустошали страну, буржуазія вооружилась и истребила ихъ. Вотъ и все.

Теперь уже ясно, какъ неправильно подобное толкованіе событій, и если бы кто-нибудь взялъ на себя трудъ разобрать архивы и основательно изучить находящіеся тамъ документы, это была бы, несомнѣнно, въ высшей степени цѣнная работа, тѣмъ болѣе необходимая, что крестьянскія возстанія продолжались вплоть до августа 1793 года, т.-е. до того времени, когда Конвентъ отмѣнилъ, наконецъ, феодальныя права безъ выкупа, и деревенскія общины по-

¹⁾ Жакъ—такое же ходячее имя, какъ въ Россіи „Иванъ“.

²⁾ Въ 1795 году. Кромѣ того, тогда же были вновь составлены номера отъ 24 ноября 1789 и 3 февраля 1790 года.

лучили право вернуть себѣ земли, отнятыя у нихъ въ продолженіе двухъ предыдущихъ вѣковъ. Въ настоящее же время, пока архивы не разработаны, намъ приходится ограничиваться тѣмъ, что даютъ намъ нѣкоторыя исторіи отдѣльных провинцій, кое-какіе мемуары и указанія отдѣльных авторовъ; при чемъ лучше извѣстныя намъ движенія послѣдующихъ годовъ проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на первыя возстанія 1789 года.

Голодъ, несомнѣнно, игралъ въ крестьянскихъ бунтахъ важную роль. Но главными двигателями ихъ были: стремленіе къ уничтоженію занесенныхъ въ земельныя описи феодальныхъ повинностей, платившихся помѣщикамъ, и „десятины“, платившейся духовенству, а также желаніе захватить землю, когда-то принадлежавшую крестьянскимъ общинамъ, но понемногу отнятую у нихъ помѣщиками.

Въ этихъ возстаніяхъ есть, кромѣ того, одна любопытная черта. Въ центрѣ Франціи, на югѣ и на западѣ, за исключеніемъ Бретани, они остаются единичными фактами: но на востокъ, сѣверо- и юго-востокъ они разливаются широкою волною. Ими охвачены въ особенности Дофинъ, Франшъ-Конте и Макоинъ. Во Франшъ-Конте, говоритъ Дюпюль¹⁾; почти всѣ замки были сожжены; въ Дофинъ изъ каждаго пяти замковъ было разрушено три²⁾. Затѣмъ слѣдуютъ Эльзасъ, Нивернъ, Божолъ, Бургундія, Овернь. Вообще, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить въ другомъ мѣстѣ, если составить карту мѣстностей, гдѣ происходили возстанія, эта карта будетъ поразительно похожа на карту „трехсотъ-шестидесяти-трехъ“, изданную въ 1877 году, т.-е. карту округовъ, въ которыхъ были выбраны радикальные депутаты во время выборовъ, упрочившихъ существованіе теперешней Республики. Дѣло Революціи защищала въ особенности восточная часть Франціи, и эта же часть осталась политически наиболѣе передовою до нашихъ дней.

Дюпюль очень вѣрно замѣтилъ, что источникъ этихъ возстаній лежалъ еще въ наказахъ, составленныхъ передъ выборами 1789 года. Разъ крестьяне были призваны высказать свои жалобы, они были увѣрены, что для нихъ что-нибудь будетъ сдѣлано. *Вѣра* въ то, что или король,

¹⁾ „La Révolution française et la féodalité“, стр. 18.

²⁾ „Замки“ на самомъ тогда, какъ настоящіе замки съ башнями и рвами, такъ и просто господскія усадьбы.

къ которому они обращались съ этими жалобами, или Собрание, или какая-нибудь другая сила придетъ имъ на помощь и уничтожить несправедливость, или, по крайней мѣрѣ, развяжетъ имъ руки, если они захотятъ взяться за дѣло сами. Вотъ что толкнуло ихъ къ бунтамъ, тотчасъ же послѣ выборовъ, даже раньше чѣмъ открылось Собрание. Когда же начались засѣданія Генеральныхъ Штатовъ, то слухи, доходившіе до крестьянъ изъ Парижа, какъ они ни были неопредѣленны, все-таки наводили на мысль, что пришло время требовать отмены феодальныхъ правъ и захватывать земли.

Малѣйшей поддержки со стороны революціонеровъ, или даже со стороны партіи герцога Орлеанскаго, или какихъ бы то ни было агитаторовъ было достаточно, при тревожныхъ извѣстіяхъ изъ Парижа и изъ другихъ возставшихъ городовъ, чтобы поднять деревни. Что для агитации въ деревняхъ пользовались именемъ короля и Національнаго Собранія, — въ этомъ также нѣтъ теперь никакого сомнѣнія: о подложныхъ указахъ (декретахъ) отъ имени короля и Національнаго Собранія, распространенныхъ среди деревенскаго населенія, упоминается во многихъ документахъ. Во всѣхъ крестьянскихъ возстаніяхъ — во Франціи, въ Россіи, въ Германіи — болѣе рѣшительные крестьяне всегда старались подѣйствовать такимъ путемъ на менѣе рѣшительныхъ; скажу даже больше: они старались убѣдить и самихъ себя въ томъ, что есть какая-то сила, готовая ихъ поддержать. Это придавало дѣйствіямъ крестьянъ болѣшую согласованность, а кромѣ того, въ случаѣ неудачи и преслѣдованій, могло послужить нѣкоторымъ извиненіемъ: крестьяне всегда могли сказать, что они думали — и въ большинствѣ они, дѣйствительно, думали, — что повинуются, если не примымъ распоряженіямъ, то желаніямъ короля или Собранія.

И вотъ, какъ только, лѣтомъ 1789 года, былъ убранъ первый хлѣбъ и деревенское населеніе нѣсколько утѣлило голодь, а вѣсти изъ Версаля и изъ Парижа пробудили нѣкоторую надежду, крестьяне начали возставать. Они пошли войной на помѣщичьи замки и усадьбы, чтобы уничтожить всякія хартии, росписи и уставныя грамоты (*terriers*), гдѣ записаны были ихъ повинности: и тамъ, гдѣ помѣщики не соглашались добровольно отказаться отъ феодальныхъ правъ, занесенныхъ во всѣ эти хартии и росписи во время личнаго освобожденія крестьянъ, — замки помѣщиковъ и ихъ усадьбы были сожжены.

Въ окрестностяхъ Везуля (Vesoul) и Бельфора крестьянское возстаніе началось 16 іюля; въ этотъ день крестьяне разгромили замокъ Санси, а затѣмъ—замки Люръ, Битонъ и Молансъ. Возстаніе скоро охватило всю Лотарингію. — „Увѣренные въ томъ, что Революція водворитъ равенство состояній и положеній, крестьяне повсюду поднялись противъ помѣщиковъ“, говоритъ „Courrier français“ (стр. 242 и слѣд.). Въ Саарлуи, въ Форбахѣ, въ Саргемингѣ, въ Фальсбургѣ, въ Тіонвилѣ, сборщики податей были изгнаны, а ихъ конторы разграблены и сожжены. Соль продавалась безплатно по три су за фунтъ. Окрестныя деревни послѣдовали примѣру городовъ.

Въ Эльзасѣ, крестьянское возстаніе разлилось почти повсемѣстно. Въ теченіе восьми дней, въ концѣ іюля, было разрушено три аббатства, окончательно разгромлены одиннадцать замковъ и усадьбъ, и многіе другіе ограблены. Крестьяне захватили и уничтожили всѣ поземельныя росписи, а также всѣ реестры (уставныя грамоты) феодальныхъ налоговъ, барщинныхъ и всякихъ другихъ повинностей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образовались цѣлыя подвижныя отряды изъ нѣсколькихъ сотъ, а иногда и изъ нѣсколькихъ тысячъ крестьянъ, собиравшихся изъ сосѣднихъ деревень; эти отряды двигались къ наиболѣе укрѣпленнымъ замкамъ, осаждали ихъ, захватывали всѣ бумажки и торжественно сжигали ихъ. Аббатства были разгромлены и ограблены, наравнѣ съ домами богатыхъ торговцевъ, въ городахъ. Въ Мюрбахскомъ аббатствѣ, вѣроятно, оказавшемъ сопротивленіе, все было разрушено ¹⁾.

Во Франшъ-Конте первыя сборища начались въ Лонселе-Сонье, 19 іюля, когда узнали о подготовлявшемся переворотѣ въ Парижѣ и объ отставкѣ Неккера; но о взятіи Бастиліи, по словамъ Соммье ²⁾, еще ничего не было извѣстно. Крестьяне стали собираться толпами, и въ тотъ же день буржуазія вооружила свою милицію (носившую трехцвѣтную кокарду), чтобы сопротивляться „набѣгамъ

¹⁾ По разказу Strobel'a („Vaterländische Geschichte des Elsasses“) возстаніе происходило обыкновенно такимъ образомъ: поднималась какая-нибудь деревня, затѣмъ составлялась банда изъ жителей нѣсколькихъ деревень, и эта банда отправлялась громить замки. Иногда бандамъ приходилось скрываться въ лѣсахъ.

²⁾ Sommier. „Histoire de la Révolution dans le Jura“, Парижъ, 1846, стр. 22. Изъ одной пѣсни, приведенной въ наказѣ Авалъ, видно, каково было настроеніе умовъ въ Юрѣ.

разбойниковъ, наводившихъ страну“ (стр. 24—25). Вскорѣ въ деревняхъ началось возстаніе. Крестьяне стали дѣлить между собою помѣщичьи луга и лѣса, иногда заставляли помѣщиковъ отказываться отъ своихъ правъ на тѣ земли, которыя прежде принадлежали общинамъ; или же отбирали у помѣщиковъ лѣса, бывшіе въ старину общинными. Всѣ тѣ имущества, которыми владѣло въ сосѣднихъ мѣстностяхъ аббатство Бернардиновъ, были у него отняты¹⁾. Въ Кастрѣ бунты начались послѣ 4 августа. Въ этомъ городѣ съ каждаго *сетье* (четверти) хлѣба, ввезеннаго изъ какой-нибудь другой провинціи, взимался налогъ натурой. Это было старое феодальное право, которое король отдавалъ на откупъ частнымъ лицамъ. И вотъ, какъ только, 19 августа, въ Кастрѣ получилоcя извѣстіе о ночи 4 августа, народъ поднялся и сталъ требовать отмены этого налога. И тотчасъ же буржуазія, еще съ 5 августа собиравшая національную гвардію изъ 600 человекъ, принялась возстановлять „порядокъ“. Между тѣмъ, по деревнямъ движеніе разро-сталось; замки Гэ (Gaix) и Монледье, картезіанскій монастырь Фэ, аббатство Вильмюръ и др. были разграблены и феодальныя хартіи уничтожены²⁾.

Въ Оверни крестьяне очень старались показать, что законное право на ихъ сторонѣ: когда они являлись въ какой-нибудь замокъ, чтобы жечь хартіи и уставныя грамоты, они всегда заявляли помѣщику, что дѣйствуютъ по приказу короля³⁾. Но въ восточныхъ провинціяхъ прямо

1) Edouard Clerc, „Essai sur l'Histoire de la Franche-Comté“, 2-ое изд., Безансонъ, 1870.

2) Anacharsis Combes, „Histoire de la ville de Castres et de ses environs pendant la Révolution Française“, Кастръ, 1875.

3) Xavier Roux, издавшій въ 1891 году, подъ заглавіемъ „Mémoire sur la marche des brigandages dans le Dauphiné en 1789“, свѣдѣнія, полученныя при слѣдствіи 1789 года, приписываетъ, въ своемъ введеніи, все движеніе зачинщикамъ: „Призывать прямо народъ къ возстанію противъ короля было бы бесполезно, говоритъ онъ... Это было сдѣлано окольнымъ путемъ. Былъ задуманъ удивительно смѣлый планъ и этотъ планъ былъ осуществленъ по всей странѣ. Его можно изложить въ двухъ словахъ: возмутить, именемъ короля, народъ противъ помѣщиковъ; затѣмъ, когда помѣщики будутъ низвергнуты,—броситься на оставшійся беззащитнымъ тронъ и разрушить его“ (стр. IV Введенія). Укажемъ, однако, на признаніе самого Ру, что ни одному слѣдствію ни разу не удалось „узнать имя хотя бы одного зачинщика“ (стр. V). Если это былъ „заговоръ“, то это былъ заговоръ всего народа.

говорилось, что Третье Сословіе не позволить больше дворянству и монахам господствовать надъ собою. И безъ того слишкомъ долго держали они власть въ своихъ рукахъ; теперь же имъ пришло время отказаться отъ нея. Ко многимъ обѣдѣвшимъ помѣщикамъ, жившимъ по деревнямъ, и къ тѣмъ, которые пользовались любовью окрестнаго населенія, возставшіе крестьяне относились очень мягко. Они не дѣлали имъ никакого зла, не трогали ихъ личной собственности, но къ земельнымъ записямъ и документамъ, устанавливавшимъ феодальныя права, они были неумолимы. Ихъ они сжигали, заставивъ предварительно помѣщика клятвенно заявить, что онъ отказывается отъ своихъ правъ.

Подобно городской буржуазіи, отлично знавшей, чего она хочетъ и чего ждетъ отъ Революціи, крестьяне тоже отлично понимали свою цѣль: вернуть себѣ отнятыя у общины земли и отхѣнить всѣ повинности, возникшія на почвѣ крѣпостного строя. Мысль о томъ, что, вообще, богатые должны исчезнуть; можетъ-быть, проглядывала кое-гдѣ; но въ общемъ крестьяне уничтожали только вещи — людей же не трогали. Если и встрѣчались нападенія на самихъ помѣщиковъ, то это были единичные случаи, обыкновенно объяснявшіеся тѣмъ, что крестьяне считали того или другого помѣщика скупщикомъ, спекулирующимъ на голодѣ. Если помѣщикъ выдавалъ крестьянамъ земельныя росписи и заявлялъ о своемъ добровольномъ отказѣ отъ феодальныхъ правъ, все обходилось мирно; росписи сжигали, въ деревнѣ сажали „майское дерево“, къ вѣтвямъ котораго привѣшивали разныя эмблемы феодализма, и народъ танцевалъ вокругъ дерева¹⁾. Въ противномъ же случаѣ — если крестьяне встрѣчали сопротивленіе, или если помѣщикъ или его управляющій обращались къ властямъ, дѣло кончалось вооруженнымъ нападеніемъ; тогда въ замкѣ все бывало разгромлено, и самъ замокъ часто поджигали. Въ Дофинѣ было, такимъ образомъ, разграблено и сожжено тридцать замковъ; во Франшъ-Конте около сорока; въ Моконнѣ и Вожолѣ — семьдесятъ два; въ Оверни — всего девять; въ Виеннуа — двѣнадцать монастырей и пять замковъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что въ отношеніи политическихъ убѣжденій

¹⁾ Иногда, а именно на югѣ, къ дереву привѣшивали надписи: „По приказу короля и Национальнаго Собранія, окончательное уничтоженіе всякой аренды (Mary Lafon, „Histoire politique du Midi de la France“, 1842 — 1845, т. IV, стр. 377).

крестьяне, повидимому, различія не дѣлали и нападали на замки „патріотовъ“, наравнѣ съ замками „аристократовъ“.

Какъ же отнеслась къ этимъ бунтамъ буржуазія?

Если въ Національномъ Собраніи и были люди, понимавшіе, что крестьянское возстаніе представляло въ то время революціонную силу, то вся масса провинціальной буржуазіи видѣла въ немъ, прежде всего, опасность, съ которою нужно бороться. Въ мѣстностяхъ, гдѣ происходили движенія, многіе города были охвачены, какъ тогда говорили, „великимъ страхомъ“ (*la grande peur*). Въ Труа, напримѣръ, крестьяне, вооруженные косами и цѣпами, вошли въ городъ и, вѣроятно, разгромили бы дома спекуляторовъ, если бы „все, что есть честнаго въ буржуазіи“ (*Moniteur*, 1, 378) не вооружилось противъ „разбойниковъ“ и не разогнало ихъ. То же произошло и во многихъ другихъ городахъ. Паника овладѣвала буржуазіей. „Разбойниковъ“ ждали постоянно. Люди рассказывали, что *видѣли*, какъ „шесть тысячъ“ ихъ двигалось на городъ, чтобы все разнести. И вотъ, изъ опасенія, чтобы городская бѣднота, присоединившись къ „разбойникамъ“, не напала на богатыхъ, буржуазія брала оружіе въ Ратушѣ или у оружейниковъ и организовывала свою національную милицію.

Въ Пероннѣ, столицѣ Пикардіи, населеніе взбунтовалось во второй половинѣ іюля. Оно сожгло городскія заставы, бросило въ воду таможенныхъ чиновниковъ, захватило денежные суммы изъ государственныхъ учреждений и освободило всѣхъ заключенныхъ. Все это произошло до 28 іюля. Въ ночь на 28 пізаль мэръ города, когда получились извѣстія изъ Нагиза, провинціи Гено (*Hainault*), Фландрія и вся Пикардія взялись за оружіе; повсюду, въ городахъ и въ деревняхъ зазвонили въ набать. Патрули буржуазіи — всего до трехсотъ человекъ — стояли наготовѣ: и все это было направлено противъ двухъ тысячъ „разбойниковъ“, которые, по слухамъ, ходили по деревнямъ и жгли хлѣбъ. Въ дѣйствительности же, какъ кто-то совершенно справедливо разъяснилъ Артуру Юнгу, всѣ эти „разбойники“ были не грабители, а внолнѣ честные крестьяне, которые, дѣйствительно, возставали, вооружались вилами, дубинами и серпами, и принуждали помѣщиковъ отказываться отъ феодальныхъ правъ. Эти крестьяне останавливали также по дорогамъ прохожихъ и спрашивали

ихъ, стоятъ ли они „за націю“ или противъ нея? Мэръ города Перонна тоже очень вѣрно замѣтилъ: „Мы сами хотимъ быть въ страхѣ. Благодаря ему, мы могли поднять на ноги, во всей Франціи, трехмилліонную армію изъ буржуазіи и крестьянъ“.

Очевидно, что часть французской буржуазіи прекрасно поняла въ эти дни, что одной ей въ Парижѣ не справиться съ самодержавною королевскою властью. И смѣлые люди, изъ городской буржуазіи, не задумались поднять крестьянъ, во имя уничтоженія феодальныхъ правъ и крестьянскихъ правъ на землю, — чтобы дать Революціи силу, которую король уже не могъ сокрушить.

Адриенъ Дюпортъ, одинъ изъ очень извѣстныхъ членовъ Національнаго Собранія и Бретонскаго клуба, даже гордился тѣмъ, что ему удалось вооружить такимъ образомъ буржуазію во многихъ городахъ. У него было два или три агента — „люди рѣшительные, но неизвѣстные“. писалъ онъ. Города они избѣгали, но когда прїѣзжали въ какую-нибудь деревню, то возвѣщали, что „разбойники идутъ“, что ихъ — пятьсотъ, тысяча, три тысячи; что они жгутъ повсюду хлѣбъ, чтобы морить народъ голодомъ. Тогда крестьяне ударяли въ набатъ и вооружались, чѣмъ понало. Но мэръ того, какъ звонъ набата разносился все дальше по деревнямъ, слухи росли и становились все тревожнѣе; а когда они доходили до ближайшаго большого города, то „разбойниковъ“ оказывалось уже шесть тысячъ. Ихъ даже „видѣли“ въ двухъ-трехъ верстахъ отъ города, въ такомъ-то лѣсу; — и вотъ народъ, а особенно буржуазія, вооружались и посылали патрули въ лѣсъ, гдѣ, конечно, никого не находили. Но оружіе было уже въ ихъ рукахъ, и тогда — худо будетъ королю! Когда, въ 1791 году, онъ вздумаетъ бѣжать за границу, крестьянскія войска преградятъ ему дорогу и вернутъ его въ Парижъ.

Легко себѣ представить, какой ужасъ наводили на всю страну эти возстанія, и какое впечатлѣніе производили они въ Версалѣ. Подъ вліяніемъ этого ужаса, Національное Собраніе и собралось вечеромъ 4 августа, съ намѣреніемъ обсудить мэры для подавленія бунтовъ, а кончило тѣмъ, что провозгласило, въ принципѣ, уничтоженіе феодальныхъ правъ.

XVII.

4-е августа и его послѣдствія.

Ночь 4 августа—одно изъ великихъ событій Революціи. Подобно 14-му іюля и 5-му октября 1789 года, подобно 21-му іюня 1791 года, 10-му августа 1792-го и 31-му мая 1793 она отмѣчаетъ собою одинъ изъ главныхъ шаговъ въ развитіи революціоннаго движенія и опредѣляетъ характеръ всего послѣдующаго періода.

Историческая легенда съ любовью останавливается на этой ночи и разукрашиваетъ ее, и большинство историковъ, слѣдуя разсказу нѣсколькихъ современниковъ, описываютъ ее, какъ минуту сятаго вдохновенія и чистаго самопожертвованія.

„Со взятіемъ Бастиліи“, говорятъ намъ историки, „Революція одерживаетъ первую свою побѣду. Вѣсть о ней распространяется въ провинціи и вызываетъ повсюду подобныя же возстанія. Она доходитъ и до деревень, и тамъ, по наущенію всякихъ безшабашныхъ людей, крестьяне начинаютъ нападать на своихъ помѣщиковъ и жгутъ ихъ замки. Тогда духовенство и дворянство, въ порывѣ патріотическаго чувства, видя, что они еще ничего не сдѣлали для крестьянъ, отказываются въ эту памятную ночь отъ своихъ феодальныхъ правъ. Дворяне, духовные, самые бѣдные священники и самые богатые феодалы, города, провинціи—все приносятъ на алтарь отечества отказъ отъ своихъ вѣковыхъ привилегій. Собраніе охвачено энтузіазмомъ; все стремятся принести что-нибудь въ жертву...“ „Это засѣданіе было священнымъ празднествомъ, трибуна стала алтаремъ, зала—храмомъ“, говоритъ одинъ историкъ, обыкновенно довольно спокойный. „Это была Варфоломеевская ночь собственности“, говорятъ другіе. „И когда, на другой день, первые проблески зари освѣтили Францію.

старого феодального строя уже не существовало. Франція возродилась, сжегши въ одномъ ауто-да-фе всё злоупотребленія привилегированныхъ классовъ“.

Такова легенда. Правда, что когда два аристократа — виконтъ де-Ноайль и герцогъ д'Эгильонъ — предложили уничтоженіе феодальныхъ правъ и различныхъ дворянскихъ привилегій, а два епископа (городовъ Нанси и Шартра) стали говорить въ пользу отмены десятины ¹⁾, — Собраніемъ овладѣлъ глубокой восторгъ. Правда и то, что этотъ восторгъ все возрасталъ, и что дворяне и духовные, въ теченіе этого ночного засѣданія, одинъ за другимъ всходили на трибуну и наперерывъ отказывались отъ права помѣщичьяго суда, требуя свободнаго, дароваго и равнаго правосудія для всѣхъ; правда и то, что свѣтскіе и духовные помѣщики отказались также отъ права охоты. Собраніе, дѣйствительно, было охвачено энтузіазмомъ. И посреди этого энтузіазма даже не замѣтили что оба аристократа и оба епископа ввели въ свои рѣчи условіе *выкупа* феодальныхъ правъ и десятины — условіе, ужасное влѣдствіе своей неясности, такъ какъ оно могло означать или все или ничего. Благодаря ему, дѣйствительная отмена феодальныхъ правъ, какъ мы увидимъ дальше, была отложена на четыре года, вплоть до 1793 года. Но, кто изъ насъ, читая прекрасные рассказы современниковъ объ этой ночи, не поддавался самъ тому же энтузіазму? И кто не пропустилъ безъ вниманія коварныхъ словъ: „выкупъ по тридцатилѣтней сложности“? кто понялъ ихъ значеніе? Такъ случилось и во Франціи въ 1789 годѣ.

Прежде всего, вечернее засѣданіе 4 августа началось вовсе не съ энтузіазма, а со страха — съ паники. Какъ мы видѣли, въ теченіе предыдущихъ двухъ недѣль было сожжено или разграблено много замковъ. Начавшись на востокѣ, крестьянское возстаніе распространилось затѣмъ къ югу, къ сѣверу и къ центру Франціи; оно грозило сдѣлаться повсемѣстнымъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне обошлись съ своими господами жестоко, а въ извѣстіяхъ изъ провинцій событія рассказывались, кромѣ того, въ преувеличенномъ видѣ. Дворяне съ ужасомъ видѣли, что на мѣстахъ нѣтъ силы, способной остановить движеніе.

¹⁾ Со всѣхъ урожаевъ духовенству платилась десятая часть или больше.

Засѣданіе открылось, поэтому, чтеніемъ проекта заявленія, протестующаго противъ крестьянскихъ бунтовъ. Собранію предлагалось выразить бунтовщикамъ сильное и строгое порицаніе, и громко призвать ихъ къ уваженію собственности,—феодальной или иной, *какова бы ни было ея происхожденіе*,—до тѣхъ поръ, пока Собраніе не разрѣшитъ вопроса о феодальныхъ правахъ законодательнымъ порядкомъ.

„Собственность всякаго рода подвергается, повидимому, самому преступному разбою“, говорилъ Комитетъ докладовъ. „Повсюду поджигаютъ замки, разрушаютъ монастыри, грабятъ фермы. Налоги, повинности, платимыя помещикамъ — все уничтожено. Законы безсильны, власть судей не существуетъ....“ Затѣмъ, въ докладѣ предлагалось Собранію ясно высказать свое порицаніе этимъ безпорядкамъ и заявить, что „старые (феодальные) законы остаются въ силѣ до тѣхъ поръ, пока власть націи не отмѣнитъ или не измѣнитъ ихъ: что всѣ повинности и накопившіяся недоимки должны быть платимы сполна, попрежнему, до тѣхъ поръ, пока Собраніе не рѣшитъ иначе“.

„Это дѣлаютъ вовсе не разбойники!“ воскликнулъ тогда герцогъ д'Эгильонъ; „во многихъ провинціяхъ весь народъ составляетъ одну лигу, съ цѣлью уничтоженія замковъ и опустошенія земель, и особенно съ цѣлью захватить уставныя грамоты, въ которыя занесены права феодальной собственности“. Какъ видно, здѣсь говорить вовсе не энтузіазмъ, а скорѣе страхъ¹⁾.

Собраніе намѣревалось, въ виду этого, просить короля, чтобы онъ принялъ противъ бунтовщиковъ суровыя мѣры. Объ этомъ уже поднимался вопросъ наканунѣ, 3 августа. Но за нѣсколько дней до того, небольшая группа дворянъ, изъ наиболѣе передовыхъ и дальновидныхъ, — виконтъ де-Ноайль, герцогъ д'Эгильонъ, герцогъ Ла-Роншфуко, Александръ Ламетъ и еще нѣкоторые другіе — начали втайнѣ сговариваться между собою о томъ, какое положеніе занять по отношенію къ крестьянскому возстанію. Они поняли, что единственное средство спасти феодальныя права, это — пожертвовать нѣкоторыми, „почетными“, но мало-цѣнными

¹⁾ „Опустошеніе земель“ означаетъ, вѣроятно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне, по словамъ докладовъ, снимали помещичьи хлеба „еще зеленый“ (*dans le vert*). Это было, впрочемъ, въ концѣ іюля, когда хлебъ уже почти созрѣлъ, и народъ, которому нечего было ѣсть, косилъ его у помещиковъ.

правами, и предложить крестьянамъ *выкупъ* тѣхъ феодальныхъ повинностей, которыя были *связаны съ землею и имѣли действительную ценность*. Герцогу д'Эгильону было поручено развить эту мысль, что и было исполнено имъ и виконтомъ де-Ноайлемъ.

Сельское населеніе требовало отмены феодальныхъ правъ съ самаго начала Революціи¹⁾. Теперь же, говорили эти два уполномоченныхъ либеральнаго дворянства, крестьянство, недовольное тѣмъ, что въ теченіе трехъ мѣсяцевъ для него еще ничего не сдѣлано, начало возставать, и теперь оно уже не знаетъ удержа; такъ что въ настоящее время приходится выбирать „между разрушеніемъ общества и нѣкоторыми уступками“. Уступки эти виконтъ де-Ноайль формулировалъ такъ: равенство всѣхъ по отношенію къ налогамъ, которые должны быть распределяемы пропорціонально доходу каждаго; всѣ обязаны нести общественныя тягости; затѣмъ „выкупъ всѣхъ феодальныхъ правъ общинами“, на основаніи средняго годового дохода, и, наконецъ, „отмена, безъ выкупа, барщины, права мертвой руки и другихъ формъ личной (крѣпостной) зависимости“²⁾.

Нужно, впрочемъ, сказать, что всѣ повинности послѣдняго рода крестьяне, уже за нѣкоторое время до того, перестали

1) „Проявленіе восторга и наплывъ великодушныхъ чувствъ, которые съ каждымъ часомъ все сильнѣе и живѣе обнаруживались въ Собраніи, не дали возможности выработать мѣры благоразумія, которыя необходимы были для осуществленія этихъ смелыхъ проектовъ, уже раньше изложенныхъ во столькохъ мемуарахъ, во столькохъ, трогательно выраженныхъ мнѣніяхъ и громкихъ требованіяхъ провинціальныхъ собраній, собраній волостныхъ (balliages) и органовъ учрежденій, гдѣ могли собираться граждане за послѣдніе полтора года“. Такъ гласитъ officialная газета *Moniteur*.

2) „Всѣ феодальныя права смогутъ быть выкуплены общинами, за деньги или посредствомъ обмена“, говорилъ виконтъ де-Ноайль. „Всѣ, безъ различія, будутъ нести всѣ общественныя тягости; платить всѣ государственныя платежи“, говорилъ д'Эгильонъ. „Я предлагаю, чтобы духовныя имущества были выкуплены“, говорилъ Лафаръ, епископъ города Нанси, „и чтобы выкупъ шелъ не въ пользу духовнаго владѣльца, а на употребленіе полезное для бѣдныхъ“. Епископъ Шартрскій требовалъ отмены права охоты и заявилъ, что самъ онъ отказывается отъ этого права. Дворяне и духовные встали тогда, чтобы послѣдовать его примѣру. Де-Риншъ требуетъ не только отмены помѣщичьяго суда, но и введенія дароваго правосудія. Нѣкоторые священники просятъ разрѣшенія отказаться отъ платы за требы, но хотятъ, чтобы платимая имъ крестьянами дессина была амнирена денежнымъ государственнымъ налогомъ.

платить; объ этомъ ясно свидѣлствуютъ доклады интендантовъ (губернаторовъ). Послѣ же іюльскаго возстанія стало ясно, что ихъ вовсе платить не будутъ и впредь, откажутся ли отъ нихъ помѣщики, или нѣтъ.

Но и эти уступки, предложенныя виконтомъ де-Ноайль, подверглись урѣзанію, какъ со стороны дворянъ, такъ и со стороны буржуа, изъ которыхъ многіе владѣли землями и феодальными правами, связанными съ землевладѣніемъ. Выступившій послѣ Ноайля герцогъ д'Эгильонъ, уполномоченный отъ тѣхъ либеральныхъ дворянъ, о которыхъ сказано выше, выразилъ въ своей рѣчи нѣкоторую симпатію къ крестьянамъ. Онъ даже извинялъ ихъ бунты, но прибавилъ: „Варварскіе остатки феодальныхъ законовъ, существующіе еще во Франціи, представляютъ собою, нужно въ этомъ сознаться, извѣстную *собственность, а всякая собственность—священна. Справедливость запрещаетъ требовать отъ собственника отказа отъ своей собственности безъ соответственнаго вознагражденія*“. Вотъ почему герцогъ д'Эгильонъ смягчилъ фразу Ноайля относительно налоговъ, сказавъ, что все граждане должны нести ихъ „пропорціо-нально тому, что они могутъ платить“. Что же касается феодальныхъ правъ, то онъ требовалъ, чтобы *все* они—личныя и не-личныя—были *выкуплены* вассалами, „если они этого пожелаютъ“; при чемъ уплата должна производиться *au denier 30*“, т.-е. уплачиваемая сумма должна быть равна годовому платежу, увеличенному въ тридцать разъ! Выкупъ вассала, такимъ образомъ, на дѣлѣ невозможнымъ, такъ какъ выкупъ земельной ренты считается тяжелымъ даже при условіи платежа „*au denier 25*“; обыкновенно же при продажѣ земель берутъ 20 или даже только 17 разъ годовую ренту.

Тѣмъ не менѣе, эти рѣчи Ноайля и Эгильона вызвали восторгъ Третьяго Сословія и перешли въ исторію, какъ акты высокаго самопожертвованія со стороны дворянства. Хотя въ дѣйствительности Національное Собраніе, принявъ программу, предложенную герцогомъ д'Эгильономъ, создало тѣмъ самымъ условія для страшной, кровавой борьбы по-слѣдующихъ четырехъ лѣтъ. Тѣ немногіе крестьяне, кото-рые засѣдали въ Собраніи, не сдѣлали никакихъ возраже-ній и не показали, какъ мало цѣны имѣть такой яко бы „отказъ“ дворянства отъ своихъ правъ. Большинство же депутатовъ Третьяго Сословія, будучи горожанами, имѣли лишь самое смутное понятіе, какъ о феодальныхъ правахъ,

такъ и о размѣрахъ крестьянскаго возстанія. Отказъ отъ феодальныхъ правъ, даже при условіи выкупа, казался имъ великой жертвой на алтарѣ Революціи.

Ле-Генъ-дю-Керангаль, бретонскій депутатъ, „одѣтый по-крестьянски“, произнесъ въ свою очередь красивую и прочувствованную рѣчь. Его слова, когда онъ говорилъ о „гнусныхъ дворянскихъ грамотахъ“, въ которыхъ перечислены личныя повинности—остатки крѣпостного права—заставляли, и до сихъ поръ заставляютъ, биться сердца. Но и онъ не возражалъ противъ *выкупа* всѣхъ феодальныхъ правъ, въ томъ числѣ и „гнусныхъ“ повинностей, созданныхъ „во времена невѣжества и мрака“, и несправедливость которыхъ онъ самъ такъ краснорѣчиво доказывалъ.

Впрочемъ, въ эту ночь 4 августа, когда дворяне и духовные отказывались отъ привилегій, считавшихся неоспоримыми въ теченіе вѣковъ, Собраніе должно было, дѣйствительно, представлять красивое зрѣлище. Съ великолѣпными порывами, въ прекрасныхъ выраженіяхъ, дворяне отказывались отъ налоговыхъ изъятій, духовные—отъ десятины, самые бѣдные священники—отъ платы за требы, крупные помѣщики—отъ права помѣщичьяго суда, и всѣ единогласно требовали отмены права охоты, а также уничтоженія помѣщичьихъ голубятень, на которыя особенно жаловались крестьяне. Прекрасное зрѣлище представлялъ и отказъ цѣлыхъ провинцій отъ привилегій, создававшихъ для нихъ исключительное положеніе въ государствѣ. Такимъ образомъ были уничтожены *pays d'Etats*¹⁾ и привилегіи городовъ, изъ которыхъ нѣкоторые пользовались по отношенію къ сосѣднимъ съ ними селамъ феодальными правами. Представители Дофинэ (мы видѣли, что возстаніе было всего сильнѣе и распространялось всего шире именно въ этой области) первыя предложили отменить провинціальныя различія; за ними послѣдовали остальные.

Всѣ свидѣтели этого памятнаго засѣданія рассказываютъ о немъ съ восторгомъ. Послѣ того, какъ дворянство приняло въ принципъ выкупъ феодальныхъ правъ, наступаетъ очередь духовенства. Оно также вполне соглашается на выкупъ феодальныхъ правъ духовныхъ владѣльцевъ, съ условіемъ, что стоимость выкупа пойдетъ не на созданіе лич-

¹⁾ Области, имѣвшія свое, особое,—преимущественно дворянское—самоуправленіе, въ родѣ нашихъ *губерній*.

ныхъ богатствъ духовныхъ лицъ, а на общественныя нужды. Одинъ епископъ говоритъ о вредѣ, причиняемомъ крестьянскимъ полямъ сворами помѣщичьихъ собакъ, и требуетъ уничтоженія права охоты; дворянство громкими и горячими криками заявляетъ о своемъ согласіи. Энтузіазмъ доходитъ тогда до высшей точки, и когда въ два часа ночи Собраніе расходится, всѣ чувствуютъ, что ими заложенъ фундаментъ новаго общества.

Но станемъ и мы умалять значеніе этой ночи. Для того, чтобы двигать событіями, подобный энтузіазмъ необходимъ. Онъ будетъ необходимъ и для соціальной Революціи. Въ Революціи вызвать энтузіазмъ, сказать такое слово, отъ котораго забьются сердца,—въ высшей степени важно. Уже одно то, что въ это ночное засѣданіе дворянство, духовенство и всевозможные обладатели привилегій признали уступки Революціи и ея права, и рѣшили подчиниться ей, вмѣсто того, чтобы бороться противъ нея, — уже это одно было крупной побѣдой человѣческой правды. И эта побѣда была тѣмъ значительнѣе, что отказъ произошелъ въ порывѣ вдохновенія, — правда, при свѣтѣ зарева пылавшихъ замковъ; но сколько разъ такое же зарево толкало привилегированные классы только на упорную борьбу и вызывало одни только взрывы ненависти и крики объ истребленіи бунтующихъ. Въ эту же ночь 4 августа далекое зарево пожаровъ пылало иныя слова: слова сочувствія къ возставшимъ, и иные поступки: шагъ къ примиренію.

Дѣло въ томъ, что, начиная съ 14 іюля, духъ Революціи — результатъ броженія, происходившаго во Франціи, — царилъ надо всѣмъ, что жило и чувствовало; и этотъ духъ, выражавшій волю миллионовъ, создавалъ вдохновеніе, котораго не существуетъ въ обыкновенное время.

Но, отмѣтивъ прекрасные порывы, — которые можетъ вызвать только революція, — историкъ долженъ также бросить на нихъ спокойный взглядъ и указать, докуда дошли порывы владѣющихъ классовъ, и чего они не посмѣли переступить: что они дали народу и что они отказались ему дать.

Границы эти ясно обозначены: Собраніе подтвердило въ трицинтѣ и обобщило то, что во многихъ мѣстностяхъ народъ уже самъ осуществлялъ. Дальше этого оно не пошло ни на дѣлѣ, ни въ теоріи.

Вспомнимъ, что сдѣлалъ народъ въ Страсбургѣ и во многихъ другихъ городахъ. Онъ, какъ мы видѣли, подчин-

нить всѣхъ гражданъ—дворянъ и буржуа—обязанности платить налоги и провозгласить подоходный налогъ,—и Собрание также приняло подоходный налогъ въ принципѣ. Народъ уничтожилъ всѣ почётныя, покупныя должности, — и въ ночь 4 августа дворяне отказались отъ нихъ, признавая такимъ образомъ и утверждая революціонный актъ. Народъ отмѣнилъ помѣщичьи суды и самъ назначилъ своихъ судей путемъ избранія,—и Собрание приняло это. Наконецъ, народъ уничтожилъ привилегіи нѣкоторыхъ городовъ и границы между провинціями (это было сдѣлано въ восточной Франціи),—и Собрание распространило теперь на всю страну то, что было уже совершившимся фактомъ въ одной части Франціи.

Въ деревняхъ духовенство согласилось въ принципѣ на выкупъ десятины; но во многихъ мѣстахъ народъ и такъ уже не платилъ ей вовсе, не дожидаясь выкупа. И когда Собрание потребовало въ 1790 году, чтобы десятину продолжали платить вплоть до 1791 года, то только угроза смертной казни могла заставить крестьянъ повиноваться. И то не всѣхъ. Можно, конечно, радоваться тому, что духовенство согласилось на уничтоженіе десятины, хотя бы и подъ условіемъ выкупа; но надо замѣтить также, что оно поступило бы несравненно лучше, если бы не настаивало на выкупѣ. Какой борьбы, какого ожесточенія, какого кровопролитія избѣгла бы Франція, если бы въ эту ночь 4 августа духовенство прямо отказалось отъ десятины и предоставило всей націи, или еще лучше—своимъ прихожанамъ, позаботиться о доставленіи средствъ существованія избранному ими священнику.

Что касается до феодальныхъ правъ, то точно такъ же.—какой ожесточенной борьбы можно было бы избѣгнуть, если бы Собрание тогда же, 4 августа 1789 года, вмѣсто прокламатіи герцога д'Эгильона, приняло хотя бы очень скромное существо предложеніе Ноайля: уничтоженіе всѣхъ личныхъ повинностей безъ выкупа и выкупъ одной только земельной ренты. Мы увидимъ въ послѣдующихъ главахъ, сколько крови было пролито впослѣдствіи, въ продолженіе трехъ лѣтъ, чтобы добиться, наконецъ, этой мѣры въ 1792 году! Я уже не говорю о той кровавой борьбѣ, которую пришлось вести для того, чтобы достигнуть, въ 1793 году, полной отмѣны всѣхъ феодальныхъ правъ безъ выкупа.

Но послѣдуюмъ, пока, примѣру людей 1789 года. Послѣ засѣданія 4 августа все ликовало; всѣ радовались „Варфоло-

ломеевской ночи“, постигшей феодальныя злоупотребленія. И это показываетъ, до какой степени важно бываетъ въ революціонное время признать, или, по крайней мѣрѣ, провозгласить, *новый принципъ*. Гонцы изъ Парижа разнесли по всѣмъ угламъ Франціи великую вѣсть: „Всѣ феодальныя права уничтожены!“ Не уничтожатся, а уже *уничтожены*. Народъ понялъ рѣшенія Собранія именно такъ, и именно такъ былъ формулированъ первый пунктъ постановленія 5 августа. Всѣ феодальныя права уничтожены! Нѣтъ больше десятины! Нѣтъ чинша, нѣтъ платы при продажахъ и наслѣдованіи крестьянской усадьбы; нѣтъ больше доли помѣщика и священника въ жатвѣ; нѣтъ барщины, нѣтъ подушныхъ! Нѣтъ больше барскаго права охоты! Долой голубятни! всякій можетъ охотиться! барскіе голуби не будутъ больше опустошать крестьянскія поля! Наконецъ, нѣтъ больше ни дворянъ, ни привилегированныхъ особъ, ни крѣпостныхъ: всѣ равны передъ избираемымъ всѣми судьей!

Такъ, по крайней мѣрѣ, была понята въ провинціи ночь 4 августа. Гораздо раньше, чѣмъ Собраніе изложило въ законной формѣ постановленія, принятія имъ между 5 и 11 августа, въ которыхъ разграничивалось то, что подлежитъ еще выкупу, и то, что отмѣняется сейчасъ же,—гораздо раньше, чѣмъ всѣ эти отказы отъ привилегій были облечены въ форму статей закона, гонцы уже принесли крестьянину благую вѣсть. И теперь, даже подъ угрозою разстрѣла, крестьянинъ уже ничего больше платить не будетъ!

Послѣ этого крестьянское возстаніе вспыхнуло съ новою силою. Оно распространилось на такія области, въ которыхъ до того времени все было довольно спокойно, какъ, напримѣръ, на Бретань. И если помѣщики требовали уплаты какихъ бы то ни было повинностей, крестьяне захватывали замки и усадьбы и сжигали уставныя грамоты и земельныя росписи. „Они не хотятъ подчиняться августовскимъ декретамъ и разбирать, какія права подлежатъ выкупу и какія не подлежатъ“, говоритъ Дю-Шателье ¹⁾.

Повсюду, по всей Франціи уничтожаются голубятни и истребляется дичь. Въ деревняхъ, наконецъ, ѣдятъ до сыта. Мірскія земли, нѣкогда принадлежавшія общинамъ, а

¹⁾ Du Châtelier, „Histoire de la Révolution dans les départements de l'Ancienne Bretagne“, 6 томовъ, т. I, стр. 422.

затѣмъ отнятыя у нихъ помѣщиками, теперь захватываются крестьянами.

Тогда обнаружилось на востокѣ Франціи явленіе, которому въ продолженіе двухъ послѣдующихъ годовъ суждено было занять въ Революціи выдающее мѣсто: буржуазія выступила противъ крестьянъ. Либеральные историки обходятъ это явленіе молчаніемъ, но оно — фактъ, въ высшей степени важный, и намъ необходимо его отмѣтить.

Мы видѣли, что наиболѣе крупные размѣры возстаніе крестьянъ приняло въ Дофинѣ и, вообще, въ восточной Франціи. Богачи-помѣщики начинали тогда убѣгать за границу, и министр Неккеръ жаловался, что въ теченіе двухъ недѣль ему пришлось выдать до шести тысячъ паспортовъ, самымъ богатымъ изъ мѣстныхъ жителей. Они наводнили сосѣднюю Швейцарію.

Но средняя буржуазія осталась на мѣстѣ, вооружилась и организовала свою милицію, а Національное Собраніе приняло 10 августа 1789 года драконовскую мѣру противъ возставшихъ крестьянъ¹⁾. Подъ тѣмъ предлогомъ, что возстаніе — дѣло разбойниковъ, оно дало разрѣшеніе муниципалитетамъ требовать войскъ, обезоруживать всѣхъ людей, не имѣющихъ опредѣленной профессіи и мѣстожительства, разгонять скопища и судить ихъ скорымъ судомъ. Буржуазія Дофинѣ широко воспользовалась этими правами. Когда скопища возставшихъ крестьянъ проходили по Бургундіи, сжигая замки, городская и деревенская буржуазія немедленно объединялась противъ нихъ. Одно изъ этихъ скопищъ, говорятъ *Два друга Свободы*, было разбито въ Корматенѣ 27 іюля, при чемъ было 20 убитыхъ и 60 раненыхъ. Въ Клюни было убито 100 человекъ и взято въ плѣнъ 160. Маконскій муниципалитетъ повелъ противъ крестьянъ, отказывавшихся платить десятину, настоящую войну и повѣсилъ двадцать человекъ. Въ Дуэ было повѣшено двѣнадцать крестьянъ; въ Лионѣ буржуазія въ сраженіи съ крестьянами убила 80 человекъ и взяла въ плѣнъ 60. Что касается до военного судьи (*grand prévôt*) Дофинѣ, то онъ разъѣзжалъ по всей провинціи и вѣшать возмущившихся крестьянъ²⁾.

1) Buchez et Roux: *Histoire parlementaire*, t. II, стр. 254.

2) Buchez et Roux, II, 244.

Въ области Руэргъ городъ Мильо обращался даже къ соседнимъ городамъ „съ предложеніемъ вооружиться противъ разбойниковъ и тѣхъ, кто отказывается платить налоги“ ¹⁾.

Эти нѣсколько примѣровъ, къ которымъ нетрудно было бы прибавить еще много другихъ, показываютъ, что тамъ, гдѣ крестьянское возстаніе становилось наиболѣе серьезнымъ, буржуазія пыталась задавить его; и, несомнѣнно, она сильно способствовала бы усмирению крестьянъ, если бы вѣсти изъ Парижа, полученные послѣ ночи 4 августа, не придали движенію новой силы.

Крестьянскіе бунты стали затихать, повидимому, только въ сентябрѣ и октябрѣ, — можетъ-быть, благодаря наступленію полевыхъ работъ; но въ январѣ 1790 года, по свѣдѣніямъ, которыя даетъ намъ докладъ Феодальнаго Комитета, они снова начались, — вѣроятно, влѣдствіе требованія съ крестьянъ разныхъ платежей. Крестьяне не хотѣли подчиняться различію, установленному Собраніемъ, между правами, связанными съ землею и личными (крѣпостными) повинностями; они отказывались платить, какъ тѣ, такъ и другія.

Мы, впрочемъ, еще вернемся къ этимъ важнымъ событіямъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

¹⁾ „Courrier Parisien“, засѣданіе 19 августа 1789, стр. 1729. Послѣ пораженія двухъ большихъ крестьянскихъ скопищъ, изъ которыхъ одно угрожало корматенскому замку, а другое — городу Клюни, и послѣ страшныхъ, жестокихъ пытокъ, рассказываютъ Бюшо и Ру, война продолжалась, но въ раздробленномъ видѣ. „Между тѣмъ, — пишутъ они, — Маконскій постоянный комитетъ незаконно принялъ на себя роль судилища и присудилъ къ казни двадцать несчастныхъ крестьянъ, виновныхъ только въ томъ, что они были голодны и возмущались противъ десятины и феодальныхъ правъ“ (стр. 244). Вообще, возстанія, говорятъ эти авторы, вѣнхивали по маловажнымъ поводамъ: гдѣ-нибудь происходилъ споръ съ помѣщикомъ или церковнымъ причтомъ о какомъ-нибудь дугѣ или ключѣ, и дѣло вело къ возстанію; въ одномъ замкѣ, пользовавшемся правомъ высшаго и низшаго суда, нѣсколько крестьянъ было повѣшено за самые мелкие грабежи. Въ брошюрахъ того времени, которыми пользовались Бюшо и Ру, рассказывается также, что парламентъ города Дуэ казнилъ 12 главарей крестьянскихъ сборницъ; ліонскій комитетъ избирателей (изъ буржуазіи) отправилъ противъ крестьянъ подвижную колонну добровольцевъ изъ своей національной гвардіи. Въ одной изъ брошюръ говорится, что это маленькое войско въ одномъ сраженіи „убило 80 человекъ такъ называемыхъ разбойниковъ и 60 увело въ плѣнъ“. Военный судья Дофингъ, сопровождаемый отрядомъ буржуазной милиціи, ѣздитъ по деревнямъ и предавалъ крестьянъ казни (Buche et Roux II, 245).

XVIII.

Феодальные права остаются.

Когда Национальное Собрание вновь собралось 5 августа и стало придавать форму законных постановлений происшедшему накануне отречению привилегированных сословий от своих прав, въ немъ сразу сказался его „собственнический“ духъ. Оно стало отстаивать всѣ денежные права, связанныя съ тѣми самыми феодальными правами, отъ которыхъ оно отказалось за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ.

Во Франціи еще существовали тогда, подъ названіемъ *права мертвой руки*, *баналитетовъ* и т. д., различные остатки прежняго крѣпостного права. Во Франшъ-Конте, въ Нивернѣ, въ Бургундіи были еще крестьяне, подчиненные такъ называемому „праву мертвой руки“. Они были крѣпостными въ полномъ смыслѣ слова, т.-е. не могли продавать своей земли, или передавать ее по наслѣдству, иначе какъ дѣтямъ, живущимъ съ ними; они оставались, такимъ образомъ, сами и ихъ потомки, прикрѣпленными къ землѣ. Сколько ихъ было—въ точности неизвѣстно, но предполагаютъ, что цифра въ триста тысячъ, которую приводитъ Бонсерфъ (Bonserf), наиболѣе вѣроятна ¹⁾.

Рядомъ съ этими крестьянами, подчиненными праву мертвой руки, существовало еще много свободныхъ крестьянъ и даже горожанъ, на которыхъ, тѣмъ не менѣе, продолжали лежать разнаго рода личныя повинности по отношенію къ ихъ бывшимъ помѣщикамъ, или по отношенію къ бывшимъ владѣльцамъ земель, купленныхъ ими, или снимаемыхъ въ аренду ²⁾.

¹⁾ Sagnac, „La législation civile de la Révolution française“, Парижъ, 1898, стр. 59, 60.

²⁾ Сущность крѣпостной зависимости состоитъ въ прикрѣпленіи къ землѣ. Всюду, гдѣ крѣпостное право существовало въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, помѣщики получили также отъ государства

Привилегированнымъ сословіямъ — дворянамъ и духовенству — принадлежало тогда, вообще говоря, около половины всѣхъ земель въ каждой деревнѣ; кромѣ того, они вносили разные феодальные платежи съ земель, принадлежавшихъ крестьянамъ. Исследователи, занимавшіеся этимъ вопросомъ, говорятъ, что уже въ то время мелкіе собственники были во Франціи очень многочисленны: но, прибавляетъ Савьякъ, лишь немногіе „владѣли землею въ полную собственность и не обязаны были платить хотя бы чинша, или какой-нибудь другой подати, въ качествѣ признанія помѣщичьего права владѣнія“. Почти со всѣхъ земель платилось что-нибудь — деньгами, или частью урожая — какому-нибудь владѣльцу.

Повинности этого рода были очень разнообразны; но ихъ можно раздѣлить на пять разрядовъ: 1) повинности личныя и часто унижительныя — остатки личнаго крѣпостного права: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ, крестьяне обязаны были ночью колотить палками по водѣ въ пруду, чтобы лягушки не мѣшали барину спать; 2) повинности денежныя и всевозможныя повинности и барщины, натурой и трудомъ, въ уплату за дѣйствительный или предполагаемый доходъ земли; въ число этихъ повинностей входили: право первой руки и земельная барщина, т.-е. *covrée réelle*¹⁾, *champart*, земельная рента и подати при продажахъ и залогахъ (*lods et ventes*); 3) различные платежи, вытекающіе изъ принадлежащихъ помѣщику разныхъ монополій: т.-е. сборы съ вѣшнихъ и внутреннихъ таможенъ, плата за пользованіе амбаромъ, или вѣсами помѣщика, его мельницей, прессомъ для выжиманія винограднаго сока, сельскою печью, въ которой крестьяне поочередно пекли хлѣбъ, и т. п.; 4) судебныя пошлины, взимавшіяся помѣщикомъ тамъ, гдѣ ему принадлежало право суда; штрафы, пошлины и т. д.; и наконецъ 5) исключительное право помѣщика охотиться на своихъ собственныхъ и на крестьянскихъ земляхъ, а также право держать голубятни и парки

известныя права надъ личностью крѣпостного, вслѣдствіе чего крѣпостное состояніе представляло собою (напр., въ Россіи, съ конца восемнадцатаго вѣка) положеніе, приближавшееся къ рабству, вотъ почему въ разговорѣ часто смѣшиваютъ крѣпостную зависимость съ рабствомъ.

1) *Réel* противопоставляется здѣсь *personnel* и означаетъ обязательство, связанное съ вещью, т.-е. съ владѣніемъ землею.

для кроликовъ, что составляло почетную привилегію, цѣнившуюся очень высоко, но очень тяжело ложилось на крестьянъ и фермеровъ, которыхъ поля и посѣвы истреблялись голубями и кроликами.

Всѣ эти права были въ высшей степени стѣснительны и обходились крестьянамъ очень дорого, даже тогда, когда они приносили помѣщику мало дохода; или даже никакого. Бонсерфъ, въ своемъ замѣчательномъ трудѣ „Les inconvénients des droits féodaux“ (стр. 52), указываетъ на тотъ фактъ, что, начиная съ 1776 года, помѣщики, почти всѣ обѣднѣвшіе, а главнымъ образомъ ихъ управляющіе, начали сильно прижимать арендаторовъ и крестьянъ, чтобы получать съ нихъ по возможности больше доходовъ. Въ 1786 году былъ даже произведенъ 10 многихъ мѣстахъ пересмотръ „земельныхъ росписей“ (уставныхъ грамотъ), съ цѣлью новышенія феодальныхъ платежей.

И вотъ теперь Собраніе, провозгласивши отмѣну всѣхъ пережитковъ феодальнаго строя, когда ему пришлось выразить всѣ эти отказы отъ привилегій въ формѣ определенныхъ законовъ, отступило и стало на сторону владѣльцевъ.

Казалось бы, напримѣръ, что разъ помѣщики сами отказались отъ права мертвой руки, то о немъ больше не можетъ быть рѣчи, и остается только придать этому отказу форму закона. Но даже и по этому вопросу начались пренія. Пытались установить различіе между *личною* зависимостью (*mainmorte personnelle*), которая должна быть уничтожена безъ вознагражденія, и *mainmorte réelle*, которая связана съ землею и передается отъ одного владѣльца другому при арендѣ или покупкѣ земли, а потому подлежитъ выкупу. И если Собраніе, наконецъ, рѣшило отмѣнить безъ выкупа всѣ права и обязанности, какъ феодальныя, такъ и чиншевыя, „связанныя съ вещнымъ или личнымъ правомъ мертвой руки и съ личной зависимостью“, то оно устроило такъ, что и здѣсь, даже въ этомъ вопросѣ, осталось нѣкоторое сомнѣніе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда права мертвой руки трудно было отдѣлить отъ феодальныхъ правъ вообще.

Тотъ же шагъ назадъ былъ сдѣланъ Собраніемъ въ вопросѣ о церковной десятинѣ, платимой духовенству. Десятина доходила, какъ извѣстно, очень часто до пятой части, или даже до четверти всего урожая; притомъ духовенство тре-

бовало даже свою долю сѣна, собранныхъ орѣховъ и т. п. Эта подать ложилась на крестьянъ очень тяжело, особенно на бѣдняковъ. Поэтому, 4 августа духовенство отказалось отъ всѣхъ формъ десятины натурой, — съ условіемъ, однако, что эти платежи будутъ *выкуплены* плательщиками. Но такъ какъ при этомъ не указывались ни условія выкупа, ни процедура, посредствомъ которой выкупъ будетъ происходить, то отказъ сводился къ простому пожеланію. Духовенство *соглашалось на выкупъ*; оно *позволяло* крестьянамъ, если они захотятъ и смогутъ, выкупать десятину, устанавливая ее цѣну по соглашенію съ владѣльцами. Но когда, 6 августа, захотѣли формулировать относящейся къ десятинѣ законъ, то Собраніе встрѣтилось съ крупнымъ затрудненіемъ.

Въ продолженіе ряда вѣковъ, отдѣльные духовныя лица продавали свои права на взиманіе десятины частнымъ людямъ; такія десятины назывались *свѣтскими*, или *закрѣпленными* (*inféodées*), и по отношенію къ нимъ, Собраніе сочло выкупъ совершенно необходимымъ, ради охраны права собственности послѣдняго покупателя. Мало того: десятины, платимыя крестьянами самому духовенству, оказались, въ рѣчахъ нѣкоторыхъ ораторовъ Собранія, какъ бы *налогомъ*, который нація платитъ для содержанія своего духовенства; и мало-по-малу, по мѣрѣ обсужденія этого предмета, въ Собраніи взяло верхъ мнѣніе тѣхъ, кто говорилъ, что о выкупѣ десятины можетъ быть рѣчь только въ томъ случаѣ, если нація возьметъ на себя платить духовенству *правильное жалованье*. Эти пренія продолжались цѣлыхъ пять дней, до 11-го числа, когда нѣсколько священниковъ, а также и архіепископы, заявили, что они приносятъ десятину въ жертву отечеству, а въ остальномъ полагаются на справедливость и щедрость націи.

Такимъ образомъ, было рѣшено, что всѣ виды десятины, платимыя духовенству, будутъ отмѣнены; но до тѣхъ поръ, пока не будутъ найдены нныя средства на покрытіе жалованья духовенству, *десятина должна платиться попрежнему*. Что же касается до закрѣпленной десятины, то она должна будетъ выплачиваться до тѣхъ поръ, пока не будетъ выкуплена!

Можно себѣ представить, какое разочарованіе и какія волненія вызвало такое постановленіе среди крестьянъ. Десятина отмѣнилась въ теоріи; но на дѣлѣ должна была взи-

маться *попрежнему*. — „До какихъ поръ?“ спрашивали себя крестьяне. „Пока государство не найдетъ средствъ платить духовенству какъ-нибудь иначе!“ А такъ какъ финансовое положеніе государства ухудшалось, то крестьяне вполне справедливо начали сомнѣваться въ томъ, что десятина будетъ когда-либо уничтожена. Безработица и революціонныя бури неизбежно затрудняли поступленіе налоговъ; а въ то же время расходы на новыя судебныя учрежденія и на новую администрацію неизбежно возрастали. Демократическія реформы всегда обходятся очень дорого, и только мало-помалу народу, въ средѣ котораго происходитъ революція, удаётся возстановить равновѣсіе бюджета и покрывать вызванныя революціею издержки. Пока крестьяне, стало-быть, должны были платить попрежнему десятину, и до самаго 1791 года десятину продолжали взыскивать съ нихъ очень строго. А такъ какъ они больше платить не хотѣли, то Собраніе издавало противъ недоимщиковъ законъ за закономъ, со всевозможными карательными мѣрами.

То же самое нужно сказать и о правѣ охоты. Въ ночь 1 августа дворяне отказались отъ этого права. Но когда пришлось точно выразить въ законѣ, что значилъ ихъ отказъ, то оказалось, что онъ долженъ былъ означать только то, что право охоты предоставляется *всѣмъ* и каждому. Между тѣмъ, Собраніе отступило передъ такимъ рѣшеніемъ и ограничилось тѣмъ, что распространило право охоты „на своихъ земляхъ“ *на всѣхъ собственниковъ, или владельцевъ* недвижимыхъ имуществъ. Но даже и здѣсь, въ окончательной редакціи закона были оставлены неясности. Собраніе отмѣнило *исключительное* право охоты и право держать открытыя парки для кроликовъ, и заявило, что „всякій собственникъ имѣетъ право истреблять самъ или поручать другимъ истреблять дичь, исключительно на своихъ наследственныхъ земляхъ (*héritages*)“. Распространилось ли это разрѣшеніе на арендаторовъ, или нѣтъ, оставалось подъ сомнѣніемъ. Впрочемъ, крестьяне не стали ждать разрѣшенія начальства и не стали обращаться къ судамъ за разрѣшеніемъ сомнѣній. Они истолковали постановленія 4 августа въ свою пользу, и тотчасъ же послѣ 4 августа принялись истреблять помѣщичью дичь. Въ теченіе долгихъ годовъ они видѣли, какъ голуби и кролики уничтожали ихъ посѣвы, и теперь, не дожидаясь ничьего разрѣшенія, они сами стали истреблять разорителей.

Наконецъ, въ самомъ важномъ вопросѣ — въ вопросѣ о *феодалныхъ правахъ*, волновавшемъ больше двадцати милліоновъ французовъ, Собраніе, когда ему пришлось облечь въ законную форму разные отказы, заявленные въ ночь 4 августа, ограничилось простымъ *провозглашеніемъ*, въ *принципъ*, уничтоженія феодальныхъ правъ.

„Національное Собраніе совершенно уничтожаетъ феодальный строй“, гласитъ первый пунктъ его постановленія 5 августа. Но дальнѣйшіе пункты постановленій, сдѣланныхъ отъ 6 до 11 августа, объясняютъ, что совершенно исчезаетъ *только личная зависимость*, какъ унижительная для достоинства человѣка. *Въ же остальные повинности, каковы бы ни были ихъ происхожденія и природа, остаются. Они могутъ быть выкуплены со временемъ*, но въ августовскихъ постановленіяхъ ничто не указывается, когда и на какихъ условіяхъ сможетъ произойти выкупъ. Не назначается никакого срока для выкупа и не дается никакихъ указаній относительно процедуры, посредствомъ которой выкупъ можетъ быть совершонъ. Нѣтъ ничего, равно ничего, *кроме принципа*, — *кроме высказаннаго желанія*. А пока, крестьяне должны платить все попрежнему.

Въ этихъ постановленіяхъ 5 — 11 августа 1789 года было даже нѣчто худшее. Они открывали путь одной мѣрѣ, которая могла сдѣлать выкупъ совершенно невыполнимымъ, — и такую мѣру Собраніе действительно прогало семь мѣсяцевъ спустя. Въ февраль 1790 года оно обізало крестьянъ выкупить *разомъ съ* феодальныя платежи, наложенныя на поземщика или арендатора земли, и тѣмъ сдѣлало выкупъ совершенно недоступнымъ для нихъ. Слѣдуетъ, въ своемъ интересномъ трудѣ (стр. 90), замѣчать, что Демёнье предлагать такого рода мѣру еще 6 и 7 августа. И вотъ, какъ мы увидимъ ниже, Собраніе издало въ февраль 1790 года законъ, по которому стало невозможнымъ выкупать повинности, связанныя съ владѣніемъ *землею*, но выкупая вмѣстѣ съ тѣмъ и повинностями *личными*, т.-е. крѣпостного происхожденія, хотя эти послѣднія были уже уничтожены декретомъ 5 августа 1789 года.

Увлеченные энтузіазмомъ, съ какимъ была встрѣчена въ Парижѣ и во всей Франціи вѣсть о засѣданіи 4 августа, историки не останавливаются достаточно на тѣхъ ограниченіяхъ перваго параграфа своего постановленія, которыя Собраніе внесло въ послѣдующихъ засѣданіяхъ, отъ

5 до 11 августа. Даже Луи Бланъ, приводящій въ главѣ «Отношенія революціи къ собственности» (ки. II, гл. I) все необходимыя данныя для того, чтобы судить о содержаніи августовскихъ постановленій, повидимому, колеблется. словно онъ боится разрушить красивую легенду. Онъ только вскользь упоминаетъ объ этихъ ограниченіяхъ и даже старается оправдать ихъ, говоря, что «логика фактовъ осуществляется въ исторіи далеко не такъ быстро, какъ логика идей въ головѣ мыслителя». Но эта неясность, эти сомнѣнія, эти колебанія, которыми Собраніе отвѣтило крестьянамъ на ихъ требованіе ясныхъ и точныхъ мѣръ для уничтоженія старыхъ злоупотребленій, сдѣлались источникомъ жестокой борьбы въ теченіе четырехъ послѣдующихъ лѣтъ. Только четыре года спустя, послѣ исключенія жирондистовъ изъ Конвента въ іюнѣ 1793 года, удалось поставить во всей цѣлости вопросъ о феодальныхъ правахъ, и разрешить его въ духѣ 1-го пункта постановленія 4 августа¹⁾.

Теперь, сто лѣтъ спустя, жаловаться на поведение Национальнаго Собранія не приходится. Въ сущности, оно сдѣлало все, чего только можно было ожидать отъ собранія собственниковъ и буржуа: можетъ-быть, оно сдѣлало даже больше. Оно провозгласило принципъ громадной важности и тѣмъ какъ бы призывало народъ идти дальше. Но имѣть въ виду сдѣланныя имъ ограниченія необходимо, потому что, если мы примемъ въ точномъ смыслѣ первый пунктъ декрета 4 августа, въ которомъ говорится о полномъ упраздненіи феодальнаго строя, мы рискуемъ не понять ни исторіи послѣдующихъ четырехъ годовъ революціи, ни той жестокой борьбы между революціонерами, которая произошла въ Конвентѣ въ 1793 году.

¹⁾ Buchez и Roux («Histoire parlementaire de la Révolution française» т. II, стр. 243) видятъ въ заявленіяхъ 4 августа лишь необходимую уступку, вытекающую непосредственно изъ преній о Декларации Правъ человека. Большинство было заранее согласено съ этой декларацией, а ея принятіе влекло за собою уничтоженіе привилегій. Интересно, какъ сообщала о ночи 4 августа Madame Elisabeth, сестра короля, своей пріятельницѣ, госпожѣ de Mombelles: «Съ энтузіазмомъ, достойнымъ французскаго сердца,—пишетъ она,—дворянство отказалось отъ всехъ феодальныхъ правъ и отъ правъ охоты. Туда же вошелъ, я думаю, и рыбная ловля. Духовенство точно такъ же отказалось отъ десятины, требъ и возможности имѣть нѣсколько бенефицій одновременно. Наконецъ, что это прекратитъ пожоги замковъ. Ихъ сожжено семьдесятъ». (См. Conches, сочиненіе, указанное выше, стр. 238).

Постановленія Собранія встрѣтили страшное сопротивленіе. Если, съ одной стороны, они несколько не удовлетворили крестьянъ и послужили сигналомъ къ новому взрыву крестьянскаго возстанія, то, съ другой стороны, дворянство, высшее духовенство и король увидѣли въ нихъ попытку ограбить привилегированныя сословія. Съ этого момента началась противъ революціи подпольная, неустанная и все болѣе и болѣе ревностная агитація. Собраніе думало, что охраняетъ права земельной собственности, и въ обыкновенное время подобный законъ могъ бы даже достигнуть своей цѣли. Но всѣ тѣ, кто были тогда на мѣстахъ, понимали, что ночь 4 августа нанесла рѣшительный ударъ всѣмъ феодальнымъ правамъ: что августовскими постановленіями, хотя они и требовали выкупа, все-таки, на дѣлѣ, уничтожались феодальныя права. Весь общій смыслъ этихъ постановленій, въ томъ числѣ уничтоженіе десятины, права охоты и другихъ привилегій, показывалъ народу, что *его права — были историческими правами собственности*. Въ августовскихъ постановленіяхъ заключалось осужденіе, во имя справедливости, всѣхъ унаследованныхъ привилегій феодализма. Теперь, уже ничто не могло дать этимъ правамъ ихъ прежнюю неприкосновенность въ глазахъ крестьянъ.

Крестьяне поняли, что феодальныя права осуждены, и вовсе не стали выкупать ихъ; они просто перестали платить. Но Собраніе, у котораго не хватило смѣлости, ни совершенно отмѣнить феодальныя права, ни установить возможный для крестьянъ способъ выкупа, создало этимъ то неопредѣленное положеніе, которое должно было вскорѣ породить гражданскую войну по всей Франціи. Съ одной стороны, крестьяне увидѣли, что имъ ничего не слѣдуетъ выкупать, ничего платить, — что нужно продолжать революцію, чтобы добиться уничтоженія феодальныхъ правъ безъ выкупа. А съ другой стороны, богатые люди поняли, что въ августовскихъ постановленіяхъ еще нѣтъ ничего опредѣленнаго: что этими постановленіями еще ничего не сдѣлано, кромѣ принесенія въ жертву права мертвой руки и права охоты. и что, ставши на сторону контръ-революціи и короля, какъ ея представителя, имъ еще удастся, можетъ быть, сохранить и феодальныя права, и земли, когда-то seized ими и ихъ предками у деревенскихъ общинъ.

Король, слѣдуя, вѣроятно, мнѣнію своихъ совѣтниковъ, очевидно понимая, чего ждать отъ него контръ-революція.

Онъ увидалъ, что ему предстоитъ сдѣлаться объединяющимъ символомъ защиты феодальныхъ привилегій, и онъ поспѣшилъ написать архіепископу города Арль, что никогда, иначе какъ подъ давленіемъ насилія, онъ не дастъ своего согласія на августовскія постановленія. „Принесенная жертва (двухъ первыхъ сословій государства) прекрасна,—говоритъ онъ:—но все, что я могу сдѣлать, это — выразить мое уваженіе передъ нею: — я никогда не соглашусь лишить мое духовенство и мое дворянство ихъ имуществъ. Я не дамъ своей санкціи такимъ законамъ, которые разорили бы ихъ“.

И онъ, дѣйствительно, отказывался дать свое согласіе на законное обнародованіе этихъ постановленій, до тѣхъ поръ, пока народъ не привезъ его, какъ плѣнника, въ Парижъ. И даже тогда, когда онъ уступилъ, онъ сдѣлалъ все, что могъ — вмѣстѣ со всеми имущими классами: духовенствомъ, дворянствомъ и буржуазіей, — чтобы эти постановленія Собранія не вылились въ форму законовъ: чтобы они остались мертвой буквой.

Мой другъ Жемсъ Гильомъ, который былъ такъ добръ, что прочелъ всю мою рукопись, написалъ, по вопросу о королевской санкціи постановленіямъ 4 августа, слѣдующее, весьма цѣнное примѣчаніе, которое я привожу цѣликомъ. Вотъ оно:

„Собраніе имѣло власть *упредительную* и *законодательную*, и много разъ заявляло, что его дѣйствія, въ качествѣ *власти упредительной*, независимы отъ власти короля. Королевская санкція требовалась только для *законовъ* (постановленія Собранія назывались *декретами* до полученія этой санкціи, и *законами* — послѣ).“

„Акты 4 августа были *упредительнаго* характера: Собраніе формулировало ихъ въ видѣ *постановленій* (*arrêtés*), но ни минуты не думало, что разрѣшеніе короля нужно было для того, чтобы привилегированные классы могли отказаться отъ своихъ привилегій. Характеръ этихъ постановленій — или *этого постановленія*, такъ какъ о нихъ упоминаютъ то во множественномъ, то въ единственномъ числѣ — виденъ изъ 19-го и послѣдняго параграфа, въ которомъ говорится: „Національное Собраніе займется, тотчасъ же *послѣ конституціи*, составленіемъ *законовъ*, необходимыхъ для развитія *началь*, *высказанныхъ въ настоящемъ постановленіи*, которое будетъ немедленно разослано господами депутатами по всѣмъ провинціямъ“ и т. д. — 11 ав-

густа текстъ постановленій былъ окончательно принятъ; вмѣстѣ съ тѣмъ собраніе дало королю титулъ *возстановителя французской свободы* и рѣшило отслужить молебенъ въ дворцовой часовнѣ.

„12 августа предсѣдатель Собранія (Ле-Шанпелье) отправился къ королю узнать, когда онъ пожелаетъ принять Собраніе для этого молебна; король назначилъ пріемъ на 13-ое. въ двѣнадцать часовъ. 13-го все Собраніе является во дворецъ; предсѣдатель произноситъ рѣчь, въ которой онъ нисколько не проситъ короля санкціонировать рѣшеніе Собранія, а только объясняетъ королю, что именно дѣлало Собраніе, и сообщаетъ о данномъ имъ королю титулѣ. Людовикъ XVI отвѣчаетъ, что принимаетъ титулъ съ благодарностью, привѣтствуетъ Собраніе и выражаетъ ему свое довѣріе. Затѣмъ въ часовнѣ отслуженъ былъ молебенъ.

„Что король тайнымъ образомъ выражалъ архіепископу парижскому совсѣмъ иные чувства — это не важно: здѣсь рѣчь идетъ лишь о томъ, что онъ дѣлалъ публично.

„Итакъ, въ первое время король *публично не оказывалъ ни малѣйшаго сопротивленія* постановленіямъ 4 августа.

„Но 12 сентября, вслѣдствіе происходившихъ въ странѣ волненій, партія патріотовъ предложила, въ видахъ успокоенія страны, придать постановленіямъ 4 августа форму торжественной деклараціи; для этого большинство рѣшило *представить эти постановленія на санкцію короля*, несмотря на сопротивленіе контръ-революціонеровъ, которые предпочли бы, чтобы объ этихъ постановленіяхъ больше не было рѣчи.

„Уже въ понедѣльникъ, 14 сентября, патріоты увидали, однако, что слово *санкція* можетъ вызвать недоразумѣніе. Въ Собраніи рѣчь шла какъ разъ о „задерживающемъ вето“ (*veto suspensif*), т.-е. о правѣ задержать принятый Собраніемъ законъ, которое хотѣли предоставить королю, и Барнавъ замѣтилъ, что такое вето неприменимо къ постановленіямъ 4 августа. Въ томъ же смыслѣ говорилъ и Мирабó. „Постановленія 4 августа, — сказали онъ, — составлены учредительною властью; поэтому они не подлежатъ санкціи. Постановленія 4 августа — не законы, а принципы и основныя конституціонныя положенія. И когда вы обратились къ королю за санкціей для актовъ 4 августа, вы собственно обратились къ нему за *обнародованіемъ* (*promulgation*) ихъ“. Тогда Ле-Шанпелье предложилъ замѣнить, по отношенію къ этимъ постановленіямъ, слово *санкція* словомъ *об-*

народованіе и прибавилъ: „Я считаю, что постановленія, которымъ Его Величество выразилъ свое безспорное одобреніе — какъ въ письмѣ, переданномъ имъ мнѣ, когда я имѣлъ честь говорить отъ имени собранія (въ качествѣ представителя), такъ и служеніемъ благодарственного молебна въ королевской часовнѣ — не нуждаются въ санкціи короля“. Тогда внесено было предложеніе, чтобы Собраніе отложило обсужденіе стоящаго на очереди вопроса (о вето) до того времени, когда произойдетъ обнародованіе королевскихъ постановленій 4 августа. Общій шумъ. Засѣданіе закрывается; никакого рѣшенія не принято.

„15-го — новыя пренія безъ результата; 16-го и 17-го говорятъ совсѣмъ о другомъ: о порядкѣ престолонаслѣдія.

„Наконецъ, 18-го получается отвѣтъ отъ короля. Онъ выражаетъ свое одобреніе общему духу постановленій 4 августа, но замѣчаетъ, что по отношенію къ нѣкоторымъ изъ нихъ онъ можетъ выразить свое согласіе лишь условно; затѣмъ онъ заканчиваетъ слѣдующими словами: „Итакъ, я одобряю большую часть этихъ пунктовъ и санкціонирую ихъ, когда они будутъ составлены въ видѣ законовъ“. Этотъ отвѣтъ, затягивавшій дѣло, вызвалъ большое неудовольствіе; депутаты повторяли, что отъ короля требуется только простое обнародованіе постановленій, и что онъ не можетъ отказать въ этомъ. Было рѣшено, что предсѣдатель отправится къ королю и будетъ умолять его немедленно дать распоряженіе объ обнародованіи. Въ виду угрожающаго тона рѣчей ораторовъ въ Собраніи, Людовикъ XVI понималъ, что нужно уступить; но и тутъ онъ сталъ придираться къ словамъ: 20 сентября, вечеромъ, онъ передалъ предсѣдателю (Клермонъ-Тонеру) отвѣтъ, въ которомъ говорилось: „Вы просили меня санкціонировать постановленія 4 августа... Я вамъ сообщилъ замѣчанія, которыя я могъ сдѣлать по поводу ихъ... Теперь вы просите объ обнародованіи тѣхъ же самыхъ постановленій; обнародованію подлежатъ законы... Но я уже сказалъ вамъ, что одобряю общій духъ этихъ постановленій... Я издамъ распоряженіе объ ихъ *опубликованіи* (publication) по всему государству... Я не сомнѣваюсь, что смогу дать свою санкцію всѣмъ тѣмъ законамъ, которые вы издадите относительно разныхъ предметовъ, указанныхъ въ этихъ постановленіяхъ“.

„Такимъ образомъ, если въ постановленіяхъ 4 августа выражены только одни принципы и теоретическіе взгляды,

если мы напрасно стали бы искать въ нихъ конкретныхъ *мысль* и проч., то это потому, что таковъ и долженъ былъ быть характеръ этихъ постановленій, ясно определенный Собраніемъ въ 19-мъ пунктѣ. 4 августа было провозглашено въ *принципъ* уничтоженіе феодальнаго строя; затѣмъ было сказано, что Собраніе издастъ *законы* для проведенія этого *принципа* въ жизнь, и что это будетъ тогда, *когда будетъ закончена конституція*. Можно, если угодно, критиковать такой методъ работы, избранный Собраніемъ: но нужно замѣтить, что оно никого не обманывало и не измѣняло своему слову тѣмъ, что не издавало законовъ *сейчасъ же*, разъ оно обѣщало издать ихъ лишь *послѣ конституціи*. А когда, въ сентябрѣ 1791 года, конституція была закончена, Учредительному Собранію пришлось удалиться и уступить мѣсто Законодательному Собранію".

Это примѣчаніе Джемса Гильома проливаетъ новый свѣтъ на тактику Учредительнаго Собранія. Когда война крестьянъ противъ помѣщичьихъ замковъ поставила на очередь вопросъ о феодальныхъ правахъ,—передъ Собраніемъ было два выхода. Оно могло заняться выработкой *законопроектовъ* о феодальныхъ правахъ, обсужденіе которыхъ заняло бы цѣлыя мѣсяцы, или вѣрнѣе годы, и, въ виду разногласій въ средѣ самихъ представителей, не привело бы ни къ чему, кромѣ раскола въ Собраніи, который привелъ бы къ его роспуску королемъ. (Въ эту ошибку впала русская Дума 1905 года, при обсужденіи земельного вопроса). Или же, оно могло ограничиться провозглашеніемъ нѣсколькихъ *основныхъ началъ*, которые должны были послужить впоследствии основаніемъ для составленія *законовъ*. Собраніе избрало второй путь. Оно посѣщило составить въ нѣсколько засѣданій рядъ конституціонныхъ *постановленій*, которые королю, въ концѣ-концовъ, пришлось опубликовать. Въ деревняхъ же эти принципиальныя постановленія Собранія послужили приглашеніемъ къ отмене феодальныхъ правъ революціоннымъ путемъ, и настолько расшатали весь феодальный строй, что четыре года спустя Конвентъ уже могъ провести *законъ о полной отмене феодальныхъ правъ, безъ всякаго выкупа*. Сознательно или нѣтъ, былъ избранъ этотъ второй путь,—во всякомъ случаѣ онъ оказался цѣлесообразнѣе перваго.

XIX.

декларация правъ Человѣка.

Черезъ нѣсколько дней послѣ взятія Бастиліи, Конституціонный комитетъ Національнаго Собранія поставилъ на обсужденіе „Декларацию Правъ Человѣка и Гражданина“. Мысль о такомъ торжественномъ Заявленіи (деклараци), внушенная знаменитою Декларациею Независимости Соединенныхъ Штатовъ, была очень удачна. Такъ какъ во Франціи происходила революція, и въ отношеніяхъ различныхъ общественныхъ слоевъ должны были, въ силу этого, произойти глубокія измѣненія, то слѣдовало, прежде чѣмъ эти измѣненія найдутъ себѣ выраженіе въ пунктахъ какой бы то ни было конституціи, установить ихъ общія начала. Народъ могъ видѣть, такимъ образомъ, какъ понимаетъ революцію революціонное меньшинство, и во имя какихъ новыхъ началъ оно призываетъ къ борьбѣ.

Такая декларация не была бы простымъ наборомъ красивыхъ словъ. Она должна была выразить общій взглядъ на то будущее, которое революція стремится завоевать, и этотъ взглядъ, высказанный въ формѣ Заявленія Правъ, свѣдѣннаго цѣлымъ народомъ, долженъ былъ получить значеніе торжественной народной клятвы. Выраженные въ немногихъ словахъ начала, которыя предполагалось провести въ жизнь, должны были вдохнуть бодрость во французскій народъ и показать всему міру, куда онъ идетъ. Міромъ управляютъ идеи, гораздо больше, чѣмъ это думаютъ, и великія идеи, выраженные въ рѣшительной формѣ, всегда имѣли вліяніе на умы. Молодые сѣверо-американскія республики издали подобную декларацию, когда свергли англійское иго, и съ тѣхъ поръ Декларация Независимости

Соединенныхъ Штатовъ сдѣлалась хартіей, почти что десятью заповѣдями молодой сѣверо-американской націи¹⁾.

Вотъ почему, какъ только Собраніе избрало (9 іюля) Комитетъ для подготовительной работы по выработкѣ конституціи, возникла мысль о составленіи Декларациі правъ человѣка, и сейчасъ же послѣ 14 іюля представители принялись за дѣло. Декларациа независимости Соединенныхъ Штатовъ, сдѣлавшаяся знаменитой съ 1776 года, какъ залогъ демократіи, какъ выраженіе ея стремленій, была принята за образецъ²⁾. Къ несчастью, у этой Декларациі были заимствованы и ея недостатки. Слѣдуя примѣру основателей американской конституціи, собравшихся на конгрессъ въ Филадельфіи, французское Національное Собраніе тоже исключило изъ своего заявленія все, что касалось экономическихъ отношеній между гражданами, и ограничи-

«Когда теченіе человѣческихъ событій», говорилось въ Декларациі Независимости Соединенныхъ Штатовъ, «ставитъ какой-нибудь народъ въ необходимость перемѣнить политическія узмы, соединившія его съ другимъ народомъ, и занять въ ряду земныхъ державъ то отдѣльное и равноправное мѣсто, на которое даютъ ему право законы божескіе и природы, — то увѣженіе къ мнѣнію человечества требуетъ отъ этого народа, чтобы онъ изложилъ міру поощренія, вынуждающія его къ такому отдѣленію».

«Мы считаемъ слѣдующія истины бесспорными и очевидными сами по себѣ: что всѣ люди созданы равными; что они получили отъ Создателя нѣкоторыя неотчуждаемыя права; что среди этихъ правъ слѣдуетъ поставить на первое мѣсто жизнь, свободу и исканіе счастья; что для обезпеченія себѣ возможности пользоваться этими правами люди создали въ своей средѣ правительства, справедливая власть которыхъ основывается на согласіи управляемыхъ; что всякій разъ, когда какая-нибудь форма правленія оказывается губительною для этихъ цѣлей, ради которыхъ она была создана, народъ имѣетъ право изменить, или упразднить ее, и создать новое управленіе, обосновавъ его на такихъ началахъ и придавъ власти такую форму, которые онъ найдетъ наиболѣе обезпечивающими безопасность и счастье». (Декларациа, принятая въ Филадельфіи, 4 іюля 1776 года.) Эта декларациа, правда, не отвѣчала коммунистическимъ стремленіямъ, высказаннымъ тогда же многими группами гражданъ Сѣверной Америки; но она точно выражала ихъ взглядъ на ту политическую форму, которую они хотѣли создать, и помогла вдохнуть въ американскихъ революціонеровъ гордый, независимый духъ.

²⁾ Объ этомъ, какъ видно изъ работы Джемса Гильома, „La Déclaration des droits de l'homme et du citoyen“ Парижъ, 1900, стр. 9, было упомянуто самимъ предсѣдателемъ Конституціоннаго Комитета. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно, впрочемъ, сравнить тексты французскихъ проектовъ и американскихъ деклараций, приведенные въ книгѣ Гильома.

лось провозглашеніемъ равенства всѣхъ передъ закономъ, конституціонныхъ свободъ личности, и права націи выбирать себѣ желательное ей правительство. Что же касается собственности, то Декларация успѣшила заявить о ея „ненарушимомъ и священномъ“ характерѣ, и прибавила, что „никто не можетъ быть лишенъ собственности иначе, какъ въ томъ случаѣ, если того потребуетъ закономъ признанная общественная необходимость и при условіи справедливаго, предварительнаго вознагражденія“. Это было прямымъ отрицаніемъ права крестьянъ на землю и на революціонную отмѣну даже повинностей крѣпостного происхождения.

Буржуазія такимъ образомъ провозглашала свою либеральную программу: юридическое равенство передъ закономъ, и правительство, подчиненное народу, существующее только по его волѣ. II, какъ всѣ такъ-называемыя „программы-минимумъ“ (перечисленія *наименьшихъ* требований), она оказалась программой-максимумъ, т.-е. *наибольшихъ* требований. Она означала, что, по мнѣнію Собранія, *больше* этого народу идти не слѣдуетъ: что онъ не долженъ касаться правъ собственности, хотя они и установлены были крѣпостнымъ строемъ и королевскимъ деспотизмомъ, которые подлежали уничтоженію.

Очень вѣроятно, что во время креній, при составленіи Декларации правъ человека, были высказаны и идеи социальнаго характера. — идеи равенства. Но онѣ, очевидно, были отвергнуты. Мы не находимъ, по крайней мѣрѣ, никакихъ слѣдовъ ихъ въ Декларации 1789 года ¹⁾. Даже мысль Сейеса, что „если люди не равны въ *состояніи*, т.-е. по богатству, по уму, по силѣ и т. д., то изъ этого не слѣдуетъ, что они не равны въ *правахъ*“ ²⁾ — даже эта скромная мысль не нашла себѣ выраженія въ Декларации, выработанной Собраніемъ. Въмѣсто этихъ словъ Сейеса мы находимъ слѣдующую формулировку перваго пункта Декларации: „Люди рождаются и остаются свободными и равными въ правахъ. Соціальныя различія не могутъ быть основаны

¹⁾ Въ Америкѣ, въ нѣкоторыхъ Штатахъ, народъ потребовалъ провозглашенія общаго права націи на всю землю; но эта идея, предосудительная съ буржуазной точки зрѣнія, не была введена въ Декларацию Независимости.

²⁾ Пунктъ 16-й проекта Сейеса. См. James Guillaume, „La Déclaration des droits de l'homme et du citoyen“, стр. 30.

ни на чемъ иномъ, кромѣ общей пользы". Это предполагаетъ существованіе социальныхъ различій, установленныхъ закономъ ради общей пользы, и посредствомъ этого несправедливаго предположенія открывается доступъ всѣмъ видамъ неравенства.

Когда мы перечитываемъ теперь „Декларанію правъ человека и гражданина“, составленную въ 1789 году, мы естественно задаемъ себѣ вопросъ: имѣла ли вообще эта декларанція то вліяніе на умы, какое ей приписываютъ историки?—Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторые пункты Декларанціи оказали такое вліяніе. Такъ, пунктъ 1-й провозглашалъ равенство въ правахъ всѣхъ людей: въ пунктѣ 6-мъ говорилось, что законъ долженъ быть одинаковъ для всѣхъ, и что „все граждане имѣютъ право участвовать лично или черезъ своихъ представителей, въ его созданіи“; пунктъ 10-й гласилъ, что „никто не долженъ быть преслѣдуемъ за убѣжденія, даже религіозныя, лишь бы проявленіе ихъ не нарушало установленнаго закономъ общественнаго порядка“, и наконецъ пунктъ 12-й заявлялъ, что общественная власть „учреждена на пользу всѣмъ, а не для личной пользы тѣхъ, кому она поручена“. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти заявленія, — въ обществѣ, гдѣ еще существовали различныя формы феодальной зависимости, и гдѣ королевская фамилія смотрѣла на Францію какъ на свою вотчину, — должны были произвести цѣлую революцію въ умахъ.

Но такъ же несомнѣнно и то, что Декларанція 1789 года никогда не имѣла бы того вліянія, какое она приобрѣла въ послѣдствіи, въ теченіе всего девятнадцатаго вѣка, если бы революція остановилась на этомъ заявленіи буржуазнаго либерализма. Къ счастью, революція пошла дальше. И когда, два года спустя, въ сентябрѣ 1791 года Национальное Собраніе выработало текстъ Конституціи, оно присоединило къ первой „Декларанціи правъ человека“ родъ „Вступленія въ Конституцію“, заключающаго уже слѣдующія слова: „Национальное Собраніе... безвозвратно отмѣняетъ учрежденія, оскорблявшія свободу и равенство въ правахъ“. И дальше: „Не существуетъ болѣе ни дворянства, ни црства¹⁾, ни наследственныхъ отличій, ни сословныхъ отличій, ни феодальнаго строя, ни вотчиннаго суда, никакихъ титуловъ,

¹⁾ Цары были иѣчто въ родѣ русскихъ бояръ шестнадцатаго вѣка: родъ младшихъ родственниковъ короля.

Ваній и преимуществъ, изъ нихъ вытекавшихъ; никакихъ рыцарскихъ орденовъ, никакихъ корпорацій, или орденовъ, для которыхъ требовались бы доказательства дворянскаго происхожденія и которыя предполагали бы тѣ или другія прирожденныя различія; никакого другого высшаго положенія, кромѣ положенія чиновниковъ при исполненіи ихъ обязанностей. — Не существуетъ больше ни цеховъ, ни старшинъ, ни корпорацій въ профессіяхъ и искусствахъ, или ремеслахъ (въ этомъ послѣднемъ сказывается уже буржуазный идеалъ всемогущаго государства). — Законъ не признаетъ больше ни религіозныхъ обѣтовъ, ни другихъ обязательствъ, противныхъ естественнымъ правамъ и Конституціи!

Если мы вспомнимъ, что этотъ вызовъ былъ брошенъ Европѣ, еще всецѣло погруженной въ тьму всемогущей монархической власти и феодальныхъ привилегій, мы поймемъ, почему „Декларация правъ человека“, которую вообще не отдѣляли отъ „Вступленія въ Конституцію“, увлекала народы во время войнъ Республики, а впослѣдствіи, въ теченіе всего девятнадцатаго вѣка, служила лозунгомъ прогрессивнаго движенія во всѣхъ европейскихъ странахъ. Но не нужно забывать одного: въ этомъ Вступленіи вовсе не выражаются желанія всего Собранія, ни даже же анія вообще буржуазіи 1789 года. Признать права народа и порвать съ феодализмомъ заставила буржуазію продолжавшаяся народная революція, и мы скоро увидимъ, цѣною какихъ жертвъ были достигнуты эти уступки.

Дни 5 и 6 октября 1789 года

Въ гл. . . короля и Двора „Декларация правъ человека и гражданина“ являлась наглымъ нарушеніемъ всѣхъ божескихъ и человѣческихъ законовъ. Король рѣшительно отказался утвердить ее. Правда, Декларация, подобно „постановленіямъ 5—11 августа“, представляла собою не что иное, какъ провозглашеніе извѣстныхъ основныхъ началъ: она имѣла, какъ тогда выражалось, „учредительный характеръ“ и, какъ таковая, не нуждалась въ утвержденіи королемъ. Ему предстояло только обнародовать ее.

Но и отъ этого онъ отказывался, подъ разными предлогами. Такъ, 5 октября онъ написалъ Собранію, что прежде чѣмъ санкціонировать Декларацию, онъ хочетъ знать, какъ будутъ прилагаться высказанныя въ ней начала¹⁾.

Мы видѣли, что онъ отвѣтилъ подобнымъ же отказомъ и на постановленія 5—11 августа объ уничтоженіи феодальныхъ правъ, и мы легко можемъ себѣ представить, какими оружіемъ послужили эти два отказа въ рукахъ Національного Собранія.—„Какъ?“ говорилось въ народѣ. „Собраніе оспариваетъ феодальный строй, личную зависимость и оскорбительныя права помѣщиковъ; оно провозглашаетъ, съ другой стороны, равенство всѣхъ передъ закономъ; а король, и въ особенности принцы, королева, Дворъ, Подлиняки, Ламбали и всѣ остальные противятся этому! Если бы еще

1) „Я не буду объясняться по поводу Декларации правъ человека: въ ней есть очень хорошія правила для руководства въ важныхъ работахъ. Но въ ней выражены и такія начала, которые могутъ вызвать различныя объясненія и даже толкованія, правильная оценка которыхъ будетъ возможна только тогда, когда истинный смыслъ ихъ будетъ установленъ законами, основой для которыхъ послужитъ Декларация. — Подписано: Людовикъ“.

дѣло шло только о запрещеніи какихъ-нибудь рѣчей, проинкнутыхъ идеями равенства! Но пѣтъ: *все* Собраніе — въ томъ числѣ дворяне и епископы — согласилось на томъ, чтобы издать законъ въ пользу народа и отказаться отъ своихъ привилегій (для народа, не вникающаго въ смыслъ юридическихъ терминовъ, „постановленія“ 5 — 11 августа были настоящими законами); и вдругъ какая-то сила не позволяетъ провести въ жизнь эти законы! Король, пожалуй, еще согласился бы принять ихъ: брался же онъ съ Парижемъ послѣ 14 іюля; но Дворъ, принцы, королева не хотятъ, чтобы Собраніе устроило счастье народа“.

Въ начавшейся такимъ образомъ грозной борьбѣ между королевскою властью и буржуазіею, послѣдней удалось, благодаря ловкой политикѣ и умѣнью разбираться въ законодательной дѣятельности, привлечь народъ на свою сторону. Теперь народъ горячо ненавидѣлъ принцевъ, королеву, вышеную аристократію и горячо защищалъ Собраніе, за трудами котораго онъ началъ слѣдить съ интересомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, народъ и самъ оказывалъ давленіе на Собраніе въ демократическомъ направленіи.

Такъ, напримѣръ, Собраніе, можетъ-быть, согласилось бы на систему двухъ Палатъ на „англійскій манеръ“. Такая система предлагалась нѣкоторою частью буржуазіи; но народъ не хотѣлъ и слышать о ней. Онъ чутьемъ понималъ то, что впослѣдствіи очень ясно стали доказывать ученые юристы: что во время революціи вторая палата немислима; что она можетъ существовать только тогда, когда революція уже истощила свои силы, и началась реакція.

Точно такъ же народъ, съ гораздо болѣе жаромъ, чѣмъ его представители въ Собраніи, высказывался противъ королевскаго права отвергать принятые Собраніемъ законы, т.-е. противъ права *вето*¹⁾. Онъ и здѣсь отлично понималъ сущность дѣла! Дѣйствительно, если въ обыкновенное время вопросъ о томъ, можетъ или не можетъ король воспрепятствовать рѣшенію парламента, не имѣетъ особенно большаго значенія (такъ какъ мало вѣроятно, чтобы парламентъ и король оказались въ непримиримомъ разногласіи), то въ революціонный періодъ дѣло стоитъ иначе; не потому, чтобы королевская власть становилась съ теченіемъ времени менѣе склонною къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ на-

¹⁾ Латинское слово *вето* значило „запрещаю“, „противлюсь“.

родныхъ правъ, а потому, что въ обыденное время парламентъ—органъ привилегированныхъ классовъ—не принималъ такихъ рѣшеній противъ существующихъ привилегій, которыя королю приходилось бы останавливать своимъ вмешательствомъ. Въ революціонное же время, рѣшенія парламента, принимаемыя подъ давленіемъ народнаго настроенія, улицы, часто будутъ клониться именно къ уничтоженію старыхъ привилегій, а потому неизбежно встрѣять сопротивленіе со стороны короля. И тогда, если ему будетъ предоставлено право вето, и если онъ почувствуетъ нѣкоторую силу на своей сторонѣ, онъ непремѣнно воспользуется этимъ правомъ. Такъ оно и случилось съ английскими постановленіями и съ Деклараціей Правъ.

Въ Собраніи была, однако, многочисленная партія, стоявшая за абсолютное вето короля, т.-е. желавшая предоставить королю возможность помѣшать законнымъ путемъ всякой серьезной перемены: такъ что вето послѣ послѣдней Сессіи Собраніе приняло, наконецъ, къ своему составу. Оно отказало въ абсолютномъ вето (т.-е. въ правѣ навсегда отвергнуть законъ, проведенный Собраніемъ), но приняло вето *задерживающее* (*veto suspensif*), дававшее королю возможность, не опровергая того или другого закона, *замораживать* на нѣкоторое время его проведеніе въ жизнь.

Теперь, сто лѣтъ спустя, историки неизбежно склонны идеализировать Собраніе и представлять его себѣ вполнѣ готовымъ бороться за Революцію. Но такъ какъ истина для насъ дороже красиваго преданія, легенды, то приходится отказаться отъ такого представленія. Не дѣлѣ, даже въ лицѣ самыхъ передовыхъ своихъ представителей, Собраніе далеко не было на высотѣ требованій того времени. Оно чувствовало свое безсиліе. Самый составъ его былъ далеко не однороденъ, такъ какъ въ немъ было болѣе трехсотъ, а по другимъ исчисленіямъ до четырехсотъ депутатовъ, т.-е. болѣе трети общаго числа, готовыхъ вполнѣ примириться съ королевскою властью. Помимо этого, не говоря уже о тѣхъ, кто прямо состоялъ на жалованьи у Двора, а были и такіе,—сколько въ немъ было депутатовъ, боявшихся революціи гораздо болѣе, чѣмъ королевскаго произвола! Но время было тогда революціонное, и помимо прямого давленія народа и страха передъ его гнѣвомъ, кругомъ царилъ то особое умственное настроеніе, которое покоряетъ робкихъ и заставляетъ осторожныхъ

иги за болѣ смѣлыми. Кромѣ того—и это было главное—народъ попрежнему держался угрожающе, а воспоминаніе о де-Лонэ, Фуллонѣ и Бертѣе было еще свѣжо въ памяти. Въ предмѣстьяхъ Парижа даже поговаривали о томъ, чтобы убить членовъ Собранія, подозрѣваемыхъ въ сношеніяхъ съ Дворомъ.

Между тѣмъ, въ Парижѣ попрежнему свирѣпствовала страшная нужда. Былъ сентябрь; жатва уже была кончена, но хлѣба все-таки не хватало. У дверей булочныхъ цѣлыя вереницы людей ждали съ ранняго утра своей очереди, и часто, послѣ долгихъ часовъ ожиданія, люди уходили безъ хлѣба. Муки не хватало. Несмотря на закупку зерна за границей, организованную правительствомъ, несмотря на преміи, выдаваемые за ввозъ зерна въ Парижъ, хлѣба все-таки не доставало, какъ въ столицѣ, такъ и въ сосѣднихъ съ нею большихъ и малыхъ городахъ. Все мѣры, принимавшіяся для продовольствія населенія, оказывались недостаточными, да и тому немногому, что дѣлалось, мѣшали разнаго рода мошенничества. Весь старый строй, все государственное сосредоточеніе власти, понемногу создававшееся съ шестнадцатаго вѣка, проявили себя въ этомъ вопросѣ о хлѣбѣ. На верхахъ—уточенная роскошь достигала крайнихъ предѣловъ, а внизу—народная масса, разоряемая всякими поборами, не находила себѣ пропитанія на плодородной почвѣ и въ прекрасномъ климатѣ Франціи!

Кромѣ того, противъ принцевъ королевскаго дома и высоко поставленныхъ придворныхъ лицъ раздавались самыя тяжелыя обвиненія: въ народѣ говорили, что они снова заключили „голодный договоръ“¹⁾ и барыничаютъ на высокихъ цѣнахъ на хлѣбъ. Документы, напечатанные съ тѣхъ поръ, вполне подтверждаютъ тогдашніе слухи. И когда мы теперь знаемъ, что дѣлали въ Россіи великіе князья, всякое сомнѣніе въ этихъ обвиненіяхъ исчезаетъ.

Къ тому же, возможное банкротство государства висѣло, какъ угроза, надъ головами. Государственные долги требовали немедленнаго взноса процентовъ; расходы же все росли, и казна была пуста. Прибѣгать, во время революціи, къ

¹⁾ „Голодный договоръ“ называли тессзоръ, заключенный въ 1729 году, при Людовикѣ XV, скупщиками зерна, при участіи придворныхъ и членовъ королевской семьи.

гѣмъ жестокимъ мѣрамъ, которыми выколачивались подати при старомъ строѣ, когда у крестьянина продавали его послѣднее имущество за недоимки—теперь уже не рѣшались, боясь бунтовъ; а съ другой стороны, крестьяне, въ ожиданіи болѣе справедливаго распредѣленія налоговъ, перестали платить; богатые же, ненавидѣвшіе революцію, не платили ничего изъ тайнаго злорадства. Напрасно Неккеръ, вновь вступившій въ министерство 17 іюля 1789 года, придумывалъ всякія средства для предотвращенія банкротства—онъ ничего не находилъ. И въ самомъ дѣлѣ, трудно представить себѣ, какимъ образомъ могъ бы онъ помѣшать банкротству, не прибѣгая къ принудительному займу у богатыхъ, или не заглаживая имуществами духовенства. Онъ такъ и сдѣлалъ. И буржуазія, дѣйствительно, скоро принудилась согласиться на эти мѣры, такъ какъ, вложивши свои деньги въ государственные займы, она вовсе не хотѣла потерять ихъ при банкротствѣ государства. Но, какъ могли согласиться на такое посягательство на ихъ имущества со стороны государства, король, Дворъ и высшее духовенство?

Странное чувство должно было овладѣвать умами въ августѣ и сентябрѣ 1789 года. Вотъ, наконецъ, исполнились желанія столькихъ лѣтъ. Во Франціи созвано, наконецъ, Національное Собраніе, и оно облечено законодательною властью. Оно охотно поддается демократическимъ преобразовательнымъ стремленіямъ, — и все-таки оно безсильно, безсильно до смѣшного. Собраніе можетъ издать тѣ или иные законы для предотвращенія банкротства; но король, Дворъ, принцы откажутся утвердить ихъ. Точно выходя изъ того свѣта, они еще имѣютъ силу задуть предствительство французскаго народа, парализовать его волю, протянуть до безконечности временное положеніе.

Мало того: эти привидѣнія все время собираются сдѣлать рѣшительный шагъ противъ Собранія. Вокругъ короля обсуждаются новые планы его побѣга. Онъ уѣдетъ въ скоромъ времени въ Рамбулье, или въ Орлеанъ, или же стаетъ во главѣ войскъ, расположенныхъ къ западу отъ Версаля, и оттуда будетъ угрожать и Версалю, и Парижу. Или, наконецъ, онъ бѣжитъ къ восточной границѣ, и тамъ будетъ ждать нѣмецкихъ и австрійскихъ войскъ. Во дворцѣ сталкиваются всевозможныя вліянія: вліяніе королевы, вліяніе герцога Орлеанскаго, мечтающаго завладѣть престоломъ послѣ отъѣзда короля, вліяніе „Monsieur“, т.-е. брата Лю-

довика XVI, который былъ бы очень радъ, если бы и король, и Марія Ангуанета, съ которой у него личная вражда, могли бы куда-нибудь исчезнуть.

Съ сентября мѣсяца Дворъ задумывалъ побѣгъ; обсуждался различные планы, но ни на одномъ изъ нихъ не рѣшались остановиться. Нѣтъ сомнѣнiя, что Людовикъ XVI и въ особенности королева мечтали повторить—но съ бѣльшимъ успѣхомъ—исторiю англiйскаго короля, Карла I, и вступить, какъ онъ сдѣлалъ, въ открытую войну съ Парламентомъ. Исторiя англiйскаго короля, повидимому, не давала имъ покоя: утверждаютъ даже, что единственная книга, которую Людовикъ XVI выписалъ изъ своей версальской библиотеки въ Парижъ послѣ 6 октября, когда онъ долженъ былъ переселиться въ Парижъ, была исторiя Карла I. Эта исторiя точно гиинотизировала ихъ; но они читали ее такъ, какъ заключенные въ тюрьмѣ читаютъ уголовные романы. Они не дѣлали изъ нея выводовъ относительно необходимости своевременныхъ уступокъ, а думали только: „Вотъ здѣсь нужно было сопротивляться; здѣсь нужно было дѣйствовать хитростью, а вотъ тутъ нужно было проявить рѣшимость!“ Не такъ же ли читаетъ теперь русскiй царь исторiю Людовика XVI и Карла I?..¹⁾ И вотъ они устраивали всевозможные планы, привести которые въ исполненiе ни у нихъ, ни у нѣхъ окружающихъ не хватало смѣлости.

Съ другой стороны, Революция тоже туманила ихъ взоры: они видѣли готовившееся поглотить ихъ чудовище и не рѣшались ни подчиниться ему, ни сопротивляться. Парижъ, все время собиравшiйся идти на Версаль, внушалъ имъ ужасъ и парализовалъ ихъ волю. „А что, если въ самый рѣшительный моментъ борьбы войско подается? Что, если военные начальники измѣнятъ королю, какъ измѣнили ему уже столько другихъ? Тогда останется только раздѣлить участь Карла I!“

А тѣмъ временемъ они все-таки продо жали обсуждать свои тайные планы. Ни король, ни его окружающiе, ни вообще привилегированные классы не могли понять, что время маленькихъ уступокъ и заговоровъ давно прошло; что теперь уже ничего не остается, какъ откровенно при-

¹⁾ Оставляю эти строки такъ, какъ онѣ были написаны въ 1909 году.

знать новую народившуюся силу и стать подъ ея покровительством, — тѣмъ болѣе, что Собраніе съ величайшею охотою взяло бы короля подъ свою защиту. Въмѣсто этого, они устраивали заговоры и тѣмъ толкали даже самыхъ умѣренныхъ членовъ Собранія къ контръ-заговорамъ, т.-е. въ революціонный лагерь. Вотъ почему Мирабó и другіе депутаты, которые охотно бы способствовали установленію очень скромно-ограниченной монархіи, пошли поневолѣ вмѣстѣ съ болѣе крайними группами. И вотъ почему такіе умѣренные люди, какъ Дюпортъ, устроили „конфедерацію клубовъ“, дававшую возможность держать народъ постоянно наготовѣ, — въ чемъ уже предчувствовалась близкая надобность.

Походъ 5 октября на Версаль произошелъ не такъ внезапно, какъ обыкновенно рассказываютъ. Всякое народное движеніе, даже во время Революціи, должно быть подготовлено агитаторами изъ народа, и ему всегда предшествуетъ рядъ неудавшихся попытокъ въ томъ же направленіи. Такъ, еще 30 августа маркизь де Сентъ-Юрюжъ (de Saint-Huruge), одинъ изъ популярныхъ ораторовъ Палаты Рояля, хотѣлъ идти на Версаль во главѣ полутора тысячъ человекъ, чтобы требовать удаленія „невѣжественныхъ, похупленныхъ и подозрительныхъ депутатовъ“, отстаивающихъ задерживающее вето короля“. А народъ, въ то же время, грозился съжечь помѣстья и замки этихъ депутатовъ, и ихъ извѣщали, что съ этою цѣлью уже разслано по провинціямъ двѣ тысячи писемъ. Сборище маркиза Юрюжа было разогнано, но самый планъ не былъ оставленъ.

31 августа изъ Палаты Рояля было отправлено въ Городскую Ратушу пять депутатій (одна изъ нихъ подъ предводительствомъ республиканца Луссатò), съ просьбою парижскому муниципалитету оказать давленіе на Собраніе и помѣшать принятію королевскаго вето. Среди членовъ этихъ депутатій одни грозили депутатамъ, другіе же упрашивали ихъ. Въ Версалѣ толпа народа со слезами умоляла Мирабó отказаться отъ абсолютнаго вето, на томъ, совершенно справедливомъ основаніи, что если королю будетъ представлено это право, то самъ Собраніе слѣдуетъ считать ненужнымъ¹⁾.

Тогда же, повидимому, явилась мысль, что гораздо удобнѣе было бы имѣть Собраніе и короля у себя подъ руками,

¹⁾ Buchez et Roux, стр. 368 и слѣд.; Bailly, II, 326, 341.

въ Парижѣ. Съ первыхъ чиселъ септября на сборищахъ, происходившихъ въ Палэ-Рояль на открытомъ воздухѣ, уже говорилось о томъ, что надо привезти въ Парижъ короля и дофина (наслѣдника). Ради этого въ ихъ истинныхъ гражданахъ приглашали идти по одомъ на Версаль. Въ „*Moniteur de France*“ объ этомъ упоминается уже въ номерѣ отъ 5 септября (стр. 84), а Мираббъ говоритъ о походѣ женщинъ на Версаль за двѣ недѣли до самаго событія.

Обѣды, данный во дворцѣ гвардейцамъ, и придворные заговоры ускорили дѣло. Все указывало на то, что реакція готовится вскорѣ нанести сильный ударъ. Она подняла голову; а парижскій муниципальный совѣтъ, вполне буржуазный, шелъ смѣлѣе, чѣмъ раньше, по пути реакціи. Роялисты, почти не скрываясь, организовывали свои силы. По дорогѣ между Версалемъ и Мецомъ¹⁾ были стянуты войска и открыто говорилось о томъ, чтобы похитить короля и увезти его въ Мецъ, черезъ Шампань, или черезъ Вурденъ. Маркизь Булье, командовавший войсками на востокѣ, а также герцогъ Бретейль и Мерси были въ заговорѣ. Во главѣ его сталъ Бретейль. Съ этою цѣлью приберегались всевозможныя денежныя суммы и, какъ вѣроятный день переворота, намѣчалось 5 октября. Въ этотъ день король долженъ былъ уѣхать въ Мецъ и тамъ присоединиться къ войску маркиза Булье. Затѣмъ, онъ обратился бы съ призывомъ къ дворянству и войскамъ, оставшимся ему вѣрными, и объявить бы членовъ Собранія мятежниками.

Тѣмъ временемъ въ версальскомъ дворцѣ было удвоено число тѣлохранителей (молодыхъ людей изъ аристократіи, охранявшихъ дворецъ), и были вызваны въ Версаль фландрскій полкъ и драгуны. 1 октября тѣлохранители устроили даже въ честь фландрскаго полка большое празднество, на которое были приглашены прагматіе и швейцарскіе офицеры версальскаго гарнизона.

Во время обѣда Марія-Антуанета и придворныя дамы, вмѣстѣ съ королемъ, дѣлали все возможное, чтобы довести до бѣлаго казенія върноподданническія чувства офицеровъ. Дамы сами прицѣпляли орденскія и солдатскія бѣлыя кокарды, а національную трехцветную кокарду топили ногами. Два дня спустя, 3 октября, былъ устроенъ второй, подобный же, праздникъ.

1) Укрѣпленный городъ близъ восточной границы Франціи.

Эти празднества ускорили ходъ событій. Слухи о нихъ, можетъ-быть преувеличенные, скоро дошли до Парижа и народъ понялъ, что если онъ не пойдетъ теперь же на Версаль, то Версаль пойдетъ на Парижъ.

Дворъ, очевидно, готовился нанести рѣшительный ударъ. Если бы король уѣхалъ и скрылся гдѣ-нибудь среди своихъ войскъ, не было бы ничего легче, какъ разогнать Собрание, или заставить его вернуться къ системѣ трехъ состояній. Въ самомъ Собраніи была партія, насчитывавшая отъ 300 до 400 человекъ, главари которой уже устраивали совѣщанія у Малуэ и задумывали перенести Собрание въ городъ Туръ, подальше отъ революціоннаго парижскаго народа. Но если бы планъ Двора удался, все пришлось бы начинать сызнова. Потерины были бы плоды 14 іюля, плоды крестьянскаго возстанія и паники 4 августа.

Что же нужно было предпринять, чтобы предотвратить переворотъ? *Ни больше, ни меньше, какъ поднять народъ!* И въ этомъ состоитъ главная заслуга тѣхъ революціонеровъ, которые въ этотъ моментъ имѣли преобладающее вліяніе: они поняли истину, которая обыкновенно заставляетъ буржуазныхъ революціонеровъ блѣднѣть отъ страха; и они стали дѣйствовать. Поднять народъ—темную, бѣдную массу парижскаго населенія—вотъ чѣмъ съ жаромъ занялись 4 октября революціонеры. Дантонъ, Марать и Лустало (имя котораго мы уже упоминали, передъ взятіемъ Бастиліи), были самыми энергичными изъ нихъ.

Горсть загорщиковъ не можетъ бороться съ войскомъ. Кучка людей, какъ бы рѣшительны они ни были, не можетъ побѣдить реакцію. Войску нужно противопоставить либо *войско же*, либо *народъ*,—населеніе цѣлаго города, сотни тысячъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, вышедшихъ на улицу. Только они могутъ побѣдить;—только они *побуждали* войска, лишая ихъ бодрости духа, парализуя ихъ дикую силу.

5 октября въ Парижѣ, дѣйствительно, началось подготовлявшееся возстаніе при крикахъ: *Хлѣба! Хлѣба!* Одна молодая дѣвушка забила въ барабанъ, и это послужило призывнымъ сигналомъ для женщинъ. Скоро ихъ собралась цѣлая толпа, которая двинулась къ Городской Ратушѣ. Здѣсь женщины выломали двери и требовали хлѣба и оружія. А такъ какъ о походѣ на Версаль говорилось уже нѣсколько дней, то крикъ: *въ Версаль!* скоро сталъ об-

щимъ лозунгомъ. Предводителемъ своего отряда женщины избрали Мальяра, прославившагося въ Парижѣ послѣ 14 іюля, благодаря своему участию во взятіи Бастиліи. Подъ его руководствомъ двинулись въ путь.

Тысячи разныхъ мыслей, несомнѣнно, роились, въ то время, въ ихъ головахъ; но господствующею мыслью была, вѣроятно, мысль о хлѣбѣ. Въ Версалѣ, думали онѣ, готовятся заговоры прогнать народнаго блага; тамъ заключили „голодный договоръ“, тамъ мѣшаютъ уничтоженію феодальныхъ правъ, которые доводятъ народъ до голода,—и женщины шли на Версаль. Можно почти навѣрное сказать, что въ глазахъ массы парижанъ король, какъ всѣ короли, представлялся добродушнымъ существомъ, желающимъ добра народу. Обаяніе королевской власти глубоко еще коренилось въ умахъ. Но королевѣ уже тогда ненавидѣли. Объ ней рассказывали самыя ужасныя вещи.—„Гдѣ эта негодница?“—„Вотъ она...! Нужно схватить эту... и свернуть ей шею“, говорили женщины, и можно только удивляться тому, съ какой готовностью, съ какимъ, можно сказать, удовольствіемъ, уголовный судъ Шателэ повторилъ потомъ всѣ эти слова, въ одной изъ своихъ бумагъ, когда назначено было издѣвствіе о бунтѣ 5 октября.

Народъ и тутъ, въ общемъ, былъ совершенно правъ. Если король, узнавъ о неудачѣ, которую потерпѣло королевское засѣданіе 23 іюня, сказалъ въ концѣ-концовъ: „Чортъ съ ними, пусть остаются!“, то Марія-Антуанета приняла эту неудачу за личное оскорбленіе. Она встрѣтила съ величайшимъ презрѣніемъ „короля-разночинца“, когда онъ вернулся съ трехцвѣтною кокардою на шляпѣ, послѣ посѣщенія Парижа 17 іюля, и съ тѣхъ поръ королева была центромъ всѣхъ придворныхъ заговоровъ. Съ этихъ поръ уже было заложено начало той перепискѣ, которую она вела впослѣдствіи со шведскимъ барономъ Ферзеномъ, съ цѣлью привести иностранныя войска въ Парижъ¹⁾. И въ ту самую ночь, 5 октября, когда женщины наводнили дворецъ, королева—по свидѣтельству даже такой реакціонерки, какъ мадамъ Кампанъ, —принимала Ферзена у себя въ спальнѣ.

Народъ зналъ все это, отчасти отъ самой дворцовой прислуги; и умъ толпы—коллективный умъ парижскаго на-

¹⁾ Эта переписка теперь издана.

рода—понять то, что съ такимъ трудомъ понимали отдѣльныя личности изъ образованныхъ классовъ. Онъ понималъ, что Марія-Антуанета зайдетъ далеко въ своей враждѣ къ народу, и что единственное средство предотвратить придворные заговоры, это—держать короля и его семью, а также и Собраніе, въ самомъ Парижѣ, подъ контролемъ народа.

Въ первые моменты своего вступленія въ Версаль женщины, измученныя усталостью и голодомъ, измокшія подъ проливнымъ дождемъ, требовали только хлѣба. Когда онѣ ворвались въ Собраніе, то попадали въ изнеможеніи на скамьи депутатовъ; но самое ихъ присутствіе въ этомъ мѣстѣ было уже побѣдою. И Собраніе немедленно воспользовалось этою побѣдою, чтобы получить отъ короля утвержденіе Декларациі Правъ человека.

Велѣлъ за женщинами въ путь тронулся и мужчинамъ. Когда, во избѣжаніе какого-нибудь несчастья во дворцѣ, Лафайетъ, въ семь часовъ вечера, двинулся въ Версаль во главѣ буржуазной національной гвардіи.

Ужасъ охватилъ Дворъ. Весь Парижъ, стало-быть, идетъ походомъ на дворецъ? Немедленно былъ созванъ Совѣтъ, но опять-таки онъ не пришелъ ни къ какому рѣшенію. Между тѣмъ, изъ сарая были уже поданы экипажи, чтобы король и его семья могли убѣжать: но отрядъ національной гвардіи замѣтилъ эти экипажи и велѣлъ убрать ихъ назадъ.

- Прибытіе національной гвардіи, старанія Лафайета, а въ особенности, можетъ-быть, проливной дождь, заставили разойтись толпу, наполнившую улицы Версаля, залу Собранія и окрестности дворца. Но около пяти или шести часовъ утра кучка мужчинъ и женщинъ изъ народа, не слушая ничьихъ совѣтовъ, разыскала какую-то незапертую дверь, ведущую во дворецъ, и ворвалась туда. Въ нѣсколько минутъ толпа была уже въ спальнѣ королевы, едва успѣвшей убѣжать къ королю: иначе ее могли растерзать. Та же участь могла постичь и тѣлохранителей, если бы Лафайетъ не прискакалъ во-время имъ на помощь.

Вторженіе народа во дворецъ нанесло королевской власти такой ударъ, отъ котораго она уже не оправилась. Напрасно Лафайетъ устроилъ овацію королю, когда онъ вышелъ на балконъ; она не помогла. Ему удалось даже вызвать въ толпѣ рукоплесканія по адресу королевы, когда

она появилась, но его настояніямъ, на балконѣ, вмѣстѣ со своимъ сыномъ, и Лафайетъ почтительно поцѣловалъ еѣ руку. Но этотъ театральнй эффектъ не подѣйствовалъ королеву уже ненавидѣли, и еѣ приписывали всѣ злодѣйства.

Народъ, овладѣвшій дворцомъ, понялъ свою силу и тотчасъ же воспользовался ею, чтобы заставить короля переехать въ Парижъ. Король долженъ былъ подчиниться, и его карета, окруженная толпою народа, направилась въ столицу. И, какія сцены буржуазія ни разыгрывала во время этого возвращенія короля, чтобы поднять его обаяніе, народъ понималъ, что король теперь его напѣвникъ. Впрочемъ, у самого Людовика XVI, когда онъ въѣхалъ въ Парижъ въ старый дворецъ Тюильри, покинутый королями со времени царствованія Людовика XIV, не было на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній. — „Пусть размѣщаются, кто гдѣ хочетъ!“ отвѣтилъ онъ на предложенный ему вопросъ — и велѣлъ принести себѣ изъ библіотеки... исторію Карла I.

Великой версальской монархіи приходилъ конецъ. После такого возрата въ столицу могли еще быть король-буржуа, или императоры, завладѣвавшие престоломъ, а не темъ обмана и насилія. Но царствованію королей „Божіею милостію“ пришелъ конецъ.

Еще разъ, какъ и 14 іюля, народъ, напоромъ своей массы и своимъ сильнымъ выступленіемъ, нанесъ старому порядку громовой ударъ. Революція сразу сдѣлала громадный шагъ впередъ.

Страхъ буржуазіи.—Новая городская организація.

Казалось бы, что теперь революція начнетъ свободно развиваться. Реакціонныя попытки королевской власти были подавлены; „Господинъ и Госпожа Вето“, какъ называли въ шутку короля и королеву, находились ильниками въ Парижѣ; теперь, навѣрное, можно было думать, Національное Собраніе начнетъ рѣшительную борьбу со старыми злоупотребленіями, окончательно сломить феодализмъ и предложить къ жизни великіе принципы, выработанной имъ Декларациіи правъ человека и гражданина. Отъ ея обѣщаній такъ бились сердца въ народѣ.

Но на дѣлѣ, оказалось, ничего этого не было. Какъ ни трудно этому повѣрить, но послѣ 5 октября начинается реакція. Она организуетъ свои силы и проявляется все яснѣе и яснѣе въ продолженіе трехъ лѣтъ, вплоть до іюня 1792 года.

Парижскій народъ возвратился въ свои трущобы; буржуазія распустила его, отослала по домамъ. И если бы не крестьянскія возстанія, которыя шли своимъ чередомъ до того момента, когда, въ іюль 1793 года, въправду были отмѣнены феодальныя права, если бы не движенія въ провинціи, слѣдовавшія одно за другимъ и мѣшавшія буржуазіи прочно установить свою власть,—реакція могла бы восторжествовать еще въ 1791 и даже въ 1790 году.

„Король въ Луврѣ, Національное Собраніе въ Тюильри, пути сообщенія становятся свободны, рынки ломятся отъ мѣшковъ муки, государственная казна наполняется, мельницы работаютъ, измѣнники бѣгутъ, духовенство—низвергнуто, аристократія—при послѣднемъ издыханіи“,—такъ писалъ Камилль Демуленъ въ первомъ номерѣ своей газеты (28 ноября). Но въ дѣйствительности реакція повсемѣстно поднимала голову. Въ то время, какъ революціонеры тор-

жестовали и считали революцію почти законченной, реакція понимала, что теперь-то и начнется въ каждомъ провинціальномъ городѣ, большомъ или маломъ, въ поселкѣ и деревушкѣ, главная, настоящая борьба между прошлымъ и будущимъ; теперь-то настанетъ для королевской реакціи моментъ, когда нужно заняться обузданіемъ революціи.

Реакція шла даже еще дальше въ своемъ пониманіи общаго положенія. Она поняла, что буржуазія, до сихъ поръ искавшая поддержки у народа, въ виду достиженія конституціонныхъ правъ и побѣды надъ высшею аристократіею, теперь, — разъ она почувствовала народную силу, — сдѣлаетъ все возможное, чтобы обуздать этотъ народъ, обезоружить его и снова привести въ повиновеніе.

Въ Національномъ Собраніи страхъ передъ народомъ проявился тогда же послѣ 5 октябрю. Больше двухсотъ депутатовъ отказались переѣхать изъ Версаля въ Парижъ и потребовали паспортовъ для возвращенія по домамъ. Имъ было въ этомъ отказано; ихъ стали называть измѣнниками; но, несмотря на это, нѣкоторые изъ нихъ все-таки вышли въ отставку, на томъ основаніи, что никогда они не ожидали, чтобы дѣло зашло такъ далеко. Какъ и послѣ 14 іюля, началась эмиграція; только теперь примѣръ подавалъ уже не Дворъ, а депутаты, члены Собранія.

Тѣмъ не менѣе, Собраніе насчитывало въ своей средѣ значительное большинство такихъ представителей буржуазіи, которые не только не думали удалиться, но сумѣли воспользоваться обстоятельствами, чтобы установить господство своего класса на прочномъ основаніи. Еще до своего переѣзда въ Парижъ, г.-е. 19 октябрю, Собраніе воспользовалось народнымъ движеніемъ и ввело отвѣтственность министровъ и членовъ администраціи передъ народнымъ представительствомъ, и постановило, что налоги могутъ быть вводимы и устанавливаемы только Національнымъ Собраніемъ. Два основныя условія конституціоннаго правленія были, такимъ образомъ, сдѣланы. Титуль „короля Франціи“ былъ измѣненъ на „короля Французовъ“.

Въ то время, какъ Собраніе пользовалось, такимъ образомъ, движеніемъ 5 октябрю для упроченія своихъ верховныхъ правъ, буржуазный муниципальный совѣтъ Парижа, г.-е. Совѣтъ Трехсотъ, взявшій въ свои руки городское управленіе послѣ 14 іюля, съ своей стороны также воспользовался обстоятельствами, чтобы укрѣпить свою власть.

Шестидесять администраторовъ, избранныхъ изъ числа Трехсотъ были поставлены во главѣ восьми отдѣловъ управленія: продовольствію города, полиціи, общественныя работы, больницы, воспитаніе, городскія владѣнія и другіе доходы, налоги и національная гвардія. Завѣдуя всѣми этими отраслями жизни въ столицѣ, Совѣтъ Трехсотъ становится громадною силою, тѣмъ болѣе, что въ его распоряженіи было 60.000 человекъ національной гвардіи, вербовавшейся исключительно изъ зажиточныхъ гражданъ.

Мэръ Парижа, Байльи, а въ особенности Лафайетъ, командующій національною гвардіею, становились теперь болѣе или менѣе особами. Что же касается полиціи, то буржуазія вмешивалась во все: въ собранія жителей, въ газеты, въ улицу, въ пролажу, въ объявленія, и вездѣ запрещала все, что было враждебно ей. Наконецъ, послѣ убійства одного булочника (21 октября), Совѣтъ Трехсотъ обратился къ Национальному Собранію, умоляя его издать законъ о военномъ положеніи, что и было сдѣлано. По этому закону, стоило только городскому или деревенскому головѣ, или судѣ, развѣснуть красное знамя, чтобы тѣмъ самымъ въ этомъ городѣ или деревнѣ объявлено было военно положеніе; тогда всѣякія собранія становились противозаконными, и всяка, призванная муниципальными чиновниками, имѣла право, послѣ трехъ предупрежденій, стрѣлять въ толпу. Если толпа расходилась мирно, безъ сопротивленія, раньше чѣмъ сдѣлано было третье предупрежденіе, то преслѣдовались только зачинщики скопищъ и присуждались — если собраніе было безъ оружія — къ тремъ годамъ тюрьмы, а если оно было вооруженное — къ смертной казни. Но если народъ оказывалъ сопротивленіе, то всѣмъ участникам бунта грозила смерть. Смерть грозила также каждому солдату и офицеру національной гвардіи, если онъ устраивалъ собранія или подстрекалъ къ нимъ.

Такимъ образомъ, случайнаго убійства, совершеннаго на улицѣ, было достаточно, чтобы побудить Собраніе издать такой свирѣпый законъ, и во всей парижской печати, по очень вѣрному замѣчанію Луи Блана, нашелся всего одинъ голосъ — голосъ Марата, который протестовалъ противъ этого закона, доказывая, что во время революціи, когда народъ еще только разбиваетъ свои оковы и долженъ вести тяжелую борьбу съ врагами, законъ о военномъ положеніи не имѣетъ никакого смысла. Въ Собраніи противъ этого

закона высказались только Робеспьеръ и Бюзэ, да и то не въ принципѣ, а потому, говорили они, что нельзя вводить такой законъ, пока не будетъ созданъ судъ, который могъ бы судить преступленія, совершаемыя противъ націи.

Пользуясь нѣкоторымъ затишьемъ, неизбежно наступившимъ въ народѣ послѣ событій 5 и 6 октября, буржуазія занялась, такимъ образомъ, и въ Собраніи и въ муниципалетѣ, организаціей правительства среднихъ классовъ; при чемъ не обошлось, конечно, безъ нѣкоторыхъ столкновеній и интригъ изъ-за вопросовъ личнаго честолюбія.

Придворная партія, со своей стороны, не видѣла никакой причины отказываться отъ своихъ притязаній; она тоже интриговала и перетягивала на свою сторону политическихъ дѣятелей, честолюбивыхъ и нуждающихся въ большихъ средствахъ, въ родѣ Мирабэ. Мирабэ былъ тогда же подкупленъ Дворомъ.

Такъ какъ второй братъ короля, герцогъ Орлеанскій, оказался скомпрометированнымъ въ движеніи 5—6 октября, которому онъ тайно способствовалъ, то Дворъ послалъ его въ изгнаніе, назначивъ его посланникомъ въ Англію. Но тогда началъ вести всякія интриги слѣдующій братъ короля, герцогъ Прованскій, который старался заставить Людовика XVI уѣхать изъ Парижа. Цѣль его была та, что въ случаѣ бѣгства короля (котораго онъ называлъ „чурбаномъ“), онъ предъявилъ бы свои права на французскій престолъ. Въ Мирабэ, который приобрѣлъ послѣ 23 іюня большое вліяніе въ Собраніи, но вѣчно нуждался въ деньгахъ, онъ думалъ найти союзника. Мирабэ стремился стать министромъ; но когда Собраніе разрушило его планы, постановивши, что никто изъ членовъ Собранія не можетъ быть министромъ, Мирабэ сошелся съ герцогомъ Прованскимъ, въ надеждѣ добиться власти черезъ его посредство. Въ концѣ-концовъ онъ, однако, продался королю и принялъ отъ него жалованье въ 50.000 ливровъ въ мѣсяцъ, на четыре мѣсяца, съ обѣщаніемъ назначить его вѣстѣдствіемъ посломъ. За эту плату Мирабэ обѣзывался, какъ сказано въ его письмѣ, „помогать королю своими совѣтами, своими силами и своимъ краснорѣчіемъ во всемъ томъ, что герцогъ Прованскій найдеть полезнымъ для нуждъ государства и интересовъ короля“. Все это, конечно, узналось только позднѣе, въ 1792 году, послѣ взятія Тюильри: а пока Мирабэ, вплоть до

самой своей смерти (2 апрѣля 1791 года), сохранилъ репутацію защитника народа.

Распутать сѣть интригъ, которыя велись тогда вокругъ Лувра и дворцовъ разныхъ принцевъ, а также при лондонскомъ, вѣнскомъ, мадридскомъ и другихъ дворахъ и около разныхъ нѣмецкихъ князей,—вѣроятно, никогда не удастся. Вокругъ гибнувшей королевской власти все копошилось, тогда какъ въ Собраніи разыгрывалась своя борьба честолюбій изъ-за достиженія власти. Но все это, въ сущности, мелочи, не имѣющія особенно большого значенія. Онѣ объясняютъ нѣкоторые отдѣльные факты революціи, но онѣ не могли измѣнить ходъ событій, намѣченный самою логикою вещей и наличностью борющихся силъ.

Собраніе являлось представителемъ интеллигентной буржуазіи, задавшейся завоеваніемъ и организаціею власти, выпадавшей изъ рукъ Двора, высшаго духовенства и высшего дворянства. Цѣль его была опредѣленная, и оно имѣло въ своей средѣ немало людей, шедшихъ прямо къ этой цѣли и обладавшихъ умомъ и извѣстною смѣлостью, которая возрастала всякій разъ, что народъ одерживалъ новую побѣду надъ старымъ порядкомъ. Былъ, правда, въ Собраніи „тріумвиратъ“, какъ его называли, состоявшій изъ Дюпора, Шарля де Ламета и Барнава¹⁾, а въ Парижѣ былъ мэръ Байльи и командующій національною гвардіею Лафайетъ, къ которымъ обращались взоры буржуазіи и отчасти народа. Но настоящая сила въ эту пору была въ сплоченной массѣ Собранія, вырабатывавшаго законы для установленія власти Третьяго Сословія.

За эту работу Собраніе принялось, какъ только оно устроилось въ Парижѣ и могло болѣе или менѣе спокойно возобновить свои занятія.

Начата была эта работа, какъ мы видѣли, на другой же день послѣ взятія Бастиліи. Когда буржуазія увидала, какъ народъ вооружился въ Парижѣ, въ нѣсколько дней, пиками, какъ онъ жегъ таможи и бралъ вездѣ, гдѣ могъ, съѣстные припасы, и какъ враждебно относился онъ къ богатымъ буржуа—не менѣе враждебно, чѣмъ къ „краснымъ“

¹⁾ Triumvirat d'opinion,—т.-е. тріумвиратъ людей, которыхъ мнѣнія преобладали въ этотъ моментъ революціи. Въ 1793 году таковы же „умственный тріумвиратъ“ представляли Робеспьеръ, Дантонъ и Маратъ.

каблукамъ“, т.-е. къ аристократамъ,—буржуазія пришла въ ужасъ. Она поспѣшила сама вооружиться, организовала свою національную гвардію и противопоставила людей въ „мѣховыхъ шапкахъ“ людямъ въ „шерстяныхъ колпакахъ“ и съ пиками, чтобы въ случаѣ надобности, быть въ силахъ подавить всякое народное возстаніе. Теперь, послѣ 5 октября, она поспѣшила провести законъ о сборнищахъ, о которомъ мы только что говорили.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, она, не медля, приняла такіа законодательныя мѣры, которыя помѣшали бы политической власти, ускользавшей изъ рукъ Двора, достаться народу. Такъ, недѣлю спустя послѣ 14 іюля, Сейесъ, знаменитый защитникъ Третьяго Сословія, уже предложилъ Собранію раздѣлить всѣхъ французовъ на два разряда, изъ которыхъ одинъ, побогаче, *активные граждане*, будетъ принимать участіе въ управленіи, другой же, обнимающій собою всю народную массу и названный Сейесомъ *пассивные граждане*, будетъ лишень всякихъ политическихъ правъ. Пять недѣль спустя Собраніе приняло это раздѣленіе, какъ основу Конституціи. Только что провозглашенная Декларация правъ, въ первомъ пунктѣ которой говорилось о равенствѣ всѣхъ гражданъ въ правахъ, такимъ образомъ, была беззастѣнчиво нарушена.

Принявшіеся за политическое преобразование Франціи, Собраніе упразднило затѣмъ старое дѣленіе на провинціи, которыя сохраняли для дворянства и для своихъ парламентовъ извѣстныя феодальныя привилегіи. Франція была раздѣлена на департаменты, а старыя „парламенты“, т.-е. суды, пользовавшіеся извѣстными привилегіями, были уничтожены. Для всей страны была создана новая, единообразная администрація, на основаніи все того же основнаго начала, исключавшаго бѣднѣе классы изъ управленія страной.

Национальное Собраніе, открывшееся еще при старомъ порядкѣ, несмотря на двухстепенныя выборы, было избрано почти всеобщимъ голосованіемъ. Въ каждомъ избирательномъ округѣ было созвано по нѣскольку *избирательныхъ собраній первой степени* (*assemblées primaires*), въ которыя входили почти всѣ граждане данной мѣстности. Они избирали *выборщиковъ*, которые составляли въ каждомъ округѣ *собраніе выборщиковъ*, и это собраніе избирало представителя въ Национальное Собраніе. Нужно замѣтить еще, что по окончаніи выборовъ, собранія выборщиковъ продолжали собираться; они получали отъ своихъ депутатовъ въ письмахъ

о ходѣ дѣлъ въ Собраніи и слѣдили за тѣмъ, какъ ихъ представители голосовали.

Теперь, достигнувъ власти, буржуазія приняла двѣ мѣры. Она, во-первыхъ, расширила область дѣятельности избирательныхъ собраній первой степени, передавши въ ихъ руки избраніе, въ каждомъ департаментѣ, директорій, судей и нѣкоторыхъ другихъ чиновниковъ¹⁾. Такимъ образомъ, она облакала ихъ значительною властью. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она исключила изъ избирательныхъ собраній первой степени народную массу, которая была лишена, такимъ образомъ, всѣхъ политическихъ правъ. Въ избирательныхъ собраніяхъ допускались теперь только *активные граждане*, т.-е. тѣ, которые платили прямой налогъ цѣною, по крайней мѣрѣ, въ *три* рабочихъ дня²⁾. Остальные становились гражданами *пассивными*. Они не имѣли права участвовать въ избирательныхъ собраніяхъ первой степени, а потому не могли избирать ни выборщиковъ, ни муниципалитеты, ни судей, ни какую бы то ни было другую власть въ департаментѣ. Они не могли также входить въ составъ гвардіи³⁾.

Мало того: чтобы быть назначеннымъ выборщикомъ, нужно было платить прямой налогъ цѣною въ *десять* рабочихъ дней,—что дѣлало собраніе выборщиковъ вполнѣ буржуазнымъ по составу. Впоследствии, когда реакція стала смѣлѣе, послѣ избіенія парижанъ на Марсовомъ Полѣ въ іюль 1791 года, Собраніе ввело еще одно ограниченіе: для того, чтобы быть выборщикомъ, потребовалось владѣть недвижимою собственностью. А для того, чтобы быть представителемъ народа въ Собраніи, нужно было платить 50 ливровъ, т.-е. стоимость серебряной марки, прямого налога.

Хуже того. Собраніямъ выборщиковъ запрещено было объявлять свои засѣданія „публичными“, т.-е. собираться

1) Употребляя термины изъ русской жизни, директоріи департаментовъ и округовъ соотвѣтствовали бы Губернскимъ и Уѣзднымъ Земскимъ Управамъ.

2) Стоимость рабочего дня въ деньгахъ опредѣлялась каждымъ муниципалитетомъ; за основаніе принимался рабочий день поденщика.

3) Муниципальный законъ 14 декабря 1789 года не только исключилъ пассивныхъ гражданъ изъ выборовъ всѣхъ муниципальных чиновниковъ (параграфы 5, 6, 8 и проч.); онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, запрещалъ собраніямъ избирателей собираться „по ремесламъ, профессіямъ, или по корпораціямъ“. Они не могли собираться иначе, какъ по кварталамъ, или по округамъ. Это было направлено противъ прежнихъ цеховыхъ организацій.

безъ особаго созыва (это называлось *la permanence*). Какъ только выборы были закончены, эти собранія не должны были больше собираться безъ особаго разрѣшенія. Разъ народъ назначилъ своихъ правителей, пзъ буржуазіи, онъ терялъ право держать ихъ подъ своимъ контролемъ. Вскорѣ у него отняли и право петиціи и выраженія своихъ пожеланій. „Вотируйте—и молчите!“

Въ деревняхъ, какъ мы видѣли, почти во всей Франціи сохранялось при старомъ режимѣ общее собраніе всѣхъ жителей, наподобіе русской *мірской сходы*. Эта сходка распоряжалась всѣми дѣлами общины, а также распредѣляла общинныя земли—поля, луга, лѣса и пустоши—и заведывала ими. Теперь, муниципальнымъ закономъ 22—24 декабря 1789 года, мірскіе сходы всѣхъ домохозяевъ были запрещены. Только зажиточные крестьяне—активные граждане—имѣли теперь право собираться *разъ въ годъ* для избранія мэра (старосты) и муниципалитета (сельской управы), въ который обыкновенно попадали три или четыре деревенскихъ буржуа. Подобное же устройство было введено и въ городахъ: одни только активные граждане должны были собираться для избранія Генеральнаго совѣта города и муниципалитета, т.-е. власти законодательной въ городскихъ дѣлахъ и власти исполнительной, которой было поручено заведываніе полиціею и начальство надъ національною гвардіею.

Съ другой стороны, нужно, однако, сказать, что муниципалитетамъ, городскимъ и деревенскимъ, были даны обширныя права *самоуправленія*: они были поставлены очень независимо отъ Национальнаго Собранія. Движеніе, которое произошло въ городахъ въ іюль и привело къ водворенію революціоннымъ путемъ избранной муниципальной власти, еще въ ту пору, когда находившіеся въ полной силѣ законы стараго порядка не допускали ничего подобнаго,—это движеніе было признано, такимъ образомъ, и утверждено муниципальнымъ закономъ 22—24 декабря 1789 года.

Муниципальный законъ, какъ мы увидимъ дальше, имѣлъ обширныя и глубокія послѣдствія для развитія Революціи. Во Франціи создались теперь 36.000 центровъ мѣстнаго самоуправления, которые по множеству вопросовъ нисколько не зависѣли отъ центральнаго правительства. И, если во главѣ ихъ становились революціонеры—какъ оно и случалось по мѣрѣ развитія Революціи,—они могли дѣйствовать.

и дѣйствовали, вполне революціонно. Какъ видно будетъ впоследствии, эти независимыя деревенскія и городскія управленія придали Революціи въ нѣкоторыхъ частяхъ Франціи громадную силу.

Конечно, буржуазія приняла всякія предосторожности, чтобы городское управленіе не выходило изъ рукъ зажиточной части средняго класса, и это удалось ей во многихъ мѣстахъ. Ради этого, муниципалитеты были также подчинены Департаментскимъ Совѣтамъ (*directoires*), которые избирались по двухстепенной системѣ и, являясь представителями зажиточной буржуазіи, служили во все время Революціи оплотами для контръ-революціонеровъ.

Кромѣ того, самые муниципалитеты, избравшіеся только активными гражданами и явившіеся представителями буржуазіи, а не народа, сдѣлались во многихъ городахъ—какъ, напримѣръ, въ Ліонѣ и другихъ—центрами реакціи. Но, несмотря на все это, въ громадномъ большинствѣ, муниципалитеты все-таки были не то, что королевскіе чиновники, и нужно признать, что муниципальный законъ, проведенный въ декабрѣ 1789 года *больше всякаго другого закона способствовалъ успѣху Революціи*. Правда, мы видимъ, что во время возстанія крестьянъ противъ феодальныхъ владѣльцевъ въ августѣ 1789 года муниципалитеты Дофинэ предприняли походъ противъ крестьянъ и стали вѣшать возставшихъ. Но по мѣрѣ того, какъ Революція развивалась, народъ начиналъ держать городскихъ чиновниковъ въ своихъ рукахъ. Затѣмъ, начиная съ конца 1792 года, муниципалитеты стали избираться всѣмъ народомъ, и тогда революціонеры овладѣвали сельскими и городскими управленіями и пользовались ими для успѣха революціоннаго дѣла. Вотъ почему, по мѣрѣ того, какъ Революція расширяла свои задачи, муниципалитеты (а въ большихъ городахъ—секціи, отдѣлы) также становились революціонные, и въ 1793 и 1794 годахъ они были настоящими центрами дѣятельности народныхъ революціонеровъ.

Другой важный для Революціи шагъ былъ сдѣланъ Союзомъ, когда оно отменило старыя формы суда и ввело судей, избранныхъ народомъ. Въ деревняхъ, каждый кантонъ¹⁾, состоявшій изъ пяти или шести приходовъ, выбиралъ самъ, посредствомъ своихъ активныхъ гражданъ, своихъ

) Кантонъ, во Франціи, соответствовалъ нашей волости.

судей; въ большихъ городахъ это право было предоставлено собраніямъ избирателей. Старые парламенты, конечно, вступились за свои прежнія права. На югѣ, въ Тулузѣ, 80 членовъ парламента, вмѣстѣ съ 89-ю лицами изъ дворянскаго сословія, стали во главѣ движенія, стремившагося вернуть монарху его законную власть и его „свободу“, а религіи—„ея полезное вліяніе“. Въ Парижѣ, въ Руанѣ, въ Мецѣ, въ Бретани парламенты тоже не хотѣли подчиниться уравнительному мѣрамъ Собранія и начали устраивать заговоры въ пользу возстановленія стараго порядка.

Но народъ не поддержалъ ихъ, и имъ пришлось подчиниться закону 30 ноябля 1789 года, который распускалъ парламенты, „впредь до новаго распоряженія“. Ихъ попытки сопротивленія вызвали только новый декретъ (11 января 1790 года), въ которомъ объявлялось, что сопротивленіе закону со стороны судей города Реннъ „дѣлаетъ ихъ неспособными исполнять функціи активныхъ гражданъ, до тѣхъ поръ, пока они, подавъ объ этомъ прошеніе въ законодательное учрежденіе, не получатъ разрѣшенія принести присягу на вѣрность Конституціи, декретированной Национальнымъ Собраніемъ и принятой королемъ“.

Собраніе, какъ видно, не допускало явнаго сопротивленія своимъ постановленіямъ относительно новаго административнаго устройства Франціи. Но это новое устройство встрѣтило сильнѣйшее, глухое сопротивленіе со стороны высшаго духовенства, дворянства и высшей буржуазіи. Для того, чтобы уничтожить старую организацію и ввести новую, потребовались цѣлыя годы постоянной борьбы; прачемъ Революція, ради этого, вынуждена была захватить общественную жизнь гораздо глубже, чѣмъ того желала буржуазія.

Въ этомъ проявилась вся сила *народной Революціи*, и сравненію съ простымъ политическимъ переворотомъ.

Финансовыя затрудненія. — Продажа имуществъ духовенства.

Самая главная трудность для Революціи состояла въ томъ, что она вынуждена была пробивать себѣ путь при ужасныхъ экономическихъ условіяхъ. Банкротство государства висѣло, какъ угроза, надъ головою тѣхъ, кто взялся управлять Франціей, и если бы дѣло дѣйствительно дошло до банкротства, то это возстановило бы противъ Революціи всю богатую буржуазію. Если дефицитъ былъ одною изъ причинъ, вынудившихъ у королевской власти первыя конституціонныя уступки и придавшихъ буржуазіи достаточно смѣлости, чтобы требовать свою долю участія въ управленіи, то тотъ же самый дефицитъ, все время, какъ кошмаръ, тяготѣлъ надъ революціей.

Правда, въ то время государственные займы не были еще международными, и Франціи нечего было бояться, что другія націи, согласившись между собою, замятутъ ея области, какъ это случилось бы теперь, если бы какое-нибудь европейское государство, во время революціи, объявило себя банкротомъ. Но ей приходилось заботиться о внутреннихъ заемщикахъ. Прекращеніе платежей по государственнымъ займамъ было бы разореніемъ для столѣтнихъ лицъ, что противъ Революціи возстала бы вся буржуазія, крупная и средняя, — т.-е. всѣ, кромѣ рабочихъ и самыхъ бѣдныхъ крестьянъ. Вотъ почему и Учредительное, и Законодательное Собраніе, и Конвентъ, и, позднѣе, Директорія должны были въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ дѣлать невѣроятныя усилія, чтобы избѣжать банкротства.

Средство, на которомъ остановилось Собраніе въ концѣ 1789 года, заключалось въ томъ, чтобы конфисковать церковныя имущества и пустить ихъ въ продажу, а духовенству платить, взамѣнъ этого, постоянное жалованье. Церковныя доходы оцѣнивались къ 1789 году въ 126 милліоновъ

ливровъ, получаемыхъ отъ „десятины“, 80 милліоновъ доходовъ отъ разныхъ имуществъ (домовъ и земель, стоимости которыхъ оцѣнивалась немного больше 2.000 милліоновъ) и около 30 милліоновъ пособія, платимаго ежегодно государствомъ. Въ общемъ, это составляло до 230 милліоновъ въ годъ. Доходы эти, конечно, распредѣлялись между членами духовенства самымъ несправедливымъ образомъ. Епископы жили въ утонченной роскоши и соперничали въ расточительности съ богачами-аристократами и принцами, тогда какъ городскіе и сельскіе священники бѣдствовали. Поэтому, 10 октября епископъ города Отёна, Талейранъ, предложилъ, чтобы государство завладѣло всеми церковными землями, пустило ихъ въ продажу и назначило духовенству достаточное жалованье (1.200 ливровъ въ годъ и квартиру на cadaго священника); а остальное употребило бы на покрытие части государственнаго долга, составлявшаго 50 милліоновъ пожизненной и 60 милліоновъ вѣчной рентъ, т.-е. 110 милліоновъ ливровъ однихъ процентовъ, которые надо было платить каждый годъ. Но тѣмъ временамъ это было очень большой долгъ для Франціи ¹⁾. Продажа церковныхъ имуществъ — земель и домовъ въ городахъ — давала возможность покрыть дефицитъ, уничтожить остатки соляного акциза и не рассчитывать больше на продажу должностей, офицерскихъ и чиновничьихъ, покупавшихся у государства. вмѣстѣ съ тѣмъ, продажей церковныхъ земель имѣлось въ виду создать новый классъ земельныхъ собственниковъ, которые чувствовали бы свою связь съ пріобрѣтенною ими въ собственность землею.

Такой планъ возбуждалъ, разумѣется, сильныя опасенія во всехъ тѣхъ, кто глалъ земельною собственностью. — „Вы ведете насъ къ аграрному закону!“ говорили въ Собраніи ²⁾. „Знайте, что всякій разъ, когда вы начнете добираться до происхожденія земельной собственности, народъ тоже начнетъ добираться до этого, вмѣстѣ съ вами!“ Такимъ образомъ владѣльцы земель сами признавали, что въ основѣ всякой земельной собственности лежитъ несправедливость, захватъ или обманъ.

¹⁾ Ливръ былъ почти равенъ франку, т.-е. сорока копѣлкамъ.

²⁾ Подъ словомъ „Аграрный законъ“ (loi agraire) подразумѣвалось тогда законодательство, которое установитъ всеобщій раздѣлъ всехъ земель, такъ, чтобы всякій желающій обрабатывать землю могъ получить свою долю.

Но буржуазія, не владѣвшая землею, была въ восторгѣ отъ плана, предложеннаго Талейраномъ. Имъ избѣгалось банкротство государства, а вмѣстѣ съ тѣмъ, буржуазіи представлялась возможность покупать церковныя земли. А такъ какъ слово „экспроприація“ пугало благонамѣренныхъ собственниковъ, то нашли способъ избѣгнуть его. Было сказано, что имущества духовенства *поступаютъ въ распоряженіе нации*, и рѣшено было, что ихъ тотчасъ же будетъ продано въ продажу на сумму до 400 милліоновъ ливровъ.

2 поября 1789 года былъ тотъ памятный день, когда экспроприація церковныхъ имуществъ была принята Собраніемъ, 568-ю голосами противъ 346. Трехсотъ сорока шести! Эту цифру стоитъ запомнить. Отнынѣ эта оппозиція, превратившаяся въ заклятыхъ враговъ Революціи, стала дѣлать все возможное, чтобы принести конституціонному строю, а впоследствии и Республикѣ, какъ можно больше вреда.

Но значительная часть буржуазіи, находившаяся, съ одной стороны, подъ вліяніемъ энциклопедистовъ, а съ другой—подъ страхомъ неизбежнаго банкротства, не дала себя запугать. Когда громадное большинство духовенства, а въ особенности монашескіе ордена, начали интриговать противъ экспроприаціи церковныхъ имуществъ. Собраніе провело (12 февраля 1790 года) законъ объ упраздненіи вѣчныхъ монашескихъ обѣтовъ и монашескихъ орденовъ своего пола. Оно проявило нѣкоторую слабость только въ томъ, что не тронуло пока тѣхъ монашескихъ общинъ, которыя занимались обученіемъ дѣтей и уходомъ за больными. Онѣ были уничтожены только 18 августа 1792 года, послѣ взятія Тюильри.

Можно себѣ представить, какое негодованіе вызвали эти законы въ средѣ духовенства, а также и всѣхъ тѣхъ,—а въ провинціи число ихъ было громадно,—кто находился подъ его вліяніемъ! Тѣмъ не менѣе, до тѣхъ поръ, пока духовенство и монашескіе ордена надѣялись удержать за собою управленіе своими громадными имѣніями, они не особенно проявляли свое неудовольствіе. Разъ управленіе оставалось за духовенствомъ, его имѣнія являлись какъ бы взятыми правительствомъ въ опеку, какъ гарантія государственныхъ займовъ.

Но долго продолжаться такое положеніе вещей не могло. Казна была пуста, налоги не поступали; заемъ въ 30 милліоновъ, принятый Собраніемъ 9 августа 1789 года, не

удался; другой заемъ, въ 80 милліоновъ, объявленный 27-го числа того же мѣсяца, далъ слишкомъ мало. Затѣмъ, 26 сентября, послѣ знаменитой рѣчи Мирабѡ, Собраніе предписало взыскать чрезвычайный сборъ со всѣхъ имущихъ, равный четверти ихъ годового дохода. Но и этотъ налогъ былъ сейчасъ же поглощенъ процентами по прежнимъ займамъ; и тогда явилась мысль о выпускѣ ассигнацій, т.-е. кредитныхъ билетовъ, по мѣрѣ надобностей государственнаго казначейства. Обезпеченіемъ этихъ бумажныхъ денегъ должны были служить громадныя „національныя имущества“, конфискованныя у духовенства и пущенныя въ продажу, причемъ кредитные билеты (ассигнаціи) предполагалось скупать и уничтожать по мѣрѣ поступленія платежей за проданныя церковныя имущества.

Революція развивалась теперь подъ угрозой гражданской войны, гораздо болѣе ужасной, чѣмъ уже начавшаяся борьба противъ королевской власти,—подъ опасеніемъ вооружить противъ себя буржуазію, которая, хотя и преслѣдовала свои собственныя цѣли, но во всякомъ случаѣ предоставляла народу возможность освобождаться отъ помѣщиковъ и пережитковъ крѣпостныхъ отношеній,—тогда какъ она сразу повернулась бы противъ всякихъ освободительныхъ попытокъ, если бы капиталамъ, вложеннымъ ею въ займы, стала угрожать опасность. Поставленная въ необходимость выбрать между этими двумя опасностями, Революція остановилась на планѣ выпуска ассигнацій, гарантируемыхъ продажей національныхъ имуществъ.

Всякому ясно, какія громадныя спекуляціи вызвали эти двѣ мѣры: продажа въ большихъ размѣрахъ національныхъ имуществъ и выпускъ ассигнацій! Легко угадать и то, какой развратъ внесли они въ Революцію. А между тѣмъ, до сихъ поръ ни политико-экономы, ни историки, критиковавшіе эти мѣры, не могли указать никакого другого средства удовлетворить самымъ насущнымъ нуждамъ государства. Прошлое французскаго государства—преступленія, злоупотребленія, воровство, войны стараго королевства тяжелымъ бременемъ падали на Революцію. Имѣя на плечахъ всю громадную тяжесть долговъ, завѣщанныхъ ей старымъ порядкомъ, Революція неизбежно должна была нести на себѣ ихъ послѣдствія.

29 декабря 1789 года, по предложенію парижскихъ „округовъ“ (см. ниже, гл. XXIV), завѣдываніе имуществами

духовенства было передано муниципалитетамъ, которые должны были пустить ихъ въ продажу на 400 милліоновъ. Это былъ рѣшительный шагъ. Съ этого момента духовенство—за исключеніемъ нѣсколькихъ деревенскихъ священниковъ, друзей народа—отнеслось къ Революціи съ непримиримою, чисто-клерикальною ненавистью. Освобожденіе монаховъ и монахинь отъ ихъ монашескихъ обѣтовъ еще болѣе разожгло эту ненависть. По всей Франціи духовенство стало тогда душою заговоровъ, съ цѣлью возвращенія стараго порядка и феодализма. Оно же было душою той реакціи, которая, какъ мы увидимъ, взяла верхъ въ 1790 и 1791 годахъ и чуть было не остановила дѣла Революціи.

Тѣмъ временемъ буржуазія продолжала бороться и не поддавалась. Въ іюнь и іюль 1790 года Собраніе занялось рѣшеніемъ важнаго вопроса: внутренней организаціи Церкви во Франціи. Духовенство было теперь на жалованьи у государства, и законодатели задумали освободить его изъ подъ власти Рима и окончательно подчинить его Конституціи. Епископства были слиты съ новыми департаментами. Число ихъ такимъ образомъ уменьшилось, и двѣ административныя единицы—духовная и свѣтская: епархія и департаментъ—сливались въ одно, что, конечно, не нравилось духовенству. Впрочемъ, съ этимъ оно, можетъ-быть, еще помирилось бы, но по новому закону избраніе епископа предоставлялось собранію выборщиковъ,—тѣмъ самымъ, кто избиралъ депутатовъ въ Палату, судей и всю администрацію.

Епископъ лишился такимъ образомъ своего духовнаго характера и становился чиновникомъ на службѣ у государства. Правда, и въ старинной Церкви епископы и священники избирались народомъ; но собранія избирателей, создаваемые для избранія политическихъ представителей и чиновниковъ,—не то, что старинныя собранія всѣхъ вѣрующихъ. Какъ бы то ни было, вѣрующіе увидѣли въ этомъ посягательство на старые церковныя уставы, и духовенство использовало это недовольство. Оно раздѣлилось на двѣ партіи: одна—духовенство конституціонное—подчинилась, по крайней мѣрѣ по внѣшности, новымъ законамъ и приняла присягу Конституціи; другая же отказалась отъ этой присяги и стала открыто во главѣ контръ-революціоннаго движенія. Такимъ образомъ, въ каждой провинціи, въ каждомъ городѣ, въ каждой деревнѣ, въ каждомъ поселкѣ, передъ жителями вставалъ вопросъ: будутъ ли они за Революцію.

или противъ нея? И вездѣ началась жестокая борьба. Изъ Парижа Революція переходила теперь въ каждую деревню. Изъ парламентской она дѣлалась всенародною.

Законодательная работа, совершенная Учредительнымъ Собраніемъ, носила, слѣдовательно, буржуазный характеръ. Но нѣтъ сомнѣнія, что она была громадна въ смыслъ введенія въ привычки народа политическаго равноправія, въ дѣлѣ уничтоженія пережитковъ господства одного человека надъ личностью другого, и въ пробужденіи чувства равенства, и возмущенія противъ всякаго неравенства. Нужно помнить, однако, какъ сказалъ Луи Бланъ, что для поддержанія огня въ очагѣ, который представляло собою Собраніе, необходимо было „дуновеніе вѣтра съ городской площади“. „Въ эти великіе дни,—прибавляетъ онъ,—изъ самыхъ волненій бунта исходило столько мудраго вдохновенія! Каждое возстаніе было такъ полно мысли!“. Иначе говоря, улица, уличная толпа, все время, толкала Собраніе впередъ въ дѣлѣ общественнаго переустройства. Даже революціонное Собраніе, или, по крайней мѣрѣ, Собраніе, революціонно устанавливавшее свою власть, какимъ было Учредительное Собраніе, даже оно не сдѣлало бы ничего, если бы народъ все время не толкалъ его, и если бы своими многочисленными возстаніями, почти всегда одушевленными идеею общаго блага, а не личнаго захвата, онъ не сломилъ сопротивленія контръ-революціи.

XXIII.

Праздникъ Федерациі.

Съ переселеніемъ короля и Собранія изъ Версаля въ Парижъ заканчивается первый, такъ сказать, героическій періодъ Великой Революціи. Открытіе Генеральныхъ Штатовъ, королевское засѣданіе 23 іюня, клятва въ Jeu de Paume, взятіе Бастиліи, возстаніе городовъ и деревень въ іюль и августъ, ночь 4 августа, наконецъ, походъ женщинъ на Версаль и ихъ триумфальное возвращеніе съ плѣнникомъ-королемъ — таковы главные моменты этого періода.

Съ переездомъ въ Парижъ Собранія и короля — „законодательной и исполнительной власти“, какъ тогда говорили, — начинается періодъ глухой борьбы, съ одной стороны, между умирающею королевскою властью, а съ другой стороны, — новою конституціонною силою, которая медленно создается законодательными трудами Собранія и созидательною работою на мѣстахъ, въ каждомъ городѣ, въ каждой деревнѣ.

Въ лицѣ Національнаго Собранія Франція обладала теперь конституціонною властью, и король вынужденъ былъ ее признать. Но, признавъ ее официально, онъ продолжалъ видѣть въ ней не что иное, какъ узурпацію, какъ посягательство на его королевскія права. Уменьшенія своихъ правъ онъ не хотѣлъ признать. Онъ изыскивалъ, поэтому, всевозможные мелочные способы унижить Собраніе и оспаривать у него всякую частицу власти. Надежда, рано или поздно подчинить себѣ эту новую силу, не оставляла его до послѣдней минуты, и онъ упрекалъ себя въ томъ, что позволилъ ей вырасти рядомъ со своею, королевскою, властью.

Въ этой борьбѣ король не пренебрегалъ никакими средствами. Онъ зналъ по опыту, что окружающихъ его людей можно подкупить, однихъ за недорогую цѣну, другихъ — при условіи дать надлежащую плату; и вотъ онъ старался, прежде всего, найти денегъ, какъ можно больше денегъ, ну-

темъ личныхъ займовъ въ Лондонѣ,—для подкупа вожаковъ партій, въ Собраніи и внѣ его. По отношенію къ одному изъ наиболѣе видныхъ—Мирабб—подкупъ вполне удался: за крупную сумму Мираббъ сталъ совѣтникомъ Двора и защитникомъ короля, и послѣдніе дни своей жизни онъ провелъ въ безумной роскоши. Но королевская власть находила поддержку не только въ Собраніи, а въ особенности—внѣ его. Поддержать ее готовы были всѣ тѣ, у кого Революція отняла ихъ привилегіи, ихъ громадное жалованье ихъ лоссалыныя богатства. На ея сторонѣ стояла большая часть духовенства, которое чувствовало, что его вліяніе падаетъ; дворяне, терявшіе, вмѣстѣ съ феодальными правами, свое привилегированное общественное положеніе; буржуа, опасавшіеся за капиталы, вложенные ими въ промышленныя и торговыя предпріятія и государственные займы; и, наконецъ, самые буржуа, кто обогащался во время Революціи, благодаря ей, и торопился насладиться награбленными состояніями.

Такихъ, которые видѣли въ Революціи врага, было много. Здѣсь были всѣ тѣ, кто нѣкогда жилъ въ кругу высшаго духовенства, дворянства и высшей привилегированной буржуазіи, т.-е. больше половины той дѣятельной и мыслящей части націи, которая творитъ ея историческую жизнь. И если въ Парижѣ, Страсбургѣ, Руанѣ и многихъ другихъ большихъ и малыхъ городахъ, народъ являлся горячимъ защитникомъ Революціи, то—сколько было такихъ городовъ, какъ, напримѣръ, Лионъ, гдѣ вѣковое вліяніе духовенства и экономическая зависимость рабочаго населенія были такъ сильны, что самъ народъ, вмѣстѣ съ духовенствомъ, оказывался тоже противникомъ Революціи! Сколько такихъ городовъ, какъ крупные порты, Нантъ, Бордо, Сентъ-Мало, гдѣ богатые торговцы, колониальные эксплуататоры, банкиры и все зависящее отъ нихъ населеніе заранее готовы были стать на сторону реакціи.

Даже среди крестьянъ, для которыхъ было бы выгодно стоять за Революцію,—сколько было крестьянъ побогаче („кулаковъ“ и мелкихъ буржуа), которые боялись ея; не говоря уже о томъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ революціонеры сами, своими ошибками, отталкивали отъ себя населеніе. Слишкомъ большіе теоретики, слишкомъ большіе любители „стройности“ и „единообразія“, слишкомъ горожане, они оказывались неспособными понять все разнообразіе

формъ земельной собственности, вытекающихъ изъ общаго права. Съ другой стороны, они были слишкомъ пропитаны вольтерьянскимъ духомъ, чтобы отнестись съ терпимостью къ вѣрованіямъ массъ, обреченныхъ на нищету; а главное, они были слишкомъ „политики“, чтобы понять, какъ важенъ для крестьянина земельный вопросъ. Сами революціонеры, поэтому, вооружили противъ себя крестьянъ въ Вандеѣ, въ Бретани, на юго-востокѣ.

Контръ-революція сумѣла воспользоваться всѣми этими силами. Такіе „дни“, какъ 14 іюля или 6 октября, конечно, перемѣщали центръ власти въ правительство; но собственно Революція должна была произойти во всѣхъ 36.000 общинахъ Франціи,—въ самомъ духѣ и образѣ дѣйствій обывателей,—а на это требовалось время. Этимъ временемъ и воспользовались контръ-революціонеры, чтобы склонить на свою сторону всѣхъ недовольныхъ изъ зажиточныхъ классовъ, имъ которымъ въ провинціи было легче. Дѣло въ томъ, что если радикальная буржуазія дала Революціи поразительное количество выдающихся умовъ, развивавшихся постепенно во время самой Революціи, то у провинціального дворянства, у торговаго класса и у духовенства тоже не было недостатка въ смѣливости и знакомствѣ съ „дѣлами“, и всѣ они, вмѣстѣ взятые, придавали королевской власти громадную силу для сопротивленія.

Эта глухая борьба заговоровъ и контръ-заговорщиковъ, частичныхъ возстаній въ провинціяхъ и парламентскихъ столкновений въ Учредительномъ, а позднѣе въ Законодательномъ. Собраніи продолжалась почти три года: отъ октября 1789 до іюня 1792 года, когда Революціи былъ данъ новый толчокъ. Вотъ почему эти три года такъ бѣдны событіями, имѣющими историческое значеніе. Все, что слѣдуетъ отмѣтить за этотъ промежутокъ времени, это—усиленіе крестьянскихъ движеній въ январѣ и февралѣ 1790 года, праздникъ Федерациі 14 іюля 1790 года, избіеніе народа въ Нанси (31 августа 1790 года), бѣгство короля 20 іюня 1791 года и избіеніе парижскаго народа на Марсовомъ полѣ (17 іюля 1791 года).

О крестьянскихъ возстаніяхъ рѣчь будетъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ. Теперь же скажемъ нѣсколько словъ о праздникѣ Федерациі. Онъ воплощаетъ въ себѣ весь первый періодъ Революціи. Общее вдохновеніе и духъ общаго со-

гласія, проявившіеся въ этомъ праздникѣ, показали, чѣмъ могла бы быть Революція, если бы привилегированные классы и королевская власть поняли неизбежность совершившихся измѣненій и уступили добровольно тому, чему помѣшать они уже были не въ силахъ.

Тѣмъ старался унизить празднества Революціи, и дѣйствительно, въ 1793 и 1794 годахъ они часто носили слишкомъ театральный характеръ. Они устраивались *для* народа, а не *самимъ* народомъ. Но праздникъ 14 іюля 1790 года былъ однимъ изъ прекраснѣйшихъ праздниковъ въ исторіи.

До 1789 года Франція не представляла собою ничего цѣльнаго. Это была историческая группа, связанная общою властью, но ея различныя части, ея провинціи мало знали и не любили другъ друга. Только послѣ событій 1789 года, послѣ ударовъ, нанесенныхъ остаткамъ феодализма, послѣ прекрасныхъ минутъ, пережитыхъ сообща представителями разныхъ частей Франціи, — между провинціями зародилось чувство единенія, взаимности. Вся Европа приходила въ восторгъ отъ словъ и дѣлъ Революціи; какъ же могли противиться объединенію въ общемъ движеніи къ лучшему будущему тѣ области, которыя сами участвовали въ немъ? Символомъ этого объединенія и явился Праздникъ Федерациі.

Въ немъ была еще одна поразительная черта. Для подготовленія этого празднества нужно было выполнить нѣкоторыя земляныя работы — выровнять почву одного громаднаго пустыря (Марсово поле), построить триумфальную арку и т. д.; и за недѣлю до назначеннаго дня стало ясно, что пятнадцать тысячъ рабочихъ, занятыхъ на Марсовомъ полѣ, ни за что не справятся со своею задачею. Что же сдѣлалъ тогда Парижъ? Кто-то подаль мысль, чтобы весь Парижъ отправился работать на Марсово поле, и тогда всѣ — богатые и бѣдные, артисты и рабочіе, монахи и солдаты, весело принялись за работу. Франція, представленная на праздникъ тысячею делегатовъ, съѣхавшихся изъ провинцій, обрѣла свое національное единство въ этой работѣ надъ землею, — символъ того, что совершится когда-нибудь равенство и братство людей и народовъ.

Присяга «Конституціи, предписанной Національнымъ Собраніемъ и принятой королемъ», принесенная нѣсколькими тысячами присутствовавшихъ, и присяга, приписанная королемъ и добровольно подтвержденная королевою за своего

сына,—все это не имѣло большого значенія. Всякій, присягая, дѣлалъ про себя какую-нибудь «умственную оговорку». ставилъ мысленно нѣкоторыя условія. Король присягнулъ въ такихъ выраженіяхъ: «Я, король Французовъ, клянусь употребить власть, предоставленную мнѣ актомъ государственной конституціи, на то, чтобы сохранить конституцію, декретированную Собраніемъ и принятую мною». А это уже означало, что онъ бы не прочь уважать конституцію, но что она *будетъ* нарушена. и онъ не въ силахъ будетъ этому помѣшать. Въ дѣйствительности же, въ то самое время, когда король приносилъ свою присягу, онъ думалъ только о томъ, какъ бы выѣхать изъ Парижа, подъ предлогомъ смотровъ войскамъ, и выступить, какъ Карлъ I въ Англіи, противъ Собранія. Онъ соображалъ, какъ подкупить вліятельныхъ членовъ Собранія, и разсчитывалъ на помощь изъ-за границы, чтобы остановить Революцію, которую самъ же вызвалъ своимъ сопротивленіемъ необходимымъ преобразованіямъ и своею лживостью въ отношеніяхъ къ Національному Собранію.

Клятвы имѣли мало значенія. Но, что нужно отмѣтить въ этомъ празднествѣ, кромѣ провозглашенія существованія новой *націи*, воодушевленной общимъ идеаломъ, это—поразительное добродушіе Революціи. Черезъ годъ послѣ взятія Бастиліи, когда Маратъ съ полнымъ правомъ писалъ: «Откуда эта неудержимая радость? Съ какой стати это глуное ликование? *Революція до сихъ поръ была для народа тяжелымъ сномъ*»; въ эту минуту, когда еще ничего не было сдѣлано для удовлетворенія нуждъ трудящагося народа, и уже дѣлалось все (какъ мы сейчасъ увидимъ) для того, чтобы помѣшать дѣйствительному уничтоженію феодальныхъ злоупотребленій; когда народу повсюду приходилось расплачиваться жизнью и страшною ницетою за успѣхи политической Революціи,—несмотря на все это, народъ восторженно привѣтствовалъ провозглашавшійся на этомъ празднествѣ новый, демократическій строй. Подобно тому, какъ пятьдесятъ восемь лѣтъ спустя, въ 1848 году, народъ отдавалъ въ распоряженіе Республики «три мѣсяца ницеты», такъ и теперь онъ готовъ былъ перенести все, лишь бы Конституція обѣщала ему нѣкоторое облегченіе, лишь бы она хоть сколько-нибудь постаралась объ этомъ.

Если, три года спустя, этотъ самый народъ, при всей его готовности довольствоваться малымъ и ждать, ожесточился

и сталъ истреблять враговъ Революціи, то онъ дошелъ до этого, чтобы спасти хотя частицу Революціи, и дошелъ только тогда, когда увидѣлъ, что Революція погибаетъ, не произведя еще никакихъ существенныхъ для народа экономическихъ переменъ.

Въ іюлѣ 1790 года ничто еще не предвѣщало такого мрачнаго и озлобленнаго настроенія. „Революція была до сихъ поръ для народа лишь тяжелымъ сномъ. Она не сдержала своихъ обѣщаній.—Не бѣда! Она все-таки идетъ впередъ—и этого достаточно!“ И народъ ликовалъ повсюду.

Но реакція уже стояла наготовѣ, во всеоружіи, и черезъ мѣсяцъ или два она вполнѣ проявила свои силы. Къ слѣдующей годовщинѣ 14 іюля, къ 17 іюля 1791 года она была уже настолько сильна, что на томъ же Марсовомъ полѣ велѣла разстрѣливать народъ.

XXIV.

Округа и секціи Парижа.

Мы видѣли, что Революція началась народными возстаніями въ первые мѣсяцы 1789 года. Но однихъ народныхъ возстаній, болѣе или менѣе успѣшныхъ, еще мало, чтобы совершить революцію: нужно, чтобы эти возстанія оставили въ существующихъ учрежденіяхъ нѣчто новое, что дало бы возможность выработаться и упрочиться новымъ формамъ жизни.

Французскій народъ, повидимому, отлично понялъ это, и съ самыхъ первыхъ волненій внесъ нѣчто новое въ жизнь страны: народную коммуну, общину. Правительственное сосредоточеніе власти (централизація) явилось позже; въ началѣ же Революція создала коммуну — общину, — деревенскую и городскую, и это установленіе придало ей, какъ мы сейчасъ увидимъ, громадную силу.

Дѣйствительно, въ деревняхъ требованія отмены феодальныхъ повинностей предъявлялись помѣщикамъ общиною крестьянъ, и община же узаконивала отказъ отъ платежей. Она отбирала отъ помѣщиковъ земли, когда-то бывшія общинными; она сопротивлялась дворянамъ, боролась съ духовенствомъ, защищала „патріотовъ“, т.-е. революціонеровъ, а позднѣе — „санъ-кюотовъ“. Она заарестовывала возвращавшихся эмигрантовъ, она же задержала убѣгавшаго короля.

Въ городахъ граждане, объединившіеся въ городскую общину, перестраивали всю общественную жизнь. Коммуна приписывала себѣ право назначать судей, измѣняла по собственному почину распредѣленіе налоговъ, а впоследствии, по мѣрѣ развитія Революціи, она становилась орудіемъ въ рукахъ санъ-кюотовъ (болѣе смѣлыхъ революціонеровъ) для борьбы съ королевскою властью, съ конспираторами-роялистами и съ нѣмецкимъ нашествіемъ. Еще позднѣе, во II-мъ

году Республики, нѣкоторыя коммуны принялись и за уравненіе состояній.

Извѣстно, наконецъ, что въ Парижѣ именно коммуна, создавшаяся въ ночь на 10 августа, и ея секціи (отдѣлы) низвергли короля и стали послѣ 10 августа настоящимъ очагомъ и главною силою Революціи. Въ сущности, Революція сохранила свою жизненность только до тѣхъ поръ, пока Парижская коммуна оставалась независимою силою.

Коммуны были, такимъ образомъ, душою Великой Революціи,—ея очагами, разсѣянными по всей странѣ; безъ нихъ у нея никогда не хватило бы силы низвергнуть старый порядокъ, отразить нѣмецкое нашествіе и возродить Францію.

Тогдашнія коммуны не слѣдуетъ, однако, представлять себѣ наподобіе современныхъ муниципальных учрежденій, которыми граждане интересуются всего въ теченіе нѣсколькихъ дней, во время выборовъ, а затѣмъ съ полнымъ довѣріемъ предоставляютъ имъ управлять всѣми дѣлами; сами же больше ими не занимаются. Безумпой вѣры въ представительное правленіе, которая свойственна нашему времени, во время Великой Революціи еще не существовало. Коммуна, зародившаяся изъ народныхъ движеній, не отдѣлялась отъ народа. Напротивъ того, благодаря своимъ *округамъ, отдѣламъ, секціямъ*, составлявшимъ органы народного самоуправленія, она оставалась народнымъ учрежденіемъ; это-то и дало сельскимъ и городскимъ общинамъ ихъ революціонную силу.

Такъ какъ организація и жизнь округовъ (districts) и отдѣловъ (sections) всего лучше извѣстна для Парижа, то мы будемъ говорить именно о парижскихъ округахъ и „секціяхъ“, тѣмъ болѣе, что жизнь любой изъ парижскихъ секцій даетъ уже представленіе о жизни тысячи провинціальныхъ коммунъ.

Какъ только началась Революція, а въ особенности, какъ только событія, предшествовавшія 14 іюля 1789 года, пробудили самостоятельность парижскаго населенія, народъ, съ свойственнымъ ему революціонно-организаторскимъ духомъ, почувствовавши серьезность предстоявшей борьбы, началъ создавать прочныя организаціи въ виду этой борьбы.

Для выборовъ въ Собраніе Парижъ былъ раздѣленъ на шестьдесятъ округовъ (districts), которые назначали избирателей второй степени, т.-е. выборщиковъ. Послѣ выбо-

ровъ эти собранія округовъ должны были разойтись; но они не разошлись и, мало-по-малу присвоивая себѣ обязанности, прежде принадлежавшія полиціи, суду или различнымъ министерствамъ стараго порядка, они превратились въ постоянные необходимые органы городской жизни.

Этимъ самымъ они заставили признать свое право на существованіе; и въ тотъ моментъ, когда, въ первой половинѣ іюля, весь Парижъ заволновался, „округа“ занялись немедленно вооруженіемъ народа и вообще стали дѣйствовать, какъ самостоятельныя революціонныя власти. „Постоянный Комитетъ“, составившійся въ Городской ратушѣ изъ вліятельной буржуазіи (см. гл. XII), увидалъ себя вынужденнымъ созвать округа и совѣщаться съ ними. Округа же проявили большую энергію въ вооруженіи народа, въ составленіи національной гвардіи, и въ особенности въ подготовленіи Парижа къ сопротивленію на случай вооруженнаго нападенія со стороны Версаля.

Послѣ взятія Бастиліи округа стали уже дѣйствовать, какъ официальные органы городского управленія. Каждый округъ избиралъ, для завѣдыванія своими дѣлами, особый Гражданскій Комитетъ (Comité Civil), состоявшій изъ 16 до 24 членовъ. Впрочемъ, какъ очень вѣрно замѣтилъ Сигизмундъ Лакруа въ своемъ Введеніи къ первому тому изданныхъ имъ Актовъ Парижской коммуны¹⁾, каждый округъ устроивался, „какъ самъ того желалъ“. Во внутренней организаціи округовъ было даже большое разнообразіе. Одинъ изъ округовъ, говоритъ Лакруа, „опережая желанія Национальнаго Собранія относительно организаціи правосудія, самъ сталъ избирать своихъ мировыхъ судей (juges de paix et de conciliation)“. Для сношеній другъ съ другомъ округа „создали свое центральное бюро, въ которомъ делегаты, назначавшіеся спеціально для каждого дѣла, встрѣчались и обмѣнивались своими сообщеніями“. Такимъ образомъ возникала первая попытка коммуны, составившейся *снизу вверхъ*, изъ федераціи окружныхъ организацій, возникшихъ революціоннымъ путемъ, по инициативѣ народа. Революціонная коммуна 10 августа 1792 года намѣчалась уже съ этихъ поръ. Въ декабрѣ 1789 года делегаты округовъ уже сдѣлали по-

¹⁾ Sigismond Lacroix. „Actes de la commune de Paris pendant la Révolution“, т. I. Парижъ, 1894. стр. VII; изданіе Парижскаго Муниципалитета.

пытку образовать, въ зданіи архіепископства, свой особый Центральный Комитетъ.

Этимъ „округами“ и пользовались Дантонъ, Марать и другіе¹⁾, чтобы вдохнуть въ народныя массы духъ протеста; а сами массы привыкали такимъ путемъ обходиться безъ представительныхъ учрежденій и управлять дѣлами непосредственно сами²⁾.

Тотчасъ же послѣ взятія Бастиліи округа поручили своимъ депутатамъ подготовить, вмѣстѣ съ мэромъ Парижа, Байльи, планъ муниципальной организаціи, съ тѣмъ, чтобы онъ былъ представленъ затѣмъ на обсужденіе самихъ округовъ. А пока они дѣйствовали, какъ находили нужнымъ, и сами постепенно расширяли кругъ своей дѣятельности.

Когда Національное Собраніе принялось за обсужденіе муниципального закона, оно повело это дѣло, какъ и слѣдовало ожидать отъ такого разнороднаго по составу учрежденія, съ подобающею медленностью. „Прошло два мѣсяца,—говоритъ Лакруа,—а первый параграфъ новаго плана городского устройства еще не былъ написанъ“ (Actes, т. II, стр. XIV). Понятно, что „эта медлительность показала округамъ подозрительной“, и съ этого времени, у нѣкоторой части парижанъ, стала проявляться все болѣе и болѣе рѣзко выраженная враждебность къ официальному Собранію представителей коммуны. Но что особенно слѣдуетъ отмѣтить, это то, что, стараясь придать городскому управленію извѣстную законную форму, округа вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняли свою собственную независимость. Они искали единства дѣйствій не въ подчиненіи округовъ какому-нибудь Центральному Комитету, а въ федеративномъ союзѣ.

„Настроеніе округовъ... характеризуется одновременно сильнымъ сознаніемъ коммунальнаго единства и не менѣе сильнымъ стремленіемъ къ самоуправленію“, говоритъ Лакруа (т. II, стр. XIV и XV). „Парижъ не хочетъ быть федераціею изъ шестидесяти республикъ, произвольно выкроенныхъ на его территоріи; коммуна—едина, она состоитъ изъ совокупности всѣхъ округовъ... Нельзя указать ни одного округа, который захотѣлъ бы жить отдѣльно отъ остальныхъ...

¹⁾ Преимущественно члены Клуба Кордельеровъ

²⁾ См. Sigismond Lacroix, „Actes de la Commune“, т. III, стр. 625.—Особенно прекрасная работа Mellié, „Les Sections de Paris pendant la Révolution“, изданіе Общества для изученія Французской Революціи, Парижъ, 1898, стр. 9.

Но рядомъ съ этимъ, не подлежащимъ спору принципомъ, проявляется еще и другой... а именно: коммуна должна издавать свои законы и управлять собою сама,—по возможности непосредственно; ея представительное правленіе должно быть низведено до минимума; все, что коммуна можетъ дѣлать непосредственно, должно быть рѣшаемо ею самою, безъ всякихъ посредниковъ,—безъ делегатовъ; или же делегатами, роль которыхъ сводится къ роли *уполномоченныхъ для специальной цѣли*, дѣйствующихъ подъ непрестаннымъ контролемъ посланныхъ ихъ..., въ концѣ же концовъ, право издавать законы и вести администрацію общинныхъ дѣлъ принадлежитъ самимъ округамъ, т.-е. общему собранію всѣхъ гражданъ даннаго округа“.

Мы видимъ изъ этого, что анархическія начала, провозглащенные въ Англіи, нѣсколько лѣтъ спустя, Годвиномъ, существовали уже въ 1789 году, и что источникомъ ихъ были не теоретическія измышленія, а самые *факты* Великой Революціи.

Мало того, Лакруа отмѣчаетъ одинъ поразительный фактъ, показывающій, насколько округа понимали, въ чемъ они отличаются отъ муниципалитета, и какъ они не допускали со стороны послѣдняго никакихъ посягательствъ на свои права. Когда, 30 ноября 1789 года, Бриссо (Brissot, будущій Жирондистъ) предложилъ, чтобы Національное Собраніе, вмѣстѣ съ Комитетомъ, который былъ избранъ Собраніемъ представителей Коммуны („Постоянный Комитетъ“ 12 іюля 1789 года), выработало для Париза муниципальную конституцію,—округа тотчасъ же воспротивились этому. Ничто не должно быть сдѣлано, заявляли они, помимо прямого утвержденія самими округами (Actes, т. III, стр. IV). Отъ плана Бриссо Національное Собраніе вынуждено было отказаться. Точно такъ же, позднѣе, въ апрѣлѣ 1790 года, когда Національное Собраніе начало обсуждать муниципальный законъ, ему предстоялъ выборъ между двумя проектами: одинъ проектъ шелъ отъ вольнаго и независимаго собранія представителей округовъ, заседавшаго въ архіепископствѣ: онъ былъ принятъ большинствомъ округовъ и былъ подписанъ Байльи; другой же шелъ отъ официальныхъ представителей Коммуны, и его поддерживали лишь нѣсколько округовъ. И Національное Собраніе вынуждено было высказаться за первый.

Нечего и говорить, что округа далеко не ограничивались одними чисто городскими дѣлами. Они принимали участіе

въ обсужденіи всѣхъ крупныхъ политическихъ вопросовъ, волновавшихъ Францію. Королевское veto, повелительный наказъ депутатамъ, помощь бѣднымъ, еврейскій вопросъ, вопросъ объ избирательномъ цензѣ (см. гл. XXI)—все это обсуждалось округами. По поводу избирательнаго ценза, округа сами взяли на себя починъ обсужденія этого вопроса. Они созывали другъ друга, выбирали комитеты. „Они постановляли свои рѣшенія“, пишетъ Лакруа, и, не считаясь нисколько съ официальными представителями Коммуны, они отправились 8 февраля (1790 года) прямо въ Національное Собраніе и подали ему первый *Адресъ Парижской Коммуны, представленной ея секціями*. Это была самостоятельная демонстрація со стороны округовъ, устроенная помимо всякаго официального представительства, съ цѣлью поддержать предложеніе, внесенное въ Національное Собраніе Робеспьеромъ противъ ценза (Лакруа, т. III, стр. XII и XIII).

Еще замѣчательнѣе то, что провинціальныя города начинали входить, по всевозможнымъ дѣламъ, въ прямыя сношенія съ парижскою Коммуною. Такимъ образомъ проявлялось стремленіе установить между городами и деревнями Франціи *прямую связь*, помимо общенациональнаго парламента, — стремленіе, такъ ясно выступившее впоследствии. Легко представить себѣ, какую силу придалъ Революціи этотъ независимый способъ дѣйствія городскихъ и сельскихъ общинъ.

Изучая исторію этого движенія, невольно спрашиваешь себя: „откуда взялись у населенія Парижа и многихъ другихъ городовъ и городковъ, особенно въ восточной Франціи, такія организаціонныя способности?“ Онѣ, очевидно, сохранились со временъ средне-вѣковыхъ, независимыхъ, или полунезависимыхъ городовъ-республикъ, съ ихъ „концами“ („секторами“) „улицами“ и „гильдіями“, пользовавшимся тогда широкимъ самоуправленіемъ; при чемъ этотъ духъ и преданія о немъ сохранялись до нѣкоторой степени, несмотря на всѣ усилія королевской власти вытравить этотъ духъ¹⁾.

¹⁾ О средне-вѣковыхъ городахъ-республикахъ читатель найдетъ интересныя данныя въ моей книгѣ „Взаимная Помощь, какъ факторъ эволюціи“. Въ Россіи эти слѣды, къ сожалѣнію, исчезли, такъ какъ уничтоженіе независимыхъ городовъ-народоправствъ началось ужь въ тринадцатомъ вѣкѣ, съ монгольскаго нашествія. Они продержались до пятнадцатаго вѣка только въ Новгородѣ, Псковѣ, ихъ пригородахъ и ихъ сѣверо-восточныхъ колоніяхъ (Вятка и др.).

Особенно проявились вліяніе округовъ и ихъ организа-
торскія способности въ такомъ существенномъ вопросѣ, какъ
продажа имуществъ духовенства. Законъ предписалъ конфискацію этихъ имуществъ государствомъ и продажу ихъ въ
пользу націи; но онъ не указалъ никакаго практическаго
пути къ осуществленію конфискаціи и продажи имъ шес^{ть}.
Тогда парижскіе округа предложили свои услуги, въ каче-
ствѣ посредниковъ по продажѣ этихъ имуществъ, и при-
гласили всѣ другія городскія управленія Франціи постано-
вить ихъ примѣру. Этимъ и создавалась возможность прак-
ческаго приложенія закона.

Изъитель „Актовъ Коммуны“. Лакруа, рассказываетъ,
какъ взялись за дѣло округа, чтобы Національное Собраніе
поручило имъ исполнить эту важную задачу. „Кто гово-
рилъ и *дѣйствовалъ* отъ имени великаго цѣлаго, Парижской
Коммуны?“ спрашиваетъ онъ. „Во-первыхъ, Юро Города,
подавшее самую мысль; затѣмъ—округа, которые одобрили
ее и, одобривъ ее, приняли на себя роль Городского Со-
вѣта въ дѣлѣ ея осуществленія: *вступили непосредственно въ*
переговоры съ государствомъ, т.-е. съ Національнымъ Собра-
ніемъ и, *наконецъ, непосредственно съ шестыми* *предполагав-*
шуюся покупку имуществъ, все это вопреки формальному де-
крету, но съ согласія верховнаго (Національнаго) Собранія“.

Интереснѣе всего то, что, разъ взявшись за это дѣло,
округа отстранили отъ него—какъ слишкомъ устарѣвшее
для серьезнаго дѣла—Собраніе Представителей парижской
Коммуны. Они отстранили также, два раза, Городской Со-
вѣтъ, пожелавшій вмѣшиваться въ эти продажи. Округа,
говоритъ Лакруа, „предпочли составить, въ виду этой спе-
ціальной цѣли, особое собраніе изъ шестидесяти делегатовъ,
по одному отъ cadaго округа, и маленькій Исполнительный
совѣтъ изъ двѣнадцати членовъ, избранныхъ изъ числа этихъ
шестидесяти“ (т. IV, стр. XIX).

Поступая такимъ образомъ,—и такъ же поступили бы
теперь анархисты,—парижскіе округа положили начало новой
общественной организаціи, снизу вверхъ, основанной на на-
чалахъ свободы¹⁾.

¹⁾ Лакруа подробно рассказываетъ объ этомъ дѣлѣ въ Введе-
ніи къ четвертому тому *Актовъ Коммуны*. Я не могу удержаться,
однако, чтобы не привести здѣсь слѣдующія слова *Адреса, поданнаго*
Національному Собранію депутатами шестидесяти секцій Паризжа

Въ 1790 году, въ то время, когда политическая реакція все болѣе и болѣе усиливалась (см. ниже), парижскіе округа, наоборотъ, пріобрѣтали на ходъ дѣлъ все болѣе и болѣе революціонное вліяніе. Пока Собраніе подкапывалось понемногу подъ королевскую власть, округа, а затѣмъ секціи Парижа, расширяли мало-по-малу кругъ своей дѣятельности въ народѣ. И вмѣстѣ съ тѣмъ, они закрѣпляли союзъ между Парижемъ и провинціею и подготавливали почву для революціонной Коммуны Десятаго Августа.

„Муниципальная исторія, — говоритъ Лакруа, — происходитъ изъ официальныхъ Собраній. Самые важные акты коммунальной жизни, политической и административной, совершаются округами: продажа національныхъ имуществъ ведется, какъ того пожелали округа, черезъ посредство ихъ особыхъ комиссаровъ; федерація всей французской націи подготавливается собраніемъ делегатовъ, получившихъ отъ своихъ округовъ спеціальныя полномочія... Праздникъ Федерациі, 14 іюля 1790 года, устраивается исключительно и непосредственно самими округами“; причемъ, въ данномъ случаѣ, ихъ органомъ послужило собраніе депутатовъ секцій, спеціально избранныхъ ради установленія федеративнаго договора (т. I, стр. II, IV и 729, примѣчаніе).

Обыкновенно думаютъ, что представителемъ національнаго единства было Національное Собраніе. А между тѣмъ, когда возникла мысль о праздникѣ Федерациі, политики, какъ замѣтилъ еще Мишлэ, пришли въ ужасъ при видѣ этой массы людей, стекавшихся на праздникъ въ Парижъ со всѣхъ концовъ Франціи. Для того, чтобы Національное Собраніе дало свое согласіе, нужно было, чтобы въ него силой вломилась парижская Коммуна. „Собраніе волей-неволей должно было дать свое согласіе“.

относительно пріобрѣтенія отъ лица Коммуны національныхъ имуществъ. Члены Городского Совѣта хотѣли взять на себя роль секцій въ этой покупкѣ; но секціи запротестовали и высказали слѣдующую, вполне вѣрную, мысль относительно народнаго представительства: „Возможно ли, чтобы пріобрѣтеніе, сдѣланное самю Коммуною, посредствомъ комиссаровъ, спеціально назначенныхъ для этой цѣли, было менѣе законно, чѣмъ если бы оно было сдѣлано общими представителями Франціи... Развѣ тотъ принципъ, что функціи уполномоченнаго кончаются въ присутствіи уполномочившаго его, болѣе не признается? Прекрасныя и вѣрныя слова, къ несчастію, забытыя теперь ради разныхъ ходячихъ измышленій — фикцій — о роли правительства

Но еще важнѣе то, что это движеніе, зародившееся вначалѣ, по вѣрному замѣчанію Люшэ и. Ру, изъ потреб-нос и обезпечить продовольствіе населеніи Парижа и защи-титься отъ опасо ти иностраннаго вторженія, т.-е. отчасти изъ задачъ мѣстной администраціи, приняло въ секціяхъ ¹⁾ характеръ *общей конфедерации всего французскаго народа*, въ которой участвовали представители всѣхъ волостей и департаментовъ Франціи и всѣхъ полковъ ея войска! Округа, т.-е. органы, созданные для индивидуализаціи, для про-явленія самобытности различныхъ кварталовъ Парижа, ста-ли такимъ образомъ орудіями федеративнаго объединенія всей націи и выразителями ея общаго порыва на защиту родины противъ германскаго вторженія.

¹⁾ См. S. Lacroix, „Actes de la Commune“, 1-ая серия, т. VI, 1897 г. стр. 273 и слѣд.

XXV.

Парижская секція при новомъ муниципальномъ законѣ.

Вѣра въ необходимость полной зависимости и гражданъ по отношенію къ централизованному государству до того владѣтъ людьми въ настоящее время, что представленія о независимости общинъ (слово „автономія“ было бы недостаточно), которыя признавались въ 1789 году, теперь кажутся намъ даже странными. Поэтъ му одинъ изъ французскихъ писателей, занимавшихся этимъ вопросомъ, Л. Фу-беръ ¹⁾; совершенно правъ, когда, говоря о планѣ муниципальной организаціи, принятомъ Национальнымъ Собраніемъ, замѣчаетъ, что „наши понятія такъ измѣнились, что теперь предложеніе того плана показалось бы намъ актомъ революціоннымъ, даже анархическимъ“; между тѣмъ какъ парижане, привыкшіе, съ 14 іюля 1789 года, къ очень большой независимости въ своихъ округахъ, не были удовле-творены этимъ закономъ.

Точное разграниченіе областей управленія, которому при-даютъ теперь такое значеніе, казалось тогда, и парижанамъ, а отчасти и нѣкоторымъ законодателямъ, засѣдав-шимъ въ Собраніи, вопросомъ празднымъ и опаснымъ для свободы. Подобно тому, какъ Прудонъ говорилъ: „*Коммуна будетъ всѣмъ, или ничѣмъ*“, парижскіе округа не понимали, какъ можетъ Коммуна не быть *всѣмъ*. „Коммуна,—говорили они,—есть общество людей, сообща владѣющихъ извѣстною собственностью, живущихъ вмѣстѣ въ предѣлахъ одного ограниченнаго пространства и имѣющихъ, всѣ, вмѣстѣ взя-тые, тѣ же права, что и каждый гражданинъ“. Исходя изъ этого опредѣленія они говорили, что парижская Коммуна—

¹⁾ L. Foubert, „L'idée autonomiste dans les districts de Paris en 1789 et 1790“, въ журналѣ „La Révolution française“, годъ XIV, 1895, стр. 141 и слѣд.

какъ всякій другой гражданинъ — имѣть право „свободы, собственности, безопасности и сопротивленія угнетенію“, а слѣдовательно можетъ располагать своими имуществами, а также заботиться объ управленіи ими, о личной безопасности своихъ гражданъ, о полиціи, о военной силѣ, о самооборонѣ отъ вѣнскихъ враговъ — однимъ словомъ, *обо всемъ*. Коммуна фактически верховна (*souveraine*) на своей территоріи, и это — единственное условіе, обеспечивающее ей свободу.

Мало того. Въ третьей части Введенія къ муниципальному закону, изданному въ маѣ 1790 года, устанавливается одно начало, которое даже плохо понимается въ наше время, хотя тогда оно цѣнилось очень высоко. Это — право управлять своими дѣлами непосредственно, безъ посредниковъ (*gouvernement direct*). „Парижская Коммуна, — говорится въ этомъ параграфѣ, — въ виду того, что она свободна и имѣетъ право пользоваться всеми своими правами и всею своею властью, *всегда пользуется ими сама*, — по возможности непосредственно и по возможности обходясь безъ делегатовъ“

Иными словами, парижская коммуна должна быть не управляемымъ государствомъ, а народомъ, который самъ управляетъ собою, — по возможности, безъ всякихъ посредниковъ, безъ всякихъ господъ.

Верховною властью во всемъ, что касается жителей Парижа, должно быть не Собраніе выборныхъ членовъ Общиннаго Совѣта, а *общее Собраніе секцій* („отдѣла“), „не прерывно заседающее“ (*en permanence*), т.-е. имѣющее всегда право собираться, безъ особаго разрѣшенія свыше. И если секціи, по взаимному соглашенію, рѣшаютъ подчиниться въ общихъ вопросахъ мнѣнію большинства секцій, то эти секціи вовсе не отказываются отъ права вступать между собою въ федеративную связь по взаимнымъ симпатіямъ, — посѣщать сосѣднія секціи съ цѣлью повліять на нихъ, и всегда стремиться къ достиженію единогласнаго рѣшенія по всякому вопросу.

Постоянное существованіе общихъ собраній секцій должно, по ихъ мнѣнію, способствовать политическому воспитанію гражданъ; именно оно даетъ имъ возможность, въ случаѣ надобности, „сознательно избирать тѣхъ, чье усердіе и умъ они смогутъ замѣтить и оцѣнить“ (Секція Матюреновъ; приведено у Фубера, стр. 155).

Постоянно-засѣдающая секція — другими словами, всегда открытое вѣче — представляетъ, по ихъ мнѣнію, единственное средство обезпечить себѣ честное и разумное управленіе.

Наконецъ, замѣчаетъ Фуберъ, въ секціяхъ всегда цар. ть *несомнѣнно ко всякой исполнительной власти*. „То ѣ, кто исполняетъ, имѣть въ своихъ рукахъ силу и неизбѣжно будетъ злоупотреблять ею“. „Это была также мысль Монтескье и Руссо“, прибавляетъ Фуберъ, и съ нею мы вполне согласны.

Понятно, какую силу долженъ былъ придать Революціи такой взглядъ на общественныя дѣла, тѣмъ болѣе, что къ нему присоединилось еще и другое соображеніе, на которое также указываетъ Фуберъ. „Революціонное движеніе, — пишетъ онъ, — было направлено столько же противъ централизаціи, какъ и противъ деспотизма“. Французскій народъ понялъ, повидимому, уже въ началѣ Революціи, что громадныя преобразованія, стояція передъ нимъ, какъ и сущныя задачи, не могутъ быть выполнены ни всеобщимъ парламентомъ, ни какою-либо центральной силою: что они должны быть дѣломъ *силъ мѣстныхъ*; а эти послѣднія, для того, чтобы проявиться вполне, должны пользоваться широкою свободою.

Быть-можетъ, онъ думалъ также, что освобожденіе, завоеваніе свободы, должно начаться съ каждой деревни, съ каждаго города, и что тогда, такимъ завоеваніемъ облегчится задача ограниченія королевской власти.

Національное Собраніе старалось, конечно, всѣми силами ослабить силу округовъ и подчинить ихъ опеку городского управленія, которое держало бы ихъ подъ своимъ контролемъ. Муниципальный законъ 27 мая — 27 іюня 1790 года прежде всего упразднилъ округа. Онъ хотѣлъ положить конецъ этимъ очагамъ Революціи и ради этого ввелъ новое дѣленіе Парижа на 48 „секцій“, или „отдѣловъ“, и далъ од нимъ только „активнымъ“ гражданамъ, платившимъ извѣстный налогъ, право участвовать въ избирательныхъ и административныхъ собраніяхъ этихъ отдѣловъ.

Но, какъ ни старался законъ ограничить секціи, постановилъ, что онѣ не должны заниматься на своихъ собраніяхъ „никакимъ другимъ дѣломъ, кромѣ выборовъ и принесенія гражданской присяги“ (отдѣл I, статья 11), ему не подчинялся. За годъ успѣли уже содаться извѣстныя привычки, пробиты были извѣстныя пути, и „секціи“ продолжали

дѣйствовать такъ же, какъ раньше дѣйствовали «округа». Впрочемъ, и самъ муниципальный законъ долженъ былъ уступить секціямъ тѣ административныя обязанности, которыя были уже захвачены старыми округами. Мы находимъ поэтому въ новомъ законѣ тѣхъ же шестнадцать выборныхъ комиссаровъ, что и раньше, и они должны нести не только разнаго рода полицейскія и даже судебныя обязанности, но администрація департамента можетъ также поручать имъ «разверстку налоговъ въ предѣлахъ ихъ секцій» (отдѣлъ IV, статья 12). Кромѣ того, хотя Учредительное Собраніе и отмѣнило «непрерывность» засѣданій, — т. - е. постоянное право секцій собираться, не ожидая спеціальнаго созыва, — но ему, тѣмъ не менѣе, пришлось признать за ними право устраивать общія собранія, какъ только этого потребуютъ пятьдесятъ активныхъ гражданъ ¹⁾.

Этого было достаточно, и секціи не преминули этимъ воспользоваться. Черезъ мѣсяцъ послѣ водворенія новаго муниципалитета, Дантонъ и Байльи уже явились въ Национальное Собраніе, отъ имени 43-хъ секцій (изъ 48-и) съ требованіемъ немедленнаго удаленія министровъ и преданія ихъ суду націи.

Секціи, такимъ образомъ, не отказались отъ своихъ верховныхъ правъ. Хотя эти права были отняты у нихъ закономъ, онѣ продолжали ревностно охранять и громко провозглашать эти права. Требованіе секцій объ удаленіи министровъ, конечно, не имѣло муниципального характера, но онѣ *дѣйствовали*, онѣ *работали*, онѣ *строили* новое общество и, въ данномъ случаѣ, съ закономъ не справлялись. Надѣ сказать и то, что значеніе секцій, вслѣдствіе различныхъ общественныхъ обязанностей, принятыхъ ими

¹⁾ Дантонъ отлично понималъ всю важность сохраненія за секціями правъ, которыми округа завладѣли въ первый годъ Революціи: вотъ почему въ „общемъ уставѣ Парижской Коммуны“ (Règlement général pour la Commune de Paris), выработанномъ депутатами секцій, собравшимися въ архіепископствѣ, отчасти подъ вліяніемъ Дантона, и принятомъ 7 апрѣля 1790 года сорока округами, упразднился даже Общій Совѣтъ Коммуны. Рѣшеніе вопросовъ предоставлялось *гражданами, собравшимися въ секціяхъ*, за которыми оставлялось право „непрерывности“ засѣданій. Наоборотъ, въ „муниципальномъ планѣ“ Кондорсе, — будущаго жирондиста, оставшагося вѣрнымъ началамъ *представительной* системы, — Коммуна воплощалась въ избранномъ Генеральномъ Совѣтѣ, которому были предоставлены всѣ права (Lacroix, „Actes“, 2-ая серія, т. I, стр. XIII).

на себя и выполняемых ими (см. ниже), было уже такъ велико, что Національное Собрание не могло не выслушать ихъ, и отвѣтило въ доброжелательномъ тонѣ.

То же самое произошло и съ другимъ пунктомъ муниципальнаго закона 1789 года, которымъ муниципалитеты вполнѣ подчинялись „администраціи департамента и уѣзда (district), во всѣхъ тѣхъ обязанностяхъ, которыя имъ приходится выполнять по порученію общаго управленія“ (ст. 55). Ни секціи, ни дѣйствовавшая черезъ ихъ посредство Парижская Коммуна, ни провинціальныя коммуны не подчинились этому пункту. Онѣ просто не обращали на него вниманія и продолжали сохранять за собою власть.

Вообще, послѣ упраздненія парижскихъ „округовъ“, секціи мало-по-малу, въ свою очередь, стали очагами Революціи; и если ихъ дѣятельность нѣсколько ослабѣла въ періодъ реакціи 1790 и 1791 годовъ, то, какъ мы увидимъ дальше, именно онѣ разбудили Парижъ въ 1792 году и подготовили революціонную Коммуну Десятаго Августа.

Каждая секція, какъ мы уже упомянули, избирала, на основаніи новаго закона 21 мая 1790 года, шестнадцать комиссаровъ, составлявшихъ Гражданскіе Комитеты; и эти комитеты, которымъ вначалѣ были даны однѣ полицейскія обязанности, не переставали въ теченіе всей Революціи расширять свои полномочія во всѣхъ направленіяхъ. Такъ, въ сентябрѣ 1790 года Собранію пришлось признать за секціями право, которое, какъ мы видѣли, еще въ августѣ 1789 года признало за собою городское управленіе Страсбурга: право назначать мировыхъ судей и ихъ помощниковъ, а также судей для соглашеній въ торговыхъ и промышленныхъ спорахъ (prud'hommes). Этимъ правомъ секціи пользовались вплоть до водворенія якобинскаго правительства, т.-е. до 4 декабря 1793 года.

Съ другой стороны, эти же самые Гражданскіе Комитеты секцій взяли въ свои руки, въ концѣ 1790 года, послѣ упорной борьбы, завѣдываніе дѣлами благотворительныхъ комитетовъ, а также и право—очень существенное—наблюдать за общественною благотворительностью и организовать ее. Это дало имъ возможность замѣнить благотворительныя мастерскія стараго порядка новыми „мастерскими для помощи“, подъ управленіемъ самихъ секцій. Впослѣдствіи, секціи сдѣлали въ этомъ направленіи очень много. По мѣрѣ того, какъ социальныя идеи Революціи разви-

вались, разбивались и секціи. Мало-по-малу онѣ взяли на себя доставку одежды, бѣлья и обуви для войска, организовали помоль зерна и т. д., такъ что въ 1793 году всякій гражданинъ и всякая гражданка, живущіе въ данной секціи, могли явиться въ соотвѣтственную мастерскую и получить тамъ работу (Meillé, стр. 289). Позднѣе, изъ этихъ первыхъ опытовъ возникла болѣе обширная организація, и во Второмъ году Республики (1793—1794) секціи уже дѣлали попытки замѣстить администрацію, занимавшуюся обмундированіемъ войска, и то говцевъ-предпринимателей ¹⁾.

Такимъ образомъ, „право на трудъ“, котораго требовало въ 1848 году рабочее населеніе большихъ городовъ Франціи, было не чѣмъ инымъ, какъ отголоскомъ того, что уже вводилось въ Парижѣ во время Великой Революціи, но вводилось, какъ нѣчто организованное снизу, а не сверху, какъ того хотѣли, во время Революціи 1848 года, Луи Бланъ, Видалъ и другіе, засѣдавшіе въ Люксембургѣ государственники.

Мало того. Секціи не только наблюдали, во все время Революціи, за подвозомъ и продажей хлѣба, за цѣнами на

¹⁾ Въ іюнѣ 1793 года, говоритъ Мелле, секція Фипистеръ организовала работу по поставкѣ одежды для войска такъ, что „каждый гражданинъ и каждая гражданка, живущіе въ области секціи, представивши (въ удостовѣреніе мѣста жительства) свидѣтельство отъ домовладѣльца, могли явиться въ мастерскую и получить работу“ (стр. 289). Въ августѣ 1793 года Конвентъ старался сосредоточить поставку одежды для арміи въ рукахъ своей администраціи, но и она должна была распределять работу между различными секціями, согласно ихъ потребностямъ. Это подало поводъ жалобамъ, и тогда (въ концѣ августа) распределеніе работы было поставлено подъ контроль комиссаровъ, назначаемыхъ секціями. „Совершенно новая организація возникла изъ этого“, говоритъ Мелле. „Секціи совершенно замѣтили предпринимателей и администрацію поставки одежды. Эти (распределительныя) бюро, открытыя въ самыхъ бѣдныхъ кварталахъ, стали мастерскими секцій: а такъ какъ они были подъ ихъ рукой, то не было нужды въ посредникахъ“. Изъ документовъ, случайно сохранившихся въ одной секціи (въслѣдствіе возникшаго спора), видно слѣдующее: „Такимъ образомъ секція назначаетъ и смѣщаетъ комиссаровъ, управляющихъ мастерскою, опредѣляетъ ихъ жалованье, назначаетъ цѣну изготовленныхъ вещей, такъ, чтобы не было никакого барыша, лишь бы покрыть расходы по магазину, принимаетъ жалобы... однимъ словомъ, является полнымъ хозяиномъ предпріятія, за которымъ она наблюдаетъ, провѣряетъ счета и оплачиваетъ расходы“ (Meillé, стр. 290—295). Съ наступленіемъ реакціи, послѣ паденія Робеспьера, всему этому, конечно, былъ положенъ конецъ. Декретомъ 13 іюня 1795 года снабженіе войска одеждою было отнято у Парижской Коммуны.

предметы первой необходимости и за соблюденіемъ закона о максимальныхъ цѣнахъ, когда этотъ законъ былъ введенъ; но нѣкоторыя изъ нихъ, кромѣ того, взяли на себя починъ обработки находившихся вокругъ Парижа пустырей, съ цѣлью помочь, развитіемъ огородничества, увеличенію земледѣльской производительности страны.

Все это, можетъ-быть, покажется очень мелочнымъ для тѣхъ, кто видитъ въ революціи только выстрѣлы и баррикады: но именно своему вмѣшательству въ ежедневныя мелочи жизни рабочихъ и всего города парижскія секціи обязаны были развитіемъ своей политической и революціонной силы.

Но не будемъ забѣгать впередъ. Вернемся къ разсказу о событіяхъ. Съ парижскими секціями мы еще встрѣтимся, когда будемъ говорить о Коммунѣ Десятаго Августа.

XXVI.

Задержки въ уничтоженіи феодальныхъ правъ.

По мѣрѣ того, какъ Революція шла впередъ, тѣ два теченія, о которыхъ мы говорили въ началѣ—теченіе народное и теченіе буржуазное—обозначались все яснѣе и яснѣе, особенно въ вопросахъ экономическихъ.

Народъ стремился къ уничтоженію феодальнаго строя. Онъ страстно желалъ *равенства*, вмѣстѣ со *свободой*. Видя, какъ медленно велась даже борьба съ королемъ и духовенствомъ, онъ терялъ терпѣніе и старался довести революцію до конца. Предвидя, что силы революціоннаго порыва рано или поздно истощатся, народъ пытался сдѣлать окончательно невозможнымъ возвращеніе помѣщичьяго ига, королевскаго деспотизма, феодальнаго порядка и царства богачей и духовенства. Для этого онъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, въ большей половинѣ Франціи—возврата земли народу, земельныхъ законовъ, которые бы дали возможность каждому обрабатывать столько земли, сколько онъ можетъ самъ воздѣлывать, и законовъ, уравнивающихъ богатыхъ и бѣдныхъ въ гражданскихъ правахъ.

И вотъ народъ возставалъ, когда его заставляли платить десятину, и силою захватывалъ власть въ городахъ и деревняхъ, чтобы воспользоваться ею противъ привилегированныхъ классовъ—дворянства и духовенства. Однимъ словомъ, онъ поддерживалъ революціонное броженіе въ всей половинѣ Франціи, а въ Парижѣ зорко наблюдалъ за законодателями съ высоты трибунъ Собранія, въ клубахъ и въ секціяхъ. Наконецъ, когда приходилось бороться съ королевскою властью силою, онъ организовался для возстанія и—14 іюля 1789 и 10 августа 1792 года—боролся съ оружіемъ въ рукахъ.

Со своей стороны, буржуазія, какъ мы видѣли, упорно работала надъ „завоеваніемъ власти“ (самое выраженіе,

„conquête des pouvoirs“, было пущено въ ходъ уже тогда). По мѣрѣ того, какъ власть короля и Двора разрушалась и падала подъ тяжестью общаго презрѣнія, буржуазія овладѣвала этою властью и создавала для нея прочныя основанія въ провипціяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она обезпечивала себѣ возможность обогащенія въ настоящемъ и въ будущемъ.

Если въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ главная доля имуществъ отобранихъ у эмигрантовъ и духовенства, перешла мелкими участками въ руки бѣдняковъ—какъ это видно, по крайней мѣрѣ, изъ изслѣдованій проф. Лучицкаго ¹⁾, то въ другихъ мѣстностяхъ огромная доля этихъ имуществъ пошла на обогащеніе буржуазіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, всевозможныя финансовыя спекуляціи положили основаніе цѣлому ряду крупныхъ состояній въ средѣ Третьяго Сословія.

Но что въ особенности хорошо узнала просвѣщенная буржуазія (ее научилъ этому примѣръ Революціи 1648 года въ Англіи), это то, что теперь пришла ее очередь завладѣть правительствомъ Франціи, и что тотъ классъ, который будетъ стоять у власти, будетъ имѣть возможность наживаться. Это было тѣмъ болѣе возможно, что дѣятельности государства предстояло громадное расширеніе благодаря образованію многочисленной постоянной арміи и переустройству народнаго образованія, правосудія, налоговъ и т. д. Англійская Революція уже показала это на дѣлѣ.

Понятно, что при такихъ условіяхъ пропасть между буржуазіею и народомъ во Франціи должна была все болѣе и болѣе расширяться. Буржуазія стремилась къ революціи и толкала къ ней народъ только до тѣхъ поръ, пока не увидѣла, что дѣло „завоеванія власти“ уже заканчивается въ ея пользу. Народъ же искалъ въ революціи средства освободиться отъ двойного гнета нужды и политическаго безправія.

На одной сторонѣ оказались, такимъ образомъ, тѣ, кого „государственные люди“, „люди порядка“, называли уже тогда „анархистами“, и съ ними—нѣсколько поддерживавшихъ ихъ человекъ изъ буржуазіи,—большею честью, члены клуба Кордельеровъ и нѣкоторые члены клуба Якобинцевъ. Что же касается до „государственныхъ людей“ и „защитниковъ имуществъ“, какъ говорили тогда, то ихъ

¹⁾ Извѣстія Кіевскаго Университета, годъ XXXVII, № 3 и 8

точною выразительницею была та политическая партія, которая впоследствии получила названіе Жирондистовъ, т.-е. партія политиковъ, группировавшихся въ 1792 году вокругъ Бриссо и министра Ролана.

Мы уже говорили въ главѣ XV о томъ, къ чему свелась такъ наываемая отмѣна феодальныхъ правъ въ ночь на 4 августа, и каковы были постановленія, принятыя Собраніемъ между 5 и 11 августа; мы посмотримъ теперь на дальнейшее развитіе этого законодательства въ 1790 1791 годахъ.

Но въ виду того, что вопросъ о феодальныхъ правахъ — главный вопросъ Революціи, и что онъ былъ разрѣшенъ только въ 1793 году, послѣ изгнанія Жирондистовъ изъ Конвента, мы вновь изложимъ вкратцѣ — рискуя даже нѣкоторыми повтореніями, — въ чемъ заключались августовскіе законы 1789 года, а затѣмъ уже перейдемъ къ тому, что было сдѣлано въ два послѣдующіе года. Это тѣмъ болѣе необходимо, что, несмотря на то, что отмѣна феодальныхъ правъ была главнымъ дѣломъ Великой Революціи, по этому вопросу въ исторической литературѣ царствуетъ печальное смѣшеніе понятій. На этомъ вопросѣ произошли самыя ожесточенныя и крогопролитныя столкновенія повсемѣстно въ земледѣльской Франціи, а также и въ Парижѣ, въ стѣнахъ Палаты; и изъ всего, сдѣланнаго Революціей, отмѣна феодальныхъ правъ оказалась самымъ прочнымъ завоеваніемъ, удержавшимся, несмотря на всѣ дальнейшія превратности въ политическихъ судьбахъ Франціи въ теченіе девятнадцатаго вѣка. Надъ этимъ слѣдуетъ остановиться.

Раньше 1789 года тѣ, кто стремился къ обновленію общественнаго строя, были, несомнѣнно, далеки отъ мысли, чтобы феодальныя права могли быть вполне отмѣнены. Даже объ уничтоженіи злоупотребленій феодальнаго строя думали немногіе, и дѣло шло лишь о томъ. — возможно ли, какъ выражался Неккеръ, „уменьшеніе особенныхъ правъ помѣщика?“ Вопросъ объ *уничтоженіи* феодальныхъ правъ былъ поставленъ уже Революціею.

„Всякая собственность, безъ исключенія, останется неприкосновенной“ — вотъ слова, которыя были вложены въ уста короля при открытіи Генеральныхъ Штатовъ, „и Его Величество понимаетъ подъ названіемъ собственности десятину, чиншъ, ренту, обязательства феодальныя и по отно-

шенію къ помѣщику, и вообще всѣ права и прерогативы (права классовыя), полезныя или почетныя, связанныя съ землями и помѣстьями, принадлежащими частнымъ лицамъ“.

Никто изъ будущихъ революціонеровъ не протестовалъ тогда противъ такого пониманія правъ помѣщиковъ и землевладельцевъ.

„Но земледѣльческое населеніе,—говоритъ Даллозъ—извѣстный авторъ большого юридическаго Словаря (*Répertoire de jurisprudence*), котораго никто не заподозритъ въ революціонномъ пристрастіи,—земледѣльческое населеніе понимало общающую свободу иначе; повсюду въ деревняхъ началось возстаніе: крестьяне поджигали замки, уничтожали архивы, записи платежей и повинностей и проч.; и въ очень многихъ мѣстностяхъ помѣщики подписали отреченіе отъ своихъ правъ“ (Статья *Феодализмъ*).

Тогда, при заревѣ крестьянскаго возстанія, грозившаго принять широкіе размѣры, произошло засѣданіе 4 августа.

Національное Собраніе издало, какъ мы видѣли, постановленіе, или, вѣриѣе, принципиальное заявленіе, въ 1-мъ пунктѣ котораго говорилось:

„Національное Собраніе совершенно отмѣняетъ феодальный строй“.

Впечатлѣніе, произведенное этими словами, было громадно. Они потрясли Францію и Европу. Ночь 4 августа называли „Варооломеевскою ночью земельной собственности“¹⁾. Но на другой же день Собраніе, какъ мы видѣли, одумалось. Рядомъ декретовъ, или, вѣриѣе, постановленій, отъ 5, 6, 8, 10 и 11 августа, оно возстановило и поставило подъ покровительство Конституціи все, что было *существеннаго* въ феодальныхъ правахъ. Отказываясь, за немногими исключеніями, отъ тѣхъ личныхъ повинностей, которыми они пользовались, помѣщики тѣмъ болѣе старательно закрѣпляли за собою всѣ гдѣ часто не менѣе чудовищныя, права, которыя можно было такъ или иначе изобразить въ качествѣ взиманія платежей за владѣніе или пользованіе землею—права *реальныхъ*, по выраженію законодателей (т.-е. права на вещи: *res*, по латыни,—*вещь*). Сюда входили

¹⁾ Варооломеевскою ночью называютъ ночь 24 августа 1572 года, когда, въ царствованіе Карла IX, католики въ Парижѣ стали поголовно убивать протестантовъ.

не только разные виды поземельной аренды, но и всевозможные платежи деньгами и натурой, различные въ различныхъ мѣстностяхъ, установленные при отмѣнѣ крѣпостного права и въ то время связанные съ владѣніемъ землею. Всѣ эти платежи были занесены въ земельныя записи (terriers—уставныя грамоты) и часто продавались, или уступались третьимъ лицамъ.

Теперь всѣ феодальные платежи, всѣхъ наименованій, а также и десятина духовенству, имѣвшіе денежную цѣнность, были сохранены полностью. Крестьяне получили только право выкупа этихъ платежей—если когда-нибудь сойдутся въ цѣнѣ съ помѣщикомъ. Собраніе же не назначало ни срока для выкупа, ни размѣровъ его.

Въ сущности, за исключеніемъ того факта, что первымъ пунктомъ постановленій 5—11 августа былъ поколебленъ самый принципъ феодальной собственности, все, что касалось платежей, считавшихся связанными съ землею, оставалось по-старому, и муниципалитетамъ было поручено образумить крестьянъ, въ случаѣ, если бы они вздумали не платить. Мы видѣли, съ какой жестокостью нѣкоторые изъ нихъ принялись усмирять крестьянъ ¹⁾).

Мы видѣли также изъ приведеннаго выше примѣчанія Джемса Гильома, что, придавъ своимъ августовскимъ рѣшеніямъ характеръ простыхъ „постановленій“ (arrêtés), Собраніе дѣлало для нихъ излишнимъ утвержденіе королемъ. Но

¹⁾ Эти факты, идущіе въ разрѣзъ съ преувеличенными похвалами, которыми многіе историки осыпаютъ Національное Собраніе, были изложены мною первоначально въ одной статьѣ, написанной по поводу столѣтней годовщины Великой Революціи и помѣщенной въ англійскомъ журналѣ, The Nineteenth Century, въ июнѣ 1889 года, а затѣмъ въ рядѣ статей, въ газетѣ La Révolte, отъ 1892 до 1893 года, появившихся отдѣльной брошюрой въ Парижѣ, подъ заглавіемъ La Grande Révolution.

Съ того времени работы Саньяка (Ph. Sagnac, „La législation civile de la Révolution française, 1789 — 1804. Essai d'Histoire sociale“, Парижъ, 1898 г.) подтвердили мой взглядъ. Впрочемъ, дѣло шло вовсе не о толкованіи фактовъ, а о самихъ фактахъ. Сами же факты даны законами. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только обратиться къ любому своду законовъ французскаго государства, — хотя бы къ извѣстному „Répertoire de jurisprudence“ Dalloz'a. Тамъ приведены, въ подлинникахъ, или въ точномъ изложеніи, всѣ законы касающіеся поземельной собственности—частной и общинной,—которыхъ мы не находимъ у историковъ. Я нашелъ ихъ въ первый разъ у Даллоза, и именно изучая эти тексты законовъ, могъ понять смыслъ Великой Революціи. Они даны также въ другихъ сборникахъ.

тѣмъ самымъ оно отнимало у нихъ характеръ *законовъ*, дѣлѣхъ поръ, пока они не выльются въ форму конституціонныхъ декретовъ, и такимъ образомъ лишало ихъ всякой обязательности. По закону, ничего еще не было сдѣлано.

Но и эти „постановленія“ показались помѣщикамъ и королю слишкомъ крайними. Король старался выиграть время и затянуть обнародованіе ихъ; 18 сентября онъ еще только обратился къ Національному Собранію со своими „возраженіями“, приглашая Собраніе одуматься; рѣшился онъ на обнародованіе августовскихъ постановленій только 6 октября, послѣ того, какъ женщины привезли его въ Парижъ и отдали подъ надзоръ народа. Но тогда Собраніе, въ свою очередь, ничего не дѣлало; оно обнародовало свои „постановленія“ только 3 ноября 1789 года, разославъ ихъ провинціальнымъ парламентамъ (судебнымъ учрежденіямъ). Въ сущности, „постановленія“ 5—11 августа никогда не были по-настоящему обнародованы.

Понятно, поэтому, что крестьянскія возстанія должны были продолжаться. Въ докладѣ, представленномъ Собранію, отъ имени Феодальнаго Комитета, въ февралѣ 1790 года, аббатъ Грегуаръ показалъ, что, начиная съ января, крестьянское движеніе разгорѣлось съ новою силою, распространяясь отъ востока къ западу.

Въ Парижѣ, тѣмъ временемъ, начиная съ 6 октября, реакція уже сдѣлала, однако, значительные успѣхи; и когда подъ вліяніемъ доклада Грегуара Національное Собраніе принялось за разсмотрѣніе феодальныхъ правъ, его законодательная работа уже оказалась проникнутою реакціоннымъ духомъ. Оно „одумалось“. Декреты, изданные имъ отъ 28 февраля до 5 марта и 18 іюня 1790 года, вели уже къ *закрѣпленію феодальнаго порядка во всѣхъ его существенныхъ чертахъ*.

Таково было (какъ видно изъ документовъ того времени) и мнѣніе тогдашнихъ дѣятелей, стремившихся къ уничтоженію феодализма. О декретахъ 1790 года они говорили, какъ о законахъ, *возстановляющихъ феодализмъ*.

Во-первыхъ, въ нихъ сохранилось и подтверждалось различіе между правами *почетными*, отнимавшимися безъ выкупа, и правами *полезными*, которыя крестьяне должны были выкупать. Мало того: такъ какъ нѣкоторыя личныя феодальныя права были включены въ число правъ *полезныхъ*, эти послѣднія оказались „вполнѣ отождествленными съ про-

остою земельною рентою и другими земельными платежами¹⁾. Права, которыя были не чѣмъ инымъ, какъ насиліемъ, — какъ пережиткомъ личной крѣпостной зависимости и, въ силу такого своего происхожденія, должны были быть уничтожены безъ всякаго выкупа, ставились, такимъ образомъ, на одинъ уровень съ обязательствами, вытекавшими изъ *найма земли*, изъ аренды.

Въ случаѣ неплатежа, помѣщикъ — даже если онъ терялъ право „феодальной конфискаціи“ имущества арендатора (*saisie féodale*, ст. 6), — могъ прибѣгнуть къ различнымъ формамъ принужденія, на основаніи общаго закона. Это подтверждается въ слѣдующей же статьѣ: „Феодальныя и чиншевыя права“, говорится тамъ, „а также всѣ платежи за продажу, рента и другіе платежи, подлежащіе, по своей природѣ, выкупу, подчинены, вплоть до выкупа, правиламъ, установленнымъ въ государствѣ различными существующими законами и обычаями“.

Собраніе пошло еще дальше. Въ засѣданіи 27 февраля, соглашаясь съ мнѣніемъ докладчика Мерлена, оно утвердило, въ примѣненіи къ значительному числу случаевъ, *право мертвой руки*. Оно постановило, что „поземельныя права, которыя изъ права мертвой руки были превращены въ право чиншевое (*tenure censive*), не представляютъ собою больше права мертвой руки, а потому должны быть сохранены“.

Буржуазія такъ крѣпко стояла за это наслѣдіе крѣпостного права, что въ ст. 4 отдѣла III этого закона говорится, что „если право мертвой руки, *вещное* (*réelle*) или *смѣшанное* (*mixte*), было, во время освобожденія, превращено въ земельныя обязательства или въ платежи за право перехода земли изъ рукъ въ руки, — то эти обязательства продолжаютъ существовать“.

Вообще, когда читаешь отчеты объ обсужденіи феодальнаго закона въ Національномъ Собраніи, невольно возникаетъ вопросъ: неужели эти дебаты происходятъ въ мартѣ

¹⁾ „Всякія почетныя отличія, высшія положенія и власть, связанныя съ феодальнымъ строемъ, уничтожаются. Что же касается до тѣхъ полезныхъ правъ, которыя будутъ существовать до выкупа, то они вполнѣ отождествляются съ простою земельною рентою и другими земельными платежами“ (законъ 24 февраля 1790 года, ст. первая, 1-го отдѣла).

1790 года, послѣ взятія Бастиліи и послѣ ночи 4 августа, а не въ началѣ царствованія Людовика XVI, въ 1775 году?

Такъ, 1 марта 1790 года уничтожаются безъ выкупа нѣкоторые платежи: за право разводить въ избѣ огонь, держать собаку и т. д., а также нѣкоторые платежи при покупкѣ и продажѣ крестьянами скота, хлѣба и т. п. Но вѣдь, казалось бы, однако, что всѣ эти платежи были уже отмѣнены безъ выкупа еще въ ночь 4 августа? Оказывается, однако, нѣтъ. По закону, въ 1790 году, еще въ очень значительной части Франціи, крестьянинъ не имѣлъ права купить корову или продать свой хлѣбъ, не уплативъ извѣстнаго налога помѣщику! Онъ не могъ даже продать свой хлѣбъ раньше помѣщика, который пользовался, такимъ образомъ, высокими цѣнами, стоявшими обыкновенно до окончанія молотьбы.

„Но, — скажетъ читатель, — наконецъ, 1 марта 1790 года эти платежи были все-таки отмѣнены, вмѣстѣ съ тѣми, которые взимались помѣщикомъ за право пользованія общественною печью, мельницею, прессомъ для выжиманія винограднаго сока и т. д.“... — Не торопитесь, однако, дѣлать выводы. Да, они были отмѣнены, — но за исключеніемъ тѣхъ, относительно которыхъ существовалъ когда-нибудь письменный договоръ между помѣщикомъ и крестьянскою общиною, или которые были признаны платою за какой-нибудь участокъ земли, или въ обмѣнъ на другой платежъ.

Плати крестьянинъ! Плати безъ конца, и не пытайся выиграть время, потому что противъ тебя существуетъ право „немедленнаго принужденія“, отъ котораго ты можешь спастись не иначе, какъ выигравши процессъ въ судѣ!

Трудно вѣрится всему этому, но оно было такъ.

Вотъ, впрочемъ, самый текстъ 2-й статьи отдѣла III этого феодальнаго закона. Онъ нѣсколько длиненъ, но его стоитъ привести цѣликомъ, чтобы показать, въ какой зависимости удерживалъ крестьянъ феодальный законъ 24 февраля — 15 марта 1790 года.

„Ст. 2. — Считаются подлежащими выкупу, впредь до доказательства противнаго (т.-е. пока крестьянинъ не докажетъ по суду, что они уничтожены, какъ *личные* платежи):

„1) Всѣ ежегодные платежи въ пользу помѣщика, деньгами, зерномъ, птицей, съѣстными припасами, продуктами земли, обозначаемые подъ названіемъ чинша (*cens*), сверхъ-

чинна (sur-cens), феодальной, помѣщичьей или эмфитевической ренты, champart, tasque, terrage, agrier, soète, corvées réelles (барщины) и подъ всякими другими названіями, которые уплачиваются или должны уплачиваться исключительно собственникомъ или владѣльцемъ земли, до тѣхъ поръ, пока онъ состоитъ ея собственникомъ или владѣльцемъ и соотвѣтственно продолжительности его владѣнія.

„2) Всѣ единовременные платежи (casuels), которые, подъ названіемъ quint, requint, treizième, lods et treizains, lods et ventes, mi-lods, rachats, venterolles, reliefs, relevoisons, plaids и подъ всякими другими названіями, должны уплачиваться вслѣдствіе перехода изъ рукъ въ руки собственности или права владѣнія землею.

„3) Платежи acarts, arrière-acart и другіе имъ подобныя возникшіе при переходѣ земли отъ одного помѣщика къ другому (dus à la mutation des ci-devant seigneurs)“.

Съ другой стороны, 9 марта Собраніе отмѣнило различные платежи за пользованіе дорогами, каналами и проч., взимавшіеся помѣщиками. Но затѣмъ оно тотчасъ же успѣшно прибавить

„Тѣмъ не менѣе, Національное Собраніе не имѣетъ въ виду включить въ число отмѣненныхъ предыдущимъ пунктомъ установленныхъ акцизныхъ сборовъ... и т. д..., а равно и тѣхъ сборовъ, упомянутыхъ въ предыдущей статьѣ, на которые право было *приобрѣтено въ качествѣ вознагражденія* (dédommagement)“.

Это значитъ вотъ что. Многіе помѣщики продали или заложили свои права; иногда же, при раздѣлѣ наслѣдства, старшій сынъ получилъ землю или замокъ, а остальные, особенно же дочери, получили, *въ видѣ вознагражденія*, право взимать сборы съ дорогъ, каналовъ и мостовъ. Такъ вотъ, въ подобныхъ случаяхъ всѣ эти платежи, *хотя и признавались несправедливыми, но остались нетронутыми*, потому что ихъ отмѣна была бы убыткомъ для очень многихъ дворянскихъ и буржуазныхъ семей.

Подобные случаи встрѣчаются въ новомъ феодальномъ законѣ на каждомъ шагѣ. За каждою отмѣною слѣдуетъ какая-нибудь лазейка, сводящая отмѣну на-нѣтъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ создавались поводы для безконечныхъ процессовъ.

Только въ одномъ вопросѣ чувствуется здѣсь дуновение Революціи: это—въ вопросѣ о десятинѣ духовенству. Такъ, мы находимъ заявленіе, что всѣ формы десятины, духовной

или „закрѣпленной“ (т.-е. проданной свѣтскимъ лицамъ), навсегда перестанутъ взиматься съ 1 января 1791 года. Впрочемъ и здѣсь Собраніе рѣшило, что въ 1790 году десятина должна еще уплачиваться—„полностью“, кому слѣдуетъ.

Мало того. Собраніе не забыло и карательныхъ мѣръ противъ тѣхъ, кто ослушается этихъ законовъ, и, приступивъ къ обсужденію III части феодальнаго закона, оно постановило:

„Никакой муниципалитетъ, никакая администрація округа или департамента не могутъ, подъ угрозой признанія ихъ рѣшенія недѣйствительнымъ, *привлеченія ихъ къ отвѣтственности и взысканія съ нихъ убытковъ*, препятствовать взысканію тѣхъ платежей въ пользу помѣщика, которые будутъ *потребованы имъ*, —подъ предлогомъ, что они считаютъ эти платежи, прямо или по смыслу закона, уничтоженными безъ выкупа“.

Со стороны уѣздныхъ и департаментскихъ властей, такого „потворства“ бояться было нечего. Онѣ всецѣло стояли за помѣщиковъ изъ дворянства и буржуазіи. Но революціонерамъ удалось завладѣть нѣкоторыми муниципалитетами, особенно въ восточной части Франціи, и эти муниципалитеты нерѣдко говорили крестьянамъ, что феодальные платежи отмѣнены, и если помѣщикъ будетъ ихъ требовать, крестьяне могутъ не платить.

Теперь, изъ боязни преслѣдованій и продажи ихъ собственного имущества, члены деревенскихъ муниципалитетовъ ничего подобнаго не могли дѣлать. Крестьянинъ долженъ былъ платить (а они должны были продавать его имущество), и ему оставалась одна надежда, что, быть-можетъ, если судъ признаетъ этотъ платежъ необязательнымъ, то выплаченная сумма впоследствии будетъ возвращена помѣщику—если онъ не эмигрировалъ къ нѣмцамъ, въ Кобленцъ.

Этимъ пунктомъ, какъ вполне вѣрно замѣчаетъ Саньякъ, вводилось ужасное условіе. Обязанность *доказывать*, что вносить тѣ или другіе феодальные платежи не слѣдуетъ,—что они связаны съ личной зависимостью крестьянина, а не съ землею—эта трудная обязанность возлагалась на крестьянина. Если онъ не представлялъ такого доказательства, если онъ не могъ его представить,—а такъ и было въ большинствѣ случаевъ,—онъ долженъ былъ платить.

Феодальное законодательство 1790 года.

Итакъ, пользуясь временнымъ затишьемъ крестьянскихъ возстаній въ началѣ зимы, Національное Собраніе провело въ мартѣ 1790 года законы, которыми создавалось, въ сущности, новое законное основаніе для феодальныхъ помѣщичьихъ правъ. Чтобы читатель не думалъ, что такое мнѣніе о мартовскихъ законахъ — не болѣе, какъ наше личное ихъ толкованіе, достаточно было бы привести текстъ самихъ законовъ, или то, что о нихъ говоритъ уже Даллозъ. Но вотъ что думаетъ о нихъ одинъ современный авторъ, Ф. Савьякъ, котораго никто не заподозритъ въ санкютизмъ — хотя бы потому, что онъ считаетъ безвозмездную отъѣзду феодальныхъ помѣщностей, произведенную въ послѣдствіи Конвентомъ, вреднымъ и несправедливымъ „грабежомъ“. Посмотримъ же, какую оцѣнку дастъ онъ мартовскимъ законамъ 1790 года.

„Старое право, — говоритъ онъ, — всею своею тяжестью давить, во всей дѣятельности Учредительнаго Собранія, на новое законодательство. Если крестьянинъ не желаетъ болѣе платить чиншъ, сносить въ помѣщичьи амбары часть своего урожая или бросать свое поле, чтобы работать на помѣщика, — онъ долженъ доказать, что требованіе помѣщика представляетъ собою насиліе (узурпацію феодальнаго происхожденія)“. Но если помѣщикъ пользовался каковымъ бы то ни было правомъ въ теченіе сорока лѣтъ, то каково бы ни было происхожденіе этого права при старомъ порядкѣ, законъ 15 марта узаконяетъ его. Самый фактъ владѣнія уже достаточно. Нужно нѣтъ, что арендаторъ земли оспариваетъ именно законность этого владѣнія, — онъ все-таки обязанъ платить. И если возставшіе крестьяне заставили своего помѣщика отказаться, въ августѣ 1790 года, отъ нѣкоторыхъ правъ, или если они сожгли его письмен-

ные документы, ему стоить только представить теперь доказательство своего владѣнія въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ, чтобы всѣ его права были восстановлены¹⁾.

Правда, что новые законы разрешали также крестьянину выкупъ аренды. Но „всѣ эти мѣропріятія“, говоритъ Сапьякъ, вполне „благопріятныя для плательщика *однихъ реальныхъ* повинностей²⁾“, обращались противъ него, потому что для него важно было платить только то, что полагалось по закону, а ему приходилось—за невозможностью доказать противное—уплачивать и даже возвращать то, что представляло узурпацію“ (стр. 120).

Иными словами, чтобы выкупить что бы то ни было, крестьянину приходилось выкупать *все*: и *земельныя* повинности, признанныя закономъ, и *личныя* повинности, крѣпостного происхожденія, отмѣненные въ законѣ.

Дальше мы читаемъ у того же автора, при всей умѣренности его оцѣнки, слѣдующій строгій приговоръ:

„Система Учредительнаго Собранія падаетъ сама собою. Это собраніе, состоявшее изъ помѣщиковъ и юристовъ и несколько не желавшее, несмотря на данное имъ обѣщаніе, совершенно разрушить помѣщичье доманіальное (крѣпостное) право, позаботилось сперва сохранить владѣльцамъ самыя существенныя права“ (т.-е., какъ мы видѣли, всѣ права, которыя имѣли дѣйствительную цѣнность), „а потомъ оно дошло въ своемъ великодушіи до того, что разрѣшило крестьянамъ выкупъ. Но затѣмъ сейчасъ же сдѣлало этотъ выкупъ невозможнымъ въ дѣйствительности... Земледѣлецъ умолялъ о реформахъ, требовалъ ихъ, или вѣрнѣе требовалъ признанія революціи, уже совершившейся по его мнѣнію и (такъ онъ думалъ, по крайней мѣрѣ) запечатлѣвшейся уже въ совершившихся фактахъ: законодатели же не давали ему ничего, кромѣ словъ. Тогда онъ почувствовалъ, что помѣщики еще разъ восторжествовали надъ нимъ“ (стр. 120). И, прибавимъ мы, продолжалъ бунтоваться.

„Никогда еще ни одинъ законъ не вызывалъ такого негодования. Обѣ стороны точно поклялись не исполнять его“ (стр. 121).

¹⁾ Ph. Sagnac, „La législation civile de la Révolution Française“. Парижъ, 1898, стр. 105—106.

²⁾ Droits réels, т.-е. въ видѣ аренды за землю.

Чувствуя за собою поддержку Собранія, помещики стали ожесточенно требовать платежа всѣхъ феодальныхъ повинностей, которыя крестьяне уже считали навѣки похороненными. Они требовали всѣхъ недоимокъ, а судебныя преслѣдованія тысячами возникали въ деревняхъ.

Съ другой стороны, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьяне, видя, что Собраніе ничего не даетъ, продолжали вести войну съ помещиками. Многіе замки были разгромлены и сожжены; въ другихъ мѣстахъ крестьяне жгли только документы и поджигали, или громили конторы финансовыхъ прокуроровъ, судебныхъ приставовъ и нотаріусовъ. Притомъ возстанія распространялись и на западную часть Франціи. Въ Бретани, въ теченіе февраля 1790 года, было сожжено тридцать семь помещичьихъ замковъ.

Когда декреты, изданные въ февралѣ и мартѣ 1790 года, стали извѣстны въ деревняхъ, крестьянская война противъ помещиковъ возгорѣлась съ новою силою и охватила такія мѣстности, которыя въ предыдущее лѣто еще не рѣшались на возстаніе. Въ засѣданіи 5 іюня въ Собраніи получились извѣстія о бунтѣ въ Бурбонъ-Ланси и въ провинціи Шаролэ: тамъ распространялись подложные декреты Собранія и выставлялось требованіе „аграрнаго закона“ (т.-е. уравнительнаго дѣлежа земли). Въ засѣданіи 2 іюня читались доклады о серьезныхъ возстаніяхъ въ Бурбоннѣ, Нивернѣ и Берри. Нѣсколько муниципалитетовъ провозгласили военное положеніе; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были убиты и ранены. „Разбойники“ появились въ области Кампинъ и осаждали городъ Десизъ. Въ Лимузенѣ были тоже большіе „эксцессы“: крестьяне требовали таксы на хлѣбъ. „Планъ завладѣть землями, уже сто-двадцать лѣтъ тому назадъ закрѣпленными за помещиками, составляетъ одинъ изъ пунктовъ ихъ устава“, говорится въ докладѣ. Рѣчь идетъ, очевидно, о возвращеніи общинныхъ земель, отнятыхъ у общинъ помещиками.

При этомъ повсюду распространяются подложные указы Національнаго Собранія. Въ мартѣ и апрѣлѣ 1790 года въ деревняхъ выпускаются такого рода декреты, приказывающіе платить за хлѣбъ не дороже одного су за фунтъ. Народная революція, такимъ образомъ, предвосхитила мысль Конвента и его законъ о „максимумѣ“.

Въ августъ народныя возстанія продолжаются. Въ городѣ Сентъ-Этіеннѣ, въ Форезѣ, народъ убиваетъ одного

изъ скупщиковъ и избираетъ новый муниципальный совѣтъ, который заставляетъ понизить цѣны на хлѣбъ; но буржуазія вооружается и арестуетъ двадцать-два бунтовщика. Ту же картину мы находимъ, впрочемъ, почти повсюду, не говоря уже о крупныхъ движеніяхъ, какъ въ Лионѣ и на югѣ.

Что же дѣлаетъ Собраніе? Удовлетворяетъ ли оно требованіямъ крестьянъ? Спѣшитъ ли оно отмѣнить безъ выкупа ненавистные крестьянину феодальные платежи, которые они вносятъ не иначе, какъ пзъ-подъ палки?

Конечно, нѣтъ! Собраніе издаетъ, напротивъ того, свирѣпыя законы противъ крестьянъ. 2 іюня 1790 года „Собраніе, съ глубокимъ прискорбіемъ узнавши о злоупотребленіяхъ, произведенныхъ шайками разбойниковъ и воровъ“ (читай: „крестьянъ“) въ департаментахъ Шеръ, Ньевры и Аллье и распространившихся на департаментъ Коррезъ, принимаетъ мѣры противъ „нарушителей порядка“ и возлагаетъ на общины круговую отвѣтственность за произведенныя насилія.

„Всѣ тѣ“, говорится въ первомъ пунктѣ этого закона, „кто будетъ возбуждать населеніе городовъ и деревень къ насильственнымъ дѣйствіямъ противъ имѣній, владѣній и перешедшихъ по наслѣдству огороженныхъ земель (clôtures d'héritages), противъ жизни и безопасности гражданъ, взиманія налоговъ, свободной продажи и передвиженія жилищныхъ принасовъ, объявляются врагами Конституціи, трудовъ Національнаго Собранія, Природы и Короля. Къ нимъ будетъ примѣненъ законъ военного времени“ („Moniteur“, отъ 6 іюня).

Черезъ нѣсколько дней, 18 іюня, Собраніе издаетъ новый декретъ, еще болѣе жестокий. Его стоитъ привести.

Въ первомъ пунктѣ говорится, что всѣ плательщики десятины, какъ свѣтской, такъ и „закрѣпленной“ (inféodée), должны „платить ее, только въ настоящемъ году, кому слѣдуетъ и сколько“. При чемъ крестьяне, конечно, спрашивали себя, не будетъ ли, пожалуй, изданъ еще какой-нибудь законъ, который велитъ платить еще годъ или два? а потому они больше ничего не платили.

На основаніи второй статьи, „всѣ обязанные платить часть своей жатвы (champart, terrier, agrier comptant) и другіе платежи, уплачиваемые натурой и не отмѣненные безъ

выкупа, обязаны въ этотъ и слѣдующіе годы платить ихъ обычнымъ порядкомъ... на основаніи декретовъ отъ 3 марта и 4 мая текущаго года⁴⁾.

Въ статьѣ 3-й говорится, что никто не имѣетъ права, ссылаясь на существованіе какого-нибудь спорнаго иска, отказываться отъ платежа десятины, *champart'a* и проч.

Особенно воспрещается „нарушать порядокъ при взиманіи повинностей“. Если составятся скопища, муниципалитеты должны, на основаніи указа 20 — 23 февраля, принимать самыя строгія мѣры.

Этотъ декретъ отъ 20 — 23 февраля поразителенъ. Онъ предписываетъ муниципалитетамъ⁴⁾ провозглашать военное положеніе, какъ только гдѣ-нибудь возникнетъ какое-нибудь сѣорище. Если этого не будетъ сдѣлано, то выборныя должностныя лица несутъ отвѣтственность за все убытки, которые потерпятъ собственники. И не только одни должностныя лица: „все граждане, могущіе содѣйствовать возстановленію общественнаго порядка, вся община несутъ отвѣтственность за двѣ трети убытковъ“. Каждый гражданинъ имѣетъ право требовать провозглашенія военнаго положенія; только этимъ онъ избавляетъ себя отъ отвѣтственности.

Этотъ декретъ былъ бы еще хуже, если бы власть имущіе не промахнулись и не сдѣлали одной тактической ошибки. Взявъ за образецъ англійскій законъ, они хотѣли провести статью, позволяющую призывать войска, или милицію, и провозглашать въ данной мѣстности „королевскую диктатуру“. Буржуазія, однако, испугалась этого и, послѣ долгихъ преній, муниципалитетамъ было предоставлено право провозглашать военное положеніе и оказывать другъ другу поддержку, не объявляя королевской диктатуры. Кроме того, сельскія общины должны были отвѣчать за убытки, которые понесутъ помещики, если общины во-время не употребятъ силы противъ крестьянъ, отказывающихся отъ платежа феодальныхъ повинностей.

Все это закономъ 18 іюня 1790 подтверждалось вновь. Все феодальныя права, имѣвшія дѣйствительную пѣнность, все то, что, посредствомъ разныхъ законническихъ ухищреній, могло быть представлено, какъ связанное съ владѣніемъ землею, должно было выплачиваться попрежнему. А

⁴⁾ Деревенскіе муниципалитеты соответствовали нашимъ волостнымъ правленіямъ, но имѣлись въ каждой деревнѣ.

если кто-нибудь отказывался, — ему грозили разстрѣломъ и висѣлицей. Протестовать, *даже на словахъ*, противъ феодальныхъ повинностей было уже преступленіемъ, за которое можно было поплатиться головою, въ случаѣ провозглашенія военного положенія¹⁾.

Вотъ въ чемъ состояло наслѣдіе Учредительнаго Собранія, о которомъ намъ рассказываютъ столько прекрасныхъ вещей. Мало того, все осталось въ такомъ же положеніи и при слѣдующемъ, Законодательномъ Собраніи, вплоть до 1792 года. Феодальными правами, если и занимались законодатели, то только для установленія нѣкоторыхъ условій выкупа. Для жалобъ на то, что крестьяне не хотятъ ничего выкупать (законъ 3—9 мая 1790 года) и для повторенія угрозъ по адресу неплательщиковъ.

Февральскіе декреты 1790 года, это — *все, что Учредительное Собрание содѣлало для уничтоженія возмутительнаго феодальнаго строя*. Только въ іюнь 1793 года, т.-е. уже послѣ движенія 31 мая противъ жирондистовъ (см. главу XLVI), удалось парижскому народу заставить „оздоровленный“ Конвентъ провозгласить дѣйствительную отмѣну феодальныхъ повинностей.

Итакъ, напомнимъ эти числа:

4 августа 1789 года — отмѣна, въ принципѣ, феодальнаго строя и десятины; уничтоженіе права мертвой руки по отношенію къ личности крестьянина; уничтоженіе права охоты и помѣщичьяго суда.

Отъ 5 до 11 августа — частичное возстановленіе этого строя посредствомъ постановленій, предписывающихъ *выкупъ* всѣхъ феодальныхъ повинностей имѣющихъ какую бы то ни было цѣнность.

Въ концѣ 1789 года, а также въ 1790 году — походы городскихъ муниципалитетовъ противъ возставшихъ крестьянъ и казни ихъ.

Въ февралѣ 1790 года — докладъ Феодальнаго Комитета; показывающій распространеніе крестьянскаго возстанія.

¹⁾ Во время этихъ преній Робеспьеръ высказалъ одну очень вѣрную мысль, которую могутъ вспомнить при случаѣ революціонеры всѣхъ странъ. Когда вокругъ него старались, какъ можно больше, преувеличить ужасы крестьянскаго возстанія, онъ воскликнулъ: „А я могу увѣрить, что никогда еще революція не стоила такъ мало крови и не представляла такъ мало жестокостей!“ И дѣйствительно, кровопролитіе началось только позже, благодаря контръ-революціи.

Въ февралѣ, мартѣ и іюнѣ 1790 года—свирѣпыя законы противъ крестьянъ, не платящихъ феодальныхъ повинностей или проповѣдующихъ уничтоженіе ихъ. Крестьянскія возстанія распространяются.

Въ іюнѣ 1791 года новое подтвержденіе тѣхъ же распоряженій. Реакція по всей линіи. Но крестьянскія возстанія продолжаются.

И, какъ мы увидимъ дальше, только въ іюнѣ 1792 года, наканунѣ нападенія народа на дворецъ короля, и въ августѣ 1792 года, послѣ паденія монархіи, Собраніе дѣлаетъ первые рѣшительные шаги противъ феодальныхъ правъ.

Наконецъ только въ іюнѣ 1793 года, послѣ изгнанія жирондистовъ изъ Конвента, провозглашается полная отмена феодальныхъ повинностей безъ выкупа.

Такова истинная картина Революціи¹⁾.

Другой вопросъ, тоже имѣвшій для крестьянъ громадное значеніе, былъ вопросъ объ общинныхъ земляхъ.

Повсюду, гдѣ только крестьяне чувствовали себя достаточно сильными (на востокѣ, на сѣверѣ и на юго-востокѣ Франціи), они пытались вернуть себѣ, захвативъ порядкомъ, общинныя земли, отнятыя у нихъ съ помощью государства (особенно со времени царствованія Людовика XIV, въ силу декрета 1669 года), или обманомъ, или подъ предлогомъ задолженности общинъ. Помѣщики, священники, монахи, деревенскіе и городскіе буржуа — все пользовалось этими землями.

Но многія земли все еще оставались въ общинномъ владѣніи, и окрестные буржуа съ жадностью заглядывались на нихъ. Законодательное Собраніе поспѣшило поэтому издать законъ (1 августа 1791 года), дозволявшій *продажу общинныхъ земель частнымъ лицамъ*. Это равносильно было разрѣшенію грабить эти земли. Дѣйствительно, мірекія сходы были тогда уничтожены, а деревенскіе общинные союзы (деревенскіе муниципалитеты), замѣтившіе собою сельскій

¹⁾ Законъ 24 февраля—15 марта и вообще все феодальное законодательство Национальнаго (Учредительнаго) Собранія вызвали много протестовъ со стороны крестьянъ. Это законодательство очень хорошо разобрано у проф. Н. Карьеза („Крестьяне и крестьянскіе союзы во Франціи въ послѣдней четверти XVIII вѣка“, стр. 423—454, и приложенія NN 25—36). См. также Doulet, „La Revolution“, стр. 164 и слѣд.

сходъ (въ силу муниципальнаго закона, проведеннаго Национальнымъ Собраніемъ въ декабрь 1789 года), состояли исключительно изъ нѣсколькихъ человѣкъ, избранныхъ изъ среды деревенской буржуазіи, *одними активными гражданами*, т.-е. крестьянами побогаче, безъ всякаго участія бѣдности, безлопатныхъ. Эти деревенскіе совѣты постигли, конечно, гдѣ могли, пустить общинныя земли въ продажу, при чемъ значительную часть ихъ приобрѣли по низкой цѣнѣ мѣстные деревенскіе кулаки.

Что же касается до всей массы бѣднаго крестьянства, то она всеми силами противилась этому уничтоженію общинной собственности на землю, какъ противится теперь въ Россіи.

Съ другой стороны, всѣ крестьяне вообще, какъ бѣдные, такъ и богатые, старались вернуть своимъ сельскимъ обществамъ общинныя земли, отнятыя у нихъ за послѣдніе 200 лѣтъ помѣщиками, монахами и буржуа: одни — въ надеждѣ поживиться частью этихъ земель, другіе же — въ надеждѣ сохранить ихъ для всей общины. Проявленія всего этого были, конечно, безконечно разнообразны, соотвѣтственно разнообразію мѣстныхъ условій въ разныхъ частяхъ Франціи.

И вотъ, этому-то стремленію крестьянъ, вернуть себѣ отнятыя у нихъ общинныя земли, и Учредительное Собраніе, и слѣдующее, т.-е. Законодательное Собраніе, и даже Конвентъ противились вплоть до іюня 1793 года. Чтобы добиться этого возврата, понадобилось арестовать и казнить короля (21 января 1793) и изгнать изъ Конвента жирондистовъ (31 мая—2 іюня 1793).

Великой Революціи, какъ и всякой другой революціи, требовалось время для ея развитія. Революціи въ одинъ день не дѣлаются.

XXVIII.

Приостановка Революціи въ 1790 году.

Мы видели, каково было экономическое положеніе крестьянства въ 1790 году. Оно было таково, что если бы восстанія не продолжались, несмотря на все усмиренія, то крестьяне, хотя и освобожденные отъ личной крѣпостной зависимости, остались бы, тѣмъ не менѣе, подъ экономическимъ вѣгомъ феодальнаго строя.

Но помимо этого, *политическое* дѣло освобожденія точно такъ же оставалось въ 1790 году совершенно незаконченнымъ. Даже самый исходъ начатаго политическаго освобожденія казался сомнительнымъ.

Оправившись отъ перваго страха, вызваннаго въ 1790 году нагискомъ народа, Дворъ, дворянство, богатые люди вообще и духовенство объединились теперь, чтобы организовать дѣло реакціи. И скоро они почувствовали себя настолько сильными и увѣренными въ поддержку, что стали изыскивать средства вполнѣ подавить Революцію и возстановить Дворъ и дворянство во всѣхъ ихъ прежнихъ правахъ.

Все историки упоминаютъ объ этой реакціи, но они не показываютъ всей ея глубины и ширины. Въ сущности же, можно сказать, что, начиная съ дѣла 1790 года до дѣла 1792, дѣло Революціи приостановилось. Приходилось даже задавать себѣ вопросъ: „кто побѣдитъ? Революція или контръ-революція?“ Коррелию вѣсовъ качалось между ними. И только въ виду такого безвыходнаго положенія революціонные „вожди общественнаго мѣтнія“ рѣшились, наконецъ, въ іюнѣ 1792 года еще разъ обратиться къ народу и призвать его къ восстанію.

Нужно сказать, однако, что если Учредительное, а затѣмъ Законодательное Собраніе прогнались отъ себя революціоннымъ путемъ феодальныхъ правъ и *сдѣлали* революціи

вообще, то, съ другой стороны, они сдѣлали очень много въ смыслъ уничтоженія стараго порядка. Они смѣло разрушали прочно организованную власть короля и Двора и основывали политическое господство средняго сословія. овладѣвшаго властью въ государствѣ. И когда законодатели въ этихъ двухъ Собраніяхъ стали выражать въ формѣ законовъ новую конституцію Третьяго Сословія, они оказались, нужно сознаться, людьми энергичными и понимавшими свое дѣло.

Они сумѣли въ корень подорвать власть дворянства и найти выраженіе правамъ-гражданина въ буржуазной конституціи. Они выработали такую организацію департаментовъ¹⁾ и общинъ, которая дѣйствительно могла представить изъ себя преграды правительственному сосредоточенію власти (централизациі); и они постарались, посредствомъ измѣненій въ законѣ о наслѣдствѣ, демократизировать собственность, увеличивая число собственниковъ.

Они навсегда уничтожили политическія различія между „сословіями“: духовенствомъ, дворянствомъ и „третьимъ“ сословіемъ, а для того времени это было дѣло громадное. Стоитъ только посмотрѣть, съ какимъ трудомъ дается это уравниеніе сословій въ Германіи или въ Россіи. Они уничтожили дворянскіе титулы и существовавшіе въ то время безчисленные привилегіи и сумѣли найти болѣе справедливыя основанія для распредѣленія налоговъ. Они сумѣли избѣгнуть образованія Верхней Палаты, которая стала бы оплотомъ реакціи. А закономъ объ организаціи департаментовъ, муниципалитетовъ и общинъ (18—30 декабря 1789 года), они необычайно облегчили дѣло Революціи, сильно ослабивши въ провинціи центральную власть и давши городамъ и общинамъ значительную долю мѣстной независимости и самоуправленія.

Наконецъ, они отобрали у Церкви ея богатства, и тѣмъ уничтожили ея силу и превратили членовъ духовенства въ простыхъ чиновниковъ на службѣ у государства. Войско было преобразовано; суды—тоже, при чемъ избраніе судей было предоставлено народу. И во всемъ этомъ законодателямъ буржуазіи удалось избѣгнуть слишкомъ большой

¹⁾ Департаментъ соотвѣтствовалъ русской губерніи. Раньше этого Франція дѣлилась на историческія провинціи: законъ 18—30 декабря 1789 года раздѣлилъ Францію на 86 департаментовъ.

централизаціи. Словомъ, въ отношеніи законодательства мы видимъ здѣсь дѣло умѣлыхъ и энергичныхъ людей, и вмѣстѣ съ тѣмъ мы находимъ извѣстную долю республиканскаго демократизма и мѣстной независимости, которую не умѣютъ достаточно оцѣнить передовыя партіи нашего времени, проникнутыя духомъ централизма, — т.-е. „единой власти“ и „сосредоточенія власти“ въ рукахъ министерствъ.

И все-таки, несмотря на всѣ эти законы, ничего еще не было сдѣлано. *Дѣйствительность не соответствуетъ теоріи*, потому что — и въ этомъ состоитъ всегда ошибка тѣхъ, кто самъ не достаточно близко знакомъ со способомъ дѣйствія правительственнаго механизма, — *между изданнымъ закономъ и его практическимъ проведеніемъ въ жизнь лежитъ еще цѣлая пропасть*.

Легко сказать: „Имущества духовенства перейдутъ въ руки государства“. Но, какъ *произойдетъ это въ действительности*? Кто, напримѣръ, явится въ аббатство Сенъ-Бернаръ въ Клервѣ и велитъ аббату и монахамъ удалиться? Кто выгонитъ ихъ, если они не уйдутъ добровольно? Кто помѣшаетъ имъ вернуться завтра же, при поддержкѣ всѣхъ богомолковъ сосѣднихъ деревень, и вновь начать отправлять службу въ аббатствѣ? Кто организуетъ раздѣлъ, или хотя бы только продажу ихъ земель? Кто, наконецъ, превратитъ прекрасное зданіе аббатства въ пріютъ для стариковъ, какъ это сдѣлало въ послѣдствіи революціонное правительство? — Мы видѣли (гл. XXIV), что если бы парижскія секціи не взяли продажу имуществъ духовенства въ свои руки, законъ объ этой продажѣ даже не началъ бы примѣняться на практикѣ.

Въ 1790, 1791 и 1792 годахъ старый порядокъ еще держался очень крѣпко и грозилъ, при первомъ удобномъ случаѣ, вновь возродиться — съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями, — точно такъ же, какъ во времена Тьера и Макъ-Магона, въ 1871—1878 году, послѣ паденія Наполеона III, каждую минуту грозила вновь возродиться наполеоновская Имперія. Духовенство, дворянство, старое чиновничество, а главное — старый духъ, старыя привычки, были тутъ, подъ рукой, готовые поднять голову и запереть въ тюрьму всякаго, кто посмѣлъ опоясаться трехивѣтнымъ шарфомъ. Они искали только удобнаго случая и умѣло готовили этотъ случай. Къ тому же новыя департаментскія директоріи (*directoires de département*, т.-е. губер-

скія управленія), созданныя Революціею, по состоявшія изъ представителей болѣе зажиточнаго класса, представляли собою готовыя рамки для возстановленія стараго строя. Это были оплоты контръ-революціи.

Учредительное и Законодательное Собраніе издали цѣлый рядъ законовъ, ясностью и слогомъ которыхъ восхищаются до сихъ поръ, и, тѣмъ не менѣе, огромное большинство этихъ законовъ оставалось мертвою буквою. Извѣстно, напримѣръ, что болѣе двухъ третей основныхъ законовъ, изданныхъ между 1789 и 1793 годами, никогда даже и не начали проводиться въ жизнь.

Дѣло въ томъ, что издать новый законъ еще мало: почти всегда бываетъ нужно создать еще механизмъ, приспособленный для исполненія этого новаго законодательства. И если оно хоть сколько-нибудь затрогиваетъ установившіяся привилегіи, то для приложенія его къ практикѣ, со всѣми его послѣдствіями, приходится пустить въ ходъ цѣлую революціонную организацію. Къ какимъ ничтожнымъ результатамъ привели, напримѣръ, всѣ законы о даровомъ и обязательномъ обученіи, изданные Конвентомъ! Они остались мертвою буквою.

Также теперь, при существующей бюрократической концентраціи и при нѣмой арміи новыхъ чиновниковъ, введенныхъ въ современное государство и сведенныхъ къ центру, къ Парижу, мы видимъ, что для проведенія въ жизнь всякаго новаго закона — какъ бы ничтожно ни было его значеніе — требуются цѣлые годы. Да и то, какъ часто въ практическомъ приложеніи законъ оказывается совершенно искаженнымъ! Во время же Великой Революціи этого бюрократическаго, чиновничьяго механизма еще не существовало: чтобы развиться до теперешнихъ размѣровъ, ему потребовалось болѣе пятидесяти лѣтъ.

Но при такихъ условіяхъ, — какъ могли бы проводиться въ жизнь законы, издаваемые Собраніемъ, если бы Революція *фактически* не осуществлялась въ каждомъ городѣ, въ каждомъ поселкѣ, въ каждой изъ тридцати-шести тысячъ общинъ Франціи!

Несмотря на это, вліятельные революціонеры изъ буржуазіи оказались настолько недалекими, что они приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы народъ, бѣдлаки — единственные, всею душою бросившіеся въ революцію — не имѣли особенно значительной доли участія въ государственныхъ,

городскихъ и общинныхъ дѣлахъ: они всѣми силами противились тому, чтобы Революція зарождалась и совершалась народомъ на мѣстахъ—въ городахъ и деревняхъ.

Для того, чтобы изъ декретовъ Собранія вышло что-нибудь жизненное, *нуженъ былъ безпорядокъ*. Нужно было, чтобы въ каждомъ маленькомъ мѣстечкѣ энергическіе люди—патріоты, ненавидящіе старый режимъ,—завладѣли муниципалитетомъ, хотя бы силой; чтобы они произвели въ мѣстечкѣ революцію: чтобы былъ нарушенъ весь обычный порядокъ жизни: чтобы прежнимъ властямъ перестали повиноваться. Кроме того, для того только, чтобы революція *политическая* могла совершиться, революція уже *должна была быть въ значительной мѣрѣ социальной*.

Нужно было, чтобы крестьяне сами захватили отнятую у нихъ общинную землю и вспахали захваченную землю, не ожидая приказа свыше: такой приказъ, разумѣется, никогда не явился бы. Нужно было, чтобы въ каждой деревнѣ началась новая жизнь. Но безъ безпорядка, безъ большого *социального* безпорядка, этого произойти не могло.

А законодатели именно этому-то безпорядку и хотѣли воспрепятствовать!..

Они не только лишили народъ участія въ управленіи, передавши, въ силу муниципального закона 18—30 декабря 1789 года, все управленіе въ руки *активныхъ гражданъ* и исключивъ, подъ именемъ *пассивныхъ гражданъ*, бѣдныхъ крестьянъ и почти всѣхъ городскихъ рабочихъ. Они не только передали, такимъ образомъ, всю власть въ провинціи въ руки сельской и городской буржуазіи, но еще усиливали власть этой буржуазіи, чтобы помѣшать бѣднотѣ продолжать свои бунты.

А между тѣмъ, только эти бунты и дали возможность востѣдствіи, въ 1792 и 1793 годахъ, нанести послѣдній ударъ старому порядку ¹⁾.

Итакъ, вотъ какую картину представляло собою положеніе дѣлъ.

¹⁾ Читатель съ интересомъ прочтетъ у Олара (*Политическая исторія Французской Революціи*. Москва, 1902, стр. 73—86) тѣ страницы, гдѣ онъ показываетъ, какъ Собраніе старалось помѣшать тому, чтобы власть попала въ руки народа. Замѣчаніе Олара относительно запрещенія, закономъ 14 октября 1790 года, жителямъ общинъ собираться для обсужденія своихъ дѣлъ, чаще чѣмъ разъ въ годъ для выборовъ, вполне справедливо.

Крестьяне, начавшие революцию, отлично понимали, что еще ничего не сделано. Отмена личной зависимости только пробудила их надежды. Теперь нужно было уничтожить тяжелую фактическую экономическую зависимость—навсегда и, конечно, без выкупа. Кроме того, крестьяне стремились вернуть себе свои общинные земли. Они, прежде всего, хотели сохранить за собою то, что было захвачено ими революционными путем в 1789 году, а для этого нужно было добиться законного утверждения совершившихся фактов. То, чего им не удалось вернуть себе из этих земель, они хотели получить теперь, не подпадая за это под кару закона о военном положении.

Но буржуазия всеми силами, сопротивлялась этим двум народным требованиям. Она воспользовалась крестьянским движением 1789 года для борьбы с феодализмом, для первых нападений на неограниченную власть короля, дворянства и духовенства. Но, как только начатки буржуазной конституции были проведены Собором и приняты королем (за которым, впрочем, были оставлены право и возможность нарушать эту конституцию), буржуазия остановилась, испугавшись слишком быстрого развития революционного духа в народ.

Буржуазия предвидела, что имения помещиков перейдут в ее руки, и она хотела получить эти имения во владение со всеми добавочными доходами, которые представляли собою старая крепостная повинность, превращенная теперь в денежные платежи. Впоследствии, думала буржуазия, видно будет, не выгодно ли с анетъ уничтожить все остатки этих повинностей,—и тогда это будет произведено законным образом, „методически“, „въ порядкѣ“. А если только допустить беспорядокъ, то кто знаетъ, гдѣ остановится народъ? Вѣдь уже и теперь онъ поговариваетъ о „равенствѣ“, объ „аграрномъ законѣ“, объ „уравненіи состояній“, о томъ, что „фермы не должны превышать пятидесяти десятинъ!“

Что касается городских ремесленниковъ и всего рабочего городского населенія, то здѣсь происходило то же самое, что и въ деревнѣ. Учрежденія цеховыхъ мастеровъ и присяжныхъ, изъ которыхъ монархія сдѣлала орудіе угнетенія труда, были отменены. Остатки феодальной зависимости, еще существовавшіе въ очень многихъ городахъ, были уничтожены народными возстаніями лѣта 1789 года. Вла-

дѣльческіе суды исчезли въ городахъ, и судьи избирались народомъ изъ среды имущей буржуазіи.

Но все это было, въ сущности, очень немного. Въ промышленности стояла безработица, хлѣбъ продавался по страшно высокимъ цѣнамъ. Рабочая масса готова была терпѣть и ждать, лишь бы только подвигалась работа для установленія Свободы, Равенства и Братства. Но такъ какъ этого не дѣлалось, она начинала терять терпѣніе. Рабочіе стали требовать, чтобы Парижская коммуна, городскія управленія Руана, Нанси, Ліона и т. д. сами взяли на себя закупку съѣстныхъ припасовъ и продавали хлѣбъ по той же цѣнѣ, по какой покупали его. Они требовали, чтобы на хлѣбъ, ссыпанный въ амбары у купцовъ и еще непроданный, была назначена такса, чтобы были изданы законы противъ роскоши, чтобы богатые были обложены обязательнымъ и прогрессивнымъ налогомъ! Вообще, народъ волновался. Но тогда буржуазія, которая съ 1789 года запаслась оружіемъ, въ то время какъ пассивные граждане оставались безоружными, выходила на улицу, развѣтывала красное знамя (въ знакъ того, что объявлено военное положеніе), давала народу приказъ разойтись—и разстрѣливала бунтовщиковъ въ упоръ. Такъ случилось въ Парижѣ въ июль 1791 года, такъ было почти повсюду во Франціи.

Революція останавливалась. Королевская власть начинала чувствовать, что возвращается къ жизни. Дворяне-эмигранты, въ Кобленцѣ и въ Митавѣ, потирали себѣ руки ¹⁾. Богатые поднимали голову и пускались въ отчаянныя спекуляціи.

Такимъ образомъ, начиная съ лѣта 1790 года, вплоть до іюня 1792, контръ-революція могла считать себя торжествующей.

Вполнѣ естественно, впрочемъ, что революція, настолько глубокая, какъ та, которая совершалась между 1789 и 1793 годами, должна была время отъ времени останавливаться и даже идти назадъ. Старый порядокъ располагалъ громадными силами, и эти силы, послѣ перваго пораженія, непременно должны были вновь сплотиться, чтобы преградить дорогу новому духу времени.

Вотъ почему въ реакціи, наступившей съ первыхъ мѣсяцевъ 1790 и даже съ декабря 1789 года, нѣтъ ничего

¹⁾ Германскія королевства и Россійская имперія, конечно, приняли ихъ съ распростертыми объятіями.

удивительнаго. Но если эта реакція оказалась настолько сильною, что могла продолжаться до іюня 1792 года; если, несмотря на всѣ преступленія Двора, она могла возрасти настолько, чтобы въ 1791 году дѣло революціи оказалось вновь подъ сомнѣніемъ—это зависѣло отъ того, что реакція была дѣломъ не одного только дворянства и духовенства, собравшихся вокругъ королевскаго знамени. Сама буржуазія—эта новая сила, создававшаяся благодаря той же Революціи—принесла свою умѣлость въ дѣлахъ, свою любовь къ „порядку“ и собственности и свою ненависть къ безпорядку народныхъ волненій. на поддержку тѣхъ, кто стремился остановить революцію. вмѣстѣ съ тѣмъ, очень многіе образованные люди.—интеллигенты, пользовавшіеся довѣріемъ народа, отвернулись отъ него, какъ только завидѣли первые проблески истинно *народнаго* возстанія, и поспѣшили стать вновь въ ряды защитниковъ порядка, чтобы обуздать народъ и положить предѣлъ его стремленіямъ къ равенству.

Усилившіеся такимъ образомъ и сплотившіеся противъ народа контръ-революціонные элементы повели дѣло такъ успешно, что если бы крестьяне не продолжали волноваться, а городское населеніе не поднялось снова, въ концѣ дѣла 1792 года, то Революція остановилась бы, не успѣвъ сдѣлать ничего прочнаго.

Вобщемъ, положеніе дѣлъ въ 1790 году было довольно мрачное.—„Безстыдно установилась настоящая аристократія богатыхъ“, писалъ Лустало, уже 28 ноября 1789 года, въ своей газетѣ „*Révolutions de Paris*“.—Кто знаетъ, не будетъ ли уже теперь преступленіемъ противъ націи сказать, что *нации* принадлежитъ верховное право?¹⁾ Между тѣмъ, съ того времени реакція еще болѣе окрѣпла, и росла съ каждымъ днемъ.

Въ своемъ обширномъ трудѣ по политической исторіи Великой Революціи, Оларъ показалъ, какое противодѣйствіе встрѣчала идея республиканской формы правленія среди буржуазіи и интеллигенціи того времени—даже тогда, когда измѣна Двора и монархистовъ дѣлала уже Республику неизбѣжною. И дѣйствительно, тогда какъ въ 1789 году

¹⁾ Оларъ, указанное сочиненіе, стр. 89. Читатель найдетъ у Олара подробный разборъ всего того, что Собраніе сдѣлало въ анти-демократическомъ духѣ.

революціонеры дѣйствовали такъ, какъ будто бы хотѣли совершенно обойтись безъ королевской власти. — немного позднѣе, среди самихъ же революціонеровъ стало обозначаться монархическое движеніе — все ярче и сильнѣе, по мѣрѣ того, какъ упрочивалась конституціонная власть (Собранія ¹). Можно даже сказать, что послѣ 5 и 6 октября 1789 года и послѣ бѣгства короля, въ іюнѣ 1791, буржуазія и ея духовные вожди все болѣе и болѣе проникались монархическими чувствами, всякій разъ, когда народъ выступалъ, какъ революціонная сила.

Это — фактъ очень важный. При этомъ не нужно забывать, что самымъ существеннымъ для буржуазіи и ея представителей было, какъ тогда выражались, *сохраненіе имуществъ*. Вопросъ о *сохраненіи приобрѣтенной собственности* проходитъ красною нитью черезъ всю Революцію, вплоть до паденія Жирондистовъ ²). Можно даже съ увѣренностью сказать, что если Республика такъ пугала буржуазію и даже самыхъ ярыхъ Якобинцевъ (Кордельеры, напротивъ, охотно принимали ее), то именно потому, что народъ связывалъ съ понятіемъ о республикѣ *понятіе о равенствѣ*; а это послѣднее выражалось въ идеалѣ *равенства состояній и аграрнаго закона*, составлявшихъ боевой кличъ „уравнителей“, коммунистовъ, экспроприаторовъ, — „анархистовъ“ того времени.

И буржуазія поспѣшила положить предѣлъ Революціи, именно для того, чтобы помѣшать народу нарушить „священный принципъ“ собственности. Еще въ октябрѣ 1789 года Собраніе приняло извѣстный законъ о военномъ положеніи,

¹) Интересное указаніе на такое настроеніе мы находимъ, между прочимъ, въ письмахъ M-me Jullien: „Итакъ я выздоровѣла. — пишетъ она, — отъ своей римской лихорадки, которая, впрочемъ, никогда не доводила меня до республиканства, потому что я боялась гражданской войны. Я остаюсь, вмѣстѣ со всевозможными животными, въ священномъ ковчегѣ Конституціи“... „Быть въ Парижѣ спартанкой или римлянкой, значитъ быть немножко Гуронкой“ (намекъ на дикаря Гурона въ романѣ Вольтера). Въ другомъ письмѣ она пишетъ своего сына: „Разскажи мнѣ, не превратились ли Якобинцы въ Фѣльянтоу“ (Фѣльянтскій клубъ былъ клубъ монархистовъ). См. „Journal d'une bourgeoise pendant la Revolution“, изд. Эдвардомъ Локруа (Lockroy), Парижъ, 1881, 2 изд., стр. 31, 32, 35)

²) Одинъ Маратъ осмѣлился поставить на своей газетѣ слѣдующій эпиграфъ: *Ut redeat miseris abeat fortuna superbis* (Богатство да оставитъ богатыхъ и перейдетъ къ бѣднымъ). Не даромъ его такъ ненавидѣли буржуазные революціонеры.

позволивший разстрѣливать возставшихъ крестьянъ, какъ только на улицу выступалъ мэръ, или другой городской чиновникъ, съ краснымъ флагомъ; а позднѣе, въ іюль 1791 года, оно воспользовалось этимъ закономъ, чтобы избивать парижскій народъ. Точно такъ же старалось оно помѣшать прибытію провинціаловъ — людей изъ народа — въ Парижъ, на Праздникъ Федерациі, 14 іюля 1790 года. Оно приняло, затѣмъ, рядъ мѣръ противъ мѣстныхъ революціонныхъ обществъ, составлявшихъ всю силу народной революціи. — рискуя убить этимъ то самое, что было зародышемъ его собственной власти.

Съ самаго начала Революціи, по всей Франціи возникли тысячи политическихъ союзовъ. Тутъ были не только первичныя собранія, или собранія выборщиковъ, о которыхъ мы говорили выше (гл. XXIV), и не только многочисленные клубы Якобинцевъ, связанные съ главнымъ ихъ обществомъ въ Парижѣ. Тутъ были, главнымъ образомъ, Секціи, Народныя общества (*Sociétés populaires*) и Братскія общества (*Sociétés fraternelles*), возникавшія самостоятельно и часто безъ всякихъ формальностей. Это были тысячи мѣстныхъ комитетовъ и мѣстныхъ властей, почти независимыхъ, становившихся на мѣсто королевской власти и помогавшихъ распространять въ народѣ мысль объ уравнивающей, социальной Революціи.

Вотъ эти-то тысячи мѣстныхъ центровъ буржуазія ревностно старалась раздавить, парализовать или, по крайней мѣрѣ, разстроить, и это настолько удалось ей, что въ городахъ и мѣстечкахъ значительно большей половины Франціи, монархическая, клерикальная и дворянская реакція стала брать верхъ.

Скоро начались судебныя преслѣдованія, и въ январѣ 1790 года Неккеръ добился приказа объ арестѣ Марата, рѣшительно ставшаго на сторону народа, бѣдноты. Изъ опасенія народнаго бунта, для ареста этого трибуна была вызвана пѣхота и кавалерія; его типографскій станокъ былъ сломанъ, а самому ему пришлось, въ самый разгаръ Революціи, бѣжать въ Англію. Вернувшись четыре мѣсяца спустя, онъ вынужденъ былъ все время скрываться, а въ сентябрѣ 1791 года онъ долженъ былъ еще разъ переѣхать на ту сторону Ла-Манша.

Однимъ словомъ, защитники собственности такъ усердно постарались сломить порывъ народнаго движенія, что оста-

ловили и самую Революцію. Но, по мѣрѣ того, какъ создавалась власть буржуазіи, возрождалась и власть *короля*.

„Истинная Революція, врагъ распущенности, упрочивается съ каждымъ днемъ“, писалъ монархистъ Малл-дю-Панъ (Mallet du Pan) въ іюнѣ 1790 года. И дѣйствительно, три мѣсяца спустя, контръ-революція уже почувствовала себя настолько сильною, что усеѣла трупами улицы города Панаи.

Въ началѣ революціонный духъ мало коснулся арміи, состоявшей въ то время изъ наемниковъ, — отчасти иностранцевъ: нѣмцевъ и швейцарцевъ. Но мало-по-малу онъ сталъ проникать и туда. Этому способствовалъ, между прочимъ, праздникъ Федерации, къ участію въ которомъ, въ качествѣ гражданъ, были приглашены делегаты отъ солдатъ. И вотъ, въ августѣ 1790 года, произошелъ рядъ волненій среди войскъ въ разныхъ мѣстахъ, особенно же въ гарнизонахъ восточныхъ городовъ. Солдаты требовали, чтобы офицеры отдали отчетъ въ суммахъ, проходившихъ черезъ ихъ руки, и возвратили солдатамъ то, что они задержали изъ солдатскихъ денегъ. Суммы такого рода достигали громадныхъ размѣровъ. Въ некоторыхъ гарнизонахъ онѣ доходили отъ 100.000 ливровъ, до 240.000 (въ одномъ полку провинціи Беансе) и даже до двухъ милліоновъ.

Броженіе все росло; но такъ какъ часть солдатъ, забытыхъ долгою службою, оставалась на сторонѣ офицеровъ, то контръ-революціонеры воспользовались этимъ, чтобы вызвать столкновенія и кровавыя стычки между самими солдатами. Въ Лиллѣ, напримѣръ, четыре полка вступили въ драку между собою — роялисты съ патриотами — и оставили на мѣстѣ пятьдесятъ убитыхъ и раненыхъ.

Очень вѣроятно, что, начиная съ конца 1789 года, когда заговорническая дѣятельность роялистовъ начала развиваться, особеннo среди офицеровъ въ ѳекѣ, стоявшихъ въ восточной Франціи и находившихся подъ командой Булье, въ планы заговора вошло — воспользоваться первымъ же солдатскимъ бунтомъ, чтобы потопить его въ крови при помощи роялистскихъ полковъ, оставшихся вѣрными своимъ начальникамъ.

Такой случай скоро представился въ городѣ Панаи.

Узнавъ о броженіи среди военныхъ, Национальное Собраніе провело 6 августа 1790 года законъ, уменьшавшій численность арміи и запрещавшій солдатамъ устраивать въ

полкахъ „Ассоціаціи для обсужденія дѣлъ“; но вмѣстѣ съ тѣмъ, тотъ же законъ предписывалъ офицерамъ, немедленно дать денежный отчетъ своимъ полкамъ.

Какъ только вѣсть объ этомъ законѣ получилась въ Нанси — 9 августа — солдаты, особенно швейцарскій полкъ Шатовье (Châteauvieux, состоявшій главнымъ образомъ изъ уроженцевъ вандскаго и женевакаго кантоновъ), потребовали отъ своихъ офицеровъ отчеты. Затѣмъ они захватили кассу полка, приставили къ ней своихъ часовыхъ и обратились къ начальству съ угрожающими заявленіями. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они послали восемь человѣкъ делегатовъ въ Парижъ, чтобы изложить дѣло передъ Національнымъ Собраніемъ. Потогзрительныя движенія австрійскихъ войскъ, происходившія на границѣ, усиливали броженіе.

Въ это время Собраніе, обманутое ложными свѣдѣніями изъ Нанси, а также подъ вліяніемъ командира національной гвардіи, Лафайета, которому буржуазія вполне довѣряла, издала — 16 августа — декретъ, въ которомъ солдаты города Нанси осуждались за нарушеніе дисциплины, а гарнизонамъ и національной гвардіи, стоявшимъ въ департаментѣ Мёртъ, предписывалось „успокоить возставшихъ“. Делегаты недовольныхъ солдатъ были арестованы, а Лафайетъ издалъ, съ своей стороны, циркуляръ, приглашавшій національную гвардію сосѣднихъ съ Нанси мѣстностей выступить противъ возставшаго гарнизона.

Между тѣмъ, въ самомъ Нанси дѣло, повидимому, улаживалось мирно. Большинство возставшихъ даже подписало „актъ раскаянія“. Но роялистамъ это было, очевидно, не съ руки ¹⁾.

28 августа Булье вышелъ изъ Меца во главѣ трехъ тысячъ вѣрныхъ солдатъ, съ твердымъ намѣреніемъ нанести возставшимъ въ Нанси желанный рѣшительный ударъ.

Двойственное поведеніе департаментской директоріи и муниципалитета города Нанси помогло ему осуществить свой планъ, и въ то время, когда все еще могло уладиться

¹⁾ См. „Grands détails par pièces authentiques de l'affaire de Nancy“, Парижъ, 1790; „Détail très exact des ravages commis... à Nancy“, Парижъ, 1790; „Relation exacte de ce qui s'est passé à Nancy le 31 Aout 1790“; „Le sens commun du bonhomme Richard sur l'affaire de Nancy“, Филадельфія (?), годъ второй французской свободы и другія брошюры изъ богатой коллекціи Британскаго Музея, тома 7, 326, 327, 328, 962.

мирно, Булье поставилъ гарнизону невозможныя условія и вступилъ съ нимъ въ бой. Солдаты Булье произвели въ Нанси страшную бойню: они убивали не только воювавшихъ, но и мирныхъ гражданъ, и грабили дома.

Три тысячи труповъ на улицахъ — таковъ былъ результатъ этой битвы, за которой посльдовали „законныя преслѣдованія“. Тридцать-два солдата были приговорены къ казни и колесованы; сорокъ-одинъ были отправлены въ каторжныя работы.

Король послѣшилъ одобрить „хорошее поведеніе г-на Булье“ въ особомъ письмѣ; Національное Собраніе послало благодарность убійцамъ, а парижскій муниципалитетъ устроилъ похоронное торжество въ честь убитыхъ въ сраженіи *побѣдителей*. Никто не осмѣлился протестовать. Робеспьеръ молчалъ, подобно другимъ. Такъ оканчивался 1790 годъ. Реакція, съ оружіемъ въ рукахъ, брала верхъ.

XXIX.

Бѣгство короля.—Реакція.—Конецъ Учредительнаго Собранія.

Большая Революція полна самыхъ трагическихъ событій. Взятіе Бастиліи, походъ женщинъ на Версаль, осада Тюильри и казнь короля прогремѣли по всему міру. Мы съ дѣтства помнимъ дни этихъ событій.

Но рядомъ съ этими великими днями, были другіе дни, не менѣе важные по своимъ послѣдствіямъ. Объ нихъ часто забываютъ, хотя они имѣли, по нашему мнѣнію, еще большее значеніе для выраженія духа Революціи въ извѣстный моментъ и для опредѣленія ея дальнѣйшаго пути. Такъ, для сверженія монархіи самымъ важнымъ днемъ Революціи, лучше всего выразившимъ первый ея періодъ и придавшимъ всему послѣдующему ходу событій извѣстный народный характеръ, было 21 іюня 1791 года—та памятная ночь, когда неизвѣстные люди изъ народа задержали въ Вареннѣ короля и его семью, какъ разъ въ то время, когда они уже готовы были перѣхать границу и броситься въ объятія иностранныхъ армій. Съ этого дня начинается быстрое паденіе монархіи. Народъ выступаетъ на сцену и отбрасываетъ на задній планъ политическихъ вожаковъ.

Самое это событіе хорошо извѣстно. Чтобы дать королю возможность убѣжать изъ Парижа за границу и стать тамъ во главѣ эмигрантовъ и нѣмецкихъ войскъ, былъ устроенъ цѣлый заговоръ. Планъ его составлялся при Дворѣ еще въ сентябрѣ 1789 года и, повидимому, Лафайетъ зналъ о немъ ¹⁾.

Что роялисты видѣли въ этомъ бѣгствѣ средство избавить короля отъ опасности и вмѣстѣ съ тѣмъ подавить

¹⁾ См. письмо графа д'Эстенъ (d'Estaing) къ королевѣ, черновое котораго было найдено впоследствии и напечатано въ „Histoire de la Révolution de France“, par Deux Amis de la Liberté. 1792, т. III, стр. 101—104. А также у Луи Блана, т. III, изд. 1852 г., стр. 175—176.

Революцію. — это вполне понятно. Но этому плану способствовали и революционеры из буржуазии. Они думали, что раз Бурбоны уйдут из Франции, можно будет посадить на престол Филиппа Орлеанскаго и получить от него буржуазную конституцію, не прибѣгая къ помощи — всегда опасной для них — народныхъ бунтовъ.

Народъ разстроилъ этотъ планъ.

„Неизвѣстный“ человекъ, почто-содержатель Друэ (Drouet), узнаётъ короля въ одной деревнѣ, на пути къ границѣ. Но королевская карета уже мчится дальше. Тогда Друэ и его пріятель Гильомъ, верлами, пускаются во весь духъ за ней. Они знаютъ, что по лѣсамъ вдоль дороги рыщутъ гусары, которые выѣхали встретить королевскій экипажъ изъ Нонъ-де-Соммъ-Валь, но, не дождавшись его и испугавшись враждебнаго отношенія народа, скрылись въ лѣсу. Друэ и Гильому удастся, однако, пробираясь по неизвѣстнымъ имъ тропинкамъ, избѣгнуть гусарскихъ патрулей; но карету короля они догоняютъ уже только въ городѣ Варенивъ, гдѣ она задержалась вследствие непредвидѣннаго обстоятельства, такъ какъ въ условленномъ мѣстѣ, въ Верхнемъ Городѣ, по эту сторону рѣки, не оказалось ни поставныхъ лошадей, ни конвоя гусаровъ. Тогда Друэ, пользуясь остановкою кареты, заѣзжаетъ оканчивающею улицу впередъ и едва успѣваетъ заѣхать къ одному пріятелю, кабатчику. „Хорошій ты патриотъ?“ — *Еще бы!* — „Такъ бѣжимъ, задержатъ короля!“

Прежде всего, они, не поднимая шума, заграждаютъ путь тяжелой королевской каретѣ, поставивъ поперекъ дороги, на мосту черезъ Ору (Aire), случайно оказавшуюся тамъ телегу съ мебелью. Затѣмъ, въ сопровожденіи четырехъ или пяти гражданъ, вооруженныхъ ружьями, они задерживаютъ бѣглецовъ въ тотъ самый моментъ, когда экипажъ, спускаясь изъ Верхняго Города къ мосту, ведущему черезъ Ору, выѣзжалъ подъ сводъ церкви Сентъ-Жансу, подъ которымъ проходила главная улица ¹⁾.

¹⁾ Изъ броньеры, имѣющейся въ коллекціи революціонныхъ броньеръ въ Британскомъ музеѣ (Rapport... sommaire et exact de l'arrestation du roi à Valenciennes près Clemon, par Bayon, Commandant du 7-e bataillon de la 2-e division — броньера въ 7 стр., безъ обозначенія мѣста и года изданія, но, несомнѣнно, того времени, занесенная въ каталогъ Музея подъ номеромъ F. 893 (13)), оказывается возможнымъ, что у Друэ были сначала только подозрѣнія насчетъ пу-

Друзья и его товарищи заставили тогда путешественников, несмотря на их протесты, выйти из экипажа, и в ожидании, пока чиновники муниципалитета соберутся для проверки паспорта, короля и его семью ввели в комнату, при бакалейной лавке некоего Соса. Тамъ короля уже окончательно призналъ одинъ жившій въ Варениѣ бывшій судья, и королю пришлось отказаться отъ своей роли лакея при „госпожѣ Корфъ“ (съ паспортомъ госпожи Корфъ, добытымъ черезъ русскаго посла, бѣжала королева Марія Антуанета).

Со свойственной ему изворотливостью, Людовикъ XVI началъ тогда же ссылаться, въ оправданіе своего бѣгства, на то, что его семья грозила въ Парижѣ опасность со стороны герцога Орлеанскаго.

Но народъ не поддавался обману. Онъ сразу понялъ планы и измѣну короля. Въ Варениѣ забили въ набатъ и звуки колоколовъ разнеслись среди ночи изъ Варенна по окрестнымъ деревнямъ. На ихъ призывъ стали сбѣгаться отовсюду крестьяне, вооруженные вилами и дубинами. Они и сторожили короля, въ ожидании разсвѣта. У дверей лавки часовыми стояли два крестьянина съ вилами.

Тысячами стекались крестьяне всю ночь и всѣ слѣдующіе дни на дорогу между Варенномъ и Парижемъ, мѣшая передвиженію гусаровъ и драгунъ Булье, на которыхъ король рассчитывалъ для своего бѣгства. Въ Сень-Менегу забили набатъ уже тотчасъ послѣ отъѣзда королевской кареты: то же самое было и въ Клермонѣ. Въ Сень-Менегу народъ даже обзоружилъ драгунъ, явившихся сопровождать короля, и теперь брателься съ ними. Въ Варениѣ шестьде-

тешественникъ... и что изъ подтвердилъ, въ Сень Менегу, при въѣздѣ, уже въ Варениѣ, посланнымъ Байона. Байонъ былъ однимъ изъ добровольцевъ посланныхъ изъ Парижа Лафайетомъ, утромъ 21 іюня, въ помощь къ королю. Доскакавши до Saint-Germain-des-Prés, не дойдя до Шалона (около 140 верстъ отъ Парижа) онъ, вѣроятно, былъ уже больше не въ силахъ стараться дальше и послалъ своего сына, сообщить оны (но откуда именно этотъ сынъ въ Шантри?) или, по другимъ источникамъ, Жана Ланьи, сына почто-содержателя въ Шантри, Ж.-Б. Ланьи, — съ письменнымъ приказомъ остановить карету короля. — Возможно также, что Людовика XVI уже узналъ въ Шантри Габриель Валло — молодой человѣкъ, недавно женившійся на одной изъ дочерей Ж.-Б. Ланьи и поблизившій въ Парижъ во время праздника Федерации. Этотъ Валло бѣжалъ форсированно королевскаго экипажа до Шалона и тамъ разсказалъ секретъ.

сять пѣменкихъ гусаровъ, прибывшихъ туда 21-го, чтобы охранять короля до его встрѣчи съ Булье, и стоявшихъ въ Нижнемъ городѣ, по ту стороны Эры, подъ командой подпоручика Рорига, почему-то не показывались. Ихъ офицеръ даже исчезъ, и о немъ никогда больше ничего не узнали. Что же касается солдатъ-гусаровъ, то они цѣлый день шли съ жителями, которые не ожидали ихъ, а, наоборотъ, старались братскимъ отношеніемъ привлечь на свою сторону, и теперь, ночью, они не проявили къ королю никакого участія. Нѣкоторые изъ нихъ шли съ народомъ и кричали: *Да здравствуетъ нація!* Тѣмъ временемъ все городское населеніе, поднятое на ноги изобиломъ, собѣгалось къ лавкѣ Соа.

Всѣ пути къ Варенну были немедленно забаррикадированы, чтобы помѣшать уланамъ Булье войти въ городъ. А съ разсвѣтомъ въ толпѣ начали раздаваться крики: *Въ Парижъ! Въ Парижъ!*

Крики еще болѣе усилились, когда около десяти часовъ утра прискакали два комиссара, посланные однимъ - Собраніемъ, а другимъ - Лавачетомъ, чтобы задержать короля и его семью. *Идите они къ королю! Пусть непременно дойдутъ! Мы сию минуту идемъ въ лагерь!* въ ярости кричали крестьяне, которые отлично понимали, что Людовикъ XVI старается только выиграть время до прибытія улановъ Булье. Тогда, уничтоживъ предварительно компрометирующія бумаги, которыя онъ увозилъ съ собою, король и его семья рѣшили, наконецъ, что имъ ничего не остается, какъ подчиниться толпѣ и отправиться въ путь.

Народъ возъ ихъ пѣвниками въ Парижъ. Королевская власть потѣбала и потѣбалась съ позоромъ.

14 июля 1789 года королевская власть потеряла Божественную, свою оплотъ, свою крѣпость; но за ней оставалась ея нравственная сила, ея обаяніе. Три мѣсяца спустя, 6 октября, король сдѣлался заложникомъ Революціи: обаяніе пострадало, но монархическій принципъ продолжалъ еще жить. Король, вокругъ котораго группировались имущіе классы, еще обладалъ громадною силою. Даже Якобинцы не рѣшались нападать на него.

Но въ эту ночь, которую король, перенесенный лакеемъ, провелъ подъ стражей крестьянъ въ лавкѣ деревенскаго лавочника, въ обществѣ патріотовъ, при свѣтѣ сальной свѣчки, вставленной въ фонарь - въ эту ночь когда бра-

гомъ били въ набатъ, чтобы помѣшать королю передаться иностранцамъ и измѣнить своему народу, когда крестьяне обѣжались, чтобы вернуть его плѣнникомъ въ руки парижскаго народа,—въ эту ночь королевская власть рушилась на вѣки. Король, бывшій когда-то символомъ національнаго единства, терялъ теперь всякое значеніе, становясь символомъ международнаго объединенія тирановъ—противъ народовъ. Это паденіе отразилось даже на всѣхъ тронахъ Европы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, народъ выступалъ на сцену, чтобы толкать впередъ политическихъ вожаковъ. Другъ, дѣйствующій по собственной инициативѣ и разрушающій всѣ планы политическихъ мудрецовъ—этотъ крестьянинъ, по собственному вдохновенію пускающій вскачь свою лошадь по горамъ и доламъ въ погоню за королемъ, это—символъ самого народа, который съ этой минуты во всѣ критическіе моменты Революціи будетъ брать дѣло освобожденія въ свои руки и руководить политиками.

Вторженіе народа въ Тюильри 20 іюня 1792 года, нападеніе парижскихъ предмѣстій на Тюильри 10 августа 1792 года, низверженіе короля и все послѣдующее—все эти великія событія теперь будутъ вытекать одно изъ другаго, съ историческою неизбежностью.

Планъ короля, когда онъ рѣшился бѣжать, состоялъ въ томъ, чтобы стать во главѣ войска, находившагося подъ начальствомъ Булье и, при поддержкѣ нѣмецкой арміи, идти на Парижъ. Что думали дѣлать роялисты, когда столица будетъ завоевана ими, это теперь извѣстно въ точности. Всѣ „патріоты“ были бы арестованы: списки для этого были уже заготовлены. Одни изъ патріотовъ были бы казнены, другіе—сосланы или посажены въ тюрьму. Затѣмъ были бы отмѣнены всѣ декреты, изданные Собраніемъ для установленія Конституціи, или противъ духовенства; возстанъ вленъ былъ бы старый порядокъ, съ его сословіями и классами, и вновь введены были бы, при помощи вооруженной силы и кавалеріи, десятины для духовенства, феодальныя повинности для помѣщиковъ, право охоты и вообще всѣ феодальныя права стараго времени.

Таковъ былъ планъ роялистовъ, и они даже не скрывали его. — „Погодите, господа патріоты“, говорили они повсюду, „скоро вы заплатите за всѣ ваши преступленія!“

Народъ, какъ мы видѣли, разрушилъ этотъ планъ. Король, задержанный въ Вареннѣ, былъ привезенъ въ Парижъ

и отъ авъ подъ надзоръ патріотовъ изъ парижскихъ предмѣстій.

Казалось бы, что теперь Революція должна была двинуться вновь исполненными шагами по пути своего неизбежнаго развитія. Разъ измѣна короля доказана, что же оставалось, какъ не объявить его низложеннымъ, уничтожить старыя феодальныя учрежденія и ввести демократическую республику?

Но ничего этого не произошло. Напротивъ того, черезъ мѣсяць послѣ Варенискаго бѣгства восторжествовала реакція, и буржуазія поспѣшила вновь выдать королевской власти отпускную ея преступленій и свидѣтельство о неприкосновенности.

Народъ сразу понялъ истинное положеніе дѣлъ. Онъ понялъ, что оставить короля на престолѣ, какъ ни въ чемъ не бывало—совершенно невозможно. Водворенный снова во дворецъ, онъ опять примется за заговоры и еще болѣе усердно поведетъ тайные переговоры съ Австрією и Пруссією. Разъ ему невозможно выѣхать изъ Франціи, онъ усерднѣе прежняго будетъ стараться ускорить иностранное вѣщество. Это было совершенно ясно; тѣмъ болѣе, что король ничему не научился изъ опыта, пережитаго имъ. Онъ продолжалъ отказывать въ своей подписи декретамъ, направленнымъ противъ духовенства и помѣщичьихъ правъ. Низложить его теперь же становилось, слѣдовательно, необходимою.

Народъ, въ Парижѣ, и въ значительной мѣрѣ въ провинціяхъ, такъ и понялъ дѣло. Въ Парижѣ, на другой же день послѣ 21 іюня, принялись уничтожать бюсты Людовика XVI и стирать королевскія надписи. Толпа наводнила Тюильри; на открытомъ воздухѣ прямо говорили противъ королевской власти, требовали низложенія короля. Когда герцогъ Орлеанскій вздумалъ проѣхать по Парижу съ улыбкой на устахъ, въ надеждѣ выловить себѣ корону, отъ чего холодно отвернулись: народъ больше не хотѣлъ ни какого короля. Кордельеры открыто требовали въ своемъ клубѣ республики и подписали адресъ, въ которомъ единогласно объявляли себя врагами королей, „тиранобійцами“. Городское управленіе Парижа сдѣлало заявленіе въ томъ же смыслѣ. Парижскія секціи объявили себя въ непрерывномъ засѣданіи; люди въ шерстяныхъ колпакахъ и съ ни-

ками вновь появились на улицах; чувствовался канунъ новаго 14 іюля. И народъ, дѣйствительно, готовъ былъ вступитъ въ дѣйствіе, чтобы окончательно свергнуть королевскую власть.

Подъ вліяніемъ толпы, даннаго народнымъ движеніемъ, Національное Собраніе тоже дѣйствовало рѣшительнѣе. Оно стало поступать такъ, какъ будто короля больше не было. Развѣ бѣгство короля не было уже актомъ отреченія? Собраніе взяло въ свои руки исполнительную власть; оно отдавало приказанія министрамъ, вело дипломатическія сношенія. Въ теченіе приблизительно двухъ недѣль Франція жила безъ короля.

Но вдругъ буржуазія мѣняетъ фронтъ, отрекается отъ того, что она дѣлала до сихъ поръ, и становится въ открытую вражду къ республиканскому движенію. Въ томъ же направленіи внозано мѣняется и поведеніе Собранія. Въ то время, какъ всѣ „народныя“ и „братскія“ Общества, развившіяся по всей Франціи со времени Революціи, требуютъ низложенія короля, клубъ Якобинцевъ, состоящій изъ буржуазныхъ государственниковъ, отвергаетъ въ принципѣ республику и высказывается за сохраненіе конституціонной монархіи. „Слово *республика* пугаетъ гордыхъ Якобинцевъ“, говоритъ Реаль на трибунѣ въ ихъ клубѣ. Самые крайніе изъ нихъ, въ томъ числѣ Робеспьеръ, боятся зайти слишкомъ далеко: они не рѣшаются высказаться за низверженіе короля, и когда ихъ называютъ республиканцами, говорятъ, что на нихъ клеветаютъ.

Учредительное Собраніе, такъ рѣшительно настроенное 22 іюня, вдругъ беретъ все обратно и 15 іюля поспѣшно выпускаетъ декретъ, въ которомъ старается оправдать короля, и выступаетъ противъ его низложенія—противъ республики. Требованъ республики становится теперь преступнымъ.

Что же такое произошло за эти двадцать дней? Что заставило революціонныхъ вожаковъ такъ внезапно переменить фронтъ? Что убѣдило ихъ въ необходимости удержать Людовика XVI на престолѣ? Не выразилъ ли онъ раскаянія? Не далъ ли онъ какихъ-нибудь гарантій въ томъ, что подчинится конституціи?—Ничего подобнаго не было!

Все дѣло въ томъ, что вожаки революціи вновь увидѣли призракъ, ужаснувшій ихъ 14 іюля и 6 октября 1789 года: призракъ народнаго возстанія. Теперь, какъ въ

1789 году, люди съ никами опять, было, вышли на улицу, и провинции, повидимому, были близки къ возстанію. Уже одинъ видъ тысячъ крестьянъ, сбѣжавшихся при звонѣ набата на дорогу провожать короля въ Парижъ, началъ устрашать на имущіе классы. А теперь парижскій народъ поднимался, вооружался и настаивалъ на продолженіи революціи. Онъ требовалъ республики, отмены феодальныхъ правъ, равенства на дѣлѣ. „Аграрный законъ“, такса на хлебъ, налоги на богатыхъ были близки къ осуществленію!

„Нѣтъ! лучше король-измѣнникъ, лучше иностранное чужествіе, чѣмъ успѣхъ народной Революціи!“ рѣшили богатые.

Вотъ почему Собраніе поспѣшило положить конецъ республиканской агитации, поторопилось издать, 15 іюня, декретъ, выгораживающій короля, возвращающій ему тронъ и объявляющій преступникомъ всякаго, кто будетъ стремиться къ тому, чтобы Революція продолжала свое шествіе.

Послѣ чего Якобинцы—эти, якобы вожаки Революціи, поколебавшись одинъ день, отдѣлились отъ республиканцевъ, которые предлагали устроить 17 іюля на Марсовомъ Полѣ грозную народную демонстрацію противъ монархіи. Тогда, увѣренная въ своей силѣ, контръ-революція собрала буржуазную національную гвардію, подъ начальствомъ Лафайета, направила ее противъ безоружнаго народа, собравшагося на Марсовомъ Полѣ вокругъ „алтаря отечества“, гдѣ подписывалась республиканская петиція, заставила выкинуть красное знамя, т.-е. объявить военное положеніе, и устроила избіеніе народа, республиканцевъ.

Съ этого момента начался періодъ открытой реакціи, проявившейся все рѣзче и рѣзче, вплоть до весны 1792 года.

Республиканцы, подписавшіе на Марсовомъ Полѣ петицію о низложеніи короля, конечно, подверглись преслѣдованіямъ. Дантону пришлось на время уѣхать въ Англію (въ августъ 1791 года). Робертъ (искренній республиканецъ, редакторъ „Révolutions de Paris“), Фреронъ, а въ особенности Марать принуждены были скрываться.

Воспользовавшись моментомъ паники, буржуазія поспѣшила еще больше ограничить избирательныя права народа. Собраніе постановило, что для полученія права быть выборщикомъ, нужно было, кромѣ платежа прямыхъ налоговъ въ размѣрѣ десяти рабочихъ дней, еще владѣть, въ собственности или въ пользованіи, подвижнымъ имуществомъ,

общиннымъ въ 150—200 рабочихъ дней, или же держать въ арендѣ участки земли, стоимостью въ 400 рабочихъ дней. Крестьяне, такимъ образомъ, оказались совершенно лишенными политическихъ правъ.

Послѣ 17 іюля стало опаснымъ называться или даже считаться республиканцемъ, и скоро стали называть «развращенными людьми», которымъ нечего терять и которые могутъ только выиграть отъ безпорядка и анархіи», всѣхъ тѣхъ, кто требовалъ низложенія короля и провозглашенія республики.

Мало-по-малу буржуазія становилась все смѣлѣе и смѣлѣе: и когда, 14 сентября 1791 года, король явился въ Собраніе, чтобы торжественно принять Конституцію и присягнуть ей (въ тотъ же самый день онъ измѣнилъ ей), его встрѣтили явно-роялистскою демонстраціею, а парижская буржуазія устроила ему и королевѣ восторженную встрѣчу.

Двѣ недѣли спустя, Учредительное Собраніе закончило свое существованіе, и это послужило конституціоналистамъ новымъ поводомъ для выраженія своихъ монархическихъ чувствъ по отношенію къ Людовику XVI. Управление страной переходило теперь въ руки Законодательнаго Собранія (Assemblée Législative), избраннаго на основаніи ограниченнаго избирательнаго права и, несомнѣнно, болѣе консервативнаго, чѣмъ Учредительное Собраніе.

А реакція все усиливалась! Къ концу 1791 года лучшіе революціонеры стали совершенно огчаиваться въ Революцію. Маратъ считалъ ее погибшею. «Революція не удалась», писалъ онъ въ своей газетѣ, «Другъ Народа». Онъ настаивалъ, чтобы революціонеры обратились къ народу, но никто его не слушалъ. Стѣны Бастилии разрушила вѣдь кучка бѣдняковъ,— писалъ онъ въ своей газетѣ 21 іюля.—Пусть обратятся къ нимъ и они снова проявятъ себя такъ же, какъ и въ первые дни; они готовы, теперь, какъ и тогда, бороться съ тиранами. *Но тогда они могли бѣгствовавъ свободу, а теперь — они связаны.* Связаны возжаками. «Патріоты не смѣютъ болѣе показаться на улицу»,— писалъ тотъ же Маратъ 1-го октября 1791 года,—а враги свободы наполняютъ трибуны Сената ст.-е. Законодательнаго Собранія и находятся повсюду.

Вотъ во что обращалась Революція, по мѣрѣ того, какъ реакція одерживала верхъ.

Тѣ же слова отчаянія повторялъ Камилль Дамуленъ въ Якобинскомъ клубѣ 24 октября 1791 года. „Реакціонеры, — говорилъ онъ, — обратили въ свою пользу июльскія и августовскія движенія 1789 года. Придворные фавориты, чтобы обмануть народъ, говорятъ теперь о народномъ верховенствѣ, о правахъ человека, о равенствѣ всѣхъ гражданъ, и наряжаются въ мундиры національной гвардіи, чтобы получить, или даже купить, мѣста офицеровъ этой гвардіи. Вокругъ нихъ собралось тѣ, кто поддерживаетъ тронъ. Демоны аристократіи проявили адекватную ловкость“.

Прюдомъ открыто говорилъ, что *нации измѣняютъ ея представители, а войску — ея начальники*.

Но Прюдомъ и Дамуленъ все-таки могли еще показываться; такому же народному революціонеру, какъ Марать, приходилось скрываться по подваламъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, иногда не зная даже, гдѣ найти пріютъ для ночлега. Вѣрно было сказано о немъ, что онъ зацѣпалъ народное дѣло, держа голову на плахѣ. Дантонъ едва избежалъ ареста, уѣхавъ на время въ Лондонъ.

Сама королева, въ перепискѣ со своимъ другомъ Ферзеномъ, черезъ котораго она готовила иностранное нашествіе и вступленіе нѣмецкихъ войскъ въ столицу, сама королева отмѣчала „замѣтную переѣмку въ Парижѣ“. Народъ не читаетъ больше газетъ. „Ихъ занимаетъ только дороговизна хлѣба и декреты“, писала она своему другу 31 октября 1791 года.

Дороговизна хлѣба — и декреты! Хлѣбъ, необходимый для того, чтобы жить и продолжать Революцію: его не хватало уже съ октября! И декреты, направленные противъ свѣшечниковъ и эмигрантовъ, которые король отгазывался утверждать! Стало-быть, духъ революціи еще былъ живъ въ народѣ.

Но измѣна была повсюду, и теперь уже извѣстно, что въ это самое время, т.-е. въ концѣ 1791 года, Дюмурье — жирондистскій генералъ, командовавший войсками на востокъ Франціи — уже былъ въ заговорѣ съ королемъ. Онъ послалъ ему тайную записку о средствахъ остановить революцію! Эта записка была найдена послѣ взятія Тюильри, въ желѣзномъ шкафу Людовика XVI.

Законодательное Собрание.—Реакція 1791-1792 годовъ.

Новое Национальное Собрание, избранное одними „активными“ гражданами и принявшее название Национального Законодательнаго Собрания (*Assemblée Nationale Législative*), открылось 1 октября 1791 года, и съ самаго же начала король, ободренный дружественными демонстраціями толпившихся вокругъ него дворянства и буржуазіи, принялъ по отношенію къ новому Собранію высокомерный тонъ. Такъ же, какъ и въ ихъ засѣданіяхъ Генеральныхъ Штатовъ, начались со стороны Двора мелкіе уколы, встрѣчавшіе лишь слабое сопротивленіе со стороны народныхъ представителей. И, несмотря на это, когда король явился въ Собраніе, оно встрѣтило его униженными знаками почтенія и проявило самый восторженный энтузіазмъ. Людовикъ XVI говорилъ о постоянной гармоніи и ненарушимомъ доверіи между Законодательнымъ Собраніемъ и королемъ.— „Пусть любовь къ отечеству объединитъ насъ, а общая польза сдѣластъ неразлучными“, говорилъ король — и въ это же самое время подготавливалъ иностранное нашествіе, долженствовавшее укротить конституціоналистовъ и возстановить отдѣльное представительство трехъ сословій и всѣ привилегіи дворянства и духовенства.

Вообще, начиная съ октября 1791 года — въ сущности даже съ бѣгства короля и его ареста въ Вареннѣ 21 іюня — страхъ иностраннаго нашествія охватилъ умы и сталъ главнымъ предметомъ общихъ заботъ. Въ Законодательномъ Собраніи была крайняя сторона — Фельянты, или конституціонные монархисты, и лѣвая — партія Жиронды, составлявшая промежуточное звено между полу-конституціонною и полуреспубликанскою буржуазіею¹⁾. Но ни тѣ, ни другіе не

¹⁾ Она такъ называлась по имени провинціи Жиронды, изъ которой происходили славные члены этой партіи.

занимались великими задачами, завѣшанными имъ Учредительнымъ Собраніемъ. Ни установленіе Республики, ни уничтоженіе феодальныхъ правъ не интересовало Законодательное Собраніе. Даже Якобинцы, даже Кордельеры горячо сговорились не понимать больше вопроса о Республикѣ. Страсти революціонеровъ и контръ-революціонеровъ разгорались и сталкивались только на самыхъ второстепенныхъ вопросахъ, въ родѣ того, кому быть мэромъ Парижа.

Главную работу теперь составляли вопросъ о духовенствѣ и вопросъ объ эмигрантахъ. Они заслонили собою все остальное, отчасти вследствие попытокъ контръ-революціонныхъ возстаній, организованныхъ духовенствомъ и эмигрантами, а также и потому, что эти вопросы были тѣсно связаны съ войной, близость которой чувствовалась всеми.

Самый младшій изъ братьевъ короля, графъ д'Артуа, эмигрировалъ, какъ мы видѣли, еще 15 іюля 1789 года. Другой братъ его, графъ Прованскій, бѣжалъ одновременно съ Людовикомъ XVI и добрался до Брюсселя. И тотъ и другой протестовали противъ принятія королемъ Конституціи. Они не могутъ, говорили они, уступить правъ старой монархіи, а потому его актъ не дѣйствителенъ. Ихъ протестъ былъ широко распространенъ роялистскими агентами по всей Франціи и произвелъ большое впечатлѣніе.

Дворяне массами покидали свои полки, или замки, и эмигрировали, а остававшимся дома роялистамъ эмигранты грозили „разжалованіемъ въ буржуа“, когда вернутся побѣдителями дворяне. Эмигранты, собравшіеся въ Кобленцѣ, въ Вормсѣ и въ Брюсселѣ, открыто подготовляли контръ-революцію, которая должна была быть поддержана вторженіемъ иностранныхъ войскъ. Такимъ образомъ становилось все болѣе и болѣе очевиднымъ, что король ведетъ двойную игру: ясно было, что все, что дѣлается среди эмигрантовъ, дѣлается съ его согласія.

30 октября 1791 года Законодательное Собраніе рѣшилось, наконецъ, принять мѣры противъ второго брата короля, Людовика Станислава-Ксавье, герцога Прованскаго, которому Людовикъ XVI вручить въ моментъ своего бѣгства декретъ, назначающій его регентомъ, въ случаѣ если самъ онъ будетъ арестованъ. Теперь Собраніе требовало отъ герцога Прованскаго, чтобы онъ вернулся во Францію не позже двухъ мѣсяцевъ, подъ угрозой потери своихъ правъ на регентство. Черезъ нѣсколько дней (9 ноября)

Собрание послало также всемъ эмигрантамъ приказъ вернуться раньше конца года; иначе съ ними поступятъ, какъ съ заговорщиками: сами они будутъ осуждены заочно, а ихъ имущества конфискованы въ пользу націи, — „не нарушая, впрочемъ, правъ ихъ жепъ, дѣтей и законныхъ кредиторовъ“.

Король утвердилъ декретъ относительно своего брата, но наложилъ свое *вето* на второй декретъ, касавшійся эмигрантовъ: онъ отказался его утвердить, равно какъ и другой декретъ, которымъ предписывалось священникамъ принести присягу Конституціи, при чемъ въ противномъ случаѣ грозили арестовать ихъ, какъ подозрительныхъ лицъ, если въ тѣхъ общинахъ, гдѣ они исправляютъ свою должность, произойдутъ какіе-нибудь религіозные безпорядки. На этотъ декретъ король также наложилъ свое *вето*.

Самымъ важнымъ актомъ Законодательнаго Собранія было объявленіе войны Австріи. Австрія открыто готовилась къ войнѣ, чтобы вернуть Людовику XVI все права, какими онъ пользовался до 1789 года. Король и Марія Антуанета побуждали къ войнѣ австрійскаго императора, а послѣ неудачной попытки къ бѣгству стали торопить его все настойчивѣе. Очень возможно, впрочемъ, что приготовленія Австріи затянулись бы еще надолго. — можетъ быть, до весны, — если бы войну не постарались, съ другой стороны, вызвать Жирондисты.

Несогласія въ министерствѣ, гдѣ одинъ членъ, Бертранъ-де-Мольвиль, былъ рѣшительнымъ противникомъ конституціоннаго строя, а другой, Нарбоннъ, хотѣлъ сдѣлать изъ Конституціи опору трона, скоро привели къ паденію этихъ министровъ. Тогда, въ мартѣ 1792 года, Людовикъ XVI призывалъ ко власти Жирондистское министерство, въ которомъ Дюмурье былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, Роланъ (т.-е. въ сущности, госпожа Роланъ) — министромъ внутреннихъ дѣлъ, Де-Гравъ, котораго вскорѣ смѣнилъ Серванъ — министромъ военнымъ, Клавьеръ — министромъ финансовъ, Дюрантонъ — юстиціи и Лакостъ — морскимъ.

Нечего и говорить, что (какъ на это сейчасъ же указалъ Робеспьеръ) переходъ власти къ Жирондистамъ не только не содѣйствовалъ революціи, но, наоборотъ, былъ полезенъ для реакціи. Теперь, когда король согласился, какъ выражались при Дворѣ, на „министерство изъ санъ-

кюлоговъ“. умѣренность стала всеобщимъ кличемъ. Единственное, къ чему это министерство толкало съ ожесточеніемъ, вопреки предостереженіямъ Марата и Робеспьера, это—къ войнѣ. И вотъ, 20 апрѣля 1792 года, Жирондисты восторжествовали. Австріи, или, какъ говорили тогда, „королю Богеміи и Венгріи“, была объявлена война.

Была ли эта война необходимостью? Жоресъ („Histoire Socialiste, La Législative“, стр. 815 и слѣд.) поставилъ этотъ вопросъ и привелъ для его разрѣшенія много матеріаловъ того времени. Заключение, къ которому приводятъ эти матеріалы и къ которому пришелъ Жоресъ, то же самое, къ какому приходили Марать и Робеспьеръ. Война не была необходимостью. Иностранные государи, конечно, боялись распространенія республиканскихъ идей во Франціи; но отъ этого до рѣшимости летѣть на помощь Людовику XVI было еще очень далеко. Начать такого рода войну они не рѣшались. Войны желали въ особенности Жирондисты, и они толкали къ ней, потому что видѣли въ ней средство борьбы съ королевскою властью.

Марать сказалъ по этому поводу глубокую правду, безъ всякихъ фразъ. „Вы стремитесь къ войнѣ“, говорилъ онъ, *потому что не хотите обратиться къ народу*, чтобы при его помощи нанести королевской власти рѣшительный ударъ. Дѣйствительно, обращенію къ народу (*appel au peuple*), съ призывомъ къ революціи, Жирондисты и очень многіе Якобинцы предпочитали чужеземное нашествіе. Оно должно было, по ихъ мнѣнію, разбудить общій патріотизмъ, обнаружитъ измѣну короля и роялистовъ, и привести такимъ образомъ къ паденію монархіи. *безъ участія народнаго сознанія.*—„Намъ нужны громкія измѣны“, говорилъ жирондистъ Бриссо, — человекъ неважнѣйшій народъ, съ его безпорядочными возстаніями и нападеніями на собственность.

Итакъ, съ одной стороны Дворъ, а съ другой—Жирондисты дѣйствовали въ одномъ и томъ же направленіи, стремились вызвать и ускорить вторженіе чужеземцевъ во Францію. При такихъ условіяхъ война стала неизбежна, и она загорѣлась съ ожесточеніемъ, на цѣлые двадцать-три года, со всеми своими послѣдствіями, пагубными и для Революціи, и для европейскаго прогресса вообще.—„Вы не хотите обратиться къ народу, вы не хотите народнаго возстанія, такъ получите войну—и можетъ-быть, разгромъ!“ говорилъ

Марать. И сколько разъ правдивость этихъ словъ подтверждалась впоследствии!

Призракъ вооруженнаго и возставшаго народа, требующаго стѣ богатнѣ своей доли національнаго богатства, не переставалъ ужасать людей, попавшихъ во власть или пріобрѣтшихъ, благодаря клубамъ и газетамъ, вліяніе на ходъ событій. Нужно сказать и то, что революціонное воспитаніе народа подвижилось впередъ, благодаря самой Революціи, и теперь онъ уже начиналъ требовать мѣръ, проникнутыхъ коммунистическимъ духомъ и способныхъ сколько-нибудь сгладить экономическое неравенство.

Среди народа говорилось тогда объ „уравненіи состояній“. Крестьяне, владѣвшіе ничтожнымъ клочкомъ земли, и городскіе рабочіе, страдавшіе отъ безработицы, рѣшались заговаривать о своемъ правѣ на землю. Въ деревняхъ требовали, чтобы ни одинъ фермеръ не могъ снимать больше сорока десятинъ земли, а въ городахъ говорили, что каждый, кто хочетъ обрабатывать землю, долженъ имѣть право на столько-то десятинъ.

Такса на жизненные принасы, съ цѣлью предотвратить спекуляцію на предметахъ первой необходимости, законы противъ спекуляторовъ, закупка муниципалитетами жизненныхъ принасовъ и продажа ихъ жителямъ по покушной цѣнѣ, прогрессивный налогъ на богатыхъ, принудительный заемъ и, наконецъ, высокій налогъ на наслѣдства—все это обсуждалось въ народѣ; тѣ же требованія пропикали и въ печать. Самое единодушіе, съ которымъ они выражались всякій разъ когда народъ, въ Парижѣ или въ провинціи, одерживалъ побѣду, доказываетъ, что эти мысли были широко распространены среди обездоленной массы, даже тогда, когда писатели изъ революціонной среды не рѣшались особенно громко высказывать ихъ.—„Неужели вы не замѣчаете, — писалъ Роберъ въ маѣ 1791 года, въ своихъ „Révolutions de Paris“, — что Французская Революція, за которую вы боретесь, говорите вы, какъ гражданинъ, представляетъ собою настоящій аграрный законъ, проводимый въ жизнь народомъ? Народъ уже вернулъ себѣ свои права. Еще одинъ шагъ—и онъ вернетъ себѣ и свое имущество. Самое трудное уже сдѣлано...“¹⁾

¹⁾ „Révolutions de Paris“, № 96, 7—14 мая 1791, стр. 247. — Цитата приведена у Олара, часть I, гл. IV.

Чего себѣ представить, какую вражду возбуждали эти требования въ буржуазіи, которая только что расположилась спокойно наслаждаться пріобрѣтенными богатствами и новымъ, привилегированнымъ политическимъ положеніемъ въ государствѣ. Объ этомъ можно судить по тому страшному возбужденію, которое было вызвано въ Парижѣ, въ зарѣкѣ 1792 года, извѣстіемъ объ убійствѣ крестьянами мэра города Этампа, извѣстнаго Симоніо. Подобно многимъ другимъ буржуазнымъ мэрамъ, онъ разстрѣливалъ безъ суда возмущенныхъ крестьянъ, и никто противъ этого не протестовалъ. Но когда голодные крестьяне, требовавшие такелъ хлеба, убили, наконецъ, этого мэра никами—то какими зрывомъ негодованія отозвалась на это парижская буржуазія!

Насталъ день, когда собственники, *принимавшіе ко* *дѣлу крѣпостнаго*, должны, наконецъ, почувствовать, что они такутъ въ крѣпостную анархію“ жаловался Малле-де-Панъ въ „*Moniteur de France*“; и велѣлъ за тѣмъ онъ совѣтовалъ составить „объединеніе“ собственниковъ противъ народа, противъ разбойниковъ, проповѣдующихъ аграрный законъ. Всѣ эти тогда кричатъ противъ народа. Робеспьеръ—наравнѣ съ другими. Одинъ только священникъ Долинье, священникъ, гнѣи его притиснули въ „объединеніи“, въ „анархистахъ“) рѣшился поднять голосъ въ защиту народныхъ массъ и сказать, что „знанія, дѣйствительно, собственники своей земли“.

„Нѣтъ такого закона,—говорилъ онъ,—который могъ бы по справедливости заставить крестьянина родить, когда стужи и даже животныя богатыхъ не нуждаются ни въ чемъ“.

Что касается Робеспьера, то онъ поспѣшилъ заявить, что аграрный законъ—не что иное, какъ полное пугало, которымъ злонамѣренные люди пугаютъ глушоновъ“. Онъ яростно высказывался противъ всякой попытки „уравненія состояній“. Всегда стараясь идти въ уровень съ тѣми мнѣніями, которыя брали перевѣсъ въ данную минуту среди прогрессивной части буржуазіи, онъ и не подумалъ стать на сторону тѣхъ, кто шелъ съ народомъ и кто понималъ, что только уравнительныя и коммунистическія стремленія могутъ дать Революціи силу, нужную ей, чтобы завершить уничтоженіе феодальнаго строя.

Эта боязнь народнаго возстанія и его экономическихъ послѣдствій побуждала вмѣстѣ съ тѣмъ буржуазію, все тѣ-

и даже и теперь сгущиваться вокруг престола, и довольствоваться конституціею въ томъ видѣ, въ какомъ она была выражена Собраніемъ, со всѣми ея недостатками и уступками королю. Вместо того, чтобы идти впередъ по пути республиканскихъ идей, буржуазія и ея интеллигенція двигались въ обратномъ направленіи. Если въ 1789 году, во время того дѣлаю Третье Состояніе, можно было видѣть республиканскій, демократическій духъ, то теперь, по мѣрѣ того, какъ коммунистическія и уравнилыныя стремленія вошли въ народъ, тѣ же самые люди становились защитниками королевской власти; истинные же республиканцы, въ родѣ Томаса Пэна и Кондорсе, являлись представителями лишь ничтожнаго меньшинства среди образованной буржуазіи. По мѣрѣ того, какъ народъ становился республиканскимъ, буржуазная интеллигенція пыталась насадить въ конституціонной монархіи.

13 іюня 1792 года, т. е. всего за недѣлю до вторженія народа въ Тюильри, Робеспьеръ еще громилъ республику: «Напрасно, — восклицалъ онъ, — хотятъ увлечь горячія и мало-освѣдомленныя головы приманкою болѣе свободнаго управленія и имѣть республики: изверженіе конституціи не можетъ въ настоящий моментъ дать ничего, кромѣ гражданской войны, которая приведетъ къ анархіи и деспотизму».

Боялся ли онъ, какъ предполагаетъ Луи Бланъ, водворенія аристократической республики? Возможно. Но намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, что оставаясь до того времени рѣшительнымъ защитникомъ собственности, Робеспьеръ, какъ почти всѣ Якобинцы, боялся взрыва народнаго гнѣва и его попытокъ «уравненія состояній» (теперь мы сказали бы: «эмпрупріація»). Онъ боялся, что революція погибнетъ въ коммунистическихъ начинаніяхъ. Какъ бы то ни было, всего за нѣсколько недѣль до возстанія 10 августа, когда все дѣло Революціи незаконченной, остановленной въ своемъ развитіи и окруженной тысячами всевозможныхъ заговоровъ, было поставлено на карту, и ничто не могло спасти ее, кромѣ испроверженія королевской власти народнымъ восстаніемъ, Робеспьеръ, какъ и всѣ Якобинцы, предпочитали сохранить короля и Дворъ, чѣмъ обратиться къ революціонному натиску народа. Совершенно такъ же, въ наши дни, итальянскіе и испанскіе радикалы предпочитаютъ монархическое правленіе риску народной революціи, потому

что послѣдняя неизбежно была бы проникнута коммунистическими стремленіями.

Исторія постоянно повторяется—и сколько разъ еще она повторится, когда въ Россіи, Италіи, Германіи, Австріи начнется своя великая революція!

Самое поразительное въ тогдашнемъ настроеніи политическихъ дѣятелей было то, что какъ разъ въ это время Революціи угрожали со стороны роялистовъ гигантскій ударъ, давно уже подготовленный и готовый теперь разразиться. при поддержкѣ крупныхъ возстаній на югѣ и на западѣ Франціи, одновременно съ нападеніемъ на Францію германскихъ государствъ, а также Англіи, Сардиніи и Испаніи.

Въ іюнѣ 1792 года король уже удалилъ изъ своего министерства трехъ жирондистскихъ министровъ (Ролана, Клавьера и Сервана), и тогда Лафайетъ, глава партіи Фѣльянтовъ (т.-е. конституціонныхъ роялистовъ) и роялистъ въ душѣ, обратился къ Законодательному Собранію съ письмомъ (помѣченнымъ 18 іюня), въ которомъ онъ предлагалъ совершить переворотъ противъ революціонеровъ. Онъ прямо совѣтовалъ въ этомъ письмѣ очистить Францію отъ революціонеровъ и прибавлялъ, что въ войскѣ „принципы свободы и равенства пользуются любовью, законы уважаются, и собственность—священна—не такъ, какъ, напримѣръ, въ Парижѣ, въ Коммунѣ, или у Кордельеровъ, гдѣ позволяютъ себѣ нападать на нее.

Лафайетъ требовалъ—и это можетъ служить для насъ мѣриломъ тогдашней реакціи—чтобы королевская власть была неприкосновенна и независима. Онъ хотѣлъ, чтобы „король былъ окруженъ почетомъ“ (послѣ варенискаго поѣзда!), и все это—въ то самое время, когда въ Тюильри готовился обширный роялистскій заговоръ, когда король вѣлъ дѣвательную переписку съ Австріей и Пруссіей, отъ которыхъ ждалъ своего „освобожденія“, и когда онъ обращался съ Собраніемъ съ болѣющимъ или меньшимъ пренебреженіемъ, смотря по тому, какія получались извѣстія относительно близости нѣмецкаго нашествія.

Подумать только, что Собраніе готово было разослать это письмо Лафайета по всѣмъ 83-мъ департаментамъ, и что только хитрый маневръ Жирондистовъ помѣшалъ этому: Гуадэ (Guadet) сталъ увѣрять Собраніе, что письмо должно быть подложное: что Лафайетъ не могъ его написать! И

все это происходило меньше чѣмъ за два мѣсяца до 10 августа, когда парижскій народъ свергъ короля.

Роялистскіе заговорщики наводняли въ ту пору Парижъ. Эмигранты свободно ѣздили взадъ и впередъ между Кобленцомъ и Тюильри, откуда они возвращались, обласканные Дворомъ и снабженные деньгами.

„Тысячи притоновъ были открыты для роялистовъ“, говоритъ Шометъ (Chaumette), бывший въ то время прокуроромъ парижской Коммуны ¹⁾. Департаментское управленіе Парижа, въ составъ котораго входили Талейранъ и Ла-Рошфукó, было вполне предано Двору. Городское управленіе; значительная часть мировыхъ судей, большинство національной гвардіи и весь ея генеральный штабъ были также на сторонѣ Двора. Изъ нихъ составлялась вся куча горлодѣровъ, которые сопровождали Дворъ во время, ставшихъ нынѣ частыми, прогулокъ короля по Парижу и присутствія его при всѣхъ театральныхъ представленіяхъ,—писалъ въ своихъ запискахъ Шометъ.

„Военно-лакейская челядь, окружавшая Дворъ и состоявшая въ значительной мѣрѣ изъ бывшихъ тюльстерскихъ хранителей, изъ вернувшихся эмигрантовъ и изъ тѣхъ героевъ 28 февраля 1791 года, которые извѣстны были подъ именемъ рыцарей кинжала, вооружала противъ себя народъ своимъ высокомернымъ обращеніемъ, оскорбляла національное представительство и открыто говорила о своихъ пагубныхъ для свободы замыслахъ“. Всѣ монахи, монахини и огромное большинство священниковъ были на сторонѣ контръ-революціи ²⁾.

Что касается до Собранія, то вотъ какъ характеризовалъ его Шометъ: „Безсильное, оно не пользуется уваженіемъ; его разѣдаютъ внутренніе раздоры, и оно унижаетъ себя передъ Европой своими мелочными и озлобленными преніями. Дворъ нагло оскорбляетъ его, а оно отвѣчаетъ

¹⁾ „Mémoires sur la Révolution du 10 Août 1792“, съ предисловіемъ Ф. А. Олара, Парижъ, 1893. Шометъ даже обвиняетъ департаментскую директорію въ томъ, что она выписала шестьдесятъ тысячъ контръ-революціонеровъ и дала имъ приютъ. Если эта цифра и преувеличена, то самый фактъ скопленія въ Парижѣ значительнаго числа контръ-революціонеровъ остается несомнѣннымъ.

²⁾ Вотъ случай, о которомъ говорилъ тогда весь Парижъ, и о которомъ рассказываетъ г-жа Жюльенъ: „Настоятельница Сердобольныхъ вдовъ въ Рюэйль потеряла свой бумажникъ; его нашли, и его осмотрѣли въ мѣстномъ муниципалитетѣ. Оказалось, что съ 1-го января эти монахини послали эмигрантамъ 48.000 ливровъ“. (M-me Jullien, „Journal d'une bourgeoise“, стр. 203).

за презрительное отношеніе Двора еще болѣе униженіемъ: власти оно никакой не имѣетъ, не имѣетъ и опредѣленной роли". И дѣйствительно, Собраніе, до позднихъ часамъ еще уждавшее, изъ сколькихъ людей должна состоять депутація, посылаемая имъ къ королю, будутъ ли для нея открыты объ створки дверей или только одна и проволочившее время какъ говорить Шометъ, „въ выслушиваніи декламаторскихъ докладовъ, всегда кончавшихся... обращеніемъ къ королю"—такое Собраніе должно было непременно вызвать прерваніе даже у самого Двора.

Между тѣмъ на Западъ и на Юго-Востокъ Франціи, подъ самыми стѣнами такихъ революціонныхъ городовъ, какъ Марсель, работали тайные роялистскіе комитеты. Они собирали въ замкахъ оружіе, вербовали офицеровъ и солдатъ и готовились, въ концѣ іюля, двинуть на Парижъ сильную армію, подъ предводительствомъ эмигрантовъ, присланныхъ изъ Кобленца.

Эти движенія на Югѣ настолько характерны, что на нихъ слѣдуетъ остановиться и дать объ нихъ нѣкоторое понятіе.

XXXI.

Контръ-революція на Югѣ.

При изученіи Великой Революціи, вниманіе обыкновенно бываетъ такъ поглощено борьбою, происходящею въ Парижѣ, что положеніе въ провинціи и сила, которою все время пользовалась тамъ контръ-революція, невольно упускаются изъ виду. А между тѣмъ, эта сила была громадная. Въ прошедшемъ она имѣла за собою цѣлые вѣка безправія, а въ настоящемъ она опиралась на денежные выгоды цѣлаго класса собственниковъ. Изучая проявленія этой силы, мы видимъ такъ же, какъ ничтожна, во время революціи, сила собранія представителей, даже въ томъ неслыханномъ случаѣ, если бы большинство его оказалось воодушевлено самыми лучшими намереніями. Когда въ каждомъ городѣ, въ каждой деревнѣ приходится бороться со старымъ порядкомъ, который послѣ минутной растерянности вновь собирается съ силами и готовится остановить революцію,—то побѣдить такое сопротивленіе можетъ только революціонный натискъ, сдѣланный на мѣстахъ, именно въ этихъ городахъ и деревушкахъ.

Чтобы разказать все интриги и дѣянія роялистовъ во время Великой Революціи, потребовались бы цѣлые томы работы въ мѣстныхъ архивахъ. Но уже нѣкоторые факты, которые я приведу, дадутъ объ нихъ понятіе.

О возстаніи въ Вандеѣ писали все историки. Но обыкновенно думаютъ, что единственный серьезный очагъ контръ-революціи былъ только тамъ, среди полудикаго населенія, возбужденнаго религіознымъ фанатизмомъ. А между тѣмъ, другой подобный же очагъ существовать на Югѣ, и этотъ очагъ былъ тѣмъ болѣе опасенъ, что въ этой части Франціи деревни, на которыя опирались роялисты, эксплуатировавшие религіозную вражду между католиками и протестан-

тами, находились рядомъ съ другими деревнями и большими городами, давшими Революціи ея лучшихъ дѣятелей.

Руководство всѣми этими противу-революціонными движеніями шло изъ Кобленца—маленькаго нѣмецкаго городка, находившагося въ Тревскомъ Курфиршествѣ и сдѣлавшагося центромъ роялистской эмиграціи. Начиная съ лѣта 1791 года, когда графъ д'Артуа, вмѣстѣ съ министромъ Калонномъ и впоследствии со своимъ братомъ, графомъ Прованскимъ, поселился въ этомъ городѣ, онъ сталъ средоточіемъ всѣхъ роялистскихъ заговоровъ. Оттуда отправлялись эмиссары, организовывавшіе по всей Франціи контръ-революціонныя возстанія. Они вербовали солдатъ для Кобленца—повсюду, даже въ Парижѣ, гдѣ редакторъ „Gazette de Paris“ открыто предлагалъ 60 ливровъ каждому солдату, завербованному на службу эмигрантовъ. Виродолженіе нѣкотораго времени этихъ солдатъ совершенно открыто отправляли сначала въ Мецъ, а оттуда въ Кобленцъ.

„Общество слѣдовала за ними“, пишетъ Эрнестъ Додэ въ своей работѣ, „Роялистскіе заговоры на Югѣ“ (Les conspirations royalistes dans le Midi); „дворянство подражало принципамъ, а многіе буржуа, многіе люди незнатнаго происхожденія подражали дворянству. Эмигрировали изъ моды, изъ нужды, изъ страха. Одна молодая женщина, которую гайинскій правительственный агентъ встрѣтилъ въ дилижансѣ, ему отвѣтила: „Я—портниха, мои заказницы уѣхали въ Германію, и я дѣлаюсь эмигранткой („émigrante“), чтобы быть тамъ, гдѣ онъ“.

Вокругъ братьевъ короли созданъ цѣлый дворъ, съ ея министрами, камергерами и офиціальными приемами, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ его интригами и мелочностью. Монархіи другихъ странъ Европы признавали этотъ дворъ, вели съ нимъ сношенія, входили съ нимъ въ разговоры. Эмигранты все время ждали, что Людовикъ XVI пріѣдетъ къ нимъ и станетъ во главѣ войскъ. Его ждали въ іюнѣ 1791 года—въ моментъ его бѣгства въ Вареннъ.—затѣмъ, позднѣе, въ ноябрѣ 1791 и въ январѣ 1792 года. Наконецъ іюль 1792 года былъ избранъ моментомъ рѣшительнаго дѣйствія: роялистскія войска Западной и Южной Франціи должны были, при поддержкѣ войскъ англійскихъ, нѣмецкихъ, сардинскихъ и испанскихъ, пойти на Парижъ, поднимая по дорогѣ Лионъ и другіе большіе города; а въ самомъ Парижѣ роялисты въ это время должны были предпринять рѣшительныя

дѣйствія: разогнать Собрание и покарать всѣхъ „бѣшеныхъ“, — всѣхъ „якобинцевъ“.

„Вернуть короля на престолъ“, т.-е. сдѣлать его вновь абсолютнымъ монархомъ; ввести опять старый государствен- ный строй, въ томъ видѣ, какъ онъ существовалъ, когда были созваны Генеральныя Штаты. — таковы были ихъ виды. И когда прусскій король, который былъ умнѣе всѣхъ этихъ версальскихъ выходцевъ съ того свѣта, спрашивалъ у нихъ: „Не требуютъ ли справедливость и благоразуміе, чтобы нѣкоторыя злоупотребленія стараго порядка были принесены въ жертву націи?“ они отвѣтили ему: — „Никакой перемѣны. Ваше Величество, никакой поправки!“ (Документъ, нахо- дящійся въ Архивѣ иностранныхъ дѣлъ и приведенный у Эрнеста Додо).

Нечего и говорить, что всѣ интриги, сплетни, зависть, свойственныя Версали, были перенесены цѣликомъ въ Коб- ленцъ. У cadaго изъ двухъ братьевъ былъ свой дворъ, своя официальная любовница, свои приемы и свой придвор- ный штабъ: бездѣльничавшее дворянство жило сплетнями, которыя стали еще болѣе злостными, когда нужда свила свое гнѣздо среди эмигрантовъ.

Вокругъ этого центра совершенно открыто собирались теперь фанатики-священники, предпочитавшіе начать гра- жданскую войну, чѣмъ подчиниться конституціи, какъ этого требовали новые декреты. Тутъ же вращались разные авантю- ристы-дворяне, готовые скорѣе попытать счастья въ заго- ворѣ, чѣмъ примириться съ утратою своего привилегиро- ваннаго положенія. Они прѣзжали въ Кобленцъ, получали благословеніе принцевъ и папы для дальнѣйшихъ загово- ровъ и возвращались въ Севеннскія горы или на берега Вандей, чтобы тамъ разжигать религіозный фанатизмъ кре- стьянъ и поднимать роялистскія возстанія.

Симпатизирующіе Революціи историки обыкновенно слег- ка касаются этихъ контръ-революціонныхъ движеній. Они болѣею частью представляютъ ихъ какъ мало-значущія событія, вызванныя нѣсколькими фанатиками и легко по- бѣжденныя Революціей. Но въ дѣйствительности роялист- скіе заговоры охватывали цѣлыя области Франціи: а какъ какъ, съ одной стороны, имъ оказывали поддержку круп- ные вожаки буржуазіи, а съ другой — имъ давала пищу религіозная вражда между протестантами и католиками (такъ было, напримѣръ, на Югѣ), то революціонерамъ приходи-

лось въ каждомъ городѣ, въ каждой маленькой общинѣ вести съ роялистами ожесточенную борьбу.

Такъ, напримѣръ, въ то самое время, когда въ Парижѣ устраивался, 14 іюля 1790 года, праздникъ Федератіи, который объединилъ всю Францію и долженъ былъ, казалось, поставить Революцію на прочныя коммунальныя основы, роялисты подготавливали на юго-востокѣ федератію контр-революціонеровъ. 18 августа того же года, около 20.000 представителей 185 общинъ провинцій Виваро собрались на равнинѣ Жалеса. У рѣкъ были на штырь бѣлый крестъ. Въ этотъ день, подъ руководствомъ дворянъ, положено было основаніе Южной роялистской Федератіи, которая торжественно организовалась затѣмъ въ февралѣ слѣдующаго года.

Эта федератія стала готовить, прежде всего, рядъ мѣстныхъ возстаній къ лѣту 1791 года, а затѣмъ — большое возстаніе, которое должно было вспыхнуть повсемѣстно въ іюль 1792 года и при помощи иностранныхъ войскъ, нанести рѣшительный ударъ Революціи. Роялистская Федератія дѣйствовала такимъ образомъ въ продолженіе двухъ лѣтъ, вела правильныя сношенія, съ одной стороны, съ Тюильрійскимъ дворцомъ, а съ другой — съ Кобленцомъ. Она клялась „вернуть королю его славу, духовенству — его имущество, дворянству — его почетное положеніе“. А когда перемышленные попытки кончились неудачей, она организовала, съ помощью аббата-настоятеля Шамбаназскаго монастыря, Клода Аллье, обширный заговоръ, въ которомъ должны были принять участіе 50.000 человекъ. Это войско должно было выступить подъ бѣлымъ знаменемъ, имѣя во главѣ многочисленныхъ священниковъ. При поддержкѣ Сардиніи, Испаніи и Австріи, оно должно было идти на Парижъ, „освободить“ короля, разогнать Собраніе и „покарать патріотовъ“.

Въ департаментѣ Лозеръ нотаріусъ Шарль, бывшій депутатъ Національнаго Собранія, женившійся на дѣвчнкѣ дворянскаго происхожденія и получившій отъ графа д'Артуа полномочіе на командованіе войсками, открыто организовывалъ контр-революціонную милицію и даже обучалъ своихъ артиллеристовъ.

Другимъ центромъ эмиграціи были городъ Шамбери, въ Савойѣ, принадлежавшей въ то время Сардинскому королевству. Бюссэ образовалъ тамъ роялистскій лѣгіонъ, который совершенно открыто обучался военному дѣлу.

Такъ организовывалась контръ-революція на Югѣ: а на Западѣ духовные и дворяне въ то же время ввозили оружіе и посланія папы, призывавшія къ бунту; они подготовляли, при поддержкѣ Англіи и Рима, громадное Вандейское возстаніе.

Напрасно говорить историки, что въ сущности такихъ заговорщиковъ и такихъ сборищъ было немного. Революціонеровъ, по крайней мѣрѣ, такихъ, что готовы были къ решительному дѣйствию—тоже было немного. Люди дѣйствія во все времена, во всѣхъ партіяхъ, составляютъ ничтожное меньшинство. Но контръ-революція держала въ своихъ рукахъ цѣлыя провинціи, благодаря привязанности однихъ къ старинѣ и предрассудкамъ, желанію другихъ сохранить вновь приобретенныя имущества, и наконецъ, силѣ денегъ и вліянію религіи: и именно эта страшная сила реакціи, а вовсе не кровожадность революціонеровъ, объясняютъ ожесточеніе, охватившее Революцію въ 1793 и 1794 годахъ, когда ей пришлось сдѣлать отчаянное усиліе, чтобы вырваться изъ рукъ, стремившихся задуть ея.

Дѣйствительно ли было у Клода Алье 600.000 сторонниковъ, готовыхъ взяться за оружіе, какъ онъ утверждалъ въ Кобленцѣ, куда ѣздитъ въ январѣ 1792 года,—это довольно сомнительно. Но несомѣнно одно: во всѣхъ южныхъ городахъ революціонеры и контръ-революціонеры вели между собою, съ переменнымъ счастьемъ, непрерывную борьбу.

Въ Перпиньянѣ роялисты, состоявшіе на военной службѣ, готовились открыть доступъ черезъ границу испанскимъ войскамъ. Въ Арль, въ мѣстной борьбѣ между патриотами и контръ-революціонерами (первые назывались *monnetiers*, а вторые — *chiffonistes*), побѣда осталась сначала за послѣдними.

„Узнавъ, рассказываетъ одинъ авторъ, что марсельцы собираются въ походъ противъ нихъ и даже разграбили въ виду этого похода марсельскій арсеналъ, граждане Арля стали готовиться къ сопротивленію. Они укрѣпились, заколотили городскія ворота, прорыли рвы вокругъ городскихъ стѣнъ, обезпечили себѣ доступъ къ морю и преобразовали національную гвардію такъ, чтобы лишить патриотовъ всякой силы“.

Эти нѣсколько строкъ, взятыхъ у Эрнеста Додэ¹⁾, очень характерны. Такую же картину можно было видѣть почти

¹⁾ „Histoire des conspirations royalistes du Midi sous la Révolution“. Парижъ, 1881. Додэ авторъ очень умѣренный и даже реакціонеръ; но въ его трудѣ собрано много матеріаловъ, и онъ работалъ въ мѣстныхъ архивахъ.

повсюду во Франціи. Чтобы болѣе или менѣе парализовать реакцію, потребовалось четыре года революціи, т.-е. отсутствіе въ продолженіе четырехъ лѣтъ сильнаго правительства, и непрерывная борьба со стороны мѣстныхъ революціонеровъ.

Въ Монпелье патриотамъ пришлось устроить союзъ для защиты священниковъ, принесшихъ присягу Конституціи, и тѣхъ прихожанъ, кто ходилъ на отправляемую ими службу. Безпрестанно происходили уличныя столкновенія. То же самое было въ Лионелѣ, въ департаментѣ Эрѣ (Hérault), въ Нессенжѣ, въ департаментѣ Верхней Луары, въ Мандѣ, въ департаментѣ Лозерѣ. Жители были постоянно вооружены. Можно сказать, что по всей этой области, въ каждомъ городѣ происходила борьба между роялистами или мѣстными фельянтами и патриотами, а въпослѣдствіи — между жирондистами и тѣми, кого тогда называли „анархистами“. Мало того: въ громадномъ большинствѣ центральныхъ и западныхъ городовъ реакціонеры одерживали верхъ и изъ восьмидесятитрехъ департаментовъ Франціи. Революція встрѣтила настоящую поддержку только въ тридцати департаментахъ. Кромѣ того, сами революціонеры въ большинствѣ случаевъ не сразу набирались смѣлости и лишь понемногу рѣшались на борьбу съ роялистами, — но мѣръ того, какъ, подъ вліяніемъ событій, сами они получали революціонное воспитаніе.

Во всѣхъ этихъ городахъ контръ-революціонеры оказывали другъ другу поддержку. У богатыхъ людей ихъ лагерь, — чего обыкновенно не было у патриотовъ — имѣлись всякія средства переезжать съ мѣста на мѣсто, посылать особыхъ эмиссаровъ, скрываться въ замкахъ, устраивать тамъ склады оружія. Патриоты сносились, правда, съ парижскими Народными и Братскими обществами, съ обществомъ Бѣдниковъ и съ центральнымъ обществомъ Якобинцевъ; но они были такъ бѣдны! У нихъ не было ни возможности имѣть оружіе, ни даже возможности свободно передвигаться.

Къ тому же, все что было направлено противъ Революціи пользовалось поддержкой извнѣ. Англія издавна слѣдовала той же политикѣ, какъ и теперь: ослаблять своихъ соперниковъ, вербуя своими деньгами сторонниковъ въ ихъ средѣ. „Питтовскія деньги“, о которыхъ такъ много писалось тогда во Франціи вовсе не были „мифъ“, какъ это стараются представить теперь, — далеко нѣтъ! На

деньги роялисты свободно ѣздили, съ острова Джерсея ¹⁾, идѣ были ихъ центръ и складъ оружія, во французскіе порты, Сенъ-Малё и Нантъ: и во всѣхъ крупныхъ портахъ Франціи, особенно въ Сенъ-Малё, Нантъ! Бордо, Тулонѣ, англійскія деньги создавали имъ приверженцевъ и подкупали торговый классъ, — „коммерсантисовъ“, выступавшихъ противъ Революціи. Екатерина II, со своей стороны, дѣлала то же, что Питтъ. Германія, Австрія двинули противъ Республики сильныя армія, поддержанныя Пьемонтомъ и Испаніей. Въ сущности, въ этомъ походѣ противъ Революціи приняли участіе всѣ европейскія монархіи. Въ Бретани, въ Вандеѣ, въ Бордо, въ Тулонѣ роялисты рассчитывали на Англію; въ Эльзасѣ и Лотарингіи — на Германію, на югъ — на вооруженную помощь, обѣщанную Сардиніей, и на испанскія войска, которыя должны были высадиться... въ Мортъ-Мортъ (Aigues Mortes). Даже Мальтійскій орденъ готовился принять участіе посылкою двухъ фрегатовъ.

Въ началѣ 1792 года департаменты Лозеръ и Арденъ, гдѣ скопились неподчинявшіеся конституціи священники, были покрыты цѣлою сѣтью роялистскихъ заговоровъ, центръ которыхъ находился въ Мандѣ — маленькомъ городкѣ, затерянномъ въ горахъ Виварэ; жители были здѣсь очень отсталые, а богатые буржуа и дворянство держали городское управленіе въ своихъ рукахъ. Посланцы заговорщиковъ свободно разъѣзжали по окрестнымъ деревнямъ и приказывали крестьянамъ вооружаться ружьями, серпами и вилами и быть готовыми выступить по первому призыву. Такимъ образомъ подготовлялось движеніе, посредствомъ котораго надѣялись поднять область Жеводанъ и Велэ, а затѣмъ заставить и Виварэ идти имъ на помощь.

Правда, ни одно изъ роялистскихъ возстаній, поднятыхъ въ теченіе 1791 и 1792 года, въ Нерпичьянѣ, Арлѣ, Мандѣ, Нессенжѣ и въ провинціи Виварэ, не удалось. Лозунга „Долой патріотовъ!“ оказывалось недостаточно, чтобы привлечь къ себѣ нужное число возставшихъ, и патріотамъ быстро удавалось разсѣять роялистскія скопища. Тѣмъ не менѣе борьба велась непрерывно въ теченіе двухъ лѣтъ. Бывали времена, когда вся область была охвачена гражданскою войною, и во всѣхъ окрестныхъ деревняхъ неумолчно были въ набатъ.

¹⁾ Онъ находится близко къ берегамъ Бретани.

Возстаніе настолько было серьезно, что на выручку патриотамъ должны были выступить вооруженныя банды марсельцевъ. Они начали арестовывать мѣстныхъ контръ-революціонеровъ, захватили Арль и Эгъ-Мортъ и положили начало тому террору, который впоследствии достигъ, на Югъ,—въ Лионъ и въ Арденнъ, такихъ ужасныхъ размѣровъ. Что касается до возстанія, организованнаго въ июль 1792 года графомъ Салъиномъ, съ тѣмъ, чтобы оно вспыхнуло одновременно съ возстаніемъ въ Вандеѣ, въ тотъ самый моментъ, когда нѣмечкин войскъ уже направится на Парижъ,—то оно, несомнѣнно, оказало бы на ходъ Революціи самое вредное вліяніе, если бы народъ не положилъ ему очень быстрое предѣлъ. Къ счастью, на югъ самъ народъ взялся за это, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Парижъ началъ организовываться, чтобы овладѣть, наконецъ, центромъ всѣхъ роллистскихъ заговоровъ — Тюильрійскимъ дворцомъ.

XXXII.

20 іюня 1792 года.

Изъ только что сказаннаго видно, въ какомъ печальномъ положеніи было дѣло Революціи въ первые мѣсяцы 1792 года. Если буржуазные революціонеры удовлетворялись тѣмъ, что завоевали себѣ долю участія въ управленіи и положили основаніе богатствамъ, которыя они надѣялись въ будущемъ приобрести съ помощью государства, то народъ видѣлъ, что для него еще ничего не сдѣлано. Феодальный порядокъ продолжалъ существовать въ деревняхъ; а въ городахъ масса пролетаріата почти ничего не выиграла. Купцы и спекуляторы наживали огромныя состоянія—благодаря ассигнаціямъ, на курсъ которыхъ они спекулировали, и распродажѣ имущества духовенства, которыя они скупили и перепродавали, а также благодаря государственнымъ подрядамъ и биржевой игрѣ на всѣхъ предметахъ первой необходимости. Цѣны на хлѣбъ все росли, несмотря на хорошій урожай, и нищета оставалась обычной спутницей жизни народа въ большихъ городахъ.

Тѣмъ временемъ аристократія начинала оживать. Дворяне и богатые люди поднимали голову и хвалились, что скоро образумить „сань-кологувъ“, т.-е. бѣдноту. Они каждый день ждали извѣстій о вступленіи во Францію нѣмецкихъ войскъ и ихъ побѣдоносномъ шествіи на Парижъ, чтобы возстановить, наконецъ, старый строй во всемъ его великолѣпіи. Въ провинціяхъ, какъ мы видѣли, реакціонеры открыто организовывали своихъ приверженцевъ.

Что касается конституціи, которую буржуазія и даже революціонная интеллигенція изъ буржуазіи хотѣли сохранить во что бы то ни стало безъ измѣненія, то ея значеніе проявлялось лишь въ маловажныхъ вопросахъ; серьезныя же реформы оставались безъ движенія. Власть короля была ограничена, но очень немного. При тѣхъ правахъ, которыя

были ему оставлены конституцией (гарантированный нацией бюджет на содержаніе Двора, командованіе войсками, назначеніе министровъ, право вето и т. д.), а въ особенности при внутреннемъ устройствѣ Франціи, которое представляло молвое господство прежнимъ чиновникамъ и зажиточной части населенія,—народъ былъ совершенно безсиленъ.

Никто, конечно, не заподозритъ Законодательное Собраніе въ радикализмъ. Его декреты относительно феодальныхъ повинностей и духовенства были проникнуты, какъ мы видели, крайнею умѣренностью. А между тѣмъ даже эти декреты король отказывался подписать. Все чувствовали, что живутъ изъ дня въ день; что существующая полу-конституціонная система непрочна и легко можетъ быть свергнута, что со дня на день возможенъ возвратъ къ старому порядку.

Между тѣмъ заговоръ, задуманный въ Тюильри, съ каждымъ днемъ распространялся по самой Франціи и охватывалъ Европу. Дворы берлинскій, вѣнскій, стокгольмскій, туринскій, мадридскій и петербургскій присоединились къ нему. Приближался моментъ рѣшительнаго выступленія контръ-революціонеровъ, назначеннаго ими на лѣто 1792 года. Король и королева торопили нѣмецкія войска; они звали ихъ скорѣе въ Парижъ, даже назначали имъ день, когда они должны вступить въ столицу, гдѣ ихъ встрѣтитъ съ распростертыми объятіями вооруженные и организованные роялисты.

Народъ и тѣ изъ революціонеровъ, которые, какъ Матье и Кордельеры вообще, стояли близко къ народу, — тѣ, кто создалъ потомъ Коммуну 10 августа,—отлично понимали грозящую Революціи опасность. Народъ всегда чувствуетъ истинное положеніе дѣлъ, даже тогда, когда онъ не можетъ ни правильно его выразить, ни обосновать свои предчувствія доводами, свойственными интеллигенту. Онъ поэтому понимаетъ гораздо лучше политикановъ все интриги Тюильри и дворянскихъ замковъ. Но онъ былъ безоруженъ, тогда какъ буржуазія была организована въ батальоны національной гвардіи. Хуже всего было то, что у интеллигентовъ, выдвинутыхъ революціей и явившихся ея выразителями — въ томъ числѣ и у такихъ людей, какъ Робеспьеръ,—не было необходимаго довѣрія къ революціи, а тѣмъ менѣе къ народу. Подобно парламентскимъ радикаламъ нашего времени они боялись того „великаго неизвѣст-

наго", которое представляет собою вышедший на улицу народъ, когда онъ становится хозяиномъ положенія. Не рѣшаясь признать самихъ себя въ этомъ страхѣ передъ революціею, совершающеюся во имя равенства, они объяснили свою нерѣшительность желаніемъ „сохранить, по крайней мѣрѣ, тѣ немногія вольности, которыя дала Конституція". Они предпочитали полу-конституционную монархію риску новаго возстанія.

Только съ объявленіемъ войны (21 апрѣля 1792 года) и началомъ нѣмецкаго нашествія положеніе нѣсколько измѣнилось. Видя, что ему измѣняютъ все—даже тѣ самые вожаки, которымъ онъ довѣрялъ въ началѣ революціи,—народъ, т.-е. мелкая буржуазія и ремесленники, сталъ дѣйствовать самъ, сталъ оказывать давленіе на „вождей общественнаго мнѣнія". Парижъ самъ началъ готовить возстаніе для сверженія короля. Секции города Парижа, Народныя и Братскія общества, т.-е. „неизвѣстные", принялись за дѣло, съ помощью болѣе смѣлыхъ Кордельеровъ. Наиболѣе горячіе и просвѣщенные патріоты, рассказывающіе Шометь въ своихъ „Мемуарахъ" (стр. 13), собиравшись въ клубъ Кордельеровъ и тамъ проводили цѣлыя ночи въ совѣщаніяхъ. Былъ, между прочимъ, образованъ комитетъ, который соорудилъ себѣ красное знамя съ надписью: „Народъ провозглашаетъ военное положеніе противъ бунта Двора" (*Loi martiale du peuple contre la révolte de la Cour*). Вокругъ этого знамени должны были собираться все свободные люди, все настоящіе республиканцы, все тѣ, кто хотѣлъ отомстить за друга, за сына, за родственника, убитыхъ 17 июля 1791 года на Марсовомъ полѣ.

Историки революціи, отдавая дань своему государственному воспитанію, всегда приписываютъ клубу Якобинцевъ починъ и подготовленіе революціонныхъ движеній въ Парижѣ и въ провинціи, и въ теченіе цѣлыхъ двухъ поколѣній мы все думали такъ, какъ насъ учили. Но теперь, съ тѣхъ поръ, какъ изданы многіе новые документы, касающіеся революціи, мы знаемъ, что это совершенно неврѣно. Починъ движеній 20 мая и 10 августа вовсе не принадлежалъ Якобинцамъ. Наоборотъ, въ теченіе цѣлаго года они—даже наиболѣе революціонные изъ нихъ—были *противъ* новаго обращенія къ народу. И только тогда, когда, они увидѣли, что народное движеніе опередило ихъ, и сомнѣясь насъ, они—и то только *часть изъ*—рѣшились стѣновать за народомъ.

Да и то, какъ робко они это дѣлали! Они не прочь были, чтобы народъ вышелъ на улицу и далъ сраженіе роялистамъ; но ихъ страшили возможные послѣдствія этого сраженія. — „А что, если народъ не удовольствуется сверженіемъ королевской власти? Что, если онъ пойдетъ противъ богатыхъ вообще, противъ власть имущихъ, противъ спекуляторовъ, увидавшихъ въ революціи путь къ наживѣ? Что, если народъ, послѣ Тюильри, разгромитъ и Законодательное Собраніе? если Парижская Коммуна, если „бѣшеные“, „анархисты“ — тѣ, кого такъ усердно осуждалъ Робеспьеръ, — если всѣ эти республиканцы, проповѣдующіе „равенство имуществъ“, возьмутъ верхъ?“

Вотъ почему во всѣхъ переговорахъ, происходившихъ передъ 20 іюня, мы видимъ со стороны извѣстныхъ революціонеровъ самое сильное колебаніе. Вотъ почему Якобинцы относятся съ отвращеніемъ къ возможности новаго народнаго возстанія и слѣдуютъ за нимъ только тогда, когда народъ уже побѣдилъ. Только въ іюль, когда парижскій народъ, вопреки всякимъ конституціоннымъ законамъ, объявилъ о непрерывности засѣданій своихъ секцій и сдѣлалъ распоряженіе о всеобщемъ вооруженіи, вынуждая Собраніе провозгласить „отечество въ опасности“, — только тогда Робеспьеръ, Дантонъ и, въ самый послѣдній моментъ Жирондисты, рѣшились послѣдовать за народомъ, за революціонною Коммуною, и заявить о своей большей или меньшей готовности примкнуть къ движенію.

Понятно, что при такихъ условіяхъ въ движеніи 20 іюня не было ни того увлеченія, ни того единства, которое могло бы превратить его въ успешное возстаніе противъ Тюильрійскаго дворца. Народъ вышелъ на улицу; но, не будучи увѣренъ въ отношеніи къ нему буржуазіи, не рѣшился особенно зарываться. Сами секціи приняли противъ этого свои мѣры. Онѣ какъ будто хотѣли нащупать почву, узнать, до какихъ предѣловъ готовы идти во дворецъ противъ народа, — а остальное предоставить всѣмъ случайностямъ крупныхъ народныхъ демонстрацій. „Выйдетъ изъ этого что-нибудь, — тѣмъ лучше; не выйдетъ — мы все таки поглядимъ вблизи на Тюильри и узнаемъ, насколько они тамъ сильны“.

Такъ, дѣйствительно, и случилось. Демонстрація вышла вполне мирная. Громадная толпа двинулась по улицамъ, подъ предлогомъ подачи прошенія Собранію; собирались

также праздновать годовщину клятвы въ Jeu de Paume и посадить „дерево свободы“ у входа въ Собрание. Всѣ улицы, ведущія отъ Бастиліи къ Собранию, скоро были буквально запружены народомъ. Тѣмъ временемъ Дворъ собралъ своихъ приверженцевъ на площади Карузель, на большомъ дворѣ Тюильрійскаго дворца и въ прилегающихъ улицахъ. Всѣ ворота дворца были заперты, и пушки направлены были на народъ: солдатамъ были розданы патроны: столкновение казалось неизбежнымъ.

Но видъ этой все растущей толпы поколебалъ защитниковъ Двора. Внѣшнія ворота были скоро отперты, или выломаны; Карузель и дворы дворца наполнились народомъ. Многие изъ народа были вооружены пиками, саблями или зубинами, на которыхъ насажены были ножъ, топоръ или шина; но люди, принимавшіе участіе въ демонстраціи, были тѣмъ едино подобраны каждою изъ секцій.

Толпа собиралась уже разбить топорами другія ворота Тюильри, когда Людовикъ XVI самъ велѣлъ отпереть ихъ. Тысячи людей сразу наводнили внутренніе дворы и самый дворецъ. Приближенные королевы едва успѣли втолкнуть ее, вмѣстѣ съ ея сыномъ, въ одну изъ залъ и тамъ забаррикадировать ее большимъ столомъ. Въ одной изъ залъ народъ напелъ короля, и она вмгъ наполнилась толпою. У короля требовали, чтобы онъ утвердилъ декреты о духовенствѣ и другіе, которые онъ отказывался утвердить: чтобы онъ вернулъ министровъ Жирондистовъ, удаленныхъ 13 іюня, и изгналъ священниковъ, не желающихъ присягать Конституціи; чтобы онъ выбралъ, наконецъ, между Кобленцомъ и Парижемъ. Король махалъ шляпой, далъ надѣть на себя красный шерстяной колпакъ: его заставили выпить стаканъ вина за зоровіе націи. Но онъ все-таки въ теченіе двухъ часовъ сопротивлялся народу, упорно заявляя, что будетъ держаться Конституціи.

Какъ нападеніе на королевскую власть, движеніе оказалось неудачнымъ. Результатовъ не получилось никакихъ.

Зато съ какимъ ожесточеніемъ напали тогда на народъ имущіе классы! Разъ народъ не рѣшился дѣйствовать наступательно, и тѣмъ самъ выдалъ свою слабость, на него набросились теперь со всею ненавистью, какую только можетъ внушить страхъ.

Когда въ Собраніи было прочитано письмо, въ которомъ Людовикъ XVI жаловался на нападеніе на его дво-

рець, Собрание разразилось такими же рабскими рукописаниями, какъ будто оно состояло изъ придворныхъ, и какъ-будто дѣло происходило раньше 1789 года. Иacobинцы и Жирондисты единодушно выразили движению 20 июня свое порицаніе.

Ободренный, но всей вѣроятности, такимъ приемомъ, Дворъ добился назначенія, въ тюильрійскомъ дворцѣ, особаго суда для наказанія „виновныхъ“. Дворъ хотѣлъ воскресить, говорить Шометь въ своихъ *Мемуарахъ*, такое же возмутительное судилище, какое засѣдало послѣ событій 6 октября 1789 и 17 июня 1791 года. Судъ состоялъ изъ мировыхъ судей, продвинувшихся королевской властью. Дворъ кормилъ ихъ, и гофъ-фурьерское управленіе получило приказъ, снабжать ихъ всѣмъ необходимымъ¹⁾. Наибольше выдающиеся писатели подверглись преслѣдованіямъ или тюремному заключенію; та же участь постигла нѣсколькихъ представителей и секретарей секцій и нѣкоторыхъ членовъ Народныхъ обществъ. Называться республиканцемъ опять стало опасно.

Департаментскія Управы (директоріи) и многіе муниципалитеты присоединились къ рабочей демонстраціи Собранія и прислали письма, въ которыхъ выражали свое неодобреніе противъ „мятежниковъ“. Въ сущности, изъ восмидесятитрехъ департаментскихъ директорій тридцать-три—г.-е. вся Западная Франція—открыто были проникнуты республиканскимъ и контръ-революціоннымъ духомъ.

Революціи—не нужно забывать этого—дѣлаются всегда меньшинствомъ, и даже тогда, когда революція уже началась, и часть народа принимаетъ ее со всѣми ея послѣдствіями, всегда только ничтожное меньшинство понимаетъ, что остается еще сдѣлать, чтобы обезпечить побѣду заведенными уже пзмѣненіями, и обладаетъ нужною для дѣйствія силою и смѣлостью. Вотъ почему всякое Собраніе, вслѣдствіе являясь представителемъ *средняго уровня страны* или даже стоя ниже этого средняго уровня, было и будетъ тормозомъ революціи и никогда не можетъ сдѣлаться ея орудіемъ. Оно, конечно, парализуетъ до нѣкоторой степени власть короля, но оно никогда не можетъ стать средствомъ, чтобы толкнуть революцію впередъ, по пути имущественныхъ заволаше-

¹⁾ См. дневникъ Perlet, 27 июня, цитир. у Озюа, въ концѣ 1-го приложения къ *Мемуарамъ* Шомета.

народа. Народъ *самъ* долженъ дѣйствовать—организованно—въ этомъ направленіи, помимо Собранія

Законодательное Собрание Французской Революціи служило поразительнымъ подтвержденіемъ этого вѣянія. Вотъ что происходило, напримѣръ, въ этомъ Собраніи 7 іюля 1792 года (замѣтьте, что четыре дня спустя, въ виду нѣмецкаго вторженія, уже было провозглашено „отечество въ опасности“, а мѣсяць спустя, уже пала монархія). Въ теченіе нѣсколькихъ дней передъ 7-мъ іюля шли пренія о мѣрахъ къ охраненію общественной безопасности. И вотъ, по инициативѣ двора, ліонскій епископъ Ламуретъ внесъ предложеніе объ общемъ примиреніи партій, а для этого предложилъ такое, очень простое, средство: „Одна часть Собранія присылаетъ другой крамольное желаніе разрушить монархію.—Говорилъ онъ.—Другіе же обвиняютъ своихъ соотечественниковъ въ стремленіи уничтожить конституціонное равенство и установить аристократическое правленіе, извѣстное подъ названіемъ двухъ Палатъ. Такъ вотъ, господа, убьемъ общимъ проклятіемъ и непоколебимою клятвою, и *Républicains*, и *сystème de deux Chambres*!“ Тогда все Собрание, охваченное энтузіазмомъ, встаетъ и выражаетъ свою ненависть и къ республикѣ, и къ двумъ Палатамъ. Шляпы легаютъ вверху, и обнимаются, правая и лѣвая братаются между собою, и тотчасъ же посылаются депутація къ королю, который присоединяется къ всеобщему ликованію. Эта сцена получила въ исторіи названіе „поцѣлуя Ламурета“.

Къ счастью, общественное мнѣніе не поддавалось на такія чувствительныя сцены. Въ тотъ же вечеръ крайній изъ якобинцевъ, Бильо-Варепъ, проецировалъ въ якобинскомъ клубѣ противъ такого лицемернаго сближенія, и клубъ рѣшилъ разослать его рѣчь всѣмъ якобинскимъ обществамъ въ провинціи.

Со своей стороны, Дворъ нисколько не думалъ идти на уступки. Въ тотъ же день мэръ Парижа Петіонъ былъ отставленъ отъ должности роялистскою Управою Сенскаго департамента—за бездѣйствіе въ день 20 іюня. Но тогда Парижъ такъ горячо защищалъ своего мэра. Началось опасное броженіе—и шесть дней спустя, 13 іюля, Собрание вынуждено было отменить это распоряженіе.

Въ народѣ колебаній не было. Всѣ понимали, что пришло время избавится отъ власти короля, и что если 20 іюня не послѣдуетъ вскорѣ народное возстаніе, Револю-

ція погибла. Конечно, политиканы, заседавшие въ Собраніи, думали иначе. — „Кто знаетъ. — съображая на это. — къ чему приведетъ возстаніе?“ И вотъ, многіе изъ этихъ законодательей стали готовить себѣ исходъ, на случай если побѣди въ контръ-революція.

Страхъ у государственныхъ людей, ихъ желаніе обезпечить себѣ прощеніе на случай неудачи. — въ этомъ и состоитъ опасность для всякой революціи.

Вообще, эти семь недѣль, между демонстраціею 20 іюня и взятіемъ Тюильри 10 августа 1792 года, для того, кто хочетъ извлечь изъ исторіи какой-нибудь урокъ, представляютъ собою время, въ высшей степени поучительное.

Демонстрація 20 іюня хотя и не дала никакихъ непосредственныхъ результатовъ, была, однако, сигналомъ общаго пробужденія во Франціи. „Бунтъ переходить изъ города въ городъ“, говоритъ Луи Бланъ. Иностранная войска уже у воротъ Парижа, и 11 іюля провозглашается „отечество въ опасности“: 14-го происходитъ празднованіе Федератива, и народъ дѣлаетъ изъ него грандіозную демонстрацію про и въ королевской власти. Со всѣхъ сторонъ революціонныя муниципалитеты посылаютъ Собранію адреса, призывая его къ дѣйствию. Въ виду измѣны короля, они требуютъ низложенія, или, по крайней мѣрѣ, временнаго устраненія Людовика XVI. Однако, слово „Республика“ еще не пропосится; общественное мнѣніе склоняется скорѣе къ регентству. Исключеніе составлялъ, однако, Марсель. Здѣсь уже 27 іюня требовали отмѣны королевской власти, и съ сюда послали въ Парижъ 500 волонтеровъ, принешихъ въ столицу подъ звуки торжественнаго, боевого гимна. — Марсельезы. Брестъ и другіе города также послали волонтеровъ, общее число которыхъ дошло въ первые дни августа до трехъ тысячъ.

Вообще чувствуется, что приближается рѣшительный моментъ революціи.

Что же дѣлаетъ Собраніе? Что дѣлаютъ буржуазные республиканцы — Жирондисты?

Когда въ Собраніи читаютъ смѣлое посланіе марсельцевъ, требующихъ принятія мѣръ, соответственныхъ положенію дѣлъ, — почти все Собраніе протестуетъ! А когда, 27 іюля, Дюамъ (Duham) предлагаетъ обсудить вопросъ о низложеніи короля, его предложеніе не рѣшаетъ никакихъ негодованій.

Марія-Антуанета была бесспорно права, когда писала, 7 июля, своимъ сообщникамъ за границей, что патриоты боятся и хотятъ пойти на переговоры; такъ оно и случилось, нѣсколько дней спустя.

Тѣ, кто стоялъ близко къ народу, въ секціяхъ, чувствовали, конечно, что надвигаются рѣшающія событія. Парижскія секціи, а также нѣкоторые провинціальныя муниципалитеты объявили свои засѣданія непрерывными. Нѣсколько не считаясь съ закономъ, исключавшимъ „пассивныхъ гражданъ“ изъ засѣданій секцій, секціи допускали ихъ участвовать въ своихъ засѣданіяхъ и раздавали имъ пикеты наравнѣ съ другими. Очевидно, подготовлялось крупное революціонное движеніе.

Въ это самое время Жирондисты—партія „государственныхъ людей“—посылали королю, черезъ посредство его лакея, Тьерри, письмо, въ которомъ извѣщали, что готовится грандіозный бунтъ, что послѣдствіемъ его можетъ быть низложеніе короля, или даже что-нибудь еще болѣе ужасное, и что остается одно только средство предотвратить катастрофу: это средство—не позже какъ въ теченіе недѣли, призвать насады въ министерство Жирондистовъ Ролана, Сервана и Клавьера!

Нѣтъ сомнѣнія, что не двѣнадцать милліоновъ, яко бы обѣщанные Бриссо, побудили Жиронду къ такому выступленію. Это не было также простое желаніе вновь быть у власти, какъ думаетъ Луи Вланъ. Причина выступленія лежала гораздо глубже,—въ самой сущности политики Жиронды. Взгляды Жирондистовъ очень ясно выражены въ памфлетѣ Бриссо: „Къ своимъ избирателямъ“ („A ses commettants“). Ими двигала боязнь народной революціи, которая можетъ коснуться собственности,—страхъ передъ презираемымъ ими народомъ, передъ толпою оборванной бѣдноты: боязнь такого строя, въ которомъ собственность и—что еще важнѣе было для нихъ—„подготовленность къ государственному управленію“ и „умѣлость въ дѣлахъ“ утратятъ то привилегированное положеніе, которое они занимали до сихъ поръ; боязнь оказаться равными, поставленными на одну доску съ народною массою!

Эта боязнь парализовала Жирондистовъ, какъ она парализуетъ теперь всѣ тѣ партіи, которыя занимаютъ въ современныхъ парламентахъ тоже, до извѣстной степени

правительственное положеніе, какое занимали тогда Жирондисты въ роялистскомъ парламентѣ.

Понятно, какое отчаяніе овладѣвало настоящими „патріотами“, т.-е. революціонерами: оно вылилось у Марата въ слѣдующихъ строкахъ:

„Вотъ уже три года, какъ мы волнуемся, чтобы добиться свободы, и, тѣмъ не менѣе, мы стоимъ теперь дальше отъ нея, чѣмъ когда бы то ни было.

„Революція обратилась противъ народа. Для Двора и его приспѣшниковъ она является вѣчнымъ поводомъ для запеканія и подкуновъ; для законодателей она открывала попріище ихъ вѣроломству и лицемерію... Для богатыхъ и скопидомовъ она уже теперь не что иное, какъ путь къ незаконному обогащенію, къ спекуляціямъ, къ мошенничеству, къ хищничеству. Народъ же разоренъ, и безчисленный классъ бѣдняковъ долженъ выбирать между опасностью погибнуть отъ нищеты и необходимостью продавать себя.... Скажемъ безъ боязни еще разъ, что теперь мы — дальше отъ свободы, чѣмъ когда бы то ни было, потому что мы — не только раба, но мы — раба по закону“.

На государственной сценѣ, пишетъ Маратъ, перемѣнились только декорации. Остались тѣ же дѣйствующія лица, тѣ же интриги, тѣ же тайные двигатели. — Не збѣжно такъ должно было случиться, — продолжаетъ онъ, — *разъ низшіе классы нации оди борются противъ высшихъ поставленныхъ лицъ*. Въ моментъ возстанія народъ, правда, подавляетъ все своею массою: но каковы бы ни были его завоеванія, въ концѣ концовъ, его побѣждаютъ заговорщики изъ высшихъ классовъ — коварные, пронырливые, изощрившіеся во всевозможныхъ хитросплетеніяхъ. Образованные люди изъ высшихъ классовъ, обезпеченные и умѣлые интриганы сначала выступили противъ деспота; но — только для того, чтобы, завладѣвъ довѣріемъ народа и воспользовавшись его силами, стать самымъ на мѣсто устраненныхъ ими привилегированныхъ сословій и обратиться затѣмъ противъ этого самого народа“.

„Итакъ, — продолжаетъ Маратъ, и это — золотыя слова, потому что они написаны точно сейчасъ, въ двадцатомъ вѣкѣ. — Революція сдѣлана была и поддерживается лишь самыми низшими классами общества: рабочими, ремесленниками, мелкими торговцами, земледѣльцами, т.-е. плебеями, — тѣми несчастными, которыхъ безстыдное богатство

называется *черный*, а римское высокомерие называло *примитивизмом*. Но чего никак нельзя было ожидать, это то — что революция окажется сделанною исключительно для выгоды мелких земельных собственников и законников. *Кляузников!*..

На другой день послѣ взятія Бастиліи представителямъ народа нетрудно было, „лишить деспота и его агентовъ всѣхъ ихъ должности“, пишетъ дальше Марать. „Но для того народные представители должны были бы обладать дѣятельностью и добродѣтелью“. Что же касается до народа, то вмѣсто того, чтобы всѣмъ немедленно вооружиться, онъ допустилъ, чтобы вооруженною оказалась только часть гражданъ (національная гвардія, состоявшая изъ активныхъ гражданъ). *И вмѣсто того, чтобы немедленно напасть на враговъ Революціи*, онъ самъ лишилъ себя своего выгоднаго положенія, оставаясь только въ оборонительномъ положеніи.

„Въ настоящую минуту, — говоритъ Марать, — послѣ трехъ лѣтъ безконечныхъ рѣчей въ патрістическихъ обществахъ и цѣлаго вороха всевозможныхъ писаній... народъ стоитъ дальше отъ пониманія того, что ему дѣлать для сопротивленія своимъ угнетателямъ, чѣмъ въ первый день Революціи. Тогда онъ слѣдовалъ своему истинному, своему непосредственному здравому смыслу, и здравый смыслъ подсказывалъ ему, гдѣ искать средства для укрощенія его враговъ... Теперь же онъ скованъ по закону, терпитъ угнетеніе во имя закона: теперь, онъ — *рабъ на осужденіи къ невинности*“.

Можно было бы подумать, что это писано вчера, если бы оно не было взято изъ № 567 „Друга Народа“.

Глубокое отчаяніе охватывало Марата при видѣ такого положенія дѣлъ, и онъ видѣлъ только одинъ исходъ: „ожесточенный взрывъ гражданскихъ чувствъ“ со стороны народа, какъ было 13 и 14 іюля, 5 и 6 октября 1789 года. И онъ продолжалъ видѣть все въ лучшемъ свѣтѣ, пока въ Парижъ не пришли волонтеры (*freres*) изъ провинцій, которые въ вѣдохновили его надеждой.

Шансы контръ-революціи были въ этотъ моментъ (въ концѣ іюля 1792 года) такъ велики, что Людовикъ XVI истребъ отказался отъ упомянутого предложенія Жирондистовъ, — взять ихъ вокаковъ себя въ министры. Пруссакъ ужъ шли на Парижъ; Лафайетъ и Люксеръ стояли, готовые напасть, каждый свою армію, противъ Якобинцевъ, про-

тивъ Паризжа: при чемъ Лафайетъ пользовался большимъ вліяніемъ на Сѣверѣ, а въ самомъ Парижѣ былъ божиою буржуазной національной гвардіи.

И въ самомъ дѣлѣ, король имѣлъ полное основаніе надѣяться. Якобинны, пользовавшіеся вліяніемъ среди парижскихъ революціонеровъ, *не рѣшались дѣйствовать*; а когда, 18 іюля, стала извѣстна измѣна Лафайета и Люкнера (10 числа, они хотѣли похитить короля и поставить его во главѣ своихъ войскъ), и Маратъ предложилъ объявить короля заложникомъ націи противъ иностраннаго нашествія, всѣ отвернулись отъ него и называли его безумцемъ. Одни сатъ-кюлоты, въ своихъ трущобахъ, сочувствовали ему. Только потому, что онъ осмѣлился сказать то, что въ послѣдствіи окажется истинною *правдою*, только потому, что онъ осмѣлился изобличить тайныя сношенія короля съ непріятелемъ, Марата покинули всѣ, даже тѣ нѣсколько якобинскихъ патріотовъ, на которыхъ онъ — тотъ самый Маратъ, котораго изображаютъ такимъ подозрительнымъ — все еще разсчитывали. Они отказали ему даже въ убѣжищѣ, когда его искала полиція, и онъ обращался къ нимъ за пристанищемъ.

Что касается до Жиронды, то послѣ отказа короля она все еще продолжала вести съ нимъ переговоры въ этотъ разъ черезъ посредство художника Воза: а 25 іюля она обратилась къ нему съ новымъ посланіемъ.

Это было всего за двѣ недѣли до 10 августа. Революціонная Франція грызла свои удила. Она понимала, что наступилъ моментъ дѣйствовать. Или королевской власти будетъ нанесенъ послѣдній ударъ, или же революція останется незаконченной и все придется начинать сначала. Неужели же такъ и оставить королю и Двору возможность окружить себя войсками и привести въ исполненіе дворцовый заговоръ, чтобы предать Парижъ въ руки нѣмцевъ? Кто знаетъ, сколько еще дѣтъ продержится тогда на французскомъ тронѣ королевская власть, немного подновленная, но въ сущности почти самодержавная?

И вотъ, въ этотъ рѣшающій моментъ главная забота политикановъ — споръ о томъ, *кому достанется власть*, если она выпадетъ изъ рукъ короля.

Жирондисты хотятъ, чтобы власть перешла къ нимъ, къ Комисіи Двѣнадцати, которая станетъ такимъ образомъ исполнительною властью. Робеспьеръ съ своей стороны требуетъ новыхъ выборовъ, „обновленнаго Собранія“, Кон-

гента, который выработалъ бы для Франціи новую, республиканскую конституцію.

Но о томъ, чтобы дѣйствовать, о томъ, чтобы подготовить низложеніе короля — объ этомъ, кромѣ народа, не думаютъ ни тѣ, ни другіе, и ужь никакъ не клубъ Якобинцевъ. Въ кабачкѣ Золотого Солнца собираются, для подготовленія нападенія на дворецъ и всеобщаго возстанія подъ краснымъ знаменемъ, одни „неизвѣстные“ — любимцы народа, шивоваръ Сантерръ, Фурнье-Американецъ, полякъ Лазовскій, Карра, Симонъ ¹⁾, Вестерманъ (тогда бывший простымъ писцомъ), изъ которыхъ нѣкоторые состояли вмѣстѣ съ тѣмъ въ тайной директоріи волонтеровъ („федератовъ“). Затѣмъ — секціи (большинство парижскихъ и нѣкоторыя отдѣльныя секціи на Сѣверѣ, въ департаментѣ Монъ-и-Туары, въ Марселѣ), и наконецъ — марсельскіе и брестскіе волонтеры, призванные для революціоннаго дѣла парижскимъ народомъ. Народъ, вездѣ народъ!

„Тамъ (въ Собраніи) заседали законники, постоянно претирившіеся, подъ угрозой плетей своихъ господъ...”

„Здѣсь (въ собраніи секцій) было положено основаніе Республикѣ“, писалъ Шометь въ своихъ запискахъ.

¹⁾ J. P. Simon былъ нѣмецкій учитель, бывший соговарникъ Газеова по Дессаускому Филантропіуму. Рукописная замѣтка Дж. Гильома.

XXXIII.

10 августа; его непосредственные результаты.

Мы видели, каково было положеніе Франціи дѣломъ 1792 года.

Революція продолжалась уже свыше трехъ лѣтъ, и возвратъ къ старому порядку сталъ уже невозможенъ. Если феодальный строй и существовать еще по закону, на практикѣ крестьяне его не признавали: они не платили повинностей, захватывали земли духовенства и эмигрантовъ, а во многихъ мѣстахъ отбирали обратно земли, отнятыя въ прежнія времена у деревенскихъ общинъ. Въ деревенскихъ муниципалитетахъ они считали себя хозяевами.

То же самое происходило и съ государственными учреждениями. Все административное зданіе, казавшееся при старомъ укладѣ такимъ грознымъ, рухнуло. Кто думать теперь объ интендантѣ, о его жандармеріи, о судьяхъ старыхъ парламентовъ! Муниципалитетъ, взвѣченный санъ-шлотами, мѣстное Народное Собраніе, первичное собраніе избирателей, народъ вооруженный пиками, — вотъ что представляло теперь новую силу въ довольно значительной части Франціи.

Общій видъ страны, весь духъ населенія — его языкъ, нравы, понятія, — все измѣнилось подъ вліяніемъ революціи. *Народилось новая нація*, и эта нація, по своимъ политическимъ и социальнымъ понятіямъ совершенно не походила на ту, чѣмъ она была годъ тому назадъ.

А между тѣмъ старый порядокъ все еще держался. Королевская власть продолжала существовать и представляла силу, готовую собрать вокругъ себя всѣхъ враговъ Революціи. Люди жили, изо дня въ день, подъ какимъ-то временнымъ распорядкомъ. Возвратить королю его прежнюю власть было безумною мечтою, которую, кромѣ нѣкоторыхъ приговорныхъ фанатиковъ, никто уже не дѣлалъ. Но эта власть

все еще была страшно сильна—сильна возможностью приносить вредъ. Если она не могла уже возстановить феодальный порядокъ, то сколько зла она все-таки могла надѣлать освобожденнымъ крестьянамъ въ случаѣ своего торжества, если бы въ каждой деревнѣ она стала оспаривать у крестьянъ завоеванную ими землю и волю! Таковы, впрочемъ, и были планы короля и Фельянтовъ (конституціонныхъ монархистовъ).—планы, которые они собирались осуществить, какъ только партія Двора удастся раздѣлаться съ тѣми, радикалами-патріотами, кого называли „якобинцами“¹⁾.

Что касается администраціи, то мы видѣли, что въ двухъ-третяхъ всѣхъ департаментовъ, и даже въ Парижѣ, департаментская и окружная (губернская и уѣздная) администраціи были противъ Революціи; онѣ помирись бы на всякомъ подобіи конституціи, лишь бы только она давала буржуазіи возможность получить долю власти, принадлежавшей раньше королю и Двору.

Войска, во главѣ котораго стояли такіе люди, какъ Лафайетъ и Люкьеръ, могли быть каждую минуту направлены противъ народа. После 20 іюня Лафайетъ оставилъ свой лагерь, пріѣхалъ въ Парижъ и предложилъ королю помощь своего войска, чтобы разогнать общества патріотовъ и произвести переворотъ въ пользу Двора.

Наконецъ, феодальный строй, какъ мы видѣли, продолжалъ существовать по закону. Неплатежъ крестьянами феодальныхъ повинностей былъ, съ точки зрѣнія закона, злоупотребленіемъ. Пусть только завтра король вернетъ себѣ свою власть—и старый порядокъ вновь заставитъ крестьянъ платить все, до послѣдняго гроша, пока они не выкупятъ себя изъ когтей проплага; онъ заставитъ ихъ возвратитъ дворянамъ и духовенству все захваченныя или даже купленныя ими земли.

Такое временное положеніе, очевидно, не могло продолжаться. Нельзя жить съ постоянно висѣющимъ надъ головою мечомъ. Кроме того, народъ, со свойственнымъ ему вѣрнымъ инстинктомъ, отлично понимаетъ, что король состоитъ въ соглашеніи съ нѣмцами, идущими на Парижъ. Въ то время письменныхъ доказательствъ его измѣны еще не было. Переписка короля и Маріи-Антуанеты съ австрійцами еще не

¹⁾ По имени монастыря, въ которомъ помѣщался ихъ клубъ.

была известна; и никто еще не зналъ въ точности, какъ король и королева торопили австрійцевъ и пруссаковъ идти скорѣе на Парижъ, какъ они извѣщали ихъ обо всѣхъ передвиженіяхъ французскихъ войскъ, сообщали немедленно всѣ военные секреты и предавали Францію во власть чужеземнаго нашествія. Обо всемъ этомъ узнали—да и то болѣе догадались, чѣмъ узнали.—только послѣ взятія Тюильри, когда въ потайномъ шкафу, сдѣланномъ для Людовика XVI слесаремъ Гаменомъ, были найдены нѣкоторыя бумаги короля. Но измѣну скрыть не легко, и тысячи признаковъ, которые такъ легко улавливаютъ люди изъ народа, указывали на то, что Дворъ былъ въ соглашеніи съ нѣмцами и звать ихъ во Францію.

И вотъ, въ Парижѣ и кое-гдѣ въ провинціи укрѣпилась мысль, что рѣшительный ударъ долженъ быть направленъ на Тюильри: что старый порядокъ будетъ оставаться угрозою для Франціи до тѣхъ поръ, пока не будетъ провозглашено низложеніе короля.

Но для этого нужно было обратиться—какъ обратились—передъ 14 іюля 1789 года—съ призывомъ къ парижскому народу, къ „людямъ съ пиками“. А именно этого-то и не хотѣла буржуазія: этого она боялась. Въ писаніяхъ того времени мы видимъ какой-то ужасъ передъ „людьми съ пиками“. Неужели эти страшные люди опять покажутся на улицахъ?!

И еслибъ этотъ страхъ передъ народомъ былъ только у капиталистовъ! Но тѣ же опасенія раздѣляли и политическіе дѣятели. Робеспьеръ, еще въ іюнѣ 1792 года, высказывался противъ обращенія къ народу. „Низверженіе конституціи не можетъ въ настоящій моментъ, — говорилъ онъ, — дать ничего, кромѣ гражданской войны, которая приведетъ къ анархіи и деспотизму“. Въ случаѣ сверженія короля, республика казалась ему невозможной. „Какъ! — восклицалъ онъ, — при такихъ гибельныхъ разногласіяхъ насъ? Хотятъ оставить вдругъ безъ Конституціи, безъ закона!“ Республика была бы, по его мнѣнію, „произволомъ небольшого меньшинства“ (читай: Жирондистовъ): „въ этомъ, — говорилъ онъ, — цѣль всѣхъ интригъ, уже сколько времени волнующихъ насъ“. Чтобы ихъ избѣжать, онъ предпочиталъ сохранить короля, примириться со всѣми интригами Двора! И это говорилось однимъ изъ главныхъ якобинцевъ въ іюнѣ, меньше чѣмъ за два мѣсяца до 10 августа! Изъ боязни, чтобы дви-

женіемъ не зарладѣла другая партія, Робеспьеръ предпочиталъ удержатъ короля: онъ высказывался противъ возстанія.

Только послѣ неудачной демонстраціи 20 іюня и послѣдовавшей за нею реакціи, послѣ безразсуднаго поступка Ларайета, явившагося въ Парижъ и предложившаго свое войско для роялистскаго переворота; только послѣ того, какъ пѣмцы рѣшились идти на Парижъ, съ цѣлью „освободить короля и наказатъ якобинцевъ“, и Дворъ дѣятельно занялся военными приготовленіями къ битвѣ противъ населенія Парижа,—только послѣ всего этого революціонные „вожди общественнаго мнѣнія“ рѣшились обратиться къ народу, призывая его къ тому, чтобы нанести Тюильрійскому дворцу окончательный ударъ.

Разъ это было рѣшено, все остальное уже было сдѣлано самимъ народомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что между Дантономъ, Робеспьеромъ, Маратомъ, Роберомъ, Шометомъ (посталъ умеръ при полученіи извѣстій о битвѣ въ Нанси) и нѣкоторыми другими состоялось предварительное соглашеніе. Робеспьеру все было ненавистно въ Маратѣ: и его революціонный пылъ, который Робеспьеръ считалъ преувеличеніемъ, и его ненависть къ богатымъ, и его абсолютное недовѣріе къ политикамъ—все, вплоть до бѣдной и грязной одежды этого человѣка, который съ самаго начала Революціи сталъ питаться какъ нищій народъ—хлѣбомъ и водою—чтобы цѣлкомъ отдаться народному дѣлу. Несмотря на это, изящный и „корректный“ Робеспьеръ, а также и Дантоцъ, пришли къ Марату и его товарищамъ—къ людямъ изъ секцій, изъ Коммуны,—чтобы сговориться съ ними насчетъ того, какъ еще разъ поднять народъ, по примѣру 14 іюля,—на этотъ разъ, для окончательнаго нападенія на королевскую власть. Они поняли, наконецъ, что если временное положеніе будетъ продолжаться, Революція погибнетъ, не закрѣпивъ ничего изъ своихъ дѣлъ.

Либо обратиться къ народу—и тогда предоставить ему полную свободу раздѣляться, какъ онъ знаетъ, со своими врагами и оказывать на богатыхъ, какое онъ сможетъ оказывать давленіе, чтобы обложить и обрѣзать ихъ собственности. Или же королевская власть восторжествуетъ въ борьбѣ, и тогда это будетъ побѣдою контръ-революціи и уничтоженіемъ всего, что только было сдѣлано въ направленіи равенства. Въ такомъ случаѣ, бѣлый терроръ 1794 года, т.-е.

истребление революционеров, начался бы уже въ 1792 году. —
раньше, чѣмъ революція закрѣпила свои завоеванія.

Итакъ, между нѣкоторыми крайними якобинцами (они
даже засѣдали въ отдѣльномъ помѣщеніи), между Корде-
ерами и лютыми изъ народа, которые хотѣли нанести Ти-
пльрійскому двору рѣшительный ударъ, состоялось согла-
шеніе. Но разъ это было сдѣлано, разъ „вожди обществен-
наго мнѣнія“ обѣщали болѣе не противиться народному
движенію, а наоборотъ, рѣшили поддержать его, все осталь-
ное было предоставлено народу, который понималъ лучше,
чѣмъ партійные вожди, необходимость предварительнаго
соглашенія, въ моментъ, когда революція предстояло сдѣ-
лать рѣшительный шагъ.

Разъ установилось такое соглашеніе и выяснилась обяза-
ность одной идеи, Великій Неизвѣстный—народъ—принялъ
за подготовленіе возстанія и самостоятельно создалъ, въ
виду потребностей минуты, роль организациі по секциямъ,
признанной нужною для приданія движенію необходимой
связности. Подробности были предоставлены организатор-
скому духу самого населенія предмѣстій; и когда, 10 авгу-
ста, солнце взошло надъ Парижемъ, никто не могъ бы
предсказать, чѣмъ кончится этотъ знаменитый день. Въ
обоихъ батальонахъ „федератовъ“, явившихся изъ Марсея
и Бреста, хорошо организованныхъ и вооруженныхъ, на-
считывалось не болѣе тысячи человекъ, и никто, кроме
тѣхъ, кто работалъ въ предыдущіе дни и ночи въ раска-
ленной атмосферѣ предмѣстій, не могъ бы сказать, подни-
нется ли масса населенія этихъ предмѣстій или нѣтъ.

„Гдѣ же были обычные вожаки? Что они дѣлали?“
спрашиваетъ Луи Бланъ, этотъ обожатель Робеспьера,
и отвѣчаетъ:—„Ничто не указываетъ на то, какова была
въ эту рѣшающую ночь роль Робеспьера и игралъ ли онъ
какую-нибудь роль“. Дантонъ тоже, повидимому, не при-
нималъ дѣятельнаго участія ни въ подготовленіи возстанія,
ни въ самой битвѣ 10 августа.¹⁾

1) Нѣкоторые французскіе историки Революціи стараются теперь
выставить Дантона какъ одного изъ главныхъ организаторовъ во-
станія 10 августа. Но это не подтверждается ни прежними, ни
новѣйшими изслѣдованіями. Роль Дантона истинно была громадна
въ поднятій духа французскаго народа, въ его гигантской борьбѣ
съ королями Европы, соединившимся противъ Революціи подъ рукъ-
водствомъ Австріи и Пруссіи, при поддержкѣ Англіи. Точно такъ же.

Понятно, что разъ движеніе было рѣшено, народъ уже больше не нуждался въ политическихъ руководителяхъ. Теперь нужно было запасаться оружіемъ, раздавать его тѣмъ, кто сумѣетъ владѣть имъ, организовать ядро надежныхъ бойцовъ внутри каждаго батальона, образовать колонны во всѣхъ улицахъ предмѣстій. Въ этомъ, политическіе вожаки могли только мѣшать. Вотъ почему, въ ночь съ 9 на 10 августа, когда дѣлалась послѣднія приготовленія къ движенію, ихъ попросили уйти къ себѣ домой спать. Дантонъ такъ и сдѣлалъ; какъ видно изъ дневника жены Дамулена, Люсилл, Дантонъ провелъ до часа ночи въ своей секціи, а затѣмъ спалъ всю ночь.

На сцену выступили, теперь, при назначеніи секціями новаго Генеральнаго Совѣта Коммуны, т.-е. Революціонной Коммуны Десятаго августа,—новые люди—все „неизвѣстные“. Каждая секція, становясь сама для себя закономъ, избрала „для спасенія отечества“ своихъ трехъ комиссаровъ, причемъ выборъ народа палъ, какъ разсказываютъ намъ историки, исключительно на людей никому не извѣстныхъ. Въ числѣ ихъ былъ Эберъ (Hébert), но не было, въ началѣ, даже ни Марата, ни Дантона ¹⁾.

Такимъ образомъ возникла изъ нѣдръ народа и взяла на себя руководство движеніемъ новая „Коммуна“—революціонная Коммуна. И мы увидимъ, какое могущественное вліяніе оказала она на весь послѣдующій ходъ событий, какъ она господствовала надъ Конвентомъ и толкала на революціонное дѣло членовъ Горы, чтобы упрочить, по крайней мѣрѣ, тѣ завоеванія, которыя уже сдѣланы были революціей.

роль Дантона, какъ личная, такъ и черезъ клубъ Кордельеровъ, равно какъ и роль Марата, была очень велика для организаціи революціоннаго самоуправленія городовъ, съ ихъ „отдѣлами“ и секціями; можно смѣло сказать также, что возстаніе 10 августа не было бы такъ усиленно, если бы Дантонъ не поддержалъ силою своего громаднаго авторитета подготовленіе къ этому возстанію; но выставлять его душой этого возстанія или приготовленій къ нему—для этого нѣтъ основанія.

¹⁾ „Сколько величія было въ этомъ Собраніи!“ пишетъ Шометь (Mémoires“, стр. 44). „Какіе высокіе порывы патріотизма видѣлъ я, когда обсуждали вопросъ о низложеніи короля! Что такое было Национальное Собраніе съ его мелкими страстями... мелкими мѣрами, съ его декретами, задержанными на полъ-дорогѣ, а затѣмъ и совсѣмъ убитыми посредствомъ veto,—въ сравненіи съ этимъ собраніемъ парижскихъ секцій“.

Подробно рассказывать о событиях 10 августа было бы излишне. Драматическая сторона революціи лучше всего рассказана у историковъ, и мы находимъ у Мишлэ и у Луи Блана превосходныя описанія событій. Я ограничусь. поэтому тѣмъ, что напомнимъ лишь главныя изъ нихъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ городъ Марсель рѣшительно, высказался за низложеніе короля, петиціи и адреса въ пользу низложенія стали поступать въ Собраніе изъ разныхъ мѣстъ. Въ Парижѣ, сорокъ-двѣ секціи высказались въ томъ же смыслѣ. 4 августа Петионъ, мэръ Парижа, даже явился въ Собраніе, чтобы выразить желаніе секцій.

Что касается до политическихъ дѣятелей Національнаго Собранія, то они, повидимому, не отдавали себѣ отчета въ серьезномъ положеніи дѣлъ, и въ то время, какъ въ письмахъ изъ Парижа (госпожи Жюльенъ) отъ 7 и 8 августа мы читаемъ: „На горизонтѣ собирается страшная гроза“, „горизонтъ теперь насыщенъ парами, отъ которыхъ долженъ произойти страшный взрывъ“, — Собраніе въ ночномъ засѣданіи оправдывало Лафайета, котораго нѣкоторые члены хотѣли осудить за его письмо, — точно никакого взрыва негодования противъ королевской власти вовсе не было.

Парижскій народъ, тѣмъ временемъ, готовился къ рѣшительной битвѣ. У революціонныхъ комитетовъ хватило, однако, достаточно здраваго смысла, чтобы не назначать возстанія на опредѣленный день. Они только зорко наблюдали за измѣнчивымъ состояніемъ умовъ, старались поднять настроеніе и поджидали момента, когда можно будетъ обратиться съ призывомъ къ оружію. Была, повидимому, попытка вызвать движеніе 26 іюля, для чего былъ устроенъ банкетъ на развалинахъ Бастиліи, въ которомъ приняло участіе все населеніе предмѣстья, принесшее свои столы и свою провизію (Mortimer Ternaux, „La Terreur“, т. II, стр. 130). Въ другой разъ попробовали поднять народъ 30 іюля, но и это тоже не удалось.

Приготовленія къ возстанію, въ которыхъ „вожди общественнаго мнѣнія“ участвовали очень мало, могли бы еще затянуться, если бы дворцовые заговорщики сами не ускорили событій. Роялисты рассчитывали на помощь придворныхъ, клявшихся умереть за короля, на нѣсколько батальоновъ національной гвардіи, оставшихся вѣрными Двору, и на швейцарцевъ, державшихъ караулы во дворцѣ. Они были увѣрены въ побѣдѣ. Для своего государственнаго

переворота они избрали день 10 августа. „Это былъ день, назначенный для контръ-революціи“, читаемъ мы въ писъмахъ того времени; „на другой день во всей Франціи якобинцы должны были оказаться потопленными въ своей собственной крови“.

Секціи это узнали, и тогда, въ ночь съ 9-го на 10-е, въ полночь, въ Парижѣ ударили въ набѣтъ. Сначала набѣтъ, какъ будто, не произвелъ нужнаго дѣйствія, и въ Коммуны стали даже поговаривать—не отложить ли возстаніе? Въ семь часовъ утра нѣкоторые кварталы были еще совершенно спокойны. На самомъ же дѣлѣ, парижскій народъ, съ его удивительнымъ революціоннымъ чутьемъ, вѣроятно, не рѣшался начать въ темнотѣ битву съ королевскими войсками, такъ какъ она могла кончиться паникой и пораженіемъ.

Тѣмъ временемъ, ночью, „Революціонная Коммуна“ (т.-е. новый, революціонный Совѣтъ Коммуны), вступила во владѣніе Городскою Ратушею. Она явилась въ Ратушу, смѣнила прежній, „законный“ Совѣтъ Коммуны, который уступилъ свое мѣсто новой революціонной силѣ, и тотчасъ же придала всему движенію новую энергію.

Около семи часовъ утра, люди съ пиками, руководимые марсельскими „федератами“, первые показали на площади Карузеля, подступая къ дворцу.

Часъ спустя, заколыхалась и вся толпа. Во дворецъ къ королю прибѣжали съ вѣстью, что „весь Парижъ“ идетъ на Тюильри.

И это былъ дѣйствительно весь Парижъ, но особенно весь Парижъ бѣдноты, при поддержкѣ національной гвардіи изъ рабочихъ и ремесленныхъ кварталовъ.

Тогда, около половины девятого, король — у котораго еще свѣжо было въ памяти воспоминаніе о двадцатомъ іюня, и заговорила боязнь быть убитымъ народомъ — покинулъ Тюильри по совѣту своихъ придворныхъ и направился иѣшкомъ, черезъ садъ, искать убѣжища въ Соборѣ, представляя своимъ приверженцамъ защищать дворецъ и избивать нападающихъ. И какъ только король ушелъ, цѣлые батальоны буржуазной національной гвардіи изъ богатыхъ кварталовъ понемногу разошлись, избѣгая вооруженной встрѣчи съ поднявшимся народомъ.

Густая толпа народа быстро наводнила окрестности Тюильри, и тѣ изъ толпы, кто былъ впереди, — ободрен-

ные швейцарцами, которые при видѣ народныхъ массъ начали выбрасывать изъ оконъ дворца свои патроны,—проникли въ одинъ изъ дворовъ Тюильри. Но въ этотъ же моментъ другіе швейцарцы, стоявшіе подъ командой придворныхъ офицеровъ на большой входной лѣстницѣ дворца, открыли огонь по народу, и повалили въ упоръ, въ нѣсколько минутъ, убитыми и ранеными у подножія лѣстницы, болѣе четырехсотъ человѣкъ.

Это избіеніе рѣшило исходъ движенія. Тенерь, со всѣхъ сторонъ къ Тюильри повалили толпы народа, съ криками: *Измѣна! Смерть королю! Смерть австріячкѣ!* Все населеніе предмѣстій Сентъ-Антуанъ и Сентъ-Марсео массами двинулось ко дворцу, и швейцарцы, на которыхъ народъ набросился съ ожесточеніемъ, были обезоружены или убиты.

Нужно ли напоминать о томъ, что даже въ этотъ рѣшающій моментъ Собраніе колебалось и не знало, что предпринять. Оно начало дѣйствовать только тогда, когда вооруженный народъ ворвался въ залу засѣданій, грозя убить тутъ же короля и его семью, а также и тѣхъ депутатовъ, которые не рѣшались высказаться за низложеніе короля. Даже тогда, когда тюильрійскій дворецъ былъ уже взятъ, и королевская власть фактически перестала существовать, Жирондисты, нѣкогда такъ любившіе говорить о Республикѣ, не осмѣливались предпринять ничего рѣшительнаго. Верно потребовалъ только *временнаго отршенія главы исполнительной власти*; его предлагалось теперь переселить въ Люксембургскій дворецъ. Такъ и было сдѣлано.

Только два или три дня спустя, революціонная Коммуна перевезла Людовика XVI и его семью въ башню Тамплъ (Temple), чтобы держать его тамъ въ качествѣ плѣнника.

Королевская власть была, такимъ образомъ, фактически уничтожена. Законодательному Собранію оставалось только подчиниться. Тенерь Революція могла, на нѣкоторое время, свободно развиваться, не боясь, что еѣ внезапно остановятъ перевороты со стороны роялистовъ, избіеніе революціонеровъ и водвореніе бѣлаго террора.

Для политиковъ главный интересъ 10 августа заключается въ томъ, что въ этотъ день былъ нанесенъ ударъ королевской власти. Для народа же этотъ день былъ, главнымъ образомъ, днемъ уничтоженія той силы, которая противилась осуществленію декретовъ, направленныхъ противъ

феодалныхъ правъ, противъ эмигрантовъ и противъ священниковъ, и ради этого призывала себѣ на помощь нѣмецкое нашествіе. Это былъ день торжества *народныхъ* революціонеровъ, торжества народа, получившаго теперь возможность вести Революцію впередъ, въ направленіи Равенства—всегдашней мечты и цѣли народныхъ массъ. И дѣйствительно, уже на другой день послѣ 10 августа Законодательное Собраніе, при всей своей трусости и реакціонности, издало, подъ вѣншимъ давленіемъ, нѣсколько декретовъ, двинувшихъ Революцію впередъ.

На основаніи этихъ декретовъ, всякій неприсягнувшій священникъ, который не принесъ бы въ теченіе двухъ недѣль присягу Конституціи и послѣ этого былъ бы найденъ на французской территоріи, подлежалъ ссылкѣ въ Кайенну.

Всѣ имущества эмигрантовъ, во Франціи и въ колоніяхъ, конфисковались и подлежали продажѣ—мелкими участками: этого особенно добивались крестьяне, и этому противилось Законодательное Собраніе.

Всякое различіе между пассивными (бѣдными) и активными (имущими) гражданами было отмѣнено. Всѣ граждане становились избирателями, когда достигнутъ двадцати-одного года: и избираемыми—въ двадцать-пять лѣтъ.

Что касается феодалныхъ правъ, то мы видѣли, что Учредительное Собраніе издало 15 марта 1790 года возмущительный законъ, по которому *всѣ* феодалныя повинности разсматривались, какъ представляющія собою стоимость извѣстнаго участка земли, уступленнаго когда-то собственникомъ арендатору (что было совершенно невѣрно), а потому должны были выплачиваться сполна, пока онѣ не будутъ выкуплены.

Смѣшивая въ одно повинности *личныя* (вытекавшія изъ крѣпостного права) и повинности *земельныя* (вытекавшія изъ аренды), этотъ декретъ отмѣнялъ, въ сущности, постановленіе 4 августа 1789 года, въ силу котораго уничтожались всѣ *личныя* повинности. Съ декретомъ 15 марта 1790 года эти повинности возрождались, подъ видомъ обязательствъ, связанныхъ съ владѣніемъ землею. На это очень справедливо указалъ уже Кутонъ въ докладѣ, прочитанномъ въ Собраніи 29 февраля 1792 года.

Только 14 іюня 1792 года, т.-е. незадолго до 20 іюня, когда нужно было снискать расположеніе народа, лѣвая сторона—и только воспользовавшись случайны мъ отсутстві-

емъ нѣсколькихъ членовъ правой, провела *отмѣну безъ выкупа* нѣкоторыхъ личныхъ феодальныхъ правъ, а именно всѣхъ единовременныхъ платежей (*casuels*), взимавшихся помѣщикомъ при полученіи крестьянinemъ наслѣдства, или свадьбы, а также за виноградный прессъ, за мельницу, общую печь и т. д., которые могъ держать только помѣщикъ.

Итакъ, *послѣ трехъ лѣтъ Революціи*, добиться отъ Собранія отмѣны этихъ возмутительныхъ платежей, удалось только ловкимъ маневромъ!

Впрочемъ, единовременные платежи не уничтожались окончательно даже этимъ декретомъ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ ихъ все-таки нужно было выкупать: но оставимъ это.

Что же касается *годовыхъ* платежей натурою — чинша, цензива, шампара, — которые крестьянамъ приходилось вносить помимо земельной ренты и которые также являлись остатками личной зависимости отъ помѣщика, то они оставались въ полной силѣ.

Но вотъ народъ пошелъ на Тюльери; король низложенъ и взятъ въ плѣнъ революціонною Коммуною. И, какъ только вѣсть объ этомъ разнесется по деревнямъ, въ Собраніе стекаются со всѣхъ сторонъ прошенія отъ крестьянъ, требующихъ полной отмѣны феодальныхъ правъ.

Тогда—это было незадолго до 2 сентября, и отношеніе парижскаго народа къ буржуазнымъ законодателямъ было довольно угрожающее—Собраніе рѣшилось сдѣлать еще нѣсколько шаговъ впередъ, проведя декреты 16 — 25 августа 1792 года.

Этимъ декретами всякія преслѣдованія за неплатежъ феодальныхъ повинностей приостанавливались; это было уже нѣкоторое приобрѣтеніе.

Всѣ феодальные и помѣщичьи платежи—если они не представляли собою уплаты за состоявшуюся когда-нибудь уступку земельного участка—отмѣнялись безъ выкупа.

Кромѣ того, декретомъ 20 августа *разрѣшалось*, въ случаѣ перехода земли къ новому собственнику, выкупать порознь единовременные или годовые платежи, если они платились за пользованіе землею.

Отмѣна преслѣдованій за неплатежъ была, несомнѣнно, крупнымъ шагомъ впередъ. Но феодальныя повинности все еще продолжали существовать. Попрежнему ихъ приходи-

лось выкупать; одно только сдѣлать новый законъ: онъ вносилъ лишнюю путаницу, такъ что теперь легче было, ничего не платить и ничего не выкупать. Крестьяне, разумеется, не замедлили такъ и сдѣлать, въ ожиданіи какой-нибудь новой побѣды народа и новыхъ уступокъ со стороны правителей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ были отмѣнены безъ вознагражденія всѣ церковныя десятины, а также барщины, унаследованныя отъ права мертвой руки. Это былъ уже шагъ впередъ: если Собраніе покровительствовало помѣщикамъ и буржуазнымъ владѣльцамъ, пріобрѣтавшимъ землю, то по крайней мѣрѣ духовенство, съ тѣхъ поръ какъ исчезъ защищавшій его король, было предоставлено своей собственной судьбѣ.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Собраніе провело такую мѣру, которая, если бы только она была приложена на практикѣ, сразу возстановила бы противъ Республики всю крестьянскую Францію. Законодательное Собраніе отмѣнило круговую поруку въ платежахъ, существовавшую въ крестьянскихъ общинахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ предписало, по предложенію Франсуа де Нёфшатё, *раздѣлъ общинныхъ земель между гражданами*. Но, повидимому, къ этому декрету, составленному очень неопредѣленно, въ нѣсколькихъ строкахъ, и похожему скорѣе на принципиальную декларацию, чѣмъ на декретъ, никто не отнесся серьезно. Его примѣненіе натолкнулось бы, впрочемъ, на такія препятствія, что онъ неизбѣжно остался бы мертвою буквою. А когда этотъ вопросъ былъ снова внесенъ на обсужденіе, существованіе Законодательнаго Собранія уже приходило къ концу, и оно разошлось, не прійдя ни къ какому рѣшенію.

Что касается имуществъ эмигрантовъ, то ихъ предписано было распродать *мелкими участками*, въ два, три, самое большее — четыре арпана¹⁾. Продажа эта должна была производиться въ видѣ денежной аренды, которую всегда можно было выкупить. Иными словами, тотъ у кого не было денегъ, могъ все-таки купить землю, подъ условіемъ платежа вѣчной аренды, которую онъ рано или поздно могъ выкупить. Для бѣдныхъ крестьянъ это было, несомнѣнно, выгодно. Но на мѣстахъ мелкіе покупатели встрѣчали, какъ и слѣдовало ожидать, всевозможныя затрудненія. Богатые

¹⁾ Арpent парижской мѣры былъ около трети десятины. Въ другихъ мѣстахъ — до полъ-десятины.

буржуа предпочитали покупать земли эмигрантовъ крупными участками, а потомъ перепродавать ихъ по мелочамъ.

Наконецъ—и это очень характерно—Майль воспользовался подходящимъ настроеніемъ, чтобы предложить одну дѣйствительно революціонную мѣру, о которой вспомнили впоследствии, послѣ паденія Жирондистовъ. Онъ предложилъ отмѣнить указъ 1669 года и заставить помѣщиковъ возвратить крестьянскимъ общинамъ мірскія земли, отнятыя у нихъ на основаніи этого указа. Предложеніе, разумѣется, было отвергнуто: для этого нужна была еще одна революція.

Итакъ, вотъ результаты 10 августа:

Королевская власть низвергнута, и Революція можетъ теперь развернуть новую страницу и дѣлаться въ направленіи равенства, если этому не помѣшаютъ Собраніе и, вообще, правители.

Король и его семья—въ заключеніи. Созвано новое Собраніе, Конвентъ. Выборы будутъ происходить на основаніи всеобщаго избирательнаго права, хотя все еще остаются двухстепенными.

Противъ священниковъ, отказывающихся признать Конституцію, и противъ эмигрантовъ приняты нѣкоторыя мѣры.

Издано распоряженіе о продажѣ имуществъ эмигрантовъ, конфискованныхъ на основаніи декрета 30 марта 1792 года.

Противъ иноземнаго вторженія будетъ поведена рѣшительная война—добровольцами, сапъ-кюлотами.

Но существенный вопросъ—что дѣлать съ плѣнникомъ королемъ? и другой, такой же существенный вопросъ, волнующій пятнадцать милліоновъ крестьянъ—вопросъ о феодальныхъ платежахъ, — все еще остаются нерѣшенными. Чтобы избавиться отъ этихъ платежей, ихъ все еще приходится выкупать. А новый законъ о раздѣлѣ общинныхъ земель вызываетъ въ деревняхъ серьезныя опасенія.

Въ этотъ моментъ Законодательное Собраніе расходится—сдѣлавъ все, что могло, чтобы помѣшать естественному развитію Революціи, которое привело бы къ уничтоженію двухъ наслѣдій прошлаго: королевской власти и феодальныхъ правъ.

Но рядомъ съ Законодательнымъ Собраніемъ выросла съ 10 августа новая сила—Парижскія Секціи (Отдѣлы) и Парижская Коммуна, которая беретъ на себя революціонный починъ и проявляетъ его, какъ мы увидимъ, въ теченіи почти двухъ лѣтъ.

XXXIV.

Междоусобице.—Измена.

Парижскій народъ, оплакивая своихъ убитыхъ, громко требовалъ справедливаго наказанія виновниковъ избиенія около Тюильрійскаго дворца.

Тысяча сто человѣкъ, по словамъ Мишлэ,—три тысячи, по слухамъ, ходившимъ въ то время, были убиты защитниками дворца. Особенно пострадали люди съ ииками, бѣднота предмѣстій. Они толпой бросались на осаду Тюильри и падали подъ пулями швейцарцевъ и дворянъ, которые стрѣляли изъ-за толстыхъ стѣнъ.

Нагруженные трупами тѣлѣги направлялись къ предмѣстиямъ, рассказываетъ Мишлэ, и тамъ мертвыхъ выкладывали для распознаванія. Толпа окружала ихъ, и крики мести мужчинъ смѣшивались съ рыданіями женщинъ.

Вечеромъ 10 августа, и на слѣдующій день, народный гнѣвъ обрушился въ особенности на швейцарцевъ. Нѣкоторые швейцарцы, выбросивъ свои патроны за окно, тѣмъ самымъ какъ бы пригласили толпу во дворецъ: кромѣ того, въ тотъ моментъ, когда швейцарцы, поставленные на главной лѣстницѣ, открыли по толпѣ частый и убійственный огонь, народъ какъ разъ пытался брататься съ ними.

Скоро, однако, народъ понялъ, что для того, чтобы добратся до зачинщиковъ убійства, нужно направить удары выше: на короля, на королеву, на весь „австрійскій комитетъ“ Тюильрійскаго дворца.

Но Собраніе покрывало своею властью именно короля, королеву и ихъ приверженцевъ. Правда, король, королева, ихъ дѣти и близкіе были заперты въ башнѣ Тампль: Коммунѣ удалось добиться отъ Собранія ихъ перевода въ эту тюрьму, заявивши, что она слагаетъ съ себя всякую отвѣтственность за то, что можетъ произойти, если они останутся въ Люксембургскомъ дворцѣ. Но въ сущности, ничего

еще не было сдѣлано; все осталось въ томъ же положеніи, вплоть до 4 сентября.

10 августа Собрание отказалось даже объявить Людовика XVI низложеннымъ. Подъ вліяніемъ Жирондистовъ, оно ограничилось тѣмъ, что провозгласило его *временное отрѣшеніе*, и поспѣшило назначить гувернёра наслѣднику престола. И вотъ теперь, 19 августа, 130.000 нѣмцевъ наступали на Парижъ, чтобы уничтожить конституцію, возстановить неограниченную власть короля, отмѣнить всѣ декреты обоихъ Собраний и предать смерти „якобинцевъ“, т.-е. всѣхъ революціонеровъ.

Понятно, каково должно было быть при такихъ условіяхъ состояніе умовъ въ Парижѣ. Подъ видомъ внѣшняго спокойствія, въ предмѣстьяхъ начиналось мрачное, глухое волненіе. Постѣ купленной такой дорогой цѣной побѣды надъ Тюильри, въ рабочихъ кварталахъ чувствовали, что Собрание измѣняетъ, и что измѣняютъ даже революціонные „вожди общественнаго мнѣнія“, которые также колеблются и не хотятъ рѣшительно высказаться противъ короля и монархіи.

Каждый день на трибуну Собранія, въ засѣданія Коммуны, въ печать, доставлялись новыя доказательства заговора, подготовлявшагося въ Тюильри передъ 10 августа и продолжавшагося еще и теперь, какъ въ Парижѣ, такъ и въ провинціи. Но Собрание ничего не предпринимало, чтобы покарать виновныхъ и помѣшать возобновленію ихъ заговоровъ.

Съ каждымъ днемъ вѣсти съ границы становились все тревожнѣе и тревожнѣе. Войска, какъ нарочно, были выведены изъ пограничныхъ крѣпостей; ничего не было сдѣлано, чтобы остановить нашествіе непріятеля. Ясно было, что многочисленнымъ французскимъ войскамъ, подъ предводительствомъ сомнительныхъ генераловъ, никогда не остановить нѣмецкихъ войскъ, вдвое болѣе многочисленныхъ, хорошо обученныхъ и находящихся подъ командой генераловъ, пользующихся довѣріемъ своихъ солдатъ. Роялисты уже высчитывали день и часъ, когда нѣмецкое войско подступитъ къ воротамъ Парижа.

Масса населенія понимала всю опасность положенія. Все, что было въ Парижѣ молодого, сильнаго, вдохновеннаго республиканскимъ воодушевленіемъ, спѣшило записаться въ волонтеры и летѣло къ границѣ. Воодушевленіе доходило до героизма. Деньги, всевозможныя патріотическія пожер-

твованія сыпались въ комитеты, гдѣ записывались новобранцы.

Но къ чему все это самопожертвованіе, когда каждый день приносить съ собою вѣсти о новыхъ измѣнахъ, и когда всѣ эти измѣны, въ концѣ-концовъ, связаны съ королемъ и королевой, которые продолжаютъ изъ Тампля управлять всѣми нитями заговора? Несмотря на строгій надзоръ со стороны Коммуны, Марія Антуанета знаетъ обо всемъ, что происходитъ на волѣ. Ей извѣстенъ каждый шагъ нѣмецкихъ войскъ, и когда въ Тамплъ приходятъ рабочіе, чтобы вставить рѣшетки въ окна, она говоритъ имъ: „Къ чему это? Черезъ недѣлю насъ здѣсь не будетъ“. И дѣйствительно, роялисты ожидаютъ, что 5 или 6 сентября въ Парижъ войдутъ восемьдесятъ тысячъ пруссаковъ.

Къ чему вооружаться, къ чему спѣшить къ границѣ, когда Законодательное Собраніе и партія, стоящая у власти — открытые враги Республики? Они дѣлаютъ все возможное для сохраненія власти короля. Не дальше, какъ за двѣ недѣли до 10 августа, т.-е. 24 іюля, Жирондистъ Бриссо не громилъ-ли Кордельеровъ, стремившихся къ Республикѣ, и не требовалъ ли онъ, чтобы мечъ закона покаралъ ихъ¹⁾? А теперь, послѣ 10 августа, клубъ якобинцевъ — мѣсто сборища зажиточной буржуазіи — хранить упорное молчаніе, вплоть до 27 августа, о самомъ главномъ вопросѣ, волнующемъ народъ: „будетъ, или не будетъ сохранена королевская власть, опирающаяся на нѣмецкіе штыки?“

Безсиліе правителей, малодушіе „вождей общественнаго мнѣнія“ въ такую опасную минуту неизбѣжно должны были довести народъ до отчаянія. И только читая газеты того времени, воспоминанія и частныя письма, писанныя въ эти дни, только переживая волненія, пережитыя Парижемъ съ момента объявленія войны, можно понять всю глубину отчаянія городского населенія. Вотъ почему мы приведемъ здѣсь вкратцѣ главные факты.

Въ моментъ объявленія войны, Лафайета все еще превозносили до облаковъ, особенно въ средѣ буржуазіи; всѣ радовались, что ему поручено было верховное командованіе войсками. Правда, послѣ избіенія на Марсовомъ полѣ въ

¹⁾ „Если есть люди, говоритъ онъ, которые стараются устроить теперь Республику на развалинахъ Конституціи, то мечъ закона долженъ покарать ихъ, наравнѣ съ дѣятельными сторонниками системы двухъ Палатъ и контръ-революціонерами изъ Кобленца“.

іюль 1791 года, на его счетъ возникли кое-какія подозрѣнія, нашедшія откликъ въ рѣчи Шабó, произнесенной въ Собраніи въ іюнь 1792 года. Но Собраніе заклемило Шабó именемъ дезорганизатора и измѣнника, и заставило его замолчать.

Но вотъ, черезъ нѣсколько дней, 18 іюня, Собраніе получило отъ Лафайета знаменитое письмо, въ которомъ онъ обличалъ Якобинцевъ и требовалъ закрытія всѣхъ клубовъ. Письмо это пришло черезъ нѣсколько дней послѣ удаленія королемъ Жирондистскаго министерства („якобинскаго“, какъ тогда говорили), и это совпаденіе казалось знаменательнымъ. Собраніе, однако, не обратило на это вниманія и выразило сомнѣніе въ подлинности письма; народъ же вполне естественно сталъ подозрѣвать, не находится ли само Собраніе въ заговорѣ съ Лафайетомъ?

Между тѣмъ, броженіе все росло, и наконецъ 20 іюня произошло первое движеніе. Народъ, прекрасно организованный по секціямъ, наводнилъ Тюильри. Движеніе кончилось, какъ мы видѣли, довольно скромно; но буржуазія была напугана, и Собраніе ударилось въ полную реакцію, издавъ декретъ, направленный противъ всякихъ сборищъ. Затѣмъ, 23 іюня пріѣзжаетъ Лафайетъ. Онъ является въ Собраніе, признаетъ письмо отъ 18 іюня своимъ и подтверждаетъ его. Въ рѣзкихъ выраженіяхъ онъ порицаетъ движеніе 20 іюня и еще болѣе рѣзко обличаетъ всѣхъ „якобинцевъ“. Люкперъ, командующій другою арміею, присоединяется къ Лафайету въ осужденіи 20 іюня и въ выраженіи вѣрноподданныхъ чувствъ къ королю. Затѣмъ, Лафайетъ разъѣзжаетъ по Парижу „въ сопровожденіи шестисотъ или восьмисотъ офицеровъ изъ парижскаго войска, окружающихъ его экипажъ“¹⁾. Теперь мы знаемъ изъ обнародованныхъ съ тѣхъ поръ документовъ, зачѣмъ Лафайетъ пріѣзжалъ въ Парижъ. Онъ пріѣзжалъ, чтобы убѣдить короля дать себя похитить, а затѣмъ поставить его подъ защиту войска. Теперь это достоверно извѣстно; но и тогда уже къ генералу начинали относиться съ подозрѣніемъ. Въ Собраніе было даже внесено 6 августа предложеніе о преданіи его суду; но большинство, какъ мы видѣли, высказалось въ его пользу. Лафайетъ тор-

¹⁾ Письма г-жи Jullien къ сыну (*Journal d'une bourgeoise*, стр. 170). Если въ этихъ письмахъ и встрѣчаются нѣкоторыя мелкія ошибки въ подробностяхъ, то они во всякомъ случаѣ очень цѣнны для этого періода, именно потому, что показываютъ намъ, что говорилъ или думалъ въ тотъ или другой день революціонный Парижъ.

жествовалъ; но—что же долженъ былъ думать объ этомъ народъ¹⁾).

„Боже мой, какъ плохо идутъ дѣла, другъ мой!“—писала г-жа Жюльенъ своему мужу, 30 июня 1792 года. „Поведеніе (Собранія такъ раздражаетъ массу, что если Людовикъ XVI вздумается взять хлыстъ Людовика XIV и прогнать этотъ безсильный парламентъ, то ему будутъ руко-

¹⁾ Въ письмѣ къ прусскому королю, писанномъ въ 1793 году монархистъ Лалли-Толендаль, прося объ освобожденіи Лафайета (тогда уже въ плѣну у пруссаковъ), перечислялъ услуги, оказанныя Двору вѣроломнымъ генераломъ. Когда, послѣ вареннского бѣгства, въ іюнѣ 1791 года, короля привезли въ Парижъ, самые вліятельные члены Учредительнаго Собранія устроили совѣщаніе, на которомъ обсуждали вопросъ о томъ, будетъ ли король преданъ суду, и будетъ ли установлена республика? Тогда Лафайетъ сказалъ имъ: „Если вы убьете короля, то предупреждаю васъ, что на другой день мы съ національной гвардіей провозгласимъ королемъ наследнаго принца“.— „Онъ—съ нами, и теперь мы должны простить ему все“, говорила о Лафайетѣ сестра короля, Madame Elisabeth, г-жѣ де-Тонеръ, въ іюнѣ 1792 года; а въ началѣ іюля 1792 года Лафайетъ писалъ королю и получилъ отъ него отвѣтъ. Въ письмѣ отъ 8 іюля онъ предлагалъ королю организовать его бѣгство. Самъ онъ намѣревался явиться 15-го, съ пятнадцатью эскадронами и восемью пушками конной артиллеріи, чтобы встрѣтить короля въ Компьенѣ. Лалли-Толендаль, самъ называвшій себя роялистомъ, по унаслѣдованной въ ихъ семьѣ религіи, разказывалъ затѣмъ, подъ честнымъ словомъ, слѣдующее: „Его воззванія къ войску, его знаменитое письмо къ Законодательному Собранію, его неожиданное появленіе въ засѣданіи послѣ ужаснаго дня 20 іюня—все это было мнѣ извѣстно, ничто не отдалось безъ моего участія... На другой день послѣ его пріѣзда въ Парижъ, я провелъ съ нимъ часть ночи; мы говорили о томъ, чтобы объявить войну якобинцамъ въ самомъ Парижѣ—войну въ полномъ смыслѣ слова“. Ихъ планъ состоялъ въ слѣдующемъ: сгруппировать „собственниковъ, находящихся въ тревогѣ, и всѣхъ многочисленныхъ недовольныхъ“, чтобы объявить, что не нужно Якобинцевъ, не нужно Корделлеровъ; увлечь народъ къ якобинскому клубу, арестовать вожаковъ, захватить ихъ бумаги и разрушить домъ. Господинъ Лафайетъ всѣми силами стремился къ этому; онъ сказалъ королю: *Нужно уничтожить Якобинцевъ физически и нравственно*. Этому воспротивились его робкіе друзья... Но онъ самъ, до крайней мѣрѣ, поклялся мнѣ, что, возвратившись къ своему войску, тотчасъ же начнетъ изыскивать пути къ освобожденію короля“. Это письмо Лалли-Толендаля приведено цѣликомъ у Buchez и Roux, т. XVII, стр. 227 и слѣд.

И несмотря на все это, „комиссары, отправленные Собраніемъ къ Лафайету послѣ 10 августа, получили инструкцію предложить ему первое мѣсто при новомъ порядкѣ“.

Въ Національномъ Собраніи, среди Жирондистовъ, измѣна наступила, такимъ образомъ, болѣе глубокіе корни, чѣмъ это принято думать.

плескать со всѣхъ сторонъ, правда изъ вѣчень различныхъ побужденій; но какое дѣло до этого тиранамъ. разъ такое единодушіе помогаетъ ихъ расчетамъ! Буржуазная аристократія въ восторгѣ, а народъ подавленъ отчаяніемъ; поэтому надвигается гроза“ (стр. 164).

Сопоставимъ эти слова съ приведенными нами выше словами Шомета—и мы поймемъ, что въ глазахъ революціоннаго элемента парижскаго населенія Собраніе было тормозомъ, замедлявшимъ ходъ революціи, или хуже того¹⁾.

Между тѣмъ наступаетъ 10 августа. Парижскій народъ, организованный по секціямъ, овладѣваетъ движеніемъ. Онъ назначаетъ революціоннымъ путемъ свой Совѣтъ Коммунъ, для приданія возстанію общаго единства. Онъ изгоняетъ короля изъ Тюильри, съ боя беретъ дворецъ, и Коммуна заключаетъ короля въ башню Тампль. Но Законодательное Собраніе остается, и оно скоро становится мѣстомъ сбора всѣхъ роялистскихъ элементовъ.

Буржуа-собственники сразу замѣчаютъ, что движеніе приняло народный характеръ, что оно идетъ въ направле- ній равенства,—и они еще больше начинаютъ держаться за короля. Тысячи плановъ создаются тогда съ цѣлью пере- дать престолъ, или ребенку-наслѣднику (такъ и было бы сдѣлано, если бы мысль о регентствѣ Маріи-Антуанеты не внушала всеобщаго отвращенія), или какому-нибудь другому, французскому или даже иностранному, претенденту. Такъ же какъ и послѣ варенискаго бѣгства, замѣтно усиливаются чувства, благопріятныя для королевской власти, и въ то

1) „Въ настоящую минуту горизонтъ насыщенъ парами, отъ ко- торыхъ долженъ произойти взрывъ“, писала г-жа Жюльенъ 8 ав- густа. „Собраніе кажется мнѣ слишкомъ слабымъ, чтобы способ- ствовать стремленіямъ народа, а народъ кажется мнѣ слишкомъ сильнымъ, чтобы дать ему поработить себя. Изъ этого столкновенія, изъ этой борьбы должно произойти крупное событіе: свобода или рабство для двадцати пяти милліоновъ людей“ (стр. 211). И дальше: „Изложеніе короля, требуемое большинствомъ и отвергаемое мень- шинствомъ, господствующимъ въ Собраніи, послужитъ причиной этого страшнаго, готовящагося теперь, столкновенія. У Сената (Со- бранія) не хватитъ смѣлости провозгласить изложеніе, а народъ не будетъ настолько трусливъ, чтобы снести такое пренебреженіе об- щественнымъ мнѣніемъ“. А когда Собраніе оправдало Лафайета, г-жа Жюльенъ писала—и ея слова оказались пророческими:— „Но все это ведетъ насъ къ катастрофѣ, мысль о которой заставляетъ со- дрогнуться всѣхъ друзей человѣчества, потому что крошъ ползетъ дождемъ, — говорю это безъ преувеличенія“ (стр. 213). — Изъ сказаннаго г-жи Жюльенъ оправдалось, какъ мы сейчасъ увидимъ, 2 сентября.

время, какъ народъ громко требуетъ опредѣленныхъ заявленій противъ монархін, Собраніе, какъ и всякое подобное собраніе парламентскихъ политиковъ, боится скомпрометироваться, не зная еще, кто и что одержитъ верхъ. Оно склоняется скорѣе къ монархін и старается задержать дымкой старыя преступленія Людовика XVI, противолѣяствуя всякой попыткѣ изобличить ихъ—что, конечно, ~~важно~~ было слѣдовать, если бы началось серьезное изслѣдованіе для открытія соучастниковъ короля въ заговорѣ.

Собраніе рѣшается уступить только тогда, когда Коммуна грозитъ ударить въ набатъ, а секціи заговариваютъ о массовомъ избіеніи роялистовъ¹⁾. 17 августа оно рѣшается, наконецъ, назначить Уголовный Судъ изъ восьми судей и восьми присяжныхъ, избранныхъ представителями секцій. Этому суду предлагается, однако, не углубляться въ разслѣдованіе тѣхъ конспирацій, которыя велись въ Тюильри *раньше* 10 августа, а ограничиться разысканіемъ виновниковъ событій этого дня.

А между тѣмъ доказательства существованія заговора—множество, и они становятся съ каждымъ днемъ все опредѣленнѣе. Въ бумагахъ, найденныхъ послѣ взятія Тюильри въ письменномъ столѣ интенданта королевскаго дома, Монморена, оказалось немало обвинительныхъ документовъ—между прочимъ письмо принцевъ, доказывающее, что, направляя австрійскія и прусскія войска на Францію и организуя кавалерійскій отрядъ изъ эмигрантовъ, чтобы идти вмѣстѣ съ ними на Парижъ, принцы дѣйствовали въ согласіи съ Людовикомъ XVI. Тамъ же оказался длинный списокъ брошюръ и листовъ, направленныхъ противъ Национальнаго Собранія и якобинцевъ и изданныхъ на средства королевскаго дома: среди нихъ были листовки, имѣвшія цѣлью вызвать вооруженное столкновеніе въ моментъ прибытія въ Парижъ марсальцевъ, и призывавшія національную гвардію къ ихъ избіенію). Найдено было, наконецъ,

¹⁾ „Вы, повидимому, бродите впотьмахъ и не знаете ничего, что происходитъ въ Парижѣ“, говоритъ Собранію ораторъ одной изъ депутацій отъ Коммуны.

) Въ одномъ письмѣ изъ Швейцаріи говорилось о томъ, чтобы покарать Якобинцевъ. „Мы расправимся съ ними, и это будетъ страшнымъ примѣромъ для всѣхъ... Мы объявимъ войну ассигнаціямъ, съ этого начнется банкротство. Будетъ восстановлено духовенство, парламенты... Не бѣда, что страдаютъ тѣ, которыя раскупили духовныя имущества“. Въ другомъ письмѣ читаемъ: „Не слѣдуетъ терять ни минуты. Нужно дать почувствовать буржуазіи, что спасти ее можетъ только король“.

доказательство того, что „конституціонное“ меньшинство Собранія обѣщало послѣдовать за королемъ, въ случаѣ если онъ оставитъ Парижъ,—подъ условіемъ, однако, чтобы онъ не удалялся дальше, чѣмъ на разстояніе, опредѣленное въ конституціи. Нашлось и многое другое, но все это тщательно было скрыто, изъ боязни, чтобы народный гнѣвъ не обрушился на Тампль,—тюрьму, гдѣ держали короля и его семью.—„А можетъ быть и на Собраніе?“ спросимъ мы.

Наконецъ обнаруживается измѣна въ войскѣ, которую давно можно было предвидѣть. 22 августа узнаютъ объ измѣнѣ Лафайета. Онъ сдѣлалъ попытку увлечь за собою свое войско и повести его на Парижъ. Въ сущности, этотъ планъ созрѣлъ у него уже давно: еще тогда, когда онъ явился, 20 іюня, въ Парижъ, чтобы нащупать почву. Теперь онъ, наконецъ, сбросилъ съ себя маску. Онъ велѣлъ арестовать троихъ комиссаровъ, присланныхъ къ нему Собраніемъ, чтобы сообщить арміи о революціи 10 августа. Старая лисица. Люкперъ, тоже выразилъ ему свое одобреніе.

Къ счастью, войско Лафайета не послѣдовало за своимъ генераломъ, и 19 августа ему пришлось, въ сопровожденіи своего генеральнаго штаба, бѣжать за границу, въ надеждѣ добраться до Голландіи. Но тутъ онъ попалъ въ руки австрійцамъ, которые отравили его въ тюрьму. Даже съ нимъ они обращались очень сурово; и это показываетъ, какъ намѣревались австрійцы поступить съ революціонерами, если бы они попались имъ въ руки. Муниципальныхъ служащихъ изъ патріотовъ, которыхъ захватили австрійцы, они тутъ же казнили, какъ мятежниковъ, а нѣкоторымъ изъ нихъ австрійскіе уланы отрѣзали уши и приколотили ихъ ко лбу.

На слѣдующій день пришло извѣстіе, что городъ Лонгви, обложенный непріятельскими войсками 20-го, тотчасъ же сдался, и въ бумагахъ его коменданта, Лаверия, нашли письмо, въ которомъ, отъ имени Людовика XVI и герцога Брауншвейгскаго, ему предлагалось измѣнить.

Итакъ, надѣяться на армію больше нельзя было, и если только не разсчитывать на чудо, то остановить вторженіе было уже невозможно.

Въ самомъ Парижѣ, „черныхъ“, (т.-е. реакціонеровъ, которыхъ впослѣдствіи стали называть „бѣлыми“), было множество. Очень многіе эмигранты вернулись, и нерѣдко, подъ рясой священника, на улицѣ можно было узнать военнаго. Вокругъ башни Тампля, все время плелись всевозможные заговоры, о которыхъ догадывался народъ, тревожно слѣ-

дившій за тюрьмой, гдѣ содержался король. Роялисты, дѣйствительно, все время пытались освободить короля и королеву, — либо силою, либо организовавши имъ побѣгъ. Кромѣ того, они готовили общее возстаніе на тотъ день — 5 или 6 сентября — когда пруссаки будутъ уже въ окрестностяхъ Парижа, и даже не скрывали своихъ плановъ. Военными кадрами для этого возстанія должны были послужить оставшіеся въ Парижѣ семьсотъ человѣкъ швейцарцевъ. Они двинулись бы на Тампль, освободили бы короля и поставили его во главѣ движенія. Всѣ тюрьмы тогда были бы открыты, и заключенные выпущены, чтобы грабить городъ, для увеличенія общаго смятенія; въ это же время Парижъ былъ бы подожженъ съ разныхъ концовъ ¹⁾.

Таковы были, по крайней мѣрѣ, носившіеся слухи, которые подтверждались и самими роялистами. Ихъ подтвердилъ и докладъ о событіяхъ 10 августа, прочтенный 28 августа въ Собраніи Керсеномъ (Kersaint). По словамъ одного современника, этотъ докладъ «заставилъ всѣхъ содрогнуться» — такъ ловко были раскинуты сѣти» противъ революціонеровъ. А между тѣмъ въ этомъ докладѣ еще не была сказана вся правда.

Среди всѣхъ этихъ затрудненій, только дѣятельность Коммуны и ея секцій соотвѣтствовала серьезности момента. Онѣ одиѣ — при поддержкѣ клуба Кордельеровъ — работали для того, чтобы поднять народъ и заставить его отчаяннымъ усиліемъ спасти и Революцію и отечество — что въ эту минуту было одно и то же.

Генеральный Совѣтъ Коммуны, революціоннымъ путемъ избранный секціями 9 августа, и секціи Парижа съ жаромъ работали сообща надъ выборомъ, вооруженіемъ и обмундировкой, сперва тридцати, а потомъ шестидесяти тысячъ волонтеровъ (добровольцевъ), отправлявшихся на границу, навстрѣчу нѣмецкимъ войскамъ. Въ воззваніяхъ сумѣли найти слова, наэлектризовавшія Францію. Коммуна, выступавшая далеко за предѣлы своихъ городскихъ полномочій, обращалась теперь ко всей странѣ, а черезъ посредство своихъ волонтеровъ — и къ войску. Секціи взяли на себя громаднѣйшій трудъ обмундированія этихъ волонтеровъ. Коммуна распорядилась плавить свинцовые гробы, стоявшіе въ цер-

¹⁾ Заключенные въ тюрьмѣ Force еще раньше пытались поджечь ее, говоритъ Мишлэ, на основаніи данныхъ, обнаруженныхъ слѣдствіемъ о сентябрьскихъ дняхъ.

бвахъ, на пули, и употребить бронзу церковной утвари и колоколовъ на пушки. Секціи были раскаленнымъ горниломъ, гдѣ закалялось оружіе, которымъ Революція должна была побѣдить своихъ враговъ и сдѣлать новый шагъ впередъ—шагъ къ Равенству.

Новая революція — революція, стремящаяся къ Равенству,—революція, которую народъ возьметъ въ свои руки. уже обрисовалась впередъ. Заслуга парижскаго народа въ томъ и состоитъ, что онъ понялъ, что, готовясь отразить иноземное нашествіе, онъ дѣйствуетъ не подъ однимъ только вліяніемъ національной гордости. Дѣло шло даже не о томъ только, чтобы помѣшать возстановленію королевскаго своеволія. Нужно было, прежде всего, *упрочить Революцію*, привести ее къ какимъ-нибудь положительнымъ пріобрѣтеніямъ для народной массы, т.-е. поднять такую революцію, которая носила бы столько же социальный, сколько и политическій характеръ. А это значило — развернуть дружнымъ, отчаяннымъ усиліемъ народныхъ массъ новую страницу въ исторіи человечества.

Буржуазія, съ своей стороны, ясно поняла это новое направленіе Революціи, котораго выразительницей являлась теперь Парижская Коммуна. Вотъ почему Законодательное Собраніе, представлявшее, главнымъ образомъ, буржуазію, такъ упорно стремилось подорвать вліяніе Коммуны.

Уже 11 августа, когда даже пожаръ въ Тюильри не успѣлъ еще погаснуть и трупы убитыхъ въ бою еще валялись во дворахъ дворца, Собраніе издало распоряженіе объ избраніи для Парижа новой департаментской директоріи, которую оно думало противопоставить Коммунѣ. Коммуна отказалась исполнить это приказаніе, и Собранію пришлось уступить; но борьба продолжалась — глухая борьба, въ которой Жирондисты то пытались вооружить секціи противъ Коммуны, то добивались распущенія Генеральнаго Совѣта Коммуны, избраннаго революціоннымъ путемъ въ ночь 9 августа,—жалкія интриги передъ лицомъ непріятеля, который съ каждымъ днемъ все ближе подходилъ къ Парижу, предаваясь по пути отчаянному грабежу.

24 августа въ Парижѣ получило извѣстіе о томъ, что городъ Лонви сдался безъ боя, и дерзость роялистовъ еще болѣе возросла. Они торжествовали побѣду. Они ожидали, что другіе города послѣдуютъ примѣру Лонви, и уже предсказывали, что ихъ нѣмецкіе союзники вступятъ въ Парижъ черезъ недѣлю. Заранѣе для нихъ готовили помѣ-

щепія. Роялисты устраивали сборища вокругъ Тампля, и королевская семья, вмѣстѣ съ ними, привѣтствовала побѣды нѣмцевъ. Но ужаснѣе всего было то, что люди, взявшіе на себя управленіе Франціей, не имѣли силъ предпринять что бы то ни было, чтобы помѣшать сдачѣ Парижа, вслѣдствіе сдачи Людовика. Комиссія Двѣнадцати, которая должна была составлять ядро дѣйствія въ Собраніи, впала въ уныніе; а жирондѣстское министерство — Роланъ, Клавьеръ, Серванъ и другіе — предлагало *бѣжать*. Ихъ планъ былъ — удалиться въ Блуа или куда-нибудь еще дальше на югъ, представивъ революціонный народъ Парижа ярости австрійцевъ, герцога Брауншвейгскаго и эмигрантовъ. „Депутаты убѣгали одни за другимъ“, говоритъ Оларъ¹⁾. Коммуна даже обратилась въ Собраніе съ жалобой на это бѣгство. Къ измѣнѣ теперь прибавлялась трусость, и изъ всѣхъ министровъ одинъ Дантонъ, котораго народъ провозгласилъ министромъ юстиціи послѣ взятія Тюильри, выразилъ рѣшительный протестъ противъ удаленія властей изъ Парижа.

Только революціонныя секціи и Коммуна прекрасно понимали, что побѣда *должна* быть одержана во что бы то ни стало: что для этого нужно нанести ударъ, одновременно, непріятелю на границахъ и контръ-революціонерамъ въ Парижѣ.

Но именно этого-то правители республики не хотѣли допустить. Судъ, собравшійся съ большою торжественностью, чтобы судить виновниковъ избіенія 10 августа, повидимому, такъ же мало торопился покарать ихъ, какъ и орлеанское Верховное Судилище, ставшее, даже по выраженію жирондиста Бриссо, „оперою заговорщиковъ“. Вначалѣ Судъ принесъ въ жертву трехъ или четырехъ невидныхъ соучастниковъ Людовика XVI, но затѣмъ онъ оправдалъ одного изъ самыхъ главныхъ заговорщиковъ, бывшаго министра Монморена, а также Дессонвиля, замѣшаннаго въ заговоръ Ангредмона, и не рѣшался судить генерала Бахмана, командира швейцарцевъ. Съ этой стороны, слѣдовательно, ждать было нечего.

Роялисты изображаютъ Парижскій народъ, какъ какое-то сборище людоѣдовъ, жаждущихъ крови и впадающихъ въ ярость, какъ только какая-нибудь жертва ускользнетъ отъ нихъ. Между тѣмъ это совершенно невѣрно. Не жертвъ

¹⁾ F. Aulard, „Etudes et leçons sur la révolution française“ 2 серия, 1898, стр. 49.

нужно было народу; а изъ этихъ оправдательныхъ приговоровъ онъ понялъ, что правители страны не хотѣли разоблачать происходившіе въ Тюильри заговоры, потому что въ этомъ оказались бы замѣшанными многіе изъ ихъ самихъ; и еще потому, что эти заговоры продолжались. Марать, хорошо осведомленный на этотъ счетъ, совершенно справедливо говорилъ, что Собраніе боится народа, и что оно ничего не имѣло бы противъ того, чтобы Лафайеттъ явился со своимъ войскомъ и возстановилъ королевскую власть.

Это подтвердилось всѣмъ тѣмъ, что стало извѣстнымъ три мѣсяца спустя, когда слесарь Гамэнъ открылъ секретъ желѣзнаго шкафа Людовика XVI, въ которомъ король хранилъ свои тайные документы. Главною опорою королевской власти было само Законодательное Собраніе.

Но когда парижскій народъ увидѣлъ, что установить степень виновности того или другого изъ заговорщиковъ-монархистовъ невозможно, а между тѣмъ заговоры продолжаютъ и становятся чрезвычайно опасными въ виду нѣмецкаго нашествія, — въ умахъ населенія сложилась мысль: покарать безъ различія всѣхъ тѣхъ, кто занималъ довѣренныя должности при дворѣ, и кого секціи считали опасными или у кого окажется спрятанное оружіе. Съ этою цѣлью секціи вынудили у Коммуны, а послѣдняя — у Дантона, занимавшаго со времени возстанія 10 августа постъ министра юстиціи, рѣшеніе устроить массовые обыски по всему Парижу, для розыска оружія, спрятаннаго у роялистовъ и священниковъ, и для ареста тѣхъ, на кого всего сильнѣе надеть подозрѣніе въ измѣнѣ и соглашеніи съ непріятелемъ. Собранію пришлось подчиниться, и оно издало распоряженіе о такихъ обыскахъ по всей Франціи.

Обыски въ Парижѣ произошли въ ночь съ 29 на 30, при чемъ Коммуна проявила энергію, а народъ — организаторскія способности, повергнувъ заговорщиковъ въ ужасъ. 29 августа, послѣ полудня, Парижъ казался точно вымершимъ, точно охваченнымъ какимъ-то мрачнымъ ужасомъ. Жителямъ было запрещено выходить изъ дома послѣ шести часовъ вечера; съ наступленіемъ темноты всѣ улицы были заняты патрулями, по шестидесяти человѣкъ каждый, вооруженныхъ саблями и всякаго рода самодѣльными иками. Около часа ночи во всемъ Парижѣ начались обыски. Патрули ходили по квартирамъ искали оружіе и отбирали его когда находили у роялистовъ.

Всего было арестовано около трехъ тысячъ человѣкъ и захвачено около двухъ тысячъ ружей. Нѣкоторые обыски продолжались цѣлые часы, но ни у кого не пропало ни одной цѣнной бездѣлушки, тогда какъ у Евдистовъ, — священниковъ, отказавшихся, принести присягу конституціи, — были найдены всѣ серебряныя вещи, пропавшія незадолго передъ тѣмъ изъ Святой Часовни; онѣ оказались спрятанными въ колодцахъ.

На другой день большинство арестованныхъ было отпущено на волю, по распоряженію Коммуны или по требованію секцій. Что же касается остальныхъ то, вѣроятно, и среди нихъ была бы сдѣлана извѣстнаго рода сортировка. и часть изъ нихъ была бы предана упрощеннымъ судамъ, — если бы событія, какъ на театрѣ войны, такъ и въ самомъ Парижѣ, не послѣдовали быстро одно за другимъ.

Въ то самое время, когда, по энергическому призыву Коммуны, весь Парижъ вооружался, и на всѣхъ площадяхъ возвышались алтари отечества, около которыхъ молодежь записывалась въ волонтеры, и куда граждане и гражданки, богатые и бѣдные, приносили свои пожертвованія; въ то самое время, когда секціи и ихъ Коммуна проявляли поистинѣ необычайную энергію, чтобы обмундировать и вооружить 60.000 добровольцевъ, отправлявшихся на границу, тогда какъ ничего, ровно ничего, не было для этого приспособлено, и секціи все-таки успѣвали отправлять каждый день до двухъ тысячъ человѣкъ, — именно этотъ моментъ избрало Собраніе, чтобы разнести Коммуну. Выслушавъ докладъ Жирондиста Гюадэ (Guadet), оно издало, 30 августа, секретъ, предписывавшій немедленное распущеніе Генеральнаго Совѣта Коммуны и производство новыхъ выборовъ!

Если бы Коммуна подчинилась, то этимъ сразу была бы утрачена, къ вящей выгодѣ роялистовъ и ихъ союзниковъ, пруссаковъ и австрійцевъ, единственная возможность спасенія: т.-е. возможность отразить непріятеля и побороть королевскую власть. Понятно, стало-быть, что Совѣтъ Коммуны отвѣтилъ на эту мѣру отказомъ отъ повиновенія Собранію, объявилъ измѣнниками тѣхъ, кто провелъ эту мѣру и порядился произвести обыски у министровъ Ролана и Бриссо. Марать прямо требовалъ избіенія измѣнниковъ-законодателей.

Какъ на грѣхъ, въ тотъ же день уголовный Судъ оправдалъ одного изъ главныхъ заговорщиковъ королевской партіи, министра Монморена, — несмотря на то, что за нѣсколько дней передъ тѣмъ процессъ д'Ангремона показалъ, что хо-

рошо оплаченные роялистскіе заговорщики были аккуратно занесены въ списки, организованы въ бригады, подчинены одному центральному комитету, и только ждали сигнала, чтобы выйти на улицу и напасть на патріотовъ въ Парижѣ и въ провинціальныхъ городахъ.

На другой день, 1 сентября — новое открытіе. Въ официальной газетѣ, *Moniteur*’ѣ, напечатанъ былъ „Планъ соединенныхъ противъ Франціи силъ“, полученный, по словамъ газеты, изъ Германіи изъ вѣрныхъ источниковъ. Изъ этого „плана“ выяснялось, что, пока герцогъ Брауншвейгскій будетъ задерживать войска патріотовъ въ Восточной Франціи, прусскій король долженъ двинуться прямо на Парижъ, овладѣть имъ, и тогда — разсорттировать жителей и подвергнуть казни революціонеровъ. Въ случаѣ, если бы въ городахъ на пути къ Парижу сила оказалась на сторонѣ патріотовъ, предполагалось поджигать города. — „Лучше пустыни, чѣмъ возставшіе народы“, заявили объединенные короли. И какъ бы въ подтвержденіе этого плана. Гюадэ сообщилъ въ этотъ же день Собранію объ обширномъ заговорѣ, открытомъ въ Греноблѣ и его окрестностяхъ. У нѣкоего Монье, агента эмигрантовъ, былъ найденъ списокъ больше чѣмъ ста мѣстныхъ главарей заговора, рассчитывавшихъ на поддержку двадцати-пяти или тридцати тысячъ человекъ. Въ департаментахъ Двухъ-Севрѣ и Морбиганѣ, тотчасъ же, какъ получилось извѣстіе о сдачѣ Лонгви, вспыхнуло уже крестьянское возстаніе: это также входило въ планъ роялистовъ и панскаго правительства въ Римѣ, дѣйствовавшаго съ ними за одно.

Въ тотъ же день, послѣ полудня, узнали, что непріятель осаждастъ Вердёнъ, и всѣ сразу поняли, что и этотъ городъ сдастся, такъ же какъ Лонгви; что тогда ничто больше не сможетъ помѣшать быстрому движенію пруссаковъ на Парижъ, и что Собраніе или покинетъ столицу, отдавая ее во власть торжествующаго врага, или вступитъ въ переговоры, чтобы вернуть королю тронъ и предоставить ему полную свободу истреблять патріотовъ для удовлетворенія своей жажды мести¹⁾.

Наконецъ, въ тотъ же день, 1 сентября, Роланъ издалъ обращеніе къ административнымъ учрежденіямъ, которое было расклеено по всему Парижу, и гдѣ сообщалось объ обширномъ заговорѣ, задуманномъ роялистами, чтобы помѣшать свободному передвиженію съѣстныхъ припасовъ во

¹⁾ Вердёнъ — въ 250 верстахъ отъ Парижа.

Франціи. Города Невэръ и Ліонъ уже страдали отъ этого заговора ¹⁾.

Такія извѣстія довели населеніе Парижа до отчаянія.

Тогда Коммуна распорядилась запереть все городскія ворота, велѣла бить въ набатъ и поднять тревогу пушечными выстрѣлами. Въ могущественно-написанномъ воззваніи къ народу она приглашала всехъ волонтеровъ, готовыхъ къ походу, ночевать въ эту ночь на Марсовомъ полѣ, и на другой же день, рано утромъ, выступить въ походъ.

И тогда по всему Парижу раздался ожесточенный крикъ: „Къ тюрьмамъ!“ Тамъ си тѣ они, эти заговорщики, ждущіе только прихода пѣмцевъ, чтобы разгромить, залить кровью, поджечь Парижъ. Нѣкоторыя секціи (Пуассоньеръ, Почты, Люксембургъ) рѣшаютъ, что все эти заговорщики должны быть преданы смерти. — „Сегодня же нужно покончить съ ними!“ — и открыть для Революціи новые пути!

¹⁾ Granier de Cassagnac. „Histoire des Girondins et de massacre de Septembre“, Парижъ, 1860.

XXXV.

Сентябрьскіе дни.

Набатъ раздавался по всему Парижу, на улицахъ барабанишки били „тревогу“, каждые четверть часа мѣрно раздавались три пушечныхъ выстрѣла, возвѣщавшіе, что отечество въ опасности. Волонтёры, отправлявшіеся въ бой, на границу, проходили съ пѣснями по улицамъ — и все это, вмѣстѣ взятое, въ это воскресенье, 2 сентября, доводило до ярости народный гнѣвъ противъ измѣнниковъ, призвавшихъ иностранныя войска себѣ на помощь.

Съ полудня, или съ двухъ часовъ дня, вокругъ тюрьмы, куда помѣстили арестованныхъ за послѣдніе дни роялистовъ, стали появляться сборища народа. Около половины третьяго, когда недалеко отъ тюрьмы Аббатства (Abbaye) показалось нѣсколько закрытыхъ экипажей, въ которыхъ перевозили арестованныхъ священниковъ изъ Мэриі въ тюрьму Аббатства — ихъ было двадцать четыре ¹⁾ — на нихъ напало нѣсколько волонтёровъ, пришедшихъ съ Юга Франціи (изъ Марсея, или Азильона). Четверо священниковъ было убито, не доѣзжая до тюрьмы, и двое — при входѣ въ тюрьму, у ея дверей. Остальные были введены въ зданіе Аббатства, но ихъ едва успѣли подвергнуть самому краткому допросу, какъ двери тюрьмы взломала толпа, вооруженная пиками, плагамы и саблями, и убила всѣхъ священниковъ, за исключеніемъ аббата Пикара, учителя глухонѣмыхъ, и его помощника.

Такъ начались убійства въ тюрьмѣ Аббатства, — тюрьмѣ, которая пользовалась очень худою славою среди жителей

¹⁾ По свидѣтельству Мэгэ сына (Méhée fils), ихъ было шестнадцать. Felhémési, „La Vérité toute entière sur les vrais acteurs de la journée du 2 septembre et sur plusieurs journées et nuits secrètes des anciens comités de gouvernement“. Парижъ 1794. Сохраняю подлинное правописаніе заглавія. „Felhémési“ — это анаграмма „Méhée fils“.

окружавшаго ее квартала. Собравшись вокруг нея — все больше люди съ известнымъ положеніемъ, сосѣдніе мелкіе торговцы — требовали немедленной смерти содержавшихся здѣсь заговорщиковъ-роялистовъ, арестованныхъ послѣ 10 августа. Но сосѣдству все знали, что они сыплютъ золотомъ, ипруютъ и свободно припимаютъ въ тюрьмѣ своихъ женъ и подругъ. При извѣстіи о пораженіи французской арміи у Монса, въ этой тюрьмѣ была устроена иллюминація, а послѣ взятія Лонгви здѣсь громко праздновали побѣду нѣмцевъ. Арестованные роялисты осыпали прохожихъ оскорбленіями изъ-за рѣшетокъ, и сулили всѣмъ скорое вступленіе пруссаковъ въ столицу и истребленіе революціонеровъ. Весь Парижъ говорилъ о готовившемся въ тюрьмахъ заговорѣ, о продосившемся туда оружіи; все знали также, что тюрьмы стали настоящими фабриками фальшивыхъ государственныхъ ассигнацій, посредствомъ которыхъ пытались подорвать государственный кредитъ, и фальшивыхъ билетовъ филантропическаго учрежденія для бѣдныхъ, „Maison de secours“.

Обо всемъ этомъ говорилось въ тѣхъ сборищахъ, которыя образовались вокругъ тюремъ Аббатства, Форсъ и Консьержери. Скоро толпы народа взломали ворота этихъ тюремъ и начали убивать офицеровъ генеральнаго штаба Швейцарской гвардіи дворца, королевскихъ гвардейцевъ, священниковъ, предназначенныхъ въ ссылку за отказъ присягнуть Конституціи, и роялистовъ-заговорщиковъ, арестованныхъ послѣ 10 августа.

Такое стихійное нападеніе, очевидно, поразило всѣхъ своею неожиданностью. Безполезно доказывать, что убійства не были подготовлены Коммуной и Дантономъ. какъ любятъ увѣрять роялистскіе историки¹⁾. Они явились, наоборотъ, настолько непредвидѣнными, что Коммуна приняла наскоро принять мѣры, чтобы охранить тюрьму Тампль, гдѣ содержался король и его семейство, а также спасти

¹⁾ Указываютъ на то, что многіе арестованные Коммуной были выпущены изъ тюремъ между 30 августа и 2 сентября, благодаря вмѣшательству Дантона и другихъ революціонныхъ дѣятелей, и говорятъ: „Вы, видите, что они спѣшили спасти своихъ друзей“. Но забываютъ одно: что изъ трехъ тысячъ человекъ, арестованныхъ 30-го, почти двѣ тысячи были выпущены. Для этого достаточно было, чтобы кто-нибудь изъ революціонеровъ, членовъ секцій, поручился за того или другого заключеннаго. Что касается Дантона и его роли въ сентябрьскіе дни, то для этого см. F. Aulard, „Etudes et leçons sur la Révolution française“, 1893 — 1897, 3 серия.

сидѣвшихъ за долги, за неплатежъ кормовыхъ и т. п., ровню какъ и заарестованныхъ придворныхъ дамъ, близкихъ стоявшихъ къ Марии-Антуанетѣ. Этихъ дамъ комиссарамъ Коммуны удалось спасти только подъ покровомъ ночи, но и то съ большими трудностями и съ рискомъ самимъ погибнуть отъ рукъ толпы, окружавшей тюрьмы и паводившей сосѣднія улицы ¹⁾.

Какъ только въ Аббатствѣ начались убійства, — а они начались, какъ извѣстно, около половины третьяго (*Jourgniac de Saint-Méard, „Mon agonie de trente huit heures“*). Коммуна немедленно приняла мѣры, чтобы помѣшать имъ. Она тотчасъ же извѣстила Законодательное Собраніе, которое отрядило своихъ комиссаровъ для переговоровъ съ народомъ ²⁾. Въ засѣданіи же Генеральнаго Совѣта Ком-

¹⁾ Губернантка послѣднаго принца, госпожа де-Турзель, со своей молоденькой дочерью Полиной, три горничныя королевы, госпожа де-Ламбаль и ея горничная были перевезены изъ Тампль въ Форсъ. Тамъ все онѣ, кромѣ госпожи де-Ламбаль, были спасены комиссарами Коммуны. Въ два часа ночи со 2 на 3 сентября, комиссары Трюшѳ, Тальенъ и Гирѳ — явились въ Собраніе съ отчетомъ о сдѣланномъ ими въ этомъ направленіи: Изъ тюремъ Форсъ и Сентъ-Пелажи имъ удалось вывести всѣхъ заключенныхъ за долги. Сообщивъ объ этомъ Коммунѣ (около 12 часовъ ночи), Трюшѳ отправился опять въ Форсъ, чтобы выручить всѣхъ женщинъ. — Я вывелъ ихъ отсюда двадцать четыре, пришелъ онъ сообщить Коммунѣ. Мы въ особеннѣйшій старались охранить мадемуазель де-Турзель (дочь губернантки) и мадамъ Сентъ-Брисъ. Рани собственнаго спасенія намъ пришлось, однако, удалиться, потому что намъ стали угрожать. Мы отвели этихъ дамъ въ секцію Правъ Человѣка, въ ожиданіи суда надъ ними (*Vachez et Roux, томъ XVII, 353*). Эти слова Трюшѳа вполне достовѣрны, потому что изъ разсказа Полины де-Турзель, изданнаго впоследствии, видно, съ какими трудностями удалось комиссару Коммуны (котораго она не знала, и о которомъ говорить какъ о какомъ-то не извѣстномъ) провести ее по улицамъ, прилежавшимъ къ тюрьмѣ, полнымъ народа, который слѣдилъ за тѣмъ, чтобы не увести никого изъ заключенныхъ. Госпожа де-Ламбаль тоже едва не была спасена, благодаря усиліямъ Истюна, и до сихъ поръ остается подъ сомнѣніемъ, какія силы помѣшали этому. Говорили, между прочимъ, объ эмиссарахъ герцога Орлеанскаго, который желалъ ея смерти, называли даже имена. Несомнѣнно одно: въ томъ, чтобы эта подруга королевы (ей довѣренная со времени извѣстнаго дѣла съ ожерельемъ) не сказала ничего лишняго, было заинтересовано столько вліятельныхъ лицъ, что имѣть ничего удивительнаго въ томъ, что спасти ее оказалось невозможнымъ.

²⁾ Въ числѣ ихъ были: Базиръ, Дюссѳ, Франсуа-де-Нѣфшато, извѣстный Жирондистъ Пинаръ (*Isnard*) и Лакиніо. Базиръ призвалъ присоединиться къ нимъ бывшаго священника Шабѳ, пользовавшагося любовью населения предметій (*Louis Blanc, livre VIII, ch. II*).

муны. открывшемся постѣ полудня, прокуроръ Коммуны, Манюэль, уже сообщалъ, около шести часовъ, о своихъ тщетныхъ успѣхахъ остановить убійства. „Онъ говоритъ, что и успѣха двѣнадцати комиссаровъ Національнаго Собранія, и его собственныя, а также успѣха его коллегъ, членовъ Городскаго управленія, оказались тщетными, и не могли спасти преступниковъ отъ смерти“. Въ вечернемъ засѣданіи Коммуна выступала докладъ своихъ комиссаровъ, посланныхъ ею въ Форсъ, и рѣшила, что они отправятся туда снова, для успокоенія умовъ ¹⁾

Коммуна велѣла также, въ ночь со 2-го на 3-е. командирующему національной гвардіей Сантэрру отправить нѣсколько отрядовъ для того, чтобы остановить убійства. Но національная гвардія *не хотѣла вмѣшиваться*. Иначе батальоны, по крайней мѣрѣ наиболѣе умѣренныхъ секцій, несомнѣнно, были бы направлены въ тюрьмы. Очевидно, общее мнѣніе въ Парижѣ было таково, что вывести войска противъ толпы, овладѣвшей тюрьмами, значило бы зажечь гражданскую войну въ тотъ самый моментъ, когда непріятель находился всего на разстояніи нѣсколькихъ дней пути отъ Парижа, и единство дѣйствій противъ врага было необходимѣе, чѣмъ когда-нибудь. — „Между вами хотѣть посѣять раздоръ и ненависть и возбудить гражданскую войну“, писало Собраніе въ прокламаціи отъ 3 сентября, приглашая гражданъ къ единенію. Въ данномъ случаѣ другого средства, кромѣ убѣжденія, употребить было нельзя. Дѣйствительно, когда посланные отъ Коммуны пытались помѣшать убійствамъ въ аббатствѣ, въ отвѣтъ на ихъ уговоры одинъ человекъ изъ народа очень справедливо спросилъ Манюэля: «Стали бы сегодня пруссаки и австрійцы, придя въ Парижъ, разбирать певчихъ и

¹⁾ См. протоколы Коммуны, цитированные у Бюшэ и Ру, XVII, 368. Въ докладѣ, сдѣланномъ Законодательному Собранію позднѣе, ночью, Тальенъ подтвердилъ слова Манюэля: „Прокуроръ Коммуны,—говорилъ онъ,—явился первымъ (въ Аббатство) и сдѣлалъ все, что только могли подсказать ему его преданность дѣлу и гуманность. Онъ не достигъ ничего, и на его глазахъ, у его ногъ, пало нѣсколько жертвъ. Самъ онъ также подвергся опасности, и его пришлось увести, чтобы онъ не палъ жертвой своего рвенія“. Въ двѣнадцать часовъ ночи, когда толпа народа направилась къ тюрьмѣ Форсъ, наши комиссары, докладывая Собранію Тальенъ, пошли туда, но ничего не добились. Депутатѣ приходили въ тюрьму одна за другою, и въ тотъ моментъ, когда мы ушли, туда направлялась еще новая депутація. — Народъ ихъ не слушалъ: онъ утѣшилъ всякую вѣру въ Собраніе.

виновныхъ, или же устроили бы массовое избіеніе?" 1) А другой, или, можетъ-быть, тотъ же самый, прибавилъ: „Это кровь Моиморена и компаніи; мы — на своемъ посту, возвращайтесь — ка и вы на свой; *если бы все то, кому мы поручили отпраздненіе правосудія, исполнили свой долгъ, насъ не было бы здѣсь*" 2). Такъ поимъ этотъ взрывъ негодованія парижскій народъ, а съ нимъ и всѣ революціонеры.

Какъ бы то ни было, Наблюдательный Комитетъ Коммуны 3), какъ только онъ узналъ — 2 сентября, днемъ — о результатахъ миссіи Манюэля, издалъ слѣдующее воззваніе: „Именемъ народа. Товарищи, повелѣвается вамъ судить всѣхъ, безъ различія, заключенныхъ въ Аббатствѣ, за заключеніемъ аббата Ланфана, котораго вы помѣстите въ вѣрное мѣсто. Городекая Ратуша. 2 сентября". (Подписано: администраторы Манисъ, Сержанъ).

Немедленно народомъ былъ организованъ временный судъ, изъ двѣнадцати присяжныхъ, избранныхъ народомъ,

1) „Скажите, господинъ гражданинъ, развѣ негодян пруссаки и австрійцы, если бы они пришли въ Парижъ, стали бы разыскивать виновныхъ? развѣ они не стали бы избивать всѣхъ, безъ разбора, какъ швейцарцы били 10 августа? Я — не ораторъ и ничего не усыплю своими рѣчами, но я вамъ говорю, что у меня есть семья. жена и пятеро дѣтей, которыхъ я оставляю подъ охраной моей секціи, и иду драться съ неприятелемъ; но я не хочу, чтобы заключенные въ тюрьмахъ негодян, которыхъ другіе негодян вынуждаютъ на свободу, пришли и задушили мою жену и моихъ дѣтей". Цитирую изъ Félhémési (Méhée fils), „La Vérité toute entière“

2) Прюдомъ приводитъ въ своей газетѣ такой отвѣтъ человека изъ народа во время перваго посѣщенія Аббатства депутаціей отъ Законодательныхъ властей и отъ Муниципалитета (приводится у Бюшэ и Ру, томъ XVII, стр. 426).

3) Этотъ Комитетъ (сѣмивившій 14 апрѣля прежнюю администрацію и состоявшій вначалѣ изъ пятнадцати человекъ — членовъ муниципальной полиціи) былъ преобразованъ постановленіемъ Генеральнаго Совѣта Коммуны отъ 30 августа; онъ состоялъ теперь изъ четырехъ членовъ — Маниса, Сержана, Дюплена и Сурдейля, — которые пригласили, 2 сентября, съ разрѣшенія Совѣта и „въ виду критическихъ обстоятельствъ и разнообразныхъ и важныхъ дѣлъ, которыми имъ приходится заниматься“, еще семерыхъ: Марата, Дефодта, Ланфана, Деклерка, Дюрфора, Кайяли и Гермёра (Bucheux et Roux, XVII, стр. 405 и 433; XVIII, стр. 186—187). Министръ, имѣвшій передъ глазами подлинный документъ, говоритъ только о шести членахъ: онъ не упоминаетъ о Дюрфорѣ. Робеспьеръ засѣдалъ въ Генеральномъ Совѣтѣ. Маратъ принималъ въ немъ участіе, „какъ журналистъ“. Коммуна постановила, что въ залѣ засѣданій будетъ устроена трибуна для одного журналиста — Марата (Министръ, кн. VII, гл. IV). Дантонъ старался примирить Коммуну съ исполнительною властью Собранія, т.-е. съ министерствомъ, членомъ котораго онъ состоялъ.

подъ председательством Мальяра, хорошо известнаго въ Парижѣ съ 14 іюля и 4 октября 1890 года. Подобный же импровизованный судъ былъ устроенъ въ тюрьмѣ Форсъ, двумя или тремя членами Коммуны; и оба эти суда постарались спасти какъ можно больше заключенныхъ. Такъ, Мальяру удалось выручить Казотта, сильно скомпрометированнаго (Мишлэ, кн. VII, гл. V), и де-Сомбрёйля, известнаго за открытаго врага Революціи. Чтобы добиться оправданія ихъ, Мальяръ воспользовался присутствіемъ дочерей Казотта и Сомбрёйля, добровольно послѣдовавшихъ въ тюрьму за своими отцами, а также преклоннымъ возрастомъ Сомбрёйля. Впослѣдствіи, какъ видно изъ одного документа, приведеннаго въ факсимиле крайне консервативнымъ писателемъ, Гранье де-Кассаньякомъ ¹⁾, Мальяръ съ гордостью говорилъ, что спасъ такимъ образомъ жизнь сорока-тремъ чело-вѣкамъ. Нечего говорить о томъ, что „стаканъ крови“, якобы поднесенный дочерямъ Сомбрёйля, есть не что иное, какъ гнусная выдумка роялистскихъ писателей (См. Луи Бланъ, кн. VIII, гл. II; Combes, „Episodes et curiosités révolutionnaires“, 1872, и др.).

Въ тюрьмѣ Форсъ также было много случаевъ оправданія; по словамъ Тальена, тамъ погибла всего одна женщина — г-жа де-Ламбаль. Каждое оправданіе встрѣчалось криками, „Да здравствуетъ нація!“ и затѣмъ люди изъ толпы провожали оправданнаго до дому, со всевозможными выраженіями симпатій, рѣшительно отказываясь при этомъ принимать какія бы то ни было деньги отъ освобожденнаго или отъ его родственниковъ. Такимъ образомъ, были оправданы и некоторые отъявленные роялисты, противъ которыхъ не оказалось, однако, никакихъ достовѣрныхъ фактовъ, какъ, напр., братъ министра Бертрама де-Мольвиля и даже та-кой заклятый врагъ революціи, какъ молочный братъ королевы, австріецъ Веберъ; ихъ съ триумфомъ и радостными криками проводили къ роднымъ или друзьямъ. Веберъ самъ рассказалъ это въ своей запискѣ.

Въ монастырь Кармелитовъ, съ 11 августа, начали заключать священниковъ; тамъ находился и знаменитый архіепископъ города Арль, обвинявшійся въ устройствѣ ужаснаго избіенія патриотовъ въ этомъ городѣ. Всѣ эти священники подлежали ссылкѣ, когда наступило 2-е сентября.

¹⁾ Granier de Cassagnac, „Histoire des Girondins et des massacres de septembre, 2 тома, 1860.

Въ этотъ день нѣсколько человекъ, вооруженныхъ саблями, ворвались въ монастырь и убили архіепископа арльскаго, а также—послѣ краткаго суда—и многихъ священниковъ, отказывавшихся принести гражданскую присягу. Нѣкоторые, однако, убѣжали, перелѣзши черезъ стѣну; другіе, какъ видно изъ разсказа аббата Вертею-де-Варбо, были спасены членами люксембургской секціи и людьми съ пиками, стоявшими на посту въ тюрьмѣ.

Убіиства продолжались 3 сентября, а вечеромъ того же дня Наблюдательный Комитетъ Коммуны разослалъ по департаментамъ, въ пакетахъ министра юстиціи, циркуляръ, составленный Маратомъ, въ которомъ порицалось Собраніе, разсказывалось о событіяхъ и предлагалось послѣдовать примѣру Парижа.

Между тѣмъ волненіе въ народѣ начинало утихать, разсказываетъ Сень-Меаръ, а 3-го, около восьми часовъ вечера, уже раздавались отдѣльные голоса, кричавшіе: «Пощады! пощада оставшимся!» Въ тюрьмахъ оставалось уже, впрочемъ, немного политическихъ. Но тогда случилось то, что неизбежно должно было случиться. Къ нападавшимъ на тюрьмы изъ убѣжденія, присоединились другіе, сомнительные элементы. Проявилось то, что Мишлэ очень удачно называлъ „яростною жаждою очищенія“ — желаніе очистить Парижъ не только отъ роялистскихъ заговорщиковъ, но и отъ фальшивыхъ монетчиковъ, отъ поддѣльвателей ассигнацій, отъ мошенниковъ, даже отъ публичныхъ женщинъ, о которыхъ говорили, что онѣ всѣ — роялстки! 3 сентября, въ тюрьмѣ Большого Шателэ уже были перебиты воры, а въ тюрьмѣ Бернардиновъ — каторжники; 4-го толпа людей отправилась убивать въ Сальпетріеръ, въ Бисетръ и даже въ бисетрскую „La Correction“, хотя эту тюрьму народъ долженъ былъ бы пощадить, какъ мѣсто страданія такихъ же несчастныхъ, какъ онъ самъ, особенно дѣтей. Наконецъ, Коммуна удалось положить конецъ убійствамъ: это было, по свидѣтельству Матонъ-де-ла-Варенна, 4-го числа¹⁾.

Въ общемъ, погибло больше тысячи человекъ; изъ нихъ 202 священника, 26 королевскихъ гвардейцевъ, около

¹⁾ M...-de-la-Varenne. „Histoire particulière des événements qui ont eu lieu en France pendant les mois de juin, de juillet, d'août et de septembre et qui ont opéré la chute du trône royal“. Парижъ. 1806. Пятаго совершено было еще нѣсколько отдѣльныхъ убійствъ.

сидят швейцарцевъ, изъ ихъ генеральнаго штаба, и больше 300 уголовныхъ заключенныхъ, изъ которыхъ тѣ, которыхъ содержали въ Консьержери, занимались въ тюрьмѣ выдѣлкою фальшивыхъ ассигнацій. Матонъ-де-ла-Вареннъ, который приводитъ въ своей *Histoire particulière* (стр. 419—460) алфавитный списокъ убитыхъ въ сентябрьскіе дни, даетъ общую цифру въ 1086. человекъ; кромѣ того, еще трое неизвѣстныхъ, погибшихъ случайно. Роялистскіе же историки стали сочинять сказки и говорить о 8000 и даже о 12852 убитыхъ!!¹⁾

Всѣ историки Великой Революціи, начиная съ Бюшэ и Ру, приводятъ мнѣнія разныхъ извѣстныхъ революціонеровъ объ этихъ убійствахъ, и изъ всѣхъ ихъ цитатъ вытекаетъ одно поразительное заключеніе. Жирондисты, впоследствии больше всѣхъ воспользовавшіеся сентябрьскими днями для рѣзкихъ и упорныхъ нападокъ на Монтаньяровъ²⁾, сами оставались въ эти дни безучастными зрителями, т.-е. дѣлали то самое, въ чемъ впоследствии упрекали Дантона, Робеспьера и Коммуну. Только одна Коммуна приняла, въ лицѣ своего Генеральнаго Совѣта и Наблюдательнаго Комитета, болѣе или менѣе дѣйствительныя мѣры для того, чтобы остановить убійства, или, по крайней мѣрѣ, ограничить и узаконить ихъ. Всѣ остальные дѣйствовали вяло, или не считали нужнымъ вмѣшиваться; большинство же, когда дѣло было сдѣлано, выражало *одобреніе*. Это показываетъ, до какой степени, несмотря на возбуждаемый сентябрьскими убійствами протестъ человѣческаго чувства, всѣ понимали, что они были неизбѣжнымъ слѣдствіемъ боины, устроенной во дворцѣ роялистами 10 августа, и темной политики самихъ правителей въ продолженіе двадцати дней, послѣдовавшихъ за взятіемъ Тюильри.

Въ очень часто упоминаемомъ историками письмѣ Ролана отъ 3 сентября, жирондистскій министръ говоритъ объ этихъ убійствахъ въ выраженіяхъ, изъ которыхъ ясно, что

¹⁾ Архив-роялистскій и лживый писатель Peltier, перечисляя подробно всѣ убійства, находитъ цифру въ 1005 человекъ; но онъ прибавляетъ, что убивали, кромѣ того, въ Бисстрѣ и на улицахъ, и это дастъ ему возможность указать общее число въ 8.000 человекъ. *Dernier tableau de Paris, ou récit historique de la Révolution du 10 août*, 2 тома, Лондонъ, 1792—1793). По этому поводу Бюшэ и Ру очень справедливо замѣтили, что „только одинъ Пельтье упоминаетъ объ убійствахъ гдѣ бы то ни было, въ тюрьмѣ“, и что въ этомъ онъ расходится со всѣми своими современниками.

²⁾ „Горцевъ“—такъ называли потомъ лѣвую партію въ Конвентѣ

онѣ тоже считали ихъ неизбежными ¹⁾. Главное, чего онѣ хотятъ, это — развить мысль, которая скоро станетъ любимымъ положеніемъ Жирондистовъ: что если до 10 августа безпорядокъ и былъ нуженъ, то теперь все должно войти въ рамки. Вообще говоря, Жирондисты, какъ вполнѣ вѣрно замѣтили уже Бюшэ и Ру, «въ особенности занимаются самими собою»; «они съ горечью видятъ, что власть уходитъ изъ ихъ рукъ и переходитъ къ ихъ противникамъ... Но они не находятъ основаній осуждать происходящее движеніе... Они не скрываютъ отъ себя, что только одно могло спасти національную независимость и оградить ихъ самихъ отъ мести вооруженной эмиграціи» (стр. 397) ²⁾.

Самыя вліятельныя газеты, какъ «Moniteur» и «Révolutions de Paris» Прюдома, одобряли происшедшее; другія, «Annales patriotiques», «Chronique de Paris» и даже Бриссэ въ «Patriote français» — ограничились нѣсколькими холодными и равнодушными фразами. Что же касается роялистской прессы, то она, конечно, воспользовалась событіями, чтобы рассказывать, повторявшіеся потомъ въ теченіе нѣлаго столѣтія, самыя фантастическія сказки. Мы не будемъ заниматься опроверженіемъ ихъ. Но существуетъ одна

1) „Я знаю, что революціи не рассчитываются на основаніи обычныхъ правилъ, но я знаю также, что сила, которая производитъ ихъ, должна послѣдить стать подъ свѣтъ закона, если не хочетъ вызвать полное разложеніе. Гнѣвъ народа и начало возстанія подобны дѣйствию горнаго потока, *нижсходящаго такія препятствія, которыхъ не могла бы уничтожить никакая другая сила*: но, выходя изъ береговъ, этотъ потокъ далеко несетъ съ собою разрушеніе и опустошеніе, если только онъ не войдетъ скоро въ берега... На событія вчерашняго дня, можетъ-быть, слѣдуетъ набросить покровъ; я знаю, что народъ, страшный въ своей мести, все-таки вносить въ нее нѣкоторую справедливость; жертвою его ярости не падаютъ все, что встрѣчается ему на пути: его ярость направляется на тѣхъ, кто слишкомъ долго щадилъ мечъ правосудія, и на коимъ опасныя обстоятельства указываютъ, какъ на подлежащихъ немедленному закланію... Но спасеніе Парижа требуетъ, чтобы всѣ власти сейчасъ же вернулись въ установленныя для нихъ границы“.

2) Нѣтъ сомнѣній, что жирондистскіе министры отлично знали, что происходитъ въ тюрьмахъ. Извѣстно, что военный министр Серванъ отправился 2 сентября, послѣ полуночи, въ Коммуну, гдѣ у него было назначено въ 8 часовъ свиданіе съ Сантерромъ, Петіономъ, Оберомъ, Вильо-Варенномъ и другимъ, для обсужденія военныхъ мѣропріятій. Въ коммунѣ, конечно, говорили объ убійствахъ и Роланъ былъ извѣщенъ о нихъ; но Серванъ, какъ и другіе, рѣшилъ, что нужно прежде всего заняться самымъ спѣшнымъ — тѣмъ, что происходитъ на границѣ и ни въ какомъ случаѣ не вызывать гражданской войны въ Парижѣ.

ошибка въ оцѣнкѣ событій, въ которую впадаютъ и республиканскіе историки, и на нее стоить указать.

Несомѣнно, что число людей, убивавшихъ въ тюрьмахъ, не превышало трехсотъ человѣкъ. На этомъ основаніи, всѣхъ республиканцевъ, не положившихъ конецъ убійствамъ, обвиняютъ въ трусости. Но ничего не можетъ быть ошибочнѣе такихъ расчетовъ. Самая цифра, триста или четыреста человѣкъ, вѣрна. Но достаточно прочесть рассказы Вебера (молочнаго брата Маріи-Антуанеты), дочери г-жи де-Турзель, Матонъ-де-ла-Варенна и другихъ очевидцевъ того, что происходило въ тюрьмахъ, чтобы увидать, что если самыя убійства и были дѣломъ ограниченаго числа людей, то вокругъ каждой тюрьмы, въ сосѣднихъ улицахъ стояло множество народа, одобрявшаго эти убійства и готового призвать народъ къ оружію противъ всякаго, кто захотѣлъ бы помѣшать имъ. Впрочемъ, и бюллетени секцій, и поведеніе національной гвардіи, и даже отношеніе видныхъ революціонеровъ показываютъ, что всѣ понимали, что военное вышестество было бы сигналомъ гражданской войны, которая, на чьей бы сторонѣ ни осталась побѣда, повлекла бы за собою гораздо болѣе многочисленныя и еще болѣе ужасныя убійства и открыла бы Парижъ иностранному вторженію.

Съ другой стороны, Мишлэ сказалъ, и многіе впоследствии повторили то же, что убійства эти были внушены *страхомъ*, страхомъ безосновательнымъ; а страхъ, какъ извѣстно, всегда жестокъ. Нѣсколько сотъ лишнихъ роялистовъ, говорятъ намъ, не представляли опасности для Революціи. Но писатели, разсуждающіе такимъ образомъ, не отдають себѣ отчета, по моему мнѣнію, о настоящей силѣ реакціи. За этими нѣсколькими стами погибшихъ въ эти дни роялистовъ стояли десятки тысячъ другихъ, — большинство, громадное большинство зажиточной буржуазіи, вся аристократія, Законодательное Собраніе, департаментская директорія, большинство мировыхъ судей и громадное большинство чиновниковъ. Вся эта плотная масса враждебныхъ Революціи людей только и ждала появленія нѣмцевъ около Парижа, чтобы встрѣтить ихъ съ распростертыми объятіями и начать съ ихъ помощью контръ-революціонный «Черный терроръ» — черное избіеніе. Достаточно вспомнить о «Бѣломъ террорѣ» въ царствованіе Бурбоновъ, когда они вернулись въ 1815 году подъ охраной иностранныхъ войскъ.

Существуетъ, впрочемъ, одинъ фактъ, обыкновенно оста-
вляемый безъ вниманія историками, но бросающій свѣтъ на
все дѣло и указывающій на настоящую причину движенія
2 сентября.

Въ самый разгаръ убійствъ, утромъ 4 сентября, Со-
браніе рѣшилось, наконецъ, по предложенію Шабб, сказать
давно ожидаемое слово. Оно заявило, въ обращеніи къ
французскому народу, что хотя уваженіе къ будущему Кон-
венту и мѣшаетъ членамъ Собранія „предрѣшать, чего они
ожидаютъ отъ французской націи“, они, тѣмъ не менѣе, те-
перь же приносятъ, какъ отдѣльныя личности, ту клятву,
которой не смѣютъ принести, какъ представители народа:
клятву „*боротся всѣми силами противъ королей и королев-
ской власти!*“ *Не надо короля! Никакой капитуляціи, ни-
какого иностраннаго монарха!* повторяли члены Собранія.
И какъ только это обращеніе къ націи было принято го-
лосованіемъ Собранія, несмотря на упомянутую выше огов-
орку, комиссары, посланные Собраніемъ съ этимъ за-
явленіемъ по секціямъ, всюду были встрѣчены съ распростер-
тыми объятіями, — и секции взялись, немедленно, положить ко-
нечъ убійствамъ.

Но какъ трудно было выпудить у Собранія это заявле-
ніе! Только послѣ того, какъ Марать сталъ упорно совѣ-
товать народу истребить лицемѣрныхъ роялистовъ само-
го Законодательнаго Собранія, послѣ того, какъ Робеспьеръ
сталъ обвинять Карріа и Жирондистовъ вообще въ готов-
ности принять иностраннаго монарха, и послѣ того, какъ
Коммуна приказала произвести обыски у жирондистскихъ
вожаковъ, — Ролана и Бриссо, — Жирондистъ Гюадэ высту-
пилъ, 4 сентября — только 4 сентября — съ проектомъ за-
явленія о готовности представителей народа бороться всѣ-
ми силами противъ короля и королевской власти вообще.
Если бы такое опредѣленное заявленіе было сдѣлано тог-
да же послѣ 10 августа, и если бы Людовикъ XVI тогда
же былъ преданъ суду, — сентябрьскихъ убійствъ, несомнѣн-
но, не произошло бы. Безспіе роялистскихъ интригъ стало
бы ясно для народа, разъ онъ увидѣлъ бы, что онѣ не
опираются на Собраніе, на правительство.

И напрасно стали бы намъ говорить, что подозрѣнія
Робеспьера, обвинявшаго Собраніе и особенно Жиронди-
стовъ въ готовности призвать на престолъ герцога Браун-
швейгскаго (шедшаго на Парижъ во главѣ нѣмецкой ар-
міи), не имѣли основанія. Не даромъ старый республика-

нецъ, Жирондистъ Кондорсе,—единственный представитель народа, открыто высказавшійся въ Законодательномъ Собраніи въ пользу республики и еще въ 1791 году, и вмѣстѣ съ тѣмъ выступившій отъ своего—и только отъ своего—имени противъ всякой мысли о водвореніи на французскомъ престолѣ герцога Брауншвейгскаго,—недаромъ этотъ старый республиканецъ писалъ въ „Chronique de Paris“, что ему *говорили объ этой кандидатурѣ* ¹⁾. Дѣло въ томъ, что въ эти дни междоцарствія цѣлый рядъ кандидатуръ—герцога Лоркекаго, герцога Орлеанскаго, герцога Шартрскаго (кандидатура, поддерживавшаяся Дюмурье) и даже герцога Брауншвейгскаго—обсуждался въ средѣ политическихъ дѣятелей, или не желавшихъ республики, какъ Фельянты, или, какъ Жирондисты, не вѣрившихъ въ возможность пользы Франціи.

Въ этихъ именно колебаніяхъ, въ этомъ малодушіи, въ этомъ лицемеріи государственныхъ людей, стоявшихъ у власти, и кроется настоящая причина того отчаянія, которое овладѣло парижскимъ населеніемъ 2 сентября.

¹⁾ Карра, редакторъ „Annales patriotiques“—одного изъ главныхъ политическихъ органовъ Жиронды, говорилъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ о герцогѣ Брауншвейгскомъ въ номерѣ отъ 19 іюля 1792 года:—„герцогъ Брауншвейгскій—величайшій полководецъ и величайшій политикъ въ Европѣ: онъ—человѣкъ очень образованный, очень просвѣщенный, очень обходительный: ему, можетъ-быть, не хватаетъ только короны, что бы стать—я не говорю величайшимъ монархомъ на землѣ, но, можетъ-быть, настоящимъ возстановителемъ свободы въ Европѣ. Если онъ явится въ Парижъ, то я ручаюсь, что онъ первымъ дѣломъ отправится въ клубъ Якобинцевъ и надѣнетъ красный колпакъ“. (Крайніе Якобинцы въ знакъ демократизма, носили тогда крестьянскіе влажные колпаки краснаго цвѣта).

XXXVI.

Конвентъ.— Коммуна. Якобинцы.

21 сентября 1792 года открылся, наконецъ, Конвентъ — собраніе, которое такъ часто представляли впоследствии прототипомъ, идеаломъ всякаго революціоннаго собранія. Выборы въ Конвентъ произошли при почти всеобщей подачѣ голосовъ, съ участіемъ всѣхъ гражданъ, активныхъ и пассивныхъ, но оставались двухстепенными: т.-е. граждане выбирали сперва выборщиковъ, а эти послѣдніе выбирали депутатовъ въ Конвентъ. Такой способъ избранія, конечно, былъ выгоденъ для зажиточныхъ классовъ; но такъ какъ выборы происходили въ сентябрѣ, посреди всеобщаго волненія, вызваннаго народною побѣдою 10 августа, и многіе контръ-революціонеры, напуганные событіями 2 сентября, предпочли вовсе не показываться на выборахъ, то результаты были менѣе плохи, чѣмъ можно было опасаться. Въ Парижѣ списокъ Марата, въ который входили имена всѣхъ извѣстныхъ революціонеровъ изъ клуба Кордельеровъ и изъ клуба Якобинцевъ, пропелъ цѣликомъ. 525 „выборщиковъ“, собравшихся въ самый день 2 сентября въ помѣщеніи Якобинскаго клуба, избрали председателемъ и вице-председателемъ своего собранія Колло д'Эрбуа (крайняго якобинца) и Робеспьера, исключили всѣхъ, подписавшихъ роялистскія петиціи („восемь тысячъ“ и „двадцати тысячъ“), и подали голоса за списокъ Марата.

Тѣмъ не менѣе, „умѣренный“ элементъ все еще продолжалъ господствовать, и Маратъ писалъ послѣ пераго же засѣданія Конвента, что если судить по качеству представителей народа, то можно отчаяться въ возможности спасти общество. Онъ предвидѣлъ, что ихъ сопротивленіе революціонному духу приведетъ Францію къ безконечной борьбѣ. „Они окончательно погубятъ все, — писалъ онъ, — если не большая кучка защитниковъ народа, и названныхъ бороться

съ ними, не возьметъ верхъ и не раздавить ихъ“. Мы увидимъ скоро, до какой степени онъ былъ правъ.

Но сами событія толкали Францію къ Республикѣ, и это общенародное теченіе было такъ сильно, что умѣренные элементы Конвента не рѣшились противиться потоку, уносившему королевскую власть. Въ первое же свое засѣданіе Конвентъ единогласно провозгласилъ отмѣну монархіи во Франціи. Мы видѣли, что Марсель и нѣкоторые другіе провинціальныя города требовали Республики еще до 10 августа: Парижъ, съ перваго же дня выборовъ, торжественно выставилъ то же требованіе. Клубъ Якобинцевъ также рѣшился, наконецъ, заявить себя въ пользу Республики: онъ сдѣлалъ это въ засѣданіи 27 августа, послѣ опубликованія бумагъ, найденныхъ въ шкапу Тюильри. Конвентъ осторожно послѣдовалъ за Парижемъ. Въ первомъ своемъ засѣданіи, 21 сентября 1792 года, онъ отмѣнилъ королевскую власть; а на другой день, въ другомъ декретѣ, онъ повелѣлъ, чтобы съ этого дня все официальные документы помѣчались первымъ годомъ Республики. Но самаго провозглашенія республики онъ такъ и не сдѣлалъ.

Три, ясно разграниченныя партіи сложились въ Конвентѣ: Гора¹⁾, Жиронда и Равнина, или вѣриѣ „Болото (La Plaine; потомъ Le Marais). Жирондисты, хотя ихъ было меньше двухсотъ, господствовали. Они уже раньше, при Законодательномъ Собраніи, давали королю министерство (Ролана) и стремились заслужить славу „государственныхъ людей“. Состоя изъ людей образованныхъ, изящныхъ, тонкихъ политиковъ, партія Жиронды представляла собою интересы промышленной, торговой и земельной буржуазіи, быстро создававшейся при новомъ порядкѣ. При поддержкѣ „Равнины“, Жирондисты были въ началѣ самою сильною партіею; изъ нихъ и составилось первое республиканское министерство. Въ министерствѣ, появившемъ во власть 10 августа, былъ только одинъ представитель *народной* революціи, — Дантонъ; но и онъ вышелъ въ отставку 21 сентября, и власть осталась, такимъ образомъ, въ рукахъ однихъ Жирондистовъ.

Гора, состоявшая изъ Якобинцевъ, какъ Робеспьеръ, Сенъ-Жюсть и Кутонъ, изъ Кордельеровъ, какъ Дантонъ и Марать, и пользовавшаяся поддержкой народныхъ революціонеровъ Коммуны, какъ Шометь и Эберъ, еще не сформировалась въ то время въ политическую партію: это случилось лишь

¹⁾ La Montagne; отсюда — слово Монтаньяры, т. е. Горцы.

позднѣе, подѣ влияніемъ самого хода событій. Пока Гора поддерживала всѣхъ тѣхъ, кто хотѣлъ идти впередъ и привести Революцію къ осязательнымъ результатамъ, т.-е. уничтожить королевскую власть и окончательно подорвать государство, поддерживавшее эту власть, раздавить аристократію и политическую силу духовенства, отмѣнить вполнѣ феодализмъ, упрочить Республику.

Наконецъ, Равнину или Болото (впослѣдствіи его называли также Брюхомъ) составляли люди колеблющіеся, безъ опредѣленныхъ убѣжденій, но владѣющіе собственностью и консерваторы по инстинкту — тѣ самые, изъ кого состоитъ большинство всѣхъ представительныхъ собраній. Въ Конвентѣ ихъ было около пятисотъ. Сначала они поддерживали Жирондистовъ, но въ минуту опасности покинули ихъ. Загнанный страхъ заставилъ ихъ поддерживать крайнихъ Монтаньяровъ, съ Сентъ-Жюстомъ и Робеспьеромъ; а позднѣе они стали участниками бѣлаго террора, послѣ того какъ гермидорскій переворотъ 1794 года послалъ Робеспьера и его товарищей на эшафотъ.

Теперь, послѣ провозглашенія Республики 21 сентября 1792 года, опять можно было думать, что Революція сможетъ развиваться безпрерывно и пойдетъ своимъ естественнымъ путемъ, указаннымъ ей самою логикою событій. Судъ надъ королемъ и его осужденіе, республиканская конституція, взамѣнъ конституціи 1791 года, неумолимая война противъ иностранныхъ завоевателей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, окончательное уничтоженіе того, что составляло силу стараго строя: феодальныхъ правъ, власти духовенства, монархической организаціи провинціального управленія. Отмѣна всѣхъ этихъ пережитковъ прошлаго естественно вытекала изъ самаго хода Революціи.

Но пришедшая ко власти буржуазія, предоставляемая въ Конвентѣ «государственными людьми» Жиронты, вовсе не хотѣла этого.

Народъ извергъ Людовика XVI. Но избавиться отъ измѣнника, который привелъ пѣмцевъ къ воротамъ Париза, казнить его — этому Жиронда противилась всѣми силами. Скорѣе — гражданская война, чѣмъ такой рѣшительный шагъ! И это — не столько изъ боязни мести со стороны иностранныхъ державъ — сами Жирондисты настаивали на томъ, чтобы начать войну со всею Европою. — сколько изъ боязни революціоннаго движенія французскаго народа. Главнымъ образомъ, боялись они революціоннаго Париза,

который могъ увидѣть въ казни короля начало настоящей революціи.

Къ счастью, парижскому народу удалось, въ секціяхъ и въ Коммунѣ, создать, рядомъ съ національнымъ представительствомъ, настоящую силу, которая и явилась выразительницей революціонныхъ стремленій парижскаго населенія и стала даже господствовать надъ Конвентомъ. Остановимся же на минуту, прежде чѣмъ приступить къ описанію ожесточенной борьбы, завязавшейся въ средѣ представителей націи, и бросимъ взглядъ назадъ — на то, какъ создалась эта новая сила, Парижская Коммуна.

Въ предшествующихъ главахъ (XXIV и XXV) мы уже видѣли, какъ парижскія секціи пріобрѣли значеніе, въ качествѣ органовъ городской, муниципальной жизни. Онѣ присвоили себѣ, — помимо нѣкоторыхъ полицейскихъ обязанностей и избранія судей, которые предоставлялись имъ закономъ, — различныя другія, въ высшей степени важныя экономическія обязанности (продовольствіе города, общественную благотворительность, продажу національныхъ имуществъ и т. п.), и сами эти обязанности дали имъ возможность оказывать серьезное вліяніе при обсужденіи важнѣйшихъ политическихъ вопросовъ общаго характера ¹⁾.

Сдѣлавшись существенными органами общественной жизни, секціи, или сотѣи, поистинѣ, постарались установить между собою федеративную связь. Нѣсколько разъ, въ 1790 и въ 1791 году, онѣ уже назначали спеціальныхъ представителей для соглашенія съ другими секціями, въ видѣ совмѣстнаго дѣйствія, помимо официального, установленнаго закономъ Городского Совѣта. Но ничего постоянного еще не существовало.

Въ апрѣлѣ 1792 года, когда была объявлена война, поле дѣятельности секцій расширилось цѣлымъ рядомъ новыхъ обязанностей. Имъ пришлось заняться записью волонтеровъ, разсортировкой ихъ, патріотическими пожертвованіями, обмундировкой и продовольствіемъ отправлявшихся

¹⁾ После того, какъ эта моя книга была издана по-французски была замѣчательная работа профессора Ф. Брѣша (F. Braesch „La Commune du Dix Août 1792: Etude sur l'histoire de Paris du 20 août au 2 décembre 1792“, Paris (Hachette), 1911, 1236 страницъ). Она была написана по предложенію Огара и посвящена дѣятельности Парижа (преимущественно политической) за эти шесть мѣсяцевъ. Она полна поучительныхъ для революціонера данныхъ. См. Приложение, въ концѣ книги.

на войну батальоновъ; затѣмъ—административными и политическими сношеніями съ этими батальонами. заботой о семьяхъ волонтеровъ и проч., не говоря уже о непрестанной борьбѣ, которую имъ приходилось вести противъ роялистскихъ интригъ, мѣшавшихъ ихъ работѣ. При этихъ новыхъ обязанностяхъ, необходимость непосредственной связи между секціями чувствовалась еще сильнѣе.

Когда просматриваешь теперь переписку секцій и ихъ обширное счетоводство, то приходится удивляться организаторскому духу добровольцевъ, которые исполняли эту работу, по окончаніи своего трудового дня. Именно здѣсь видна вся глубина той, почти религіозной преданности, которую внушала Революція французскому народу. Не нужно забывать, что, хотя каждая секція и выбирала свой военный комитетъ изъ двадцати-восьми членовъ, но по всемъ важнѣйшимъ вопросамъ обыкновенно обращались къ общимъ собраніямъ секцій, происходившимъ по вечерамъ.

Легко понять и то, какъ люди, видѣвшіе, по въ теоріи, а на дѣлѣ, все ужасы войны и близко соприкасавшіеся съ страданіями, причиненными народу иностраннымъ нашествіемъ, должны были ненавидѣть виновниковъ этого нашествія: короли, королеву, Дворъ, бывшихъ дворянъ и богатыхъ—всѣхъ богатыхъ вообще, такъ какъ они поддерживали Дворъ. Столица объединялась такимъ путемъ съ крестьянами пограничныхъ департаментовъ въ общей ненависти къ защитникамъ престола, призвавшимъ во Францію чужеземныя войска. Поэтому, когда явилась мысль о демонстраціи 20 іюня, секціи взяли на себя подготовку этой демонстраціи, и онѣ же подготовили нападеніе на Тюильри, 10 августа, при чемъ онѣ воспользовались этою подготовительною работою, чтобы установить, наконецъ, давно желанную, непосредственную связь между секціями для революціоннаго дѣла.

Когда стало ясно, что демонстрація 20 іюня не привела ни къ какимъ результатамъ, что Дворъ ничему не научился и не хочетъ научиться,—секціи взяли на себя предложить Собранію изложеніе Людовика XVI. Секція Моконсейля (Maconseil) приняла 23 іюля рѣшеніе въ этомъ смыслѣ, о которомъ и сообщила Собранію, и сама стала заниматься подготовленіемъ революціоннаго движенія на 5 августа. Другія секціи поспѣшили принять подобныя же рѣшенія; и когда, въ засѣданіи 4 августа, Національное Собраніе объявило постановленіе гражданъ Моконсейля противозаконнымъ,

это постановление уже получило одобрение четырнадцати других секцій.

Въ тотъ же день члены секціи Гравилье явились въ Собрание съ заявленіемъ, что *пока* они еще предоставляютъ законодателямъ „честь спасти отечество“. — „Но если вы откажетесь, — прибавляли они, — то намъ придется спасать себя самимъ“. Секція Quinze-Vingt, съ своей стороны, назначила „утро 10 августа, какъ послѣдній срокъ народному терпѣнію“, а секція Моконсейль заявила, что „будетъ мирно и бдительно ждать рѣшенія Національнаго Собранія до 11 часовъ вечера слѣдующаго четверга (9 августа); но если Законодательное Собрание не удовлетворитъ справедливыхъ требованій народа, то часъ спустя, въ 12 часовъ ночи, будетъ забитъ сборъ, и всѣ возстанутъ“¹⁾.

Наконецъ 7 августа та же секція обратилась ко всѣмъ остальнымъ, съ приглашеніемъ назначить отъ каждой „по шести комиссаровъ, не столько ораторовъ, сколько дѣйствительно горюющихъ гражданъ, которые, собравшись вмѣстѣ, составили бы въ Городской Ратушѣ центральный пунктъ“, — что и было сдѣлано²⁾.

Когда изъ сорока-восьми секцій двадцать-восемь, или тридцать, присоединились къ движенію, ихъ комиссары собрались, въ ночь на 10 августа въ Ратушѣ, рядомъ съ залой, гдѣ засѣдалъ законный Городской Совѣтъ — въ эту пору ночи далеко не въ полномъ составѣ — и стали дѣйствовать революціоннымъ путемъ, въ качествѣ новой Коммуны. Они временно упразднили законный Генеральный Совѣтъ Коммуны, подвергнули домашнему аресту мэра Петіона, распустили генеральный штабъ батальоновъ національной гвардіи и взяли въ свои руки всѣ полномочія Коммуны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и общее руководство возстаніемъ³⁾.

¹⁾ Mottinet Ternaux, „La Terreur“, т. II, стр. 178, 216, 393; Buchez et Roux, т. XVI, стр. 247; Mellié, „Les Sections de Paris“, стр. 144 и слѣд.

²⁾ Еще раньше былъ устроенъ комитетъ для переписки между секціями, а собраніе комиссаровъ отъ нѣсколькихъ секцій происходило еще 23 іюля.

³⁾ Mellié пишетъ протоколъ засѣданія секціи Пуассоньеръ. Собравшись 9 августа, въ восемь часовъ вечера, въ церкви Сень-Лазарь, на засѣданіе, которое рѣшено было сдѣлать непрерывнымъ (assemblée permanente), секція разжаловала всѣхъ тѣхъ офицеровъ Сень-Лазарскаго батальона національной гвардіи, которые не были выбраны самою секціею, и назначила „тотчасъ же другихъ офицеровъ, подъ командой которыхъ она хотѣла дѣйствовать“. Затѣмъ

Такимъ образомъ создалась и водворилась въ Городской Ратушѣ та новая власть, о которой мы говорили выше.

Тюильрійскій дворецъ былъ взятъ, и король свергнутъ съ престола. И тогда же новая Коммуна показала, что видѣть въ днѣ 10 августа не увѣщаніе Революціи, начатой 14 іюля 1789 года, а начало новой революціи, — народной, совершаемой во имя Равенства. Она стала помѣчать свои документы IV-мъ годомъ Свободы, I-мъ годомъ Равенства. Множество новыхъ обязанностей, оказалось, было тотчасъ же возложено на новую Коммуну.

Въ послѣдніе дванатцать дней августа, въ то время, какъ Законодательное Собраніе колебалось между различными, раздравшими его, роялистскими, конституционными и республиканскими теченіями, и обнаруживало полную неспособность подняться на высоту положенія, парижскія секціи и парижская Коммуна сдѣлались настоящимъ сердцемъ французскаго народа. Онѣ старались разбудить республиканскую Францію, вызвать ея силы на борьбу съ объединившимися королями Европы, и, сообщая съ другими Коммунами, внести необходимую организацію въ широкое движеніе восстателей 1792 года. А когда колебанія Законодательнаго Собранія, роялистскія пожеланія большинства его членовъ и ихъ неспособность въ революціонной Коммунѣ довести парижское населеніе до ярости сентябрьскихъ дней, успокоеніе приняло опять-таки отъ секцій и отъ Коммуны. Какъ только, 4 сентября, Законодательное Собраніе рѣшилось, наконецъ, высказаться противъ королевской власти и различныхъ претендентовъ на французскій престолъ, и дошло до своего рѣшенія до свѣдѣній секцій, онѣ, какъ мы видѣли, тотчасъ же объединились, чтобы положить конецъ убійствамъ, грозившимъ перейти изъ тюремъ на улицу. Онѣ обезпечили безопасность жителямъ.

Точно такъ же, когда Конвентъ собрался и декретовалъ, утромъ 21 сентября, отмену королевской власти во Фран-

она вошла въ соглашеніе съ другими секціями относительно порядка дѣйствій, и въ четыре часа утра, назначивъ постоянный комитетъ, чтобы наблюдать за вооруженіемъ и становить необходимыми для безопасности распоряженіями, которыя онъ найдетъ нужными, соединилась къ своимъ братьямъ изъ Сентъ Антуанскаго предместья, чтобы идти на Тюильри. Изъ этого протокола непосредственно видно, какъ дѣйствовалъ парижскій народъ въ эту памятную ночь.

ни, но еще не осмѣливался произнести рѣшающее слово: Республика, и ожидать, повидимому, поощренія извѣстнаго, что поощреніе пришло ему отъ французскаго народа. На улицахъ первый декретъ былъ встрѣченъ криками: *Да здравствуетъ Республика!* а граждане секціи Четырехъ Націй дали толчокъ Конвенту, явившись съ заявленіемъ, что они будутъ счастливы, если имъ придется пролить свою кровь за Республику, которая въ то время еще не была провозглашена и получила официальное признаніе Конвента только на другой день.

Парижская Коммуна выростала, такимъ образомъ, и становилась силой. Съ нею приходилось считаться если не какъ съ соперницей, то какъ съ вдохновительницей Конвента и союзницей партіи Горы.

Гора пользовалась, кромѣ того, поддержкой еще одной силы, выросшей за время Революціи — парижскаго клуба Якобинцевъ, съ многочисленными, примыкавшими къ нему, въ провинціи Народными обществами (*Sociétés populaires*). Правда, этотъ клубъ вовсе не обладалъ тѣмъ революціоннымъ значеніемъ и тѣмъ революціоннымъ починкомъ, какой ему такъ часто приписываютъ современные политическіе писатели. Клубъ Якобинцевъ не только не руководилъ революціей, но всегда шелъ за ней. Самый составъ главнымо парижскаго общества, члены котораго вербовались въ особенности изъ интеллигентной буржуазіи, дѣлалъ такое руководство невозможнымъ. Якобинцы, совершенно правильно говорилъ уже Мишлю, все время старались быть мудрыми политиками Революціи, держать въ своихъ рукахъ равновѣсіе. Они не управляли Революціей: они слѣдовали за нею. Духъ клуба измѣнялся съ каждымъ новымъ кризисомъ. Но клубъ тотчасъ же становился выразителемъ того течения, которое господствовало въ данный моментъ среди интеллигентной, умѣренно демократической буржуазіи: онъ поддерживалъ это теченіе, вліяя въ желательномъ направленіи на общественное мнѣніе въ Парижѣ и въ провинціи, и изъ него новый водворившійся порядокъ набиралъ главныхъ своихъ чиновниковъ. Робеспьеръ, представлявшій, по справедливому выраженію Мишлю, «золотую середину Горы», хотѣлъ, чтобы Якобинцы могли служить посредниками между Собраніемъ и улицей, поочередно пугая и успокоивая

*) А. Оларъ, *Политическая исторія французской революціи*, 1902, стр. 330 русскаго изданія.

Конвентъ" (книга IX, гл. IV). Но онъ понималъ, что починъ будетъ исходить отъ улицы, отъ народа.

Мы говорили уже о томъ, что на событія 10 августа Якобинцы не оказали никакого вліянія. Это вліяніе не сказывалось и въ сентябрѣ 1792 года: клубъ даже опустѣлъ въ это время. Но мало-по-малу, главное парижское общество Якобинцевъ усилилось въ теченіе осени, благодаря присоединенію къ нему многихъ Кордельеровъ: клубъ оживился и сталъ сборнымъ пунктомъ для умѣренной части республиканскихъ демократовъ. Марать сдѣлался тамъ популярнымъ лицомъ, но нельзя того же сказать о „бѣшеныхъ" (*les Enragés*), т.-е., выражаясь современнымъ языкомъ, о коммунистахъ. Клубъ высказался противъ нихъ и въ послѣдствіи вступилъ съ ними въ борьбу.

Съ другой стороны, весной 1793 года, критическій моментъ борьбы, начатой Жирондистами противъ парижской Коммуны, Якобинцы поддержали Коммуну и партію Горы въ Конвентѣ, и помогли имъ восторжествовать надъ Жирондистами и упрочить послѣдствія своей побѣды. Благодаря сношеніямъ со своими провинціальными отдѣлами, они оказали также крупное содѣйствіе крайнимъ Монтаньярамъ (Горцамъ) и помогли имъ парализовать вліяніе не только Жирондистовъ, но и скрывавшихся за ними роялистовъ. Но это не помѣшало, впрочемъ, тѣмъ же Якобинцамъ обратиться въ послѣдствіи, въ 1794 году, противъ народныхъ революціонеровъ Коммуны и тѣмъ дать возможность буржуазной реакціи совершить переворотъ 9 термидора (27 іюля 1794 года), которымъ, въ сущности, закончился революціонный періодъ, и съ котораго началась реакція.

XXXVII.

Правительство.—Борьба въ Конвентѣ.—Война.

Первою заботою Конвента было — не рѣшеніе судьбы низвергнутаго короля, а то, какая партія воспользуется побѣдою, одержанною народомъ надъ Тюильри, — кто будетъ *управлять* Революціею? На этой почвѣ и началась борьба, которая цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ мѣшала дальнѣйшему развитію Революціи, задержала вплоть до іюня 1793 года обсужденіе существенныхъ вопросовъ — земельного и другихъ, — и истощала энергію народа, приводя его къ равнодушію и утомленію, заставлявшимъ сердца современниковъ обливаться кровью, какъ это вѣрно повѣялъ Мишлэ.

10 августа, послѣ временнаго отрѣшенія короля, Законодательное Собраніе передало обязанности центральной исполнительной власти Совѣту изъ шести министровъ, взятыхъ изъ Собранія — большею частью Жирондистовъ. Роланъ, Серванъ, Клавьеръ, Монжъ и Ле-Брѣнъ вошли въ это министерство, съ присоединеніемъ Дантона, котораго Революція возвела на постъ министра юстиціи. Въ этомъ Совѣтѣ не было постоянного президента; министры председательствовали по очереди, каждый въ теченіе недѣли.

Конвентъ утвердилъ эту организацію; но вскорѣ Дантонъ, сдѣлавшійся за это время душою національной обороны и дипломатіи, и пріобрѣтшій первенствующее вліяніе въ Совѣтѣ, принужденъ былъ выйти въ отставку вслѣдствіе нападковъ на него Жиронды. Онъ оставилъ министерство 9 октября 1792 года, и его мѣсто занялъ безличныи Гаратъ (Garat). Тогда самымъ вліятельнымъ лицомъ въ Исполнительномъ Совѣтѣ сталъ министръ внутреннихъ дѣлъ Роланъ, занимавшій этотъ постъ до января 1793 года (онъ вышелъ въ отставку послѣ казни короля). За эти четыре съ лишнимъ мѣсяца Роланъ далъ возможность группировавшимся вокругъ него и вокругъ его жены Жирондистамъ проявить

всю свою энергію, чтобы помѣнать Революціи развиваться въ направленіи, намѣчавшемся уже съ 1789 года: а именно — помѣнать установленію народной демократіи и затормозить окончательную отмѣну феодальнаго строя и приближеніе къ уравниенію состояній. Дантонъ, тѣмъ временемъ, все-таки оставался руководителемъ въ дѣлахъ дипломатіи; а когда, въ апрѣлѣ 1793 года, былъ назначенъ Комитетъ Общественнаго Спасенія, Дантонъ сталъ настоящимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ въ этомъ Комитетѣ¹⁾.

Получивъ власть и господствуя въ Конвентѣ, Жиронда не сумѣла сдѣлать ничего положительнаго. Она „ораторствовала“, но ничего не дѣлала, какъ очень мѣрно замѣтилъ Мишлэ. У нея не хватало рѣшимости на революціонныя мѣры, но не хватало ей и на открытую реакцію. А потому, настоящая власть, починъ и практическое дѣйствіе оставались въ рукахъ Дантона во всемъ, что касалось войны и сношеній съ иностранными державами, и въ рукахъ парижской Коммуны, секцій, Народныхъ обществъ (*Sociétés populaires*) и отчасти Якобинскаго клуба — въ вопросахъ революціонныхъ мѣръ внутри страны. Но безсильная въ дѣлѣ, Жиронда яростно нападала на тѣхъ, кто дѣйствовалъ, особенно на „тріумвиратъ“, т.-е. на Дантона, Марата и Робеспьера, которыхъ она рѣзко обвиняла въ диктаторскихъ стремленіяхъ, на томъ основаніи что ихъ мнѣнія и совѣты пріобрѣли въ это время большое значеніе. Бывали дни, когда можно было думать, что Жирондисты восторжествуютъ и пошлютъ Дантона въ изгнаніе, а Марата — на эшафотъ.

Но силы Революціи въ то время еще не изсякли, а потому всѣ эти нападенія потерпѣли неудачу. Они только возбудили въ народѣ горячее сочувствіе къ Марату (особенно въ предмѣстіяхъ Сентъ-Антуанъ и Сентъ-Марсо), увеличили вліяніе Робеспьера на Якобинцевъ и на демократическую буржуазію вообще, и возвысили Дантона въ глазахъ всѣхъ тѣхъ, кто любилъ борющуюся съ королями, республиканскую Францію, кто видѣлъ въ немъ энергичнаго человека, способнаго противостоятъ иноземному нашествію, разбить роялистскіе заговоры внутри страны, и упрочить Республику — хотя бы рискуя ради этого своею головою и своею политическою репутаціею.

¹⁾ Одаръ, въ своемъ *Политическомъ очеркѣ* стр. 331 — 332, даетъ очень хороши обзоръ этихъ перемѣнъ.

Съ первыхъ же засѣданій Конвента, Жирондисты, а съ ними вся правая сторона, вновь начали ту, полную озлобленія борьбу противъ Парижской Коммуны, которую они вели уже въ Законодательномъ Собраніи, начиная съ 11 августа. Жирондисты обязаны были своею властью народному возстанію, подготовленному Коммуною — и именно на нее они обрушились теперь съ такою ненавистью, какой никогда не проявляли по отношенію къ дворцовымъ заговорщикамъ.

Разсказывать здѣсь подробно о всѣхъ этихъ проявленіяхъ вражды Жиронды въ Коммунѣ было бы слишкомъ утомительно. Достаточно указать на нѣкоторыя изъ нихъ.

Прежде всего, у Коммуны и ея Наблюдательнаго Комитета, а также у Дантона, потребовали денежнаго отчета. Вполнѣ понятно, что въ бурные мѣсяцы августа и сентябри 1792 года, при исключительныхъ обстоятельствахъ, созданныхъ движеніемъ 10 августа и иноземнымъ вторженіемъ, Дантону — единственному дѣятельному чловѣку въ министерствѣ — приходилось тратить деньги, не ведя должной отчетности, то на дипломатическіе переговоры съ пруссаками, то для раскрытія заговора маркиза де-ла-Руэри (de la Rouerie) въ Бретани и заговоровъ принцевъ въ Англіи и въ другихъ мѣстахъ. Очевидно также, что и Наблюдательному Комитету Коммуны, когда онъ спѣшно обмундировывалъ и отправлялъ изо дня въ день волонтеровъ на войну, трудно было вести правильное счетоводство. И вотъ на это слабое мѣсто Жирондисты направили первые свои удары и свои инсинуаціи: потребовавъ (уже 30 сентября) полного денежнаго отчета. Исполнительной власти Коммуны, т.-е. ея Наблюдательному Комитету, удалось блестящимъ образомъ сдать всѣ счета и оправдать свои политическіе акты ¹⁾. Но вдали отъ Парижа, въ провинціи, честность Дантона и Коммуны такъ и остались подъ сомнѣніемъ, и это сомнѣніе Жирондисты вполнѣ использовали въ письмахъ къ своимъ друзьямъ и избирателямъ.

Вслѣдъ за тѣмъ Жирондисты сдѣлали попытку организовать, для охраны Конвента, контръ-революціонную стражу. Они хотѣли, чтобы директоріи cadaго департамента са ди-

¹⁾ Изъ 713.885 ливровъ полученнаго дохода, комитетъ израсходовалъ только 85.529 ливровъ, въ которыхъ и отдалъ полный отчетъ (Louis Blanc, II, 62). Впослѣдствіи, въ отвѣтъ на обвиненіе въ терроризмѣ, Жюно доказалъ, что за четыре мѣсяца комитетъ арестовалъ всего 320 чловѣкъ. Если бы жирондистскіе террористы сумѣли проявить такую же умеренность послѣ 9 термидора!

ректоріи, какъ мы уже видѣли, были проникнуты реакціоннымъ духомъ) выслали въ Парижъ по четыре человѣка пѣхоты и по два кавалеріи—въ общемъ 4.470 человѣкъ—для охраны Конвента отъ возможныхъ нападений со стороны парижскаго народа и его Коммуны! И только сильное волненіе въ секціяхъ Парижа, назначившихъ для сопротивленія этому рѣшенію спеціальныхъ комиссаровъ и пригрозившихъ новымъ возстаніемъ, помѣшало образованію въ Парижѣ такой контръ-революціонной гвардіи.

Но особенно эксплуатировали Жирондисты сентябрьскія убійства, какъ оружіе противъ Дантона, поднятаго въ тѣ дни рука объ руку съ Коммуной и секціями. Раньше, во время сентябрьскихъ убійствъ и сейчасъ послѣ нихъ, они предлагали, какъ мы видѣли, набросить покрывъ на эти событія и, устами Ролана, почти оправдывали ихъ (см. гл. XXXV), какъ оправдывали еще до того, устами одного изъ видныхъ своихъ членовъ, Барбару и убійства въ Гласьерѣ въ Ліонѣ¹⁾. Теперь же они такъ повели дѣло, что 20 января 1793 года добились въ Конвентѣ возбужденія преслѣдованія противъ участниковъ сентябрьскихъ убійствъ, въ надеждѣ, что при этомъ разслѣдованіи пострадаютъ репутаціи Дантона, Робеспьера, Марата и Коммуны.

Такимъ образомъ, мало-по-малу, благодаря буржуазному и роялистскому теченію, проявившемуся въ буржуазіи послѣ 10 августа, Жирондистамъ удалось создать въ провинціи враждебное настроеніе по отношенію къ Парижу, его Коммунѣ и всей партіи Горы.

Нѣкоторые департаменты послали даже отряды федератовъ для защиты Конвента «отъ агитаторовъ, жаждущихъ сдѣлаться трибунами и диктаторами», т. - е. отъ Дантона, Марата и Робеспьера—и отъ парижскаго населенія! По призыву Барбару, Марсель—на этотъ разъ Марсель «коммерсантисовъ»—послать въ Парижъ, въ октябрѣ 1792 года, батальонъ федератовъ, составленный изъ богатыхъ молодыхъ

¹⁾ Послѣ долгой борьбы между революціонной частью населенія Ліона, и тою, которая шла за священниками, и послѣ убійства въ одной изъ церквей патриота Лескюне (на котораго реакціонеры были злы за то, что онъ пугалъ въ продажу имущество духовенства), произошло общее волненіе рабочаго революціоннаго населенія Ліона, закончившееся убійствомъ шестисемнадцати роялистовъ, изъ которыхъ были брошены въ подземелья башни Гласьеръ Жирондистскій депутатъ Барбару оправдывать эти убійства. — Но тогда Жирондисты еще не были у власти.

людей торгового города, и они ходили по улицамъ Парижа, требуя головъ Робеспьера и Марата. То были уже провозвѣстники термидорской реакціи. Къ счастью, парижскій народъ разрушилъ всѣ эти планы: онъ привлекъ и этихъ федератовъ на сторону Революціи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Жирондисты не пропускали случая нападать непосредственно на федеральное представительство парижскихъ секцій. Имъ хотѣлось во что бы то ни стало убить революціонную Коммуну, возникшую 10 августа, и въ концѣ ноября они добились того, что были назначены новые выборы въ Генеральный Совѣтъ парижскаго городского управленія. Одновременно съ этимъ вышелъ въ отставку жирондистскій мэръ Парижа, Петіонъ. Но и здѣсь секціи парализовали всѣ эти интриги. На выборахъ не только партія Горы получила большинство голосовъ, но такой крайній, популярный въ народѣ революціонеръ, какъ Шометъ (Chaumette), былъ назначенъ прокуроромъ Коммуны, а редакторъ газеты «Père Duchesne», Эберъ (Hébert), сдѣлался его помощникомъ (2 декабря 1792 года). Петіонъ, не соответствовавшій больше революціонному настроенію парижскаго народа, не былъ избранъ вновь; его мѣсто занялъ Шамбонъ, умѣренный. Но и онъ остался мэромъ всего два мѣсяца, и 14 февраля 1793 года его смѣнилъ Рашеъ (Rache).

Такимъ образомъ создалась революціонная Коммуна 1793 года—Коммуна Паша, Шомета и Эбера, которая сдѣлалась соперницею Конвента, сыграла 31 мая 1793 года такую важную роль въ изгнаніи Жирондистовъ изъ Конвента, и дала этимъ самымъ могучій толчокъ народной, уравнительной, анти-религіозной и иногда коммунистической революціи II-го года Республики (1793—1794).

Главнымъ вопросомъ минуты была, однако, война. Отъ успѣховъ арміи, несомнѣнно, зависѣло дальнѣйшее развитіе Революціи.

Мы видѣли, что передовые революціонеры, какъ Маратъ и Робеспьеръ, не хотѣли войны. Но нѣмецкое нашествіе призвало Дворъ, для спасенія королевской единоличной власти. Священники и дворяне усиленно толкали къ войнѣ, въ надеждѣ вернуть себѣ утраченныя привилегіи; а сосѣднія правительства видѣли въ войнѣ средство борьбы съ революціоннымъ духомъ, пробуждавшимся уже и въ ихъ владѣніяхъ, при чемъ представлялся удобный случай вырвать у

Франціи нѣкоторыя провинціи и колоніи. Съ другой стороны, войны желали Жирондисты, такъ какъ они видѣли въ ней единственный способъ добиться ограниченія королевской власти, не прибѣгая къ народному возстанію.— „Вы не хотите обратиться къ народу; потому-то вамъ нужна война“, говорилъ имъ Марать. И онъ былъ совершенно правъ. Жирондисты больше всего боялись народного возстанія, и въ войнѣ видѣли средство борьбы противъ короля.

Что касается до народа, то крестьянское населеніе пограничныхъ департаментовъ, при видѣ приведенныхъ эмигрантами нѣмецкихъ войскъ, скоплавшихся на Рейнѣ и въ Нидерландахъ, и сформированныхъ эмигрантами отрядовъ, поняло, что ему придется защищать съ оружіемъ въ рукахъ земли, отобранныя имъ у дворянства и у духовенства. Вотъ почему, когда, 20 апрѣля 1792 года, была объявлена война Австріи, населеніе департаментовъ, сосѣднихъ съ восточною границею Франціи, было охвачено энтузіазмомъ. Волонтеры записывались массами, срокомъ на годъ, подъ звуки пѣсни „Ca ira!“... Патріотическія пожертвованія стекались со всѣхъ сторонъ. Но зато во всѣхъ западныхъ и юго-западныхъ областяхъ Франціи населеніе вовсе не желало войны.

Къ тому же для войны ничего не было подготовлено. Военныя силы Франціи достигали всего 130.000 человекъ, разсѣянныхъ на протяженіи отъ Нѣмецкаго моря до Швейцаріи. Притомъ же войска были очень плохо обмундированы и находились подъ командою офицеровъ и генеральныхъ штабовъ изъ роялистовъ. Они совершенно неспособны были отразить иноземное нашествіе; арміи союзниковъ неизбежно дошли бы до Парижа.

У Дюмурье и Лафайета возникъ, было, смѣлый планъ занять Бельгію, которая еще въ 1790 году сдѣлала попытку отдѣлиться отъ Австріи, но была покорена силою. Вельгійскіе либералы призывали французовъ. Это предпріятіе, однако, не удалось, и съ этого момента французскіе генералы стали держаться оборонительной тактики, — тактики тѣмъ болѣе необходимой, что Пруссія присоединилась къ Австріи и нѣмецкимъ принцамъ для нападенія на Францію, и эту коалицію дѣятельно поддерживалъ туринскій Дворъ, а также, тайнымъ образомъ, и Дворы петербургскій и лондонскій.

26 іюля 1792 года герцогъ Брауншвейгскій, стоявшій во главѣ арміи изъ 70.000 пруссаковъ и 68.000 австрійцевъ,

гессенцевъ и эмигрантовъ, двинулся изъ Кобленца, издавъ предварительно манифестъ, возбуждавшій негодованіе по всей Франціи. Онъ грозилъ сжечь тѣ города, которые осмѣлятся сопротивляться, а жителей ихъ обѣщался истребить, какъ мятежниковъ. А что касается Парижа, то если только парижане посмѣютъ тронуть дворецъ Людовика XVI, они будутъ подвергнуты такой примѣрной военной экзекуціи,—грозилъ онъ,—что она надолго останется у нихъ въ памяти.

Три нѣмецкія арміи должны были вступить во Францію и двинуться на Парижъ; и дѣйствительно, 19 августа прусская армія перешла границу и завладѣла безъ битвы пограничнымъ городомъ Лонгви, а затѣмъ Верденомъ, на пути къ Парижу.

Мы видѣли, какой энтузіазмъ сумѣла вызвать въ Парижѣ Коммуна, при полученіи извѣстія объ этихъ успѣхахъ непріятеля, и какъ она отвѣтила на нихъ, распорядившись перетопить свинцовые гробы богачей на пули, а колокола и бронзовые церковныя принадлежности — на пушки; самыя же церкви были превращены въ обширныя мастерскія, гдѣ тысячи людей работали надъ изготовленіемъ обмундировки для волонтеровъ, подъ нѣміе *Ça ira!* и могучаго гимна Ружэ-де-Лилля,—марсельезы.

Эмигранты сулили объединившимся королямъ, что Франція встрѣтитъ ихъ съ распростертыми объятіями. Но рѣзко-враждебное отношеніе крестьянъ и сентябрьскіе дни въ Парижѣ заставили предводителей иноземныхъ войскъ задуматься. Жители городовъ и деревень восточной Франціи отлично понимали, что непріятель пришелъ съ цѣлью отобрать у нихъ всѣ завоеванія Революціи. А между тѣмъ, именно въ этой восточной Франціи, уничтоженіе феодальнаго строя лучше всего удалось, благодаря возстанію городовъ и деревень.

Но одного энтузіазма еще недостаточно для побѣды. Прусская армія двигалась впередъ и, вмѣстѣ съ арміей австрійской, уже входила въ Аргонскій лѣсъ, простиравшійся верстъ на сорокъ пять въ длину и отдѣлявшій долину Мааса отъ сѣверной Шампани. Войско Дюмурье тщетно пыталось остановить непріятеля, дѣлая форсированныя марши, чтобы занять проходы. Ему удалось только одно: занять выгодную позицію у Вальми, при выходѣ изъ Аргонскаго лѣса, и тутъ пруссаки, сдѣлавши попытку овладѣть холмами, занятыми войскомъ Дюмурье, потерпѣли, 20 сентября, первое пораженіе. Побѣда при Вальми, хотя

и небольшая сама по себѣ, явилась при такихъ условіяхъ очень важнымъ успѣхомъ—первою побѣдою народовъ надъ королями; такъ еѣ и понялъ Гёте, сопровождавшій войска герцога Брауншвейгскаго.

Въ Аргонскомъ лѣсу прусскую армію задержали сперва проливные дожди; теперь, на разстлавшихся передъ нею бесплодныхъ равнинахъ она терпѣла всевозможныя лишенія и страдала отъ кроваваго поноса, производившаго страшныя опустошенія въ ея рядахъ. Дороги размыло дождемъ, окрестныя крестьяне были насторожѣ — все предвѣщало несчастный походъ.

Тогда Дантонъ вступилъ въ переговоры съ герцогомъ Брауншвейгскимъ и добился отступленія пруссаковъ. Каковы были условія ихъ договора — неизвѣстно до сихъ поръ. Обѣщаль ли Дантонъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые, приложить всѣ свои усилія къ тому, чтобы спасти жизнь Людовика XVI? — Возможно. Но если такое обѣщаніе и было дано; то, несомнѣнно, подъ извѣстными условіями, а мы не знаемъ, какія обязательства, кромѣ немедленнаго отступленія пруссаковъ, приняли на себя нападающіе. Обѣщали ли они одновременное отступленіе и австрійцевъ? Говорилось ли о формальномъ отреченіи Людовика XVI отъ французскаго престола? Обо всемъ этомъ приходится ограничиться одними догадками ¹⁾.

Какъ бы то ни было, но 1 октября герцогъ Брауншвейгскій началъ отступленіе, черезъ Гранъ-Прэ и Вердёнъ, а въ концѣ мѣсяца уже перешелъ обратно черезъ Рейнъ въ Кобленцъ, сопровождаемый проклятіями эмигрантовъ.

Между тѣмъ Дюмурье, отдавши Вестерману приказъ «вѣжливо проводить» пруссаковъ, не особенно торопя ихъ, вернулся 11 октября въ Парижъ, очевидно, съ цѣлью нанять почву и опредѣлить свой дальнѣйшій курсъ. Онъ устроилъ такъ, что ему не пришлось присягать на вѣрность Республикѣ — что не помѣшало ему быть очень хорошо принятымъ Якобинцами — и по всей вѣроятности онъ тогда же началъ готовить кандидатуру герцога Шартрскаго (сына герцога Орлеанскаго) на французскій престолъ.

Возстаніе, которое организовалъ въ Бретани маркизъ де-ла-Руэри и которое должно было вспыхнуть одновременно

¹⁾ Есть основаніе думать, что раздѣлъ Польши, подготовленный министрами Екатерины II, также повліялъ на отступленіе прусскихъ войскъ. Прусскій король не хотѣлъ упустить своей части въ раздѣлъ Польши. См. Приложение въ концѣ книги.

съ шествіемъ и бмцевъ на Парижъ, также было предотвращено. О немъ довели до свѣдѣнія Дантона, и ему удалось завладѣть въѣзными воротами, и въ Бретани, и въ Лондонѣ. Но Лондонъ все-таки остался центромъ заговорщицкой дѣятельности приицевъ. Другимъ такимъ центромъ сдѣлался островъ Джерсей, гдѣ происходило вооруженіе роялистовъ. Они предполагали высадиться во Франціи на берега Бретани, съ цѣлью завладѣть очень важнымъ военнымъ и торговымъ портомъ Сенъ-Мало и передать его англичанамъ.

Одновременно съ этимъ, въ самый день открытія Конвента, важная армія, подъ предводительствомъ Монтеスキю, вступила въ Савойю. Четыре дня спустя, она овладѣла городомъ Шамбери и подала во всей этой провинціи сигналъ къ крестьянскому возстанію.

Въ концѣ того же мѣсяца одна изъ республиканскихъ армій, подъ командой Лорѣна (Laurin) и Кюстина, перешла черезъ Рейнъ и заняла приступомъ Шпейеръ (30 сентября). Черезъ нѣсколько дней сдался Вормсъ, а 23 октября Майнцъ и Франкфуртъ-на-Майнѣ были, въ свою очередь, заняты арміями санъ-кюловъ.

Арміи Республики торжествовали также и на сѣверѣ. Въ концѣ октября войско Дюмурье вступило въ Бельгію, а 6 ноября одержало, при Жеманпъ, въ окрестностяхъ Монса, крупную побѣду надъ австрійцами.—побѣду, въ которой Дюмурье постарался выдвинуть впередъ герцога Шаргрескаго и принесть въ жертву два батальона парижскихъ волонтеровъ.

Эта побѣда открыла французскимъ войскамъ Бельгію. Монсъ былъ занятъ 8, а 14 Дюмурье вступилъ въ Брюссель. Народъ встрѣтилъ войска Республики съ распростертыми объятіями.

Онъ ждалъ отъ нихъ, что они возьмутъ на себя починъ цѣлаго ряда революціонныхъ мѣръ, особенно относительно земельной собственности. Такъ предполагали и Монтаньяры Конвента, особенно Камбонъ. Это онъ организовалъ во Франціи громадную операцію продажи имуществъ духовенства, какъ гарантію для ассигнацій; онъ же занимался организаціей продажи имуществъ эмигрантовъ и былъ бы очень радъ приложить свою систему и къ Бельгіи. Но потому ли, что у Монтаньяровъ не хватило смѣлости, и они испугались нападокъ Жирондистовъ, упрекавшихъ ихъ въ недостаткѣ уваженія къ собственности, потому ли, что и самъ Революціи не встрѣтили достаточной поддержки въ

самой Бельгии, гдѣ ихъ защищали только пролетаріи, а вся зажиточная буржуазія и обладавшее громадною силою духовенство были противъ нихъ, — но только этой революціи, которая могла бы объединить бельгийцевъ съ французами, не произошло.

Все эти удачи и побѣды должны были, понятно, вскружить голову любителямъ войны. Жирондисты торжествовали, и 15 декабря Конвентъ издалъ декретъ, въ которомъ бросалъ вызовъ всемъ монархіямъ, заявляя, что ни съ одной державой не будетъ заключенъ миръ до тѣхъ поръ, пока ея войска не будутъ изгнаны изъ территоріи Республики. Но въ дѣйствительности положеніе внутри страны представлялось въ довольно мрачномъ свѣтѣ, да и внѣ ея самыя побѣды Республики содѣйствовали все болѣе тѣсному сближенію между собою враждебныхъ ей монархій.

Занятіе Бельгии французскими войсками опредѣлило роль Англіи.

Пробужденіе въ Англіи республиканскихъ и коммунистическихъ идей, проявившееся въ основаніи республиканскихъ обществъ и нашедшее себѣ въ 1793 году литературное выраженіе въ замѣчательномъ трудѣ Годвина (*О политической справедливости*), проникнутомъ духомъ свободнаго, анархическаго коммунизма, внушило французскимъ республиканцамъ, а особенно Дантону, надежду на поддержку со стороны революціоннаго движенія, могущаго произойти въ Англіи ¹⁾. Но тамъ промышленные и торговые расчеты одержали верхъ. А когда республиканская Франція заняла Гельгію и долину Шельды и Рейна, грози оттуда завладѣть также и Голландіею, это рѣшило политику Англіи.

Отнять у Франціи ея колоніи, разрушить ея морское могущество и подорвать ея промышленное и колониальное развитіе — такова была политика, за которую высказалось въ Англіи большинство. Партія Фокса была разбита, партія Питта одержала верхъ. Съ этого момента Англія, сильная своимъ флотомъ, а въ особенности деньгами, которыми она помогала континентальнымъ державамъ, въ томъ числѣ

¹⁾ До сихъ поръ осталось не извѣстнымъ содержаніе переговоровъ, которые велъ въ Англіи Бриссó, въ январѣ 1793 года, передъ казнью короля. Относительно переговоровъ, веденныхъ Дантономъ, см. Albert Sorel, „L'Europe et la Révolution française“, и статьи Жоржа Авенеля, „Danton et les positivistes religieux“, въ „Lundis révolutionnaires“, 1875, стр. 248 и слѣд.

Россіи, Пруссіи и Австріи, стала — и осталась на пѣлую четверть вѣка — во главѣ европейской коалиціи. Это означало войну между двумя державами, соперничавшими изъ-за господства на морѣ — война до полного истощенія силъ обоихъ соперниковъ. Францію же эти войны привели къ военной диктатурѣ Наполеона.

Наконецъ, если Парижъ, при видѣ иноземнаго нашествія, былъ охваченъ энтузіазмомъ и его волонтеры помчались на границу, чтобы присоединиться къ волонтерамъ восточныхъ департаментовъ Франціи, то та же война дала первоначальный толчекъ вандейскому возстанію противъ Республики въ западной Франціи. Она дала возможность духовенству воспользоваться нежеланіемъ населенія этихъ мѣстъ бросать свои поля и перелѣски, и идти сражаться неизвестно гдѣ, на восточной границѣ. Война помогла возбудить религіозный фанатизмъ вандейцевъ и поднять ихъ, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда нѣмецкія войска вступили во Францію. А сколько зла сдѣлало Революціи это возстаніе — обнаружилось впоследствии.

Притомъ — если бы приходилось имѣть дѣло съ одною Вандеею! Но война создала повсюду во Франціи такое ужасное положеніе для массы бѣднаго населенія, что приходится только удивляться, какъ могла Республика благополучно пережить эти страшно тяжелыя обстоятельства.

Урожай хлѣбовъ въ 1792 году былъ хорошъ; только урожай яровыхъ оказался посредственнымъ, вслѣдствіе дождей. Вывозъ хлѣба былъ запрещенъ. И при всемъ томъ свирѣпствовалъ голодъ! Въ городахъ такого страшнаго голода давно не переживали. Вереницы людей — мужчинъ и женщинъ — осаждали булочные и мясныя, проводя ночи подъ снѣгомъ и дождемъ, и даже не зная, удастся ли чѣмъ принести домой кусокъ хлѣба. Многія отрасли промышленности почти совершенно остановились, работы не было.

Дѣло въ томъ, что если взять у страны въ двадцать пять милліоновъ жителей около милліона человѣкъ въ цѣлѣ лѣтъ и, можетъ-быть, около полъ-милліона лошадей, для надобностей войны, то это не можетъ не стразить на земледѣліи. Нельзя также отдать жизненные припасы цѣлаго народа на расточеніе, неизбежно связанное съ войною, безъ того, чтобы нужда бѣдности не стала еще

болѣе тяжелою, между тѣмъ какъ стаи эксплуататоровъ будутъ обогащаться на счетъ казны ¹⁾).

Всѣ эти жизненные вопросы вихремъ сталкивались въ каждомъ провинціальномъ Народномъ обществѣ, въ каждой секціи большихъ городовъ, а оттуда переходили въ Конвентъ. А надъ всѣми ими выдвигался центральный вопросъ, съ которымъ связаны были всѣ остальные: — „Что дѣлать съ королемъ?“

¹⁾ Нѣкоторые интенданты республиканскихъ войскъ предавались отчаянному воровству. Нѣсколько примѣровъ можно найти у Жореса (*Соціалистическая исторія, Конвентъ*). Можно себѣ представить, какія происходили спекуляціи, когда интенданты дѣлали громадныя закупки хлѣба, какъ разъ въ провинціяхъ, гдѣ были неурожай и цѣны стояли очень высокія. Спекуляціямъ на повышеніи цѣнъ на хлѣбъ, которыми въ прежнія времена занимался Сентъль за счетъ Людовика XVI („добрый король“ не пренебрегалъ этимъ средствомъ, для обогащенія своей казны), предавалась теперь буржуазія.

XXXVIII.

Процессъ короля.

Два мѣсяца, протекшихъ со времени открытія Конвента до преданія короля суду, до сихъ поръ остаются загадкою для исторіи.

Первый вопросъ, который неизбежно долженъ былъ представиться Конвенту, какъ только онъ собрался, былъ, несомнѣнно, вопросъ о томъ, — что дѣлать съ заключенными въ Тамплѣ королемъ и его семьею? Держать ихъ тамъ неопредѣленное время — пока будетъ отгнѣсень непріятель и провотирована и признана народомъ республиканская конституція — было невозможно, — особенно, когда на королѣ висѣло гнусное обвиненіе въ заговорѣ, приведшемъ къ боинѣ 10 августа, и призывъ иностранныхъ армій во Францію. Какъ можетъ установиться Республика, разъ она держитъ у себя въ тюрьмѣ короля и его законнаго наследника, — не рѣшаясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, что-либо предпринять по отношенію къ нимъ?

Кромѣ того, въ качествѣ частныхъ лицъ, увезенныхъ изъ дворца и сидящихъ въ тюрьмѣ цѣлою семьею, Людовикъ XVI, Марія-Антуанета и ихъ дѣти становились заслуживающими сочувствія жертвами. Ихъ страстно защищали роялисты и жалѣли не только буржуа, но даже сами санкюлоты, державшіе стражу въ Тамплѣ.

Такое положеніе не могло продолжаться. А между тѣмъ прошло цѣлыхъ два мѣсяца, во время которыхъ Конвентъ съ жаромъ разбираетъ всякіе другіе вопросы, но не приступилъ къ разбору перваго же послѣдствія 10 августа, т. е. судьбы короля. Задержка эта была, по нашему мнѣнію, умысленной, и мы не можемъ объяснить ее иначе, какъ тѣмъ, что въ это время происходили тайные переговоры съ европейскими дворами. Эти переговоры до сихъ поръ еще не обнародованы, но безъ сомнѣнія они касались

иностранныго вторженія во Францію. и ихъ исходъ зависѣлъ отъ оборота, какой приметъ война.

Мы знаемъ уже, что Дантонъ и Дюмурье вступили, послѣ битвы въ Вальми, въ переговоры съ командующимъ прусскою арміею, и повидимому убѣдили его отдѣлится отъ австрійцевъ и отступить. Извѣстно также, что однимъ изъ условій, поставленныхъ герцогомъ Брауншвейгскимъ (условіемъ, вѣроятно, не принятымъ) была неприкосновенность Людовика XVI. Но были, навѣрное, и другія условія. Подобныя же переговоры велись, по всей вѣроятности, и съ Англіею. Вообще, трудно объяснить молчаніе Конвента и *террористическія* секцій, иначе какъ тѣмъ, что между Горой и Жирондой произошло на этотъ счетъ соглашеніе.

Теперь для насъ очевидно, что такого рода переговоры по двумъ причинамъ не могли привести ни къ чему. Судьба Людовика XVI и его семьи не интересовала настолько, ни прусскаго короля, ни австрійскаго императора, брата Марин-Антуанеты, чтобы они принесли такъ называемые „національные политическіе интересы“ въ жертву личнымъ интересамъ тампльскихъ узниковъ. Это видно изъ тѣхъ переговоровъ, которые велись позднѣе, относительно освобожденія Марин-Антуанеты и сестры Людовика XVI, Madame Elisabeth. Съ другой стороны, соединенные короли не встрѣтили среди образованнаго класса Франціи того единодушія республиканскихъ чувствъ, которое уничтожило бы ихъ надежду возстановить королевскую власть. Они увидали, напротивъ, что буржуазная интеллигенція готова согласиться на избраніе королемъ герцога Орлеанскаго (онъ былъ національнымъ гротмейстеромъ франкъ-масоновъ, къ которымъ принадлежали всѣ извѣстные революціонеры), или же его сына, герцога Шартрскаго (впослѣдствіи онъ царствовалъ подъ именемъ Луи-Филиппа), или даже послѣдняго принца, сына Людовика XVI.

Между тѣмъ народъ терялъ терпѣніе. Народныя общества значительной части Франціи требовали, чтобы процессъ короля не откладывался больше, и 19 октября Парижская Коммуна заявила Конвенту о такомъ же желаніи Парижа. Наконецъ 3 ноября былъ сдѣланъ первый шагъ. Былъ прочитанъ докладъ, требовавшій преданія суду Людовика XVI, а на другой день были сформулированы и главные пункты обвиненія. 13 ноября открылись пренія по этому вопросу. Тѣмъ не менѣе дѣло все еще тянулось бы, если бы 20 ноября не было сдѣлано одно поразительное открытіе.

Слесарь Гаменъ, когда-то обучавшій Людовика XVI слесарному ремеслу, довелъ до свѣдѣнія министра Ролана о существованіи въ Тюильри потайного шкапа, который король устроилъ въ стѣнѣ съ помощью Гамена, чтобы спрятать тамъ разные документы.

Однажды въ августѣ 1792 года Людовикъ XVI призывалъ Гамена изъ Версаля въ Тюильри, чтобы вставить съ его помощью въ стѣну, подъ одну изъ филепокъ, сдѣланную самимъ королемъ желѣзную дверь, которая должна была послужить дверцою потайного шкапа (Людовикъ XVI учился слесарной работѣ и любилъ заниматься ею). Когда работа была окончена, Гаменъ ночью направился домой, въ Версаль, предварительно выпивъ стаканъ вина и съѣвъ бисквитъ, поднесенные ему королевою. По дорогѣ у него сдѣлались страшные спазмы въ животѣ — и съ тѣхъ поръ онъ не переставалъ болѣть. Думая, что его отравили, а можетъ-быть, и изъ страха, что революціонеры его обвинять въ роялизмѣ, — онъ донесъ о существованіи потайного шкапа Ролану. Роланъ, никому объ этомъ не сообщая, немедленно самъ лично захватилъ находившіяся тамъ бумаги, внесъ ихъ къ себѣ, разобралъ вмѣстѣ съ женою и, поставивъ на каждомъ документѣ свою подпись, предъявилъ ихъ Конвенту.

Можно себѣ представить, какое глубокое впечатлѣніе произвело это открытіе, особенно когда изъ бумагъ узнали, что король подкупилъ Мирабѣ, что агенты короля совѣтовали ему подкупить одиннадцать вліятельныхъ членовъ Законодательнаго Собранія (что Барнавъ и Ламетъ перешли на сторону короля, — это было уже извѣстно), и что Людовикъ XVI продолжалъ платить жалованіе той части своей гвардіи, которая предложила свои услуги братьямъ короля въ Кобленцѣ, а теперь шла, вмѣстѣ съ австрійцами, на Францію. Явилось, конечно, также подозрѣніе, что Роланъ, сортируя бумаги, скрылъ все, что могло компрометировать кого-нибудь изъ Жирондистовъ.

Только теперь, когда у насъ въ рукахъ столько документовъ, доказывающихъ измѣну Людовика XVI, и когда мы видимъ, какія силы противились, несмотря на это, его осужденію, — только теперь мы можемъ понять, какъ трудно было Республикѣ осудить и казнить короля. Предразсудки, явное или скрытое раболѣпіе общества, страхъ богачей за свои состоянія и недовѣріе къ народу — все это объединилось для того, чтобы затормозить судъ надъ королемъ.

Жиронда, вѣрное отраженіе этихъ страховъ, сдѣлала все возможное, сначала чтобы предотвратить процессъ, а затѣмъ—чтобы помѣшать осужденію короля, въ особен-ности—осужденію на смерть, и наконецъ—приведенію приговора въ исполненіе ¹⁾. Чтобы заставить Конвентъ постано-вить приговоръ въ началомъ процессъ и, не откладывая, привести его въ исполненіе, Парижу пришлось прибѣгнуть къ угрозѣ народнаго возстанія. Да и теперь еще сколько пышныхъ фразъ пишутъ историки, сколько слезъ проли-ваютъ, рассказывая объ этомъ процессѣ!

А между тѣмъ, дѣло стояло такъ:—Если бы какой-нибудь генералъ сдѣлалъ то, что сдѣлалъ Людовикъ XVI, чтобы вызвать иноземное вторженіе и поддержать его, то кто изъ современныхъ историковъ (которые все являются защитниками «государственной необходимости») покло-бался бы потребовать для такого генерала смертной казни? Но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же столько жалкихъ словъ,—потому только, что измѣнникомъ оказался главнокомандую-щій всего войска?

На основаніи всѣхъ традицій и всѣхъ условныхъ понятій, на которыхъ наши историки и юристы обосновываютъ права главы государства, Конвентъ обладалъ въ это время верховною властью. Ему, и только ему, принадлежало право судить правителя, свергнутаго народомъ, такъ же какъ ему одному принадлежало утраченное королемъ право законо-дательства. Выражаясь ихъ языкомъ, судъ Конвента былъ для Людовика XVI «судомъ равныхъ». А у этихъ постано-вщиковъ, разъ они увѣрились въ его измѣнѣ, не было выбора. Они *должны были* постановить смертный приговоръ. Даже о помилованіи не могло быть рѣчи, когда кровь лилась на границахъ Франціи. Соединенные короли сами отлично знали это и понимали.

Что же касается теорій, которую развивали Робеспьеръ и Сент-Жюсть, что Республика имѣетъ право убить Людо-вика XVI какъ своего врага, то Маратъ былъ совершенно правъ, когда протестовалъ противъ нея. Это можно было сдѣлать во время борьбы 10 августа, или тотчасъ же послѣ, но не три мѣсяца спустя. Теперь Республикѣ оставалось

¹⁾ Во время процесса нѣкоторые жирондистскіе депутаты, а именно депутаты Кальвадоса, писали своимъ избирателямъ, что Гора хочетъ смерти короля только для того, чтобы посадить на престола герцога Орлеанскаго!

только судить Людовика XVI. и судить со всею возможною гласностью, чтобы народъ и потомство могли убѣдиться въ его вѣроломствѣ и іезуитизмѣ.

Что касается самаго факта измѣны со стороны Людовика XVI и королевы, то теперь, когда мы знаемъ переписку Маріи-Антуанеты съ Ферзенемъ и письма этого послѣдняго къ разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ, мы должны признать, что Конвентъ судилъ о положеніи дѣлъ правильно, хотя и не имѣлъ тогда въ рукахъ тѣхъ неопровержимыхъ уликъ, какія имѣются въ настоящее время. послѣ обнародованія переписки съ Ферзенемъ и его дневника. Но за три года, съ 1789 года, накопилось столько фактовъ, подтверждавшихъ измѣну; у роялистовъ и у королевы за это время вырвалось столько признаній, и Людовикъ XVI совершилъ со времени варенскаго бѣгства столько поступковъ, хотя и амнистированныхъ конституціей 1791 года, но тѣмъ не менѣе служившихъ объясненіемъ позднѣйшихъ его дѣйствій, — что *православная увѣренность* въ измѣнѣ была у всѣхъ. Въ сущности, фактъ измѣны не оспаривался никѣмъ, даже среди тѣхъ, кто пытался спасти Людовика XVI. Не сомнѣвался въ этомъ и парижскій народъ.

И дѣйствительно, измѣна началась съ того письма, которое Людовикъ XVI написалъ австрійскому императору въ тотъ самый день, въ сентябрѣ 1791 года, когда онъ, при восторженныхъ оваціяхъ парижской буржуазіи, присягалъ на вѣрность Конституціи. Затѣмъ началась переписка Маріи-Антуанеты съ ея другомъ Ферзенемъ, которая велась съ полнаго вѣдома короля. Оба измѣнника—королева и король—призывали изъ своего тюльрійскаго дворца иностранное посольство; они готовили его, указывали ему пути, сообщали непріятелю о военныхъ силахъ Франціи и о военныхъ планахъ ея генераловъ. Своею тонкою и умѣлою рукою Марія-Антуанета готовила побѣдоносное вступленіе нѣмецкихъ союзниковъ въ Парижъ и массовое истребленіе революціонеровъ. Народъ хорошо понималъ эту женщину, которую онъ называлъ просто «Медичи», и которую историки хотятъ представить намъ теперь, какъ бѣдное, легкомысленное существо ¹⁾.

¹⁾ Другъ Маріи-Антуанеты, графъ Ферзенъ, записалъ, между прочимъ, въ своемъ интимномъ дневникѣ, какую судьбу готовили заговорщики для французскихъ патріотовъ 7 сентябрю 1792 года,

Итакъ, съ точки зрѣнія законности, Конвентъ нельзя упрекнуть ни въ чемъ. Что же касается того, — не принесла ли казнь короля больше вреда, чѣмъ могло принести его присутствіе среди нѣмецкаго или англійскаго войска, то здѣсь приходится сказать только одно: до тѣхъ поръ, пока имущіе классы и духовенство будутъ смотрѣть на королевскую власть (а они такъ смотрятъ на нее и теперь), какъ на лучшее средство обузданія тѣхъ, кто хочетъ отнять имущество у богатыхъ и ослабить духовенство. — до тѣхъ поръ вокругъ короля — будь онъ мертвый или живой, въ тюрьмѣ или на свободѣ, будь онъ обезглавленъ и возведенъ въ святыя или живи онъ какъ странствующій рыцарь среди другихъ королей, — вокругъ него всегда будетъ создаваться трогательная легенда, которую будутъ поддерживать духовенство и всѣ заинтересованные лица.

Напротивъ того, посылая Людовика XVI на эшафотъ, Революція имѣла въ виду убить самый принципъ королевской власти, первый ударъ которому былъ нанесенъ крестьянами въ Варениѣ. Такъ отнеслась къ казни короля значительная часть Франціи. 21 ноября 1793 года революціонная часть французскаго народа отлично поняла, что центръ и оплотъ той силы, которая въ теченіе вѣковъ угне-

онъ писалъ слѣдующее:—. Видѣлъ прусскаго уполномоченнаго, барона Бека; хорошо говорить о французскихъ дѣлахъ. Онъ громко порицаетъ... что въ городахъ, чрезъ которые пришлось проходить, не истребляли якобинцевъ и вообще были слишкомъ снисходительны. Ферзенъ отмѣчаетъ еще такое мнѣніе одного изъ заговорщиковъ: „Объѣдалъ у графа де-Мерн. Онъ сказалъ мнѣ, что нужно пустить въ ходъ большую строгость, и что это — единственное средство: что *Парижъ нужно поджечь со всехъ четырехъ сторонъ*“. 11е сентября Ферзенъ писалъ барону Бретейлю, что такъ какъ завоеванные части Франціи уступаютъ только силѣ, „въ такомъ случаѣ снисхожденіе кажется мнѣ въ высшей степени опаснымъ. *Теперь настала моя очередь уничтожить якобинцевъ*“. Самымъ лучшимъ средствомъ кажется ему разстрѣливать ихъ вожаконъ повсюду по пути. „Нечего разсчитывать, что ихъ можно убѣдить кротостью: нужно ихъ истребить, и теперь самое время“. Бретейль отвѣчалъ Ферзену: „Я не преминулъ указать герцогу Брауншвейгскому на необходимость крайней строгости“. Но герцогъ, писалъ онъ, слишкомъ мягокъ. „Это разсчетъ, очень для насъ неподходящій, который поставитъ насъ въ большое затрудненіе“. Пруссійскій король казался имъ покладистъ. „Городъ Варениѣ, на примѣръ (гдѣ арестовали Людовика XVI), долженъ подвергнуться карѣ на дняхъ“. Вотъ что ожидало завоеванные города, особенно Парижъ. См. *Le comte de Fersen et la Cour de France. Extrait des papiers.., publié par son petit-neveu, le baron R. M. de Klinckowström*. Парижъ, 1877, т. II, стр. 360 и слѣд.

тала и эксплуатировала массы, уничтожень. Начинаясь теперь разрушеніе могущественной организаціи, давившей народъ; сводъ, на который она опиралась, надтреснуть; народная революція съ новою силою могла двинуться впередъ.

Съ этого времени, наследственная, легитимистская монархія никогда уже не могла быть восстановлена во Франціи, даже при помощи европейской коалиціи, даже опираясь на ужасный бѣлый терроръ временъ Реставраціи (1815—1830). Не утвердился также ни монархія Орлеанскаго дома, родившаяся на баррикадахъ въ 1830 году, ни имперія, созданная государственнымъ переворотомъ Наполеона III въ 1851 году. Не удалось восстановить монархію и постъ Коммуны 1871 года. Вѣра въ монархію убита во Франціи.

А между тѣмъ Жирондисты дѣлали всё возможное, чтобы помѣшать осужденію Людовика XVI. Они прибѣгали ко всякимъ законническимъ доводамъ и къ парламентскимъ хитростямъ. Были даже моменты, когда судъ надъ королемъ обращался чуть не въ судъ надъ Монтаньярами. Но ничто не помогло. Логика положенія вещей взяла верхъ надъ парламентскою тактикой.

Прежде всего, Жирондисты стали ссылаться на неприкосновенность личности короля, установленную конституціей; но на это послѣдовалъ неотразимый отвѣтъ: неприкосновенность болѣе не существуетъ, разъ король измѣнилъ конституцію.

Затѣмъ, стали требовать особаго суда, составленнаго изъ представителей отъ всѣхъ 83-хъ департаментовъ Франціи; а когда стало очевидно, что это предложеніе будетъ отвергнуто, Жирондисты предложили передать рѣшеніе вопроса на утвержденіе всѣхъ 36.000 общинъ и всѣхъ первичныхъ избирательныхъ собраній—такъ, чтобы поименно опросить всѣхъ гражданъ. Это значило—поднять вопросъ о законности результатовъ 10 августа и Республики, а потому было отвергнуто.

Когда новозможность снять съ себя такимъ образомъ отвѣтственность за процессъ короля, возложивъ ее на первичныя собранія, стала очевидна, Жирондисты, сами яростно толкавшіе къ войнѣ и предлагавшіе войну во что бы то ни стало со всей Европой, заговорили о томъ, какое впечатлѣніе произведетъ казнь Людовика XVI на Европу. Точно Англія, Пруссія, Австрія, Сардинія не устроили своей ко-

алиціи противъ Франціи уже въ 1792 году еще раньше сверженія Людовика XVI! Точно демократическая республика не была имъ и такъ достаточно ненавистна! Точно крупные торговые порты Франціи, ея колоніи и берега Рейна не были достаточной приманкой для королей, пожелавшихъ воспользоваться минутой, когда рожденіе новаго строя во Франціи уменьшало силу ея вѣшняго сопротивленія.

Разбитые усиліями Горы и на этомъ пунктѣ, Жирондисты попытались отвлечь вниманіе въ другую сторону и напали на самихъ Горцевъ, предложивъ предать суду „виновниковъ сентябрьскихъ дней“, подъ которыми они потразумѣвали „диктаторовъ“, „тріумвиратъ“, т.-е. Дантона, Марата и Робеспьера.

Среди всѣхъ этихъ споровъ, Конвентъ все-таки рѣшилъ, 3 декабря, что будетъ самъ судить Людовика XVI. Но едва успѣли принять это рѣшеніе, какъ одинъ жирондистъ, Дюко (Ducos), поставилъ новый вопросъ, отвлекнѣи вниманіе Конвента въ другую сторону. Жиронда потребовала чтобы Конвентъ произнесъ смертную казнь для всякаго, „кто предложитъ возстановить во Франціи королей или королевскую власть, подъ какимъ бы то ни было названіемъ“. Это была инсинуація въ сторону Горы, намекавшая на то, что Горцы (Монтаньяры) желаютъ будто бы возвести на престолъ Филиппа, герцога Орлеанскаго. Такимъ образомъ процессъ короля превратился бы въ процессъ противъ Горы.

Наконецъ 11 декабря Людовикъ XVI предсталъ передъ Конвентомъ. Его подвергли допросу, и его уклончивые, неискренніе отвѣты были таковы, что должны были убить послѣднюю къ нему симпатію, какая могла еще оставаться. Историкъ Мишль спрашиваетъ себя, возможно ли, чтобы человѣкъ такъ лгалъ, какъ лгалъ Людовикъ, и объясняетъ это тѣмъ, что всѣ королевскія традиціи и иезуитское вліяніе, подъ которымъ находился Людовикъ XVI, вліушили ему мысль, что ради ~~государственной~~ государственной необходимости королю позволительно все.

Впечатлѣніе, произведенное этимъ допросомъ, было, по видимому, такимъ жалкимъ, что Жирондисты, видя, что спасти Людовика XVI невозможно, сдѣлали еще одну попытку отвлечь вниманіе въ другую сторону. Они предложили изгнать герцога Орлеанскаго. Конвентъ даже поддался на это и издалъ постановленіе въ этомъ смыслѣ, но на другой же день отмѣнилъ свое рѣшеніе, послѣ того, какъ

Якобинскій клубъ выразить недовольство этимъ постановленіемъ.

Несмотря на все эти проводочки, процессъ подвигался, однако, къ концу. 26 декабря Людовикъ XVI предсталъ во второй разъ передъ Конвентомъ, въ сопровожденіи своихъ защитниковъ — Мальзербъ, Троншо и Дезеа. Конвентъ выслушалъ его защиту, и всею стало ясно, что король будетъ осужденъ. Теперь уже не было никакой возможности объяснить его поступки ошибочнымъ сужденіемъ о вещахъ или легкомысліемъ. Его поведеніе представляло, какъ это указать на другой же день Сенъ-Жюсть, сознательную и коварную измену.

Но если Конвентъ и парижскій народъ имѣли, такимъ образомъ, возможность составить себѣ опредѣленное и вѣрное мнѣніе о Людовикѣ XVI, какъ о человѣкѣ и какъ о королѣ, — то понятно, что въ провинціальныхъ городахъ и въ деревняхъ дѣло стояло иначе. Можно себѣ представить, какъ разыгралась бы тамъ страсти, если бы постановленіе приговора было поручено первичнымъ избирательнымъ собраніямъ, какъ предлагали Жирондисты, — гдѣ бы, что большинство революціонеровъ было въ войскахъ, на границахъ, и въ такихъ условіяхъ это значило бы, какъ указать на это Робеспьеръ (28 декабря), предоставить рѣшеніе „богачамъ, естественнымъ друзьямъ монархін, эгоистамъ, людямъ трусливымъ и слабымъ, высокомернымъ аристократамъ и буржуа, — словомъ всею, рожденнымъ для того, чтобы самимъ пресмыкаться и угнетать другихъ подѣ властью короля“.

Все интриги, какія велись въ это время въ Парижѣ среди „государственныхъ людей“ — никогда не удастся распутать. Довольно будетъ сказать, что 1 января 1793 года Дюмурье сѣбно явился въ Парижъ и оставался тамъ до 26, ведя разнаго рода тайные переговоры съ разными фракціями, въ то время какъ Дантонъ былъ до 14 января, при войскахъ Дюмурье¹⁾.

По этому и вѣду Жересъ исправилъ одну существенную ошибку Мишле. Рѣчь, произнесенную 11 января въ пользу короля, которую Мишле приписываетъ Дантону, произнесъ въ дѣйствительности Дону (Даннон). Дантонъ же, напротивъ того, вернувшись въ Парижъ 15, произнесъ сильную рѣчь, въ которой требовалъ осужденія Людовика XVI. Важно было бы проверить справедливость обвиненій, выставленныхъ Бильо-Варенномъ въ рѣчи, произнесенной имъ 15 июля 1793 года противъ Брюссё, Жансена, Герау и Петила

Наконецъ, 14 января, послѣ очень бурныхъ преній, Конвентъ рѣшилъ поставить на голосованіе и рѣшить, поименнымъ опросомъ «каждаго депутата, три вопроса: виновенъ ли Людовикъ XVI въ «заговоръ противъ свободы націи и въ покушеніи на безопасность государства?», будетъ ли приговоръ повергнутъ на голосованіе всего народа? и какое будетъ назначено наказаніе?»

Поименный опросъ начался на другой день, 15. Изъ 749 членовъ Конвента, 716 объявили Людовика XVI виновнымъ (12 членовъ отсутствовали по болѣзни или потому, что находились въ отлучкѣ по порученію Конвента; пятеро воздержались). Никто не отвѣтилъ на вопросъ отрицательно. Затѣмъ, обращеніе къ народу было отвергнуто 423 голосами, изъ 709 вотировавшихъ. Въ это время въ Парижѣ, особенно въ предмѣстьяхъ, царилъ страшное возбужденіе.

По третьему вопросу—о наказаніи—поименный опросъ тянулся двадцать пять часовъ подъ рядъ. И тутъ еще,—повидимому, подъ вліяніемъ испанскаго посла, а можетъ быть и его золота—одинъ депутатъ, Майль, постарался занутатить и подаль голосъ за отсрочку казни. Его примѣру послѣдовали еще 26 членовъ.

За смертную казнь, безъ всякихъ оговорокъ, подано было 387 голосовъ, изъ 721 вотировавшихъ (5 человекъ воздержались и 12 отсутствовали). Такимъ образомъ, приговоръ былъ произнесенъ большинствомъ всего 53 голосовъ—или даже 26, если исключить тѣхъ, которые голосовали условно, съ отсрочкой. И это—въ такой моментъ, когда было совершенно очевидно, что король замышлялъ измѣну, и что оставить его въ живыхъ значило: вооружить одну половину страны противъ другой; отдать часть Франціи чужеземцамъ; и, наконецъ, остановить Революцію какъ разъ въ это время, когда, послѣ трехъ лѣтъ глубокихъ потрясеній, не приведшихъ еще ни къ чему прочному, представлялась возможность приступить къ разрѣшенію самыхъ важныхъ вопросовъ, волновавшихъ страну!

Но опасливость буржуазіи шла такъ далеко, что она ждала почему-то въ день казни Людовика XVI всеобщаго избіенія.

Брошюръ въ 32 стр., изданная по распоряженію Конвента. Копіе ея въ Британскомъ Музѣ; брошюръ по французской революціи (1907).

21 января 1793 года Людовикъ XVI погибъ на эшафотѣ. Одно изъ главныхъ препятствій соціальному возрожденію Республиканской Франціи перестало существовать.

До послѣдней минуты Людовикъ XVI надѣялся, повидимому, что возстаніе освободитъ его. И дѣйствительно, были планы отбить его по пути: но бдительность секцій и Коммуны помѣшала его осуществленію.

XXXIX.

Гора и Жиронда.

Начиная съ 10 августа, парижская Коммуна помѣчала свои акты „IV годомъ Свободы, I годомъ Равенства“. Конвентъ помѣчалъ свои законы „IV годомъ Свободы, I годомъ Французской Республики“. Изъ этой маленькой подробности уже видно рѣзкое различіе двухъ точекъ зрѣнія: Парижскаго народа и Конвента.

Начнется ли теперь новая революція, въ дополненіе къ первой? Или же—все ограничится установленіемъ, узаконеніемъ политическихъ вольностей, завоеванныхъ съ 1789 года: т.-е. упроченіемъ власти буржуазіи, при нѣсколько демократизованномъ государственномъ устройствѣ, при чемъ народная масса даже не получитъ возможности воспользоваться громаднымъ переѣзженіемъ богатствъ, произведеннымъ Революціей?

Вѣдь, очевидно, выступали двѣ совершенно противоположныя точки зрѣнія: и представителями этихъ двухъ точекъ зрѣнія въ Конвентѣ являлись, съ одной стороны Гора, съ другой—Жиронда.

На одной сторонѣ стояли тѣ, кто понималъ, что для уничтоженія стараго феодальнаго строя еще недостаточно было внести въ сводъ законовъ первые шаги къ его упраздненію; что для того, чтобы покончить съ неограниченною властью, точно такъ же недостаточно было свергнуть короля, водрузить эмблему Республики на общественныхъ зданіяхъ и поставить слово „Республика“ на флажкахъ офиціальныхъ бумагъ. Все это—не болѣе какъ начало, какъ созданіе новыхъ условій, при которыхъ, можетъ быть, удастся совершить преобразование старыхъ учрежденій.

Людей, понимавшихъ Революцію именно такъ, поддерживали всѣ тѣ, кто хотѣлъ, чтобы народная масса избавилась, наконецъ, отъ ужасающей нужды, до которой довелъ

е старыи строй, все, кто хотѣлъ и пытался почерпнуть изъ уроковъ Революціи указаніе на действительныя средства, способныя поднять эту массу физически и нравственно. Съ ними стояла, конечно, цѣлая толпа бѣдныхъ, которыхъ Революція заставила задуматься надъ своею судьбою.

А противъ нихъ стояли Жирондисты.—партія очень многочисленная. Жирондисты, это были не только тѣ двѣсти членовъ Конвента, которые группировались вокругъ Вернао, Бриссо и Ролана. Это была—огромная часть Франціи, почти вся зажиточная буржуазія, все конституціоналисты, которыхъ события сдѣлали, правда, республиканцами, но которые все-таки боялись Республики, потому что боялись господства массъ. А за ними, готовые поддерживать ихъ, въ ожиданіи момента, когда можно будетъ ихъ раздавить въ пользу королевской власти, стояли все тѣ, кто дрожалъ за свои богатства, а также и за привилегіи, доставляемыя образованіемъ: все тѣ, кому Революція нанесла ударъ и кто вздыхалъ по старымъ порядкамъ.

Въ сущности, теперь видно, что не только Равнина Конвента или Болото, но и три четверти Жирондистовъ были такими же роялистами, какъ Фельянты. Если нѣкоторые изъ ихъ вожаковъ мечтали о чемъ-то въ родѣ античной древне-греческой республики, — безъ короля, но съ подчиненіемъ народа законамъ, издаваемымъ людьми богатыми и образованными, то большинство прекрасно мирилось съ монархіей. Они, впрочемъ, скоро доказали это сами, когда такъ хорошо поладили съ роялистами, тотчасъ послѣ термидорскаго переворота, совершающаго въ июль 1794 года.

Оно вполне понятно, потому что для Жирондистовъ главное было—*установленіе буржуазнаго строя*, создававшегося въ то время въ промышленности и въ торговлѣ на развалинахъ феодализма.—«сохраненіе собственности», *le maintien des propriétés*, какъ любилъ выражаться Бриссо, главный умственный выразитель Жиронды.

Отсюда же ихъ ненависть къ народу и ихъ любовь къ порядку.

Понимать взрывъ народнаго движенія, создать «сильное» правительство и заставить уважать права собственниковъ—было въ этотъ моментъ самою главною задачею для Жирондистовъ; и только потому, что нѣкоторые историки не поняли этой основной черты, стали они искать во всякихъ второстепенныхъ обстоятельствахъ объясненія жесто-

кой борьбы, вскорѣ завязавшейся между Горой и Жирондой.

Когда мы видимъ, что Жирондисты «отвергаютъ аграрный законъ», «отказываются признать равенство принципомъ республиканскаго законодательства» и «клянутся уважать права собственности», все это кажется намъ довольно отвлеченнымъ. Но и наши теперешніе лозунги: «уничтоженіе государства», или «экспроприація», покажутся слишкомъ отвлеченными черезъ сто лѣтъ. А между тѣмъ, въ эпоху Революціи формулы Жирондистовъ имѣли вполне точный, вещественный смыслъ.

«Отвергать аграрный законъ», значило тогда отвергать всякую попытку передачи земли въ руки тѣхъ, кто сталъ бы ее обрабатывать. Это значило — отвергать мысль, очень популярную среди революціонеровъ, вышедшихъ изъ народа, мысль, что ни одно имѣніе, ни одна арендованная ферма не должна быть больше 120 арпановъ, т.-е. пяти десяти десятинъ: что каждый гражданинъ имѣетъ право на землю; и что для этого нужно захватить имѣнія, аббатствъ и духовенства, а также и крупныя владѣнія бароновъ, и раздѣлить ихъ между бѣдными земледѣльцами, не имѣющими земли.

«Клясться уважать права собственности», это значило — быть *противъ* возвращенія общинамъ тѣхъ земель, которыя отняты были у нихъ помѣщиками и богатыми людьми въ продолженіе двухъ послѣднихъ столѣтій, на основаніи королевскаго указа 1669 года. Это значило также, стоять, въ интересахъ феодальныхъ помѣщиковъ и новыхъ владѣльцевъ-покупщиковъ земли изъ буржуазіи, противъ отмены феодальныхъ, крѣпостныхъ правъ безъ выкупа.

Это значило, наконецъ, противодействовать всякой попыткѣ установленія прогрессивнаго налога на богатыхъ людей: это значило, взваливать все тягости войны и революціи на бѣдноту.

Оказывается, такимъ образомъ, что отвлеченная формула Жирондистовъ имѣла вполне осязательный смыслъ.

И вотъ, по всемъ этимъ вопросамъ Горѣ приходилось вести съ Жирондой ожесточенную борьбу; и, въ концѣ-концовъ, она вынуждена была обратиться къ народу, къ народному возстанію, и изгнать Жирондистовъ изъ Конвента, чтобы можно было сдѣлать первые шаги въ намѣченномъ направленіи.

Въ данную минуту, въ началѣ дѣятельности Конвента. «уваженіе правъ собственности» проявлялось у Жирондистовъ даже въ самыхъ мелкихъ подробностяхъ. Такъ, напримѣръ, на подножіяхъ статуй, которыя носили по улицамъ во время одного празднества, они дѣлали надписи: *Свобода, Равенство, Собственность*, вмѣсто *Свобода, Равенство и Братство*; а когда Дантонъ въ первомъ засѣданіи Конвента сказалъ въ своей рѣчи: «Заявимъ, господа, что всякая собственность, земельная, личная и промышленная, будетъ навсегда окружена нашимъ уваженіемъ», то Жирондистъ Керсень (Kersaint) бросился обнимать его. «Я каюсь, что сегодня утромъ назвалъ васъ мятежникомъ (*un factieux*)», говорилъ онъ, обнимая Горца Дантона,—и это значило: «Разъ вы обѣщаете уважать буржуазную собственность, закроемъ глаза на вашу долю ответственности въ сентябрьскихъ убійствахъ!»

Въ то время, какъ Жирондисты стремились, такимъ образомъ, организовать буржуазную республику и положить основы обогащенію буржуазіи, по образцу того, что было сдѣлано въ Англіи послѣ революціи 1648 года, Монтаньяры (Горцы),—или, по крайней мѣрѣ, крайняя ихъ группа, скоро взявшая верхъ надъ умѣренной, представителемъ которой былъ Робеспьеръ,—уже намѣчали въ общихъ чертахъ основы новаго, социалистическаго общества—что бы тамъ ни говорили нѣкоторые наши современники, совершенно напрасно приписывающіе себѣ, или своей партіи, инициативу социалистической мысли. Они хотѣли, во-первыхъ, уничтожить всякіе слѣды феодализма; затѣмъ—уравнять собственность, уничтожить крупное земельное владѣніе, надѣлать землею всѣхъ, даже самыхъ бѣдныхъ крестьянъ; организовать общественное распредѣленіе предметовъ первой необходимости (хлѣбъ, мясо, масло и т. д.), при чемъ эти товары сдѣлывались бы по ихъ дѣйствительной стоимости; и, наконецъ, дѣлая изъ налога боевое оружіе противъ богатыхъ—вести непримиримую войну противъ «коммерсантизма»: противъ всѣхъ спекуляторовъ, банкировъ, коммерсантовъ и собственниковъ промышленныхъ предпріятій, уже плодившихся въ ту пору.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, они, еще въ 1793 году, провозглашали «право на всеобщее благосостояніе», т.-е. «довольство, достатокъ для всѣхъ», изъ котораго специалисты сдѣлали впоследствии «право на трудъ». «Право на довольство» упоминалось уже въ 1789 году (27 августа) и вошло въ консти-

туцію 1791 года. Но даже самые переловые Жирондисты нѣхотѣлись сдѣлать во власти своего буржуазнаго восстанія, а еще менѣе понять сущность этого права на всеобщее довольство, предполагающаго право взвѣзъ на землю, а также полную реорганизацію распредѣленія предметов первой необходимости и обезпеченіе канонализированнаго обращенія товаровъ.

Вообще, современники описывали Жирондистовъ, какъ партію людей тонкихъ, добрыхъ, интригивовъ, и въ особенности честолюбивыхъ; это были люди легкомысленные, горюны, задорные, но провинченные адвокатскими привычками (такъ говорилъ Мишлэ). Они хотѣли Республики, говорили Кутонъ, но хотѣли также и ристаратію. Они обваруживали большую чувствительность, но такую чувствительность, которая, какъ говорилъ Робеспьеръ, платила и чѣмъ окончательно свѣтъ прелетѣли съ боны.

Народъ, вынужденный отвращеніемъ, былъ боленъ отъ 1.

Когда Конвентъ собрался, никто еще не считалъ себя яснаго отчета въ томъ, какою партіею онъ сдѣлалъ Жирондистовъ, отъ Монаньяровъ. Въ ту же разсѣду не видѣли ничего, кромѣ личной вражды между Бриссо и Робеспьеромъ. Такъ, напримѣръ, только Жюзеппъ и Жанна Монаньярка, по своимъ чувствамъ, вѣрава въ своихъ письмахъ къ обоимъ противникамъ, уговаривали ихъ прекратить братоубійственную войну. Но уже тогда борьба между Бриссо и Робеспьеромъ была борьба двухъ противниковъ, сдѣлавъ началъ: партіи «Порядка» и партіи Революціи.

Народъ, въ моментъ борьбы, а также и историки въ своихъ книгахъ, любятъ копировать всякое историческое столкновение въ линіи двухъ противниковъ. Оно, конечно, удобно въ разговорѣ, а также болѣе похоже на «романъ» — драматичнѣе. Вотъ, почему борьба между двумя партіями Конвента часто изображалась, какъ столкновение двухъ често-

Чтобы понять всю ненависть и въ презрѣніе Жирондистовъ къ народу, нужно прочитать мемуары Бюзо (Buzot). Тамъ сплошь и рядомъ встрѣчаются такіе фразы: «Парижъ, это сентябрьскіе убійцы», тамъ «утопаешь въ грязи этого непорочнаго города»; «чтобы правиться парижскому народу, нужно было обладать его пороками» и т. под. См. Buzot, «Mémoires sur la Révolution Française, précédés d'un précis de sa vie», изданные Жирондистомъ Guadet, Парижъ, 1828, стр. 32, 45 и 141 и проч. См. также письмо Нотона къ Бюзо, отъ 6 февраля 1792 года, напечатанное въ «Révolutions de Paris», т. XI, стр. 263, выдержки изъ котораго приведемъ слѣдующія.

любии — Бриссо и Робеспьера. Какъ всегда бываетъ, оба героя, которыхъ народъ, а за нимъ и историки, избрали олицетвореніемъ столповенія, выбраны хорошо. Они типичны и не дурно выражаютъ оба направленія. Но въ сущности, Робеспьеръ не былъ такимъ сторонникомъ уравнительныхъ мѣръ, какими были нѣкоторые Монтаньяры послѣ паденія Жирондистовъ. Онъ принадлежалъ къ умѣренной группѣ Горы. Въ мартѣ и въ маѣ 1793 года онъ понималъ, вѣроятно, что ради торжества начатой революціи Монтаньярамъ нельзя отдѣляться отъ тѣхъ, кто требуетъ мѣръ соціальнаго характера: онъ такъ и сдѣлалъ, — что не помѣшало ему впоследствии гильотинировать лѣвое крыло Горы, — т.-е. Эбертистовъ, и подавить „бѣшеныхъ“. Съ другой стороны, Бриссо не всегда былъ сторонникомъ „порядка“. Но несмотря на эти отѣнки, эти два человека хорошо олицетворяли собою обѣ партіи.

Между партіей буржуазнаго порядка и партіей народной революціи должна была неминуемо начаться борьба не на жизнь, а на смерть.

Жирондистская партія, дойдя до власти, желала, чтобы все вошло теперь въ порядокъ, — чтобы революція съ ея революціонными приемами прекратилась, разъ у кормила правленія стоятъ они. Уличнаго шума больше не нужно: теперь все будетъ дѣлаться по приказу министровъ, назначенныхъ послушнымъ парламентомъ.

Монтаньяры же („Гора“) хотѣли, чтобы революція привезла, наконецъ, къ такимъ мѣрамъ, которыя дѣйствительно измѣнили бы все состояніе Франціи: положеніе крестьянъ (т.-е. двухъ-третей населенія) и положеніе бѣдности въ городахъ. Они хотѣли также такихъ перемѣнъ, которыя сдѣлали бы возвращеніе къ монархическому и феодальному прошлому невозможнымъ.

Рано или поздно, думали они, черезъ годъ, черезъ два, революція уснокоится; народъ, истощивъ свои силы, вернется въ свои хижины и трущобы; эмигранты возвратятся; духовенство и дворяне опять возьмутъ верхъ. Нужно, чтобы къ этому времени они нашли во Франціи полную перемѣну: чтобы земля была уже въ другихъ рукахъ, уже политая потомъ новыхъ ея владѣльцевъ, и чтобы эти владѣльцы смотрѣли на себя не какъ на чужаковъ, а какъ на людей, имѣющихъ полное право пахать и засѣвать эту землю. Все во Франціи должно измѣниться къ тому времени: самые нравы, привычки, даже языкъ. Франція должна стать страной, гдѣ

каждый считает себя равнымъ кому угодно, разъ онъ работаетъ плугомъ, заступомъ, молотомъ, или какимъ бы то ни было другимъ орудіемъ. А для этого нужно, чтобы революція продолжалась, даже если ей придется переступить ради этого черезъ трупы нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, кого народъ избралъ своими представителями, пославши ихъ въ Конвентъ.

Борьба неизбежно должна была быть борьбою на смерть. потому что Жирондисты, хотя и были людьми «порядка» людьми государственными, но считали революціонный трибуналъ и гильотину однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ примовъ управленія. Уже 24 октября 1792 года, когда Бриссо вынулъ первый свой памфлетъ—свою первую обвинительную брошюру противъ Горы, онъ требовалъ въ немъ государственнаго переворота, направленнаго противъ «дезорганизаторовъ», «анархистовъ». Выражаясь языкомъ классическаго Рима, онъ прямо требовалъ «Тарпейской скалы», чтобы съ нея сбросить Робеспьера ¹⁾. Уже тогда, когда Лува произнесъ (29 октября) обвинительную рѣчь, въ которой требовалъ головы Робеспьера, Жирондисты занесли лезвие гильотины надъ головами «уравнителей, нарушителей порядка, анархистовъ», осмѣливавшихся стать на сторону парижскаго народа и его революціонной Коммуны ²⁾.

Съ этого же дня Жирондисты, не переставая, пытались отравить на эшафотъ Монтаньяровъ. 21 марта 1793, когда при извѣстїи о пораженїи Дюмурье при Неервинденѣ, Маратъ выступилъ въ Конвентѣ, обвиняя этого генерала, друга Жирондистовъ, въ измѣнѣ, они чуть не растерзали Марата на трибунахъ. Его спасло только его хладнокровіе и рѣшимость. Три недѣли спустя (12 апрѣля), они сдѣлали новую попытку въ томъ же направленїи и, наконецъ, добились-таки отъ Кон-

¹⁾ «Три революціи нужны были для спасенія Франціи: первая низвергла деспотизмъ; вторая уничтожила королевскую власть; третья должна убить анархію! И вотъ этой-то третьей революціи я посвящаю, *начиная съ 11 августа*, свое перо и всѣ свои силы... J. P. Brissot, député à la Convention Nationale, „A tous les républicains de France, sur Société des Jacobins de Paris“; памфлетъ, помѣченный 24 октября 1792 года».

²⁾ Лува нисколько не скрывалъ истиннаго значенія своей „Робеспьериды“. Когда онъ увидалъ, что маневръ, задуманный имъ и его друзьями, не удался, и что Конвентъ не захотѣлъ предать суду и смерти Робеспьера, онъ сказалъ, вернувшись домой, своей женѣ, Лодовской: „Нужно намъ заранее быть готовыми къ эшафоту или къ изгнанію“. Онъ приводитъ эти слова въ своихъ *Мемуарахъ* (стр. 74). Онъ почувствовалъ тогда, что оружіе, которое онъ направилъ на представителей Горы, обращается противъ него самого.

вента преданія Марата суду. А еще шестью недѣлями позже (24 мая) наступила очередь прокурора Коммуны, Эбера, рабочаго пропагандиста и коммуниста Варлэ и другихъ «анархистовъ», которыхъ Жирондисты велѣли арестовать, въ надеждѣ отправить ихъ на эшафотъ. Словомъ, они вели настоящую кампанію, съ цѣлью выжить Монтаньяровъ изъ Конвента и сбросить ихъ съ «Тарпейской скалы».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, повсюду въ провинціи Жирондисты организовывали контръ-революціонные комитеты и постоянно устраивали отправку въ Конвентъ ряда прошеній, отъ людей, называвшихъ себя «друзьями законовъ и свободы». — а мы знаемъ теперь, по опыту, что значать такія званія! Они писали въ провинцію письма, полныя ложныхъ навѣстовъ противъ Горы, и особенно противъ революціоннаго населенія Парижа. И въ то время, какъ посланные въ провинціи комиссары Конвента работали всѣми силами, чтобы отразить чужеземное вторженіе и поднять народъ, проводя въ жизнь рядъ уравнительныхъ мѣръ, — Жирондисты повсюду всякими способами противодействовали этому своимъ воззваніямъ. Они доходили даже до того, что мѣшали собранію свидѣній объ имѣніяхъ эмигрантовъ-роялистовъ, которое дѣлалось съ цѣлью конфискаціи этихъ имѣній.

Задолго до ареста Эбера, Бриссо уже велъ въ своемъ органѣ, «Patriote français», ожесточенную кампанію противъ революціонеровъ. Жирондисты требовали, упорно настаивая на этомъ, распущенія парижской революціонной Коммуны. Они требовали даже распущенія Конвента и избранія новаго Собранія, въ которое не могъ бы войти ни одинъ изъ прежнихъ депутатовъ. Наконецъ они назначили въ Конвентѣ свою Исполнительную Комиссію Двѣнадцати, которая готовила государственнѣйшій переворотъ, съ тѣмъ, чтобы послать на эшафотъ главныхъ представителей Горы.

Усилія Жирондистовъ остановить революцію.

Пока дѣло шло о сохраненіи старой абсолютистской монархіи, Жирондисты стояли въ первыхъ рядахъ. Но тѣ, сдѣлавшіе, такъ сказать, полные восторги перелѣт республиканско-классической драмы, и вмѣстѣ съ тѣмъ, стремясь къ власти, они, конечно, не могли примириться со старымъ королевскимъ строемъ.

Поэтому, пока крестьяне ждали и ждали, преобразованій новинностей, пока народъ разрушалъ статьи феодальной зависимости, они дѣйствовали, главнымъ образомъ, объ установленіи новыхъ политическихъ формъ управленія. Они уже видѣли себя у власти, въ ринтичскихъ судахъ Франціи, разсѣлающимися войска, которыя разнеслись по всему міру въ имя Свободы.

Что же касается хлѣба для народа, тутъ какъ же они о немъ? Несомнѣнно они: они совершенно не представляли себѣ, какою силою сопротивленія обладаетъ старыи порядокъ, и мысль объ обращеніи къ народу для побѣды надъ старымъ строемъ была имъ совершенно чужда, даже враждебна. Народъ долженъ платить налоги, выбирать, доставлять государству солдатъ; что же касается до созиданія и разрушенія политическихъ формъ, то это дѣло мыслителей, правителей, то государственныхъ людей.

Поэтому, когда король, для удержанія своей власти, призвалъ себѣ на помощь италіевъ, и нѣмецкія войска уже двинулись къ Парижу, Жирондисты, раньше такъ страстно желавшіе войны, чтобы избавиться отъ управленія Франціи Иоромъ, отказывались теперь обратиться къ народному восстанію, чтобы отразить иноземное нашествіе и изгнать изъ Тюильри руководителей этого нашествія. Даже послѣ 10 августа, мысль о побѣдѣ надъ непріятелемъ, при помощи народной Революціи, казалась имъ настолько чудовищною,

что Роланъ созвалъ людей, выдвинутыхъ революціею — Дантона и другихъ — и предложилъ имъ свой планъ на обезужденіе. Планъ этотъ состоялъ въ томъ, чтобы перевезти Собраніе и нѣбнаго короля, сначала въ Блуа, а затѣмъ — куда-нибудь подальше, на югъ, предоставивъ такимъ образомъ весь сѣверъ Франціи во власть чужеземцевъ и устроивъ маленькую республику гдѣ-нибудь въ департаментъ Жиронды.

Народъ и его революціонный порывъ, спасшій Францію, для нихъ не существовали. Они оставались бюрократами.

Вообще говоря, Жирондисты были вѣрными представителями буржуазіи.

Но мѣръ того, какъ народъ набирался смѣлости и требовалъ налога на богатыхъ и уравнинія состояній — требовалъ равенства, какъ необходимо условія свободы, — буржуазія приходила къ заключенію, что пора отдѣлаться отъ народа, пора вернуть его къ „порядку“.

Жирондисты послѣдовали за этимъ теченіемъ. Попадши во власть, эти буржуазные революціонеры, до сихъ поръ отдававшіе свои силы Революціи, отдѣлились отъ народа. Старающіеся народъ создать свои собственные политическіе органы, въ видѣ секцій въ большихъ городахъ и Народныхъ обществъ по всей Франціи, его желаніе идти впередъ по пути равенства явились въ ихъ глазахъ угрозой для всего имущаго класса — преступленіемъ.

Съ этого момента Жирондисты рѣшили остановить Революцію: создать сильное правительство и принудить народъ къ повиновенію — если нужно, то при помощи гильотины и разстрѣловъ.

Чтобы понять великую драму Революціи, разрѣшившуюся возстаніемъ Париска 31 мая и „очищеніемъ“ Конвента, нужно обратиться къ писаніямъ самихъ Жирондистовъ, почему-то до сихъ поръ незамѣченнымъ историками. Въ этотъ отношеніи три памфлета Бриссо: „Ж. П. Бриссо къ своимъ избирателямъ“ (23 мая 1793 года) и „Ко-всѣмъ республиканцамъ Франціи“ (24 октябрю 1792 года) особенно instructives.

„Вступая въ Конвентъ, я думалъ, — пишетъ Бриссо, — что развѣ королевская власть уничтожена, и вся власть находится въ рукахъ народа, или его представителей, избранныхъ народомъ“.

Англійскіе враги республиканской революціи вполне оцѣнили эти памфлеты и перепечатали ихъ въ Лондонѣ.

должны сообразовать свое поведѣніе съ измѣнившимся положеніемъ.

„И думать, что возстанія должны прекратиться, потому что тамъ, гдѣ не приходится свергать тираніи, не должно быть и возстанія“ (*Бриссо къ своимъ избирателямъ*, стр. 7 Лондонскаго изданія).

„И думать,—пишетъ дальше Бриссо,—что только водвореніе порядка можетъ возстановить спокойствіе; что порядокъ заключается въ религіозномъ уваженіи къ законамъ, судымъ и личной безопасности... И думать, потому, что порядокъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и настоящая революціонная мѣра... И думать, слѣдовательно, что настоящіе враги народа и Республики, это—анархисты, проповѣдники аграрнаго закона, возбуждители бунтовъ“ (стр. 8 и 9 того же памфлета).

„Двадцать анархистовъ,—говорилъ Бриссо,—завладѣли въ Конвентѣ вліяніемъ, которое должно было бы принадлежать одному только разуму“. „Слѣдите за преніями, и вы увидите, съ одной стороны—людей, постоянно заботящихся о поддержаніи уваженія къ законамъ, къ установленнымъ властямъ, къ собственности, а съ другой—людей, постоянно старающихся возбуждать волненіе въ народѣ, подрывать довѣріе къ установленной власти посредствомъ клеветы, поощрять безнаказанность преступленія и ослаблять всѣ общественныя связи“ (стр. 13).

Правда, среди тѣхъ, кого Бриссо называлъ „анархистами“, были очень разнообразныя элементы. Но у всѣхъ ихъ была одна общая черта: всѣ они не считали Революцію законченною, и поступали соотвѣтственно этому.

Они знали, что Конвентъ не сдѣлаетъ ничего, если его не будетъ толкать народъ. Они организовывали, потому, народное возстаніе. Въ Парижѣ они провозглашали верховную власть Коммуны; и вмѣстѣ съ тѣмъ они старались создать національное единство—не при помощи центральнаго правительства, а посредствомъ установленія прямыхъ сношеній между муниципалитетомъ и секціями Парижа и 36.000 коммунъ Франціи.

Но именно этого-то Жирондисты не хотѣли допустить.

„Я заявилъ съ самаго начала Конвента,—говоритъ Бриссо,—что во Франціи существуетъ партія дезорганизаторовъ, стремящаяся разрушить Республику въ самой ея колыбели. Сегодня я хочу доказать: 1) что эта партія анархистовъ господствовала и господствуетъ почти надъ всеми преніями Конвента и надъ всеми дѣйствіями Исполнительнаго Со-

вѣта; 2) что эта партія была и остается единственнымъ источникомъ всѣхъ бѣдствій, внутреннихъ и вѣншихъ. удручающихъ Францію и 3) что Республику нельзя спасти иначе, какъ принявъ строгія мѣры, чтобы вырвать представителей націи изъ рукъ этой деспотической бунтовской партіи“.

Для всякаго, кто знаетъ характеръ того времени, истинный смыслъ этихъ словъ Бриссо ясенъ. Онъ просто-на-просто требуетъ гильотины для тѣхъ, кого онъ называетъ анархистами и кто, стремясь къ продолженію Революціи и окончательной отмѣнѣ феодальнаго порядка, мѣшаетъ буржуазіи, а именно Жирондистамъ, ея койно упрочить въ Конвентѣ правительство буржуазіи, не спрашивая себя даже, чѣмъ кормится голодающій народъ.

„Нужно, следовательно, дать точное опредѣленіе этой анархіи“, пишетъ представитель Жирондистовъ, и вотъ его опредѣленіе:

„Законы, остающиеся безъ исполненія, безсилъная и униженная власть, безнаказанность преступленія, *нападеніе на собственность*, нарушение неприкосновенности личности, извращеніе народной правдивости; ни конституціи, ни правительства, ни юстиціи,—таковы черты анархіи!“

Но не такъ ли именно происходятъ всѣ революціи? Точно Бриссо не зналъ этого и самъ не дѣлалъ того же самаго,—до того времени, когда добрался до власти! Въ теченіе трехъ лѣтъ, отъ мая 1789 до 10 августа 1792 года, нужно же было унижать власть короля и стараться свалить изъ нея власть „безсилъную“, чтобы 10 августа можно было ее свергнуть.

Но Бриссо хотѣлъ, чтобы, дойдя до этой точки, Революція въ тотъ же день остановилась.

Какъ только королевская власть свергнута, и Конвентъ получилъ верховенство, „всякія возстанія должны прекратиться“, говоритъ онъ.

Что въ особенности возмущало Жирондистовъ, это стремленіе Революціи къ равенству, стремленіе, которое, какъ очень вѣрно отмѣтилъ Фагъ¹⁾, господствовало въ этотъ моментъ въ Революціи. Такъ, Бриссо не можетъ простить клубу Якобинцевъ, что онъ принялъ названіе, не Друзей Республики, а „Друзей Свободы и Равенства“ въ осо-

¹⁾ „Œuvre sociale de la Révolution française“, сборникъ, съ предисловіемъ Emile Faguet. Парижъ, безъ обозначенія года (1900?).

бренности равенства!" Не может онъ пролить слезамъ и того, что по ихъ внушению были поданы депутатами парижскаго лагеря, принявшихъ названіе *нація* и повелевавшихъ опредѣлить причитающееся имъ жалованье на основаніи жалованія депутатовъ" (стр. 29).

„Организаторы,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — это — тѣ, кто хочетъ все уравнивать: собственность, достатокъ, установить тарифы на пищевые продукты, опредѣлить *должность* *различныхъ делъ*, *оказывать обществу*, и т. д.; кто хочетъ, чтобы рабочій въ лагерь получалъ столько же, сколько законодатель; кто хочетъ уравнивать даже таланты, *таланты*, добродѣтели, потому что у нихъ самихъ ничего этого нѣтъ". Измѣненъ отъ 21 октября 1792 года.

XLI.

«Анархисты».

Но кто же такіе, наконецъ, эти анархисты, о которыхъ такъ много говоритъ Бриссô, и истребленія которыхъ онъ требуетъ съ такимъ ожесточеніемъ?

Прежде всего, анархисты—не *партія*. Въ Конвентѣ существуетъ Гора, Жиронда, Равнина, или вѣрнѣе Болото, или Брюхо, какъ говорили тогда, но нѣтъ „анархистовъ“. Дантонъ, Марать, даже Робеспьеръ, или кто-нибудь другой изъ Якобинцевъ могутъ иногда идти рука объ руку съ анархистами, но эти послѣдніе находятся внѣ Конвента. Можно даже сказать,—что они стоятъ выше его: они господствуютъ надъ нимъ.

Это — революціонеры, разсѣянные по всей Франціи. Они отдались Революціи тѣломъ и душою; они понимаютъ необходимость ея; они любятъ ее, живутъ и работаютъ для нея.

Многіе изъ нихъ сгруппировались вокругъ парижской Коммуны, потому что она остается проникнутой революціоннымъ духомъ; другіе принадлежатъ къ клубу Кордельеровъ; нѣкоторые бывають въ клубъ Якобинцевъ. Но настоящее ихъ мѣсто, это — *секція*, въ особенности — *улица*. Въ Конвентѣ ихъ можно видѣть на трибунахъ, откуда они руководятъ дебатами. Ихъ способъ дѣйствія, это — давленіе *народнаго мнѣнія*, но не „общественнаго мнѣнія“ буржуазіи. Ихъ настоящее оружіе—возстаніе. Посредствомъ этого оружія они злѣютъ на депутатовъ и на исполнительную власть.

И когда нужно напрячь все силы, воспламенить народъ и идти *вмѣстѣ съ нимъ* противъ Тюилъри и противъ германскаго вторженія,—именно они готовятъ нападеніе и затѣмъ сражаются въ рядахъ народа.

Въ тотъ день, когда революціонный порывъ народа истощится, они вернутся въ неизвѣстность. И только желчныя памфлеты ихъ противниковъ, да кое-гдѣ уцѣлѣвшіе про-

токолы секцій даютъ намъ теперь возможность оцѣнить, какую громадную революціонную работу они совершили.

Что касается ихъ взглядовъ, то они ясны и опредѣленны.

Республика?— Конечно!—Равенство передъ закономъ?— Да, конечно! Но это еще не все, далеко не все.—Добиваться, путемъ политической свободы, свободы экономической, какъ совѣтуютъ буржуа?—Они знаютъ, что это невозможно.

Они хотятъ, поэтому, *самой экономической свободы*. Земля для всѣхъ—это называлось тогда „аграрнымъ закономъ“. *Экономическое равенство*, — это называлось, на языкѣ того времени, „уравниемъ состояній“.

Но послушаемъ, что говоритъ Бриссо.

„Именно они...—пишетъ онъ,—раздѣлили общество на два класса: имущій и неимущій, классъ *санъ-кюотовъ* и классъ *собственниковъ*, которыхъ они возбудили другъ противъ друга“.

„Они,—продолжаетъ Бриссо,—подъ видомъ секцій, постоянно надѣдаютъ Конвенту петиціями, въ которыхъ требуютъ установленія максимальной цѣны на зерновой хлѣбъ“.

Они посылаютъ „эмиссаровъ, которые проповѣдуютъ повсюду войну *санъ-кюотовъ* противъ *собственниковъ*“. Они проповѣдуютъ „необходимость уравнять состоянія“.

Что они организовали „петицію десяти тысячъ чело- вѣкъ, объявившихъ, что возстанутъ, если не будетъ установлена такса на хлѣбъ“; это они вызывали возстанія по всей Франціи.

Итакъ, вотъ въ чемъ ихъ преступленія: они дѣлили націю на два класса—имущій и неимущій; они возбуждали одинъ классъ противъ другого; они требовали хлѣба, прежде всего хлѣба, для тѣхъ, кто работаетъ!

Еще бы не преступники! Однако, кто же изъ ученыхъ социалистовъ девятнадцатаго вѣка выдумалъ что-нибудь лучшее, чѣмъ требованіе нашихъ предковъ 1793 года? „Хлѣба для всѣхъ“! Теперь, только словъ гораздо больше—и меньше дѣла.

Что касается способовъ, какими они проводили свои идеи въ жизнь, то вотъ они: „Многочисленность преступленій,—говоритъ Бриссо,—вызывается безнаказанностью; безнаказанность—парализованностью судовъ; анархисты же содѣйствуютъ этой безнаказанности и парализуютъ всѣ суды, то угрозами, то доносами и обвиненіями въ аристократизмъ“.

„Постоянныя и повсемѣстныя покушенія на собствен- ность и на личную безопасность—парижскіе анархисты

каждый день подаютъ примѣръ этого; и ихъ специальные эмиссары, а также и тѣ, которые украшены титуломъ эмиссаровъ Конвента, проповѣдуютъ повсюду это нарушение правъ человѣка“.

Затѣмъ Бриссо говоритъ о „вѣчныхъ протестахъ анархистовъ противъ собственниковъ и купцовъ, которыхъ они называютъ спекуляторами“; о томъ, что „на собственниковъ они постоянно направляютъ оружіе разбойниковъ“; о ненависти анархистовъ ко всякому государственному чиновнику: „Разъ только человѣкъ занимаетъ какую-нибудь должность, онъ становится ненавистнымъ для анархистовъ; онъ кажется имъ виновнымъ“. И не даромъ,—прибавимъ мы.

Но великолѣпнѣе всего тѣ мѣста, гдѣ Бриссо перечисляетъ благодѣянія „порядка“. Нужно прочесть ихъ, чтобы понять, что дала бы французскому народу жирондистская буржуазія, если бы „анархисты“ не повели Революцію не-много дальше.

„Посмотрите,—говоритъ Бриссо,—на тѣ департаменты, которые сумѣли обуздать ярость этихъ людей; посмотрите хотя бы на департаментъ Жиронды. Тамъ все время царилъ порядокъ; народъ тамъ подчинился закону, хотя платитъ до десяти су (больше 20 копеекъ) за фунтъ хлѣба... А все потому, что въ этомъ департаментѣ проповѣдники аграрнаго закона были изгнаны, и граждане заколотили клубъ (клубъ Якобинцевъ), гдѣ проповѣдовали этотъ законъ... и т. д.“.

И это писалось черезъ два мѣсяца послѣ 10 августа, когда даже самымъ слѣпымъ было очевидно, что если бы народъ повсюду во Франціи „подчинился закону, хотя платитъ до десяти су за фунтъ хлѣба“, то Революціи вовсе не было бы, и королевская власть, противъ которой яко бы боролся Бриссо, а также и феодализмъ, продолжали бы царить, можетъ-быть, еще цѣлое столѣтіе, какъ въ Россіи¹⁾.

¹⁾ Луи Бланъ очень вѣрно опредѣлилъ Бриссо, сказавъ, что это — одинъ изъ тѣхъ людей, которые «сегодня — республиканцы раньше всѣхъ другихъ, а завтра — запоздалые революціонеры», людей, у которыхъ нѣтъ силы слѣдовать за своимъ временемъ, между тѣмъ какъ раньше у нихъ хватало смѣлости идти впереди его. Въ тѣмъ какъ раньше у нихъ хватало смѣлости идти впереди его. Въ молодости онъ писалъ, что «собственность есть кража», а затѣмъ его уваженіе къ собственности стало такъ велико, что уже послѣ 4 августа 1789 года онъ порицалъ Собраніе за поспѣшность, съ которою оно издало свои декреты противъ феодализма — въ тотъ самый моментъ, когда граждане обнимались на улицахъ, отъ радости по случаю этихъ декретовъ.

Нужно прочесть памфлеты Бриссо, чтобы понять, что готовили для Франціи буржуа того времени, и что готовят и теперь бриссотинцы двадцатаго вѣка повсюду, гдѣ можетъ вспыхнуть революція.

„Безпорядки въ департаментахъ Эрв. Ори и другихъ,—говоритъ Бриссо—были подготовлены враждою противъ богачей, противъ спекуляторовъ, возмутительными рѣчами насчетъ необходимости добиться вооруженною рукою таксы на хлѣбъ и другіе жизненные припасы“

Затѣмъ Бриссо рассказываетъ относительно Орлеана: „Этотъ городъ съ самаго начала Революціи пользовался спокойствіемъ, котораго не могли нарушить даже безпорядки, вспыхнувшіе въ другихъ мѣстахъ *вслѣдствіе недороду хлѣба*, хотя въ Орлеанѣ и находились большіе хлѣбные склады... Такая гармонія между бѣдными и богатыми не согласовалась съ принципами анархіи; и вотъ, одинъ изъ этихъ людей, которыхъ порядокъ приводитъ въ отчаяніе и для которыхъ смута—единственная цѣль, сгнѣшилъ нарушить это счастливое согласіе, возбуждая санъ-кюлотовъ противъ собственниковъ“.

„Она же, все та же анархія,—воскликаетъ Бриссо все въ томъ же памфлетѣ,—создала революціонную власть въ войскѣ“. „Кто усомнится теперь,—говоритъ онъ,—въ страшномъ вредѣ, который принесла нашему войску анархическая доктрина, *стремящаяся, подъ сѣнью равенства въ правахъ установить всемірное и фактическое равенство*, которое постольку же является бичомъ для общества, поскольку первое составляетъ его основу? Анархическая доктрина хочетъ уравнять талантъ и невѣжество, добродѣтели и пороки, мѣста, жалованія, заслуги“.

Этого-то бриссотинцы никогда и не могли простить анархистамъ: равенство *въ правахъ*, еще куда ни шло,—лишь бы оно никогда не стало равенствомъ *на дѣлѣ*. Бриссо поэтому съ величайшимъ негодованіемъ говоритъ о землекопахъ парижскаго лагеря, потребовавшихъ однажды, чтобы плата, которую получаютъ денутаты, была уравнена съ тою, которую получаютъ они!! Подумать только! Бриссо и какой-нибудь землекопъ поставлены на равную ногу! Не *въ правахъ* только, а *фактически*! Еще бы не злодѣи, эти анархисты!

Какимъ же путемъ удалось, однако, анархистамъ достигнуть такого вліянія, что они господствуютъ даже въ странномъ Конвентѣ и диктуютъ ему его рѣшенія?

Бриссо объясняетъ это въ своихъ памфлетахъ. *Галлерей* Конвента, куда пускаютъ постороннихъ, парижскій народъ, и парижская *Коммуна* являются, говоритъ онъ, хозяевами, и оказываютъ давленіе на Конвентъ всякій разъ, когда ему предстоитъ принять какую-нибудь революціонную мѣру.

Въ началѣ, рассказываетъ Бриссо, Конвентъ велъ себя очень благоразумно. «Вы увидите тутъ,—говоритъ онъ,—большинство Конвента — чистое, здоровое, вѣрное принципамъ, постоянно обращающее свои взоры къ закону». Всѣ предложенія, клонящіяся къ униженію, къ уничтоженію «нарушителей порядка», принимались тогда «почти единогласно».

Можно себѣ представить, какихъ революціонныхъ результатовъ можно было ожидать отъ этихъ представителей, постоянно обращавшихъ свои взоры къ закону — монархическому и феодальному. Къ счастью, въ дѣло вмѣшались «анархисты». Но они поняли, что ихъ мѣсто не въ Конвентѣ; среди представителей, а *на улицѣ*; что если по временамъ они явятся въ Конвентъ, то не для того, чтобы вести переговоры съ правыми, или съ «болотными лягушками»; а для того, чтобы *требовать* то, что имъ нужно — съ трибунъ, открытыхъ для публики, или же, вмѣстѣ съ народною толпою, когда она врывается въ Конвентъ и выражаетъ свою волю.

Такимъ образомъ, мало-по-малу «разбойники» (Бриссо имѣетъ въ виду «анархистовъ») дерзко подняли голову. Изъ обвиняемыхъ они превратились въ обвинителей, изъ пѣмыхъ зрителей нашихъ преній — въ вершителей ихъ судебъ. — «Вѣдь у насъ идетъ революція!» — таковъ ихъ обычный отвѣтъ.

И вотъ, приходится признать, что тѣ, кого Бриссо называлъ «анархистами», обнаружили, однако, большую дальновидность и большую политическую мудрость, чѣмъ разношерстная толпа членовъ Конвента, претендовавшая на управленіе Франціею. Чѣмъ была бы теперь Франція, если бы ея революція кончилась торжествомъ бриссотинцевъ, не уничтоживши феодальнаго строя и не возвративши сельскимъ общинамъ отнятыя у нихъ королями и дворянами земли?

Но, можетъ-быть, Бриссо выставляетъ гдѣ-нибудь какую-нибудь программу, показывающую, что предлагали Жирондисты для того, чтобы положить конецъ феодальному строю и вызываемой имъ борьбѣ? Можетъ-быть, въ рѣшительный

моментъ, когда въ концѣ мая 1793 года парижскій народъ сталъ требовать изгнанія Жирондистовъ изъ Конвента, Бриссо или кто-нибудь изъ Жирондистовъ сказалъ, наконецъ, какія мѣры думаютъ они принять, чтобы удовлетворить, хотя бы отчасти, самымъ насущнымъ нуждамъ народа?

Нигдѣ ничего этого нѣтъ!

Жирондистская партія рѣшаетъ весь вопросъ, заявляя, что дотронуться до собственности—будь она хоть феодальная, хоть буржуазная—значитъ быть «уравнителемъ», «нарушителемъ порядка», «анархистомъ»; а люди такого рода должны быть просто-напросто истреблены.

«До 10 августа, — пишетъ Бриссо, — дезорганизаторы были настоящими революціонерами; потому что для того, чтобы быть республиканцемъ, нужно было дезорганизовать. Теперь же дезорганизаторы—настоящіе контръ-революціонеры, враги народа, потому что теперь народъ — хозяинъ положенія... *Чего же еще остается ему желать?* Внутренняго спокойствія, потому что только это спокойствіе обезпечиваетъ собственнику его собственность, рабочему — его работу, бѣдняку — хлѣбъ насущный, а всѣмъ вообще — пользование свободою» (Памфлетъ отъ 24 октября 1792 года).

Бриссо даже не понимаетъ того, какъ можетъ народъ, въ голодное время, когда цѣна на хлѣбъ доходила до шести и до семи су за фунтъ, требовать установленія таксы на хлѣбъ. Только анархисты могутъ быть способны на это! (стр. 19).

Для него и для всей Жиронды *Революція закончена* десятимъ августа, когда ихъ партія пришла ко власти. Теперь остается только примириться съ существующимъ положеніемъ и подчиниться тѣмъ политическимъ законамъ, какіе издастъ Конвентъ. Онъ даже не понимаетъ человека изъ народа, который говоритъ, что разъ феодальныя права остаются въ силѣ, разъ земли не возвращены общинамъ, разъ всѣ земельные вопросы находятся во временномъ, неопредѣленномъ положеніи, разъ бѣднякъ несетъ на себѣ всѣ тягости войны, — Революція не закончена, и закончить ее можетъ только революціонное дѣйствіе, такъ какъ старый строй еще въ силахъ противиться всякимъ рѣшительнымъ мѣрамъ.

Жирондистъ даже не понимаетъ этого. Онъ допускаетъ только одинъ разрядъ недовольныхъ гражданъ, опасующихся «или за свое состояніе, или за тѣ блага, которыми они пользуются, или за свою жизнь» (стр. 127). Всякіе другіе

разряды недовольныхъ не имѣютъ никакого права на существованіе. Между тѣмъ, если вспомнить, въ какомъ неопредѣленномъ положеніи Законодательное Собраніе оставило земельные вопросы, то спрашиваешь себя: *Какъ возможно было подобное настроеніе ума?* Въ какомъ воображаемомъ мірѣ политическихъ интригъ жили эти люди? Мы даже не могли бы понять ихъ, если бы не были слишкомъ хорошо знакомы съ подобными имъ среди нашихъ современниковъ.

Заключенія Бриссо, въ согласіи со всѣми Жирондистами вообще, таковы:

Необходимъ государственный переворотъ, третья революція, которая „подавила бы анархію“. Распустить парижскую Коммуну съ ея секціями, уничтожить ихъ! Закрыть клубы, проповѣдующіе безпорядокъ и равенство. Закрыть клубъ Якобинцевъ и опечатать его бумаги.

„Тарпейская скала“, т.-е. гильотина для „тріумвирата“ (Робеспьера, Дантона и Марата), а также для всѣхъ уравнителей, для всѣхъ анархистовъ.

Избраніе новаго Конвента, въ которомъ не могъ бы засѣдать ни одинъ изъ теперешнихъ его членовъ—т.-е. торжество контръ-революціи.

„Сильное“ правительство, возстановленіе „порядка“!

Такова программа Жирондистовъ, принятая ими съ тѣхъ поръ, какъ паденіе короля привело ихъ ко власти и сдѣлало „дезорганизаторовъ бесполезными“.

Что же оставалось революціонерамъ, какъ не выступить на рѣшительную борьбу?

Или Революція должна была остановиться, какъ есть, въ незавершенномъ видѣ—и термидорская контръ-революція началась бы пятнадцатью мѣсяцами раньше, т.-е. съ весны 1793 года, —раньше, чѣмъ окончательно были отменены феодалныя права.

Или нужно было изгнать Жирондистовъ изъ Конвента, несмотря на услуги, оказанныя ими Революціи въ то время, когда приходилось бороться съ королевскою властью.—„Конечно—восклицалъ Робеспьеръ въ знаменитомъ засѣданіи 10 апрѣля 1793 года, гдѣ Жирондисты сдѣлали отчаянное усиліе послать Робеспьера и Горцевъ вообще подъ гильотину,—конечно они нанесли удары Двору, эмигрантамъ, духовенству—удары сильною рукою; но въ какое время?—*Когда имъ приходилось завоевывать власть...* Но какъ только

власть была ими завоевана, ихъ нѣтъ быстро остыть. *Какъ они постыжили направить свою ненависть на другое!»*

Революція не могла, однако, остаться не завершеной. А потому ей оставалось одно — перешагнуть черезъ Жирондистовъ.

Вотъ почему, начиная съ фѣвраля 1793 года, въ Парижѣ и въ революціонныхъ департаментахъ идетъ сильное волненіе, которое и приводитъ къ движенію 31 мая и изгнанію главныхъ вожаковъ Жиронды изъ Конвента.

XLII.

Причины движенія 31 мая.

Каждый день, въ теченіе первыхъ пяти мѣсяцевъ 1793 года, борьба между Горою и Жирондою становилась все ожесточеннѣе по мѣрѣ того, какъ три великихъ вопроса яснѣе и опредѣленнѣе выступали передъ Франціею:

Во-первыхъ, будутъ ли уничтожены, безъ выкупа, всѣ феодальныя повинности? Или же эти пережитки крѣпостного состоянія будутъ попрежнему парализовать земледѣліе и причинять періодическія голодовки въ деревняхъ? — Вопросъ громаднѣйшій жизненный для двадцати милліоновъ сельскаго населенія въ томъ числѣ и для всѣхъ тѣхъ, кто покупалъ національныя имуществы, конфискованныя у духовенства и эмигрантовъ.

2) Останутся ли сельскія общины въ обладаніи мірскими землями, которыя тамъ и сямъ онѣ отобрали назадъ у помещиковъ, захватившихъ эти земли? Будетъ ли признано право вернуть себѣ бывшія мірскія земли за тѣми общинами, которыя еще этого не сдѣлали? Будетъ ли признано право на землю за каждымъ гражданиномъ?

Наконецъ 3) будетъ ли введенъ законъ о *максимумѣ*, т.-е. такса на хлѣбъ и на другіе припасы первой необходимости?

Эти три вопроса были жизненными вопросами для Франціи, и они дѣлили страну на два враждебныхъ лагеря: лагерь собственниковъ и лагерь тѣхъ, у кого ничего не было, тѣхъ, кто богатѣлъ, несмотря на народную нищету, на голодъ и на войну, и тѣхъ, кто несъ всю тягость войны на своихъ плечахъ и простаивалъ часы, а нерѣдко и цѣлыя ночи напролетъ передъ дверьми булочныхъ, и все-таки послѣ этого возвращался домой безъ самаго необходимаго куска хлѣба.

А между тѣмъ мѣсяцы проходили—пять мѣсяцевъ, семь мѣсяцевъ прошло со времени открытія Конвента,—и Конвентъ

ничего еще не предпринялъ для рѣшенія великихъ вопросовъ, поставленныхъ Революціею. Народные представители спорили, спорили безъ конца между собою. Взаимное озлобленіе партій, изъ которыхъ одна представляла богатыхъ, а другая защищала интересы бѣдныхъ, росло съ каждымъ днемъ,—и не предвидѣлось никакого выхода, никакого возможнаго соглашенія между тѣми, кто „защищалъ имуществъ“, и тѣми, кто нападалъ на нихъ.

Правда, что и сами Горцы (Монтаньяры) не имѣли опредѣленныхъ воззрѣній по экономическимъ вопросамъ и дѣлились на двѣ группы, изъ которыхъ одна шла гораздо дальше другой. Та группа, къ которой принадлежалъ Робеспьеръ, была склонна къ воззрѣніямъ, почти настолько же благоприятнымъ для собственниковъ, какъ и Жирондисты. Но, какъ бы мало симпатиченъ ни былъ намъ лично Робеспьеръ, нужно сказать, что онъ развивался вмѣстѣ съ Революціею, и что къ страданіямъ народа онъ всегда относился сочувственно. Еще въ 1791 году онъ поднялъ въ Учредительномъ Собраніи вопросъ о возвратѣ общинамъ отобранныхъ у нихъ мѣрскихъ земель. Теперь, когда эгоизмъ собственниковъ и „коммерсантизмъ“ буржуазіи выступали все рѣзче и рѣзче, Робеспьеръ открыто сталъ на сторону народа и революціонной Коммуны города Парижа, т.-е. тѣхъ, кого Жирондисты называли тогда „анархистами“.

„Продукты, необходимые для прокормленія народа,—говорилъ онъ на трибунѣ въ Конвентѣ, „такъ же священны, какъ и человѣческая жизнь. Все, что необходимо для сохраненія жизни, составляетъ собственность, принадлежащую всему обществу. Одинъ только избытокъ составляетъ частную собственность, и только этотъ избытокъ можетъ быть предоставленъ торговлѣ“.

Нельзя не пожалѣть, что это коммунистическое начало не стало лозунгомъ социалистовъ XIX вѣка, вмѣсто государственнаго „коллективизма“, предложеннаго Пеккёромъ и Видалемъ въ 1848 году. Какъ много для будущаго могло бы сдѣлать движеніе Парижской Коммуны 1871 года, если бы оно признало, что всё необходимое для сохраненія жизни такъ же священно, какъ и самая жизнь человѣческая, и составляетъ общую собственность всего народа! если бы своимъ лозунгомъ оно провозгласило „общину, организующую потребленіе и благосостояніе для всѣхъ!“

Вездѣ и всегда революціи дѣлались меньшинствомъ. Даже среди тѣхъ, кому Революція приносить прямыя выгоды,

всегда встрѣчается только меньшинство, готовое отдаться ей. Такъ было и во Франціи въ 1793 году.

Какъ только королевскій деспотизмъ былъ низвергнутъ, въ провинціяхъ сейчасъ же поднялось движеніе противъ революціонеровъ, которые, казнью короля, бросили вызовъ всей Европѣ. «А, злодѣи!—говорилось въ дворянскихъ замкахъ, въ салонахъ буржуазіи, на сѣздахъ духовенства.—Они посмѣли это сдѣлать! Они, стало-быть, ни передъ чѣмъ не остановятся: они насъ ограбятъ, и насъ тоже гильотинируютъ!» И заговоры контръ-революціонеровъ стали вестись повсемѣстно, съ усиленнымъ рвеніемъ. Римская Церковь, всѣ европейскіе дворы, англійская буржуазія,—все принялись за общую работу подпольныхъ интригъ и пропаганды, чтобы организовать контръ-революцію въ самой Франціи.

Приморскіе города, какъ Нантъ, Бордо и Марсель, гдѣ имѣлось много богатыхъ коммерсантовъ, Ліонъ,—промышленный городъ, занятый производствомъ предметовъ роскоши, торгово-промышленные города, какъ Руанъ, стали могучими центрами реакціи. Цѣлыя области обрабатывались священниками, дворянами-эмигрантами, вернувшимися подъ чужими именами, а также—англійскимъ и орлеанистскимъ золотомъ и эмиссарами изъ Италіи, Испаніи и даже изъ Россіи.

Для всей этой массы контръ-революціонеровъ, Жирондисты служили соединительнымъ звеномъ. Роялисты поумиѣе прекрасно поняли, что, несмотря на свой поверхностный республиканизмъ, Жирондисты будутъ ихъ союзниками: что къ этому вѣла ихъ логика ихъ партіи, которая всегда сильнѣе ярлыка партіи. И народъ тоже прекрасно это понималъ. Онъ понималъ, что покуда Жирондисты останутся преобладающею партіею въ Конвентѣ, никакихъ истинно революціонныхъ мѣръ нельзя будетъ принять, и что война, которую эти сибариты будутъ вести полуголгоу, затянется безъ конца и въ корень истощитъ Францію.

И по мѣрѣ того, какъ необходимость «очистить Конвентъ», т. - е. удалить изъ него жирондистскихъ вождей, становилась очевиднѣе, народъ сталъ организовываться для борьбы противъ Жирондистовъ и Фельянтовъ на мѣстахъ—въ провинціальныхъ городахъ и по деревнямъ.

Выше было уже сказано, что Директоріи департаментовъ¹⁾ были, большею частью, проникнуты реакціоннымъ духомъ.

¹⁾ Они соотвѣтствовали приблизительно нашимъ Губернскимъ Земскимъ Управамъ; Директоріи же округовъ соотвѣтствовали Уѣзднымъ Земскимъ Управамъ.

Большинство Директорій округовъ тоже принадлежало къ тому же направленію. Но муниципалитеты, городскіе и деревенскіе, созданные закономъ 22 декабря 1789, были болѣе близки къ народу. Правда, что лѣтомъ 1789 года, когда ихъ назначала сама вооружавшаяся буржуазія, городскіе муниципалитеты въ нѣкоторыхъ областяхъ звѣрски отнеслись къ крестьянскимъ возстаніямъ. Но по мѣрѣ того, какъ развивалась Революція, муниципалитеты выбранные, а иногда и просто назначенные народомъ, часто среди грохота возстанія, и всегда находившіеся подъ надзоромъ Народныхъ обществъ, принимали болѣе революціонный характеръ.

Въ Парижѣ, раньше 10 августа, Совѣтъ Коммуны былъ буржуазно-демократическаго направленія. Но какъ мы видѣли, въ ночь на 10 августа новая революціонная Коммуна была избрана секціями ¹⁾. И хотя Конвентъ, по настоянію Жирондистовъ, смѣнилъ эту Коммуну, но новая Коммуна, избранная 2 декабря 1792 года и имѣвшая мѣромъ—Паша (Pache), прокуроромъ—Шомета (Chaumette) и помощникомъ прокурора—Эбера (Hébert), была откровенно революціоннаго направленія.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что собраніе городскихъ чиновниковъ, облегченныхъ такими широкими и разнообразными полномочіями, какъ Совѣтъ Коммуны города Парижа,—хотя оно было революціоннаго происхожденія,—все-таки неизбежно приняло бы мало-по-малу умѣренный, бюрократическій характеръ. Но революціонная дѣятельность Парижскаго народа выражалась, главнымъ образомъ, въ его секціяхъ, а въ секціяхъ революціонный духъ сохранился гораздо дольше. Впрочемъ, и секціи тоже, по мѣрѣ того, какъ онѣ присвоили себѣ полицейскія обязанности (право выдавать аттестаты гражданства — *cartes civiques*, — свидѣтельствующія, что такой-то гражданинъ не конспираторъ-роялистъ; выборъ волонтеровъ, отправлявшихся сражаться въ Вандею противъ возставшихъ крестьянъ и т. п.), а тѣмъ болѣе съ тѣхъ поръ, какъ Комитетъ Общественнаго Спасенія и Комитетъ Общественной Безопасности постарались обратить секціи въ свои полицейскіе органы,—секціи тоже со временемъ обращались понемногу въ бюрократическія учрежденія; такъ что въ 1794 году нѣкоторыя изъ нихъ были уже центрами

¹⁾ Совѣтъ Коммуны или ея „Генеральный Совѣтъ“ постоянно назывался въ документахъ того времени просто «Коммуна».

объединенія для реакціонной буржуазіи. Но въ 1793 году секціи еще были въ рукахъ народа и оставались вполне революціонными. Притомъ, рядомъ съ Коммуною и ея секціями возникла цѣлая сеть Народныхъ и Братскихъ обществъ, а также образовались Революціонные Комитеты, которые, въ теченіе II года Республики (1793 — 1794) были еще центрами революціоннаго дѣйствія.

Всѣ эти группировки объединялись между собою, либо для опредѣленныхъ временныхъ цѣлей, либо для настоящаго совместнаго дѣйствія; и онѣ вступали въ переписку съ 40.000 коммуна и секціями по всей Франціи. Съ этой цѣлью было даже организовано особое „бюро корреспонденцій“. Такимъ образомъ создавалась совершенно новая, добровольная организація. И когда мы изучаемъ эти группировки, — эти „вольныя соглашенія“, — мы видимъ въ нихъ то, что теперь проповѣдуется во Франціи анархистами, не подозревающимъ, что ихъ дѣды уже практиковали подобныя соглашенія въ такую трагическую минуту, какъ первые мѣсяцы 1793 года ¹⁾

Большая часть историковъ, сочувствующихъ Революціи, когда они доходятъ до трагической борьбы, завязавшейся между Горою и Жирондою, останавливаются слишкомъ долго, по моему мнѣнію, на второстепенныхъ причинахъ этой борьбы. Такъ, они придаютъ слишкомъ много значенія такъ называемому *федерализму* Жирондистовъ.

Правда, что послѣ 31 мая, когда во многихъ департаментахъ вспыхнули жирондистскія и роялистскія возстанія, слово „федерализмъ“ стало, въ документахъ того времени, главнымъ обвиненіемъ Горцевъ противъ Жирондистовъ. Но это слово было въ сущности не что иное, какъ боевой лозунгъ, — кличка, удобная для обвиненія враждебной партіи. Какъ таковая, она имѣла успѣхъ. Но въ дѣйствительности „федерализмъ“ Жирондистовъ состоялъ вовсе не въ политической теоріи, извѣстной теперь подъ именемъ федерализма, а какъ это уже замѣтилъ Луи Бланъ, — въ ихъ ненависти противъ Парижа, въ ихъ желаніи противопоставить

¹⁾ Мортимеръ Терно, хотя и крайній реакціонеръ, но изучавшій документы Коммуны и секцій, указалъ уже на эту двойную организацію (см. Mortimer Ternaux, „Histoire de la Terreur“, т. VII). См. также Олара, „Политическая Исторія Революціи“, часть II, гл. V, и Жореса „La Convention“, т. II, стр. 1254, гдѣ есть объ этомъ прекрасныя строки.

реакціонную провинцію революціонной столицѣ. — „Они боялись Паризжа: въ томъ былъ весь ихъ федерализмъ“, говорилъ Луи Бланъ (книга VIII, гл. IV).

Они ненавидѣли Парижскую Коммуну, они боялись вліянія, пріобрѣтеннаго Коммуною, ея секціями, революціонными Комитетами и *парижскимъ народомъ вообще*. Если они говорили о перенесеніи Законодательнаго собранія, а потомъ и Конвента, въ какой-нибудь провинціальный городъ, они дѣлали это вовсе не изъ любви къ автономіи провинцій. Ихъ желаніе было — помѣстить законодательное представительство страны и ея неполнительную власть посреди населенія, менѣе революціоннаго, чѣмъ населеніе Паризжа, и болѣе равнодушнаго къ политическимъ вопросамъ. Такъ поступала королевская власть въ Средніе вѣка, когда предпочитала зарождающійся городъ, „королевскій городъ“, старымъ вѣчевымъ городомъ. Того же самаго хотѣлъ Тьеръ въ 1871 году, когда предпочиталъ держать палату въ Бордо и Версалѣ и противился перенесенію ея въ Паризжъ ¹⁾.

Наоборотъ, во всемъ томъ, что дѣлали Жирондисты, они выказали себя такими же централистами и сторонниками сильной центральной власти, какъ и Горцы. Можетъ-быть даже больше ихъ, такъ какъ Монтаньяры, пріѣзжая въ провинцію какъ комиссары Конвента, опирались не на органы центральной бюрократіи, — не на Директоріи департаментовъ и округовъ, а на мѣстные Народныя Общества и муниципалитеты. И если впоследствии Жирондисты, изгнанные изъ Конвента народнымъ движеніемъ 31 мая, обратились къ провинціямъ противъ Паризжа, то поступили они такъ, чтобы направить противъ революціонеровъ-парижанъ, выгнавшихъ ихъ изъ Конвента, контръ-революціонныя силы буржуазіи большихъ торговыхъ городовъ и недовольныхъ крестьянъ Нормандіи Бретани Вандеи. Но какъ только реакція взяла верхъ, 9 термидора (27 августа 1794 года), и Жирондисты вернулись во власть, они выказали себя — какъ подобаетъ партіи порядка — еще болѣе централистами, чѣмъ Монтаньяры.

Оларъ, который тоже довольно много говоритъ о „федерализмѣ“ Жирондистовъ, дѣлаетъ, однако, одно очень вѣр-

¹⁾ Когда Жирондисты хотѣли собрать въ Буржѣ комиссаровъ отъ департаментовъ, „они не ограничились бы этимъ перенесеніемъ“, говоритъ Тибодѣ (Thibaudeau) въ своихъ „Мемуарахъ“, „Составился бы новый Конвентъ“.

ное замѣчаніе. Раньше установленія Республики, говоритъ онъ, никто изъ Жирондистовъ не выказывалъ никакихъ федералистическихъ наклонностей. Барбару, напримѣръ, высказывался вполне, какъ централистъ, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ, приводимыхъ Оларомъ изъ его рѣчи, произнесенной въ департаментѣ Устье въ Роны: „Федеральное правительство, говоритъ онъ, не пригодно для большой націи, вслѣдствіе медленности исполнительныхъ дѣйствій, вслѣдствіе множества инстанцій и сложности механизма“. Въ проектѣ конституціи, выработанномъ Жирондистами въ 1793 году, нѣтъ никакой серьезной попытки выработать федеративную организацію. Они остались въ этомъ проектѣ централистами ¹⁾.

Съ другой стороны, Луи Бланъ слишкомъ много говоритъ о „горячности“ Жирондистовъ, о честолюбіи Бриссо, столкнувшемся съ честолюбіемъ Робеспьера, о „ранахъ“, нанесенныхъ „внутренними Жирондистами, самолюбію Робеспьера, который потомъ не захотѣлъ ихъ простить. И Жоресъ тоже,—по крайней мѣрѣ, въ первой части тома, посвященнаго имъ Конвенту, выражаетъ ту же мысль ²⁾, что, впрочемъ, не мѣшаетъ ему дальше, когда онъ доходитъ до борьбы между парижскимъ народомъ и буржуазіею, указать на другія причины этой борьбы, гораздо болѣе дѣйствительныя, чѣмъ столкновенія самолюбія и „эгоизмъ власти“.

Нѣтъ спора, что „горячность“ Жирондистовъ, такъ картинно описанная Луи Бланомъ, и борьба честолюбія существовали и дѣлали столкновение болѣе озлобленнымъ. Но борьба между Горою и Жирондою имѣла, какъ мы видѣли, основанія несравненно болѣе глубокія, чѣмъ какія бы то ни было личныя столкновенія. Эти основанія, самъ Луи Бланъ уже указалъ ихъ, когда воспроизвелъ, по Жирондисту Гарэ (Garat), рѣчь, которую Гора могла держать Жирондѣ, и вѣроятный отвѣтъ этой послѣдней.

¹⁾ „Мнѣ неизвѣстно, чтобы кто-нибудь изъ нихъ приписывалъ себѣ эту честь“, говоритъ Тибодо о такъ называемомъ „федерализмѣ“ Жирондистовъ (Thibauden, „Mémoires sur la Convention et le Directoire“, т. I, стр. 38. Парижъ, 1. 24). — Что касается до Марата, то онъ совершенно откровенно выразился насчетъ этого въ своемъ *Другѣ народа*, 24 мая 1793, стр. 2: „Вожаковъ этой адской фракціи часто обвиняли въ федерализмѣ: я долженъ признать, я, что никогда не раздѣлялъ этого чувства, хотя мнѣ и случалось воспроизводить это обвиненіе“, писалъ онъ.

²⁾ „La Convention“, стр. 388 394, 396, и также стр. 1458.

„Не вамъ,—говоритъ Жиронда,—управлять Франціею, когда у васъ руки обогреты кровью сентябрьскихъ дней. Законодатели богатой и промышленной страны должны смотреть на собственность, какъ на одну изъ самыхъ священныхъ основъ общественнаго порядка; и не вамъ исполнять миссію, данную Франціей своимъ законодателямъ, когда вы проповѣдуете анархію, покровительствуете грабежамъ и пугаете собственниковъ..... Вы призываете противъ насъ своихъ Парижскихъ убійцъ: мы призываемъ противъ васъ „честныхъ людей“ (les honnêtes gens, т.-е. буржуазію) всей Франціи“.

На что Гора отвѣчаетъ:

„Мы обвиняемъ васъ въ томъ, что вы пользуетесь своимъ талантами для своего личнаго возвышенія, а не для Равенства... ..Покуда король предоставлялъ вамъ управленіе, чрезъ посредство назначавшихся вами министровъ, вы находили его достаточно хорошимъ владыкою.... Вы никогда не питали мысли поднять Францію до великой будущности республики,—вы хотѣли сохранить въ ней короля, у котораго вы состояли бы мажордомами“.

Мы скоро убѣдимся, въ слѣдующихъ главахъ, какъ вѣрно было это послѣднее обвиненіе, когда увидимъ Барбарю, на югѣ Франціи, и Луизу въ Бретани, идущихъ рука объ руку съ роялистами, и когда столько Жирондистовъ вернутся ко власти, вмѣстѣ съ „бѣлыми“, послѣ Термидорскаго переворота. Но—продолжаемъ отвѣтъ Горы:

„Вы хотите свободы безъ равенства,—говоритъ дальше Гора,—а мы хотимъ равенства —хотимъ, потому что безъ равенства мы не можемъ представить себѣ свободы. Вы—„Государственные люди“, вы хотите организовать Республику для богатыхъ; а мы—люди не государственные.... мы ищемъ законовъ, которые извлекутъ бы бѣдныхъ изъ нищеты и содѣлали бы изъ всѣхъ людей, при всеобщемъ благосостояніи, счастливыхъ гражданъ и ярыхъ защитниковъ всеобщей республики“.

Очевидно, здѣсь столкнулись два совершенно разныхъ представленія объ обществѣ. Такъ и поняли борьбу Горы съ Жирондою современники ¹⁾.

¹⁾ Можно было бы привести множество цитатъ въ подтвержденіе. Слѣдующія двѣ могутъ быть даны, какъ образцы многихъ другихъ: „Жирондисты хотѣли остановить Революцію на буржуазіи“, писалъ Бодо (Baudot).—Они хотѣли „втихомолку устроить буржуазную аристократію, которая заступила бы мѣсто дворянства и духо-

Въ сущности, дѣло стояло такъ. Предстояло одно изъ двухъ: или Революція ограничится тѣмъ, что низвергла короля и, не постаравшись даже закрѣпить свое дѣло глубокимъ переворотомъ въ воззрѣніяхъ націи въ республиканскомъ смыслѣ, не сдѣлавши ничего, чтобы заинтересовать народныя массы въ совершившемся политическомъ переворотѣ, она успокоится на этомъ первомъ, своемъ успѣхѣ и предоставитъ Франціи отбиваться, какъ она сможетъ, отъ нашествія нѣмцевъ, англичанъ, испанцевъ и итальянцевъ, опирающихся на сторонниковъ королевской власти внутри самой страны.

Или же Революція теперь же сдѣлаетъ попытку идти дальше «въ смыслѣ Равенства», какъ тогда говорили. Она закончитъ, наконецъ, дѣло уничтоженія, безъ выкупа, феодальныхъ правъ и возвратитъ общинамъ право на мірскія земли, отобранныя у нихъ за послѣднія 200 лѣтъ; она положитъ начало обобществленію земли, признавши право каждаго на землю; она утвердитъ дѣло, начатое четыре года тому назадъ возставшими крестьянами и, съ поддержкою самихъ народныхъ массъ, будетъ искать, «какъ вывести бѣдныхъ изъ нищеты»; она попробуетъ ввести, если это будетъ возможно, не всеобщее равенство состояній, а «благосостояніе для всѣхъ», — «всеобщее благосостояніе». И ради этого она вырветъ власть изъ рукъ богатыхъ и передастъ ее въ руки общинъ и Народныхъ обществъ.

Глубокое различіе этихъ двухъ воззрѣній уже объясняетъ вполне кровавую борьбу, которая началась послѣ паденія королевской власти въ Конвентѣ, а съ нимъ вмѣстѣ и во всей Франціи. Всѣ остальные причины, обострившія борьбу, имѣютъ лишь второстепенное значеніе.

вѣнства“, говорилъ Бурдонъ изъ Оазы (Bourdon de l'Oise), 31 мая въ клубѣ Якобинцевъ („La Société des Jacobins“, протоколы, изданные Оларомъ, томъ V, стр. 220).

XLIII.

Требованія соціального характера. — Состояніе умовъ въ Парижѣ. — Ліонъ.

Какія бы рѣзкія столкновенія ни возникали между Горою и Жирондою въ Конвентѣ, борьба между ними, вѣроятно, затянулась бы надолго, если бы она ограничивалась стѣнами Законодательнаго Собранія. Но со времени казни Людовика XVI событія пошли ускореннымъ ходомъ, и раздѣленіе между революціонерами и противниками Революціи такъ рѣзко обозначилось во всей Франціи, что для неопредѣленной, ублюдочной партіи не было мѣста. Въ силу самихъ событій, Жирондисты, противясь дальнѣйшему развитію Революціи, неизбежно оказались, вмѣстѣ съ Фельянтами и роялистами, въ лагерѣ противо-революціонеровъ; и, какъ таковыхъ, Революція неизбежно должна была ихъ устранить.

Казнь короля глубоко отозвалась во всей Франціи. Если буржуазія была объята страхомъ при видѣ такой дерзости Горцевъ и дрожала теперь за свои имущества и жизнь, зато наиболѣе разумная часть народа увидала въ этомъ шагѣ новый поворотъ въ Революціи и стала надѣяться, что теперь, наконецъ, будетъ сдѣлано что-нибудь, чтобы открыть народу пути къ обѣщанному революціонерами благосостоянію для всѣхъ.

Велико, однако, было ихъ разочарованіе. Королевская власть исчезла, но высокомѣріе богатаго класса не уменьшалось, а увеличивалось. Оно рѣзко проявляло себя въ богатыхъ кварталахъ большихъ городовъ; оно было въ глаза, даже въ трибунахъ Конвента, открытыхъ для публики, гдѣ представители богатой буржуазіи, пышно разодѣтые, составляли своего рода аристократическій клубъ. И это—въ то время, когда нищета, все болѣе и болѣе черная, росла среди бѣднаго населенія Парижа, по мѣрѣ того, какъ подвигалась эта мрачная зима 1793 года, съ ея недостаткомъ хлѣба, безработицей, дороговизной припасовъ и паденіемъ курса

ассигнацій. Притомъ все это становилось еще болѣе мрачнымъ отъ извѣстій; прибывавшихъ отовсюду: съ границъ, гдѣ арміи таяли, какъ снѣгъ; изъ Бретани, гдѣ готовилось всеобщее возстаніе при поддержкѣ Англіи; изъ Вандеи, гдѣ сто тысячъ возставшихъ крестьянъ рѣзали «патріотовъ» (т.-е. революціонеровъ), подѣ благословеніями своихъ священниковъ; изъ Ліона, ставшаго оплотомъ контръ-революціи; изъ Казначейства Республики, пробивавшагося одними выпусками ассигнацій—и, наконецъ, изъ самаго Конвента, который топтался на мѣстѣ, истощаясь внутренними раздорами, безсильный что бы то ни было предпринять рѣшительное.

Все это, вмѣстѣ съ царившею въ странѣ нищетою, парализовало революціонные порывы. Въ Парижѣ рабочая бѣдность, т.-е. санъ-кюлоты, не являлись болѣе въ достаточномъ числѣ въ свои секціи, на вечернія общія собранія, и контръ-революціонеры изъ буржуазіи пользовались этимъ. Въ февралѣ 1793 года «золотая молодежь» (въ Парижѣ ихъ называли «les culottes dorées») овладѣвала секціями. Они являлись въ большемъ числѣ и проводили реакціонныя рѣшенія; или они смѣщали должностныхъ лицъ изъ санъ-кюлотовъ и, пуская въ ходъ свои дубинки, сами себя назначали на ихъ мѣста. Революціонерамъ пришлось по этому организоваться такъ, чтобы сосѣднія секціи прибѣгали по первому зову на помощь тѣмъ секціямъ, которыя па-воднялись буржуазными контръ-революціонерами.

Въ Парижѣ и въ провинціяхъ былъ даже поднятъ вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли устроить такъ, чтобы муниципалитеты платили по два франка въ день тѣмъ изъ бѣдныхъ рабочихъ, которые присутствовали на собраніяхъ секцій и занимали должности въ комитетахъ. Послѣ чего Жироидисты потребовали отъ Конвента, чтобы всѣ эти организаціи.—секціи, народныхъ обществъ и департаментскихъ федерацій—были распущены. Они даже не понимали, какою страшною силою обладалъ еще старый порядокъ, и не видѣли того, что подобная мѣра неизбѣжно обезпечила бы немедленное торжество контръ-революціи,—а слѣдовательно, гильотину и для нихъ самихъ.

Впрочемъ, несмотря на все это, секціи рабочихъ кварталовъ Парижа еще не падали духомъ. А тѣмъ временемъ новыя идеи вырабатывались въ умахъ, намѣчались новыя теченія, и люди искали, какъ выразить ихъ въ болѣе опредѣленныхъ выраженіяхъ.

Парижская Коммуна, получая отъ Конвента значительныя денежныя пособія для покупки зерна и муки, поддерживала въ Парижѣ, хотя и съ трудомъ, цѣну на хлѣбъ въ три су за фунтъ (около 6 копѣекъ). Но чтобы купить дешеваго хлѣба, надо было пр. стаивать добрую половину ночи на тротуарѣ, у дверей булочныхъ. Притомъ народъ понималъ, что Коммуна, покупая зерно и муку по тѣмъ высокимъ цѣнамъ, которыя поддерживали скупщики, тѣмъ самымъ обогащала ихъ на счетъ государства. Дѣло не выходило, такимъ образомъ, изъ заколдованнаго круга спекуляціи и наживы.

А между тѣмъ спекуляція достигла ужасающихъ размѣровъ. Она стала любимымъ средствомъ обогащенія нарождавшейся буржуазіи. Не только поставщики для арміи наживали крупныя состоянія въ самое короткое время, но на все шла такая же спекуляція въ большихъ и малыхъ размѣрахъ: на хлѣбъ, на муку, на кожи, на масло, на свѣчи, на жестъ и т. д.,—не говоря уже о колоссальныхъ спекуляціяхъ на продажѣ національныхъ имуществъ. На глазахъ у всѣхъ люди богатѣли со сказочною быстротою.

И вопросъ „Что же дѣлать?“ возникалъ тогда со всѣмъ трагизмомъ, какой онъ пріобрѣтаетъ въ минуты народнаго кризиса.

Тѣ, для кого лучшимъ, высшимъ средствомъ противъ всѣхъ общественныхъ золъ является „наказаніе виновныхъ“, ничего другого не сумѣли предложить, какъ смертную казнь спекуляторамъ, усовершенствованіе полицейской машины „общественной безопасности“ и революціоннаго суда—что представляло, въ сущности, не что иное, какъ возвратъ къ суду сентябрьскихъ дней, но только безъ его откровенности.

Однакоже въ предмѣстіяхъ Парижа уже вырабатывалось въ то время болѣе глубокое теченіе мысли, искавшее *построительныхъ* рѣшеній, и оно нашло свое выраженіе въ проповѣдяхъ одного рабочаго, Варлэ (Varlet), и одного бывшаго священника, Жака Ру (Roux), за которыми стояли всѣ тѣ „неизвѣстныя“, которые перешли въ исторію подъ прозвищемъ „Бѣшеныхъ“. Эти „Бѣшеные“ понимали, что теоріи о торговлѣ хлѣбомъ безъ всякихъ ограниченій, развиваемыя въ Конвентѣ Кондорсэ, Сіейсомъ и другими, совершенно ложны; и что жизненные припасы, разъ они поступаютъ въ торговлю въ недостаточномъ количествѣ, легко могутъ быть скупаемы спекуляторами,—особенно въ такую

революціонную пору. Они начали поэтому проповѣдывать необходимость коммунализациі (обобществленія) и націонализациі торговли, *необходимость организовать по всей Франціи обменъ продуктовъ по стоимости ихъ производства*,—мысль, которою вдохновились потомъ Годвинъ, Фурье, Робертъ Оуэнъ, Прудонъ и ихъ социалистическіе послѣдователи.

Эти „Бѣшеные“ также поняли—и мы увидимъ, что ихъ идеи вскорѣ начали прилагаться на практикѣ,—что недостаточно обезпечить каждому „право на трудъ“, или даже „право на землю“: что необходимо еще, чтобы исчезла также *коммерческая эксплуатация*, а для этого необходимо *обобществленіе торговли* ¹⁾.

Въ то же время въ обществѣ происходило довольно серьезное движеніе противъ большихъ состояній, скоплявшихся въ однихъ рукахъ,—нѣчто подобное тому, что происходитъ теперь въ Соединенныхъ Штатахъ противъ состояній, быстро наживаемыхъ при помощи трестовъ. Лучшими умами того времени была указана невозможность основать демократическую республику, если не вооружить ее противъ чудовищнаго неравенства состояній, которое тогда уже намѣчалось и грозило еще усилиться.

Движеніе противъ монополій и спекуляціи на жизненные припасы неизбежно привело также къ движенію противъ ажіотажа на биржѣ и биржевой игры на курсъ ассигнацій. 3 февраля 1793 года делегаты Коммуны сорокавосьми секцій и „соединенныхъ защитниковъ 84 департаментовъ“ пришли требовать отъ Конвента закона противъ искусственнаго пониженія курса ассигнацій, вызываемаго ажіотажемъ, т. е. биржевой игрой. Они просили, чтобы декретъ Учредительнаго Собранія, признавшій денежные знаки товаромъ, былъ отмѣненъ, и чтобы смертная казнь была назначена за спекуляцію на курсъ ассигнацій ²⁾.

¹⁾ Геній Мишлѣ прекрасно уловилъ значеніе народнаго коммунистическаго движенія этихъ лѣтъ, и великій историкъ уже указалъ главные его черты. Жоресъ, въ своей „Исторіи Революціи“ („Конвентъ“, т. II), далъ теперь болѣе подробныя и очень интересныя свѣдѣнія объ этомъ движеніи въ Парижѣ и Лионѣ.

²⁾ Могъ ли ажіотажъ повліять на курсъ ассигнацій? Этотъ вопросъ ставили себѣ нѣкоторые историки и отвѣчали на него отрицательно. Паденіе цѣнъ на ассигнаціи, говорили они, зависѣло отъ слишкомъ большого количества знаковъ, выпущенныхъ въ обращеніе. Это правда; но тѣ, кто слѣдилъ за колебаніями цѣнъ на хлѣбъ на международномъ рынкѣ, или же на хлопкѣ на ливерпульской

Какъ 'видно изъ сказаннаго, во Франціи росло общее недовольство и происходило движеніе бѣдныхъ классовъ противъ богатыхъ, которые извлекли изъ Революціи всякія для себя выгоды и противились теперь тому, чтобы она пошла на пользу бѣднымъ. Поэтому, когда санъ-кюлоты, явившіеся въ Конвентъ съ вышеупомянутымъ требованіемъ, увидали, что и Якобинцы, въ томъ числѣ и ярый Сень-Жюсть, говорили противъ ихъ требованія,—очевидно, изъ боязни напугать буржуазію,—они прямо сказали имъ, что богатые потому не понимаютъ бѣдныхъ, что сами сытно обѣдаютъ каждый день.

Марать и тотъ попытался успокоить волненіе, выраженное въ петиціи секціи; онъ не одобрилъ ихъ требованій и защищалъ Монтаньяровъ и депутатовъ города Парижа, говорившихъ въ Конвентѣ противъ заключеній депутаціи. Но Марать хорошо былъ знакомъ съ народною нуждою, и когда онъ выслушалъ, три недѣли спустя, рабочихъ женщинъ, явившихся въ Конвентъ 24 февраля, съ требованіемъ отъ законодателей защиты противъ спекуляторовъ, онъ сейчасъ же сталъ на сторону бѣдности. Въ очень горячей статьѣ своей газеты, отъ 25 февраля, онъ писалъ, что «отчаявшись въ способности законодателей принять крупныя мѣры», онъ совѣтуетъ «полное уничтоженіе этого проклятаго племени» — «капиталистовъ, спекуляторовъ и монополистовъ», которыхъ «подлые представители націи поощряютъ, обезпечивая имъ безнаказанность». Озлобленіе улицы чувствуется въ этой статьѣ, гдѣ Марать то требуетъ, чтобы главныхъ монополистовъ предали революціонному суду, то говоритъ народу, что если бы народъ ограбилъ нѣсколько магазиновъ, и «у дверей повѣсилъ бы скупщиковъ—тогда скоро прекра-

биржѣ, или на русскіе кредитные билеты на берлинской биржѣ (до введенія золотой валюты), безъ сомнѣнія, признаетъ, что наши дѣды были правы, когда приписывали биржевой игрѣ значительную долю ответственности за паденіе цѣнъ на ассигнаціи. Даже теперь, когда финансовыя операціи, несомнѣнно, обширнѣе, чѣмъ онѣ были въ 1793 году, биржевая игра всегда усиливаетъ, въ всякой пропорціи, результаты спроса и предложенія въ данную минуту. Если при те-перешней быстротѣ перевозки и обмѣна вообще, ажіотажу не уда-ѣтся надолго поднять цѣну на данный товаръ, или на данныя бума-ги, то онъ всегда вздуваетъ подъѣмъ или усиливаетъ паденіе, и сове-шенно несоразмѣрно увеличиваетъ временныя колебанія цѣнъ, которыя могли бы произойти или отъ измѣнившейся производи-тельности труда (напримѣръ, въ урожаѣ даннаго года), или отъ ко-лебаній спроса и предложенія. Въ этомъ преувеличеніи колебаній состоитъ секретъ всякой спекуляціи.

тились бы эти спекулянты, доводящая 25 миллионов народа до отчаянія и убивающая тысячи людей голодомъ.

Въ тотъ же день, 25 утромъ, народъ дѣйствительно ограбилъ нѣсколько лавокъ, унося изъ нихъ сахаръ, мыло и т. п., а въ предмѣстьяхъ поговаривали даже о новыхъ сентябрьскихъ дняхъ противъ спекуляторовъ, биржевиковъ и богатыхъ вообще.

Легко себѣ представить, какъ этимъ движеніемъ, хотя оно и не вышло за предѣлы маленькаго уличнаго бунта, воспользовались Жирондисты. Они стали увѣрять департаменты, что Парижъ сталъ разбойничьимъ гнѣздомъ, гдѣ никто не можетъ быть увѣренъ въ своей жизни. Пользуясь приведенною сейчасъ фразою Марата, они обвиняли Гору и парижанъ вообще въ желаніи перерѣзать всѣхъ богатыхъ. Коммуна не посмѣла поддержать этотъ бунтъ, и самому Марату пришлось отъ него отказаться, говоря, что волненіе было возбуждено роялистами. Что же касается до Робеспьера, то онъ не преминулъ свалить отвѣтственность на подкуны иностранцами.

Бунтъ, однакоже, не остался безъ послѣдствій. Конвентъ поднялъ съ четырехъ миллионовъ до семи пособіе, которое онъ отпускалъ Коммунѣ, чтобы хлѣбъ продавался по три су за фунтъ; а прокуроръ Коммуны, Шометъ, явился въ Конвентъ развивать мысль, которая впослѣдствіи была введена въ законъ о максимумѣ; а именно, что не на одинъ только хлѣбъ надо было установить разумныя цѣны. Нужно было, говорилъ онъ, «чтобы припасы второй необходимости» были также доступны народу. «Справедливое отношеніе между дневною заработною платою и цѣнами на предметы второй необходимости нарушено». «Бѣдные столько же сдѣлали для революціи, сколько и богатые, даже больше. Но тогда какъ все измѣнилось вокругъ богатыхъ, бѣдные остались въ томъ же положеніи; они ничего не выиграли отъ Революціи, кромѣ права жаловаться на свою нищету»¹⁾.

¹⁾ Шометъ, любимецъ народа, оказался здѣсь болѣе дальновиднымъ экономистомъ, чѣмъ многіе экономисты по профессіи; онъ указалъ на суть дѣла, когда говорилъ, какъ спекуляторы-скупщики увеличиваютъ зло, причиняемое войною и чрезмѣрнымъ выпускомъ ассигнацій. «Война съ морскою державою,—говорилъ онъ,—ужасныя событія въ нашихъ колоніяхъ, потери на вексельномъ курсѣ и, въ особенности, выпускъ ассигнацій въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ нужно было для экономическихъ сдѣлокъ,—вотъ нѣкоторыя изъ причинъ сильнаго подъема цѣнъ, отъ котораго мы страдаемъ; но насколько ужаснѣе ихъ дѣйствіе и насколько разорительнѣе ихъ

Движеніе, происшедшее въ Парижѣ въ концѣ февраля, сильно способствовало паденію Жиронды. Тогда какъ Робеспьеръ все еще надѣялся законнымъ путемъ парализовать Жирондистовъ въ Конвентѣ, „Бѣшеные“ поняли, что покуда Жиронда будетъ властвовать въ Собраніи, никакой экономической прогрессъ для народа невозможенъ. Они имѣли смѣлость громко заявить, что аристократія богатства, крупныхъ торговцевъ и финансовыхъ тузовъ воздвигается уже на развалинахъ дворянской аристократіи, и что она настолько сильна въ Конвентѣ, что коалиція королей никогда не рѣшилась бы напасть на Францію, если бы не рассчитывала на ея поддержку. Весьма вѣроятно даже, что Якобинцы и Робеспьеръ сказали себѣ тогда, что надо воспользоваться Бѣшенными, чтобы раздавить Жиронду; а потомъ видно будетъ, смотря по ходу дѣлъ,—послѣдовать ли за ними дальше, или же бороться противъ нихъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что мысли, сродныя тѣмъ, которыя высказывалъ Шометъ, сильно бродили тогда въ умахъ народа во всѣхъ большихъ городахъ. Дѣйствительно, всю тяжесть революціи выносили бѣдные на своихъ плечахъ; но въ то время, какъ богатые еще больше богатели, бѣднымъ ничего не доставалась, кромѣ безработицы и дороговизны жизни. Даже тамъ, гдѣ не было народныхъ движеній, подобныхъ совершавшимся въ Парижѣ и Ліонѣ, бѣдные должны были приходить къ тому же заключенію. И вездѣ они видѣли, что Жирондисты становятся центромъ для объединенія тѣхъ, кто противится ихъ намѣренію использовать Революцію для улучшенія судьбы народныхъ массъ.

Въ Ліонѣ борьба представлялась именно въ этой формѣ. Очевидно, что въ этомъ большомъ мануфактурномъ городѣ, гдѣ заработокъ рабочимъ давало производство предметовъ роскоши (шелковыхъ матерій), нищета должна была стать ужасной, такъ какъ это производство неизбѣжно пріостановилось. Работы не было, а цѣны на хлѣбъ стояли „голодные“, т.-е. шесть су (около 12 копѣекъ) за фунтъ.

Двѣ партіи выступали тогда другъ противъ друга въ Ліонѣ, какъ и вездѣ: народная партія, представителемъ

результаты, когда рядомъ съ этимъ существуютъ эгоистическіе инстинкты—скупички, и когда общественное горе становится предметомъ жадныхъ спекуляцій множества капиталистовъ, не знающихъ куда имъ дѣвать громадныя суммы денегъ, полученныя ими изъ ликвидацій“.

которой были Лоссель (Laussel) и въ особенности Шальё (Chalier), и партія „коммерсантской“ буржуазіи, которая объединялась вокругъ Жирондистовъ — въ ожиданіи того времени, когда можно будетъ открыто перейти къ Фельянтамъ. Мэромъ Ліона былъ Нивьеръ-Шоль (Nivière-Chol), Жирондистъ, негодіантъ и выдающійся человекъ буржуазной партіи. Много не присягнувшихъ конституціи священниковъ скрывалось тогда въ городѣ, котораго населеніе всегда имѣло склонность къ мистицизму; много было также агентовъ, присланныхъ эмигрантами; такъ что Ліонъ сталъ сборнымъ мѣстомъ для конспираторовъ изъ Жалеса (см. гл. XXXI), изъ Авиньона, Шамбери и Турина.

Противъ нихъ народъ выставялъ Коммуну, въ которой самыми популярными людьми были Шальё, бывший священникъ, мистическій коммунистъ, и Лоссель, тоже бывший священникъ. Бѣдныя боготворили Шальё, который неустанно гремѣлъ противъ богатыхъ.

Въ настоящее время трудно еще разобраться въ ліонскихъ событіяхъ, происшедшихъ въ первые дни марта 1793 года. Извѣстно только, что безработица и нищета были тогда ужасны, и что среди рабочихъ шло сильное броженіе. Они требовали таксы на хлѣбъ, а также и на тѣ припасы, которые Шометъ называлъ „припасами второй необходимости“ (вино, дрова, масло, мыло, кофе, сахаръ и т. п.). Они требовали также запрещенія биржевой торговли денежными знаками и хотѣли установить тарифы заработной платы въ различныхъ отрасляхъ производства. Шли также разговоры о томъ, чтобы избить или гильотинировать главныхъ скупщиковъ, и Ліонская Коммуна, вѣроятно основываясь на декретѣ Законодательнаго Собранія отъ 27 августа 1792, приказала сдѣлать общіе обыски (подобные тѣмъ, которые были сдѣланы 29 августа въ Парижѣ), чтобы захватить заговорщиковъ — роялистовъ, скрывавшихся въ Ліонѣ.

Роялисты и Жирондисты силотились, однако, вокругъ мэра Нивьеръ-Шоля. Имъ удалось овладѣть муниципалитетомъ, и они собирались жестоко наказывать народъ, такъ что Конвентъ долженъ былъ вступиться, чтобы помѣшать избіенію патріотовъ, и послать для этого въ Ліонъ своихъ комиссаровъ. Тогда, поддержанные этими комиссарами, революціонеры снова овладѣли секціями. Мэръ вынужденъ былъ подать въ отставку, и на его мѣсто, 9 марта, былъ избранъ революціонеръ, другъ Шальё.

Борьба этимъ, впрочемъ, не закончилась, и мы еще вернемся къ ней, чтобы рассказать, какъ въостѣдствіи Жирондисты снова взяли верхъ и произвели, въ концѣ мая, избіеніе народа и патріотовъ вообще. Пока намъ важно только отмѣтить, что въ Ліонѣ, какъ и въ Парижѣ, Жирондисты служили центромъ для объединенія не только тѣхъ, кто противился народной революціи, но и всѣхъ тѣхъ, — роялистовъ и фельянтовъ, — кто не хотѣлъ Республики ¹⁾.

Необходимость положить конецъ политической власти Жирондистовъ чувствовалась, такимъ образомъ, все сильнѣе, когда измѣна Дюмурье дала Горѣ новую силу.

¹⁾ 15 апрѣля ліонская буржуазія послала въ Конвентъ делегацію отъ тѣхъ секцій, гдѣ она владычествовала, чтобы объявить правительству, что городъ „стонетъ подъ игомъ якобинскаго муниципалитета“, который безпрестанно дѣлаетъ нападенія на собственность богатыхъ купцовъ. Она приглашала также парижанъ сдѣлать у себя усиліе и овладѣть секціями.—Въ концѣ апрѣля Жирондистъ Нетіонъ, мэръ Парижа, издалъ свое „Письмо Парижанамъ“, въ которомъ онъ взывалъ къ буржуазіи, противъ народа, въ такихъ выраженіяхъ: „Ваша собственность—въ опасности, и вы закрываете глаза на эту опасность... Надъ вами совершаютъ насилія всякаго рода, и вы ихъ терпите“. Это было прямое воззваніе къ буржуазіи противъ народа.

XLIV.

Война. Вандея.—Измѣна Дюмурье.

Въ началѣ 1793 года положеніе на театрѣ войны представлялось въ очень мрачномъ видѣ. Успѣхи, одержанные предыдущей осенью, не продолжались. Чтобы снова перейти въ наступленіе, надо было пополнить арміи, а волонтеровъ записывалось все менѣе и менѣе. Въ февралѣ рассчитывали, что потребуется, по крайней мѣрѣ, 300.000 человекъ, чтобы заполнить пробѣлы въ рядахъ и довести дѣйствующія войска до полумилліоннаго состава. Но на однихъ волонтеровъ, для такого громаднаго войска, уже нельзя было положиться. Нѣкоторые департаменты, какъ, напримѣръ, Варъ и Жиронда, продолжали высылать чуть не цѣлыя маленькія арміи, но были другіе, которые ничего не давали ¹⁾.

Тогда Конвентъ увидать себя вынужденнымъ объявить, 24 февраля 1793 года, наборъ въ 300.000 человекъ, которыхъ распредѣлили по столько-то человекъ на каждый департаментъ, и по столько-то на каждый округъ и коммуну. Коммуны должны были сперва вызвать волонтеровъ; но если это не давало нужнаго числа людей, тогда коммуны должны были набирать остальныхъ,—тѣмъ способомъ, какой онѣ сами найдутъ лучшимъ, т.-е. либо по жребію, либо по личному назначенію общиною; при чемъ въ обоихъ случаяхъ дозволялось найти замѣстителя. Чтобы побудить къ поступленію на службу, Конвентъ не только обѣщалъ пенсіи солдатамъ, но также давалъ имъ возможность покупать національныя имущества, выплачивая каждый годъ своею

¹⁾ Народъ, конечно, зналъ, какъ приняты были волонтеры 1792 года генералами и генеральными штабами, принадлежавшими, почти всѣмъ, къ роялистамъ. Никто не хотѣлъ брать ихъ въ свои полки; говоритъ Авенель, изучавшій архивы военнаго министерства. Ихъ обзывали „дезорганизаторами“, трусами, и разстрѣливали за первую ошибку; противъ нихъ возбуждали линейныя войска (Avenel, „Lundis révolutionnaires“, стр. 8).

пенсією, десятую часть покупной цѣны. Для этой операціи было ассигновано имуществъ на 400 милліоновъ ¹⁾).

Недос атокъ въ деньгахъ былъ, въ это время, ужасный, и Камбонъ безусловно честный человѣкъ, которому предоставлена была почти полная диктатура финансовъ, былъ вынужденъ сдѣлать новый выпускъ ассигнацій, т.-е. кредитныхъ билетовъ, на 800 милліоновъ. Ассигнаціи, какъ уже сказано было раньше, обезпечивались тѣмъ, что будетъ поступать отъ продажи церковныхъ имуществъ и конфискованныхъ государствомъ имѣній эмигрантовъ-роялистовъ. Но самыя доходныя изъ имуществъ духовенства—земли—были уже проданы, а имѣнія эмигрантовъ продавались очень плохо. Ихъ покупали неохотно, такъ какъ вообще боялись, что они будутъ отобраны у покупателей, какъ только эмигранты вернутся во Францію. Въ такихъ условіяхъ, Камбону становилось все труднѣе и труднѣе покрывать постоянно возрастающіе расходы на военныя потребности ²⁾).

Впрочемъ, главное затрудненіе на театрѣ войны было не столько въ деньгахъ, сколько въ офицерахъ. Большинство офицеровъ и почти все высшее начальство были противъ Революціи, тогда какъ система выбора офицеровъ солдатами недавно введенная Конвентомъ, не могла дать офицеровъ высшихъ чиновъ, раньше чѣмъ черезъ нѣсколько лѣтъ. Въ данную минуту генералы и высшіе чины вообще не внушали доверія войскамъ, и за измѣною Лафайета дѣйствительно скоро послѣдовала измѣна Дюмурье.

Мишло былъ совершенно правъ, предположивши, что Дюмурье, когда онъ выѣхалъ изъ Парижа къ своей арміи, черезъ нѣсколько дней послѣ казни Людовика XVI, уже несъ измѣну въ своемъ сердце. Онъ видѣлъ, что Гора взяла верхъ, и конечно понималъ, что казнь короля открывала въ Революціи новую страницу. Революціонеровъ онъ глубоко ненавидѣлъ и долженъ былъ рѣшить, что его мечта—водворить порядокъ, вернувши Францію къ Конституціи 1791

¹⁾ Все осталось, однако, повидимому, въ видѣ обѣщаній (см. статью Авенэля, „Национальныя имущества“, въ его *Lundis révolutionnaires*“).

²⁾ Нѣкоторыя революціонныя секціи Парижа предложили заложить все свои имущества, какъ гарантію выпущеннымъ ассигнаціямъ. Ихъ предложеніе не было принято, но въ немъ была вѣрная мысль. Если нація ведетъ войну, нужно чтобы тягость ея несли имущіе классы не только наравнѣ съ людьми живущими своимъ заработкомъ, но и больше ихъ.

года и посадивъ герцога Орлеанскаго на престолъ, — можетъ осуществиться только при содѣйствіи австрійцевъ. Съ этого момента онъ уже долженъ былъ рѣшиться на измѣну.

Въ то время Дюмурье былъ въ тѣсной связи съ Жирондистами. Онъ состоялъ даже въ интимныхъ сношеніяхъ съ Жансономъ, однимъ изъ видныхъ людей этой партіи, вплоть до апрѣля мѣсяца. Но онъ не порывалъ связи и съ Монтаньярами, которые, правда, сомнѣвались въ немъ (Марать открыто называлъ его измѣнникомъ), но не чувствовали себя въ силахъ его отстранить. Его столько восхвалили за побѣды при Вальми и Жемаппѣ, истинная подкладка отступленія пруссаковъ такъ мало была извѣстна въ большой публикѣ, и солдаты, особенно линейныхъ войскъ, такъ обожали своего генерала, что нападать на него значило бы вооружить противъ себя армію, которую онъ легко могъ повести на Парижъ, противъ Революціи. Оставалось, слѣдовательно, выжидать и зорко присматриваться къ нему.

Въ это время началась война съ Англіей. Какъ только извѣстіе о казни Людовика XVI было получено въ Лондонѣ, англійское правительство вернуло французскому посланнику вѣрительныя грамоты и велѣло ему покинуть Соединенное Королевство. Но казнь короля была, очевидно, только предлогомъ. Теперь дѣйствительно извѣстно, изъ дневниковъ Мерси (Mercy), что англійское правительство вовсе не такъ нѣжно относилось къ французскимъ роялистамъ и тщательно избѣгало всего того, что могло бы дать имъ силу. Торіи (консерваторы), находившіеся во власти, просто поняли, что для Англіи наступилъ моментъ подорвать соперничество Франціи на моряхъ и отнять у нея колоніи и, можетъ-быть, даже одинъ изъ ея большихъ портовъ: во всякомъ случаѣ — ослабить ее на морѣ. Торійское правительство воспользовалось теперь впечатлѣніемъ, произведеннымъ въ Англіи казнью короля, чтобы двинуть страну къ войнѣ и, кстати, заглушить зарождавшееся революціонное настроеніе у себя дома.

Къ несчастью, французскіе политическіе люди не поняли неизбежности войны съ Англіей. Не только Жирондисты — въ особенности Бриссо, гордившійся своимъ воображаемымъ знаніемъ Англіи, — но также и Дантонъ, надѣялись все время, что Виги (либералы), часть которыхъ увлекалась идеями свободы, низвергнуть торійское правительство Питта и тогда прекратить войну съ Франціей. Въ дѣйствительности же,

вся англійская нація вскорѣ оказалась заодно, когда сообразила, какія торговля выгоды можно было извлечь изъ войны. Нужно также сказать что англійскіе дипломаты сумѣли воспользоваться честолюбивыми замыслами французскихъ государственныхъ людей. Дюмурье они внушили мысль, что именно онъ тотъ человекъ, который имъ нуженъ и съ кѣмъ они согласны вести переговоры; и ему они обѣщали свое содѣйствіе, чтобы возстановить конституціонную монархію. А Дантона они увѣряли, что Виги скоро вернутся во власть и заключать миръ съ республиканскою Франціею ¹⁾. Вообще они маневрировали такъ, что могли свалить отвѣтственность за войну на Францію, когда Конвентъ, 1 февраля 1793 года, объявилъ войну Соединенному Королевству.

Война съ Англіею измѣняла все положеніе дѣлъ на сѣверной границѣ. Овладѣть Голландіею, чтобы не дать высадиться здѣсь англійскимъ войскамъ, становилось необходимою. Но именно этого Дюмурье не сдѣлалъ предыдущей осенью, несмотря на приказанія Дантона. Потому ли, что онъ не считалъ себя въ силахъ это совершить, или потому, что не хотѣлъ этого,—во всякомъ случаѣ въ декабрѣ онъ уже занялъ свои зимнія квартиры въ Бельгін, чѣмъ, конечно, возбудилъ неудовольствіе бельгійцевъ противъ Франціи. Главнымъ его военнымъ складомъ былъ Льежъ.

До настоящаго времени еще не выяснены всѣ обстоятельства измѣны Дюмурье. Весьма вѣроятно только то, что, согласно догадкѣ Мишлэ, онъ уже 26 января, уѣзжая изъ Парижа, рѣшился на измѣну. Его походъ, въ концѣ февраля, на Голландію, когда онъ овладѣлъ Бредою и Гертрюнденберге, повидимому, былъ уже не что иное какъ маневръ, сдѣланный по соглашенію съ австрійцами. Во всякомъ случаѣ, онъ прекрасно послужилъ австрійской арміи, такъ какъ 1 марта она могла вступить въ Бельгію и безъ всякаго труда овладѣла Льежемъ, котораго жители тиетно просили Дюмурье выдать имъ оружіе. Льежскіе патріоты вынуждены были бѣжать изъ страны, а французская армія была въ полномъ разбродѣ, такъ какъ генералы не хотѣли помогать другъ другу; Дюмурье же былъ далеко, въ Голландіи. Трудно было, въ самомъ дѣлѣ, лучше услужить австрійцамъ.

¹⁾ См. Albert Sorel, „L'Europe et la Révolution française“, кн. II, гл. II, стр. 373 и слѣд. Также Авенель, выше указанное сочиненіе.

Легко себѣ представить, какое впечатлѣніе произвели эти извѣстія въ Парижѣ, тѣмъ болѣе, что вслѣдъ за ними пришли и другія, еще болѣе тревожныя. 3 марта стало извѣстнымъ, что въ Бретани должно немедленно начаться возстаніе противъ Революціи. Въ то же время въ Ліонѣ реакціонныя батальоны, составленные изъ «сыновей хорошихъ семействъ», поднялись противъ революціонной Коммуны города Ліона,—какъ разъ въ то время, когда дворяне-эмигранты, собравшіеся въ Туринѣ, переходили границу и вступали, вооруженные, во Францію, при поддержкѣ Сардинскаго короля. Наконецъ, 10 марта возсталъ Вандея,—обширная область въ западной Франціи, между Бретанью и рѣкою Луарою. Ясно было, что всѣ эти движенія, какъ и въ предыдущемъ году, составляли часть одного обширнаго плана контръ-революціонеровъ.

Дантонъ былъ въ то время въ Бельгій, и его вызвали безотлагательно. Онъ прибылъ въ Парижъ 8 марта, произнесъ одно изъ своихъ могучихъ воззваній къ партіотизму и объединенію, которыя заставляли биться всѣ сердца, и Коммуна снова вывѣсила черное знамя. Отечество снова было объявлено въ опасности.

Добровольцы сѣвшили записываться, и 9 вечеромъ гражданскій прощальный ужинъ былъ устроенъ на открытомъ воздухѣ, на улицахъ Парижа, передъ ихъ выступленіемъ. Но то не было уже юношеское увлеченіе 1792 года. Напротивъ того, мрачная энергія воодушевляла добровольцевъ; а сердца бѣднаго народа въ предмѣстіяхъ болѣли отъ раздоровъ, раздражавшихъ Францію. Говорятъ, будто Дантонъ сказалъ въ этотъ день: «Нужно было бы возстаніе въ Парижѣ!» И дѣйствительно, нужно было бы возстаніе, чтобы стряхнуть упадокъ силъ, овладѣвавшій народомъ.

Чтобы бороться съ трудностями, дѣйствительно ужасными, осаждавшими Революцію со всѣхъ сторонъ, и чтобы покрыть громадныя расходы, вызванныя согласнымъ выступленіемъ противу-революціонеровъ, виѣшнихъ враговъ и внутреннихъ противниковъ Революціи, нужно было бы потребовать пособія отъ той буржуазіи, которая нажилась, благодаря Революціи. Но именно этого не хотѣли правители Франціи.

Они противились такой мѣрѣ уже по принципу, такъ какъ считали, что накопленіе богатствъ въ рукахъ частныхъ людей—лучшее средство для обогащенія націи; но съ другой стороны, они боялись, какъ бы не вызвать въ большихъ городахъ всеобщее возстаніе бѣдныхъ противъ богатыхъ.

Сентябрьскіе дни, особенно 4 и 5 сентября, были еще свежи въ памяти. — „Что же это будетъ, — думали они, — если цѣлый классъ — всѣ бѣдные — поднимется противъ другого класса — всѣхъ богатыхъ? Это была бы гражданская война въ каждомъ городѣ, — притомъ, въ такую пору, когда на западѣ возстаютъ Бретань и Вандея, поддерживаемыя Англіею, дворянствомъ, эмигрантами, собравшимися на островѣ Джерсеѣ, папою и всѣмъ духовенствомъ, а на сѣверѣ вторгаются австрійцы, и армія Дюмурье готова идти вмѣстѣ съ ними на Парижъ, усмирять парижанъ.“

Въ такихъ условіяхъ, такъ называемые „руководители революціонной мысли“ (*les chefs d'opinion*, какъ тогда говорили), принадлежавшіе къ партіи Горы и Коммуны, старались, прежде всего, успокоить панику, показывая видъ, что они довѣряютъ Дюмурье. Робеспьеръ, Дантонъ и Маратъ, составляя родъ уметвеннаго триумvirата — руководители мѣстной — и поддерживаемые Коммуной, стали говорить въ этомъ смыслѣ. Они старались, прежде всего, поднять духъ, разжечь сердца, чтобы дать силу Франціи отразить нашествіе, явившееся въ этомъ году гораздо болѣе опаснымъ, чѣмъ предыдущею осенью. Всѣ стали работать въ одномъ направленіи, — всѣ, кромѣ Жирондистовъ: эти видѣли только „анархистовъ“, которыхъ надо было раздавить, истребить, казнить!

10 марта Парижъ волновался; боялись возобновленія сентябрьскихъ убійствъ. Но озлобленіе народа было отведено въ сторону и направлено противъ журналистовъ, друзей Дюмурье. Кучка народа пошла разбивать станки Жирондистскихъ газетъ, издаваемыхъ Горзасомъ и Фьево.

Въ сущности, народъ хотѣлъ вовсе не этого. Возбуждаемый Варлэ (*Varlet*), Жакомъ Ру, Фуриье-американцемъ и другими „бѣшенными“, онъ хотѣлъ «очищенія Конвента», т.-е. удаленія изъ него реакціонеровъ-жирондистовъ. Но это требованіе въ секціяхъ подмѣнили пустымъ требованіемъ революціоннаго трибунала. Мэръ Нашъ и прокуроръ Коммуны Шометъ пришли, поэтому, 9 марта, въ Конвентъ, требуя назначенія такого судилища. Ихъ поддержалъ Камбасерэсъ (ставшій впослѣдствіи „архи-совѣтникомъ“ Наполеоновской Имперіи). Отказываясь отъ установленныхъ тогда понятій о необходимости раздѣленія между властями — законодательною и судебною, — онъ предложилъ Конвенту взять судебную власть тоже въ свои руки и назначить особое судилище, чтобы карать измѣнниковъ.

Робертъ Лендэ (Lindet), адвокатъ старой монархической школы, предложилъ тогда трибуналъ, составленный изъ судей, назначаемыхъ Конвентомъ, и обязанный судить тѣхъ, кого Конвентъ предастъ его суду. Онъ не хотѣлъ даже, чтобы были присяжные, и только послѣ долгихъ преній рѣшено было прибавить къ пяти судьямъ, назначаемымъ Конвентомъ, двѣнадцать присяжныхъ и шесть замѣстителей, взятыхъ въ Парижѣ и сосѣднихъ департаментахъ и также назначаемыхъ Конвентомъ, срокомъ на одинъ мѣсяцъ.

Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы принять мѣры противъ биржевого мошенничества и спекуляцій, и мѣры для того, чтобы сдѣлать съѣстные припасы доступными бѣдному народу, вмѣсто того, чтобы очистить Конвентъ отъ членовъ, всегда становившихся попереку всякихъ революціонныхъ мѣръ, и вмѣсто обсужденія военныхъ мѣръ, вынужденныхъ мѣною Дюмурье, въ этотъ день почти-что уже подтвержденною, — возстаніе 10 марта ничего не давало, кромѣ революціоннаго суда. На мѣсто *творческаго, строительнаго* ума народной Революціи, искавшей своихъ путей, подставляли духъ полицейскаго сыска, который вскорѣ и задавилъ революціонное народное творчество.

На этомъ Конвентъ уже собирался расходиться, когда Дантонъ бросился на трибуну и остановилъ представителей, уже выходившихъ изъ залы, напоминая имъ, что непріятель вступаетъ во Францію, и что ничего еще не сдѣлано, чтобы отразить нашествіе.

Въ тотъ же день, въ Вандей, крестьяне, возбуждаемые духовенствомъ и дворянами, начинали всеобщее возстаніе и избіеніе республиканцевъ. Возстаніе давно уже готовилось по наущенію Рима. Въ августѣ 1792 года была даже сдѣлана первая попытка возстанія, какъ разъ въ то время, когда пруссаки вступили во Францію. Съ тѣхъ поръ городъ Анжеръ сталъ политическимъ центромъ духовенства, отказавшагося присягнуть конституціи; тогда какъ монахины Св. Премудрости служили эмиссарами духовенства для развозки воззваній и распространенія всякихъ разсказовъ о чудесахъ, доказывавшихъ необходимость возстанія¹⁾. Теперь рекрутскій наборъ, объявленный Конвентомъ 10 марта, давалъ сигналъ ко всеобщему бунту. Вскорѣ, вслѣдъ за тѣмъ, по предложенію Катинно, крестьянина-каменщика и церков-

¹⁾ Ср. Мишлэ, книга X, гл. V.

наго старосты въ своемъ приходѣ, ставшаго однимъ изъ самыхъ смѣлыхъ начальниковъ бандъ, во главѣ возстанія былъ поставленъ верховный совѣтъ, главою котораго былъ назначенъ священникъ Бернѣ.

10 марта ударили въ набатъ въ нѣсколькихъ стахъ приходахъ, и около 100.000 человекъ бросили работу и начали охоту на республиканцевъ и на присягнувшихъ конституціи священниковъ. Именно охоту, съ трубачомъ, который трубилъ въ рогъ, когда завидятъ звѣря, и давалъ сигналъ, когда начать травлю. Охоту и истребленіе, во время котораго враговъ, взятыхъ живьемъ, подвергали самымъ зверскимъ пыткамъ, убивая ихъ поемногу и отказываясь прикончить, или же отдавая ихъ на пытку женщинамъ, съ ихъ пожинцами, и даже дѣтямъ, чтобы еще болѣе продлить мученія. Все это дѣлалось подъ руководствомъ священниковъ, рассказывавшихъ крестьянамъ про всякія вымышленныя чудеса, чтобы вызвать также и истребленіе женъ республиканцевъ. Дворяне, со своими дамами-амазонками, пристали къ движенію только позже. И когда эти „честные люди“ назначили свой трибуналъ, чтобы судить республиканцевъ, раньше чѣмъ ихъ казнить, ихъ судъ, въ шесть недѣль, предалъ смерти 542 патриотовъ¹⁾.

Противъ этого дикаго возстанія Конвентъ могъ выставить только 2000 человекъ, разбѣянныхъ по всей Нижней Вандеѣ, отъ Нанта до Рошели. Лишь въ концѣ мая мѣста прибыли первые организованныя силы Республики. До того Конвентъ могъ бороться противъ возстанія одними декретами, предписывая смертную казнь и конфискацію имущества для дворянъ и для священниковъ, которые не вы-

¹⁾ „Каждый день“, писалъ одинъ священникъ-роялистъ, не присягнувшій конституціи, Франсуа Шевалье, цитируемый Шассеномъ: „каждый день происходили кровавыя экспедиціи, отъ которыхъ можетъ только содрогнуться каждая честная душа, и которыми можно защитить, только разсуждая философски“. (Они совершались по приказанію священниковъ, во имя религіи)... „Однакоже гдѣ дошло до того, что говорилось открыто, что для возстановленія мира необходимо и существенно не оставить въ живыхъ ни одного патриота во Франціи. Озлобленіе народа было таково, что достаточно было пойти къ обѣднѣ у одного изъ „вѣрныхъ“ (священниковъ, присягнувшихъ конституціи), чтобы быть арестованнымъ и потомъ убитымъ палками, или разстрѣленнымъ, подъ предлогомъ, что тюрьмы переполнены, какъ оно дѣлалось 2 сентября“. — Въ Машкулѣ, гдѣ было казнено 542 патриота, открыто проповѣдывалось избіеніе женъ. Шаретъ, — одинъ изъ Вандейскихъ предводителей — толкалъ на это слабо повиновавшихся ему, фанатизированныхъ крестьянъ.

бдуть изъ Ванден въ теченіе восьми дней! Но гдѣ же была сила, чтобы приводить въ исполненіе эти декреты?

Дѣла шли не лучше и въ восточной Франціи, гдѣ армія, подъ начальствомъ Кюстина, отступала передъ австрійцами. Въ Бельгіи же Дюмурье открыто возсталъ противъ Конвента 12 марта 1793. Онъ послалъ Конвенту письмо изъ Лувэна, упрекая Францію въ томъ, что она присоединила Бельгію и хотѣла ее разорить, введя ассигнаціи и продажу національных имуществъ. Шесть дней позже онъ атаковалъ австрійцевъ при Неервиндѣ, далъ себя разбить ими, а 22 марта, съ согласія герцога Шартрскаго (сына герцога Орлеанскаго) и орлеанистскихъ генераловъ, онъ уже вступилъ въ прямые переговоры съ австрійскимъ полковникомъ Макомъ. Измѣнники-генералы обязывались очистить Голландію безъ сраженія и *итти на Парижъ* возстановлять тамъ конституціонную монархію. Въ случаѣ надобности, ихъ обязывались поддержать австрійцы, которые должны были занять, въ видѣ гарантіи, одну изъ пограничныхъ крѣпостей, Кондэ.

Дантонъ, ставя на карту свою голову, бросился въ Бельгію: надѣясь помѣнять этой измѣнѣ. Онъ звалъ съ собою двухъ жирондистовъ Жансонна, друга Дюмурье, и Гюадэ, чтобы уговорить измѣнника Дюмурье и вернуть его Республикѣ; но когда ему не удалось убѣдить ихъ ѣхать съ нимъ, онъ повхалъ, 16 марта, одишъ, рискуя, что его самого обвинятъ въ измѣнѣ. Дантонъ нашелъ Дюмурье въ полномъ отступленіи, послѣ Неервиндѣ, и понялъ, что его измѣна безповоротна; дѣйствительно, онъ уже обязался передъ Макомъ очистить Голландію.

Ужасъ распространился въ Парижѣ, когда Дантонъ вернулся, 29 марта, и съ его прѣздомъ стало доподлинно извѣстно, что Дюмурье измѣнилъ. Армія, которая одна только могла остановить иностранное вторженіе, быть-можетъ, уже шла на Парижъ, противъ парижанъ.

Тогда сформировавшійся въ эти дни въ Парижѣ Комитетъ Возстанія, уже нѣсколько дней собиравшійся во дворцѣ Епископства подъ руководствомъ Бѣшеныхъ, увлекъ за собою Коммуну. Секціи вооружились и захватили артиллерию. Онѣ пошли бы, вѣроятно, противъ Конвента, если бы не взяли верхъ другіе совѣты, — людей, старавшіеся предотвратить панику и взаимное избіеніе революціонныхъ элементовъ.

31 апрѣля получило окончательное подтвержденіе измѣны Дюмурье: комиссаровъ, присланныхъ къ нему Кон-

вомъ, онъ велѣлъ заарестовать. Къ счастью, армія за нимъ не послѣдовала. Декретъ Конвента, ставившій измѣнника-генерала виѣзъ закона и повелѣвавшій арестовать герцога Шартрекаго, дошелъ-таки до войска, и ни генералу, ни герцогу Шартрскому не удалось увлечь за собою солдатъ. Дюмурье пришлось бѣжать за границу, какъ Лафайету, и сдаться подъ покровительство австрійцевъ.

На слѣдующій день онъ и австрійцы вмѣстѣ выпустили прокламацію, въ которой герцогъ Кобургскій возвѣщалъ французамъ, что идетъ вернуть Франціи ея законнаго конституціоннаго короля.

Въ самый разгаръ этого кризиса, когда неувѣренность насчетъ того, какое положеніе займетъ армія Дюмурье, ставила на карту самое существованіе Республики, три самыхъ вліятельныхъ члена Горы, — Дантонъ, Робеспьеръ и Маратъ, въ согласіи съ Коммуной (Пашемъ и Шометомъ), дѣйствовали вполнѣ единодушно, и они не дали развиться наникъ съ ея вѣроятными тяжелыми послѣдствіями.

Въ то же время Конвентъ, пользуясь обстоятельствами и подъ предлогомъ, что „недостатокъ единства“ мѣшалъ до снѣхъ поръ правильному веденію войны, рѣшилъ взять въ свои руки исполнительную власть, въ придачу къ законодательной. Онъ назначилъ „Комитетъ общественнаго спасенія“, которому далъ очень широкія, почти диктаторскія полномочія. И эта мѣра имѣла громадныя послѣдствія для всего дальнѣйшаго развитія Революціи.

Мы видѣли, что послѣ взятія Тюльери Законодательное Собраніе установило, подъ именемъ „Временнаго исполнительнаго совѣта“, министерство, которому и вручило всю исполнительную власть. Кромѣ того, въ январѣ 1793 года, Конвентъ назначилъ еще „Комитетъ общей обороны“, а такъ какъ война составляла въ эту пору главную заботу, Комитетъ защиты пріобрѣлъ право надзора надъ Временнымъ исполнительнымъ совѣтомъ. Теперь, чтобы придать больше единства правительству, Конвентъ создалъ „Комитетъ общественнаго спасенія“, выбравшійся Конвентомъ, и котораго составъ долженъ былъ возобновляться каждые три мѣсяца. Онъ заступалъ мѣсто, какъ Комитета обороны, такъ и Исполнительнаго совѣта. Предполагалось, что Конвентъ самъ бралъ на себя обязанности министерства; но на дѣлѣ, поемпогу, — какъ и слѣдовало ожидать, — Комитетъ общественнаго спасенія сталъ выше Конвента и пріобрѣлъ во

всѣхъ отрасляхъ управленія громадную власть, которую дѣлили только съ „Комитетомъ общественной безопасности“, завѣдывавшимъ полиціею.

Во время кризиса, разразившагося въ апрѣлѣ 1793 года. Дантонъ, уже принимавшій до того времени самое дѣятельное участіе въ веденіи войны, сталъ душою Комитета общественнаго спасенія, и онъ сохранилъ это вліяніе вплоть до 10 іюля 1793 года, когда подалъ въ отставку.

Наконецъ Конвентъ, который уже съ сентября 1792 года началъ посылать своихъ комиссаровъ въ департаменты и къ арміямъ съ очень широкими полномочіями, рѣшилъ послать съ такою же миссіею еще восемьдесятъ представителей, чтобы поднять духъ въ провинціяхъ и возбуждать энтузіазмъ къ войнѣ. А такъ какъ Жирондисты вообще отказывались отъ этихъ миссій (ни одинъ изъ нихъ не отправился къ арміямъ), то они охотно назначали Монтаньяровъ. — можетъ-быть, съ тайною мыслью усилиться такимъ образомъ въ Конвентѣ, въ ихъ отсутствіе.

Но, конечно, не эти мѣры реорганизации правительства предотвратили гибельныя послѣдствія, которыя могла бы имѣть измѣна Дюмурье, если бы армія послѣдовала за своимъ генераломъ. Фактъ тотъ, что для французскаго народа Революція имѣла такую притягательную силу, что разрушить вѣру въ Революцію не зависѣло отъ воли того или другого генерала. Измѣна Дюмурье, наоборотъ, придала войнѣ новый характеръ—народной, демократической войны.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ поняли также, что Дюмурье, одинъ, никогда бы не рѣшился на то, что онъ сдѣлалъ. У него должны были быть сильныя связи въ Парижѣ, въ Конвентѣ. Тамъ было гнѣздо измѣны. *Конвентъ измѣняетъ*, — такъ дѣйствительно говорилось въ адресѣ, выпущенномъ Якобинскимъ клубомъ въ день, когда измѣна стала извѣстной, и подписанномъ Маратомъ, который председательствовалъ въ клубѣ въ этотъ вечеръ.

Съ этого момента паденіе Жирондистовъ и ихъ удаленіе изъ Конвента стали непреодолимыми. Измѣна Дюмурье сдѣлала неизбѣжнымъ возстаніе 31 мая, кончившееся исключеніемъ изъ Конвента главныхъ Жирондистовъ.

XIV.

Неизбѣжность новаго возстанія.

31 мая—одинъ изъ знаменательныхъ дней Великой Революціи. — такой же знаменательный и такой же важности, какъ и 14 іюля и 5 октября 1789 года, 21 іюня 1791 и 10 августа 1792; но вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ-быть, и самый трагическій изъ всѣхъ. Въ этотъ день Парижскій народъ поднялся въ третій разъ, дѣлая послѣднее свое усиліе, чтобы придать Революціи дѣйствительно народный характеръ. И ради этого онъ долженъ былъ возстать, уже не противъ Двора и короля, но противъ Народнаго представительства — Конвента, — съ тѣмъ, чтобы добиться удаленія изъ его среды главныхъ представителей жирондистской партіи.

Двадцать первое іюня 1791 года, когда король былъ арестованъ народомъ въ Варениѣ, закончило собою одну эпоху; паденіе Жирондистовъ 31 мая 1793 года закончило другую. Отнынѣ невозможна будетъ серьезная Революція, если у нея не будетъ своего 31 мая. Или въ Революціи настанетъ день, когда пролетаріи отдѣлятся отъ буржуазныхъ революціонеровъ, чтобы идти дальше ихъ—туда, куда эти послѣдніе не могутъ идти, не переставая быть оуракузіею. Или же такого раздѣленія не совершится, и тогда это и будетъ революція. Это будетъ простая замѣна одной формы правленія другою.

Даже теперь, сто лѣтъ спустя, мы чувствуемъ весь трагизмъ положенія, въ которое были поставлены тогда республиканцы. Когда готовилось возстаніе 31 мая, рѣчь шла уже не о королѣ, нарушившемъ свои обѣщанія и клятвы и призвавшемъ на помощь иностранцевъ противъ своего народа. Войну приходилось объявить бывшимъ товарищамъ, — людямъ, совмѣстно боровшимся противъ короля.

Иначе реакція должна была начаться уже въ июнѣ 1793 года, когда главное дѣло Революціи — разрушеніе феодальнаго строя и единоличной королевской власти, — вовсе еще не было закончено. Республиканцамъ, стремившимся добиться осязательныхъ, существенныхъ результатовъ для народныхъ массъ, предстояло либо подвергнуть изгнанію республиканцевъ-Жирондистовъ, которые до того времени смѣло шли на приступъ противъ деспотизма, но теперь стали поперекъ дороги народу и говорили ему: „Дальше ты не пойдешь!“ либо поднять народъ, отстранить ихъ и, если нужно, перешагнуть даже черезъ ихъ трупы, чтобы закончить дѣло, начатое Революціею.

Трагизмъ этого положенія вполне чувствуется въ памфлетѣ Бриссо, „Своимъ избирателямъ“, о которомъ мы уже говорили.

Въ самомъ дѣлѣ, нельзя читать этотъ памфлетъ, не чувствуя, что въ немъ ребромъ поставленъ вопросъ о жизни или смерти. Бриссо ставитъ свою голову на карту въ своемъ воззваніи, гдѣ настойчиво требуетъ гильотины для тѣхъ, кого онъ называетъ анархистами. После появленія такихъ страницъ, оставалось только два выхода: или „анархисты“ дадутъ послать себя на гильотину, — после чего нуть будетъ открытъ реакціи, роялистамъ, и революція закончится, не достигнувъ главной своей цѣли; или же Жирондисты будутъ изгнаны изъ Конвента, и тогда имъ предстоитъ повиноваться.

Понятно, что не съ легкимъ сердцемъ рѣшились Горцы (Монтаньяры) призвать себя на помощь народное возстаніе, чтобы заставить Конвентъ выкинуть изъ своей среды главныхъ вожakovъ своего праваго крыла. Больше шести мѣсяцевъ они всячески пытались прійти къ какому-нибудь соглашенію. Дантонъ особенно старался найти компромиссъ, а Робеспьеръ, со своей стороны, трудился надъ тѣмъ, чтобы „парламентскимъ путемъ“ парализовать Жирондистовъ, не прибѣгая противъ нихъ къ силѣ. Даже Марать укрощалъ свою ярость, желая избѣжать гражданской войны. Но такимъ путемъ удалось только замедлить явный расколъ. И какою цѣною! Революція была совсѣмъ приостановлена. Ничего не предпринималось, чтобы закрѣпить одержанныя уже побѣды. Все жили изо дня въ день.

Въ провинціяхъ старый порядокъ сохранялъ еще громадную силу. Привилегированные классы только ждали момента, чтобы вновь завладѣть своими имуществами и мѣстами въ правительствѣ, и возстановить королевскую

власть и феодальныя права, еще не уничтоженныя по закону. При первомъ пораженіи республиканскихъ - армій старый порядокъ неизбѣжно бы возвратился. На югѣ, на юго-западѣ, на западѣ, массы крестьянъ все еще стояли за духовенство, за пану и, черезъ нихъ, за короля. Правда, что значительное количество земель, отобранныхъ у духовенства и бывшихъ дворянъ уже перешло въ руки буржуазіи, крупной и мелкой, а также и крестьянъ. Феодальныя повинности не платились и не выкупались крестьянами. *Но все это было только временное положеніе.* А что, если завтра народъ, истощенный нищетою и голодомъ, измученный войною, вери тся, усталый, разочарованный, въ свои мрачныя избѣ и городскія трущобы, и дастъ волю старому порядку, — развѣ старый порядокъ не вернется, торжествующій, и не утвердится, не далѣе какъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ?

Въ Конвентѣ, послѣ измѣны Дюмурьё, положеніе стало совершенно невозможнымъ. Чувствуя, какимъ пятномъ легла на нихъ измѣна ихъ любимаго генерала, Жирондисты съ удвоенною яростью напали на Монтаньаровъ. Обвиняемые въ потворствѣ измѣнѣ ку, они ничего не придумали лучшаго, какъ потребовать судебнаго преслѣдованія противъ Марата за воззваніе, выпущенное Якобинскимъ клубомъ 3 апрѣля, когда измѣна Дюмурьё стала извѣстною, и подписанное Маратомъ, предсѣдателемъ клуба въ этотъ вечеръ.

Пользуясь тѣмъ, что значительное число членовъ Горы было въ отсутствіи, такъ какъ они были разосланы комиссарами къ арміямъ и въ департаменты, Жирондисты потребовали отъ Конвента преслѣдованія противъ Марата. — что и было разрѣшено 12 апрѣля, а потомъ — отдачи его подъ судъ за проповѣдь убійства и грабежа. 13 апрѣля, Конвентъ выпустилъ повелѣніе объ арестѣ Марата, принятое большинствомъ 220 голосовъ противъ 92 изъ 367 присутствовавшихъ, при чемъ было 7 голосовъ за отсрочку и 48 подававшихъ голоса.

Это выступленіе Жирондистовъ кончилось, однако, полною неудачею. Народъ слишкомъ любилъ Марата, чтобы дать его осудить. Бѣдные чувствовали, что Маратъ — заодно съ народомъ и никогда ему не измѣнитъ. И чѣмъ болѣе мы изучаемъ Революцію, чѣмъ болѣе мы знакомимся съ дѣятельностью Марата и его пропагандою, тѣмъ болѣе мы убѣждаемся, какую ложную репутацію мрачнаго истребителя ему создали историки, преданные Жирондистамъ. Фактъ тотъ, что почти всегда, съ самыхъ первыхъ недѣль послѣ

созыва Генеральных Штатовъ, и въ особенности въ моменты кризисовъ. Марать лучше и вѣрнѣе понималъ общее положеніе дѣлъ и лучше предвидѣлъ ихъ ходъ, чѣмъ другіе,—въ томъ числѣ даже Дантонъ и Робеспьеръ.

Съ того дня, какъ Марать бросился въ революцію, онъ отдался ей всецѣло и жилъ въ полнѣйшей бѣдности, постоянно вынуждаемый скрываться въ подполье, въ то время, какъ другіе устраивались въ правительствѣ. Вплоть до своей смерти, онъ не измѣнилъ своего образа жизни, несмотря на развѣдавшую его лихорадку. Дверь его всегда была открыта для людей изъ народа. Онъ ошибался, когда думалъ, что диктатура помогла бы Революціи выбиться изъ ея тяжелаго положенія: но никогда, ни на минуту не подумалъ онъ о диктатурѣ для самого себя.

Какъ кровожадны ни были иногда его слова по отношенію къ придворной партіи,—въ особенности въ началѣ Революціи, когда онъ писалъ, что если не снести нѣсколько тысячъ головъ, ничего не будетъ сдѣлано, такъ какъ Дворъ раздавитъ революціонеровъ,—онъ всегда бережно относился къ тѣмъ, кто отдался Революціи, даже тогда, когда они въ свою очередь становились помѣхою ея дальнѣйшему развитію. Съ первыхъ же дней Конвента онъ понялъ и высказалъ, что имѣя въ своей средѣ сильную жирондистскую партію, Конвентъ будетъ обреченъ на безеніе. Но онъ старался избѣгнуть насильственнаго изгнанія Жирондистовъ, и тогда только сталъ сторонникомъ изгнанія ихъ изъ Конвента и организаторомъ возстанія 31 мая, когда убѣдился, что предстояло выбирать между Жирондою и Революціею. Если бы онъ былъ въ живыхъ въ 1794 году, то весьма вѣроятно, что терроръ не принялъ бы звѣрскаго характера, приданнаго ему членами Комитета общественной безопасности. Имъ не воспользовались бы, чтобы казнить, съ одной стороны, крайнюю партію Эбертистовъ, а съ другою—примирителей, какъ Дантона ¹⁾.

Насколько Марать любилъ народъ, настолько же его ненавидѣли буржуазные члены Конвента, особенно Равнина.

¹⁾ Марать былъ правъ, когда писалъ, что все изданное имъ въ началѣ Революціи — „*Oufrande a la patrie*“, „*Plan de Constitution*“, „*Législation criminelle*“ и первые сто номеровъ его газеты, „*Ami du peuple*“, были полны „осторожности, умѣренности и любви къ людямъ, къ свободѣ и къ справедливости“ (Chevrement, „*Marat*“, т. II, стр. 215). — Жоресъ, внимательно читавшій Марата, несомнѣнно, поможетъ болѣе правильному его пониманію, особенно четвертымъ томомъ св. ея Исторіи Революціи.

или Болото. Вотъ почему Жирондисты, желая добиться истребленія Горы, начали съ него: меньше было шансовъ, чтобы его стали защищать.

Но какъ только Парижъ узналъ, что противъ Марата былъ вынесенъ декретъ о заарестованіи, поднялась страшная агитация. 14 апрѣля вспыхнуло бы возстаніе, если бы Монтаньеры, включая Робеспьера и самого Марата, не уговаривали народъ успокоиться. Марать не дать себя заарестовать сейчасъ же, а 24 апрѣля явился самъ передъ судомъ. Присяжные, конечно, немедленно оправдали его, и тогда народъ понесъ его съ торжествомъ, на своихъ плечахъ, въ Конвентъ, а оттуда по улицамъ. Толпа ликовала, его осыпали цвѣтами.

Такимъ образомъ ударъ, подготовленный Жирондистами, обратился противъ нихъ самихъ, и съ этого дня они поняли, что имъ не оправиться отъ своей ошибки. Это было для нихъ „день траура“, какъ говорилось въ одной изъ ихъ газетъ. Бриссо сейчасъ же началъ писать памфлетъ „Своимъ избирателемъ“, гдѣ приложилъ все свои силы и таланты къ тому, чтобы возбудить страсти зажиточной, промышленной и коммерческой буржуазіи противъ „анархистовъ“.

Въ такихъ условіяхъ засѣданія Конвента обращались въ отчаянныя схватки между обѣими партіями, и Конвентъ терялъ уваженіе народа. Зато Парижская Коммуна пріобрѣтала все болѣе значенія какъ инициаторъ революціонныхъ мѣръ.

Но мѣръ того, какъ надвигалась зима 1792—1793 года, голодъ въ большихъ городахъ принимать все болѣе и болѣе мрачный характеръ. Муниципалитеты выбивались изъ силъ, чтобы добывать хлѣбъ, хотя бы только по четверти фунта въ день на каждого жителя. И ради этого, городскія управленія, особенно Парижская Коммуна, входили въ неоплатные долги государству.

Тогда Парижская Коммуна постановила взывать съ богатыхъ единовременный прогрессивный налогъ въ 12.000.000 ливровъ на военныя нужды. Если доходъ главы семейства доходилъ до 1500 ливровъ и приходилось по 1000 ливровъ на каждого другого члена семьи, то такой доходъ признавался представляющимъ *необходимое* и, какъ таковой, освобождался отъ налога. Только тѣ доходы, которые были выше этого „необходимаго“, считались „избыткомъ“ и плати налогъ: 30 ливровъ съ „избытка“ въ

2000 ливровъ; 50 ливровъ съ избытка отъ 2000 до 3000 ливровъ и т. д., вплоть до 20.000 ливровъ, взимающихся съ избытка въ 50.000.

По тѣмъ временамъ, какія переживала Франція, имѣя войну на рукахъ и страдая отъ голода, это еще было довольно скромно. Налогъ тяжело падалъ только на крупныя состоянія. тогда какъ семья въ шесть человѣкъ, имѣвшая, напримѣръ, 10.000 ливровъ годового дохода, платила всего 100 ливровъ этого единовременнаго налога. Но богатые подняли, тѣмъ не менѣе, отчаянный крикъ, тогда какъ Шометъ, внесшій предложеніе о налогѣ и на котораго Жирондисты были злы больше всѣхъ пссѣ Марата, говорилъ такъ: „Ничто не заставитъ меня измѣнить моихъ принциповъ и съ головою подъ ножомъ гильотины я все-таки скажу: „Бѣдные все сдѣлали до сихъ поръ; пора и богатымъ сдѣлать что-нибудь въ свою очередь“. Я буду кричать, что пора сдѣлать полезными, хотя бы и противъ ихъ воли, всѣхъ эгоистовъ, всѣхъ молодыхъ бездѣльниковъ, и дать отдыхъ полезному и почтенному рабочему“.

Жирондисты прониклись еще болѣею ненавистью къ Коммунѣ за то, что она пустила мысль объ этомъ налогѣ. Но легко представить себѣ ненависть, которую почувствовала къ ней буржуазія, когда Камбонъ внесъ въ Конвентъ, 20 мая, проектъ принудительнаго займа въ одинъ миллиардъ. которъ онъ предлагалъ взыскать съ богатыхъ уже не въ одномъ Парижѣ, а во всей Франціи, распредѣляя его приблизительно на такихъ же основаніяхъ, какъ и налогъ Коммуны, но обѣщая выплатить со временемъ этотъ заемъ поступленіями въ казну отъ продажи имѣній эмигрантовъ, по мѣрѣ ихъ продажи. Въ условіяхъ, переживаемыхъ Республикою, другого выхода не предвидѣлось; но защитники собственности готовы были на мѣстѣ убить Горцевъ, поддерживавшихъ мысль о такомъ налогѣ. Въ Конвентѣ въ этотъ день едва не дошли до поголовной рукопашной схватки.

Если бы требовались еще какія-нибудь доказательства того, что ничего нельзя будетъ сдѣлать для спасенія Революціи, пока Жирондисты будутъ оставаться въ силѣ въ Конвентѣ, и обѣ партіи будутъ парализовать другъ друга, то пренія о займѣ вполне это доказали.

Но что особенно приводило въ отчаяніе Парижскій народъ, это то, что съ цѣлью остановить Революцію,

которой самым ярким очагомъ былъ до сихъ поръ Парижъ, Жирондисты дѣлали все, чтобы поднять департаменты противъ столицы: тутъ они не останавливались даже передъ тѣмъ, что ради этого имъ приходилось идти рука объ руку съ роялистами.—Лучше королевская власть, чѣмъ малѣйшій шагъ по направленію къ соціальной республикѣ! Лучше залить Парижъ кровью, лучше срыть проклятый горъ, чѣмъ допустить народъ Парижа и его Коммуну до возстанія, которое грозило бы буржуазной собственности! — Тьеръ и Бордосское Собраніе 1871 года имѣли, какъ видно, своихъ предшественниковъ уже въ 1793 году.

19 мая Жирондисты, по предложенію Барра, добились отъ Конвента назначенія „Комиссіи Двѣнадцати“, которая должна была разобрать все рѣшенія, принятые Парижскою Коммуною, и эта Комиссія, составившаяся 21 мая, сразу стала главнымъ органомъ правительства и реакціи. Два дня спустя, 23, она уже выпустила приказъ объ арестѣ Эбера, товарища прокурора Коммуны, очень любимого народомъ за откровенно республиканскій характеръ его газеты „Père Duchesne“, и Варла, любимца парижскаго бѣднаго народа, — „анархиста“, могли бы мы сказать, для котораго Конвентъ былъ не что иное, какъ „лавочка законовъ“, и который проповѣдывалъ на улицахъ соціальную революцію. Впрочемъ, этими арестами Комиссія Двѣнадцати не думала удовлетворяться. Она хотѣла преслѣдовать также и секціи и погребовала, чтобы книги протоколовъ секцій были ей представлены. Президента и секретаря секціи Cité, отказавшихся представить свои книги, она велѣла арестовать. Борьба становилась борьбою на жи и на смерть.

Со своей стороны, Жирондистъ Иснаръ (Isnard), который былъ предѣдателемъ Конвента въ эту недѣлю, — властолюбивый человѣкъ, послужившій въ 1871 году образцомъ для Тьера — еще усилилъ озлобленіе своими угрозами. Онъ грозилъ парижанамъ уничтоженіемъ Парижа, если бы они издумали наложить руку на народное представительство. — „Скоро станутъ исхать на берегахъ Сены, дѣй твительно ли существовать Парижъ“, говорить онъ. И эти пелѣныя угрозы, слишкомъ напоминавшія угрозы двора въ 1791 году, доводили народное негодованіе до крайней степени. 26 мая во всѣхъ секціяхъ шла драка между революціонерами и Жирондистами. Возстаніе было неизбежно, и Робеспьеръ, до тѣхъ поръ совѣтовавшій не поднимать возстанія, сталъ теперь на его сторону; вечеромъ 26 въ залу Жирондистовъ

онъ говорилъ, что въ случаѣ надобности онъ одинъ возстанетъ противъ заговорщиковъ и измѣнниковъ, засѣдающихъ въ Конвентѣ.

Уже 14 апрѣля 35 секцій изъ 48 потребовали отъ Конвента исключенія двадцати двухъ представителей Жирондистовъ, которыхъ имена онѣ давали въ особомъ спискѣ. Теперь секціи рѣшили возстать, чтобы заставить Конвентъ повиноваться этому желанію Парижскаго населенія.

XLVI

Возстаніе 31 мая и 2 июня.

Опять, какъ и передъ 10 августа, народъ самъ подготовилъ возстаніе въ своихъ секціяхъ, Дантонъ, Робеспьеръ и Маратъ часто совѣщались между собою въ эти дни, но они колебались, и дѣйствовать вѣлисъ опять — такая „неизвѣстность“. Они составили клубъ возстаній во „Горѣ Единства и Личности, для пѣлей возстанія, „Комитетъ Шести“.

Секція приняла дѣятельное участіе въ подготовительной работѣ. Уже въ мартѣ секція Четырехъ Парій объявила себя „въ возстаніи“ и уполномочила себя „Комитетъ надзора“ выустить приказы объ арестѣ гражданъ, подозреваемыхъ за ихъ противо-революбонныя убѣжденія. Нѣкоторые другія секціи (Моконсейль, Пудесоньеръ) открыто требовали ареста депутатовъ „бриссолинцевъ“, т. е. Жирондистовъ. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, т. е. 8 и 9 апрѣля, послѣ измѣны Дюмурьё, секціи Бонконсейль и Хлѣбнаго Рѣзка (Bonconseil, Halles aux Blés) требовали преслѣдованій противъ сообщниковъ измѣнника-генерала; а 15 го числа того же мѣсяца тринадцать изъ секцій выпустили уже списокъ двадцати двухъ членовъ Жиронны, которыхъ необходимо было, по ихъ мнѣнію, исключить изъ Конвента.

Уже съ начала апрѣля секціи старались также объединиться для общаго дѣйствія, — непосредственно, помимо Совѣта Коммуны, — и ради этого секція Гравилье (Gravilliers), всегда стоявшая впереди другихъ, взяла на себя инициативу образованія особаго „Центральнаго комитета“. Этотъ комитетъ дѣйствовалъ только съ перерывами, но съ приближеніемъ опасности (5 мая) онъ вновь образовался, и 29 мая онъ уже взялъ въ свои руки руководство движеніемъ. Что же касается до клуба Якобинцевъ, то его вліяніе

о талосъ ничтожнымъ. Якобинцы сами признавали, что центръ дѣйствія не у нихъ, а въ селѣяхъ¹⁾.

26 мая довольно многочисленная сборища народа начали осаждать Конвентъ. Часть изъ нихъ скоро проникла въ залу засѣданій и, при поддержкѣ тѣхъ, кто былъ уже въ трибунахъ, отведенныхъ для публики, они начали требовать уничтоженія Жирондистской Комиссіи Двѣнадцати. Однако Конвентъ весь день сопротивлялся этому требованію и уступилъ только послѣ полночи, когда, разбитые усталостью, его члены не могли болѣе выдержать напора со стороны народа. Комиссія была разпущена. Но то была только минутная уступка. На другой же день, 27-го, Жирондисты (составившіе большинство въ Конвентѣ, за отсутствіемъ многихъ Монтаньяр-овъ, разосланныхъ Конвентомъ въ провинцію), при поддержкѣ Равинни, снова возстановили Комиссію Двѣнадцати. Возстаніе, такимъ образомъ, не достигло своей цѣли.

Что болѣе всего помѣшало успѣху возстанія, это то, что между самими революціонерами не было согласія. Часть секцій, подъ вліяніемъ крайнихъ, которыхъ называли „Бѣшеными“, хотѣла чего-нибудь такого, что ужасомъ поразило бы контръ-революціонеровъ. Они хотѣли, поднявши народъ, убить главныхъ Жирондистовъ. Говорили даже о томъ, чтобы вообще перебить въ Парижѣ аристократовъ.

Но такой планъ встрѣтилъ сильное сопротивленіе. Народные представители въ Конвентѣ были, такъ сказать, подъ охраной Парижскаго народа: онъ не могъ, въ такихъ условіяхъ, обмануть довѣрія Франціи. Дантонъ, Робеспьеръ и Маратъ рѣшительно выступили противъ измѣненія денутатовъ. Совѣтъ Коммуны и мэръ Парижа, а также и Совѣтъ Парижскаго департамента, безусловно отказались принять этотъ планъ. Народныя общества тоже отказали ему въ своей поддержкѣ.

При этомъ было еще одно соображеніе. Надо было считаться съ буржуазією, такъ какъ уже тогда она представляла въ Парижѣ многочисленное сословіе; батальоны ея національной гвардіи раздавили бы возстаніе, если бы имъ пришлось защищать свою собственность. Нужно было, стало-быть, успокоить буржуазію, заверивъ ее, что ея собственности не тронутъ. Вотъ почему, напримѣръ, Якобинецъ Гассенфрацъ, хотя и заявилъ открыто, что ничего бы

¹⁾ См. „Акты Якобинскаго клуба“, изд. Aulard. т. V, стр. 209.

не имѣть въ принципѣ противъ грабежа богатыхъ, тѣмъ не менѣе воспротивился тому, чтобы возстаніе сопролождалось грабежомъ. „Ихъ начитывается, — говорилъ онъ, — 160.000 человекъ, итѣющихъ постоянное жителство въ Парижѣ; они вооружены и многи въ силахъ отразить тѣхъ, кто захотѣлъ бы ихъ грабить. Очевидно, *фактически невозможно* напасть на имущества“, говорилъ Гассенфранъ въ клубѣ Якобинцевъ; и онъ приглашалъ всѣхъ членовъ этого общества „обязаться скорѣе погнѣнуть, чѣмъ допустить нападенія на имущества“.

Та же клятва была принесена въ ночь 31 мая въ Коммунѣ и даже въ Епископскомъ дворѣ „Блшнныи“. То же сдѣлали и всѣ секции.

Новый классъ собственниковъ, или буржуазіи, котораго численность такъ странно возрѣсла съ тѣхъ поръ, въ теченіе десятилѣтняго вѣка, уже сдѣлали въ то время, — и революціонеры поняли, что они вынуждены къ осторожности, чтобы не имѣть въ этотъ классъ противъ себя.

Наканунѣ возстанія никто никогда не можетъ знать, поднимется ли народъ или нѣтъ? Въ этотъ же разъ въ обычной неопредѣленности примѣнивался еще страхъ, какъ бы крайніе элементы раскола не вздумали убить Жирондистовъ въ самомъ Конвентѣ и тѣмъ не скомпрометировали Парижъ передъ другими департаментами. Три дня прошло такимъ образомъ въ переговорахъ, пока не было рѣшено, что возстаніемъ будутъ руководить всѣ революціонные элементы сообща: Совѣтъ Коммуны, Совѣтъ Департамента и Общин революціонный Совѣтъ крайнихъ, засѣдающій во дворѣ Епископства. Рѣшено было, что надъ отдельными личностями не будетъ совершенно никакого насилія, и что имущества не будутъ троуты. Ограничатся однимъ *правительственнымъ* давленіемъ на Конвентъ, чтобы заставить его выдать революціонному суду виновныхъ денегаторовъ.

Этотъ дозвѣтъ и былъ развить Маратомъ вечеромъ 30 числа въ Епископскомъ дворѣ, по выходѣ его изъ Конвента, а потомъ — въ Коммунѣ. Онъ же, повинуясь, нарушая законъ, по которому смертная казнь полагается тому, кто ударить въ набатъ, первый раскачалъ и ударилъ въ колоколъ городской Ратуши.

Возстаніе начиналось. Делегаты изъ Епископства, прежде всего, — такъ же, какъ это было сдѣлано 10 августа, — изложили мэра и Совѣтъ Коммуны; но вмѣсто того, чтобы секвестровать мэра и назначить новый Совѣтъ, они вновь

ввели ихъ въ обязанности,—какъ мэра, такъ и Совѣтъ,—взявши съ нихъ клятву, что они присоединяются къ возстанію. Они такъ же поступили и съ Совѣтомъ Департамента, и въ ту же ночь революціонеры изъ Епископства, Департаментскій Совѣтъ и Совѣтъ Коммуны соединились воедино, образовавъ одинъ «Общій революціонный Совѣтъ». Онъ и принялъ на себя руководство возстаніемъ.

Этотъ Общій Совѣтъ назначилъ начальникомъ всей національной гвардіи Анріо (Hanniot), командира одного изъ ея батальоновъ — батальона секціи Санкюлотовъ. Скоро набатъ раздался по всему Парижу; на улицахъ и площадяхъ барабанныи были тревогу.

Въ возстаніи, впрочемъ, замѣчалась всеобщая нерѣшительность. Даже послѣ того, какъ съ часа дня начали раздаваться мѣрные набатные выстрѣлы пушекъ, поставленныхъ у Нового Моста, вооруженные люди изъ различныхъ секцій, вышедшіе на улицу, не имѣли, повидимому, никакого опредѣленнаго плана. Два батальона, вѣрные Жирондистамъ, первые прибѣжали къ здаію Конвента и расположились напротивъ Тюильри. Анріо съ 48 пушками секцій окружилъ зданіе Конвента.

Часы проходили, но никто ничего не предпринималъ. Весь Парижъ былъ на ногахъ, но народныя массы не появлялись около Конвента, чтобы оказать на него давленіе, такъ что Жирондистъ Верньо, видя, что возстаніе дальше не развивается, убѣдилъ Конвентъ провозгласить, что «секціи заслужили благодарность отечества». Онъ, очевидно, надѣялся ослабить этимъ маневромъ ихъ враждебность по отношенію къ Жирондѣ. Возстаніе казалось, такимъ образомъ, неудавшимся, когда подъ вечеръ подошли, наконецъ, новыя массы народа и наводнили залу Конвента. Тогда Монтаньяры почувствовали, что имъ явилась поддержка, и Робеспьеръ потребовалъ, не только уничтоженія Комиссіи Двѣнадцати и отдачи ея членовъ подъ судъ, но и возбужденія преслѣдованія противъ жирондистскихъ главарей, которыхъ насчитывали двадцать-два, и которые не входили въ Комиссію Двѣнадцати.

Но этого предложенія и обсуждать не стали. Все, на что рѣшился Конвентъ, это было — снова уничтожить Комиссію Двѣнадцати и потребовать передачи всѣхъ ея бумагъ въ Комитетъ общественнаго спасенія, который обязанъ былъ представить о нихъ докладъ не позже чѣмъ черезъ три дня. Кромѣ того, Конвентъ подтвердилъ декретъ

Коммуны, въ силу котораго рабочіе, которые останутся подъ ружьемъ вплоть до возстановленія общественнаго спокойствія, будутъ получать по два франка въ день,—вслѣдствіе чего Коммуна сейчасъ же взыскала налогъ съ богатыхъ, чтобы заплатить рабочимъ за три дня. Рѣшено было также, что трибуны Конвента будутъ открыты для публики безъ всякихъ билетовъ.

Дѣло ограничилось, такимъ образомъ, второстепенными уступками. Партія Жирондистовъ оставалось въ Конвентѣ въ полной силѣ и попрежнему имѣла за себя большинство депутатовъ; движеніе, стало-быть, не дало никакого существеннаго результата.

Но тогда Парижскій народъ, понимая, что въ сущности ничего еще не было добыто, началъ готовить новое возстаніе, на послѣ слѣдующій день, 2 іюня. Революціонный Комитетъ, составленный въ средѣ Совѣта Коммуны, не теряя времени, отдалъ приказаніе заарестовать бывшаго министра Ролана и его жену (такъ какъ Роланъ выѣхалъ, то арестовали ее одну), и онъ опредѣленно потребовалъ у Конвента ареста двадцати-пяти жирондистскихъ депутатовъ. Вечеромъ снова зазвонили въ набатъ, снова раздались мѣрные пушечные выстрѣлы.

Тогда, 2 іюня, весь Парижъ поднялся, чтобы покончить на этотъ разъ. Больше ста тысячъ вооруженныхъ челоѣкъ собралось вокругъ зданія Конвента. Они привезли съ собою 163 орудія и требовали или чтобы жирондистскіе вожди подали въ отставку, или же, чтобы двадцать-два изъ нихъ (позднѣе—двадцать-семь) были исключены Конвентомъ изъ своей среды.

Ужасныя извѣстія, полученныя въ этотъ день изъ Ліона, придали возстанію новую силу. Оказалось, что 29 мая полуголодный народъ Ліона возсталъ, но контръ-революціонеры, т.-е. роялисты, при поддержкѣ Жирондистовъ, взяли верхъ и «возстановили порядокъ», — истребивъ для этого 800 патриотовъ!

Къ несчастію, это извѣстіе было совершенно вѣрно. Участіе, принятое Жирондистами въ Ліонской контръ-революціи, было вполне установлено. Тогда Парижскій народъ озлобился, и ліонскія событія погубили Жиронду: Народъ, осаждавшій Конвентъ, объявилъ, что никого не выпуститъ, пока, такъ или иначе, не состоится исключеніе главныхъ Жирондистовъ.

Конвентъ, со своей стороны, — т.-е. жирондистская Правая, Равнина и даже часть Горы, — объявивши, что ихъ пренія не могутъ считаться свободными, такъ какъ Конвентъ окруженъ народомъ, попытались выйти, въ надеждѣ, что народъ разступится передъ своими представителями. На это Анріо, вынувъ саблю, отдалъ свое знаменитое приказаніе: «Каноиры, къ орудіямъ!» — Члены Конвента вышедшіе на площадь, должны были вернуться.

Тогда, послѣ трехдневнаго сопротивленія, Конвенту осталось только покориться, и онъ постановилъ, наконецъ, исключеніе тридцати-одного изъ своихъ членовъ Жирондистовъ. Послѣ чего депутация отъ народа пришла вручить Конвенту слѣдующее посланіе:

«Весь народъ Парижскаго департамента посылаетъ насъ къ вамъ, граждане-законодатели, чтобы сказать, что декретъ, только что принятый вами, составляетъ спасеніе Республики. Мы пришли вамъ предложить, что мы объявимъ себя заложниками, въ числѣ равномъ числу исключенныхъ Собраніемъ членовъ, чтобы отвѣчать передъ департаментами за ихъ безопасность.

Съ другой стороны, Марать произнесъ 3 іюня въ клубѣ Якобинцевъ рѣчь, въ которой онъ излагалъ смыслъ совершившагося движенія, и тутъ же провозглашалъ, что цѣль этого движенія — создать *остатокъ для всѣхъ*.

«Мы дали большой толчокъ, — говорилъ онъ. — Конвенту предстоить теперь упрочить основы общественнаго благоденствія. Ничего нѣтъ легче: нужно только открыто высказать свое недовѣданіе. Мы хотимъ, чтобы граждане, *которыхъ зовутъ санъ-кюлотами, пользовались счастьемъ и благосостояніемъ*. Мы хотимъ, чтобы этому полезному классу помогли богатые, по мѣрѣ своихъ достатковъ. Мы не хотимъ нарушать права собственности. Но какое право собственности священнѣе всѣхъ другихъ? — Право на существованіе! Мы хотимъ, чтобы это право собственности было охраняемо...

Мы хотимъ, чтобы въ нашемъ дѣлѣ были заинтересованы всѣ тѣ, кто не имѣетъ стотысячнаго капитала. Тѣ, у кого есть сто тысячъ или больше, пусть кричатъ себѣ... Мы имъ скажемъ: согласитесь, что насъ больше, чѣмъ васъ; и если вы не хотите вмѣстѣ съ нами приложить руки къ общему дѣлу, мы васъ выгонимъ изъ Республики и возьмемъ вашу собственность, чтобы подѣлить ее между санъ-кюлотами...

И онъ прибавлялъ еще слѣдующую мысль, которую пришлось вскорѣ привести въ исполненіе:

„Якобинцы,—говорилъ онъ,—я долженъ вамъ сказать одну истину: вы не знаете своихъ злѣйшихъ враговъ: это—*конституціонное духовенство* [духовенство, присягнувшее конституціи]. Это они больше всего воять по деревнямъ объ анархистахъ, объ дезорганизаторахъ, о дантонизмѣ, о робеспьеризмѣ, о якобинизмѣ... Не поговаривайте болѣе народнымъ предразсудкамъ; подрѣжьте самые корни суевѣрія! Заявите открыто, что духовенство—вашъ врагъ“¹⁾.

Въ эти дни, Парижъ вовсе не желалъ казни арестованныхъ жирондистскихъ депутатовъ. Все, что хотѣло большинство, это—чтобы революціоннымъ членамъ Конвента была дана возможность продолжать Революцію. Арестованныхъ депутатовъ не послали въ тюрьму,—имъ разрѣшили, напротивъ, оставаться подъ домашнимъ арестомъ. Имъ продолжали выдавать ихъ 18 франковъ въ день, полагавшіеся каждому депутату Конвента, и они могли ходить по Парижу, въ сопровожденіи жандарма, котораго, впрочемъ, обязаны были кормить сами.

Если бы эти депутаты, слѣдуя гражданскимъ принципамъ древности, о которыхъ они говорили съ такимъ жаромъ, удалились теперь въ частную жизнь, ихъ навѣрно оставили бы въ покоѣ. Но вмѣсто того, они немедленно отправились въ провинціи, чтобы тамъ поднимать возстаніе противъ Парижа и Конвента. И когда они увидали на мѣстахъ, что имъ приходится идти противъ самой Революціи, рука объ руку съ духовенствомъ и роялистами, — они предпочли соединиться съ роялистами скорѣе, чѣмъ отказаться отъ своихъ плановъ.

Тогда,—но только тогда, т.-е. въ іюль 1793 года,—Конвентъ объявилъ ихъ вне закона.

¹⁾ Протоколы клуба Якобинцевъ, изданіе Огара, т. V, стр. 227.

XLVII.

Народная революція.—Принудительный заемъ.

Тѣмъ, кто еще сомнѣвается, чтобы Революція была поставлена въ необходимость исключить изъ Конвента главныхъ руководителей Жиронды, достаточно будетъ, чтобы убѣдиться въ этой необходимости, окинуть взглядомъ законодательную работу, совершонную Конвентомъ тотчасъ же послѣ того, какъ сопротивленіе его Правой было надломлено.

Принудительный заемъ у богатыхъ на нужды войны; назначеніе максимальныхъ цѣлъ для главныхъ жизненныхъ припасовъ; возвращеніе общинамъ всѣхъ мірскихъ земель, отнятыхъ у нихъ со времени указа 1669 года; уничтоженіе, окончательное и безъ выкупа, феодальныхъ правъ; законы о наслѣдованіи, съ цѣлью раздробленія состояній, накопленныхъ въ однихъ рукахъ; демократическая конституція 1793 года.—всѣ эти мѣры быстро послѣдовали одна за другой, какъ только сопротивленіе Правыхъ было ослаблено исключеніемъ тридцати-одного жирондистскаго депутата.

Періодъ, начинающійся 31 мая 1793 года и продолжающійся до 27 іюля 1794 (т.-е. до 9 термидора II года Республики), представляетъ собою самый важный періодъ Революціи. Великія измѣненія, которыя только намѣтило въ принципѣ Учредительное Собраніе въ ночь 4 августа 1789 года, осуществляются, наконецъ, послѣ четырехлѣтняго сопротивленія, обновленнымъ Конвентомъ. При этомъ народъ—«санъ-кюлоты», какъ тогда выражались—не только заставляетъ Конвентъ провести рядъ коренныхъ революціонныхъ мѣръ, онъ же приводитъ ихъ въ исполненіе на мѣстахъ, при помощи Народныхъ обществъ, къ которымъ обращаются комиссары Конвента, когда имъ приходится создавать въ городахъ и деревняхъ революціонную исполнительную власть.

Голодъ еще продолжается въ теченіе этого періода, и война, которую Республикѣ приходится вести противъ Англіи, блокирующей все порты Франціи, и противъ прусскаго короля, австрійскаго императора и королей сардинскаго и испанскаго,—принимаетъ ужасающіе размѣры. Тягости, налагаемая войною на населеніе, такъ велики, что ихъ трудно даже себѣ представить, если не приглядѣться къ мелкимъ подробностямъ, встрѣчающимся въ документахъ того времени и рисующимъ бѣдность и разореніе, до которыхъ доведена была Франція. Въ этихъ условіяхъ, поистинѣ, трагическихъ, когда во всемъ чувствуется недостатокъ—въ хлѣбѣ, въ обуви, въ перевозочныхъ средствахъ, въ желѣзѣ, свинцѣ, мѣди, селитрѣ и т. д., и когда ничего нельзя ввезти во Францію ни сухимъ путемъ, сквозь кольцо изъ 400.000 солдатъ, брошенныхъ на Францію союзниками, ни моремъ, сквозь цѣнь англійскихъ кораблей, поддерживающихъ блокаду,—въ этихъ условіяхъ быются санъ-кюлоты, чтобы снасти погибающую Республику.

Тѣмъ временемъ, все тѣ, кто стоитъ за старыи порядки, все, занимавшіе некогда привилегированное положеніе, все надѣющіеся вернуть себѣ свои привилегированныя мѣста или создать себѣ новыя привилегіи, какъ только вернется монархія,—т.-е. духовенство, дворяне, буржуазія, обогатившаяся черезъ Революцію,—все въ заговорѣ противъ Республики. Тѣ, кто остается вѣренъ ей, вынуждены биться между кольцомъ иностранныхъ штыковъ и пушекъ, съ одной стороны, и внутренними заговорами, старающимися поразить ихъ изподтипка, сзади.

Видя это, санъ-кюлоты стараются достичь одного: *создать такъ, чтобы ко времени возвращенія реакціи сохранилась уже новая, перерожденная Франція*: крестьяне уже овладѣвшіе землею; городскіе рабочіе—уже свыкшіеся съ равенствомъ и демократіею; аристократія и духовенство—уже лишенные владѣній, составлявшихъ дѣйствительную ихъ силу, а ихъ имѣнія—уже въ рукахъ тысячей новыхъ владѣльцевъ, разбитыя на части, совершенно неузнаваемые въ новой обработкѣ, такъ что ихъ почти уже невозможно возстановить въ прежнемъ видѣ.

Истинная исторія этихъ четырнадцати мѣсяцевъ, съ іюня 1793 по конецъ іюля 1794, никогда еще не была написана. Документы, чтобы написать ее, существуютъ въ провинціальныхъ архивахъ, въ отчетахъ и письмахъ комиссаровъ Конвента, въ протоколахъ городскихъ и сельскихъ

муниципалитетовъ, Народныхъ обществъ и т. д. Но они еще не были изучены такъ, какъ были изучены законодательные акты Революціи; а между тѣмъ слѣдовало бы поторопиться, такъ какъ они быстро исчезаютъ. Конечно, на это потребуется цѣлая жизнь нѣсколькихъ историковъ; но безъ этой работы исторія Великой Революціи останется незаконченной¹⁾.

Больше всего, въ этомъ періодѣ изучали терроръ. Но сущность этихъ четырнадцати мѣсяцевъ вовсе не въ террорѣ, а въ обширѣйшемъ дробленіи земельной собственности, въ земельномъ переворотѣ, въ демократизаціи страны и, наконецъ, въ отреченіи значительной части Франціи отъ христіанства. Разсказать эту обширную работу, со всею борьбою, вызванною ею на мѣстахъ, будетъ дѣломъ будущихъ историковъ. Все, что мы теперь можемъ сдѣлать, это только указать на нѣкоторыя выдающіяся черты этого бурнаго времени.

Первою дѣйствительно революціонною мѣрою, принятою послѣ 31 мая, былъ *принудительный заемъ у богатыхъ*, на покрытіе военныхъ издержекъ. Положеніе казначейства было самое жалкое. Война требовала громадныхъ расходовъ, а ассигнаціи, выпущенныя въ большихъ количествахъ, уже падали въ цѣнѣ. Новые налоги, если ихъ наложить на массу населенія, ничего не могли бы дать. Оставалось, слѣдовательно, одно—налагать подати на богатыхъ. И мысль объ насильственномъ займѣ, въ миллиардъ ливровъ,—мысль, между прочимъ высказанная уже во время министерства Неккера, въ самомъ началѣ Революціи,—назрѣвала въ умахъ.

Когда мы читаемъ теперь то, что писали современники—какъ революціонеры, такъ и реакціонеры—о тогдѣшнемъ положеніи Франціи, мы приходимъ къ убѣжденію, что всякій республиканецъ, каковы бы ни были его понятія о собственности, неизбежно долженъ былъ прійти къ мысли о насильственномъ займѣ. Другого выхода не представлялось. Но когда этотъ вопросъ былъ поднятъ въ Конвентѣ, 20 мая, и даже умѣренный Камбонъ высказался за такой заемъ, Жирондисты, тогда еще въ силѣ, напали на защитниковъ

¹⁾ Недавно еще сколько цѣнныхъ документовъ было уничтожено въ Клервѣ. Мы находили остатки ихъ въ 1884—1886 году, равно какъ и нѣкоторые остатки библіотеки нѣкоего „Pélarin“, проданные мѣстнымъ лабочникамъ на оберточную бумагу.

занма съ невѣроятною яростью, такъ что вызвали въ засѣданіи Конвента отвратительную сцену.

Все, чего удалось добиться 20 мая, было — принятіе мысли о займѣ въ принципѣ. Что же касалось до способовъ приведенія ея въ исполненіе, объ этомъ рѣшили разсуждать впослѣдствіи—или никогда, если бы Жирондистамъ удалось послать Монтаньаровъ подъ гильотину.

Зато, въ первую же ночь послѣ исключенія главных Жирондистовъ изъ Конвента, Парижская Коммуна постановила, что декретъ, опредѣляющій максимумъ цѣнъ на съѣстные принасы, будетъ немедленно приведенъ въ исполненіе; что немедленно будетъ приступлено къ вооруженію гражданъ; что принудительный заемъ будетъ взысканъ; и что будетъ набрана революціонная армія, составленная изъ всѣхъ гражданъ, способныхъ нести оружіе, но не допуская до офицерскихъ должностей никого изъ «бывшихъ» (*ci-devant*), т.-е. изъ бывшихъ дворянъ, изъ «аристократовъ».

Конвентъ, со своей стороны, сталъ дѣйствовать въ томъ же направленіи, и 22 іюня 1793 онъ обсуждалъ докладъ Реаля, которымъ опредѣлялись основныя начала принудительнаго займа. «Необходимый» доходъ опредѣленъ былъ въ 3000 ливровъ для отца семейства и въ 1500 ливровъ для холостого, и такой доходъ вполне освобождался отъ займа. «Обильные» же доходы, свыше «необходимаго», вплоть до доходовъ въ 10.000 ливровъ для отцовъ семейства, несли налогъ въ возрастающей прогрессіи. Если же годовой доходъ превосходилъ этотъ предѣлъ, онъ разсматривался уже какъ «излишній», и весь избытокъ брался въ заемъ. Этотъ принципъ и былъ принятъ; только Конвентъ въ своемъ декретѣ отъ 22 іюня повысилъ цифру *необходимаго*, доведя ее до 6000 ливровъ для холостыхъ и до 10000 для отцовъ семейства ¹⁾.

¹⁾ Я слѣдую здѣсь сочиненію Рене Штурма (René Stourm, „Les finances de l'ancien régime et la Révolution“, т. II, стр. 369 и слѣд.). Пренія въ Конвентѣ были очень поучительны. Камбонъ, когда онъ внесъ этотъ вопросъ на обсужденіе, 29 мая 1793 года, говорилъ: „Я хотѣлъ бы, чтобы Конвентъ открылъ гражданскій заемъ въ одинъ миллиардъ, который внесли бы богатые и равнодушные... Ты богатъ, ты держишься воззрѣній, которыя насъ вводятъ въ расколъ,—такъ я хочу приковать тебя противъ твоей воли къ Революціи: я хочу, чтобы ты одолжилъ свое состояніе Республикѣ“. Марать, Тюрго Матьё поддерживали проектъ; но онъ встрѣтилъ отчаянное сопротивленіе со стороны Жирондистовъ. Любопытно отмѣтить, что начинъ и примѣръ такого займа шли изъ департамента Herault. Кам-

Скоро оказалось, однако, что, придавая большое значение принудительному займу и надѣясь получить этимъ путемъ милліардъ ливровъ, демократія преувеличивала число богатыхъ людей и ихъ богатства. Въ августъ стало ясно, что въ сущности заемъ дастъ очень немного: менѣе 200 милліоновъ (Штурмъ, т. II, стр. 372, примѣчаніе); а потому 3 сентября Конвентъ долженъ былъ пересмотрѣть свой декретъ 22 іюня. Онъ установилъ цифру *необходимаго* въ 1000 ливровъ для холостыхъ и въ 1500 для женатыхъ, съ прибавкою 1000 ливровъ для каждого члена семейства. На *обильные* доходы, вплоть до 9000 ливровъ, налагался прогрессивный налогъ, возраставшій отъ десятой части до половины дохода. Доходы же свыше 9000 ливровъ облагались такъ, чтобы, каковъ бы ни былъ доходъ богача, ему не оставалось больше 4500 ливровъ дохода, въ придачу къ *сейчасъ* упомянутому *необходимому*. Это было, впрочемъ, не постоянный налогъ, а *одновременный принудительный заемъ*, на одинъ только разъ, въ силу необычайныхъ условій.

Поразительно одно, — и это доказываетъ безсиліе парламентовъ. Никогда не существовало правительства, внушавшаго болѣе страха подданнымъ, чѣмъ Конвентъ во время II года Республики. А между тѣмъ закону о займѣ прямо-таки не повиновались. Богатые не платили. Обходилось выисканіе этого налога очень дорого. Но-какъ было взыскивать съ богатыхъ, не желавшихъ платить? Описывать и продавать ихъ имуществъ? Но на это требовался цѣлый новый механизмъ, и притомъ, столько національных имуществъ уже было пущено въ продажу! Въ *матеріальномъ отношеніи принудительный заемъ оказался болѣе неудачнымъ*. Но такъ какъ для болѣе крайнихъ Монтаньяровъ было важно *подготовить умы къ уясненію состояній* и фактически немного къ нему приблизиться, — въ этомъ отношеніи они достигли своей цѣли.

Позднѣе, даже послѣ термидорской реакціи, «Директорія», ставшая во главѣ управленія Франціею, тоже обращалась къ такимъ же принудительнымъ займамъ, — въ 1795 и 1799 году. Мысль о *необходимомъ* и объ *излишкѣ* пробывала себѣ путь. И извѣстно также, что въ девятнадцатомъ вѣкѣ, въ теченіе столѣтія, прожитаго Европою

онъ упоминаетъ объ этомъ въ своей рѣчи. Коммунистъ Жакъ Ру (см. дальше), въ секціи Гравилье, совѣтовалъ заключить такой заемъ уже 9 марта.

ность французской Революціи, «прогрессивный налогъ» вошелъ въ программы демократій всѣхъ странъ. Онъ былъ проведенъ даже въ законъ въ нѣсколькихъ государствахъ, но въ несравненно болѣе скромныхъ размѣрахъ, — такихъ скромныхъ, что отъ прогрессивнаго возрастанія налога осталось почти одно только названіе. одинъ обманъ.

XLVIII.

Общинныя земли.—Рѣшенія Законодательнаго Собранія.

Два вопроса, какъ мы видѣли, больше всего волновали деревни во Франціи: возвращеніе общинамъ ихъ общинныхъ земель и уничтоженіе феодальныхъ повинностей и платежей. Два громадныхъ, жизненныхъ вопроса для двухъ-третьей всего населенія Франціи; но рѣшеніе ихъ оставалось невозможнымъ, покуда Жирондисты преобладали въ Конвентѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ началась Революція, или вѣрнѣе съ тѣхъ поръ, какъ въ деревни проникъ лучъ надежды въ 1788 году, крестьяне старались вернуть себѣ мірскія земли, отнятыя у нихъ дворянствомъ, духовенствомъ и крупною буржуазіею въ силу королевскаго указа 1669 года. И тамъ, гдѣ они были въ силахъ это сдѣлать, они захватывали эти земли, несмотря на жестокія наказанія, падавшія на нихъ за самовольный захватъ.

Въ былыя, отдаленныя времена, вся земля,—луга, лѣса, паханныя и непаханныя земли,—принадлежала сельскимъ общинамъ. Феодальные владѣльцы имѣли право суда надъ жителями, и кромѣ того, большинство изъ нихъ имѣло еще право на всякія повинности и поборы (обыкновенно, три дня въ недѣлю барщины и разныя «приношенія» натурою); въ замѣнъ чего они должны были содержать вооруженныя шайки для защиты жителей отъ разбойниковъ и отъ вторженія другихъ такихъ же владѣльцевъ, или же чужеземцевъ.

Однако при помощи своей военной силы и при поддержкѣ духовенства, получавшаго отъ нихъ подачки, а также законниковъ, изучавшихъ римское право и жившихъ большею частью при ихъ дворахъ, феодальные владѣльцы стали мало-по-малу захватывать мірскія земли въ личную собственность. Такой захватъ совершался очень медленно, на него ушли всѣ средніе вѣка — по къ концу шестнадца-

таго вѣка помѣщики, свѣтскіе и церковные, уже завладѣли громадными пространствами пахотныхъ земель, лѣсовъ и луговъ, прежде принадлежавшихъ крестьянамъ.

Но этого было имъ мало. По мѣрѣ того, какъ населеніе росло и цѣнность земли повышалась, помѣщики, ставшіе избраннымъ сословіемъ въ государствѣ, начали заглядывать и на тѣ земли, которыя оставались во владѣніи сельскихъ и городскихъ общинъ. Завладѣвать этими землями — всякими способами и подъ всякими предлогами, силою и обманомъ, законно и незаконно — стало дѣломъ, обычнымъ въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ вѣкѣ. Тогда-то и былъ выпущенъ, въ 1669 году, Людовикомъ XIV, — «великимъ королемъ-солнцемъ», какъ его называли льстецы — указъ, давшій помѣщикамъ новое, законное оружіе для захвата мірскихъ земель.

Этимъ новымъ оружіемъ было *travail de triage*, которое позволяло помѣщикамъ присвоить себѣ *треть* всей земли, когда-то принадлежавшей каждой общинѣ, когда она была еще въ крѣпостной зависимости. И, пользуясь этимъ указомъ, дворяне стали захватывать лучшія общинныя земли, особенно луга, въ которыхъ больше всего нуждались крестьяне.

Кромѣ того, при Людовикѣ XIV и Людовикѣ XV дворяне, епископы, монастыри и вообще мощные люди продолжали присвоить себѣ мірскія земли подъ разными предлогами. То монастырь основывался, и сосѣдніе крестьяне уступали ему въ временное пользованіе значительныя мѣстныя участки, которые впослѣдствіи становились собственностью монастыря. То помѣщикъ получалъ отъ крестьянъ, тоже въ пользованіе, за безцѣнокъ или за легкія уступки, участокъ мірской земли, съ правомъ завести на ней столъ хуторъ; а потомъ, благодаря угодливымъ властямъ, онъ становился собственникомъ этой земли. То, наконецъ, купецъ отбиралъ участокъ мірской земли за долги общины, дѣйствительные или насчитанные имъ. Не останавливаясь на такіе пріобрѣтатели и передъ подтѣвкой документовъ.

Въ другихъ мѣстахъ бывшіе феодальные владѣльцы и ихъ наслѣдники пользовались правомъ *огораживанія* пусто-порожнихъ общинныхъ земель (*bornage* во Франціи, *enclosure* въ Англіи). Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Франціи помѣщикъ, окружившій изгородью часть общинной земли, могъ объявить себя владѣльцемъ этой земли и получить отъ королевской власти, или отъ мѣстнаго парламента,

документъ на право собственности. Если же община противилась, крестьянъ умиряли, какъ бунтовщиковъ. Словомъ, захватъ общинныхъ земель шелъ повсемѣстно, правдою и неправдою ¹⁾.

Но съ тѣхъ поръ, какъ крестьяне почувствовали начало революціи, они стали требовать, чтобы захваты мірскихъ земель, совершенные съ 1669-года, въ силу „троенія“ или иначе, были объявлены незаконными. Они требовали также, чтобы и тѣ земли, которыя были уступлены частнымъ лицамъ самими общинами, въ силу различныхъ вымогательствъ, тоже были возвращены общинамъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне, во время своихъ возстаній, съ 1789 по 1792 годъ, сами вступили во владѣніе землями, нѣкогда отобранными у нихъ. Но реакція могла вернуться не нынче завтра, и тогда явился вопросъ, — не отберутъ ли у нихъ назадъ эти земли? Надо было, следовательно, узаконить такіе поступки и обобщить ихъ, сдѣлавши возвращеніе общинамъ отнятыхъ у нихъ земель обязательнымъ во всей Франціи. Но этому именно противились всѣми силами не только первыя два Собранія — Учредительное и Законодательное, — но также и Конвентъ, пока въ немъ преобладали Жирондисты.

Дѣло объ общинныхъ земляхъ осложнялось еще слѣдующимъ обстоятельствомъ. Почти вездѣ деревенская буржуазія, т.-е. крестьяне побогаче, поднимали вопросъ о разверсткѣ общинныхъ земель; но этому противилась масса болѣе бѣдныхъ крестьянъ, какъ тому противятся теперь крестьяне въ Россіи, въ Болгаріи, въ Индіи и т. д., вездѣ, гдѣ еще удержалось общинное землевладѣніе. Въ пользу разверстки общинныхъ земель и перехода ихъ въ частную собственность всегда ратуютъ, какъ извѣстно, крестьяне, нажившіеся какою-нибудь торговлею и надѣющіеся скунить въ послѣдствіи за безцѣнокъ участки у обѣднѣвшихъ хозяевъ. Масса же среднихъ хозяевъ всегда противъ такого раздѣла.

То же было и во Франціи во время Революціи. Рядомъ съ обѣднѣвшею и постоянно недоудавшею массою го фр

¹⁾ Нѣкоторыя провинціальныя земскія собранія пытались, еще до 1789 года, произвести разверстку общинныхъ земель, либо поголовную, по числу жителей, либо пропорціональную количеству подушныхъ, платившихся каждою семьей. Это желаніе было также высказано во многихъ наказахъ (*cahiers*), въ 1789 году. Въ другихъ же наказахъ высказывались жалобы на *огораживание*, которое было позволено королемъ, въ 1769 и 1777 годахъ, въ нѣкоторыхъ провинціяхъ.

цузскихъ деревняхъ создавалась, какъ мы уже упоминали, крестьянская буржуазія, такъ или иначе поднявшаяся надъ общимъ уровнемъ; и ея требованія поддерживала городская буржуазія и революціонная администрація, — буржуазная по происхожденію и по своимъ привычкамъ и понятіямъ. Въ вопросѣ о возвратѣ общинамъ земель, отнятыхъ у нихъ въ силу указа 1669 года крестьянская буржуазія была, конечно, заодно съ деревенскою бѣднотою. Но она была уже *противъ* бѣдности, когда требовала дѣлежа мірскихъ угодій и перехода участковъ въ вѣчное личное владѣніе.

Эта рознь проявлялась тѣмъ сильнее, что въ общинахъ, какъ сельскихъ, такъ и городскихъ, въ теченіе вѣковъ установилось дѣленіе обывателей на два класса. Въ каждой общинѣ были семьи, происходившія отъ первыхъ ея основателей, или, по крайней мѣрѣ, считавшіяся исконными общинниками. Эти семьи назывались *старожилами*, *гражданами*, — *les bourgeois*, *die Bürger* въ Эльзасѣ, или же просто *les familles*, — «семьи». И рядомъ съ ними были такіе, которые только позже переселились къ общинѣ и назывались *les manants*, *die Ansässigen* въ Эльзасѣ и нѣмецкой Швейцаріи, — «присельщики» (*citadini* и *il comune* въ Италіи).

Вообще во Франціи, какъ и вездѣ, одни только коренные жители имѣли право на мірскія пахотныя земли и луга, а также право пастись свой скотъ на мірскихъ поляхъ и лугахъ, право рубки лѣса и т. д. Остальнымъ же едва предоставлялось право пастись корову или козу на мірекомъ выгонѣ или же на пустошахъ, а также право собирать въ лѣсахъ хворостъ и каштаны.

Но положеніе этого класса крестьянъ, болышею частью болѣе бѣдныхъ, чѣмъ коренные жители, стало еще хуже съ тѣхъ поръ, какъ Учредительное Собраніе, раздѣливъ общинниковъ на *активныхъ* и *пассивныхъ* гражданъ (см. гл. XXI), установило различіе не только въ политическихъ правахъ богатыхъ и бѣдныхъ обитателей каждой общины, но и въ ихъ правахъ на выборъ членовъ общиннаго самоуправленія, судей первой инстанціи и т. д. Затѣмъ, закономъ 24 декабря 1789 года Учредительное Собраніе, какъ мы видѣли, уничтожило мірской сходъ, въ составъ котораго (за исключеніемъ нѣкоторыхъ провинцій, гдѣ онъ былъ уничтоженъ еще Тюрго) входили до тѣхъ поръ всѣ домохозяева; вмѣсто мірскаго схода оно ввело *выборныя общинныя (сельскія) управленія*, избравшіяся одними только «активными» гражданами.

Съ тѣхъ поръ расхищеніе общинныхъ земель должно было усилиться. «Активными» гражданамъ всегда легко было стовориться между собою и провести въ общинномъ управленіи, избранномъ ими одними, рѣшеніе о продажѣ общинною или объ арендѣ у нея лучшихъ участковъ,—нерѣдко лишая этимъ болѣе бѣдныхъ крестьянъ права пользованія угодьями, безъ которыхъ имъ прожить было трудно. Такъ было, несомнѣнно, въ Бретани и вѣроятно также въ Вандеѣ, гдѣ, какъ видно изъ самыхъ законовъ 1793 года, всѣ крестьяне пользовались раннѣе правами на обширныя угодья—выгоны, пустоши, заросли и т. п. Эти права начала теперь оснаживать и отнимать у нихъ сельская и городская буржуазія.

Одновременно съ этимъ сельская буржуазія хотя и стремилась вернуть общинамъ земли, отобранныя у нихъ дворянами въ силу указа 1669 года, требовала также—и въ этомъ находила поддержку въ Законодательномъ собраніи—разверстки общинныхъ земель. Болѣе зажиточные крестьяне, конечно, понимали, что разверстка, если она будетъ дозволена при существующихъ порядкахъ, пойдетъ имъ на пользу. Впрочемъ, какъ Учредительное, такъ и Законодательное Собраніе, вплоть до августа 1792 года, ничего не рѣшили. Оба противились всякому рѣшенію, невыгодному для помещиковъ, и ничего не предпринимали¹⁾.

Но послѣ 10 августа 1792, наканунѣ своего роспуска, Законодательное Собраніе рѣшилось что-нибудь сдѣлать по вопросу объ общинныхъ земляхъ, и то, что оно сдѣлало, было всецѣло на пользу буржуазіи.

Когда депутатъ Майль (Mailhe) внесъ 25 августа 1792 г. въполнѣ разработанный проектъ закона, имѣвшаго въ виду уничтожить послѣдствія указа 1669 года и вернуть общинамъ земли, отобранныя у нихъ за послѣднія двѣсти лѣтъ,

¹⁾ Уже въ Учредительномъ Собраніи Робеспьеръ требовалъ отмены указа 1669 года и возврата общинамъ земель, которыми „города, посады и деревни провинціи Артуа владѣли съ незапамятныхъ временъ“, и отъ удержанія которыхъ за ними „зависѣли обиліе скота, успѣшность земледѣлія и льноводство“. Эти земли, говорилъ онъ, были отняты у общинъ интендантами и Штатами провинціи Артуа, чтобы обогащать ими чиновниковъ и помещиковъ. Онъ требовалъ, поэтому, отмены закона 1669 года. („Motion de Robespierre, au nom de la province d'Artois et des provinces de Flandre, de Hainaut et de Cambresis, pour la restitution des biens nationaux envahis par les seigneurs. Imprimerie Nationale, 1791“. Коллекція брошюръ Британскаго музея).

этотъ проектъ не былъ принятъ. Но зато уже 14 августа, Законодательное Собраніе, по предложенію Франсуа (изъ Невшатô), постановило, подъ шумокъ, слѣдующее:

1) Начиная съ нынѣшняго года, немедленно послѣ уборки хлѣбовъ, всѣ общинныя земли и общинныя права, нынѣ, чѣмъ на лѣса, будутъ раздѣлены между всеми гражданами каждой общины; 2) эти граждане получаютъ свои участки въ полную собственность; 3) общинныя земли, извѣстныя подъ названіемъ *пустошей* и *остатковъ* (*surplus*), будутъ также разверстаны между жителями и 4) для опредѣленія способовъ раздѣла Комитетъ земледѣлія представить, не позже трехъ мѣсяцевъ, проектъ закона ¹⁾.

Этимъ же закономъ Собраніе уничтожало круговую поруку въ уплатѣ повинностей и податей.

Такимъ образомъ, неподдѣлка наносилъ общинному землевладѣнію смертельный ударъ въ ту минуту, когда общественное мнѣніе, взволнованное взятіемъ Тюильри, занято было совершенно другимъ. Законъ былъ составленъ при этомъ съ такою неряшливостью и такъ поверхностно рѣшалъ въ нѣсколькихъ строкахъ самые коренные вопросы сельской жизни, что нѣкоторое время я не могъ повѣрить, чтобы текстъ, данный Даллозомъ въ его извѣстномъ Сборникѣ и приведенный выше, былъ полнымъ текстомъ закона, а не сокращеннымъ его изложеніемъ. Оказалось, однако, что это и есть полный текстъ декрета, который однимъ почеркомъ пера уничтожалъ общинное землевладѣніе во Франціи и лишалъ значительную часть крестьянъ всякаго права на мірскія земли.

Теперь намъ понятно озлобленіе, вызванное этимъ закономъ среди болѣе бѣднаго крестьянства противъ республиканцевъ. Его поняли, конечно, какъ приказаніе подѣлить мірскія земли между одними *гражданами* (включая сюда выгоны и пастбища, которыми пользовались *всеѣ жители*). Это былъ прямой грабежъ на пользу сельской буржуазіи. Одного этого закона съ его параграфомъ 3 было бы достаточно, чтобы поднять противъ Республики Бретонскихъ крестьянъ.

Уже три недѣли спустя въ Законодательное Собраніе былъ внесенъ докладъ, въ которомъ указывалось, что проведеніе этого закона въ жизнь встрѣчаетъ такое противо-

¹⁾ Dalloz, „Répertoire de jurisprudence“ томъ IX, стр. 185—186 и примѣчаніе.

дѣйствіе со стороны крестьянъ, что прилагать его къ дѣлу невозможно. Но Собраніе ничего не рѣшило. Оно такъ и разошлось, не отмѣнивъ своего рѣшенія. Законъ былъ отмѣненъ только въ октябрѣ Конвентомъ, который рѣшилъ, что въ виду затрудненій, встрѣченныхъ въ примѣненіи этого закона, „обрабатываемыя общинныя земли будутъ обрабатываться и засѣваться какъ было раньше, согласно мѣстному обычаю, вплоть до ихъ разверстки; и граждане, совершившіе такую обработку и посѣвъ, воспользуются жатвою того, что вырастили своимъ трудомъ!“¹⁾

На этой уступкѣ, на этой мало понятной полумѣрѣ дѣло и остановилось, покуда Жирондисты властвовали въ Конвентѣ. Весьма вѣроятно, что крестьяне поняли, впрочемъ, что на этотъ разъ уничтоженіе общиннаго владѣнія и разверстка мірскихъ угодій, которую имъ хотѣли навязать закономъ 25 августа 1792 года, не удалась. Но кто измѣритъ все зло, причиненное Революціи этою угрозою экспропріаціи общинъ: кто расскажетъ все озлобленіе, вызванное ею въ деревняхъ противъ городскихъ революціонеровъ!

Этими мѣрами Законодательное Собраніе не ограничилось. Передъ тѣмъ, какъ разойтись, оно выпустило еще одинъ законъ объ общинныхъ земляхъ, который—если бы онъ не былъ отмѣненъ Конвентомъ,—былъ бы крупнымъ актомъ экспропріаціи общинъ на пользу помѣщикамъ. Этотъ новый законъ гласилъ, правда, что „пустопни и необработанныя земли считаются принадлежащими общинамъ и будутъ присуждены имъ судами“; но если помѣщикъ при своемъ себѣ такія земли или части ихъ и владѣлъ ими неоспоримо сорокъ лѣтъ или болѣе, онъ становился его неоспоримою собственностью²⁾. Этотъ законъ, какъ показало вносѣдствіи Фабръ (изъ Héault), въ докладѣ, внесенномъ имъ въ Конвентъ, былъ составленъ вполне на пользу помѣщикамъ, такъ какъ „почти каждый изъ нихъ могъ бы сослаться на сорокалѣтнюю давность, и такимъ образомъ отстранить дѣйствіе той статьи закона, которая могла быть истолкована въ пользу общинъ“³⁾. Фабръ указывалъ также на несправедливость 3 параграфа этого за-

¹⁾ Dalloz. „Répertoire“, т. IX, стр. 186.

²⁾ „Эти земли вернутся общинамъ, — если только бывшіе помѣщики не докажутъ актами, или неоспореннымъ владѣніемъ въ продолженіе сорока лѣтъ, что онѣ представляютъ ихъ собственностью“.

³⁾ „Докладъ Фабра“, стр. 36. (Брошюры Британскаго музея по французской Революціи: R. F., томъ 217).

кона, въ силу котораго община не могла вернуть своихъ правъ. Если помѣщикъ продалъ третьему лицу землю, захваченную имъ. Кромѣ того. Даллозъ уже указывалъ (т. IX. стр. 168 и слѣд.), какъ трудно было общинамъ найти *положительныя, безспорныя*, законныя доказательства своихъ правъ на земли, такъ какъ онѣ владѣли ими, какъ и вездѣ въ мірѣ, на основаніи обычнаго права.

Словомъ, во всѣхъ отношеніяхъ законодательство 1792 года было составлено къ выгодѣ тѣхъ, кто незаконно присвоилъ себѣ общинныя земли. Только въ Конвентѣ, и то только послѣ возстанія 31 мая и изгнанія изъ Конвента главныхъ Жирондистовъ, вопросъ объ общинныхъ земляхъ былъ пересмотрѣнъ и рѣшенъ въ смыслѣ довольно благопріятномъ для массы крестьянъ.

XLIX.

Возвратъ общинамъ ихъ мірскихъ земель.

Покуда Жирондисты властвовали въ Конвентѣ, дѣло общинныхъ земель не подвигалось. Конвентъ ничего не дѣлалъ, чтобы ослабить пагубное дѣйствіе законовъ, проведенныхъ въ августѣ 1792 года, ни еще менѣе, чтобы провести предложеніе Майя относительно возврата общинамъ отнятыхъ у нихъ земель.

Зато почасти же послѣ 2 іюня Конвентъ взялся за этотъ великій вопросъ, и уже девять дней спустя (11 іюня 1793) провелъ радикальный законъ объ общинныхъ земляхъ, составляющій эпоху въ жизни французскихъ крестьянъ. — Одинъ изъ законовъ, наиболѣе богатыхъ послѣдствіями во всемъ французскомъ законодательствѣ. Въ силу этого закона все земли, отнятыя у общинъ въ продолженіе послѣднихъ двухсотъ лѣтъ, на основаніи указа 1669 года о *тросе-ни* (*triage*, см. предыдущую главу), должны были быть возвращены общинамъ, равно какъ и все пустопорожни земли, выгоны, луга, пашни, заросли и т. д., которые были захвачены или отняты у общинъ частными лицами, какимъ бы то ни было способомъ, — включая сюда и тѣ земли, относительно которыхъ Законодательное Собраніе установило, было, сорокалѣтнюю давность¹⁾.

¹⁾ Все вообще общинныя земли, гласитъ законъ 10—11 іюня 1793 года, называемыя въ Республикѣ подъ разными именами по то- роженіяхъ и извѣстныя въ Республикѣ подъ разными именами по то- роженіяхъ и извѣстныя въ Республикѣ подъ разными именами по то- роженіяхъ, *gastes, garrigues, landes, выгоны, выпасы, ajoues, заросли, общественныхъ лѣсовъ, hermes, vacants, palus, болотъ, горъ или полей какимъ-либо другимъ наименованіемъ по самому существу земли принадлежатъ всему обществу общини- ковъ, или членовъ коммуны, или секцій (отдѣловъ) к коммуны. Коммуны имѣютъ право требовать ихъ возврата лицами, за вѣтившими такия земли. „Статья 4 раздела 25 указа о водахъ и лѣсахъ, 1669 года, равно какъ и все другіе указы, деклараціи, постановленія, ордены и грамоты, которые съ той поры разрѣшили троеніе, раздѣлъ, частныя выдѣлы, или уступку лѣсовъ удѣльных или помѣщичьихъ, въ ущербъ*

Впрочемъ, хотя и принимая такую справедливую и нужную мѣру, Конвентъ въ тоже время сдѣлалъ ложный шагъ по отношенію къ разверсткѣ общинныхъ земель.

Два взгляда встрѣчались тогда въ Конвентѣ, какъ и вездѣ во Франціи. Крестьяне-буржуа, давно уже подбравшіеся къ общиннымъ землямъ и желавшіе ихъ разверстки, имѣли за себя въ Конвентѣ горячихъ защитниковъ; и, какъ водится, эти защитники ораторствовали во имя правъ собственности. Говорили они и во имя „справедливости и равенства“, доказывая, что различныя общины владѣютъ очень неравными количествами земли на душу—что не мѣшало имъ, Впрочемъ, защищать неравенство внутри каждой общины. Эти защитники требовали, чтобы раздѣлъ по душамъ былъ сдѣланъ *обязательнымъ*¹⁾; и очень мало было такихъ, какъ Жюльетъ Суэ (Julien Souhait), депутатъ изъ Бургундскаго департамента, требовавшихъ удержанія мірской собственности въ цѣлости.

Впрочемъ, послѣ устраненія жирондистскихъ вождей Конвентъ, подъ вліяніемъ Горы, уже не допустилъ, чтобы общинныя земли достались однимъ только зажиточнымъ крестьянамъ. Но онъ все-таки рѣшилъ, что въ интересахъ земледѣлія, разверстка общинныхъ земель желательна, и что надо разрѣшить раздѣлъ—поголовный, по душамъ. Разсужденіе, на которое поймалось большинство Монтаньаровъ, было то, что въ Республикѣ не должно быть никого, кто не имѣлъ бы права на извѣстную долю принадлежащей Республикѣ территоріи.

Разверстка, въ силу закона 11 іюня 1793 года, должна была произойти по душамъ, считая *каждого изъ жителей общины, всякаго возраста и обоего пола, находящагося налицо, или отсутствующаго* (раздѣлъ II, статья 1). Всякій гражданинъ, не исключая батраковъ, наѣмныхъ работниковъ и прислуги на фермахъ и т. п., прожившій въ теченіе года въ общинѣ, имѣлъ право на свою часть общинныхъ земель. И въ продолженіи десяти лѣтъ, участки, доставшіеся ка-

общинамъ... и всѣ судебныя рѣшенія въ такихъ дѣлахъ и акты, совершонныя въ силу такихъ рѣшеній, уничтожаются и считаются не имѣющими силы.—Сороколѣтняя давность владѣнія, признанная достаточною, по закону 28 августа 1792 года, для признанія права собственности за частнымъ лицомъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ замѣнить законнаго акта о владѣніи, законнымъ же актомъ не можетъ быть признанъ актъ, исходящій отъ феодальной власти.

¹⁾ См., напримѣръ, рѣчь Р. А. Lozeau, напечатанную для распространенія по постановленію Конвента.

ждому гражданину, не могъ быть описанъ за долги (раздѣлъ III, ст. 1).

Однакоже раздѣлъ быть *не обязательенъ*. Мѣрской сходъ, составленный изъ всѣхъ лицъ, имѣющихъ право на раздѣлъ и достигшихъ 21-лѣтняго возраста, будетъ созванъ, говорить законъ, въ воскресный день, и сходъ рѣшить, желаетъ ли онъ раздѣла общинныхъ земель или части ихъ. *Если треть голосовъ будетъ за раздѣлъ, раздѣлъ долженъ быть совершенъ* (разд. III, ст. 9), и это рѣшеніе не можетъ быть отменено.

Легко представить себѣ, какой переворотъ этотъ законъ производилъ въ жизни деревень. Всѣ земли, отнятыя у общинъ помѣщиками, церковью, монастырями, ловкими буржуа и др., въ силу ли закона о *троеніи*, или при помощи обмана, насчитанныхъ долговъ и т. п., теперь могли быть взяты назадъ крестьянами. Сороколѣтняя давность отмѣнялась: можно было восходить вплоть до 1669 года, чтобы отбирать земли, награбленныя сильными и хитрыми мѣра сего.

Кромѣ того, общинныя земли, увеличенныя всѣмъ тѣмъ, что законъ 11 іюня возвращалъ крестьянамъ, принадлежали уже *всѣмъ*,—*всѣмъ*, жившимъ въ коммунѣ болѣе года, по числу дѣдовъ въ каждой семьѣ—включая дѣтей и стариковъ. Всякое различіе между «гражданами» и «присельщиками» исчезало. Общинная земля принадлежала *всѣмъ*. Это была цѣлая революція.

Что касается до другой половины закона 11 іюня, то, несмотря на всѣ льготы, установленныя въ пользу тѣхъ, кто требовалъ разверстки (треть жителей могла навязать ее остальнымъ двумъ третямъ), разверстка была сдѣлана лишь въ нѣкоторыхъ частяхъ Франціи, но далеко не вездѣ. Въ сѣверной Франціи, гдѣ мало было выгоновъ и луговъ, крестьяне охотно дѣлили мѣрскія угодья. Въ Бретани же и въ Вандеѣ они сильно противились дѣлежу. Всѣ хотѣли удерживать за собою права выгона и пастбища на невоздѣланныхъ земляхъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ много было раздѣловъ. Такъ, напримѣръ, въ департаментѣ Мозели, гдѣ развито винодѣліе, 686 общинъ подѣлили свои земли (107 по душамъ, а 579 по семьямъ), и только 119 отказались отъ разверстки: но въ департаментахъ центральной и западной Франціи громадное большинство общинъ сохранило общинное землевладѣніе.

Вообще, крестьяне прекрасно понимали, что постъ раздѣла бѣдныхъ семьи станутъ еще бѣднѣе и обратятся въ пролетаріевъ, а потому не торопились дѣлаться.

Нечего и говорить, что буржуазные члены Конвента, которые такъ охотно говорили о несправедливости, о неравенствѣ, если закрѣпить за общинами ихъ право на отобранныя у нихъ земли,—ровно ничего не предприняли, чтобы поравнять общины, вступавшія во владѣніе нѣкогда утраченными ими землями. Всѣ разговоры этихъ господъ о «бѣдныхъ общинахъ, которыя ничего не получаютъ», были только предлогомъ, чтобы ничего не дѣлать и оставлять право на захваченныя мірскія земли за тѣми, кто ихъ захватилъ. Но когда представился случай предложить что-нибудь, чтобы устранить «несправедливость», о которой они такъ соболтзовали, они ничего не предложили ¹⁾.

Тѣ общины, которыя, не теряя времени, отобрали на отъѣздъ захватчиковъ свои исконныя земли, вступили въ обладаніе ими и удержали ихъ. Потомъ, когда наступила реакція, и вернувшіеся помѣщики снова вошли въ силу,

¹⁾ Оппозіція Пьеръ Бридэ представлялъ исключеніе (Bridet. „Observations sur le décret du 28 Aout 1792“. Paris, 1793). Онъ предложилъ въ сущности, нѣчто сродное тому, что теперь называютъ націонализациею земли. „Общинныя земли,—писалъ онъ,—представляютъ *національную собственность*, и поэтому несправедливо оставить нѣкоторыя общины въ обладаніи большимъ количествомъ земель, тогда какъ другія владѣютъ малымъ количествомъ“. Онъ предлагалъ поэтому задрать всѣ общинныя земли въ государственную собственность и ставить ихъ въ аренду—малыми участками, если найдутся сѣмьшники, и большими, если не найдутся, допуская къ торгу *обывателей изъ сосѣднихъ округовъ*. Все это дѣло находилось бы въ завѣдываніи Инспекторіи департаментовъ (родъ губернскихъ земствъ), которыя, какъ мы уже говорили, представляли собою интересы зажиточныхъ классовъ. Этотъ проектъ, очевидно, не былъ принятъ. Такъ какъ земли каждой общины занимались бы, преимущественно, крестьянами самой общины,—что уже отълагалось, при чемъ *соотчичками* были сами общины,—и посторонніе наниматели являлись бы только въ видѣ исключенія,—то весь проектъ сводился къ слѣдующему: Чтобы позволить нѣсколькимъ буржуа, въ видѣ исключенія, снимать земли въ сосѣднемъ съ ихъ общиною округѣ, предлагалось, чтобы Государство, съ его бюрократіею, заступило мѣсто общинъ въ распоряженіи ихъ землями,—что позволило бы всякимъ крупнымъ провинціальнымъ тузамъ обогащаться на счетъ сельскихъ общинъ. На это сводился весь проектъ. Но начинался онъ, конечно, съ идей общей справедливости, привлекательныхъ для социалистовъ-горожанъ, плохо знакомыхъ съ трудовою жизнью деревень и плохо разбирающихся въ ней. Въ сущности проектъ стремился къ созданію, во имя государственной прямолинейности, массы другихъ несправедливостей и безчисленныя синекуры.

имъ не удалось вернуть себѣ земли, отошедшія отъ нихъ по закону 11 іюня. Въ дѣйствительное вещественное обладаніе ими уже вступили крестьяне, и отобрать ихъ правительство не рѣшилось. Тѣ же общины, которыя этого не сдѣлали, такъ и остались ни при чемъ.

Какъ только реакція взяла верхъ надъ революціонерами, какъ только возстаніе «послѣднихъ монтаньяровъ», начатое 1 преріаля III года (20 мая 1795), было разбито, первою заботою Конвента, ставшаго тогда уже реакціоннымъ, было—уничтожить революціонные законы монтаньярскаго Конвента. 21 преріаля IV года (9 іюня 1796) выпущенъ былъ уже законъ, воспрещавшій возвратъ общинамъ отобранныхъ у нихъ земель¹⁾.

Годъ спустя, 21 мая 1797, выпущенъ былъ новый законъ, запрещающій общинамъ отчуждать, или обмѣнивать свои угодья на основаніи законовъ 11 іюня и 24 августа 1793. Для каждаго отчужденія нужно было съ тѣхъ поръ испрашивать особый актъ. Этотъ законъ, очевидно, имѣлъ въ виду пріостановить грабежъ общинныхъ земель, совершавшійся теперь подъ видомъ раздѣла и доходившій, по окончаніи Революціи, до скандальныхъ размѣровъ.

Наконецъ, еще позже, во время Наполеоновской имперіи, было сдѣлано нѣсколько попытокъ уничтожить законы Конвента объ общинныхъ земляхъ. Но, говоритъ г. Сашьякъ (стр. 339), всѣ попытки Директоріи, Консульства и Имперіи противъ законовъ Конвента проваливались жалкимъ образомъ». Со стороны крестьянъ было столько установившихся интересовъ, что трудно было ихъ преодолѣть.

Вообще можно сказать, что общины, которыя на дѣлѣ вернулись въ дѣйствительное обладаніе землями, отобранными у нихъ со времени 1669 года, большею частью остались во владѣніи этими землями. Тѣ же, которыя этого не сдѣлали раньше іюня 1796 года, ничего не получили.

Въ революціи имѣетъ силу только «совершившійся фактъ».

¹⁾ Принимая во вниманіе, что приложение къ жизни закона 11 іюня 1793 года возбудило множество жалобъ, что разборъ этихъ жалобъ занялъ бы слишкомъ много времени, и что необходимо, однако, сейчасъ же положить конецъ худымъ послѣдствіямъ буквального приложенія закона 11 іюня 1793, некоторыя неудобства котораго уже чувствуются... временно пріостанавливаются всѣ судебныя дѣла и преслѣдованія, вытекающія изъ сего закона, и всѣ теперешніе владѣльцы означенныхъ земель остаются временно во владѣніи оными". (Daloz, IX. 195.)

Окончательное уничтоженіе феодальныхъ правъ.

Какъ только уничтожена была королевская власть, Конвентъ, съ первыхъ же своихъ засѣданій, долженъ былъ заняться феодальными правами. Но такъ какъ Жирондисты противились ихъ уничтоженію безъ выкупа, а сами не предлагали никакой системы выкупа, обязательной для помѣщиковъ, все оставалось попрежнему. А между тѣмъ, вопросъ о феодальныхъ правахъ былъ главнымъ для большей половины населенія Франціи. Освободится ли, наконецъ, крестьянинъ? или же его снова вернуть подъ феодальное иго, и онъ будетъ попрежнему голодать, какъ только закончится революціонный періодъ?

Черезъ девять дней послѣ того, какъ жирондистскіе гавары были изгнаны изъ народнаго представительства, Конвентъ, какъ мы сейчасъ увидѣли, выпустилъ законъ, возвращавшій общинамъ ихъ мірскія земли. Но онъ колебался еще нѣкоторое время, прежде чѣмъ высказался по вопросу объ уничтоженіи феодальныхъ правъ. Только мѣсяць спустя (17 іюля 1793 года), рѣшился онъ нанести окончательный ударъ, которымъ Революція завершалась и узаконялась въ одной изъ двухъ главныхъ своихъ задачъ — въ окончательномъ уничтоженіи пережитковъ феодализма.

21 января 1793 года перестала существовать королевская власть. Теперь, 17 іюля 1793, закономъ уничтожались феодальныя права, т.-е. крѣпостная зависимость одного человека отъ другого.

Декретъ 17 іюля 1793 былъ совершенно ясенъ. Различія, установленныя обоими предыдущими Собраніями между различными феодальными правами, въ надеждѣ сохранить хотя бы нѣкоторыя изъ нихъ, теперь уничтожались. Всякое право владѣльца земли, имѣвшее феодальное происхожденіе, переставало существовать.

„Всѣ платежи бывшимъ помѣщикамъ, всѣ феодальныя права, какъ постоянныя, такъ и случайныя, даже тѣ, которыя утверждены были декретомъ минувшаго 25 августа, уничтожаются безъ всякаго выкупа“, гласитъ статья 1-я закона 17 іюля 1793. Исключеніе есть только одно: остаются арендные платежи и обязательства *исключительно земельныя*, не феодальныя (ст. 2).

Такимъ образомъ, *истолковывать феодальную плату* (т.-е. крѣпостное обязательство), какъ *арендную плату за землю*, какъ это сдѣлано было законами 1790 и 1791 года,—отмѣнялось безусловно. Мало того. Если какая-нибудь арендная плата, или какое бы то ни было обязательство крестьянина имѣло феодальное происхожденіе (изъ временъ крѣпостного права), — каково бы ни было наименованіе этой аренды или обязательства, — они уничтожались навсегда, безъ всякаго выкупа.

По закону 1790 года выходило такъ, что если крестьянинъ нанималъ землю съ обязательствомъ платить ежегодно столько-то, онъ могъ выкупить эту землю и стать ея собственникомъ, выплативши сумму, равную двадцати или двадцатипятилѣтней арендѣ. И крестьяне принимали это условіе. Но, прибавлялъ тотъ же законъ 1790 года, если, кромѣ земельной ренты, помѣщикъ наложилъ когда-то на арендующаго крестьянина еще какой-нибудь платежъ, или обязательство феодальнаго характера, — напр., налогъ на наследство, или на продаваемые крестьяниномъ продукты или какія-нибудь личные обязательства (службы), или какое бы то ни было личное обязательство (напр., обязательство пользоваться помѣщичьею мельницею, или его печью, или давиломъ для приготовленія вина, или же платежъ натурою части продаваемыхъ продуктовъ, или ограниченіе права продажи своего хлѣба не раньше извѣстнаго срока), или, наконецъ, платежъ при прекращеніи аренды, или при продажѣ земли новому владѣльцу, — тогда арендаторъ обязанъ былъ выкупить и это феодальное обязательство, вмѣстѣ съ земельною рентою.

Теперь Конвентъ поступалъ революціоннымъ путемъ. Онъ ничего знать не хотѣлъ обо всѣхъ этихъ феодальныхъ вымогательствахъ. Если крестьянинъ, арендующій вашу землю, несетъ какое бы то ни было обязательство феодальнаго характера, какого бы то ни было наименованія, оно уничтожается безусловно. Или же вашъ арендаторъ платитъ вамъ ренту за землю, и въ этой рентѣ ничего нѣтъ фео-

дальнаго; но въ придачу къ этой рентѣ вы наложили на него какое-нибудь ленное обязательство, или личную повинность феодальнаго характера. Если такъ, то *онъ становится владѣльцемъ земли, ничего вамъ не выплачивая.*

Вы скажете, можетъ-быть, что обязательство было пустое, что оно просто выражало почетъ и не имѣло денежной цѣности. Тѣмъ хуже. Вы, значитъ, хотѣли сдѣлать вассала изъ своего арендатора, и— вотъ теперь онъ сталъ вѣльнымъ владѣльцемъ земли, на которой лежало феодальное обязательство, родившееся изъ крѣпостнаго права. Нѣкоторыя частныя лица, говоритъ г. Саньякъ (стр. 147), «иные изъ чванства, другіе — въ силу обычая, тоже ввели такіа обязательства: они внесли въ свои контракты, въ придачу къ рентѣ, скромныя обязательства феодальнаго характера — они просто «играли въ барина».

Тѣмъ хуже для нихъ. Конвентъ теперь не спрашивалъ ихъ, хотѣли ли они только поиграть въ барина, или стать бариномъ всерьезу. Онъ зналъ, что всѣ феодальныя повинности сперва были скромныя, что не помѣшало имъ стать впоследствии очень тяжелыми. Во всякомъ случаѣ такой договоръ носилъ слѣды крѣпостной зависимости, какъ всѣ тѣ, которыми помѣщики въ теченіе вѣковъ закрѣпощали крестьянъ,—и Конвентъ отдавалъ теперь эту землю крестьянину, не требуя отъ него никакого выкупа.

Болѣе того, Конвентъ велѣлъ (ст. 6), чтобы всѣ «акты, въ которые записаны феодальныя права, *были сожжены.* Помѣщики, потариусы, хранители земельныхъ сдѣлокъ, всѣ должны были, не позже трехъ мѣсяцевъ, снести въ канцелярію своего муниципалитета всѣ эти акты и хартии, гдѣ вписаны были права одного класса надъ другимъ классомъ. Все это слѣдовало сложить въ кучу и сжечь. То, что взбунтовавшіеся крестьяне дѣлали въ 1789 году, рискуя быть за то повѣшенными, дѣлалось теперь въ силу революціоннаго закона. «Пять лѣтъ въ цѣняхъ—всякому хранителю такихъ актовъ, который будетъ уличенъ въ утаиваніе, похищеніе или тайномъ храненіи записей, или выборку изъ записей». Многіе изъ этихъ договоровъ утверждали права государства на феодальныя земли, такъ какъ государство гоже имѣло въ свое время крѣпостныхъ, а потомъ своихъ вассаловъ, т.-е. крѣпостныхъ владѣльцевъ. Пусть такъ! Но феодальное право должно исчезнуть — и оно исчезнетъ. То, что Законодательное Собраніе сдѣлало относительно феодальныхъ титуловъ, уничтоживъ званія князя, графа, маркиза,—

Конвентъ дѣлалъ теперь по отношенію къ *имущественнымъ правамъ феодаловъ*.

Шесть мѣсяцевъ позже, 5 плювѣоза II года (27 января 1794), въ виду многочисленныхъ жалобъ, особенно нотаріусовъ, которые записывали въ той же книгѣ, нерѣдко на той же страницѣ, договоры чисто земельные и обязательства феодальныя, Конвентъ рѣшилъ пріостановить дѣйствіе 6-й статьи. Муниципалитетамъ было позволено хранить въ своихъ архивахъ записи смѣшаннаго характера. Но, помимо этого, законъ 17 іюля 1793 оставался въ полной силѣ, и еще разъ, 29 флореала II года (18 мая 1794), Конвентъ подтвердилъ, что «всѣ аренды, имѣющія малѣйшую примѣсь феодализма», уничтожаются: земля переходитъ къ арендатору, безъ всякаго вознагражденія владѣльцу.

Особенно заслуживаетъ вниманія то, что реакція не смогла уничтожить результатовъ этой громадной революціонной мѣры. Конечно, отъ писаннаго закона до его исполненія на мѣстѣ, на дѣлѣ, еще очень далеко. Поэтому тамъ, гдѣ крестьяне шли, какъ, напримѣръ, въ Вандеѣ, подъ начальствомъ помѣщиковъ и духовенства противъ республиканцевъ; тамъ, гдѣ деревенскіе муниципалитеты остались въ рукахъ богатыхъ людей,—декреты 11 іюня и 17 іюля такъ и не были приложены къ дѣлу. Крестьяне не вернули себѣ свои общинныя мірскія земли. Они не вступили въ безвозмездное владѣніе землями, которыя снимали у помѣщиковъ на феодальномъ правѣ. Они не сожгли феодальныхъ актовъ. Они даже не покупали церковныхъ имуществъ изъ боязни, что ихъ проклянетъ Церковь.

Но въ доброй половинѣ Франціи крестьяне покупали церковныя земли. Въ некоторыхъ мѣстахъ даже заставили продавать ихъ малыми участками. Они вступили безъ выкупа во владѣніе землями, которыя арендовали у своихъ бывшихъ феодальныхъ владѣльцевъ. Они сажали майскія деревья, плясали вокругъ нихъ и жгли на площади всѣ феодальныя бумажки. Они отнимали у монаховъ, у господъ, у буржуа отобранныя было у нихъ общинныя земли. И въ такихъ мѣстностяхъ реакція, когда она вернулась въ силу въ 1815 году, ничего не смогла сдѣлать, чтобы уничтожить совершившуюся уже экономическую революцію.

Реакція началась уже 9 термидора, т.-е. 27 августа 1794 года, а съ нею начался и снѣгій терроръ разбогатѣвшей буржуазіи. Затѣмъ пришла Директорія, пришло Консульство, а за нимъ—Наполеоновская Имперія. Послѣ пораже-

ція Наполеона пришла въ 1813, и затѣмъ въ 1815 году бурбонская Реставрація, и они смели почти все демократическія учрежденія, установленныя Революціею. Но земная часть совершоннаго Революціею переворота осталась: она выдвинула все послѣдовательныя нападенія. Реакція была въ силахъ уничтожить до нѣкоторой степени политическое дѣло Революціи; но экономическое дѣло осталось. Осталась также новая нація, создавшаяся во время революціоннаго переворота.

Еще одно нужно сказать. Когда мы изучаемъ экономическіе результаты Великой Революціи, какъ она совершалась во Франціи, мы постигаемъ громадную разницу, какая существуетъ между уничтоженіемъ крѣпостныхъ отношеній, совершоннымъ бюрократически, самимъ же феодальнымъ государствомъ (какъ оно было совершено въ Пруссіи послѣ 1848 года или же въ Россіи, въ 1861 году), и уничтоженіемъ, совершеннымъ путемъ революціи. Въ Пруссіи и въ Россіи крестьяне заплатили за освобожденіе отъ феодальныхъ и крѣпостныхъ повинностей потерю значительной части нѣкогда принадлежавшихъ имъ земель, и выкупили остальные на разорительныхъ для нихъ условіяхъ. Крестьяне знали въ бѣдѣ, что имъ получить землю, свободную отъ крѣпостныхъ обязательствъ, тогда какъ помещики, сперва сопротивлявшіеся уничтоженію крѣпостнаго права, въ сущности извлекли изъ него — по крайней мѣрѣ въ плодородныхъ областяхъ — неожиданныя для себя выгоды. Кромѣ того, почти вездѣ въ Европѣ, кромѣ Франціи, освобожденіе крестьянъ увлечило государственную власть помещиковъ.

Только во Франціи (и во французской Швейцаріи), гдѣ уничтоженіе феодальныхъ отношеній совершилось революціоннымъ путемъ, переворотъ обратился противъ экономической и политической касты бывшихъ рабовладельцевъ, на пользу громадной массы крестьянъ.

Вотъ урокъ Великой Французской Революціи. Для достиженія этого ей потребовалось четыре года. Революціи не дѣлаются ни въ одинъ день, ни даже въ нѣсколько мѣсяцевъ. Нужно время для развитія ихъ требованій и для осуществленія этихъ требованій.

Национальные имущества.

Переворотъ 31 мая оказалъ также вліяніе на продажу національныхъ имуществъ, конфискованныхъ у Церкви и у дворянъ. До тѣхъ поръ продажа этихъ имуществъ шла, больше всего, на пользу зажиточной буржуазіи. Теперь же Монтаньеры приняли нѣкоторыя мѣры, чтобы тѣ, кто самъ хотѣлъ работать на землѣ, тоже могли покупать эти земли.

Когда началась продажа имѣній, конфискованныхъ у Церкви, часть изъ нихъ начали, было, дѣлить на мелкіе участки, и покупателямъ давалось двѣнадцать лѣтъ разсрочки для уплаты покупной цѣны ежегодными взносами. Но по мѣрѣ того, какъ усиливалась реакція 1790 и 1791 года, постановка этого дѣла начала измѣняться на пользу крупной буржуазіи. Кроме того, такъ какъ Государство нуждалось въ деньгахъ, то надо было торопиться продажей, и земли предпочитали продавать тѣмъ, кто покупалъ большія имѣнія цѣликомъ,—хотя бы даже съ цѣлью перепродажи и спекуляціи,—лишь бы сразу вносились большія суммы. Крестьяне, конечно, составляли въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ товарищества, чтобы сообща покупать имѣнія; но законодатели недружелюбно относились къ такимъ товариществамъ, и громадная доля национальныхъ имуществъ перешла въ руки скупщиковъ, спекуляторовъ, отчасти даже иностранныхъ компаній. Мелкіе землевладѣльцы, а тѣмъ болѣе батраки и ремесленники, жившіе по деревнямъ, и вообще бѣдныя жаловались; но Законодательное Собраніе не обращало никакого вниманія на ихъ жалобы ¹⁾.

Уже во многихъ наказахъ 1789 года высказывалось желаніе, чтобы казенныя земли и земли „мертвой руки“ вокругъ Парижа были разбиты на участки и сдавались въ

¹⁾ Ph. Sagnac. „La législation civile de la Révolution Française“, стр. 171.

аренду по двѣ и по три десятины. Въ провинціи Артуа требовали даже, чтобы размѣры фермъ не превосходили известной величины (Саньякъ, стр. 80). Но, какъ справедливо замѣтилъ уже Авенэль, «ни въ рѣчахъ, произнесенныхъ по этому предмету въ Собраніи, ни въ изданныхъ законахъ, нигдѣ нѣтъ ни слова въ пользу безземельныхъ... Никто не предложилъ въ Собраніи организаціи народнаго кредита, чтобы бѣдные люди могли бы пріобрѣсти хотя частицу земли... Никакого вниманія не было обращено даже на желаніе, высказанное нѣкоторыми газетами, въ томъ числѣ и официальнымъ *Монитеромъ*, которыя предлагали, чтобы половина пущенныхъ въ продажу имуществъ была раздѣлена на участки цѣною въ 5000 франковъ, съ цѣлью создать такимъ образомъ мелкихъ землевладѣльцевъ»¹. Участки покупались либо тѣми изъ крестьянъ, которые уже имѣли свою землю, либо буржуа изъ города.—что было встрѣчено очень враждебно въ Бретани и Вандеѣ, и послужило вѣдствомъ, когда вернулись Бурбоны въ 1815 году, сильнымъ оружіемъ реакціи противъ республиканскихъ и вообще передовыхъ воззрѣній.

Но вотъ народъ возсталъ 10 августа. Тогда, подъ угрозой народныхъ движеній, Законодательное Собраніе постаралось усюкоить недовольство и приказало, чтобы земли, отобранныя у эмигрантовъ (лучшія церковныя земли уже были распроданы), были разбиты на участки отъ одной до двухъ десятинъ и продавались «въ вѣчность, за уплату постоянной ренты, платимой деньгами». Впрочемъ, тѣмъ, кто платилъ капиталную сумму наличными, все-таки давалось предпочтеніе.

3 іюня 1793 года, т.-е. на другой же день послѣ изгнанія изъ Конвента жирондистскихъ вождей, Конвентъ обѣщалъ выдѣлить около полъ-десятины земли каждой пролетарской семьѣ въ деревняхъ. Нѣкоторые представители Конвента, разосланные по провинціямъ съ обширными полномочіями, такъ и поступали: они раздавали самымъ бѣднымъ крестьянамъ небольшіе участки земли. Но только 2 фримера II года (22 ноября 1793) Конвентъ постановилъ, что національныя имущества, пускаемые въ продажу, необходимо должны быть разбиваемы на возможно мелкіе участ-

¹ Avenel, „Lundis révolutionnaires“, стр. 29—30; Карѣвъ, „Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII вѣка“, Москва, 1879, стр. 470.

ки. При продажѣ имѣній, отобранныхъ у эмигрантовъ, были также выработаны условія, выгодныя для бѣдныхъ, и они удержались вплоть до 1796 года, когда вернувшаяся реакція уничтожила ихъ.

Нужно, впрочемъ, сказать, что финансы Республики все время оставались въ самомъ жалкомъ положеніи. Налоги, конечно, поступали очень плохо, а война поглощала миллиарды и миллиарды. Ассигнаціи колебались и жестоко падали въ цѣнѣ, и въ такихъ условіяхъ казніе необходимо было какъ можно скорѣе выручать наличныя деньги отъ продажи государственныхъ имуществъ, чтобы погашать соответственное число ассигнацій. Поэтому все правительство — Монтаньяры, точно такъ же, какъ и Жирондисты — гораздо менѣе думали о крестьянахъ, чѣмъ о немедленной реализаціи наибольшихъ суммъ денегъ. Предпочтеніе всегда отдавалось тому, кто платилъ деньгами при покупкѣ земель: и благодаря этому, составлялись такъ называемыя «черныя банды» скупщиковъ и спекуляторовъ.

И все-таки при всемъ томъ, несмотря на все спекуляціи и злоупотребленія, продажи совершались въ значительномъ количествѣ и малыми участками. На ряду съ крупными буржуа, которые сразу нажились на покупкѣ национальныхъ имуществъ, въ некоторыхъ частяхъ Франціи, особенно восточныхъ, громадныя количества земель перешли, какъ это доказать профессоръ Лучицкій, въ руки бѣдныхъ крестьянъ. Въ этихъ областяхъ совершилась настоящая революція въ распредѣленіи земельной собственности.

Кромѣ того, Революція постаралась также нанести прямой ударъ классу большихъ собственниковъ изъ аристократіи и разрушить крупную собственность вообще, уничтожая право первородства при наслѣдованіи. Съ этою цѣлью уже 15 марта 1790 года было отмѣнено феодальное законодательство о наслѣдствахъ, въ силу котораго все имѣніе передавалось одному только изъ потомковъ — обыкновенно старшему сыну. Затѣмъ, годъ спустя, по закону 8—15 апрѣля 1791, всякое неравенство въ доляхъ наслѣдства окончательно отмѣнялось. «Все наслѣдники въ разной степени родства наслѣдуютъ равныя доли имуществъ, переходящихъ къ нимъ по закону», говорилось въ этомъ законѣ. Затѣмъ число наслѣдниковъ было увеличено зачисленіемъ въ законныя наслѣдники болѣе далекихъ родственниковъ и незаконныхъ дѣтей: и наконецъ, 7 марта 1793, Конвентъ уничтожилъ самое право завѣщанія и дарственной записи.

онъ. — „Всеѣ потомки будутъ имѣть право на равныя части имущества“, гласилъ этотъ законъ.

Такимъ образомъ дробленіе имуществъ становилось обязательнымъ, по крайней мѣрѣ при наслѣдованіи.

Каковы были послѣдствія этихъ трехъ крупныхъ мѣръ: уничтоженія феодальныхъ правъ безъ выкупа, возвращенія общинамъ ихъ мірскихъ земель и продажи имуществъ, отобранныхъ у духовенства и у эмигрантовъ? Какъ повліяли онѣ на распредѣленіе земельной собственности? — Этотъ вопросъ обсуждаютъ до сихъ поръ, и отвѣты на него остаются разнорѣчивыми. Можно даже сказать, что отвѣты получаются различные, смотря по тому, какую часть Франціи преимущественно изучалъ тотъ или другой изслѣдователь¹⁾.

Но одно выступаетъ ярко, и въ этомъ сомнѣнія нѣтъ. Земельная собственность разбилаь на оолге мелкіе участки; тамъ же, гдѣ Революція увлекла за собою массы народа, большія количества земель перешли на несомнѣнно выгодныхъ условіяхъ крестьянамъ. И вездѣ, повсемѣстно, застарѣлая черная нужда, нищета и голодовки, обычныя при „старомъ порядкѣ“, начали исчезать. Въ девятнадцатомъ вѣкѣ уже не было тѣхъ хроническихъ голодовокъ, какими отличался восемнадцатый вѣкъ.

До революціи голодь свирѣпствовала каждый годъ въ той или другой части Франціи. Крестьяне жили тогда такъ, какъ теперь живутъ въ Россіи. Сколько бы ни работали крестьянинъ надъ своей землей, у него не хватало хлѣба отъ одной жатвы до другой. — Пахаль онъ плохо; сѣмена были изъ рукъ вонъ плохи; скотина была оголодалая, мелкая, истощенная недоѣданіемъ и не давала нужнаго удобренія. Изъ года въ годъ урожан становились все хуже да хуже.

Но вотъ пришла Революція. Ея ураганъ былъ ужасенъ. Страданія, которыя вынесъ народъ во время Революціи — особенно вслѣдствіе войны, — доходили до отчаяннаго на-

¹⁾ Въ Котъ д'Орѣ, церковныя имущества были куплены преимущественно среднимъ сословіемъ, а не крестьянами. Земли же эмигрантовъ, въ той же области, были куплены преимущественно крестьянами. Въ Ланнѣ (Lannais), крестьяне, больше скупили церковныхъ земель, чѣмъ буржуазія, тогда какъ земли эмигрантовъ распредѣлились приблизительно поровну между крестьянами и буржуазіей. Въ Сѣверной части Франціи, много земель было куплено товариществами крестьянъ (Савьянъ, стр. 188).

пряженія. Но временамъ казалось, что пронасть, открытая передъ Франціею, сожрётъ её! А послѣ Революціи пришла Директорія, съ ея безумною роскошью нажившейся буржуазіи, а затѣмъ—ужасныя войны Наполеоновской Имперіи. Въ 1814 году возвратились Бурбоны, посаженные на французскій престолъ коалиціею иностранныхъ королей и императоровъ. А съ ними пришелъ Бѣлый Терроръ, еще болѣе ужасный, чѣмъ Красный Терроръ. И люди поверхностные спѣшатъ вывести заключеніе: „Вы видите сами,—говорятъ они,—что революціи ни къ чему не ведутъ“!

Но были двѣ вещи, которыхъ никакая реакція не могла измѣнить. Франція была настолько демократизована Революціею, что человекъ, прожившій нѣсколько времени во Франціи, если онъ живетъ потомъ въ любой другой странѣ,—Англіи, Германіи, Бельгіи и т. д., не можетъ постоянно не замѣчать, что въ этихъ странахъ еще не совершилась Великая Революція. Крестьянинъ во Франціи сталъ человекомъ. Онъ болѣе не тотъ „дикій звѣрь“, котораго описывалъ Ла-Брюйеръ. Онъ сталъ мыслить. Но и самый видъ деревенской Франціи въ коренѣ измѣнился со времени Революціи, и даже Бѣлый Терроръ не смогъ вернуть крестьянина подъ прежнее иго. Конечно, во Франціи, какъ и вездѣ, осталось еще слишкомъ много бѣдности. Но эта бѣдность—богатство по сравненію съ тѣмъ, чѣмъ была Франція полтора вѣка лѣтъ тому назадъ, и съ тѣмъ, что мы видимъ до сихъ поръ въ другихъ странахъ, оставшихся при старыхъ земельныхъ порядкахъ.

Борьба съ голодомъ.—Законъ о максимумѣ.—Ассигнаціи.

Для всякой революціи однимъ изъ главныхъ затрудненій является вопросъ—какъ прокормить большіе города? Большіе города представляютъ теперь центры различныхъ отраслей промышленности, работающихъ, главнымъ образомъ, для удовлетворенія потребностей богатыхъ людей и для вывоза за границу; и въ обѣихъ этихъ отрасляхъ, какъ только начинается революціонное броженіе, производство сокращается. Открывается кризисъ; и тогда выступаетъ грозный вопросъ—какъ прокормить большіе города и крупные промышленные центры?

Такъ и было во Франціи въ эти годы. Эмиграція, война,—особенно война съ Англіею, приостановившая вывозъ и морскую торговлю, которою жили Марсель, Нантъ, Бордо, Ліонъ и т. д., наконецъ, чувство, общее всѣмъ богатымъ—боязни выказывать свое богатство во время революціи,—все это быстро сократило производство предметовъ роскоши и торговлю ими.

Крестьяне, особенно тѣ, которые овладѣли землею, работали упорно надъ нею. „Никогда еще не было такой нахоты, какъ осенью 1791 года“, говорилъ Мишлэ. И если бы урожай былъ хорошій въ 1791, 1792 и 1793 году, въ хлѣбѣ не было бы недостатка. Но съ 1788 года во всей Европѣ, а особенно во Франціи, переживали рядъ неурожайныхъ годовъ: зимы стояли холодныя, а лѣтомъ мало было солнца. Въ сущности, за всѣ эти годы былъ только одинъ урожайный годъ, 1793, и то только въ половинѣ Франціи. Въ нѣкоторыхъ департаментахъ былъ даже избытокъ хлѣба. Но когда этотъ избытокъ, а равно и перевозочныя средства потребовались для войны, въ большой полвинѣ Франціи начался голодъ. Мѣшокъ пшеницы, стоявшій до того 50 ливровъ (франковъ) въ Парижѣ, дошелъ до 60 ливровъ въ февралѣ 1793 года, до 100 и до 150 въ маѣ.

Хлѣбъ, стоявшій прежде три су за фунтъ (около 6 коп.), поднялся теперь до шести су, и даже до восьми су въ го-

родкахъ около Парижа. На югѣ, гдѣ хлѣба плохо родятся, изъ-за засухи, стояли совсѣмъ голодные цѣны: хлѣбъ доходилъ до 10 и до 12 су за фунтъ. Въ городѣ Клермонѣ, въ Пюи-де-Домѣ, за фунтъ хлѣба платили 16 и 18 су (32 и 36 копѣекъ).— „Въ нашихъ горахъ терпятъ самую жестокую нужду“, писали въ *Мониторъ* 15 іюня 1793. „Администрація раздаетъ по гарницу пшеницы на душу, и каждому приходится ждать два дня своей очереди“.

Такъ какъ въ началѣ 1793 года Конвентъ еще ничего не предпринималъ, то въ восьми департаментахъ вспыхнули возстанія, и народъ самъ сталъ назначать таксу на хлѣбъ и другіе припасы. Всесильные комиссары Конвента были вынуждены тогда уступать передъ возстававшимъ народомъ и стали назначать таксу, требуемую населеніемъ. Быть хлѣботорговцемъ стало опаснымъ занятіемъ.

Въ Парижѣ вопросъ о томъ, какъ прокормить 600.000 человекъ, дошелъ до полного трагизма. Дѣйствительно, если бы хлѣбъ остался на той высокой цѣнѣ, до которой онъ доходилъ нѣкоторое время, неизбежно произошло бы возстаніе, и тогда, развѣ только картечью можно было бы остановить народъ отъ грабежа. Поэтому Парижская Коммуна,—все болѣе и болѣе должая государству—тратила каждый день отъ 12.000 до 75.000 ливровъ, чтобы снабжать хлѣбниковъ мукою и удерживать хлѣбъ въ извѣстной цѣнѣ. Правительство же, съ своей стороны, назначало, сколько зерна каждый департаментъ и каждый кантонъ (волость) должны были доставить въ Парижъ. Но сельскія дороги были въ ужасномъ видѣ, а лошади были забраны на военныя потребности.

Всѣ цѣны росли въ той же пропорціи. Фунтъ мяса, стоявшій прежде пять или шесть су, продавался теперь за 20 су (около 40 коп.); за сахаръ платили до девяносто су за фунтъ, за салную свѣчку—семь су.

Сколько ни принимали мѣръ строгости противъ спекуляторовъ, ничто не помогало. Послѣ изгнанія Жирондистовъ, Коммуна добилась отъ Конвента закрытія Парижской биржи (27 іюня 1793); но это не остановило биржевой игры, и спекуляторы, одѣтые въ особый нарядъ, собирались кучами въ Палэ-Рояль и ходили бандами по улицамъ, вмѣстѣ съ публичными женщинами, насмѣхаясь надъ нищетою народа.

8 сентября 1793 года Парижская Коммуна, доведенная, наконецъ, до озлобленія, велѣла опечатать всѣ банкирскія конторы и конторы „торговцевъ деньгами“. Сенъ-Жюсть и

Леба (Lebas), посланные Конвентомъ въ департаментъ Нижняго Рейна, приказали уголовному суду снести дома каждаго, кто будетъ уличенъ въ ажіотажъ на ассигнаціи (покупка денежных знаковъ для перепродажи). Но спекуляторы, конечно, находили тогда новые пути.

Въ Лионѣ положеніе было еще хуже, чѣмъ въ Парижѣ, такъ какъ муниципалитетъ, въ которомъ заседали не мало Жирондистовъ, не принималъ никакихъ мѣръ, чтобы помочь народной нуждѣ. — „Теперешнее населеніе Лиона доходить, по меньшей мѣрѣ, до 130.000 душъ“, писалъ Конвенту его комиссаръ, Колло д'Эрбоа, отъ 7 ноября 1793. „Наше положеніе по отношенію къ провіанту—отчаянное... Скоро начнется голодъ“. И во всѣхъ большихъ городахъ было то же самое.

Конечно, много трогательной самоотверженности проявлялось во время этого голода. Такъ, наприимѣръ, парижскія секціи Монмартръ и Вооруженнаго Человѣка постановили гражданскій шестинедѣльный постъ¹⁾; а Мелле нашелъ въ Національной библіотекѣ постановленіе секціи Обсерваторіи, отъ 1 февраля 1792, которымъ зажиточные граждане секціи взаимно обязывались другъ передъ другомъ, „не употреблять ни сахара, ни кофе, пока цѣны на нихъ не упадутъ настолько, чтобы позволить ихъ братьямъ изъ болѣе бѣднаго класса тоже доставлять себѣ это удовольствіе“ (Meillé, стр. 302, примѣчаніе). Позднѣе, въ февралѣ и мартѣ 1794 года, когда говядина высоко поднялась въ цѣнѣ, всѣ патріоты Парижа рѣшили больше не ѣсть мяса.

Но все это, конечно, имѣло только нравственное значеніе среди всеобщей голодовки. Нужна была какая-нибудь общая мѣра, и Конвентъ былъ вынужденъ народомъ принять ее. Уже 16 апрѣля 1793 управление департаментомъ, къ которому принадлежалъ Парижъ, обратилось въ Конвентъ съ просьбою назначить *максимумъ* цѣнъ, по которымъ позволялось продавать зерновой хлѣбъ; и, послѣ серьезнаго обсужденія, несмотря на ожесточенную оппозицію Жирондистовъ, Конвентъ издалъ, 3 мая 1793, декретъ, которымъ опредѣлялись высшія цѣны на зерновой хлѣбъ.

Основная мысль этого закона была—установить, по возможности, прямое сношеніе между крестьянами и потребителями, помимо всякихъ посредниковъ. Ради этого, всякій

¹⁾ Buchez et Roux, томъ XXXVII, стр 12.

кто имѣлъ зерновой хлѣбъ для продажи и всякій хлѣботорговецъ должны были объявить въ своемъ муниципалитетѣ, сколько у нихъ было разныхъ хлѣбовъ. Хлѣба и муку позволялось продавать только въ общественныхъ рынкахъ, на то предназначенныхъ; потребителямъ же предоставлялось покупать зерновой хлѣбъ непосредственно у хлѣботорговцевъ и у землевладельцевъ, но только на одинъ мѣсяць, и то—заручившись предварительно свидѣтельствомъ изъ своего муниципалитета. Среднія цѣны, стоявшія на разные сорта хлѣба отъ 1 января до 1 мая 1793 года, становились теперь максимальными цѣнами, выше которыхъ никто не смѣлъ продавать. Эти цѣны должны были постепенно опускаться до 1 сентября. Лицо, продавшее или купившее хлѣбъ выше установленной цѣны, подвергалось штрафу. Тому же, кто былъ бы уличенъ, что умышленно испортилъ или зарылъ зерновой хлѣбъ или муку (а это дѣлалось, несмотря на голодъ)—тому полагалась смертная казнь.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя нашли, что лучше установить одну цѣну на зерновой хлѣбъ во всей Франціи, и 4 сентября 1793 Конвентъ установилъ цѣну на сентябрь мѣсяць ¹⁾.

Вотъ въ чемъ состоялъ этотъ законъ о *максимумѣ*.—противъ котораго столько возставали, и за который роялисты и Жирондисты такъ упрекали Монтаньяровъ. *То была мѣра, вынужденная необходимостью*; но ея тѣмъ болѣе не могли простить Монтаньярамъ; что некоторые изъ нихъ, заодно съ народомъ, требовали, чтобы такса была установлена не только на зерновой и на печеный хлѣбъ, но *также и на все предметы первой и второй необходимости*. — „Если общество,—говорили они,—беретъ на себя защиту жизни гражданъ, то не обязано ли оно также защищать еѣ отъ тѣхъ, которые покушаются на жизнь людей, вступая въ соглашеніе, чтобы лишить ихъ припасовъ, необходимыхъ для жизни?“

Ворьба загорѣлась жестокая по этому вопросу, такъ какъ Жирондисты и многіе Монтаньяры были совершенно противъ всякой таксы на припасы, находившей ее „неполитичной, непрактичной и опасной“ ²⁾. Но общественное мнѣніе взяло верхъ, и 29 сентября 1793 Конвентъ рѣшился установить *Максимумъ цѣнъ* (твердыя цѣны) для предметовъ первой и второй необходимости.

¹⁾ 14 ливровъ за quintal пшеницы.

²⁾ См. Коллекцію, „Историческая бібліотека Революціи“, въ Британскомъ музеѣ, гдѣ брошюры о Припасахъ (Subsistances) занимаютъ томы 473, 474 и 475.

Это рѣшеніе было, впрочемъ, такъ неизбежно, что уже при самомъ началѣ Революціи, въ 1789 году, вопросъ, не слѣдуетъ ли запретить вывозъ зерноваго хлѣба, устроить общественныя магазины и установить таксу на зерновой хлѣбъ и мясо, былъ уже поднятъ какъ революціонерами, такъ и государственными людьми умѣреннаго лагеря. Нѣкоторые города, какъ, напримѣръ, Гренобль, уже въ сентябрѣ 1789 года рѣшили сами закупать нужнѣйшій имъ хлѣбъ и принять серьезныя мѣры строгости противъ спекулянтовъ. Уже съ тѣхъ поръ стали печататься массы брошюръ по этому вопросу.

Какъ только собрался Конвентъ, требованія максимальной таксы стали выражаться все настойчивѣе ¹⁾, и Совѣтъ Парижскаго департамента собралъ представителей всѣхъ Коммунъ этого департамента, чтобы обсудить вопросъ о максимумѣ. Въ результатѣ рѣшено было представить въ Конвентъ, отъ имени всего народа парижскаго департамента, прошеніе, требовавшее установленія таксы на зерновые хлѣба.

Конвентъ призналъ, какъ мы сейчасъ видѣли, справедливость этого требованія. Такса была установлена на зерновые хлѣба, и также на рядъ другихъ предметовъ первой и второй необходимости. Мясо, скотъ, сало, прованское масло, рыба, уксусъ, водка и пиво входили въ этотъ рядъ. Различные виды топлива, свѣчи, свѣтильное масло, соль, мыло, сахаръ, медъ, бѣлая бумага, металлы, пенка и ленъ, ткани, холсты, деревянные башмаки, обувь вообще, табакъ и сырье, употребляемое на фабрикахъ, были также включены въ списокъ предметовъ, для которыхъ назначалась такса, срокомъ на одинъ годъ. Высшія для нихъ цѣны опредѣлялись по цѣнамъ, стоявшимъ въ 1790 году (какъ онѣ были занесены въ рыночныя таблицы); къ нимъ прибавлялась одна треть, за вычетомъ акциза, которому онѣ были подвержены (законъ 29 сентября 1793).

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Конвентъ выпустилъ законъ и противъ наѣмнаго труда и вообще противъ бѣдныхъ. Онъ постановилъ, что «максимумъ, или вообще высшая заработная плата, жалованье и подѣнная плата, будутъ установлены общинными совѣтами, срокомъ на одинъ годъ, по той цѣнѣ, какая стояла въ 1790 году, съ прибавкою половины этой цѣны».

¹⁾ Въ числѣ позднѣйшихъ брошюръ слѣдуетъ отмѣтить брошюру Моморò, въ которой развивались коммунистическія начала: „Opinion de Momorò... sur la fixation du maximum des prix des grains dans l'universalité de la République française“.

Очевидно, на этомъ дѣло не могло остановиться. Разъ Франція отказывалась отъ системы полного произвола въ торговлѣ и, слѣдовательно, спекуляціи, неизбежно вытекающей изъ этого произвола,—она уже не могла удовлетвориться такими робкими попытками. Она должна была идти дальше на пути *коммунализации торговли*, каковы бы ни были препятствія, которыя встрѣтятъ эти начинанія.

Дѣйствительно, 11 брюмера II года (1 ноября 1793) Конвентъ, на основаніи доклада Барэра, нашелъ, что назначать цѣны, по которымъ товары должны были продаваться въ розничной торговлѣ, значило «накладывать налогъ на мелкую торговлю въ пользу фабричнаго предпринимателя». Тогда была высказана мысль, что для того, чтобы устанавливать цѣны каждаго изъ товаровъ, поименованныхъ въ предыдущемъ декретѣ, нужно было знать «цѣнность каждаго товара на мѣстѣ производства». Если тогда прибавить 5% прибыли для оптоваго торговца и 5% для розничной торговли и еще столько-то поперстной платы за перевозку товара, можно будетъ установить истинную цѣну, по которой каждый товаръ слѣдуетъ продавать.

Въ виду этого начато было громадное разслѣдованіе, имѣвшее цѣлью опредѣлить одинъ изъ элементовъ цѣнности (стоимость производства). Но, къ сожалѣнію, оно не могло быть доведено до конца, такъ какъ 9 термидора (27 августа 1794) восторжествовала реакція, и все это было оставлено. Третьяго нивоза III года (23 декабря 1794), послѣ бурныхъ преній, начатыхъ термидорцами уже съ 8 ноября, законы о максимумѣ были отмѣнены.

Въ результатъ получилось страшное паденіе ассигнацій. Въ торговлѣ стали давать только 19 ливровъ серебромъ за 100 ливровъ бумажками; полгода спустя курсъ упалъ уже до двухъ ливровъ за сто и до пятнадцати су въ ноябрѣ 1795 года. Случалось платить до ста ливровъ за пару башмаковъ и до шести тысячъ за поѣздку въ каретѣ ¹⁾.

Мы говорили уже раньше, что съ цѣлью покрыть государственные расходы Неккеръ заключилъ было 9 и 27 августа 1789 года два займа, въ тридцать и въ восемьдесятъ милліоновъ. Эти займы, однако, не удались, и онъ добился отъ Учредительнаго Собранія чрезвычайнаго, еди-

¹⁾ Объ истинныхъ причинахъ этой дороговизны, умышленно вызванной, см. Avenel, „Lundis révolutionnaires“, гл. III.

повременнаго налога, равнаго четверти годового дохода каждаго гражданина. Государству грозило банкротство, и Собрание, увлеченное Мирабо, провотировало этот налог. Но налогъ пришесть очень мало ¹⁾. Тогда, какъ мы видѣли, явилась мысль конфисковать имѣнія духовенства, составить изъ нихъ фондъ національныхъ имуществъ и пустить ихъ въ продажу, выпуская ассигнаціи, которыя будутъ выкупаться по мѣрѣ того, какъ деньги будутъ поступать за проданныя имущества. Количество ассигнацій, выпускаемое каждый разъ, опредѣлялось цѣнностью имуществъ, пущенныхъ въ продажу. Эти ассигнаціи приносили проценты, и обращеніе ихъ было обязательное.

Спекуляторы, очевидно, стремились неизмѣнно понижать курсъ ассигнацій: но его удавалось поддерживать болѣе или менѣе, пока максимальныя цѣны на главные припасы и предметы первой необходимости опредѣлялись муниципалитетами. Но какъ только реакція, начавшаяся послѣ 9 термидора, отмѣнила законъ о максимумѣ, ассигнаціи начали падать въ цѣнѣ съ ужасающей быстротой. Легко представить себѣ, сколько нищеты причинило тогда паденіе ассигнацій тѣмъ, кто жилъ изо дня въ день.

Реакціонные историки всегда старались запутать этотъ вопросъ, такъ же какъ и многіе другіе: но несомнѣнно то, что великое паденіе курса на ассигнаціи совершилось только послѣ закона 23 декабря 1794 года, которымъ уничтожался максимумъ.

Въ то же самое время Конвентъ, въ которомъ властвовали уже термидорцы (Жирондисты съ роялистами), началъ выпускать такія громадныя количества ассигнацій, что съ 6.120 милліоновъ, находившихся въ обращеніи 13 брюмера III года (3 ноября 1794), эта цифра почти удвоилась и поднялась, восемь мѣсяцевъ спустя (т.-е. къ 13 іюля 1795), до двѣнадцати милліардовъ (12.000.000.000) ливровъ.

¹⁾ Вообще, во все время революціи налоги уплачивались очень плохо. Въ февралѣ 1793 въ казначейство еще ничего не поступило изъ поземельныхъ налоговъ и изъ налоговъ на движимость за предыдущій годъ, а за 1791 годъ поступила только половина, т.-е. всего около 150 милліоновъ. Всѣ остальные поступления получались такъ же не аккуратно.—Думаютъ иногда, что революціи легко было сдѣлать экономію на администраціи, уменьшивши число чиновниковъ. Но этого, несомнѣнно, не было въ государственной революціи 1789—1793 годовъ: она каждый годъ расширяла обязанности государства. Народное образованіе, судьи оплаченные государствомъ, выборная администрація на жалованіи, громадная армія и т. д. требовали каждый годъ все большихъ и большихъ расходовъ.

Кромѣ того князя королевскаго дома, а въ особенности графъ д'Артуа,—въ силу королевскаго указа, выпущеннаго ими 20 сентября 1794 года и скрѣпленнаго графомъ Жозефомъ де-Пюизэ и Шевалье де Тентельякомъ,—устроили въ Англіи мануфактуру ассигнацій. „во всемъ сходныхъ съ тѣми, которыя выпущены, или будутъ выпущены Собраніемъ, именующимъ себя Національнымъ Конвентомъ“. Вскорѣ въ мануфактурѣ работало уже 70 рабочихъ, и графъ Пюизэ писалъ комитету бретанскаго возстанія: „Въ скоромъ времени вы будете получать по миллиону въ день, затѣмъ по два и т. д.“.

Мало того. Уже 21 марта 1794 года, во время преній въ англійской Палатѣ Общинъ, извѣстный Шериданъ указывалъ на существованіе въ Англіи фабрики фальшивыхъ ассигнацій, основанной министромъ Питтомъ, а Тэйлоръ объявлялъ, что самъ видѣлъ собственными глазами сфабрикованныя въ этой мануфактурѣ ассигнаціи. Значительныя количества этихъ бумагъ предлагались во всѣхъ большихъ городахъ Европы въ обмѣнъ на векселя ¹⁾.

Но если бы реакція ограничилась только этими средствами! На дѣлѣ же реакціонеры систематически скупали, въ цѣляхъ спекуляцій, жизненные припасы; они скупали, напри- мѣръ, заранее всю жатву, и со страстью предавались ажіотажу на ассигнаціи ²⁾.

Понятно, поэтому, что уничтоженіе максимума повлекло за собою невѣроятное повышеніе всѣхъ цѣнъ — и это во время голода. Невольно спрашиваешь себя, какъ могла Франція пережить такой страшный кризисъ, не погибнувши окончательно?

¹⁾ См. „Исторію революціи“. Луи Блана, кн. XIII, гл. IV, гдѣ дана прекрасная исторія максимума; также Avenel „Lundis révolutionnaires“.

²⁾ Письма, писавшіяся изъ Англіи роялистами своимъ агентамъ во Франціи, обличаютъ средства, къ которымъ прибѣгали спекуляторы. Такъ, мы читаемъ въ одномъ изъ писемъ:—„Поднимите курсъ до 200 ливровъ (франковъ) за фунтъ стерлинга (25 франковъ). Нужно какъ можно больше дискредитировать ассигнаціи, и не принимати тѣхъ, на которыхъ нѣтъ королевскаго портрета. Заставьте подняться цѣны на все припасы. Прикажите вашимъ агентамъ-купцамъ скупать все предметы первой необходимости. Если вы сможете убѣдить Коттлти скупать сало и свѣчи во что бы то ни стало, доведите продажную цѣну до 5 франковъ за фунтъ. Милордъ очень доволенъ тѣмъ, какъ дѣйствовалъ Б. т. ц. (Баронъ Батицъ). Мы надѣемся, что убійства оудутъ дѣлаться съ осторожностью. Переселенные священники и женщины — самые подходящіе для этой операціи“. (A. Thiers, „Histoire de la Révolution française“, т. III, стр. 144—145).

ЛІІІ.

Контръ-революція въ Бретани.—Убійство Марата.

Подвергаясь со всѣхъ сторонъ нападению монархіи, соединившихся противъ нея въ самый разгаръ начатой ею перестройки своихъ учреждений, Франція переживала чрезвычайно трудное, опасное время. И только изучая это время во всѣхъ его подробностяхъ, въ мелочахъ обыденной жизни и прослѣживая изо дня въ день страданія, пережитыя французскимъ народомъ, можно понять всю преступность богатыхъ, когда они, ради сохраненія своего привилегированнаго положенія, не задумались призвать себѣ на помощь иностранное нашествіе и подвергнуть Францію всѣмъ ужасамъ гражданской войны.

И вотъ жирондистскіе главари, исключенные изъ Конвента 2 іюня 1793, тоже не задумались отправиться въ провинціи и тамъ раздувать огонь гражданской войны при поддержкѣ роялистовъ и иностраннаго вторженія.

Изгнавши изъ своей среды тридцать-одного жирондистскаго депутата, Конвентъ подвергъ ихъ, какъ мы видѣли, только домашнему аресту, предоставляя имъ, впрочемъ, свободно ходить по Парижу въ сопровожденіи жандарма. Верньо (Vergniaud), Жансоннэ (Gensonné), Фонфредъ (Fonfrède) дѣйствительно остались въ Парижѣ, и Верньо пользовался своей свободой, чтобы время отъ времени адресовать Конвенту ядовитыя посланія. Остальные же бѣжали изъ Парижа съ цѣлью поднять департаменты противъ Конвента. Роялисты, очевидно, только этого и желали, и въ скоромъ времени возстанія вспыхнули въ шестидесяти департаментахъ, при чемъ Жирондисты и самые крайніе роялисты шли рука объ руку.

Въ Бретани уже съ 1791 года готовился роялистскій заговоръ, имѣвшій цѣль возстановить Штаты этой провинціи и сословную администрацію. Тюфэнъ, маркизъ де-ла-Руэри (Rouërie), былъ поставленъ эмигрировавшими

братьями короля во главѣ этого заговора. Но заговоръ сталъ извѣстенъ Дантону, который поручилъ своему агенту, проникнувшему въ центръ заговора, слѣдить за нимъ. Маркизь Руэри вынужденъ былъ скрываться, и въ январѣ 1793 года онъ умеръ въ имѣніи одного изъ своихъ друзей, гдѣ его и зарыли тайно въ лѣсу. Тѣмъ не менѣе возстаніе, поддержанное англичанами, вспыхнуло. При помощи моряковъ-контрабандистовъ и эмигрантовъ, собравшихся одни на островъ Джерсеѣ, а другіе въ Лондонѣ, англійское правительство готовило серьезное возстаніе, которое должно было передать англичанамъ военные порты Сенъ-Мало, Брестъ и Шербургъ, а можетъ быть также и Нантъ—большой торговый портъ—и Бордо, соперничавшій съ Лондономъ по своей торговлѣ.

Часть жирондистскихъ депутатовъ, изгнанныхъ изъ Конвента, а именно Петіонъ, Гуадэ, Бриссо, Барбару, Лувэ, Бюзэ и Лангюис (Languinais), направились въ Нормандію и въ Бретань, чтобы стать тамъ во главѣ возстанія. Въ Канъ (Caen), главномъ городѣ Нормандіи, они организовали „Ассоціацію соединенныхъ департаментовъ“, имѣвшую цѣлью походъ на Парижъ. Арестовавши депутатовъ, присланныхъ Конвентомъ, они вообще старались разжечь умы противъ Монтаньяровъ. Генералъ Вимпфенъ, командовавшій войсками Республики въ Нормандіи и ставшій на сторону заговорщиковъ, не скрывалъ отъ нихъ ни своихъ роялистскихъ мнѣній, ни своего намѣренія искать поддержки въ Англіи,—и жирондистскіе главари не порвали съ нимъ.

Къ счастью, масса народа въ Нормандіи и въ Бретани не пошла за Жирондистами, роялистами и духовенствомъ. Города стали за Революцію, и возстаніе, побѣжденное въ Вернонѣ, кончилось ничѣмъ¹⁾.

¹⁾ Боевая пѣснь Жирондистовъ называлась „Гражданскій гимнъ Бретонцевъ, идущихъ противъ Анархіи“. Ее далъ Гуадэ въ примѣчаніи къ Запискамъ Бюзэ (стр. 68—79). Вотъ одинъ изъ ея куплетовъ:

Съ высоты трона, воздвигнутаго его преступленіями,

Робеспьеръ, опьяненный кровью,

Указываетъ пальцемъ свои жертвы

Ревущему анархисту.

Эта „Марсельеза Жирондистовъ“ требовала смерти Дантона, парижскаго мэра Паша, Марата, и ея припѣвъ былъ:

Война и смерть тиранамъ,

Смерть апостоламъ избіенія!

При этомъ, сами они требовали, конечно, избіенія революционеров,—и готовили его.

Походъ горсти жирондистскихъ главарей, вдоль по глубокому вѣзанному и прикрытому густою зарослью дорогамъ Бретани, гдѣ они скрывались отъ всѣхъ, не смѣя показаться даже въ самыхъ маленькихъ городкахъ, такъ какъ ихъ арестовали бы Республиканцы,—этотъ походъ, описанный Тува, показываетъ, какъ мало сочувствія встрѣтили здѣсь Жирондисты. Даже въ Бретани, гдѣ Конвентъ не сумѣлъ расположить въ свою пользу крестьянъ, и гдѣ рекрутскій наборъ для далекой войны на Рейнъ былъ встрѣченъ враждебно, народъ не пошелъ за ними. Когда генералъ Вимпфенъ захотѣлъ идти на Парижъ, ему удалось собрать въ Канѣ всего нѣсколько десятковъ волонтеровъ¹⁾. Изъ всей Бретани собралось не болѣе пяти или шести сотъ человекъ, которые даже не сражались, когда встрѣтились съ ничтожною „арміею“, пришедшею изъ Парижа.

Опасность была, однако, въ томъ, что въ некоторыхъ портахъ, а именно въ Сенъ-Малѣ и Брестѣ, роялисты находили поддержку въ крупныхъ торговцахъ. и патриотамъ пришлось напрячь все свои силы, чтобы помѣшать слать Сенъ-Малѣ англичанамъ, какъ это было сдѣлано на югѣ Франціи, съ Тулономъ.

Нужно, въ самомъ дѣлѣ, прочесть письмо молодого Жюльена (Jullien), девятнадцатилѣтняго юноши, посланнаго Комитетомъ Общественнаго Спасенія въ Бретань, какъ военный комиссаръ, — или же письма Жакоба-Сенъ-Андре (Jean Bon Saint-André), одного изъ членовъ Конвента, посланнаго на театръ войны, чтобы понять, какъ ничтожны были матеріальныя силы Республики, и насколько зажиточныя классы готовы были поддерживать иностранное вторженіе. Все было приготовлено въ Сенъ-Малѣ, чтобы слать англичанамъ эту крѣпость, вооруженную 123 пушками и 25 мортирами, прекрасно снабженную снарядами и порохомъ. Только благодаря энергіи членовъ Конвента, прибывшихъ въ Бретань и сумѣвшихъ вдохновить патриотовъ, удалось предотвратить это ужасное предательство.

Присланные сюда комиссары Конвента не стали обращаться къ мѣстной администраціи. Они знали, что она заражена роялизмомъ и „торгашествомъ“ („негоціантизмомъ“, какъ тогда говорили). Они шли прямо въ Общество Патриотовъ, или въ Народное Общество каждого города или го-

¹⁾ Смотръ, о которомъ говорила на судѣ Шарлотта Корда, и на который будто бы собрались тысячи человекъ, былъ выдумка—вѣроятно, съ цѣлью запугать парижанъ.

родка, и предлагали Обществу, прежде всего, „очиститься“. Каждый членъ Общества долженъ былъ объявить громогласно, передъ всеми другими членами, чѣмъ онъ былъ раньше 1789 года, и что онъ дѣлалъ съ тѣхъ поръ; не подписывалъ ли онъ роялистскія прошенія „восьми тысячъ“ и „двадцати тысячъ“? какое было его состояніе до 1789 года и что представляетъ оно теперь? Тѣ, которые не могли дать удовлетворительнаго ствѣта на эти вопросы, исключались изъ общества.

Когда „очищеніе“ было совершено, Общество Патриотовъ стало исполнителемъ Конвента. При его помощи комиссаръ Конвента приступалъ къ такому же очищенію муниципалитета и заставлялъ исключить изъ него роялистскихъ членовъ и „наживателей“ (*profiteurs*, т. е. людей, разжившихся за время Революціи). Тогда, опираясь на Патриотическое или Народное общество, онъ будилъ энтузіазмъ населенія, особенно бѣдноты, санъ-кюлотовъ. Сообща они организовывали вербовку волонтеровъ, и комиссарамъ Конвента нрѣдко удавалось побудить патриотовъ къ истинно-героическимъ усиліямъ, чтобы организовать вооруженіе и защиту береговъ. Они устраивали также патриотическія празднества и вводили республиканскій календарь. И когда комиссаръ уѣзжалъ, чтобы ту же работу произвести въ другихъ мѣстахъ, онъ предоставлялъ обновленному муниципалитету заботу обо всѣхъ мѣрахъ заготовленія припасовъ, снарядовъ, перевозки войскъ и т. д. — всегда подъ надзоромъ мѣстнаго Народнаго Общества, — и поддерживалъ регулярную переписку съ этимъ Обществомъ.

Нрѣдко война требовала самыхъ тяжелыхъ усилій и жертвъ. Но въ каждомъ городѣ — даже въ портовыхъ городахъ, Кемперѣ (*Quimper*) и Сенъ-Малѣ, члены Конвента находили людей, преданныхъ Революціи. Съ ихъ помощью они организовывали военную защиту. Эмигранты и англійскіе военные корабли не посмѣли подойти къ Сенъ-Малѣ или Бресту.

Такимъ образомъ, возстаніе не удалось въ Нормандіи и Бретани. Но изъ Кана явилась Шарлотта Кордэ, чтобы убить Марата. Подъ вліяніемъ всего того, что говорилось вокругъ нея противъ республики Монтаньяровъ и санъ-кюлотовъ, а также, можетъ-быть, обманутая вѣщностью „порядочныхъ“ республиканцевъ, которую принимали Жирондисты, прибывшіе въ Канъ, гдѣ она познакомилась съ Барбару, — Шарлотта Кордэ пріѣхала 11 іюля въ Парижъ, съ цѣлью убить котораго-нибудь изъ главныхъ революціонеровъ.

Историки-Жирондисты,—все ненавидѣвшіе Марата, какъ главнаго виновника движенія 31 мая, — утверждали, что Шарлотта Кордэ была республиканка. Это совершенно невѣрно. Госпожа Марія-Шарлотта Кордэ-д'Армонъ была барышня изъ архи-роялистской семьи.

Два ея брата были эмигранты; сама же она, воспитанная въ одномъ изъ Канскихъ монастырей, Аббэй-о-Дамъ (Abbaye-aux-Dames), жила у родственницы, госпожи де-Брэтвиль, „которая только изъ страха не называла себя роялисткой“. Все воображаемое „республиканство“ госпожи Кордэ-д'Армонъ состояло въ томъ, что она однажды отказалась идти за зоревъе короля, и объяснила свой отказъ тѣмъ, что она была бы республиканка, „если бы французы заслуживали быть въ республикѣ“. Другими словами, она была монархистка-конституціоналистка, — по всей вѣроятности фѣльянтка. Вимпфенъ даже утверждалъ, что она была вполне роялистка.

По всему судя, Шарлотта Кордэ-д'Армонъ дѣйствовала вовсе не въ одиночку. Канъ, какъ мы сейчасъ видѣли, былъ центромъ „Ассоціаціи соединенныхъ департаментовъ“, собиравшихся возстать противъ монтаньярскаго Конвента; и все заставляетъ думать, что на 14 или 15 іюля этою Ассоціаціею подготовлялось движеніе въ Парижѣ. Въ этотъ день предполагалось убить „Дантона, Робеспьера, Марата и Компанію“, и Шарлотта Кордэ это знала. Визитъ, который она сдѣлала, тотчасъ по прибытіи въ Парижъ, Жирондисту Дюперрэ, которому она передала печатныя вещи и письмо, присланныя ему изъ Кана отъ Барбару, а равно и совѣтъ, который она ему дала,—не мѣшая, сейчасъ же вернуться въ Канъ, представляютъ Шарлотту Кордэ какъ одно изъ орудій заговора, составленнаго въ Канѣ Жирондистами и роялистами¹⁾.

Планъ госпожи Шарлотты Кордэ, по ея показаніямъ, былъ—убить Марата на Марсовомъ Полѣ, во время праздника Революціи, 14 іюля, или же—въ Конвентѣ, если онъ

¹⁾ Что такой заговоръ существовалъ, и что Жирондисты знали объ немъ, представляется доказаннымъ. Такъ, 10 іюля, въ Совѣтѣ Парижской Коммуны читали письмо, полученное въ Страсбургѣ и пересланное оттуда головою этого города. Въ немъ были слѣдующія строки: „...Гора, Коммуна, вся Якобинка и все ихъ подлое исчадіе—наканунъ погибли... Не дальше 15 іюля мы попляшемъ! Я желаю бы, чтобы только и было пролито крови что Дантона, Робеспьера, Марата и компаніи...“ (Цитирую по Луи Блану).—11 и 12 іюля жирондистская газета, Chronique de Paris, уже намекала на смерть Марата.

не придетъ на праздникъ. Но праздникъ былъ отложенъ, и Маратъ, по болѣзни, не ходилъ въ Конвентъ. Тогда Кордэ написала ему письмо, прося ее принять. Не получивъ отвѣта, она написала вторую записку, іезуитски играя въ этотъ разъ на чувствѣ доброты Марата, которое было ей извѣстно, или о которой ей сказали ея друзья. Она писала въ этой запискѣ, что она несчастна и что ее преслѣдуютъ,—въ полной увѣренности, что съ такою рекомендаціею Маратъ непременно приметъ ее.

Съ этою запискою въ рукахъ и съ ножомъ, запрятаннымъ въ складкахъ платка, которымъ повязаны были ея шея и грудь, Кордэ явилась 13 іюля, въ семь часовъ вечера къ Марату. Его жена, Катерина Эвраръ, колебалась съ минутой, но въ концѣ-концовъ впустила барышню въ бѣдное жилище Друга Народа.

Марата, за послѣдніе два или три мѣсяца, послѣ жизни травленнаго волка, которую онъ велъ непрерывно съ 1789 года, жестоко мучила лихорадка, и онъ сидѣлъ въ крытой горячей ваннѣ, правя корректуры своей газеты „Другъ Народа“, на доскѣ, положенной поперекъ ванны. Тутъ и ударила его Шарлотта Кордэ, прямо въ открытую грудь. Онъ умеръ черезъ нѣсколько минутъ.

Три дня спустя, въ Ліонѣ, Жирондисты гильотинировали другого друга народа,—Шальё.

Въ Маратѣ французскій народъ терялъ своего самаго преданнаго друга. Жирондистскіе историки, ненавидя Марата, представляли его какъ кровожаднаго помѣшаннаго, который самъ не зналъ, чего хотѣлъ. Но мы знаемъ теперь, какъ составляются подобныя репутаціи. Въ самыя темныя времена революціи, въ 1790 и 1791 году, когда Маратъ видѣлъ, что народъ, со всѣмъ своимъ героизмомъ, не можетъ справиться съ деспотизмомъ, онъ дѣйствительно писалъ, что слѣдовало бы отрубить нѣсколько тысячъ головъ аристократовъ, чтобы дѣло Революціи пошло на ладъ. Но въ сущности онъ вовсе не былъ кровожаденъ. Онъ только любилъ народъ,—онъ и его героическая подруга, Катерина Эвраръ,—гораздо глубже, чѣмъ кто-либо изъ людей, одновременно съ нимъ выдвинутыхъ революціею, и онъ страдалъ при видѣ страданій народа, не ведущихъ къ цѣли. Этой любви онъ остался вѣренъ до смерти¹⁾.

¹⁾ „Божественная женщина“,—говорила о Катеринѣ Эвраръ сестра Марата, Альбертина.—Тронутая его положеніемъ, когда онъ скрывался, переходя изъ одного подвала въ другой, она приняла къ себѣ

Какъ только началась революція, Марать засталъ на хлѣбъ и воду—не въ переносномъ, а въ дѣйствительномъ смыслѣ слова. И когда его убили, все его состояніе состояло изъ одной ассигнаціи въ двадцать пять ливровъ.

Марать былъ старше большинства своихъ товарищей по революціи и опытиче ихъ, и онъ понималъ различные фазисы Революціи и предвидѣлъ слѣдующіе гораздо вѣрнѣе, чѣмъ кто-либо изъ видныхъ людей того времени. Онъ былъ единственный, можно сказать, изъ главныхъ дѣятелей Революціи, который вѣрно схватывалъ смыслъ событій въ ихъ существенныхъ чертахъ и въ ихъ безчисленныхъ соотношеніяхъ¹⁾. Что онъ иногда чванился этимъ качествомъ своего ума и своимъ предвидѣніемъ, объясняется отчасти преслѣдованіями, которыя пришлось ему выдержать, даже въ самый разгаръ Революціи, тогда какъ каждый новый оборотъ, принимаемый ею, подтверждалъ его предсказанія. Но это не важно. Отличительной чертой его ума было то, что онъ понималъ, что необходимо было въ каждый данный моментъ, чтобы дать побѣду *народному дѣлу*, для торжества *народной* Революціи, а не какой-нибудь отвлеченной, теоретической Революціи.

Однакоже надо сказать, что когда Революціи предстояло, послѣ дѣйствительной отмѣны феодальныхъ правъ, сдѣлать еще шагъ впередъ, чтобы упрочить свое дѣло; когда предстояло позаботиться о томъ, чтобы Революція пошла на пользу самымъ бѣднымъ слоямъ населенія, обезпечивая жизнь и трудъ *всѣмъ*, Марать не достаточно оцѣнилъ вѣрность взглядовъ Жака Ру, Варлэ, Шалье, Л'Анжа и другихъ коммунистовъ. Не сумѣвши самъ разработать планъ того глубокаго коммунистическаго переворота, котораго истинныя формы еще только искали первые провозвѣстники коммунизма; боясь, съ другой стороны, какъ бы Франція не утратила отвоеванныхъ уже свободъ,—онъ не далъ коммунистамъ необходимой поддержки своего ума и энергій и своего громаднаго вліянія. Онъ не сдѣлался выразителемъ зарождавшагося коммунизма.

Друга Парода и скрыла его у себя, отдавъ на общее дѣло все свое состояніе и свое спокойствіе“. Эти слова сестры Марата приводитъ Мишлэ.

¹⁾ Пріятно отмѣтить, что изученіе писаній Марата, которымъ пренебрегали до сего времени, привело Жореса къ тому, что онъ съ почтеніемъ отнесся къ этому свойству ума народного трибуна.

„Если бы мой братъ былъ живъ,—говорила сестра Марата,—никогда бы не гильотинировали Дантона и Камилля Демулэна“. Не гильотинировали бы, скажемъ мы, и Эбертистовъ. Вообще, если Маратъ понималъ временное озлобленіе народа въ извѣстныя минуты, и даже считалъ его необходимымъ, онъ безусловно не былъ сторонникомъ Террора, какъ его практиковали Якобинцы послѣ сентября 1793 года.

LIIV.

Возстанія въ Вандеѣ,—въ Ліонѣ,—на Югѣ.

Если возстаніе не удалось въ Бретани и въ Нормандіи, зато контръ-революціонеры имѣли болѣе успѣха въ провинціи Пуату (департаменты Двухъ-Севрѣ, Вьенны и Вандеи), въ Бордо и въ Лиможѣ. Небольшія движенія противъ Конвента произошли также въ нѣкоторыхъ восточныхъ департаментахъ: въ Безансонѣ, Дижонѣ и Маконѣ, т.-е. въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ буржуазія, какъ мы видѣли раньше, свирѣпо расправлялась съ крестьянами въ 1789 году.

На Югѣ, гдѣ давно уже работали роялисты, возстанія произошли въ разныхъ мѣстахъ. Марсель, поднавши подъ власть контръ-революціонеровъ, — Жирондистовъ и роялистовъ, — назначилъ себѣ временное правительство и собирался послать войска противъ Парижа. Тулуза, Нимъ, Гренобль тоже поднялись противъ Конвента.

Тулонъ даже принялъ англійскій и испанскій флотъ, который и овладѣлъ укрѣпленіями этого военного порта во имя Людовика XVIII. Бордо, большой торговый городъ, готовился возстать на защиту Жирондистовъ; а Ліонъ, гдѣ торговая и промышленная буржуазія взяла верхъ уже 29 мая, открыто возсталъ противъ Конвента и выдержалъ долгую осаду, при чемъ пьемонтскія войска, пользуясь разстройствомъ республиканской арміи, которая должна была опираться на Ліонъ, вступили въ предѣлы Франціи.

Вплоть до настоящаго времени причины Вандейскаго возстанія еще недостаточно разъяснены. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что привязанность населенія къ своему духовенству, которою искусно воспользовались агенты папы и іезуитовъ, имѣла большое значеніе, чтобы поднять крестьянъ. Затѣмъ въ деревняхъ Вандеи, конечно, держалась неопредѣленная привязанность къ королю, такъ что роялистамъ легко было разжалобить крестьянъ разказами о «бѣдномъ королѣ», ко-

торый, говорили они, «хотѣлъ добра народу, и за это былъ казненъ парижанами». И сколько слезъ было пролито женщинами надъ судьбою бѣднаго мальчика, наследника, запертаго въ тюрьму! Роялистскимъ эмиссарамъ, прїѣзжавшимъ изъ Рима, изъ Кобленца и изъ Англіи, съ буллами отъ папы, съ королевскими приказами и съ англійскимъ золотомъ, легко было волновать крестьянъ, тѣмъ болѣе, что имъ покровительствовала мѣстная буржуазія, — бывшіе торговцы невольниками-неграми, составлявшіе богатое купечество въ Нантѣ, — и вообще крупные коммерсанты, которымъ англичане обѣщали оградить ихъ отъ санъ-кюлотовъ.

Наконецъ была еще причина, которая одна могла поднять нѣблы области. Это былъ рекрутскій наборъ, объявленный Конвентомъ. Въ Вандеѣ, которой связь съ остальною Франціею была еще очень слаба, наборъ былъ сочтенъ прямымъ нарушеніемъ самаго святого права личности — права оставаться у себя дома и на своей родинѣ защищаться отъ враговъ.

Но со всѣмъ этимъ есть, я полагаю, основаніе думать, что были еще другія, едва ли не болѣе глубокія причины, поднявшія вандейскихъ крестьянъ противъ Революціи. Дѣйствительно, при изученіи документовъ того времени, безпрестанно приходится наткаться на факты, которые, помимо всякихъ другихъ вліяній, должны были вызвать въ крестьянахъ глубокое недовольство противъ Учредительнаго и Законодательнаго Собранія. Уже то самое, что Учредительное Собраніе уничтожило мірекой сходъ всѣхъ домохозяевъ каждой деревни, существовавшій у нихъ вплоть до декабря 1789 года, и кромѣ того еще раздѣлило крестьянъ на активныхъ и пассивныхъ гражданъ и, лишая послѣднихъ всякаго права голоса, предоставило администрацію общинныхъ дѣлъ избранныкамъ однихъ только активныхъ, т. е. болѣе зажиточныхъ крестьянъ, — одного этого было достаточно, чтобы зародить въ деревняхъ глубокое недовольство противъ Революціи, являвшейся въ глазахъ крестьянъ дѣищемъ городскихъ буржуа.

Конечно, 4 августа Революція признала въ принципѣ уничтоженіе феодальныхъ правъ и права «мертвой руки». Но право мертвой руки было, повидимому, мало распространено въ западной Франціи, а уничтоженіе феодальныхъ обязательствъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ оставалось только на бумагѣ. А такъ какъ крестьянское возстаніе 1789 года вообще было слабо въ западной Франціи, то съ кре-

стьянъ продолжали взыскивать феодальныя повинности полностью, попрежнему.

Съ другой стороны, — и это было чрезвычайно важно для деревенскаго населенія, — продажа національныхъ имуществъ совершилась въ значительной мѣрѣ въ пользу городской буржуазіи. Церковныя имущества, уже въ силу своего происхожденія, должны были бы перейти преимущественно въ руки бѣдныхъ; но ихъ скупали прежде всего горожане, и это возбуждало вражду деревни противъ города. Къ этому надо еще прибавить разграбленіе общинныхъ земель буржуазією, въ прямой ущербъ крестьянской бѣдности, которому Законодательное Собраніе способствовало своими законами (см. главу XXVI).

Такимъ образомъ, вплоть до августа 1793 года, когда было объявлено уничтоженіе феодальныхъ правъ безъ выкупа, Революція ничего еще не давала крестьянамъ существеннаго, если они сами не бунтовали и сами не отнимали земель у дворянства и духовенства; а между тѣмъ постоянно увеличивалась тягость налоговъ, рекрутчины и военныхъ поборовъ, надаваемыхъ на сельское населеніе. Вслѣдствіе этого глухая вражда противъ городовъ росла въ деревняхъ, и мы дѣйствительно видимъ, что возстаніе въ Вандеѣ началось какъ открытая война деревни противъ города.

Разжигаемое эмиссарами духовенства изъ Рима, возстаніе вспыхнуло въ Вандеѣ съ невѣроятной свирѣлостью. А Конвентъ могъ выставить противъ него лишь ничтожные отряды войска подъ командою генераловъ либо неспособныхъ, либо умышленно затягивавшихъ войну. Жирондистскіе депутаты Конвента, со своей стороны, раздували огонь своими посланіями. Возстаніе нашло смѣлыхъ партизановъ-вождей и быстро разрослось. Разжигаемое фанатизмомъ духовенства, оно приняло звѣрскія формы, и тогда монтаньяры стали прибѣгать къ самымъ ужаснымъ и возмутительнымъ мѣрамъ, чтобы задавить его.

Планъ вандейцевъ былъ — завладѣть городами и истребить въ нихъ всѣхъ «патріотовъ», т.-е. всѣхъ республиканцевъ, а затѣмъ распространить возстаніе на сосѣдніе департаменты и идти на Парижъ. Въ началѣ іюня 1793 года вандейскіе вожди, Катлинё, Лескюръ, Стофлэ, Ларош-жакленъ, во главѣ сорока тысячъ человекъ, дѣйствительно овладѣли городомъ Сомюромъ. Рѣка Луара была такимъ образомъ въ ихъ рукахъ. Затѣмъ, перейдя Луару, они

овладѣли Анжеромъ (17 іюня) и, искусно скрывая свои движенія, быстро бросились на Нантъ, большой приморскій городъ и портъ Луары, — что должно было привести ихъ въ прямое соприкосновеніе съ англійскимъ флотомъ. 29 и 30 іюня вандейскія арміи, быстро соединившись, напали на Нантъ. Но тутъ онѣ были отбиты республиканцами и потеряли Катлино, — своего дѣйствительно демократическаго южля. Отбитые отъ Нанта, вандейцы стали отступать и даже оставили Сомюръ, послѣ чего они уже вынуждены были перейти на лѣвый, т.-е. южный берегъ Луары.

Друтъ потребовались невѣроятныя усилія со стороны Республики, чтобы разгонять отряды вандейцевъ, державшіеся на своей собственной, родной землѣ. Война обратилась въ прямое истребленіе, вслѣдствіе чего отъ двадцати до тридцати тысячъ вандейцевъ, за которыми тянулись ихъ жены и дѣти, рѣшили эмигрировать въ Англію, пересѣкая Бретань. Они перешли, слѣдовательно, Луару съ юга на сѣверъ и направились дальше къ сѣверу, черезъ Бретань. Но Англія вовсе не желала принять такихъ эмигрантовъ; а бретонцы, со своей стороны, холодно встрѣтили ихъ — тѣмъ болѣе, что въ Бретани патріоты брали верхъ, — и тогда вся эта масса голодныхъ и оборванныхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей снова была отброшена къ Луарѣ.

Мы уже говорили, съ какою бѣшеною яростью вандейцы, подогрѣваемые духовенствомъ, начали возстаніе. Теперь, война становилась еще болѣе озлобленной. Въ октябрѣ 1793 года — это пишетъ г-жа Ларошжакленъ, жена одного изъ вандейскихъ вождей, — военнымъ крикомъ вандейцевъ стало: *Не давать пощады!* Дѣйствительно, въ Монтго они наполнили большой городской колодезь полуживыми еще тѣлами республиканскихъ солдатъ, которыхъ убивали камнями. Шарэтъ, при взятіи города Нуармутъ 15 октября, велѣлъ разстрѣлять всѣхъ, кто сдался ему. Любимою потѣхою вандейцевъ было — зарыть республиканца по горло и подвергать всяческимъ истязаніямъ его голову ¹⁾.

¹⁾ См. Мишлэ, который изучалъ Вандейскую войну по документамъ, на мѣстахъ. — „Нерѣдко, — говоритъ онъ, — обсуждался вопросъ, кто первый началъ эти варварскія жестокости, и которая изъ двухъ партій зашла дальше на пути преступленій. Безъ-умолка говорятъ объ убійствахъ Каррье (въ Нантъ); но почему не говорятъ объ убійствахъ Шарэта? Старые Вандейскіе офицеры, грубые и жестокие, сами рассказывали своему доктору, который пересказалъ это мнѣ, что они никогда не брали въ плѣнъ солдата (особенно изъ Майнской арміи), безъ того

Когда вся эта масса людей была отброшена назадъ, къ Луарѣ и къ Нанту, тюрьмы Нанта стали переполняться съ угрожающею быстротою. Въ этихъ логовищахъ, биткомъ набитыхъ человѣческими существами, стали развиваться тифъ и всякія другія заразные болѣзни, которыя изъ тюремъ распространялись по городу, среди населенія, истощеннаго осадой. При этомъ, такъ же, какъ было въ Парижѣ послѣ 10 августа, сидѣвшіе въ тюрьмахъ роялисты грозились перерѣзать всѣхъ республиканцевъ, какъ только «корольевская армія» вандейцевъ подойдетъ къ Нанту. А патріотовъ было всего нѣсколько сотъ въ этомъ городѣ, гдѣ буржуазія, разбогатѣвшая на торговлѣ неграми и на рабскомъ трудѣ въ островѣ Сенъ-Домингъ, бѣдила теперь, съ тѣхъ поръ какъ Революція уничтожила рабство. Гарнизонная служба, которую несли патріоты, чтобы предотвратить печальный захватъ Нанта вандейцами и помѣшать дѣйствительному истребленію республиканцевъ, была такъ утомительна, что патрули патріотовъ мадали отъ истощенія во время своихъ обходовъ.

Тогда крикъ: «Всѣхъ въ рѣку!» раздававшійся уже въ 1792 году, сталъ слышаться все грознѣе и грознѣе. Родъ истребительства, подобнаго тому, — говоритъ Мишлэ, — которое замѣчалось въ городахъ во время чумы, овладѣло бѣдною частью населенія, а комиссаръ Конвента, Каррѣ, котораго темпераментъ какъ разъ подходилъ къ такого рода припадкамъ ярости, предоставилъ страстямъ разыграться безъ удержа. Сперва начали топить въ Луарѣ священниковъ, и кончили тѣмъ, что истребили болѣе 2000 человѣкъ, мужчинъ и женщинъ, сидѣвшихъ въ Нантскихъ тюрьмахъ.

Что же касается до Вандей вообще, то Комитетъ Общественнаго Спасенія, не давая себѣ даже труда вдуматься въ причины возстанія въ цѣлой области и довольствуясь неутѣшнымъ объясненіемъ, что все происходитъ отъ «фанатизма этихъ озвѣрѣлыхъ мужиковъ», не стараясь даже понять крестьянъ и пріохотить ихъ къ Республикѣ, возымѣла дикую идею—истребить всѣхъ вандейцевъ и обезлюдить Вандею. Шестнадцать укрѣпленныхъ лагерей было устроено съ

чтобы не убитъ его—подъ пытками, когда на то хватало времени.— „Когда Нантцы пришли, въ апрѣлѣ 1793, въ Шалланъ, они увидали что-то пригвожденное къ двери, напоминавшее громадную летучую мышь: это былъ республиканскій солдатъ, пригвожденный тутъ и мучившійся уже нѣсколько часовъ въ отчаянныхъ предсмертныхъ страданіяхъ“ (Мишлэ, книга XI, гл. V).

этою птлюю, и двѣнадцать «адскихъ колоннъ» было нурено въ Вандею, чтобы разорить всю страну, жечь крестьянскія избы и истреблять крестьянъ.

Легко понять, къ чему привела эта бойня. Вандея обратилась въ гнойную рану Республики. Громадная область была навсегда потеряна для Республики, и Вандея стала причиною кровавыхъ раздоровъ среди самихъ монтаньяровъ.

Возстанія въ Провансѣ и въ Ліонѣ имѣли такое же печальное вліяніе на ходъ Революціи. Ліонъ былъ городомъ, гдѣ производились предметы роскоши — шелкъ, бархатъ. Множество артистовъ-рабочихъ было тогда занято тканьемъ, у себя на дому, самыхъ тонкихъ шелковъ и вышиваніемъ золотомъ и серебромъ. И все это производство пріостановилось во время Революціи. Самое же населеніе раздѣлилось на два враждебныхъ лагеря. Рабочіе-хозяева, маленькіе мастерки и буржуазія, высшая и средняя, были противъ Революціи. Рабочіе же, тѣ, которые работали на маленькихъ мастерковъ, или находили себѣ заработокъ въ различныхъ отрасляхъ, зависимыхъ отъ тканья шелковъ, стояли за Революцію. Они уже тогда вырабатывали основы социализма, который развился въ девятнадцатомъ вѣкѣ, и охотно слѣдовали за Шалье, — коммунистомъ-мистикомъ, пріятелемъ Марата. Шалье, сродный по своему направленію съ направлениемъ, преобладавшимъ въ Парижской Коммунѣ, имѣлъ большое вліяніе въ Ліонскомъ городскомъ управленіи. Кромѣ того, активную коммунистическую пропаганду велъ еще Л'Анжъ (L'Ange), предшественникъ Фурье. Буржуазія же со своей стороны, охотно стояла заодно съ дворянами, и особенно съ духовенствомъ, которое имѣло тогда большое вліяніе на населеніе, при чемъ на помощь ему явились еще эмигранты-священники изъ Савойи. Большая часть ліонскихъ секцій была искусно наводнена жирондистскою буржуазіею, за которою скрывались роялисты.

Столкновеніе произошло, какъ мы видѣли, 29 мая 1793. На улицахъ дрались, и буржуазія одержала верхъ. Шалье былъ заарестованъ, и такъ какъ Робеспьеръ и даже Маратъ плохо защищали его въ Парижѣ, то Жирондисты казнили его 16 іюля. Вообще месть якобинцамъ со стороны буржуазіи и роялистовъ была ужасна. Ліонская буржуазія, выступавшая до тѣхъ поръ подъ знаменемъ Жирондистовъ, поощренная теперь вандейскимъ возстаніемъ, открыто вступила въ союзъ съ роялистами-эмигрантами. Она вооружила

20.000 человекъ, и привела городъ въ состояніе обороны противъ Конвента.

Марсель тоже собирался идти на помощь Ліону. Сторонники Жирондистовъ поднялись здѣсь тотчасъ же послѣ 31 мая. Поощряемый жирондистскимъ депутатомъ Ребекки, который поспѣшилъ сюда изъ Парижа, секціи, появившія большею частью въ руки Жирондистовъ, снарядили армию въ 10.000 человекъ, которая направилась въ Ліонъ, съ намѣреніемъ идти дальше на Парижъ, противъ монтаньяровъ. Это возстаніе скоро приняло, какъ и слѣдовало ожидать, открыто роялистскій характеръ, и къ нему присоединились другіе города южной Франціи — Тулонъ, Нимъ, Монтбанъ.

Армія марсельцевъ скоро была, впрочемъ, разбита войсками Конвента, которая, подъ начальствомъ Карто, вступила въ Марсель 25 августа 1793. Ребекки утонулъ, но часть возставшихъ бѣжала въ Тулонъ, и этотъ большой военный портъ былъ сданъ вслѣдъ за тѣмъ англичанамъ. Англійскій адмиралъ вступилъ въ обладаніе городомъ и его укрѣпленіями, провозгласилъ королемъ Франціи Людовика XVII и призвалъ себѣ на помощь армию изъ 8000 испанцевъ, чтобы держать Тулонъ и его форты.

Въ то же время во Францію вступили 20.000 пьемонтцевъ, которые пошли по долинамъ Салланши, Тарентэзы и Морьенны на помощь роялистамъ въ Ліонъ. Попытки комиссара Конвента Дюбуа-Кранси вступить въ переговоры съ ліонцами, не удались; движеніе уже попало въ руки роялистовъ, и они ничего не хотѣли слышать о мирныхъ переговорахъ. Комендантъ Ліона, Прэси, сражавшійся 10 августа въ рядахъ швейцарцевъ, въ Тюильри, былъ преданъ Людовику XVI человекъ, и въ городѣ было много роялисто-эмигрантовъ, прибывшихъ въ Ліонъ, чтобы сражаться противъ Республики. Главари роялистской партіи сносились съ агентомъ принцевъ Эмбертъ-Коломэсомъ, чтобы согласовать дѣйствія ліонскаго возстанія съ движеніями пьемонтской арміи. Наконецъ, ліонскій комитетъ общественнаго спасенія имѣлъ секретаремъ генерала Рубесса, — іезуита, — тогда какъ комендантъ Прэси былъ въ сношеніяхъ съ агентомъ принцевъ и просилъ у нихъ подкрѣпленій изъ пьемонтскихъ и австрійскихъ войскъ.

Въ такихъ условіяхъ оставалось только начать правильную осаду Ліона, и республиканцы-монтаньяры дѣйствительно ее начали 8 августа, обложивши городъ войсками изъ

старыхъ солдатъ, отдѣленными отъ Альпійской арміи, причемъ пушки были привезены изъ Безансона и Гренобля.

Лионскіе рабочіе вовсе не хотѣли этой контръ-революціонной войны, но они не были достаточно сильны, чтобы воспротивиться ей. Они массами убѣгали изъ осажденнаго города и присоединялись къ арміи санъ-кюлотовъ, которые, сами страдая отъ недостатка хлѣба, все-таки кормили двадцать тысячъ бѣглецовъ изъ осажденнаго Ліона.

Республиканской арміи, подъ начальствомъ Келлермана, удалось-таки, въ сентябрѣ, принудить пьемонтцевъ къ отступленію, а Кутону съ Мэнье — двумъ комиссарамъ Конвента — удалось собрать въ Оверни армію изъ крестьянъ, вооруженныхъ косами, пиками и вилами. Съ этою арміею они подошли къ Ліону, 2 октября, на помощь Келлерману. Семь дней спустя, 9-го, арміи Конвента, наконецъ, овладѣли Ліономъ.

Съ грустью приходится сказать, что месть республиканцевъ была ужасна. Кутонъ, повидимому, былъ склоненъ къ политикѣ примиренія, но террористы одержали верхъ въ Конвентѣ. Они говорили, что къ Ліону надо приложить то, чѣмъ жирондистъ Иснаръ угрожалъ Парижу; т.-е. разрушить городъ такъ, чтобы отъ него остались одни развалины, на которыхъ воздвигли бы надшесь: *Ліонъ велъ войну противъ свободы. — Ліонъ болѣе не существуетъ*. Въ концѣ-концовъ, этотъ нелѣпый планъ не былъ принятъ; но все-таки Конвентъ рѣшилъ разрушать дома богатыхъ, щадя дома бѣдныхъ. Исполненіе этого было поручено Колло д'Эрбуа, и если онъ этого не выполнилъ, то только потому, что исполненіе было матеріально невозможно: городъ не легко разрушить. Зато своими казнями и разстрѣливаніями «въ кучу» Колло нанесъ страшный вредъ Революціи.

Такая же война началась въ Бордо и Тулонѣ.

Жирондисты сильно рассчитывали на возстаніе въ Бордо, и этотъ «негоціантскій» городъ, столица Жиронды, дѣйствительно возсталъ; но возстаніе не продержалось. Народъ не далъ себя обмануть и не повѣрилъ обвиненіямъ въ «роялизмѣ и орлеанизмѣ», распространеннымъ Жирондистами противъ монтаньяровъ. Въ результатъ оказалось, что когда арестованные жирондистскіе депутаты, убѣжавшіе изъ Парижа, пріѣхали въ Бордо, они должны были скрываться въ этомъ городѣ, изъ котораго они мечтали сдѣлать центръ

своего возстанія. Вскорѣ Бордо подчинился комиссарамъ Конвента.

Что касается до Тулона, гдѣ давно уже работали англійскіе агенты, и гдѣ офицеры-моряки все были роялисты, онъ явился, какъ мы говорили, англійскому флоту. Патриоты, вообще малочисленные въ этомъ портѣ, были посажены въ тюрьму; а такъ какъ англичане, не теряя времени, вооружили форты и выстроили новые, то понадобилась потомъ правильная осада, чтобы овладѣть ими. Это удалось сдѣлать только позже, въ декабрѣ 1793 года.

Война.—Иностранное нашествіе отражено.

Послѣ измѣны Дюмурье и изгнанія жирондистскихъ вождей изъ Конвента, Республикѣ пришлось снова произвести полную реорганизацію своихъ армій, — въ этотъ разъ на демократическихъ началахъ. Ей предстояло перемѣнить весь составъ высшего военного начальства, чтобы замѣнить Жирондистовъ и роялистовъ республиканцами-монтаньярами.

Условія, въ которыхъ совершались эти замѣненія, были такъ ужасны, что только революціонная энергія народа могла выполнить ихъ. Приходилось дѣйствовать въ виду непріятеля, посреди внутреннихъ возстаній и подпольной работы заговорщиковъ, которая велась во всей Франціи имущими классами, чтобы голодомъ довести республиканскія арміи до отчаянія и предать ихъ непріятелю. Дѣйствительно, почти вездѣ Директоріи департаментовъ и округовъ, оставшіяся въ рукахъ фельянтовъ и Жирондистовъ, дѣлали все, чтобы помѣшать снабженію армій припасами, снарядами и т. п.

Потребовался весь геній Революціи, вся юношеская смѣлость народа, пробудившагося отъ долгаго сна, вся вѣра революціонеровъ въ воплощеніе ихъ идеаловъ равенства, чтобы съ успѣхомъ вести ту сказочную борьбу, которую пришлось выдержать сантъ-кюлотамъ противъ иностраннаго вторженія и внутренней измѣны. Но сколько разъ народъ, истская кровью, былъ близокъ къ отчаянію!

Если въ настоящее время война можетъ разорять цѣлыя области, то легко понять, какія опустошенія она производила сто двадцать лѣтъ тому назадъ, среди населенія, несравненно болѣе бѣднаго. Въ департаментахъ, близкихъ къ театру войны, хлѣбъ приходилось косить еще зеленымъ, чтобы кормить лошадей. Тамъ, гдѣ дѣйствовала какая-нибудь изъ четырнадцати армій Республики, почти все лошади и рабочій скотъ были забраны для военныхъ потребностей.

Солдатамъ такъ же не хватало хлѣба, какъ и крестьянамъ, и бѣдному населенію въ городахъ.

Во всемъ чувствовался такой же недостатокъ. Въ Бретани, въ Эльзасѣ, комиссары Конвента должны были обращаться къ жителямъ большихъ городовъ, какъ Брестъ или Страсбургъ, съ приглашеніемъ обуться всѣмъ въ деревянные башмаки и послать всю свою обувь солдатамъ. Всѣ кожи приходилось отбирать силою, и всѣхъ сапожниковъ заставляли работать на войско; и все-таки обуви не хватало, такъ что даже солдатамъ иногда раздавали деревянные башмаки. Хуже того. Приходилось составлять комитеты, чтобы отбирать въ частныхъ домахъ «всю кухонную утварь, котлы, кастрюли и всякую мѣдную посуду и свинцовыя вещи, равно какъ всю мѣдь и свинецъ не въ подѣлкахъ». Такъ было сдѣлано, напримѣръ, въ округѣ города Страсбурга.

Въ самомъ Страсбургѣ представители Конвента и муниципалитетъ вынуждены были просить у обывателей платья, чулокъ, башмаковъ, рубашекъ, простынь, одѣялъ и всякаго стараго бѣлья, чтобы одѣть оборванныхъ волонтеровъ; кровати въ частныхъ домахъ брались для раненыхъ. Но всего этого не хватало, и по временамъ комиссары Конвента вынуждены были налагать на населеніе тяжелые революціонныя налоги, взыскивая ихъ преимущественно съ богатыхъ. Такъ дѣлалось особенно въ Эльзасѣ, гдѣ крупные помѣщики не хотѣли отказываться отъ своихъ феодальныхъ правъ, на защиту которыхъ выступила Австрія. На югѣ, въ Нарбоннѣ, одинъ изъ представителей Конвента однажды вынужденъ былъ потребовать, чтобы всѣ граждане и гражданки города явились на набережную разгружать барки и нагружать на повозки припасы, привезенные для арміи ¹⁾.

Однакоже мало-по-малу армія была реорганизована. Генералы изъ Жирондистовъ были устранены, и люди молодые заняли ихъ мѣста. Это были вездѣ люди новые, для которыхъ война еще не стала ремесломъ, воодушевленные всѣмъ энтузіазмомъ народной революціи. Они скоро создали по-

¹⁾ Несмотря на все, что рассказываютъ реакціонные историки о терроризмѣ Конвента, видно изъ архивныхъ документовъ, что одни сантъ-кюлоты и нѣсколько молодыхъ гражданокъ отвѣтили на этотъ патріотическій призывъ: „ни одинъ мюскадэнъ и ни одна мюскадэнтка“ (вычурно разряженные франты и франтихи изъ богатыхъ классовъ) не оказались на набережной. Послѣ чего комиссаръ Конвента удовольствовался тѣмъ, что наложилъ на богатыхъ „патріотическое приношеніе въ пользу бѣдныхъ“.

вую военную тактику, которую впоследствии приписывали Наполеону, — тактику быстрых передвижений и больших массъ, нападающихъ на отдѣльныя части непріятельской арміи и уничтожающихъ ихъ, раньше чѣмъ онѣ успѣютъ соединиться. Одѣтые въ лохмотья, часто босоногіе, очень часто лироголоды, но вдохновленные Революціею и идеями равенства, волонтеры 1793 года одерживали побѣды тамъ, гдѣ поражение казалось неизбежнымъ. При этомъ комиссары Конвента выказывали суровую энергію, чтобы прокормить эти арміи, одѣть ихъ, организовать перевозку. Почти всегда равенство было ихъ руководящимъ началомъ. Было, конечно, и среди комиссаровъ Конвента нѣсколько негодныхъ людей, какъ Камбасересъ, были также глупые люди, окружавшіе себя роскошью, которая и погубила впоследствии Бонапарта. и было нѣсколько, несомнѣнно, стремившихся къ наживѣ, но то были очень рѣдкія исключенія. Почти всѣ двѣсти комиссаровъ Конвента дѣлили съ солдатами ихъ нищету и опасности.

Всѣ усилія дали побѣду, и послѣ того, какъ въ августѣ и сентябрѣ пережить былъ очень мрачный періодъ неудачъ, республиканскія арміи, наконецъ, удержали верхъ. Въ началѣ осени иностранное вторженіе было остановлено.

Въ іюнѣ 1793 года, послѣ измѣны Дюмурье сѣверная армія была въ полномъ разложеніи. Ея генералы готовы были драться между собою, а противъ нея стояли четыре арміи, представлявшія 118.000 человекъ, англичанъ, австрійцевъ, ганноверцевъ и голландцевъ. Вынужденная покинуть свой укрѣпленный лагерь и отступить за рѣку Сарну, сѣверная армія предоставила непріятелю крѣпости Валансьенъ и Кондэ и открыла дорогу въ Парижъ.

Въ обѣихъ арміяхъ, защищавшихъ Мозель и Рейнъ, едва насчитывалось 60.000 человекъ; имѣвшихъ противъ себя 83.000 пруссаковъ и австрійцевъ и отрядъ кавалеріи изъ 6000 эмигрантовъ. Кюстинъ, котораго привязанность къ республикѣ была очень сомнительна, оставилъ позиціи, занятія французами въ 1792 году, и далъ нѣмцамъ обложить крѣпость Майнцъ на-Рейнѣ.

Со стороны Савойи и Ниццы, гдѣ приходилось отбиваться отъ 40.000 пьемонтцевъ и 8000 австрійцевъ, имѣлись только двѣ маленькія арміи, Альпъ и Приморскихъ Альпъ, обѣ совсѣмъ дезорганизованныя вслѣдствіе возстаній въ Форезѣ, въ Лионѣ и Провансѣ.

Еще южнѣе, въ Пиренеяхъ, 23.000 испанцевъ вступили во Францію и встрѣтили противъ себя только 10.000 человекъ, не имѣвшихъ ни пушекъ ни припасовъ. При помощи эмигрантовъ испанцы овладѣли нѣсколькими укрѣпленіями и угрожали всей провинціи Руссильона.

Что касается до Англіи, то она уже въ 1793 году приняла тактику, которой держалась въ послѣдствіи въ наполеоновскихъ войнахъ. Не очень-то зарываясь сама, она платила державамъ, вошедшимъ съ нею въ союзъ, чтобы онѣ воевали съ Франціею; а тѣмъ временемъ она отбирала у Франціи ея колоніи и разоряла ея иностранную торговлю. Въ іюлѣ 1793 года англійское правительство объявило блокаду всехъ французскихъ портовъ, и англійскіе корабли, вопреки международному праву того времени, стали хватать корабли нейтральныхъ державъ, возніе жизненные припасы во Францію. Въ то же время Англія покровительствовала эмигрантамъ, ввозила тюки прокламацій и оружіе въ Бретань и Вандею, и подготавливала себѣ сторонниковъ, чтобы овладѣть портами Сенъ-Мало, Бреста, Нанта, Бордо, Тулона и др.

Внутри самой Франціи революціонерамъ приходилось бороться съ сотнею тысячъ крестьянъ, возставшихъ въ Вандеѣ и доведенныхъ духовенствомъ до фанатизма; Бретань волновалась, и въ ней усиленно работали англійскіе эмиссары; буржуазія большихъ коммерческихъ городовъ, какъ Нантъ, Бордо и Марсель, недовольная застоємъ торговли, спосилась съ англичанами. Ліонъ и Провансъ были въ полномъ возстаніи; въ Форезѣ работали священники и эмигранты; а въ самомъ Парижѣ, всѣ тѣ, кто разбогатѣлъ съ 1789 года, снѣжили покончить съ Революціей и готовились къ дружному на нее нападенію.

Въ такихъ условіяхъ союзники — нѣмцы, австрійцы и т. д. — были такъ увѣрены, что скоро возстановятъ во Франціи королевскую власть, что разсчитывали уже черезъ нѣсколько недѣль посадить на престолъ Людовика XVII. Ферзенъ, повѣренный и другъ Маріи-Антуанеты, уже обсуждалъ со своими друзьями, изъ кого составить совѣтъ регентства; а проектъ поставить графа д'Артуа во главѣ недовольныхъ въ Бретани былъ составленъ между Англіей, Испаніей и Россіей ¹⁾.

¹⁾ Письмо барона Стединка, писанное 26 апрѣля изъ Петербурга.

Если бы союзники пошли тогда прямо на Парижъ, они, несомнѣнно, поставили бы Революцію въ крайне затруднительное положеніе. Но потому ли, что они боялись возобновленія сентябрьскихъ убійствъ, или потому, что они предпочитали овладѣть французскими крѣпостями, вмѣсто того, чтобы осадить Парижъ, — во всякомъ случаѣ они замедлили свое наступленіе и обложили Валансьенъ, Кондэ и Майнцъ. Майнцъ защищался и сдался только 22 іюля. Кондэ сдался лишь нѣсколькими днями раньше, послѣ четырехмѣсячнаго сопротивленія; а 26 іюля сдался Валансьенъ, послѣ штурма, къ великому восторгу мѣстной буржуазіи, сносившейся съ герцогомъ Горкскимъ во все время осады. Австрія вступила въ обладаніе этими двумя крѣпостями.

Начиная съ 10 августа дорога на Парижъ была такимъ образомъ открыта союзникамъ, имѣвшимъ до 300.000 человекъ между Остендэ и Базелемъ.

Что же помѣшало имъ еще разъ идти на Парижъ, освобождать Марию-Антуанету и ея сына? Было ли это снова желаніе овладѣть крѣпостями, которыя остались бы за ними, что бы ни случилось во Франціи? Былъ ли это страхъ ожесточеннаго сопротивленія со стороны республиканской Франціи, или же то были — что кажется вѣроятнѣе — дипломатическія соображенія?

Документы, касающіеся французской дипломатіи того времени, далеко еще не всѣ обнародованы, такъ что приходится довольствоваться догадками. Извѣстно, впрочемъ, что лѣтомъ и осенью 1793 года Комитетъ Общественнаго Спасенія велъ переговоры съ Австріей насчетъ освобожденія Марии-Антуанеты, ея сына и дочери и ихъ тетки Мадамъ Элизабетъ. Извѣстно также, что даже въ 1794 году Дантонъ былъ еще въ тайныхъ переговорахъ съ англійскими вигами, чтобы остановить англійское нашествіе. Въ Англіи ждали со дня на день, что глава виговъ, Фоксъ, свергнетъ торійское министерство Питта и станетъ у власти; и два раза (въ концѣ января 1794 года, во время обсужденія отвѣта на тронную рѣчь, и 16 марта того же года) во Франціи надѣялись, что англійскій парламентъ выскажется противъ продолженія войны съ Франціей ¹⁾.

Во всякомъ случаѣ, союзники, послѣ первыхъ своихъ успѣховъ, не пошли прямо на Парижъ, а снова стали оса-

¹⁾ Авенюль („Lundis révolutionnaires“, стр. 245) приписывалъ даже паденіе Дантона провалу его англійской дипломатіи, противъ которой всегда возставали Робеспьеръ и Бафуръ.

ждать крѣпости; герцогъ Іоркскій направился на Дюнкирхенъ и началъ его осаду 24 августа, а герцогъ Кобургскій осадилъ Ле-Кенуа (Le Quesnoy)

Республикѣ дали такимъ образомъ время передохнуть, и это позволило Бушотту, заступившему мѣсто военнаго министра послѣ Паша, реорганизовать армію. Ее усилили новымъ наборомъ въ 60.000 человекъ и ей сумѣли найти республиканскихъ генераловъ, между тѣмъ какъ Карно, состоя въ Комитетѣ Общественнаго Спасенія, пытался внести больше единства въ дѣйствія различныхъ генераловъ, а комиссары Конвента при арміяхъ вдохновляли войска революціонною энергіею.

Такимъ образомъ прошелъ августъ, во время котораго неудачи на границѣ и въ Вандеѣ оживили, было, надежды роялистовъ и сѣяли отчаяніе среди многихъ республиканцевъ.

Но съ первыхъ же дней сентября 1793 года республиканскія арміи, вдохновленные общественнымъ мнѣніемъ, перешли въ наступленіе на сѣверѣ, на Рейнѣ и въ Прирейнѣхъ. Новая тактика дѣйствительно увѣнчалась успѣхомъ на сѣверной границѣ, гдѣ герцогъ Іоркскій, яростно атакованный французами при Хондшотѣ (Hondschoote), вынужденъ былъ снять осаду Дюнкирхена. Въ другихъ мѣстахъ результаты получились, однако, неопредѣленные.

Комитетъ Общественнаго Спасенія воспользовался этимъ, чтобы потребовать отъ Конвента и получить почти диктаторскія права, «въплоть до заключенія мира». Но, конечно, не диктатура Комитета помогла остановить вторженіе, а то, что солдаты, — видя вездѣ, какъ новые республиканскіе начальники выходили изъ ихъ рядовъ и въ нѣсколько дней, въ бою, достигали высшихъ чиновъ, а также вдохновленные комиссарами Конвента, которые шли въ атаку со шлагою въ рукѣ, во главѣ наступающихъ колоннъ, — дѣлали чудеса храбрости. Несмотря на очень тяжелыя потери, они одержали въ Ваттинѣ, 15 и 16 октября, первую большую побѣду надъ австрійцами, и одержали ее штыками, такъ какъ деревня Ваттинѣ восемь разъ переходила изъ рукъ въ руки во время сраженія. Мобѣжъ (Maubeuge), осажденный австрійцами, былъ освобожденъ, и вообще эта побѣда оказала на ходъ событій то же вліяніе что и побѣда при Вальмѣ, въ 1792 году.

Ліонъ, какъ мы видѣли, вынужденъ былъ сдаться республиканской арміи 9 октября, а въ декабрѣ Тулонъ былъ

отнять у англичанъ штурмомъ, который былъ начатъ 8 фри-
мэра II года (28 ноября 1793 года) и продолжался до 26
фримэра (16 декабря). Въ этотъ день «Англійскій редутъ»
и форты Эгильенъ и Баланье были взяты силою. Англійская
эскадра подожгла французскіе корабли, стоявшіе въ поргѣ,
а также арсеналы, эллинги и склады и ушла въ море, пре-
доставляя роялистовъ, выдавшихъ ей Тулонъ, мести рес-
публиканцевъ.

Къ несчастью, эта мечь была ужасна и оставила глубо-
кую ненависть въ сердцахъ населенія. Полтораца человѣкъ,
большею частью морскихъ офицеровъ, были разстрѣляны
картечью, «въ кучѣ», послѣ чего начались казни въ роз-
ницу, революціонными судами.

Въ Эльзасѣ и на Рейнѣ республиканскія арміи съ самаго
начала кампаніи вынуждены были оставить свои оборони-
тельныя линіи вокругъ Виссенбурга. Это открывало дорогу
на Страсбургъ, гдѣ зажиточная буржуазія звала къ себѣ
австрійцевъ, прося ихъ овладѣть городомъ во имя Людовика
XVII. Но австрійцы нисколько не стремились усиливать коро-
левскую власть во Франціи, и это дало время генераламъ
Гошу (Hoch) и Ришгрю (Richegu), при помощи представи-
телей Кольяга, Сепъ-Жюста и Леба (Lebas), реорганизовать
армію и самимъ перейти въ наступленіе. Гошъ разбилъ
австрійцевъ при Генисбергѣ 6 нивоза (25 декабря) и осво-
бодилъ Ландау.

Тѣмъ временемъ наступила зима, и кампанія 1793 года
закончилась безъ рѣшительныхъ успѣховъ съ той или съ
другой стороны. Арміи австрійцевъ, пруссаковъ, гессенцевъ,
голландцевъ, пьемонтцевъ и испанцевъ оставались на гра-
ницахъ Франціи; но размахъ нашествія былъ остановленъ.
Пруссія думала даже отдѣлится отъ союзниковъ, и Англія
должна была взять на себя, въ Гаагѣ (28 апрѣля 1794),
обязательство заплатить прусскому королю 7.500.000 фран-
ковъ и выплачивать ежегодную субсидію въ 1.250.000 фран-
ковъ, въ замѣнъ чего прусскій король долженъ былъ вы-
ставить противъ Франціи армію въ 62.400 человѣкъ.

Слѣдующею весною война должна была начаться снова;
но республика была уже въ гораздо лучшихъ условіяхъ,
чѣмъ раньше. Благодаря одушевленію, которымъ Револю-
ція сумѣла вдохновить бѣдные классы, Франція могла теперь
попѣмному высвободиться изъ когтей враговъ, стремившихся
задушить ее.

По цѣною какихъ жертвъ, внутреннихъ сотрясеній и какой потери личной свободы, которая должна была убить Революцію и предоставить Францію деспотизму военнаго «спасителя»!

Ужасныя послѣдствія, которыя Робеспьеръ и Маратъ предвидѣли, когда Жирондисты хотѣли войны, чтобы осилить королевскую власть, не прибѣгая къ народному возстанію.— эти послѣдствія выступали вполне ясно. А за ними уже показывался призракъ военной диктатуры, скоро приведшей Францію къ Наполеоновской Имперіи. Война оказалась крѣпкимъ на шеѣ у Революціи.

LVI.

Революціонная конституція.—Революціонное правительство.

Раньше чѣмъ вернуться къ Конвенту и къ событіямъ въ Парижѣ, намъ надо было познакомиться съ контръ-революціонными возстаніями во Франціи и съ ходомъ войны на границахъ. Безъ этого ни рѣшенія Конвента, ни борьба партій не были бы понятны. Дѣло въ томъ, что война давала тонъ всему остальному: она поглощала всѣ силы страны и парализовала усилія революціонеровъ.

Главною задачею Конвента, ради которой онъ и былъ созванъ, было—составленіе новой, республиканской конституціи. Конституція 1791 года, монархическая и дѣлившая народъ на два класса, при чемъ одинъ изъ нихъ былъ лишенъ всякихъ политическихъ правъ, не могла быть оставлена въ силѣ. Въ дѣйствительности она уже перестала существовать. Поэтому, какъ только сошелся Конвентъ (21 сентября 1792), онъ занялся новой конституціею. 11 октября были выбраны конституціонный комитетъ, и въ этомъ комитетѣ Жирондисты, очевидно, оказались въ большинствѣ. Въ него вошли: Сейесъ, англичанинъ Томасъ Пэнь (Paine), Бриссó, Петіонъ, Верньо (Vergniaud), Жансону, Кондорсе, Барэръ и Дантонъ. Жирондистъ Кондорсе, извѣстный математикъ и философъ, уже съ 1774 года занимавшійся, вмѣстѣ съ Тюрго, политическими и социальными реформами, былъ однимъ изъ первыхъ, объявившихъ себя республиканцами послѣ побѣга короля въ Вареннъ. Онъ и былъ главнымъ составителемъ проекта конституціи, представленнаго Конвенту жирондистскимъ комитетомъ, и сопровождавшей его Декларациі Правъ Человѣка и Гражданина»

Первый вопросъ, возбужденный среди депутатовъ въ Конвентѣ, былъ, конечно, вопросъ о томъ, которой изъ двухъ партій, спорившихъ за власть, пойдетъ на пользу новая конституція? Жирондисты хотѣли сдѣлать изъ нея оружіе, которое позволило бы имъ помѣшать Революціи идти дальше

того, чего она достигла 10 августа. А потому Монтаньяры, не считавшие Революцію законченной, дѣлали все, чтобы обсужденіе конституціи не было завершено раньше, чѣмъ имъ удастся парализовать въ Конвентѣ Жирондистовъ и royalistes.

Еще до суда надъ Людовикомъ XVI, Жирондисты настаивали на принятіи Конвентомъ ихъ проекта, т. - е. проекта Кондорсе, въ надеждѣ спасти такимъ образомъ короля. Точно такъ же, въ мартѣ и апрѣлѣ 1793, когда стали возникать въ народѣ коммунистическія стремленія, направленные противъ богатыхъ, Жирондисты особенно настаивали на принятіи проекта Кондорсе. Они торопились остановить Революцію и «водворить порядокъ», чтобы ослабить вліяніе, которымъ пользовались royalistes въ провинціи, особенно черезъ посредство муниципалитетовъ, деревенскихъ и городскихъ, и сайгъ-кюлотскихъ секцій въ большихъ городахъ, а въ Парижѣ, кромѣ того, и Коммуны.

Такъ какъ муниципальный законъ 22 декабря 1789 года далъ очень широкія права муниципалитетамъ, — тѣмъ болѣе широкія, что прежніе органы центральной власти въ провинціяхъ (интенданты, т. - е. губернаеры) были упразднены, — то естественно, что народная революція 1793 года находила свою лучшую поддержку въ секціяхъ и въ муниципалитетахъ. Понятно также, что Горѣ важно было сохранить это могучее орудіе своего вліянія¹⁾.

По имени влѣдствіе этого Жирондисты, въ своемъ проектѣ конституціи (который потому только не прошелъ уже раньше, что этому помѣшало возстаніе 31 мая), принимали мѣры, чтобы *ослабить власть коммуны*, уничтожить ихъ независимое существованіе, и усилить Директоріи департаментовъ и округовъ, представлявшія, какъ мы уже упоминали, органы бюрократіи и зажиточныхъ классовъ. Съ этою цѣлью Жирондисты хотѣли уничтожить большія коммуны, какъ Па-

¹⁾ Когда Комитетъ Общей Защиты, измученный оборотомъ, который принимали дѣла въ виду иностраннаго нашествія, призвалъ 27 марта 1793, въ свою среду министровъ и Совѣтъ Парижскихъ Коммуны на совѣщаніе, Марать, резюмируя то, что уже совершалось, сказалъ имъ, что при такомъ кризисѣ верховная власть народа вовсе не нераздѣльна: что каждая Коммуна обладаетъ верховною властью на своей территоріи, и что народъ имѣетъ право самъ принимать мѣры, которыя найдетъ нужными для своего спасенія. (Мемуары Тибодо, цитируемые Мишлэ, книга X, гл. I.) Тутъ онъ оказался болѣе дальновиднымъ и практичнымъ, чѣмъ его товарищи-централлисты.

рижская, а также упразднить общинные муниципалитеты, и вмѣсто ихъ ввести третій разрядъ бюрократическихъ единицъ, — Директоріи кантоновъ, т.-е. волостныя управленія, исторыя они называли «кантональными муниципалитетами»¹⁾.

Если бы этотъ проектъ прошелъ, то коммуны, представлявшія собою, — не части государственной администраціи, а общества, владѣющія сообща землями, зданіями, школами и т. п., должны были бы исчезнуть, чтобы дать мѣсто, въ земскомъ самоуправленіи, чисто административнымъ единицамъ.

Деревенскіе муниципалитеты, дѣйствительно, нерѣдко брали сторону крестьянъ, а въ большихъ городахъ муниципалитеты и секціи очень часто защищали интересы бѣдныхъ классовъ населенія. Зажиточной буржуазіи хотѣлось поэтому ввести органъ, замѣняющій муниципалитеты, и Жирондисты надѣялись найти такой органъ въ кантональной Директоріи, т.-е. волостномъ управленіи, которое принадлежало бы къ іерархіи управленій департамента и округовъ, — учрежденій строго бюрократическихъ и строго консервативныхъ.

Въ этомъ пунктѣ — мало-замѣченномъ до сихъ поръ историками, но на нашъ взглядъ чрезвычайно важномъ — проекты конституцій Жирондистскій и монтаньярскій, расходились вполне.

Другое измѣненіе въ конституціи, которое хотѣли провести Жирондисты (оно было, впрочемъ, отвергнуто даже въ комитетѣ), состояло въ созданіи *двухъ* палатъ, или же, если это не пройдетъ, — въ раздѣленіи законодательнаго учрежденія на двѣ части, какъ это и было сдѣлано впоследствии, въ конституціи III года (1795), по наступленіи термидорской реакціи и по возвращеніи Жирондистовъ во власть.

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ проектъ Жирондистовъ казался, правда, очень демократичнымъ, такъ какъ онъ давалъ первичнымъ собраніямъ избирателей право выбирать не только народныхъ представителей, но и чиновниковъ верховнаго суда и, наконецъ, даже министровъ²⁾. Кромѣ того, опъ

¹⁾ Кантонъ, во Франціи, соответствуетъ русской волости: «Кантональные директоріи» соответствовали бы волостнымъ управамъ.

²⁾ Каждое избирательное собраніе должно было указать имена семи министровъ, изъ которыхъ администрація департамента должна была составить списокъ тринадцати кандидатовъ на каждое министерство. Тогда избирательныя собранія, сойдясь во второй разъ, должны были произвести по этимъ спискамъ окончательный выборъ министровъ.

вводилъ «прямое законодательство», или такъ называемый «референдумъ», т.-е. голосованіе законовъ всѣмъ народомъ, нынѣ существующее въ Швейцаріи. Но назначеніе министровъ всеобщею подачею голосовъ (допуская его осуществимость на практикѣ) привело бы только къ созданію двухъ соперничающихъ между собою властей, — Палаты и министерства, исходящихъ, обѣ, изъ одного и того же источника, всеобщаго голосованія. Референдумъ же былъ обставленъ такими сложными правилами, что на практикѣ онъ становился почти невозможнымъ¹⁾.

Что же касается до такъ называемаго «Федерализма жироидистовъ», то въ ихъ проектѣ конституціи его нѣтъ и слѣда. Напротивъ того, ихъ конституція была бы торжествомъ бюрократіи и административной централизациі.

Наконецъ, этотъ проектъ конституціи и предшествовавшей ей «Декларациі правъ», устанавливалъ — такъ же, какъ и монтаньярскій проектъ, — въ болѣе опредѣленной формѣ, чѣмъ конституція 1791 года, права гражданина: свободу религіозныхъ убѣжденій и богослуженія, свободу печати и всякаго другого способа распространенія своихъ мнѣній. Относительно же коммунистическихъ стремленій, пробивавшихся въ народѣ. Декларациа правъ ограничивалась заявленіемъ, что «общественная помощь составляетъ священный долгъ для общества», и что общество обязано давать образованіе всѣмъ своимъ членамъ, въ одинаковой мѣрѣ. Благотворительное подаяніе — дальше этого Жироидисты не шли.

Легко понять сомнѣнія, какія долженъ былъ возбудить этотъ проектъ, когда онъ былъ представленъ въ Конвентъ. 15 февраля 1793 года. Еще не чувствуя себя въ силахъ его опровергнуть (такъ какъ Жироидисты были въ большинствѣ), Монтаньяры постарались затянуть, по возможности, обсужденіе конституціи, и потребовали, чтобы Конвенту представлены были другіе проекты. Съ этою цѣлью назначена была новая коммиссія. — «Коммиссія Шести», какъ ее называли — и ей поручили рассмотреть другіе проекты, какіе могли быть представлены. Такимъ образомъ обсужденіе конституціи началось только 17 апрѣля.

Насчетъ общихъ положеній Декларациі правъ не трудно было согласиться, тѣмъ болѣе, что обѣ партіи, какъ Жироид-

¹⁾ У Олара, „Политическая Исторія Революціи“, часть II, гл. IV: читатель найдетъ прекрасное изложеніе обѣихъ конституцій, Горы и Жироидистовъ.

дисты, такъ и Горцы, хотѣли избѣгнуть того, что могло бы послужить усиленію «Бѣшеныхъ» (Enragés), т.-е. коммунистовъ. Робеспьеръ произнесъ рѣчь, которая, какъ это указалъ Оларъ, несомнѣнно была слегка окрашена тѣмъ, что теперь называется социализмомъ. Надо заявить, говорилъ онъ, что «право собственности ограничено, какъ и всѣ другія права, обязательствомъ уважать права другихъ личностей; что оно не должно наносить ущерба ни безопасности, ни свободѣ, ни жизни, ни собственности нашихъ ближнихъ; и что всякая торговля, нарушающая эти права, по этому самому не позволительна и безнравственна». Онъ требовалъ также провозглашенія права на трудъ, — въ формѣ, однако, довольно малозначущей: «Общество обязано заботиться о средствахъ существованія всѣхъ своихъ членовъ — или доставляя имъ трудъ, или обезпечивая средства существованія тѣмъ, кто не въ силахъ работать». Но тутъ же, кстати, онъ не преминулъ отмежеваться отъ тѣхъ, кто хотѣлъ Равенства въ правахъ на землю¹⁾.

Конвентъ рукоплескалъ этой рѣчи, но отказался ввести въ Декларацию правъ даже тѣ четыре статьи, которые выражали скромныя мысли Робеспьера о правѣ собственности; такимъ образомъ, ни 29 мая, когда Конвентъ, шакалунѣ восстанія 31 мая, единогласно принялъ Декларацию правъ, ни 23 іюня, когда Декларация была принята въ ея окончательной, слегка пересмотрѣнной редакціи, въ нее не подумали ввести тѣ скромныя, принципиальныя ограниченія права собственности, которыя Робеспьеръ изложилъ въ сжатой формѣ

¹⁾ „Грязныя души, уважающія только золото,—говорилъ Робеспьеръ, очевидно по адресу Жирондистовъ и Болота,—я не хочу касаться вашихъ сокровищъ, какъ бы не чисто ни было ихъ происхожденіе. Вы навѣрно знаете сами, что этотъ аграрный законъ, о которомъ вы столько говорили—не что иное, какъ пугало, выдуманное плутами, чтобы пугать дураковъ... Намъ гораздо важнѣе сдѣлать бѣдность почтенною, чѣмъ подвергать ostracisme благосостояніе... Установимъ же честнымъ образомъ начала права собственности"... И онъ предлагалъ ввести въ Декларацию Правъ слѣдующія четыре статьи: «Собственность есть право каждого гражданина пользоваться и располагать тою частью имуществъ, которая обезпечена ему закономъ.—Право собственности ограничивается, какъ и всѣ другія права, обязательствомъ уважать права другихъ лицъ.—Оно не можетъ наносить ущерба ни безопасности, ни свободѣ, ни существованію, ни собственности нашихъ ближнихъ.—Всякое владѣніе, всякая торговля, нарушающіе это основное начало, по тому самому не позволительны и безнравственны». См. James Guillaume, „Les quatre Déclarations des droits de l'homme» (журналъ La Révolution Française) и „Études révolutionnaires“, 1-е série, Paris, 1905).

въ своихъ четырехъ пунктахъ. И самъ Робеспьеръ на этомъ уже не настаивалъ.

Но гдѣ понятія Горы дѣйствительно расходились съ понятіями Жиронды, это выказалось 22 мая, когда началось обсужденіе жирондистскаго проекта уничтоженія общинныхъ муниципалитетовъ и введенія, взамѣнъ ихъ, кантональных (волостныхъ) управленій. Противъ этого уничтоженія монтаньяры выступили совершенно рѣшительно, тѣмъ болѣе, что Жирондисты хотѣли попутно уничтожить и единство Парижа и его Коммуны, предлагая раздѣлить на нѣсколько муниципалитетовъ каждый городъ, имѣющій свыше 50.000 жителей. Тогда Конвентъ, чувствуя, конечно, что Парижъ уже сильно волновался въ этотъ день, рѣзко сталъ на сторону монтаньяровъ и отвергъ жирондистскій проектъ кантональных муниципалитетовъ.

Но событія шли ускореннымъ ходомъ. Надвигалось возстаніе 31 мая, которое заставило Конвентъ исключить изъ своей среды главныхъ жирондистскихъ вожаковъ. Становилось ясно, что изгнаніе Жирондистовъ поведетъ къ гражданской войнѣ въ нѣкоторыхъ департаментахъ. Конвентъ долженъ былъ, стало-быть, безъ промедленія выставить въ конституціи знамя, вокругъ котораго могли бы соединиться всѣ республиканцы въ провинціяхъ. Тогда, 30 мая, наканунѣ возстанія, Конвентъ постановилъ, по предложенію Комитета общественнаго спасенія, что конституція будетъ содержать только самыя необходимыя статьи, которыя будутъ признаны неотмѣняемыми. А такъ какъ такую краткую конституцію можно было написать въ нѣсколько дней, Конвентъ назначилъ 30 мая комиссію изъ пяти членовъ, въ которую вошли Геро де Сешель (Hérault de Séchelles), Рамель, Сенъ-Жюсть, Матье и Кутонъ. Имъ было поручено представить «неотлагательно» планъ конституціи, ограничивающейся одними основными статьями.

Послѣ того, какъ вліятельные Жирондисты были изгнаны 2 іюня изъ Конвента и арестованы, Конвентъ, уже не встрѣчая препятствій со стороны Жиронды, началъ, 11 іюня, обсужденіе новаго краткаго плана конституціи, выработаннаго его монтаньярскою комиссіею. Обсужденіе продолжалось недѣлю, до 18 іюня. Затѣмъ Декларация правъ (принятая уже, какъ мы видѣли, 29 мая), была слегка пересмотрѣна, чтобы согласовать ее съ конституціею, и, представленная вновь 23 іюня, она была одобрена Конвентомъ въ тотъ же день. На слѣдующій день, 24, конституція была принята во второмъ

чтении, и Конвентъ немедленно разослалъ ее первичнымъ избирательнымъ собраніямъ, съ тѣмъ, чтобы подвергнуть ее голосованію всѣмъ народомъ.

Монтаньярская конституція вполне удерживала общинные муниципалитеты — въ этомъ ея отличительная черта. — «Какъ могли бы мы, — говорилъ Геро де Сешель, — не сохранить муниципалитеты, какъ бы многочисленны они ни были? Это была бы неблагодарность по отношенію къ Революціи и преступленіе противъ свободы. Мало того. Это значило бы *дѣйствительно уничтожить народное право*...» — «Нѣтъ, — прибавлялъ онъ, сказавши нѣсколько сентиментальныхъ фразъ, — мысль объ уничтоженіи муниципалитетовъ могла зародиться только въ умахъ аристократовъ, отъ которыхъ она перешла къ дѣмъреннымъ», — т.-е. къ буржуа-централистамъ, прибавимъ мы.

Для выбора народныхъ представителей конституція 1793 года вводила всеобщую и прямую подачу голосовъ, по списку (*scrutin d'arrondissement*), составляемому въ каждомъ округѣ, состоящемъ изъ 50.000 жителей. Администрація же департамента и округовъ избиралась двухстепенною подачею голосовъ, а Исполнительный Совѣтъ, т.-е. исполнительная власть въ государствѣ, или министерство, избиралось трехстепеннымъ голосованіемъ. Законодательное Собраніе избиралось только на одинъ годъ, и всѣ его рѣшенія дѣлились на два разряда: *декреты* (указы), которые становились обязательными немедленно, и *законы*, для которыхъ народъ могъ потребовать всенароднаго голосованія, или *референдума*.

Впрочемъ, какъ въ жирондистской, такъ и въ монтаньярской конституціи, право всенароднаго голосованія было совершенно призрачнымъ. Во-первыхъ, все могло дѣлаться декретами, которые не шли на народное голосованіе. А во-вторыхъ, послѣднее было обставлено большими трудностями. Для этого нужно было, чтобы «въ половинѣ департаментовъ, плюсъ одинъ изъ нихъ, десятая часть первичныхъ собраній каждаго изъ нихъ, правильно созданныхъ», протестовала противъ новаго закона, раньше истеченія сорока дней послѣ полученія его на мѣстахъ.

Наконецъ, конституція обезпечивала всѣмъ французамъ свободу, безопасность, собственность, государственный долгъ, свободное отиравленіе всякаго богослуженія, общее для всѣхъ образованіе, общественную помощь, неограниченную свободу печати, право подавать прошенія, право соби- раться въ народныя общества, пользованіе всѣми правами

человѣка». Что же касается до социальныхъ законовъ, озмѣнившихся отъ конституціи, то докладчикъ Геро де Сешель обѣщалъ ихъ на будущее время. Сперва—водвореніе порядка! Впослѣдствіи видно будетъ, что можно сдѣлать для народа. На этомъ исполнѣ согласились большинство Монтаньяровъ и большинство Жирондистовъ¹⁾.

Предложенная на одобреніе первичныхъ избирательныхъ собраній конституція 24 іюня 1793 года была принята съ большимъ единодушіемъ и даже энтузіазмомъ. Республика состояла тогда изъ 4944 кантоновъ (волостей), и когда получилось голосованіе изъ 4520 кантоновъ, то оказалось, что конституція была принята 1.801.918 голосами противъ 11.610.

10 августа 1793 года эта конституція была провозглашена въ Парижѣ съ большимъ торжествомъ, и въ провинціи она несомнѣнно помогла парализовать жирондистскія возстанія. Розказы Жирондистовъ о томъ, что Монтаньяры хотятъ возстановить королевскую власть и посадить на престолъ герцога Орлеанскаго, падали сами собою. Съ другой стороны, конституція 1793 года была такъ хорошо принята большинствомъ демократовъ, что она стала съ тѣхъ поръ, на цѣлое столѣтіе, символомъ вѣры для государственной демократіи всѣхъ народовъ.

Съ провозглашеніемъ конституціи, Конвентъ, который именно для того и былъ созванъ, чтобы выработать для Франціи республиканскую конституцію, долженъ былъ бы разойтись. Но всѣ чувствовали, что въ данныхъ условіяхъ, имѣя на рукахъ ипострапное вторженіе, войну съ коалиціей державъ на всѣхъ границахъ и возстанія въ Вандеѣ, въ Ліонѣ, въ Провансѣ и т. д., ввести новую конституцію было невозможно. Конвенту нельзя было разойтись и подвергать республику всѣмъ случайностямъ новыхъ выборовъ.

¹⁾ Въ „Декларациі правъ“, окончательно принятой 23 іюня, статьи о собственности были выражены въ этихъ словахъ: „Право собственности есть право, принадлежащее каждому гражданину. пользоваться и распоряжаться по своему усмотрѣнію своими имуществами, доходами и плодами своего труда и своего прилежанія. — Никакого рода трудъ, или обработка, или торговля не могутъ быть возбранены прилежанію гражданъ. — Никто не можетъ быть лишенъ наималѣйшей части своей собственности, безъ его согласія, если этого не потребуетъ общественная необходимость, законно выраженная, и подъ условіемъ справедливаго и предварительнаго вознагражденія“. — Конвентъ, стало-быть, не шелъ дальше началъ 1791 года касательно собственности.

Робеспьеръ развилъ эту мысль въ клубѣ Якобинцевъ, на другой же день послѣ провозглашенія конституціи, и многочисленные депутаты, съѣхавшіеся въ Парижъ изъ провинцій, чтобы присутствовать при объявленіи конституціи, были того же мнѣнія. 28 августа Комитетъ Общественнаго Спасенія высказалъ ту же мысль въ Конвентѣ, и, послѣ шестинедѣльнаго колебанія, — послѣ того, какъ временное правительство Республики одержало свои первые успѣхи въ Ліонѣ, т. - е. 10 октября 1793 года, — было объявлено, что правительство Франціи останется «революціоннымъ» вплоть до заключенія мира.

Конституція была принята; но вводить её въ жизнь не рѣшались. Конвентъ и назначенные имъ Комитеты сохраняли свою власть.

Такимъ образомъ удерживалась — на дѣлѣ, если не на праву — диктатура Комитетовъ Общественнаго Спасенія и Общественной Безопасности, вскорѣ усиленная закономъ о подозрительныхъ личностяхъ и закономъ, вводившимъ въ провинціяхъ Революціонные Комитеты.

LVII.

Истощеніе революціоннаго духа.

Движеніе 31-го мая 1793 года позволило Революціи закончить то, что составляло ее главную задачу: окончательное уничтоженіе, безъ выкупа, феодальныхъ правъ и полное освобожденіе страны отъ королевскаго деспотизма и управленія приворною челядью. Но разъ это было сдѣлано Революціею, она начала отшатываться. Народныя массы хотѣли бы идти дальше; но гв., кою Революція вынесла во главу движенія, либо не хотѣли этого, либо не смѣли идти такъ далеко. Они не хотѣли, чтобы Революція наложила свою руку на имуществъ буржуазіи, кѣмъ она это сдѣлала съ имуществомъ дворянства и духовенства, а потому они стали пользоваться и вѣсѣмъ своимъ вліяніемъ, чтобы затормозить и остановить, а затѣмъ развить болѣе крайнее направленіе. Самые смѣлые и самые искренніе изъ нихъ, по мѣрѣ того, какъ они приближались къ власти, становились соотѣмъ снисходительными по отношенію къ гв. буржуазіи, даже тогда, когда они ненавидѣли ее. Они заглушали свои стремленія къ равенству и начинали прислушиваться даже къ тому, что скажетъ о нихъ англійская буржуазія. Въ свою очередь они тоже становились «государственными людьми» и старались устроить сильное, централизованное правительство, которому должны были слѣпо повиноваться все его органы. И когда, наконецъ, имъ удалось установить такое правительство, — перейдя ради этого черезъ трупы тѣхъ, кою они считали слишкомъ крайними, — они узнали, когда имъ самимъ пришлось подниматься на ступени эшафота, что, *добавивъ крайнюю партію, они вліяли съ нею больше и самую Революцію.*

Послѣ того, какъ Конвентъ закрѣпилъ закономъ то, чего требовали крестьяне, и что они кое-гдѣ приводили въ исполненіе самовольно, въ продолженіе четырехъ лѣтъ, — послѣ этого народное представительство уже не въ силахъ было

предпринять никакой другой серьезной органической реформы. Если исключить мѣры, касающіяся военной защиты и народнаго образованія, работа Конвента поражаетъ съ этихъ поръ своею безплодностью. Правда, законодатели-республиканцы провели еще учрежденіе революціонныхъ комитетовъ и рѣшили оплачивать трудъ санъ-кюлотовъ, которые будутъ отдавать свое время работамъ въ секціяхъ и въ комитетахъ; но эти законы, демократическіе съ вида, не представляли собою мѣръ революціоннаго разрушенія или революціоннаго творчества. Это было не что иное, какъ средство организовать власть, и то только преимущественно для борьбы съ врагами внѣшними и внутренними.

Теперь нужно искать внѣ Конвента и внѣ Якобинскаго клуба, — т.-е. въ парижской Коммунѣ, въ секціяхъ столицы и провинціальныхъ городовъ и въ клубѣ Кордельеровъ — людей, понимающихъ, что побѣды Революціи можно будетъ упрочить, только идя дальше, впередъ, и старающихся поэтому выдвинуть требованія коммунистическаго характера, зародившіяся въ народныхъ массахъ.

Эти люди, прозванные за это Бѣшеными, Анархистами, пытались организовать Францію какъ союзъ *сорока тысячъ коммунъ*, находящихся въ постоянномъ сношеніи другъ съ другомъ, и представляющихъ центры жизни крайней демократіи, работающіе надъ установленіемъ «равенства на дѣлѣ», какъ тогда говорилось, «уравненія состояній» ¹⁾. Они старались дать дальнѣйшее развитіе зачаткамъ муниципальнаго коммунизма, признаннымъ въ законъ о максимумѣ; они пытались ввести *націонализацию торгаша главнымъ жизненнымъ припасомъ*, и тѣмъ положить предѣлъ спекуляціямъ торгашей. Они старались, наконецъ, положить предѣлъ образованію большихъ состояній и раздробить тѣ, которые уже скопились въ однихъ рукахъ.

¹⁾ Развѣтїе дѣятельности муниципалитетовъ было „последнимъ выступленіемъ революціи“, — очень вѣрно замѣтилъ еще Мишье въ своей „Исторіи французской Революціи“. — „Преслѣдуя цѣли, противоположныя тому, что хотѣлъ Комитетъ Общественнаго Спасенія, эта фракція хотѣла, вмѣсто диктатуры Конвента, самой крайней демократіи, и въ него общественнаго богослуженія — освященія самаго грубаго невѣрія. Анархія въ политикѣ и атеизмъ въ религіи, таковы были символы этой партіи и средства, которыми она хотѣла утвердить свое преобладаніе“. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что только часть тѣхъ, кого называли анархистами, слѣдовала за Эберомъ въ его походѣ противъ религіи, и что многіе отошли отъ него, видя враждебное настроеніе умовъ въ деревняхъ.

Но революціонная буржуазія, дойдя до власти и пользуясь силою обонхъ Комитетовъ, — Общественнаго Спасенія и Общественной Безопасности — которыхъ вліяніе росло по мѣрѣ того, какъ разгоралась война, революціонная буржуазія раздавила тѣхъ, кого она называла «Бѣшенными» и «Анархистами», и, въ свою очередь, была раздавлена, 9 термидора, контръ-революціонною буржуазіею ¹⁾. Тогда, послѣ того, какъ крайніе революціонеры были уничтожены, легко уже было утвердиться правительству Директоріи; а потомъ Бонапартъ, овладѣвши центральною властью, которую создали революціонеры-якобинцы, безъ труда могъ стать консуломъ, а впослѣдствіи и императоромъ.

Покуда Монтаньярамъ предстояла борьба въ Конвентѣ съ Жирондистами, они искали поддержки у народныхъ революціонеровъ. Въ мартѣ, въ апрѣлѣ 1793 года, они, казалось, готовы были идти очень далеко рука объ руку съ пролетаріями. Но разъ они оказались во власти, они уже думали только о созданіи «средней партіи», стоящей на полъ-пути между крайними и контръ-революціонерами. Тогда они уже стали обращаться съ представителями стремленій народа къ Равенству, какъ съ врагами. Они парализовали всѣ нѣкоторыя попытки организаціи въ секціяхъ и въ Коммунѣ, и раздавили ихъ.

Дѣло въ томъ, что вообще монтаньяры, за весьма рѣдкими исключеніями, даже не понимали нужды народа такъ, какъ это нужно было, чтобы стать партіею народной революціи. Человѣкъ изъ народа, съ его нуждами, съ его голодною семьею и съ его, еще смутными и неутвердившимися стремленіями къ равенству, былъ для нихъ чужой человѣкъ. Ихъ, выросшихъ на идеалахъ древняго Рима, гораздо больше интересовалъ отвлеченный индивидуумъ, — членъ будущаго демократическаго общества.

За исключеніемъ немногихъ, болѣе крайнихъ монтаньяровъ, комиссары Конвента, когда они прїѣзжали въ провинціальныя города, мало интересовались вопросами труда и

¹⁾ Подъ именемъ „Коммуны“ и „анархистовъ“ Мишье подразумѣвалъ видныхъ дѣятелей Коммуны, какъ Панъ и Шометъ, коммунистовъ, какъ Жакъ Ру, Шальё, Варлэ и др., и Эбертистовъ. Такъ, напримѣръ, онъ писалъ: „Въ такихъ условіяхъ Робеспьеръ хотѣлъ пожертвовать Коммуною и анархистами, Комитеты же хотѣли пожертвовать Горою и умѣренными. Въ концѣ-концовъ они стоворились“. Мишье, наоборотъ, прекрасно отдѣлялъ народныхъ коммунистовъ отъ Эбертистовъ.

благосостоянія народа, или же равенствомъ въ пользованіи личными богатствами. Ихъ послали, чтобы организовать отпоръ иностранному вторженію и поднять патріотическій духъ, и они дѣйствовали, какъ чиновники демократіи, для которыхъ народъ являлся элементомъ для осуществленія видовъ правительства.

Если они шли, прежде всего, въ Народное общество этого города, то они дѣлали такъ потому, что муниципалитетъ былъ «зараженъ аристократизмомъ», и Народное общество должно было помочь имъ «очистить муниципалитетъ», чтобы организовать народную защиту и арестовать, или казнить измѣнниковъ.

Если они налагали тяжелые налоги на богатыхъ, то они дѣлали это потому, что богатые, «зараженные духомъ коммерціи», сочувствовали «фѣльянтамъ», или «федералистамъ» (т.-е. Жирондистамъ) и помогали непріятелю. Еще и потому, что, взыскивая эти налоги, они находили средство кормить и обувать солдатъ¹⁾.

Если они «провозглашали Равенство» въ какомъ-нибудь городѣ и запрещали печь бѣлый хлѣбъ, заставляя всѣхъ печь черный хлѣбъ, или хлѣбъ изъ бобовъ, то это было опять-таки для того, чтобы кормить солдатъ. И если комиссаръ Комитета Общественнаго Спасенія организовалъ народный праздникъ, а потомъ писалъ Робеспьеру, что соединить гражданскимъ бракомъ столько-то гражданокъ съ молодыми патріотами, то опять-таки его больше интересовала сдѣланная имъ пропаганда военного патріотизма.

Поэтому, когда читаешь письма, адресованныя Конвенту его комиссарами, невольно поражаешься, находя въ нихъ такъ мало по вопросамъ, болѣе всего интересовавшимъ крестьянъ и городскихъ рабочихъ. Изъ двухсотъ комиссаровъ только двое или трое интересовались ими²⁾.

Такъ, напримѣръ, Конвентъ уничтожилъ, наконецъ, феодальныя права и приказалъ сжечь всѣ бумаги, касающіяся этихъ правъ, при чемъ уничтоженіе актовъ производилось, однако, весьма неохотно. Онъ позволилъ также сельскимъ общинамъ вернуть себѣ мѣстныя земли, отъбранныя у нихъ подѣ-

¹⁾ «Федералистами» называли Жирондистовъ, потому что они хотѣли разрушить преобладаніе Парижа и побороть революціонный духъ его населенія.

²⁾ Эти письма даны въ „Recueil des Actes du Comité de Salut public“, publié par Aulard, Paris, 1889 et suiv.; также у Legros, „La Révolution telle qu'elle est... Correspondance du Comité de Salut public avec ses généraux“, 2 vol., Paris, 1837.

различными предметами за последние двѣсти лѣтъ. Очевидно, что ускорить эти мѣры, привести ихъ въ исполненіе на мѣстахъ было бы лучшимъ средствомъ пробудить въ народѣ широкія симпатіи къ Революціи. Но въ письмахъ комиссаровъ почти ничего не встрѣчается по этому предмету¹⁾. Что же касается до чрезвычайно интересныхъ писемъ молодого Жюльена, адресованныхъ Комитету Общественнаго Спасенія и его другу и покровителю Робеспьеру, то онъ только одинъ разъ упоминаетъ, что велѣлъ сжечь феодальныя записи²⁾. Объ этомъ случайно упоминается также у Колло-Д'Эрбуа³⁾.

Даже когда комиссары Конвента говорятъ о жизненныхъ припасахъ, — а имъ часто приходится о нихъ говорить, — они не касаются сущности вопроса. Есть только одно письмо, Жанъ Бона Сентъ-Андрѣ, отъ 26 марта 1793 года, которое составляетъ исключеніе; но и оно написано ранее 31 мая. Позднѣе Жанъ Бонъ тоже обращался противъ болѣе крайнихъ революціонеровъ⁴⁾. Въ только что упомянутомъ письмѣ (онъ писалъ его изъ департамента Ло-и-Гаронны, одного изъ самыхъ симпатичныхъ революціи онъ проситъ своихъ товарищей по Комитету не скрывать отъ себя опасности. «Положеніе таково, — писалъ онъ, — что если мы не будемъ имѣть смѣлости вызвать одно изъ тѣхъ необычайныхъ событій, которыя поднимаютъ общественный духъ во Франціи и даютъ ему новую силу, нужно отожить вѣзку на тебѣду. Безпорядки въ Вандеѣ и сосѣднихъ департаментахъ, конечно, внушаютъ опасенія, но они опасны только потому, что святой энтузіазмъ къ свободѣ заглушенъ во всѣхъ сердцахъ. Вездѣ устами отъ Революціи. Богатые еѣ ненавидятъ, а у бѣдныхъ нѣтъ хлѣба... Всѣ тѣ, кого прежде называли умѣренными, кто шелъ до нѣкоторой степени заодно съ патриотами и хотѣлъ хоть какой-нибудь революціи, теперь никакой не хо-

¹⁾ Письма, напечатанныя въ вышеупомянутыхъ сборникахъ Олара и Лекрѣ полны живого интереса во всѣхъ отношеніяхъ; но я напрасно искалъ въ нихъ слѣдовъ дѣятельности комиссаровъ въ этихъ двухъ направленіяхъ. Только Жанъ Бонъ Сентъ-Андрѣ, Колло-д'Эрбуа Фуно и Дюбуа-Франсо затрагиваютъ иногда большіе вопросы, интересующіе крестьянъ и рабочихъ; можетъ-быть, существуютъ другія письма комиссаровъ, мнѣ неизвѣстныя; но вообще можно сказать, что громадное большинство комиссаровъ этими вопросами не интересовалось.

²⁾ „Une mission en Vendée“.

³⁾ Aulard, „Recueil des Actes du Comité de Salut public“, t. V, p. 505.

⁴⁾ Письмо подписано двумя комиссарами, посланными въ этотъ департаментъ: Жанъ Бонъ и Лакостоль, оно писано рукою перваго.

тятъ... Скажемъ правду: они хотятъ контръ-революціи". Даже муниципалитеты слабы или развращены во всѣхъ мѣстностяхъ, посѣщенныхъ комиссарами.

Жанъ Бонъ Сентъ-Андре требуетъ поэтому мѣръ великихъ и суровыхъ. И, закончивъ свое письмо, онъ возвращается къ этимъ мѣрамъ въ припискѣ: „У бѣдныхъ,— пишетъ онъ,— нѣтъ хлѣба, а между тѣмъ въ зернѣ нѣтъ недостатка: но только его прячутъ... Обязательно необходимо дать бѣднымъ средства жизни, если вы хотите чтобы они помогли вамъ закончить Революцію... Мы думаемъ, что полезно было бы выпустить декретъ, предписывающій всеобщій наборъ всего зернового хлѣба (*le recrutement général de tous les grains*), въ особенности— если къ нему прибавить распоряженіе о зерновыхъ складахъ, составляемыхъ изъ избытка всѣхъ частныхъ лицъ". И Жанъ Бонъ умолялъ Барера взять на себя починъ этихъ мѣръ ¹⁾. Но развѣ Конвентъ интересовался этими вопросами!

Утвержденіе монтаньярскаго правительства, вотъ что болѣе всего интересовало членовъ Конвента. Подобно всѣмъ членамъ всякаго правительства, до Революціи и послѣ нея, они искали опоры не въ установленіи всеобщаго благосостоянія и довольства, а въ ослабленіи, и въ случаѣ надобности въ истребленіи противниковъ своего правительства. Поэтому они вскорѣ со страстью ухватились за терроръ, какъ за средство уничтожать враговъ демократической Республики, но никогда не отнеслись они съ такою же вѣрою къ крупнымъ мѣрамъ экономическаго характера, — даже тогда, когда они сами, уступая давленію минуты, провели эти мѣры законодательнымъ путемъ.

¹⁾ Акты Комитета Общественнаго Спасенія, изданные Оларомъ, т. III, стр. 533—534.

LVIII.

Коммунистическое движеніе.

Уже въ наказахъ 1789 года встрѣчаются, какъ это показалъ Шассенъ, воззрѣнія, которыя въ настоящее время были бы названы социалистическими. Руссо, Гельвецій, Мабли, Дидро и др. уже представляли неравенство состояній и скопленіе богатствъ въ рукахъ немногихъ, какъ главное препятствіе установленію демократической свободы. При первыхъ же проблескахъ революціи эти воззрѣнія стали высказываться съ большою силою.

Тюргó, Сейесъ, Кондорсэ утверждали, что равенство въ политическихъ правахъ еще ничего не даётъ, если нѣтъ равенства на дѣлѣ (*égalité de fait*). Это послѣднее, говорилъ Кондорсэ, представляетъ собою «послѣднюю цѣль социальнаго искусства», такъ какъ неравенство богатствъ, неравенство состояній и неравенство образованія — главные причины всѣхъ золъ ¹⁾. И тѣ же идеи нашли отголосокъ во многихъ наказахъ избирателей, которые требовали или права всѣхъ на обладаніе землей, или «уравненія состояній».

Можно даже сказать, что парижскій пролетаріатъ вполне сознавалъ свои нужды и находилъ уже людей для вѣрнаго ихъ выраженія. Мысль о двухъ классахъ, имѣющихъ противоположные интересы, ясно выражена въ «Наказѣ бѣдныхъ» (*Cahier des pauvres*) округа Сентъ-Этьенъ дю-Монъ нѣкимъ Ламбертомъ, «другомъ тѣхъ, у кого ничего нѣтъ». Производительный трудъ, достаточная заработная плата (*living wage* нынѣшнихъ англійскихъ социалистовъ), борьба противъ такъ называемаго «невмѣшательства» буржуазныхъ

¹⁾ Уже Кабо, въ своемъ приложеніи къ „Путешествію въ Икарію“, изданіе 1842 года, указалъ на этотъ характеръ мыслителей восемнадцатаго вѣка и далъ много цитатъ.—Изъ современныхъ работъ, см. André Lichtenberger, „Le Socialisme et la Révolution française“, Paris, 1899.

экономистовъ, противопоставленіе соціальнаго вопроса вопросу политическому, все это уже встрѣчается въ «Наказѣ бѣдныхъ»¹⁾.

Но въ особенности стали открыто распространяться коммунистическія идеи послѣ вѣдѣнія Тюильри, и еще болѣе — послѣ казни короля, т.-е. въ февралѣ и мартѣ 1793 года. Можно думать даже — по крайней мѣрѣ такъ утверждаетъ Бодо (Baudot). — что Жирондисты потому выступили такими яркими защитниками собственности, что они устрашились вліянія, которое пріобрѣтала въ Парижѣ пропаганда равенства и коммунизма²⁾.

Нѣкоторые Жирондисты, а именно Рабо Сентъ-Этьенъ и Кондорсе, несомнѣнно подверглись вліянію этого движенія. Кондорсе на смертномъ одрѣ излагалъ планъ «взаимности» (mutualité, т.-е. взаимнаго страхованія всѣхъ гражданъ противъ всего того, что можетъ привести рабочаго въ состояніе, гдѣ онъ долженъ пролавать свой трудъ, какъ бы чала ли была предлагаемая ему цѣна. Что же касается до Рабо, то онъ требовалъ, чтобы большія состоянія были отняты у богатыхъ либо путемъ прогрессивнаго налога, либо организаціей постепеннаго перехода избыточнаго богатства въ общественныя, общепольныя учрежденія». — «Большія состоянія представляютъ препятствіе къ свободѣ», писалъ онъ повторная формулу, въ то время весьма распространенную. Даже Бриссо, вполнѣ ярымъ защитникъ

1) «Всего было и всего будетъ только два (фактически отдѣльныхъ) класса гражданъ — собственники и неосвоенники, изъ которыхъ первые вѣдѣть вѣдѣть, а вторые ничѣмъ», говорится въ «Наказѣ бѣдныхъ». — Къ чему разумная конституція для народа, состоящаго изъ двухъ обреченныхъ на скелетъ голодомъ?» спрашиваетъ авторъ (Кондорсе). „Quatre cris d'un patriote“ (Четыре жалобы патриота). См. Classin, „Le génie de la Révolution“, изд. 1863, т. I, стр. 287, 289.

2) Мы находимъ въ „Notes historiques sur la Convention nationale, le Directoire, l'Empire et l'exil des volontaires, par M. A. Baudot“, изданныхъ вдовою Ангары Кинъ (Paris 1893), очень интересную замѣтку, гдѣ говорится, что по мнѣнію Ингранда (Ingrand) система общен собственности, разгнана Буонаротти, „возникла за нѣсколько времени до событій 20 июня, и что сами эти событія возымѣли начало, благодаря ассоціаціи“ стр. 10—11. Мэръ Парижа, Петіонъ, сообщилъ тогда объ этомъ большому числу депутатовъ. „Новидимому, — продолжаетъ Бодо. — Жирондисты внесли столько рѣзкости и озлобленія въ свою систему, потому что боялись, какъ бы ученіе этого сообщества не взяло верхъ“. Известно, что вполнѣ ярымъ членами Конвента действительно приняты коммунистическія воззрѣнія и вошли въ разговоръ Бабо [а].

буржуазной личной собственности, старался одно время найтти блаженную середину по отношению къ этому образу мыслей, на который онъ, впрочемъ, скоро напалъ съ ожесточеніемъ¹⁾.

Нѣкоторые изъ Гонтаньяровъ шли гораздо дальше. Такъ, Бильо-Вареннъ, въ брошюрѣ, изданной въ 1793 году, открыто высказался противъ крупной собственности²⁾. Онъ составлялъ противъ идеи Вольтера, что рабочаго только голодъ можетъ заставить работать. По его мнѣнію (стр. 103), слѣдовало бы постановить, что никто не можетъ владѣть болѣе известнаго количества десятинъ земли, и что никто не долженъ наслѣдовать болѣе 20.000 или 25.000 ливровъ. Онъ понималъ, что главная причина всѣхъ общественныхъ золъ состоитъ въ томъ, что есть люди, находящіеся «въ прямой, но не взаимной зависимости отъ другихъ; такъ какъ это составляетъ первое звено въ цѣпи рабства». Онъ не придавалъ серьезнаго значенія наслѣдству мелкихъ участковъ земли, которыми хотѣли надѣлать бѣдныхъ, «такъ какъ ихъ существованіе. — писалъ онъ, — останется жалкимъ и несчастнымъ, разъ они должны зависѣть отъ воли другихъ». «Мы слышали крикъ, писалъ онъ дальше (стр. 129): *Война замкамъ, миръ жителямъ!* Прибавимъ къ этому слѣдующее основное правило: не надо граждана, избавленныхъ отъ необходимости имѣть профессію; не надо гражданъ, поставленныхъ въ невозможность научиться ремеслу».

Мысль Бильо-Варенна о наслѣдствѣ была возобновлена, какъ извѣстно, восемьдесятъ лѣтъ спустя, Международнымъ

¹⁾ Въ декабрѣ 1792 года, для того, чтобы побороть идею о раздѣлѣ земель, предложенную анархистами, или го-голами изъ Кюленца, т.-е. роялистами-эмигрантами (Робеспьеръ вскорѣ тоже сталъ распространять эту инсинуацію противъ коммунистовъ), Бриссо писалъ, что равенство политическихъ правъ осталось бы химерою, если бы „неравенство на дѣлѣ между гражданами не было уничтожено законодательствомъ, и если бы не было поставлено препятствій развитію неравенства“. Но подобныя учрежденія, ведущія къ равенству, прибавлялъ онъ, „должны быть введены безъ насилия и не нарушая самаго перваго изъ правъ — права собственности“.

²⁾ Говоря о собственности, онъ представлялъ ее въ такой интересной формѣ: „Собственность, писалъ онъ, — основа гражданскихъ обществъ. Извѣстно, что въ больномъ государствѣ развитіе состоянія не можетъ быть ни справедливо, ни постоянно, и что подъ вліяніемъ крупной торговли, поддерживаемой развитою промышленностью и богатымъ земледѣліемъ, равенство постоянно нарушается. Но, однако, чтобы равенство никогда не было слишкомъ сильно нарушено. („Les éléments de républicanisme“, Paris, 1793, стр. 57. Брошюры Британскаго музея, томъ F. 1097).

Союзомъ Рабочихъ на Базельскомъ конгрессѣ 1869 года. Но нужно сказать, что среди монтаньяровъ онъ былъ однимъ изъ крайнихъ.

Другіе, какъ, напримѣръ, Лепельтьё, ограничивались тѣмъ, что проповѣдывалось въ наше время, тоже въ Интернаціональ, подѣ именемъ интегральнаго (полнаго) образованія, т.-е. обученія каждого юнени ручному ремеслу и наукамъ; нѣкоторые же, какъ, напримѣръ, Армандъ (Armand), проповѣдывали «возвратъ собственности» ограбленному народу (*restitution des propriétés*) и ограниченіе права собственности въ интересахъ всего народа.

Истинныхъ проповѣдниковъ коммуналистическаго и коммунистическаго движенія 1793 и 1794 года нужно, однако, искать не въ Конвентѣ, а въ народной средѣ—въ нѣкоторыхъ секціяхъ Парижа, какъ, напримѣръ, Гравильё, и въ клубъ Кордельеровъ, но, конечно, не въ клубъ Якобинцевъ. Была даже сдѣлана попытка свободной организаціи между тѣми, которыхъ въ то время называли Бѣшеными, т.-е. тѣми, кто стремился къ революціи въ смыслѣ социальнаго равенства. Такъ, послѣ 10 августа составилась—невидимому, подѣ вліяніемъ федератовъ, прибывшихъ въ Парижъ изъ Марсеа и Бреста—родъ союза между делегатами 48 парижскихъ секцій, Совета Коммуны и «Соединенныхъ Защитниковъ 81 департаментовъ». Когда въ февралѣ 1793 года начались въ Парижѣ движенія противъ биржевыхъ спекуляцій, о которыхъ мы говорили въ главѣ XLIII, делегаты этой организаціи прини 3 февраля требовать отъ Конвента энергичныхъ мѣръ противъ спекуляторовъ. Въ ихъ рѣчи видны уже зачатки мысли, ставшей впоследствии основою взаимности Прудона (мютюализма) и его Народнаго Банка. Они говорили, что все въ выгоды, получаемыя отъ обмѣна въ банкахъ, если есть таковыя, должны принадлежать всему народу, а не частнымъ людямъ, такъ какъ онѣ составляютъ продуктъ *общественнаго довѣрія всѣхъ къ обществу*.

Мы еще мало знаемъ объ эти смутныя, не вполне опредѣлившіяся движенія, броившія среди народа въ Парижѣ и другихъ большихъ городахъ, въ 1793 и 1794 году. Историки только теперь начинаютъ ихъ изучать; но несомнѣнно то, что коммунистическое движеніе, представленное Жакомъ Ру, Варлэ, Дюлиэ, Шальё, Леклеркомъ, Л'Анжемъ (L'Ange или Lange), Розою, Лакомбъ, Буасселемъ и нѣкоторыми

другими. имѣло глубину, которой раньше не замѣтали, по которую уже угадалъ Мишлэ¹⁾.

Очевидно, что коммунизмъ 1793 года не представляется съ тою цѣльностью доктрины, которую мы находимъ у французскихъ послѣдователей Фурье и Сентъ-Симона, т.-е. у Каба, а въ особенности у Консидерана или даже у Видаля. Въ 1793 году коммунистическія идеи вырабатывались не въ кабинетахъ ученыхъ; онѣ возникали въ народѣ, изъ потребностей самой жизни. Вотъ почему во время Великой Революціи социальный вопросъ проявился въ особенности въ формахъ вопроса о *средствахъ существованія* и вопроса о *землѣ*. Но въ этомъ и состоитъ превосходство коммунизма Великой Революціи, по сравненію съ социализмомъ сороковыхъ годовъ и его позднѣйшихъ послѣдователей. Первый шелъ прямо къ цѣли, стремясь разрѣшить вопросъ о *распределеніи продуктовъ*.

Намъ, этотъ «коммунизмъ потребления» долженъ, конечно, казаться отрывочнымъ, тѣмъ болѣе, что различные его проповѣдники разрабатывали, каждый, различныя его стороны, и не нашлось никого изъ тогдашнихъ образованныхъ людей, кто свелъ бы эти требованія въ стройную, цѣльную общественную систему. Кромѣ того, коммунизмъ того времени оставался такъ сказать *частнымъ коммунизмомъ*, такъ какъ онъ допускалъ личное владѣніе, на ряду съ коммунальною собственностью и, провозглашая право всѣхъ на всѣ продукты производства, признавалъ также личное право на «избытокъ», рядомъ съ правомъ всѣхъ на продукты первой и второй необходимости. Однакоже въ немъ обозначаются уже всѣ три главные виды коммунизма: земельный коммунизмъ, промышленный и коммунизмъ въ торговлѣ и кредитѣ. И въ этомъ отношеніи пониманіе экономическихъ отношеній было шире въ 1793 году, чѣмъ у коллективистовъ сороковыхъ годовъ девятнадцатаго вѣка (Видаля, Пеккеръ), или же у социалистовъ того же времени и послѣдующихъ, — тѣмъ болѣе, что если отдѣльные революціонеры налегали въ особенности на тотъ или другой видъ

¹⁾ Весьма вѣроятно, что кромѣ проповѣди коммунизма въ секціяхъ и Народныхъ обществахъ были слѣданы также съ августа 1792 года попытки основать тайныя коммунистическія общества, распространенныя въ 1794 году Буонаротти и Бабѳфомъ, и впоследствии, послѣ революціи 1830 года, давшія начало тайнымъ обществамъ Блакистовъ, называвшимся „коммунистами-матеріалистами“, въ противоположность религіознымъ коммунистамъ.

коммунизма, они этимъ не исключали остальныхъ. Наоборотъ, все эти виды, исходя изъ одного общаго представленія о равенствѣ, дополняли другъ друга. Въ то же время, коммунисты 1793 года не были строителями отвлеченныхъ системъ для будущихъ временъ, а вполне разумно стремились привести свои мысли и выводы тогда же въ жизнь при помощи мѣстныхъ силъ, на мѣстѣ и на дѣлѣ, стараясь въ то же время установить прямой союзъ между всеми 40.000 коммунами Франціи.

У Сильвэна Марешала замѣчается даже нѣкоторое стремленіе къ тому, что теперь называется свободнымъ коммунизмомъ, — хотя, конечно, все высказывалось тогда съ большою сдержанностью, такъ какъ за слишкомъ откровенное выраженіе своихъ мыслей приходилось рисковать и платиться головой.

Мысль о томъ, что до коммунизма можно дойти путемъ заговора и государственнаго переворота при помощи тайнаго общества, которое захватитъ власть — мысль, которой апостоломъ сталъ Бабёфъ — утвердилась только позже, въ 1795 году. Только тогда, когда термидорская реакція конца 1794 года уже положила конецъ восходящему народному движенію Великой Революціи, — когда Революція была уже окончательно раздавлена, — явились заговорщики, мечтавшие водворить такой громадный общественный переворотъ, какъ коммунизмъ, путемъ захвата власти и указовъ. Но это былъ уже продуктъ истощенія, а не результатъ поднимающейся волны первыхъ четырехъ лѣтъ Великой Революціи. Къ сожалѣнію, эта вѣра въ государственный коммунизмъ, установленный силою сверху, ударжалась и до нашихъ дней.

Конечно, въ 1793 и 1794 году было много декламации много громкихъ словъ, въ томъ, что говорили народные коммунисты. Такова была мода того времени — мода, которой наши современные ораторы тоже платятъ дань. Но все, что мы знаемъ объ этихъ проповѣдникахъ, представляетъ ихъ какъ людей глубоко преданныхъ своимъ идеямъ и вдумчивыхъ.

Жакъ Ру (Roux) прежде былъ священникомъ. Онъ былъ крайне бѣденъ и жилъ со своею собакою почти исключительно на свой доходъ въ 200 ливровъ въ годъ, въ мрачномъ домѣ въ центрѣ Парижа ¹⁾, проповѣдуя коммунизмъ въ рабочихъ

¹⁾ Jaurès, „La Convention“, стр. 1069, (рукописныя замѣтки Bernard Lazare'a, помогавшаго Жоресу въ этой части его труда).

кварталахъ. Его очень слушали въ секціи Гравилье, и онъ пользовался большимъ вліяніемъ въ клубъ Кордельеровъ, вплоть до конца іюня 1793 года, когда это вліяніе было разрушено вмѣшательствомъ Робеспьера. Что касается до Шалье, пользовавшагося большимъ вліяніемъ въ Лионѣ, мы знаемъ отъ Мишлэ, что этотъ мистическій коммунистъ былъ замѣчательный человѣкъ, обожаемый своими учениками,—еще болѣе другъ народа, чѣмъ Марать. Когда онъ былъ казненъ Жирондистами, его другъ Леклеркъ перебрался въ Парижъ и продолжалъ вести тамъ коммунистическую пропаганду, вмѣстѣ съ Жакомъ Ру, молодымъ парижскимъ рабочимъ Варлэ и Розою Лакомбъ, вокругъ которой сгруппировался клубъ революціонныхъ женщинъ. Про Варлэ мы почти ничего не знаемъ, кромѣ того, что онъ пользовался популярностью среди парижской бѣдности. Его памфлетъ, „Торжественное заявленіе правъ человѣка въ социальномъ государствѣ“, выпущенный въ 1793 году, отличался большою умѣренностью. Но не надо забывать, что подъ угрозою декрета 10 марта 1793 года болѣе крайніе революціонеры не смѣли печатать всего того, что они думали ¹⁾.

У коммунистовъ были также свои теоретики. Таковъ былъ Буассель, напечатавшій свой „Катихизисъ человѣческаго рода“ въ началѣ Революціи, а вторымъ изданіемъ въ 1791 году ²⁾. Также—неизвѣстный авторъ сочиненія, изданнаго въ томъ же году подъ заглавіемъ „О собственности, или Защита Бѣдныхъ передъ Судомъ Разума, Справедливости и Правды“, и Пьеръ Доливье (тоже пишется Д'Оливье), свя-

¹⁾ Въ этомъ «Заявленіи» Варлэ требовалъ только, чтобы право собственности на землю было ограничено; чтобы противъ ужаснаго неравенства состояній были приняты „справедливыя мѣры“, дающія возможность бѣднымъ спастись отъ притѣсненія богатыми, и чтобы частныя состоянія, накопленные насчетъ общественнаго богатства при помощи плутовства, ажіотажка, монополіи и операций скупщиковъ, становились бы національною собственностью, какъ только общество убѣдится доказанными фактами, что они накоплены путемъ злоупотребленій. („Déclaration solennelle des droits de l'homme dans l'état social“, Paris, 1793. Брошюры Британскаго музея, томъ F. 499). Въ другой брошюрѣ, „Vœux formés par des Français libres“ (также коллекція, томъ F. 65). Варлэ требовалъ также строгихъ законовъ противъ скупщиковъ.

²⁾ Въ своемъ „Катихизисѣ“ Буассель уже излагалъ идеи, впоследствии ставшія ходячими среди социалистовъ сороковыхъ годовъ. См. „Le catéchisme du genre humain pour l'établissement essentiel et indispensable du véritable ordre moral et de l'éducation sociale des hommes“. Paris, 1789. (Брошюры Британскаго музея, томъ F. 513).

щеникъ изъ Мошана (Mauchamp). Имъ написано было замѣчательное сочиненіе, «Исслѣдованіе о первобытной справедливости, служащей началомъ, порождающимъ тотъ общественный порядокъ, который только и можетъ обезпечить человѣку всѣ его права и пути къ счастью». Эта книга была издана въ концѣ іюля 1793 года гражданами коммуны Оверъ изъ округа Этампъ ¹⁾.

Среди писателей и проповѣдниковъ-коммунистовъ выдвигался также Л. Анжъ. — истинный предшественникъ Фурье. какъ замѣтилъ уже Мишлэ. Наконецъ Бабѳъ былъ тоже въ Парижѣ въ 1793 году. Состоя на службѣ въ департаментѣ народнаго продовольствія, подъ покровительствомъ Сильвана Марешаля, онъ втайнѣ велъ коммунистическую пропаганду. Его преслѣдовали въ это время подъ предлогомъ поддѣлки одного документа — въ бытность судьей въ провинціи, — совершенно неосновательно преслѣдовали, какъ доказалъ это Габріель Дэвиаль, разыскавшій подлинные акты процесса ²⁾. Потому онъ долженъ былъ скрываться и держался очень осторожно.

Впоследствии историки социализма всегда связывали коммунизмъ съ заговоромъ Бабѳа; но Бабѳъ, судя по его сочиненіямъ и письмамъ, былъ только оппортунистомъ коммунизма тѣхъ годовъ. Его представленія по этому вопросу, а также предлагавшіеся имъ способы дѣйствія клонились къ измѣльчанію идеи. Въ то время, какъ уже многіе умы того времени понимали, что движеніе Революціи въ коммунистическомъ направленіи было бы лучшимъ средствомъ обезпечить побѣду демократіи, Бабѳъ, какъ совершенно вѣрно замѣтилъ одинъ изъ его нынѣшнихъ хвалителей, старался

¹⁾ Въ своей рѣчи „О средствахъ спасти Францію и Свободу“, произнесенной во время выборовъ въ Конвентъ (Discours sur les moyens de sauver la France, Парижъ, Національная бібліотека), Жакъ Ру уже утверждалъ, что продлившаяся нѣсколько времени диктатура навѣрно приведетъ къ гибели свободы, и требовалъ, чтобы „крупные земельные собственники могли продавать свои хлѣба только въ установленныхъ для этого въ каждомъ округѣ рынкахъ. Устройте, — говоритъ онъ, — въ каждомъ городѣ и посадѣ общественные рынки, гдѣ цѣна всякаго товара опредѣлялась бы съ торговъ“ стр. 42—44). Мишлэ (кн. XV, гл. VI), уже упоминавшій эту рѣчь, прибавлялъ, что ученія Ру были очень популярны въ секціяхъ Гравилье, Арен и другихъ, въ центрѣ Парижа.

²⁾ „Thermidor et Directoire, 1794—1799“ (четвертый томъ Жоресовской „Histoire Socialiste“), стр. 14 и слѣд.

незамышленно подмѣнать коммунизмъ въ демократизмъ. Въ то время, какъ становилось уже ясно, что демократія утратитъ свои побѣды, если народъ не вмѣшается въ борьбу, Баббѣфъ хотѣлъ «демократію сперва», чтобы постепенно въ неё вводить коммунизмъ ¹⁾. Вообще его представленіе о коммунизмѣ было такъ узко и такъ искусственно, что онъ мечталъ дойти до него путемъ заговора нѣсколькихъ членовъ, которые овладѣли бы правительствомъ при помощи тайнаго общества. Онъ даже шелъ дальше и воображалъ, что единичная личность, лишь бы она обладала сильною волею, могла бы ввести коммунизмъ въ общество и такимъ образомъ спасти міръ! Пагуоное заблужденіе, которымъ увлекались многіе социалисты въ теченіе всего девятнадцатаго вѣка, и которое дало намъ цезаризмъ, — вѣру въ Наполеона, въ Дизраэли и во всякихъ *спасителей* — вѣру — увы! — удержавшуюся и до сихъ поръ у многихъ видныхъ социалистовъ-государственниковъ.

¹⁾ Такъ, напримѣръ, народъ, вооруженный демократическою конституціей, могъ бы, по его мнѣнію, своимъ veto мѣшать проведенію всякаго закона до тѣхъ поръ, пока средства существованія не будутъ обезпечены всѣмъ гражданамъ путемъ закона!

LIX.

Мысли о социализации земли, фабрик и заводов, средств существования и торговли.

Основною мыслью коммунистическаго движенія 1793 года было то, что земля должна разсматриваться какъ достояніе всего народа, и что каждому должно быть обезпечено существованіе, такъ, чтобы никто не былъ вынужденъ продавать свой трудъ подъ угрозой голода.

«Равенство на дѣлѣ», о которомъ такъ много говорили въ теченіе восемнадцатаго вѣка, выражалось теперь въ утвержденіи *раснаго* для всехъ права на землю; а обширная распродажа земель государствомъ, послѣ конфискаціи церковныхъ и дворянскихъ имѣній, давала основаніе думать, что практическое осуществленіе этой основной мысли будетъ возможно.

Но слѣдуетъ забывать, что въ то время крупная фабричная промышленность только начинала возникать, и что земля была главнымъ орудіемъ эксплуатаціи труда. Землею баринъ держалъ крестьянъ въ своихъ рукахъ, и невозможность имѣть свой кусокъ земли заставляла крестьянъ выселяться въ города, гдѣ они по необходимости становились добычею фабриканта и торговаго спекулятора.

При такихъ условіяхъ мысль коммунистовъ естественно направлялась къ тому, что тогда называли «аграрнымъ закономъ», т.-е. къ ограниченію земельной собственности каждаго отдѣльнаго лица извѣстнымъ количествомъ десятинъ и къ признанію за каждымъ гражданиномъ права на землю.

Захватъ земель, совершавшійся тогда спекуляторами, спекулянтами, съ цѣлью перепродажи, національныя имущества, отобранныя у духовенства и у эмигрантовъ-дворянъ, очевидно, могли только усилить мысль о необходимости такой мѣры. И въ то время, какъ одни требовали, чтобы каждый гражданинъ, желающій работать на землѣ, имѣлъ право получить свою долю изъ національныхъ имуществъ или

по крайней мѣрѣ, могъ купить себѣ участокъ на выгодныхъ условіяхъ постепеннаго выплачиванія,—другіе, болѣе дальновидные, требовали, чтобы вся земля была объявлена общиною, и чтобы право на землю было только правомъ владѣнія тою землею, которая дѣйствительно обрабатывается даннымъ лицомъ, и то—только покуда она имъ обрабатывается.

Такимъ образомъ, на примѣръ, Бабёфъ—быть-можетъ, избѣгая слишкомъ выдвигаться впередъ—требовалъ раздѣла поровну общинныхъ земель. Но онъ также требовалъ неотчуждаемости земли, т.-е. сохраненія собственности на землю за обществомъ, за страной, т.-е. за всѣмъ народомъ, предоставляя частнымъ лицамъ только право временнаго пользованія.

Съ другой стороны, въ Конвентѣ, во время обсужденія закона о раздѣлѣ общинныхъ земель, Жюльенъ Сюз (Souhait) возсталъ противъ окончательнаго раздѣла общинныхъ земель, предложеннаго Комитетомъ земледѣлія, и съ нимъ засѣдно были, конечно, милліоны болѣе бѣдныхъ крестьянъ. Сюз настаивалъ, чтобы раздѣлъ (между всѣми членами общины поровну) былъ только временный, и чтобы по прошествіи нѣкотораго времени общиною совершался передѣлъ. Въ такомъ случаѣ владѣльцы участковъ имѣли бы только право временнаго пользованія, какъ въ русской общинѣ.

По тому же вопросу о владѣніи землею Доливье, священникъ въ Мошанѣ (Mauchamp), устанавливалъ, въ своемъ *Опытѣ о первобытной справедливости*, «два основныхъ начала: первое, что земля принадлежитъ всѣмъ, т.-е. никому въ частности; и второе, что каждому принадлежитъ исключительное право на произведенія своего труда»¹⁾. Но такъ какъ въ то время главнымъ вопросомъ былъ вопросъ о землѣ, онъ на него обратилъ главное свое вниманіе.

«Земля,—говорилъ онъ,—взятая вообще, должна быть разсматриваема какъ великій общинный запасъ природы (le grand communal de la nature)—какъ общая ответственность всѣхъ; «каждый долженъ имѣть право на свою долю изъ этого большого запаса». Одно поколѣніе не можетъ составлять законы для слѣдующихъ поколѣній и лишать ихъ верховнаго права: тѣмъ болѣе не имѣетъ оно никакого

¹⁾ Французскіе социалисты Интернаціонала выразили это въ шестидесятыхъ годахъ XIX вѣка словами: „Право на полный продуктъ труда“ (produit intégral du travail).

права лишать их достоянія. И далѣе: «Одни только нареды и, въ частности, общины являются дѣйствительными собственниками своей земли¹⁾».

Въ сущности, Доливье признавалъ, что только движимая собственность можетъ передаваться по наслѣдству. Что же касается до земли, то каждый, писалъ онъ, долженъ получать, изъ общаго запаса земли, только то, что можетъ самъ обрабатывать со своею семьею, — и то только пожизненно; при чемъ это, конечно, не мѣшало бы вести общинную обработку земли рядомъ съ фермами, гдѣ обработка велась бы каждою семьею порознь.

Хорошо знакомый съ деревенскою жизнью, Доливье ненавидѣлъ фермеровъ, такъ же какъ и владѣльцевъ. Онъ требовалъ «полной разбивки фермъ» и «раздѣла земли мелкими участками между всѣми, не имѣющими земли или недостаточно надѣленными ею. Вотъ единственная дѣйствительная мѣра, говорилъ онъ, которая могла бы оживить наши деревни и дала бы благосостояніе семьямъ, нынѣ изнѣживающимъ въ нищитѣ за неимѣніемъ земли, чтобы приложить къ ней свое трудолюбіе». — «Земля», — писалъ онъ далѣе, — была бы лучше обработана, средства существованія каждой семьи умножились бы, на рынки привозилось бы больше продуктовъ, и мы избавились бы отъ самой отвратительной аристократіи — аристократіи фермеровъ». Онъ предвидѣлъ, что такимъ путемъ можно будетъ достигнуть такого изобилія земледѣльческихъ продуктовъ, что не будетъ болѣе нужды въ законѣ о жизненныхъ припасахъ, — «необходимомъ въ настоящее время, но тѣмъ не менѣе представляющемъ большія неудобства».

Соціализація промышленности тоже находила защитниковъ, особенно въ лондонской области. Тамъ требовали, чтобы Коммуна опредѣляла заработную плату рабочихъ, и чтобы плата была такая, что обезпечивала бы средства существованія. Требовали, следовательно, того, что современные англійскіе соціалисты называютъ *living wage*. Кроме того, раздавались голоса въ пользу націонализаціи нѣкоторыхъ отраслей промышленности, — наиримѣръ, рудниковъ. Была также высказана

¹⁾ Этого труда Доливье нѣтъ въ Британскомъ музеѣ. Пользуюсь, поэтому, цитатами Жореса. Другое сочиненіе Доливье, „*Le vœu national, ou système politique propre à organiser la nation dans toutes ses parties...*“ Парижъ. 1790 (Вопросы Британскаго музея. К., томъ 514), интересна по высказанной въ ней мысли объ организаціи страны снизу вверхъ.

мысль, что муниципалитеты должны бы захватить фабрики, повинувшись противникам революции, и сами вести производство на свой счет и в свою пользу. Вообще мысль о производстве самою Коммуною была очень популярна в 1793 году. Высказывалась также мысль, что надо пустить в обработку под огородами обширные пустующія пространства въ паркахъ богатыхъ людей; она была распространена въ Парижѣ, гдѣ ее проповѣдывалъ Шометъ.

Очевидно, что въ ту пору меньше интересовались обрабатывающею промышленностью, чѣмъ земледѣліемъ. Впрочемъ, неогіантъ Кюссэ, выбранный членомъ Конвента въ Ліонѣ, уже говорилъ о націонализирани промышленности, а ЛАнжъ развивалъ проектъ фалтистера, гдѣ земледѣліе соединилось бы съ промышленностью. Уже начиная съ 1790 года ЛАнжъ велъ въ Ліонѣ коммунистическую пропаганду. Такъ, въ брошюрѣ, помѣщенной 1790 годомъ, онъ развивалъ слѣдующія воззрѣнія: Революція, — мысль, — шла, было, къ тому, чтобы стать благотворной; но неумѣнная воззрѣній испортила ее; благодаря самому ужасному злому требованію богатствами, воззрѣнія верховнаго владыки [и фоду] изменились. «Золото... полезно и благотворно только въ нашихъ трудолюбивыхъ рукахъ; но оно становится заразою въ сундукахъ капиталистовъ... Верою, ваше величество, куда бы вы ни обратили ваши взоры, вы увидите, что земля обрабатывается нами; мы работаемъ на ней, мы первые ея владельцы: мы — первые и послѣдніе дѣйствительные ея владельцы. Трутни, называющіе себя ея собственниками, могутъ только забирать себѣ избытокъ, остающійся послѣ нашего прожорленія. Это доказываетъ, во всякомъ случаѣ, наше право владѣнія, наравнѣ съ ихнимъ. Но если мы сомѣдѣльцы и составляемъ единственный источникъ всякаго дохода, тогда право ограничивать наше прожорленіе и снимать у насъ избытокъ — разбойничье право. Что представляеть, по моему взгляду, очень вѣрное пониманіе такъ называемой прибавочной стоимости?»

«*Plaines et representations d'un citoyen décrété par lui, aux citoyens décrétés actifs*», par M. L'Ange, Лионъ, 1790, стр. 15. Брошюра въ Парижской Национальной библиотецѣ. Подходящій случаю выразить благодарность М. Н. Гольцштынъ, съ которымъ для меня вынесены изъ брошюръ коммунистовъ, не имѣвшихся въ Британскомъ музеѣ. Объ воззрѣніяхъ, болѣе или менее социалистическихъ, «соціального кружка», основаннаго въ Лионѣ Фонтэ и органомъ котораго была газета «*Bouche de fer*», см. A. Lichtenberger, «*Le Socialisme et la Révolution française*», т. III, стр. 69.

Разсуждая далѣе, на основаніи фактовъ жизни, о кризисѣ въ средствахъ пропитанія, переживаемомъ Франціею, Дюливиѣ предлагаетъ систему подписки, или абонемена потребителей, для покупки по заранѣ установленной цѣнѣ всей жатвы, — все это, при помощи вольной ассоціаціи, разрастающейся по вольному соглашенію. Онъ желалъ также установленія общественныхъ магазиновъ, куда всѣ земледѣльцы могли бы свозить свои произведенія на продажу. Онъ предлагалъ, такимъ образомъ, систему продажи пищевыхъ припасовъ, которая одинаково отрицала какъ монополизацію продуктовъ отдельными личностями, такъ и государственную систему установленія цѣнъ и захвата продуктовъ, введенную Революціею. Онъ, очевидно, стремился къ тому, что представляютъ теперь, для молочныхъ продуктовъ, кооперативныя сыроварни и маслобойни, соединяющіяся между собою, чтобы сбывать продукты цѣлой области, — какъ это дѣлается въ Канадѣ и въ Западной Сибири, или даже — цѣлой націи, какъ это заведено въ Даніи.

Вообще, коммунистовъ 1793 года естественно занимать, больше всего вопросъ о *средствахъ пропитанія*, и онъ привелъ ихъ, съ одной стороны, къ тому, что они заставили Конвентъ установить «максимумъ цѣнъ», а съ другой стороны, они выдвинули великое, основное начало *соціализаціи* *обмѣна*, — *муниципализаціи и націонализаціи торговли*, на которое слишкомъ мало до сихъ поръ обращали вниманія ихъ преемники, соціалисты девятнадцатаго вѣка.

Дѣйствительно, всюду на очереди стоятъ вопросъ о торговлѣ хлѣбомъ. — «Безконтрольная торговля хлѣбами несовмѣстима съ существованіемъ нашей Республики», говорили передъ Конвентомъ, въ ноябрѣ 1792 года, избиратели департамента Сены и Уазы. Эта торговля ведется небольшимъ числомъ людей, въ цѣляхъ личнаго обогащенія, и этому меньшинству всегда бываетъ выгодно поднимать искусственно цѣны; а это всегда заставляетъ страдать потребителей. Всякое частное средство будетъ и опасно и безцельно, говорили они: именно эти подумбры насъ разорять. Пужно, чтобы торговля зерновымъ хлѣбомъ и вообще вся закупка припасовъ дѣлались *самою Республикою*, которая и установитъ тогда «справедливое отношеніе между цѣною хлѣба и заработной платою».

Такъ какъ продажа національныхъ имуществъ породила самыя ужасныя спекуляціи со стороны фермеровъ, которымъ

достались пропавшія земли, то избиратели Сены и Уазы требовали ограниченія размѣровъ фермъ, сдаваемыхъ въ аренду, и націонализаціи торговли зерновымъ хлѣбомъ.

«Постановите, — говорили они, — что никто не можетъ снимать фермы болѣе 120 арпаловъ ($44\frac{1}{2}$ десятины); что ни одинъ землевладѣлецъ не имѣетъ права обрабатывать самолично болѣе одной такой фермы, и что остальные онъ обязанъ сдавать въ аренду... Передайте затѣмъ дѣло снабженія припасами каждой области Республики въ руки администраціи, избранной самимъ народомъ, и вы увидите, что изобиліе зернового хлѣба и справедливое отношеніе между его продажною цѣною и цѣною рабочаго дня вернетъ спокойствіе, счастье и жизнь всѣмъ гражданамъ...

Эти мысли, какъ видно, не были замѣтнованы изъ книгъ: ихъ внушала сама жизнь.

Слѣдуетъ также отмѣтить, что эти взгляды были приняты обоими Комитетами — земледѣлія и торговли, и были развиты въ ихъ докладѣ о жизненныхъ припасахъ, представленномъ Конвенту, вмѣстѣ съ проектомъ соотвѣтственнаго закона¹⁾, и что такіе мѣры были введены, и настоянію народа, въ некоторыхъ департаментахъ провинціи Берри и Орлеана. Въ департаментѣ Эрв и Луарь народъ едва не убитъ. 3 декабря 1792 года, комиссаровъ Конвента, противившихся такимъ мѣрамъ: «Буржуа довольно наслаждались, — говорили имъ, — теперь пришла чередъ бѣдныхъ работниковъ».

Нѣсколько позже депутатъ Бэфруа (изъ Эна) рѣзко требовалъ отъ Конвента введенія такого законодательства, и Конвентъ, — какъ мы уже говорили раньше въ III главѣ, — сдѣлалъ попытку, въ громадныхъ размѣрахъ, социализировать во всей Франціи всю торговлю предметами «первой и второй необходимости» при помощи общественныхъ магазиновъ и установленія для каждого департамента «справедливыхъ» цѣнъ на всѣ припасы.

Мы видимъ, такимъ образомъ, назрѣаніе, во время Революціи, мысли о томъ, что *торговля есть общественное управленіе*, и что ее слѣдуетъ *обобществить*, такъ же какъ землю и промышленность, — мысль, которую развивали потомъ Фурье, Робертъ Оуэнъ, Прудонъ и коммунисты сороковыхъ годовъ.

¹⁾ „Rapport et proje décret sur les subsistances, présenté par M. Fabre, député du département de l'Hérault“.

Кромѣ того, слѣдуетъ признать, что Жакъ Ру (Jacques Roux), Варло, Доливье, Л'Анжъ и тысячи обитателей городовъ и селъ, крестьянъ и ремесленниковъ, лучше понимали, съ практической точки зрѣнія, вопросъ о средствахъ пропитанія, чѣмъ ихъ представители въ Конвентѣ. Они понимали, что такое на принасы, т.-е. законъ о максимумѣ, *безъ социализаціи земли, промышленности и торговли, не разрѣшитъ вопроса*, — какими бы арсеналомъ карательныхъ законовъ и какими бы казнями революціоннаго трибунала ни старались утвердить такое. Сама система продажи національныхъ имуществъ, принятая Учредительнымъ Собраніемъ, Законодательнымъ Собраніемъ и Конвентомъ, создала тѣхъ крупныхъ арендаторовъ, на которыхъ жаловался Доливье, — и Конвентъ прекрасно это почувствовалъ въ 1791 году, когда увидать, какъ они искусственно поднимали цѣны на хлѣбъ, чтобы голодомъ побѣдить ту самую Революцію, которой они были обязаны своимъ обогащеніемъ.

Противъ этого зла, Конвентъ ничего другого не сумѣлъ предпринять, какъ только массовые аресты арендаторовъ и массовую отправку ихъ подъ гильотину. Но никакіе драконовскіе законы противъ скучниковъ и утайки хлѣба (какъ, напримѣръ, законъ 26 іюля 1793 года, предписавшій обыскивать амбары, погреба и риги арендаторовъ), никакія «революціонныя арміи», разсылавшіяся съ цѣлью захвата хлѣбовъ и ареста уличенныхъ въ утайку арендаторовъ, не помогли. *Они только стѣяли сраженіи въ селахъ противъ городовъ, и особенно противъ столицы.*

Отсутствіе построительной коммунистической мысли у руководителей Революціи нельзя было замѣнить революціоннымъ трибуналомъ и гильотиною.

LX.

Конецъ коммунистическаго движенія.

Раньше 31 мая, когда революціонеры изъ Монтаньяровъ сидѣли, какъ Революція задерживается въ своемъ развитіи сопротивленіемъ Жирондистовъ, они старались опираться на коммунистовъ и вообще на тѣхъ, кого называли «Бѣшенными». Робеспьеръ, въ своемъ проектѣ Декларации Правъ, внесенномъ въ Конвентъ 21 апрѣля 1793, гдѣ онъ высказывался за ограниченіе права собственности, Жанъ Бонъ Сентъ-Андрѣ, Колло-д'Арбуа, Бильо-Вареннъ и др. приближались тогда къ коммунистамъ; и если Бриссо, въ своихъ свирѣпыхъ нападеніяхъ на монтаньяровъ, смѣшивалъ ихъ съ «анархистами», разрушителями правъ собственности, то дѣлалъ онъ это потому, что въ ту пору монтаньяры действительно еще не старались рѣзко отмежеваться отъ Крайнихъ.

Однако уже послѣ февральскихъ бунтовъ 1793 года Конвентъ принялъ угрожающее положеніе по отношенію къ коммунистамъ. По докладу Барра, который не задумался представить ихъ агитацию какъ дѣло духовенства и эмигрантовъ, Конвентъ вотировалъ съ увлеченіемъ, 18 марта 1793 (несмотря на сопротивленіе Марата), «смертную казнь — тѣмъ, кто будетъ предлагать аграрный законъ, нарушающій земельную собственность, общинную или личную».

При всемъ томъ, монтаньярамъ приходилось еще падать на Бѣшеныхъ, такъ какъ парижскій народъ былъ имъ нуженъ противъ Жирондистовъ, а Бѣшеные были популярны въ болѣе дѣятельныхъ и революціонныхъ секціяхъ. Но какъ только главные Жирондисты были арестованы, и сила ихъ партіи въ Конвентѣ была надломлена, монтаньяры обратились протѣвъ тѣхъ, кто хотѣлъ «Революціи въ действительности, развѣ она совершилась въ идеяхъ», — и раздавили ихъ.

Къ сожалѣнію, среди образованныхъ людей того времени не нашлось никого, кто могъ бы изложить, въ видѣ стройнаго

цѣлаго, нарождавшіяся коммунистическія стремленія и заставить себя слушать. Марать могъ бы это сдѣлать, но въ юль 1793 года его уже не было въ живыхъ. Эберъ былъ слишкомъ большой сибаритъ, чтобы отдаться всецѣло этому дѣлу; онъ слишкомъ принадлежалъ къ обществу любителей наслажденій, Гольбаховской школы, чтобы стать защитникомъ анархическаго коммунизма, пробивавшагося въ народѣ. Онъ могъ принять въ своемъ журналѣ языкъ санъ-кюотовъ, какъ Жирондисты приняли ихъ красный шерстяной колпакъ и разговоръ на «ты»; но такъ же, какъ и Жирондисты, онъ стоялъ слишкомъ далеко отъ народа, чтобы понять и выразить его, еще неясныя стремленія. И онъ кончилъ тѣмъ, что соединился съ Гобою, чтобы погубить Жака Ру и «Бѣшеныхъ» вообще.

Бильо-Вареннъ (Billaud-Varenne) понималъ, повидимому, лучше другихъ «Горцевъ», необходимость глубокихъ переменъ въ коммунистическомъ направленіи. Онъ сознавалъ одно время, что рука объ руку съ республиканскою революціею должна была идти социальная революція. Но и онъ также не имѣлъ мужества стать борцомъ за эту идею. Онъ вошелъ въ правительство и кончилъ тѣмъ, что сталъ говорить, какъ другіе монтаньяры: *«Сперва республика — социальныя дѣла придутъ позже»*. На этомъ ложномъ пониманіи революціонной задачи погибли монтаньяры; и на томъ же погибла Республика.

Фактъ тотъ, что съ первыхъ же своихъ шаговъ Республика пробудила столько личныхъ интересовъ, что они не могли дать развиваться коммунизму. Противъ возрѣній коммунистовъ на земельную собственность стояли всѣ выгоды буржуазіи, набросившейся на разграбленіе національных имуществъ, пущенныхъ въ продажу.

Въ этой продажѣ законодатели Учредительнаго и Законодательнаго Собранія видѣли только средство обогатить буржуазію на счетъ духовенства и дворянства. Объ народѣ они мало думали. А такъ какъ государство терпѣло страшную нужду въ деньгахъ, то съ августа 1790 по юль 1791 года эти имущества продавались, «съ яростію», буржуазіи, крестьянамъ, побогаче и даже англійскимъ и голландскимъ компаніямъ, покупавшимъ земли съ цѣлью спекуляціи. При этомъ, когда покупатели, заплатившіе при покупке не болѣе 20 или даже 12 процентовъ покупной цѣны, должны были сдѣлать слѣдующій взносъ, они выискивали всякіе предлоги, чтобы ничего не вносить, и очень часто успѣвали въ этомъ.

Впрочемъ, такъ какъ крестьяне громко жаловались на то, что имъ ничего не доставалось изъ этихъ земель, Законодательное Собраніе, въ августъ 1792 года, а потомъ и Конвентъ, своимъ декретомъ 11 іюня 1793 (см. главу XLVIII) бросили имъ на разживу общинныя земли, т.-е. единственную опору бѣдныхъ крестьянъ¹⁾. Кромѣ того, Конвентъ обѣщавъ, что земли конфискованныя у эмигрантовъ, будутъ разбиты на участки, отъ полудесятины до двухъ десятинъ, чтобы продавать ихъ бѣднымъ крестьянамъ, которые держали бы ихъ въ арендѣ, съ правомъ выкупить эту аренду во всякое время. Конвентъ постановилъ даже, въ концѣ 1793 года, что для волонтеровъ салъ-молотовъ, записавшихся въ армію, будетъ выдѣлено на 1000 милліоновъ національныхъ имуществъ, чтобы волонтеры могли покупать ихъ на выгодныхъ условіяхъ. Но ничего положительнаго не было сдѣлано. Этотъ декретъ, какъ и многіе другіе декреты того времени, остался безъ исполненія.

Когда Жакъ Ру пришелъ въ Конвентъ, 25 іюня 1793 года; — т.-е. меньше четырехъ недѣль послѣ движенія 31 мая, — и говорилъ отъ имени своей секціи противъ спекуляторовъ на ассигнаціи и на жизненные припасы, требуя законовъ противъ нихъ, его рѣчь была принята дикими завываніями законодателей. Его выгнали изъ Конвента, провожая криками и угрозами²⁾. А такъ какъ онъ нападалъ на мон-

¹⁾ Большинство историковъ видѣло въ этомъ мѣру: вынужденную для крестьянъ. Въ дѣйствительности же она лишала бѣдныхъ крестьянъ единственной оставшейся для нихъ земли. Вотъ почему это расстройство встрѣтило въ деревняхъ такое сопротивленіе.

²⁾ „Однимъ богатымъ,—говорилъ Жакъ Ру,—пошла на пользу, за эти четыре года, Революція; насъ притѣсняетъ теперь торговая аристократія,—еще худшая, чѣмъ аристократія дворянская, и мы не видимъ конца ихъ прижимкамъ, такъ какъ цѣны на всѣ товары растутъ въ ужасающей пропорціи. Пора, однако, положить конецъ этой борьбѣ на жизнь и смерть, которую эгоизмъ ведетъ противъ рабочаго класса... Неужели собственности и дуту съ священниче жизни людей? *Невозможно, чтобы жизненные припасы могли подлежать реквизиціи администраціею, точно такъ же, какъ въ ея распоряженіи находится войско*“. Ру упрекалъ затѣмъ Конвентъ въ томъ, что онъ не конфисковалъ состояній, нажитыхъ во время Революціи банкирами и скупщиками-спекуляторами, и онъ прибавлялъ, что насильственный заѣмъ, который Конвентъ велѣлъ сдѣлать у богатыхъ, *занимательны и цѣны завтра же выйдутъ съ салъ-молотовъ, при помощи монополіи искусственнаго подѣла цѣнъ*“, если монополія торговли и спекуляціи останутся тѣмъ, чѣмъ были до сихъ поръ. Онъ прекрасно понималъ опасность, которую представляла эта монополія для Революціи и говорилъ: „Спекуляторы забираютъ въ свои

тайнскую конституцію и пользовался сильным влиянием в своей секции Гравилье и в клубе Кордельеровъ, то Робеспьеръ, который никогда не показывался в этом клубе, отправился туда 30 июня (после бунтов 26 и 27 июня противъ торговцевъ мыломъ), по поручению клуба Якобинцевъ. Онъ явился у Кордельеровъ въ сопровожденіи Эбера и Колло д'Эрбуа, и добился, чтобы Ру и его товарищъ Варлэ (Varles) были вычеркнуты изъ списковъ клуба.

Съ тѣхъ поръ Робеспьеръ неустанно клеветалъ на Ру. Такъ какъ Ру случалось критиковать бесплодность Революціи для народа и говорить (какъ это случается съ социалистами и въ наши дни), что при Республикѣ народъ страдаетъ еще больше, чѣмъ подъ королевскою властью, то Робеспьеръ никогда не упускалъ случая обозвать Ру, даже после его смерти, «подлымъ попомъ», продавшимся иностранцамъ, и «подлецомъ», «желавшимъ возбудить опасные безпорядки», съ цѣлью повредить Республикѣ.

Съ июня 1793 года Ру былъ уже обреченъ на смерть. Его обвинили въ томъ, что онъ былъ виновникомъ бунтовъ противъ торговцевъ мыломъ. Позднѣе, въ августѣ, когда онъ сталъ издавать съ Леклеркомъ газету, «Тѣнь Марата», противъ него направили вдову Марата, которая протестовала противъ такого заглавія; и наконецъ, съ нимъ сдѣлали то, что буржуазія уже сдѣлала съ Бабѣфомъ. Его обвинили въ лороствѣ, — въ томъ, что онъ утащилъ ассигнацію, полученную имъ для клуба Кордельеровъ, — тогда какъ, согласно еврному замѣчанію Мишлэ, «эти фанатики тѣмъ и выдѣлялись, что были безсребренники». Среди всѣхъ выдающихся революціонеровъ Ру, Варлэ и Леклеркъ были, несомнѣнно, образцами высокой честности.

Напрасно секція Гравилье, къ которой принадлежалъ Ру, требовала отъ Коммуны его освобожденія, ручаясь за него. Напрасно то же дѣлалъ клубъ революціонныхъ женщинъ: ихъ клубъ за это закрыли.

Наконецъ Ру и его друзья, возмущенные такимъ обвиненіемъ, явились однажды вечеромъ, 19 августа, на общее собраніе своей секціи Гравилье, смѣнили предсѣдателя и секретарей и назначили Ру предсѣдателемъ. Но тогда товарищъ

руки мануфактуры, морскіе порты, все отрасли торговли, все продукты земли, чтобы морить голодомъ и холодомъ друзей справедливости и толкать ихъ въ руки деспотизма». (Я цитирую по тексту речи Ру, найденному Бернарть Лазаромъ и напечатанному у Жюреса въ его «Histoire Socialiste: La Convention»

прокурора Коммуны, Эберт, выступилъ, 21 августа, передъ клубомъ Якобинцевъ противъ Ру, и дѣло было передано Совету Коммуны, гдѣ прокуроръ Шометъ обвинилъ Ру въ покушеніи на верховную власть народа и потребовать для него смертной казни. Противъ Ру возбуждали судебное преслѣдованіе, но его секціи удалось добиться его освобожденія на поруки, что и было сдѣлано 25 августа. Слѣдствіе, однако, продолжалось, и опять осложнилось обвиненіемъ въ воровствѣ, такъ что 23 вентоза II года (14 января 1794) Ру потребовали передъ полицейскій уголовный судъ.

Этотъ судъ, влѣдствіе *важности поступковъ, въ которыхъ обвинялся Ру* (насиліе въ секціи), объявилъ себя некомпетентнымъ, и рѣшилъ передать дѣло въ революціонный трибуналъ. Но тогда Ру, зная что его ждало, тутъ же въ судѣ ударилъ себя тремя ударами ножа. Предсѣдатель суда бросился къ нему, обнимая его съ любовью, и далъ ему привѣтъ «гражданское лобзаніе». Раненаго Ру перенесли, однако, въ больницу тюрьмы Висетръ, гдѣ, какъ донесли прокурору революціоннаго суда, Фукье-Тенвиллю, онъ старался «испытать свои силы». Наконецъ, онъ вторично ударилъ себя въ грудь ножомъ, ранилъ себя въ легкое и умеръ отъ раны. Судебное вскрытіе помѣчено 1-мъ вентоза, т.-е. 19-мъ февраля 1794 года¹.

Народъ, особенно въ центральныхъ секціяхъ Парижа, понималъ тогда, что съ надеждами на «равенство на дѣлѣ» и «благосостояніе для всѣхъ» надо расстаться. Гальяръ, другъ Шальё, перебравшійся въ Парижъ изъ Ліона, послѣ того какъ Ліономъ овладѣли монтаньяры и выпустили его изъ тюрьмы, гдѣ Жирондисты держали его во все время осады, тоже убилъ себя, когда узналъ, что ихъ товарищи Деклерка заарестовали, вмѣстѣ съ Шометомъ и Эбертистами.

Въ отвѣтъ на всѣ эти коммунистическія требованія, и видя что народъ готовъ отойти отъ Революціи, Комитетъ Общественнаго Спасенія, — избѣгая, впрочемъ, всего, что могло бы вооружить противъ него «Болото» Конвента (Центръ), или Якобинскій клубъ, выпустилъ 21 вентоза II года (11 марта 1794) высокопарный циркуляръ, адресованный комиссарамъ Конвента, разосланнымъ въ провинціи. Но этотъ циркуляръ, такъ же какъ и знаменитая рѣчь, произнесенная черезъ два дня (23 вентоза) Сень-Жюстомъ, заканчивался только обѣ-

¹) Jaurès, „Histoire Socialiste. La Convention“, стр. 1698, 1699

паніемъ государственной благотворительности для бѣдныхъ гражданъ, — довольно-таки скупой, надо сказать.

Сильный ударъ былъ необходимъ, чтобы низвергнуть аристократію», писалъ Комитетъ въ своемъ циркулярѣ. «Конвентъ нанесъ этотъ ударъ. Добродѣтельные бѣдные люди должны были вернуться въ обладаніе тѣмъ, что у нихъ отнято было преступными... Нужно, чтобы терроръ и справедливость повсюду одновременно нанесли свои удары. Революція — дѣло народа: пора, чтобы она пошла ему на пользу». И такъ далѣе въ томъ же тонѣ. Слова, одни слова!

И при всемъ томъ Конвентъ равно ничего не сдѣлалъ. Декретъ 13 вантоза II года (3 марта 1794), о которомъ такъ высокопарно говорилъ Сентъ-Жюсть, сводился къ слѣдующему: Каждая коммуна должна была составить списокъ немущихъ патриотовъ, и тогда Комитетъ Общественнаго Спасенія представить докладъ о средствахъ надѣлить всѣхъ немущихъ имѣніями, отнятыми у враговъ Революціи. Въ этихъ имѣніяхъ имъ будетъ нарѣзано по одному арпану земли (поддесятины) въ собственность! Для стариковъ же и бѣдныхъ Конвентъ рѣшилъ, нѣсколько позже, т.-е. 22 флюреала (11 мая), открыть «Книгу національной благотворительности»¹⁾.

Нечего и говорить, что для бѣдныхъ крестьянъ эта обѣщанная имъ поддесятины имѣла видъ насмѣшки, тѣмъ болѣе послѣ потери ими общинныхъ земель. Впрочемъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отдѣльных мѣстностей, это обѣщаніе даже не попробовали привести въ исполненіе. Въ большей части Франціи тѣ, кто сами ничѣмъ не завладѣли, ничего не получили.

Прибавимъ, однако, что нѣкоторые комиссары Конвента, какъ Альбиттъ, Колло д'Арбуа и Фунс въ Лионѣ, Жанъ Бонъ Сентъ-Андрѣ въ Брестѣ и Тулонѣ, Роммъ въ Шарантѣ, проявили въ 1793 году нѣкоторое стремленіе социализовать имуществъ. Когда Конвентъ издалъ законъ 16 нивоза II года (5 января 1794), въ силу котораго «въ городахъ осажденныхъ, блокированныхъ и оруженыхъ непріятелемъ, всѣ товары и предметы будутъ обращены въ общее пользованіе» (*mis en commun*), можно сказать, говорить Оларъ, что «было стремленіе прилагать этотъ законъ и къ городамъ, которые не

¹⁾ Старикамъ и бѣднымъ земледѣльцамъ записывалась въ этой книгѣ пенсія въ 160 ливровъ (франковъ) въ годъ; старикамъ и бѣднымъ ремесленникамъ — 120 ливровъ; а ихъ матерямъ и вдовамъ — по 80 и 60 ливровъ.

были осаждены, ни блокированы, ни окружены»¹⁾. По этим немногими попытками дело ограничилось.

Въ 1794 году Конвентъ, или вѣрнѣе его Комитеты Общественнаго Спасенія и Общественной Безопасности, подавили такимъ образомъ проявленія коммунистическихъ стремленій. Но духъ французскаго народа тѣмъ не менѣе развивался въ этомъ направленіи, и подъ напоромъ событій, въ теченіе II года Республики, совершилась большая уравнительная работа въ коммунистическомъ направленіи²⁾.

Такъ, наприимѣръ, комиссары Конвента въ Ліонѣ — Альбиттъ Колло д'Эрбуа и Фушэ, выпустили 14 ноября 1793 года одно замѣчательное постановленіе, которое и начали проводить въ исполненіе. Въ силу его всѣ увѣчные и старые, граждане, сироты и немущіе должны были «получать квартиру, пищу и одежду на счетъ богатыхъ своего кантона»; а также «работа и инструменты, необходимые для ихъ ремесла и промысла, должны быть доставляемы гражданамъ, способнымъ работать». Благосостояніе гражданъ, писали они въ своихъ циркулярахъ, должно быть въ соотвѣтствіи съ ихъ трудомъ, ихъ прилежаніемъ и рвеніемъ, съ которымъ они отдаются служенію отечеству. Многіе комиссары Конвента при арміяхъ приходили къ тому же рѣшенію, говоритъ Оларъ. Фушэ взыскивалъ при этомъ тяжелые налоги съ богатыхъ, чтобы кормить бѣдныхъ. Несомнѣнно также, говоритъ тотъ же историкъ, что было много общинъ, которыя практиковали до нѣкоторой степени коллективизмъ (вѣрнѣе муниципальный коммунизмъ)³⁾.

Мысль, что государство должно завладѣть фабриками, покинутыми ихъ хозяевами, и само вести въ нихъ производство,

¹⁾ „Такимъ образомъ, въ этотъ періодъ притѣсненій, напрасно стали бы мы искать выступленія социалистическихъ теорій. Но частныя и эмпирическія мѣры, принятые въ то время, случайныя законы, вызванные обстоятельствами, временныя учрежденія, изъ которыхъ слагалось революціонное правительство,—все это, выѣсть взятое, дастъ такое положеніе, которое косвенно подготавливаетъ умы, несмотря на молчаніе социалистовъ, къ социальной революціи, и отчасти уже приводитъ ее въ исполненіе“, пишетъ Оларъ (*Политическая Исторія Революціи*, книга II, гл. VII).

²⁾ Оларъ, *Политическая Исторія Революціи*; книга II, глава VII.

³⁾ См. весь параграфъ „Соціализмъ“, въ VIII главѣ, II-й книги *Политической Исторіи* Олара (2-е изд.); также André Lichtenberger, „Le Socialisme et la Révolution française“, стр. 179, 180.— „Actes du Comité de salut public“, томы VIII и IX.

была высказана неоднократно. Шометь развивалъ её въ октябрѣ 1793 года, когда разбирали, какъ отразился законъ о Максимумѣ на разныя отрасли промышленности; а Жанъ Бонъ Сентъ-Андрѣ разрабатывалъ государственными средствами рудникъ Кархэ (Carchaix) въ Бретани, чтобы дать заработокъ рабочимъ. Мысль носилась въ воздухѣ.

Но если нѣкоторые комиссары Конвента принимали, въ теченіе 1793 года, мѣры коммунистическаго характера и дѣйствовали съ цѣлью *уравненія состояній*, самъ Конвентъ, съ другой стороны, постоянно защищалъ интересы буржуазіи, и по всей вѣроятности есть доля справедливости въ замѣчаніи Буонарроти, что боязнь, какъ бы Робеспьеръ со своей группой не пустился въ мѣры, которыя послужили бы поощреніемъ инстинктамъ равенства у народа, содѣйствовала гибели этой группы въ переворотѣ 9 термидора ¹⁾.

¹⁾ Буонарроти, „Замѣчанія о Максимиліанѣ Робеспьерѣ“, въ коммунистическомъ журналѣ „La Fraternité“, № 17, сентябрь 1842 (замѣтка, любезно сообщенная мнѣ докторъ М. Негтлау).

Организація центрального правительства.—Казни.

Добившись изгнанія главныхъ вождей жирондистской партіи изъ Конвента, монтаньяры занялись въ теченіе всего лѣта 1793 года организаціей сильнаго правительства, сосредоточеннаго въ Парижѣ и способнаго оказать сопротивленіе движеніямъ, которыя могли бы начаться въ столицѣ подъ вліяніемъ «Бѣшеныхъ» и коммунистовъ.

Уже съ апрѣля Конвентъ передаетъ, какъ мы видѣли, центральную власть въ руки своего Комитета Общественнаго Спасенія, и послѣ 31 мая онъ продолжалъ усиливаться этотъ Комитетъ людьми изъ партіи Горы¹⁾. И когда вступленію въ дѣйствіе новой конституціи было отложено до заключенія мира, оба Комитета—Общественнаго Спасенія и Общественной Безопасности, продолжали сосредоточивать все больше и больше власти въ своихъ рукахъ, держа въ при этомъ среднюю политику, т.-е. занимая положеніе между крайними партіями (Бѣшеные, Парижская Коммуна) и дантонистами, къ которымъ присоединились жирондисты.

¹⁾ Сперва Комитетъ Общественнаго Спасенія былъ подъ вліяніемъ Дантона; но послѣ 31 мая онъ сталъ подпадать все болѣе и болѣе подъ вліяніе Робеспьера. Сентъ-Жюсть и Кутопъ, личные друзья Робеспьера, вошли въ него уже 30. Жанъ-Бонъ Сентъ-Индра вошелъ 12 іюня, а Робеспьеръ—27 іюля. Карно и Пріеръ (изъ Котъ д'Ора) вступили въ Комитетъ 14 августа, а Колло д'Эрбуа и Бильо-Вареннъ—6 сентября, послѣ возстанія 4—5 сентября.—Въ Комитетѣ отличали три разныхъ направленія: *террористы*,—Колло д'Эрбуа и Бильо-Вареннъ; *работники*,—Карно для войны, Пріеръ для инженеровъ и вооруженія, и Лендо для интендантства; и наконецъ, *люди дѣйствія*,—Робеспьеръ, Сентъ-Жюсть и Кутопъ.—Что же касается до Комитета Общественной Безопасности, которому принадлежала государственная полиція, то онъ состоялъ по преимуществу изъ чиновниковъ стараго порядка. Теперь является даже вопросъ—не сохранило ли большинство его членовъ свои старыя симпатіи?—Прокуроромъ при революціонномъ судѣ состоялъ Фулье-Танвиль, который исполнѣ зависѣлъ отъ Комитета Общественной Безопасности. Онъ совѣщался съ нимъ каждый вечеръ.

Въ этомъ дѣлѣ концентраціи правительства, обоимъ Комитетамъ сильно помогать клубъ Якобинцевъ, который значительно расширилъ область своихъ дѣйствій въ провинціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ тѣснѣе сплотилъ свои ряды. Число провинціальныхъ обществъ (Народныхъ обществъ и др.), присоединившихся къ Парижскому клубу якобинцевъ, доходило въ 1791 году до восьмисотъ; но два года спустя оно возросло уже до восьми тысячъ, и каждое изъ нихъ было точкою опоры для революціонной буржуазіи. Изъ этихъ обществъ набиралось многочисленныя чиновники революціонной бюрократіи, и каждое изъ нихъ становилось полицейскимъ центромъ, помогавшимъ правительству раскрывать своихъ враговъ и уничтожать ихъ.

Кромѣ того, сорокъ тысячъ революціонныхъ комитетовъ было вскорѣ организовано, — по одному въ каждой общинѣ и въ каждой секціи большихъ городовъ, и всѣ эти комитеты, въ которыхъ дѣлами заправляли, какъ это уже замѣтили Мишлэ, большею частью люди изъ буржуазіи — очень часто даже бывшіе чиновники монархіи, — всѣ эти комитеты были вскорѣ отторгнуты отъ Коммуны и подчинены Конвентомъ Комитету Общественной Безопасности. При этомъ сами Секціи и Народныя общества быстро обращались правительствомъ въ органы центральнаго управленія, — т.-е. въ отдѣленія республиканской чиновной іерархіи (см. гл. LXIII).

Между тѣмъ состояніе Парижа не могло не внушать опасеній. Наиболѣе энергичные революціонеры записались въ волонтеры, въ 1792 и 1793 году, и отправлены были на границы, или въ Вандею; роялисты же, тѣмъ временемъ, поднимали голову. Пользуясь ослабленіемъ надзора надъ ними, они возвращались въ большомъ числѣ. Въ августѣ роскошь временъ монархіи внезапно снова появилась на улицахъ. Общественными садами и улицами овладѣли *лю-скадэны*, — т.-е. молодые люди, мужчины и женщины, зажиточныхъ семей, поражающіе всѣхъ своими необычайно легкими нарядами и манерами. Въ театрахъ ставились все роялистскія пьесы, и ихъ встрѣчали шумными оваціями, тогда какъ республиканскія пьесы осуждались. Доходило даже до того, что на сценѣ представляли Тампльскую тюрьму и освобожденіе королевы; и дѣйствительно, побѣгъ Маріи-Антуанеты едва не состоялся.

Секціи наводнялись жирондистскими и роялистскими контръ-революціонерами. Тогда какъ поденщики и мастера, послѣ долгаго рабочаго дня, расходились вечеромъ по

домамъ, молодые люди изъ буржуазіи, вооруженные здоровыми палками, приходили на общія собранія секцій и заставляли присутствующихъ голосовать въ направленіи, желательномъ для контръ-революціонеровъ.

Секцій, несомнѣнно, сумѣли бы отразить эти вторженія, какъ онѣ уже однажды отразили ихъ, призывая на помощь товарищей изъ сосѣднихъ секцій. Но Якобинцы—оплотъ буржуазіи—очень недружелюбно относились къ секціямъ вообще и пользовались первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы парализовать ихъ. Случай не замедлилъ представиться.

Хлѣба попрежнему нехватало въ Парижѣ, и 4 сентября 1793 начали собираться кучки народа вокругъ городской ратуши, громко требуя *хлѣба!*¹⁾ Эти сборища становились угрожающими, и потребовалась вся популярность и добродушіе Шомета, — любимого оратора парижской бѣдноты, — чтобы успокоить сборища обѣщаніями. Шометь обѣщалъ, что добудетъ хлѣба и добьется ареста администраторовъ народнаго продовольствія. Движеніе, такимъ образомъ, ни къ чему не привело, и на слѣдующій день народъ ограничился тѣмъ, что послалъ своихъ депутатовъ въ Конвентъ.

Конвентъ же не захотѣлъ и не усилъ ничего предпринять, чтобы отвѣтить на истинныя причины этого движенія. Онъ сумѣлъ только пригрозить контръ-революціонерамъ, провозгласивши терроръ, и усилить власть центральнаго правительства. Ни Конвентъ, ни Комитетъ Общественнаго Спасенія, ни даже Коммуна — уже угрожаемая, впрочемъ, Комитетомъ, — не оказались на высотѣ положенія. Никого не нашлось, чтобы выразить посившіяся въ народѣ идеи равенства, съ тою же силою, смѣлостью и точностью, съ какою Дантонъ, Робеспьеръ, или даже Барэръ выражали идеи Революціи въ ея предшествовавшіе фазисы. Верхъ взяли люди «правительственные», т.-е. посредственности буржуазіи, болѣе или менѣе демократической.

Дѣлю въ томъ, что старый порядокъ обладаетъ еще громадною силою, при чемъ онъ еще усилился всею поддержа-

¹⁾ Весьма возможно—даже вѣроятно,—что разныя (какъ Де-нитръ) тоже работали въ секціяхъ, чтобы подготовить это движеніе среди голоднаго народа. Такой тактики всегда держались реакціонеры. Но утверждать, что движеніе 4—5 сентября было дѣломъ реакціонеровъ, было бы такъ же нелѣпо и иезуитично, какъ, напримѣръ, утверждать, что возстаніе 1789 года было дѣломъ герцога Орлеанскаго.

кою, которую встрѣтилъ среди тѣхъ самихъ, кого облагодѣтельствовала Революція. Чтобы сломить эту силу, нужна была бы новая революція — народная, во имя идеаловъ равенства, — а большинство революціонеровъ 1789—1792 годовъ вовсе ея не хотѣло.

Большинство буржуазіи, выступавшей въ эти годы, 1789 — 1792, какъ революціонеры, находило теперь, что Революція «зашла слишкомъ далеко». Сумѣетъ ли она остановить «анархистовъ» и помѣшать имъ «уравнять состоянія»? Не дастъ ли она крестьянамъ слишкомъ большое благосостояніе, такъ что они откажутся работать на тѣхъ, кто покупалъ національныя имущества? Гдѣ же найтн тогда рабочихъ, чтобы обрабатывать эти земли? Вѣдь если покупатели имущества внесли миллиарды въ государственное казначейство, они дѣлали это не изъ патріотизма, а чтобы наживиться на купленныхъ имѣніяхъ. Но что же стануть они дѣлать, если въ деревняхъ не окажется болѣе безработныхъ пролетаріевъ? Этого они не могли допустить.

Такимъ образомъ, партія Двора и дворянства имѣла за себя цѣлый классъ покупателей конфискованныхъ земель, «черныхъ бандъ», какъ тогда называли скупщиковъ этихъ земель. За нее стояли также цѣлыя стаи спекуляторовъ: военныхъ интендантовъ, быстро наживавшихъ состоянія, биржевиковъ, спекулировавшихъ на курсѣ ассигнацій, и т. д. Всѣ они нажились во время Революціи, и всѣ они торопились теперь насладиться плодами наживы. Всѣ они стремились, поэтому, какъ можно скорѣе положить конецъ Революціи и вернуться подъ охрану стойкой власти — подъ однимъ только условіемъ: чтобы контръ-революція не отняла у нихъ скупленныхъ ими имѣній и награбленныхъ состояній. У за ними стояла въ деревняхъ, поддерживая ихъ, цѣлая масса мелкихъ буржуа, недавно вышедшихъ изъ крестьянъ. И весь этотъ мірскій интересовался однимъ: создать прочное правительство, — все равно какое, лишь бы оно было *сильное* и могло едержать, съ одной стороны, санъ-кюлотъ, а съ другой стороны — отразить нашествіе Англіи, Австріи, Пруссіи, обѣщавшихъ вернуть духовенству и дворянамъ-эмигрантамъ отнятыя у нихъ имѣнія.

Вотъ почему, отвѣчая ихъ желанію, Конвентъ и Комитетъ Общественнаго Спасенія, какъ только они почувствовали опасность со стороны секцій и Коммуны, сейчасъ же воспользовались отсутствіемъ цѣльности въ движеніи 4—5.

сентября, чтобы усилить центральное правительство и раздавить секции, — очаги народного недовольства.

Конвентъ рѣшилъ, правда, положить конецъ открытой торговлѣ ассигнаціями: онъ запретилъ такую торговлю подѣ страхомъ смерти. Онъ создалъ также «революціонную армію» въ 6000 человѣкъ, подѣ начальствомъ Юергиста Ронсена, для умиренія и устрашенія контръ-революціонеровъ, и для того, чтобы собирать, при помощи реквизицій по деревнямъ — въ барскихъ имѣніяхъ и на фермахъ — жизненные припасы для прокормленія Парижа. Но эта мѣра не сопровождалась никакою другою мѣрою, которая имѣла бы цѣлью передать земли въ руки бѣдныхъ крестьянъ, стремившихся сами работать на землѣ, и снабдить ихъ средствами, чтобы они могли начать обрабатывать землю и такимъ образомъ увеличить посявы и усилить производство хлѣба. А потому, реквизиціи революціонной арміи стали только новымъ источникомъ ненависти деревень противъ Парижа. Онъ даже увеличили затрудненія въ заготовленіи припасовъ.

Въ одномъ Конвентъ проявилъ энергію: это въ угрозахъ усиленнаго террора, и въ еще большемъ усиленіи власти центральнаго правительства. Дантонъ говоритъ о «вооруженномъ народѣ» и грозитъ роялистамъ. Нужно, говоритъ онъ, чтобы каждый день одинъ аристократъ, одинъ негодяй платилъ своею головою за свои преступленія». Руководясь тою же мыслью, Якобинскій клубъ потребовалъ, чтобы Жирондисты, заарестованные 2 июня, были отданы подѣ революціонный судъ. Эберъ проповѣдывалъ необходимость повсемѣстныхъ казней, для чего гильотину слѣдовало возить изъ города въ городъ и изъ деревни въ деревню. Въ отвѣтъ на эти предложенія, Конвентъ рѣшилъ усилить революціонный трибуналъ: обыски разрѣшено было дѣлать и по почтамъ.

Подготавливая такимъ образомъ терроръ, Комитеты вмѣстѣ съ тѣмъ принимали мѣры, чтобы ослабить Парижскую Коммуну и народовластіе вообще. Такъ какъ Революціонные Комитеты, въ руки которыхъ перешли (отъ секцій) судебная полиція и дѣло арестовъ, обвинялись въ разныхъ злоупотребленіяхъ, то Шометъ получилъ отъ Конвента разрѣшеніе Коммунѣ произвести очистку Комитетовъ отъ ненадежныхъ элементовъ, и взять ихъ подѣ надзоръ Коммуны. Но двѣнадцать дней спустя, т.-е. 17 сентября 1793, это право было уже отнято у Коммуны, и Революціонные Коми-

теты были подчинены Комитету Общественной Безопасности, — этой темной полицейской силѣ, выросавшей возлѣ Комитета Общественнаго Спасенія и грозившей поглотить его.

Что касается до секцій, то подѣ тѣмъ предлогомъ, что онѣ давали овладѣть собою контръ-революціонерамъ, Конвентъ ограничилъ, 9 сентября, число ихъ общихъ собраній двумя въ недѣлю; и, чтобы позолотить пиллюлю, онѣ назначилъ сорокъ су (два франка) за каждое засѣданіе тѣмъ санъ-кюлотамъ, которые жили трудомъ своихъ рукъ и присутствовали на засѣданіяхъ. Эту мѣру часто представляли, какъ мѣру революціоннаго характера; но парижскія секціи, очевидно, отнеслись къ ней иначе. Нѣкоторыя изъ нихъ (Общественнаго Договора, Хлѣбнаго рынка, Правъ человека—подѣ вліяніемъ Варлэ) отказались отъ платы и порицали основную ея мысль; другія же, какъ показалъ Эрнестъ Меллье, пользовались ею лишь весьма умѣренно.

Наконецъ 19 сентября, Конвентъ увеличилъ число своихъ устрашающихъ мѣръ, прибавивъ къ нимъ еще одинъ законъ—о «подозрѣваемыхъ» (suspects). Въ силу его можно было арестовать всѣхъ бывшихъ дворянъ, всѣхъ тѣхъ, кто выкажетъ себя «сторонникомъ тираніи и федерализма», всѣхъ тѣхъ, кто «не выполняетъ своихъ гражданскихъ обязанностей», — всѣхъ тѣхъ, наконецъ, кто постоянно не выказывалъ своей привязанности Революціи! Луи Вланъ и другіе государственники съ увлеченіемъ говорятъ объ этой мѣрѣ «величественно-грозной политики», тогда какъ на дѣлѣ она выражала только безеніе Конвента, — его неспособность идти дальше по дорогѣ, открытой передъ нимъ Революціею. Она была также подготовленіемъ того ужаснаго переполненія тюремъ, которое привело къ «потопленіямъ» Каррьё въ Нантѣ, къ массовымъ разстрѣламъ Колло д'Эрбуа въ Лионѣ и къ массовымъ казнямъ въ іюнѣ и юлѣ 1794 года въ Парижѣ, — всего, что ускорило паденіе монтаньяровъ.

Но по мѣрѣ того, какъ эта страшная правительственная сила сосредоточивалась въ Парижѣ, — между различными политическими партіями неизбежно должна была зализаться жестокая борьба, чтобы рѣшить, кому достанется новое орудіе власти. Такъ оно и было: 25 сентября, въ Конвентѣ произошла всеобщая свалка между всѣми партіями, послѣ чего побѣда выпала, какъ и слѣдовало ожидать, на долю блаженной буржуазно-революціонной середины: т.-е.

на долю Жкобинцевъ и Робеспьера. Подъ ихъ вліяніемъ состоялись назначенія въ революціонныя трибуналы.

Недѣлю спустя, 3 октября, новая власть уже дала себя почувствовать. Въ этотъ день Амартъ, членъ Комитета Общественной Безопасности, вынужденъ былъ, послѣ долгихъ колебаній, внести въ Комитетъ докладъ, предающій революціонному суду Жирондистовъ, изгнанныхъ изъ Конвента во время возстанія 2 июня. Онъ долго отбивался, подъ разными предлогами, отъ необходимости представить этотъ докладъ; но теперь, то ли изъ страха самому подпасть подъ обвиненіе, то ли изъ другихъ какихъ-нибудь соображеній, онъ потребовалъ, чтобы передъ судомъ были посланы, кромѣ тѣхъ тридцати-одного Жирондиста, которыхъ онъ обвинялъ, еще 73 другихъ жирондистскихъ члена Конвента, которые протестовали противъ ареста ихъ товарищей и нарушенія этимъ конституціи, но продолжали заседать въ Конвентѣ. Противъ этого предложенія, къ удивленію всѣхъ, возсталъ, однако, Робеспьеръ. Нечего, говорилъ онъ, обрушиваться на солдатъ партій: достаточно поразить ихъ вождей. Поддержанный одновременно правыми и Жкобинцами, онъ дошелъ своего, и тѣмъ самымъ выступилъ съ обликомъ умѣряющей силы, способной стать выше Конвента и его обонхъ Конвенту.

Проникнувъ нѣсколько дней, и близкій другъ Робеспьера, Сень-Жюсть, прочелъ уже передъ Конвентомъ докладъ, гдѣ, нажаловавшись на подкупъ, на тиранію и на вновь создавшуюся бюрократію, и уже бросалъ инсинуаціи противъ Парижской Коммуны, т.-е. «крайнихъ», — Шомета и его товарищей, — онъ требовалъ удержанія революціоннаго правительства, вплоть до заключенія мира.

Конвентъ принялъ его заключенія. Центральное революціонное правительство было утверждено.

Покуда вся эта борьба за власть шла въ Парижѣ, положеніе на театрѣ войны представлялось въ самомъ мрачномъ свѣтѣ. Въ августѣ былъ объявленъ всеобщій наборъ, и Дантонъ, съ былою своею энергіею и пониманіемъ народнаго духа развилъ передъ Конвентомъ смѣлую мысль, предлагая поручить весь наборъ не революціонной бюрократіи, а тѣмъ восьми-тысячамъ федератовъ (fédérés), которые были присланы первичными собраніями избирателей въ Парижъ, для заявленія своего согласія на конституцію 1793 года. Его планъ былъ принятъ 25 августа.

возмущались и обѣщали вскорѣ совершить государственный переворотъ и перерѣзать всѣхъ членовъ Конвента и патриотовъ вообще.

Весьма вѣроятно, что Конвентъ не сталъ бы ждать до октябрю, чтобы отдать Марію-Антуанету подъ судъ, если бы онъ не надѣялся остановить иностранное вторженіе, подъ условіемъ, что королеву и ея дѣтей освободятъ изъ тюрьмы. Извѣстно даже, что Комитетъ Общественнаго Спасенія далъ (въ іюлѣ) инструкціи въ этомъ смыслѣ своимъ посланнымъ, Семоивиллю и Марэ, которыхъ арестовалъ въ Италіи миланскій губернаторъ, и извѣстно также, что переговоры велись и гораздо позже, по поводу освобожденія дочери короля.

Въ настоящее время перенескою Маріи-Антуанеты съ Ферзенюмъ, которую мы имѣемъ въ рукахъ, вполне достоверно установлены ея усилія вызвать и подготовить нѣмецкое нашествіе на Францію, а также тотъ фактъ, что она сообщала непріятелю секреты военной обороны; такъ, что не стоить даже опровергать утвержденія нѣкоторыхъ новѣйшихъ писателей, старающихся представить Марію-Антуанету чуть не святою. Общественное мнѣніе ничуть не ошиблось въ 1793 году, когда считало королеву еще болѣе виновною передъ Франціею, чѣмъ Людовика XVI. 16 октября она погибла на эшафотѣ.

Жирондисты близко послѣдовали за нею. Читатель, вѣрно, помнитъ, что когда 2 іюня были арестованы тридцать-одинъ жирондистскій депутатъ, имъ была предоставлена свобода ходить по Парижу, въ сопровожденіи жандарма. Ихъ жизни тогда такъ мало угрожали, что нѣсколько извѣстныхъ монтаньяровъ предложили отправиться въ департаменты, которыми были выбраны эти жирондистскіе представители, и тамъ оставаться заложниками. Но большая часть арестованныхъ жирондистскихъ депутатовъ бѣжала изъ Парижа, и они отправились въ провинціи поднимать гражданскую войну. Одни изъ нихъ поднимали Нормандію и Бретань, другіе старались поднять противъ Конвента Бордо, Марсель, весь Провансъ; и вездѣ роковымъ образомъ они становились союзниками роялистовъ.

Въ данную минуту, т.-е. въ октябрѣ 1793 года, въ Парижѣ оставалось только двѣнадцать депутатовъ, изъ тридцати-одного арестованныхъ 2 іюня. Къ нимъ прибавили еще десятерыхъ, и процессъ начался 3 брюмера (23 октября). Жирондисты бойко защищались, и такъ какъ ихъ рѣчи могли

исполнять даже на «надежныхъ» присяжныхъ заседателей революціоннаго трибунала, то Комитетъ Общественнаго Спасенія заставилъ Конвентъ наскоро провотировать законъ объ ускореніи дебатовъ на судѣ. 9 брюмера (29 октября) прокуроръ Фукье-Тэнвилль прочелъ передъ судомъ этотъ новый законъ. Судебныя пренія были закончены, и всѣ двадцать-два были приговорены къ смерти. Валазе убилъ себя ударомъ кинжала, остальные были казнены на другой же день.

Госпожа Роланъ (жена министра Ролана и едва ли не самый вліятельный членъ партіи) была казнена 18 брюмера (7 ноября), а ее мужъ и Кондорсе сами покончили съ собою. Бывшій мэръ Парижа, Байльи, котораго сообщничество съ Лафлансомъ въ избіеніи народа на Марсовомъ полѣ, 17 іюля 1791, было вполнѣ доказано, Жирё-Дюпрэ изъ Ліона, Барнавъ, который перешелъ на сторону королевы, послѣ того какъ сопровождалъ ее въ королевской каретѣ на пути изъ Варенна въ Парижъ, вскорѣ послѣдовали за всеми товарищами; а въ декабрѣ погибли на эшафотѣ жирондисты Керсентъ и Рабё Сентъ-Этьеннъ, а также госпожа Дюбарри, прославившаяся еще при старомъ режимѣ.

Терроръ начался, такимъ образомъ, и теперь неизбѣжно должно было совершиться его роковое дальнѣйшее развитіе.

Народное образованіе. — Метрическая система. — Новый календарь. — Противорелигіозное движеніе.

Посреди всѣхъ этихъ бурныхъ столкновеній революціонеры не упускали изъ вида великаго вопроса о народномъ образованіи. Напротивъ того, они старались положить основаніе образованію всего французскаго народа на началахъ равенства. Громаднѣйшая предварительная работа была выполнена въ этомъ направленіи Законодательнымъ Собраніемъ и Конвентомъ, какъ это видно изъ документовъ Комитета народнаго образованія, недавно изданныхъ Ж. Гильомомъ¹⁾. Въ Конвентѣ были прочтены замѣчательныя докладъ объ образованіи, написанный Михаиломъ Лепельтье послѣ его смерти, и Конвентъ принялъ рѣшенье для введенія трехстепеннаго образованія: въ первыя начальныя, центральныя и спеціальныя школы.

Но самымъ прекраснымъ научнымъ памятникомъ эпохи Революціи была выработанная французскими учеными и введенная Конвентомъ метрическая система мѣръ и вѣсовъ. Этою системою не только вводилось въ нашу жизнь и науку десятичное подраздѣленіе всѣхъ мѣръ — линейныхъ, поверхности, объема и вѣса, — соотвѣтствующее десятичной системѣ нашихъ чиселъ, — что уже позволяло ввести поразительное упрощеніе въ преподаваніе математическихъ наукъ, и вообще помогало развитію математическаго мышленія: этою системою достигалось нечто гораздо болѣе. Основной мѣрѣ всей этой системы — метру — была дана длина, которую, если она когда-нибудь затеряется, какъ терялись мѣры египтянъ, грековъ и римлянъ, легко будетъ возстановить во всякое время, съ очень большою точностью.

¹⁾ „Procès verbaux du Comité d'instruction publique de l'Assemblée Nationale“ и „Procès-verbaux du Comité d'instruction publique de la Convention nationale“, издаваемые съ примѣчаніями и обстоятельными предисловіями James Guillaume'омъ. Парижъ, 7 томовъ, 1889 г.

зная размеры земного шара. Это уже открывало новые горизонты уму и вносило известный дух систематичности въ наши знанія. Но кромѣ того, установивши простыя отношенія между мѣрами длины, поверхности, объема и вѣса, метрическая система подготовляла, заранѣе приучая къ ней умы, великую побѣду наукъ, совершившуюся въ девятнадцатомъ вѣкѣ,—утвержденіе единства всѣхъ физическихъ силъ, единства всей природы.

Новый республиканскій календарь былъ естественнымъ послѣдствіемъ метрической системы. Онъ былъ выработанъ цѣлою группою ученыхъ и былъ принятъ Конвентомъ послѣ двухъ докладовъ Ромма, прочтенныхъ 20 сентября и 5 октября 1793, и доклада Фабра д'Эглантина, прочтеннаго 24 ноября ¹⁾. Онъ вводилъ въ лѣтосчисленіе новую эру, которая начиналась со дня провозглашенія республики во Франціи, т.-е. съ 22 сентября 1792, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ днемъ осенняго равноденствія. Новый календарь отказывался также отъ христіанской недѣли. Воскресенье исчезало. Праздничнымъ днемъ становился десятый день декады ²⁾.

Принятіе Конвентомъ новаго календаря, устранявшаго изъ жизни христіанскій календарь, неизбежно придавало смѣлости тѣмъ, кто боролся противъ католической церкви и ея служителей.

«Республиканскій годъ» дѣлился на 12 мѣсяцевъ, по 30 дней каждый, которыхъ имена были найдены, очень удачно, Фабромъ д'Эглантинскимъ: вандемьеръ, брюмеръ и фримеръ (отъ сбора винограда, тумана и холода) для осени, продолжающейся отъ 22 сентября до 20 декабря; нивозъ, плувіозъ и вантозъ (снѣгъ, дождь и вѣтеръ) для зимы, отъ 21 декабря до 20 марта; жерминаль, флореаль и преріаль (прозябаніе, цвѣтеніе, лѣта) для весны отъ 21 марта до 18 июня; мессидоръ, термидоръ и фрюктидоръ (жатва, жара, фрукты) для лѣта, отъ 19 июня до 16 сентября. Пять дополнительныхъ дней, названныхъ «санъ-кюлодитами», заключали годъ. Каждый мѣсяць дѣлился на три десятидневія, или декады, и дни назывались примиди, дуоди, тріоди, и т. д. (1-й, 2-й, 3-й и т. д.), при чемъ праздничный день былъ декади, десятый день.

³⁾ Возстановленіе астрономическаго факта въ новомъ календарѣ было, конечно, прекрасною идеею (помѣщеніе, однако, всѣхъ пяти дополнительныхъ дней въ конецъ года не такъ удачно), и имена мѣсяцевъ были прекрасно выбраны; но помимо предубѣжденій, которыя должны были возникнуть изъ-за того, что новый календарь возвычивалъ Революцію, весьма вѣроятно, что замѣна седмицной недѣли (представляющей четверть луннаго мѣсяца) десятидневною декадою—слишкомъ длинною для нашихъ привычекъ,—была и одеть препятствіемъ распространенію этого календаря.

жителей, считая ихъ самою сильною поддержкою, далеко еще не свергнутого королевскаго и феодальнаго строя. Опытъ, сдѣланный Революціею съ католическимъ духовенствомъ, которое присягнуло конституціи и, тѣмъ не менѣе, боролось противъ нея всякими средствами, доказалъ невозможность привлечь духовенство на сторону прогрессивныхъ идей. Поэтому мысль о томъ, что слѣдуетъ исключить изъ государственнаго бюджета жалованье священникамъ и предоставить уплату ихъ содержанія самимъ вѣрующимъ, неизбежно возникла передъ Революціею. Уже въ ноябрѣ 1792 года Камбонъ поднялъ этотъ вопросъ въ Конвентѣ. Но Конвентъ три раза рѣшалъ удержатъ оплачиваемую государствомъ и подчиненную государству національную церковь, — хотя въ то же время принималъ самыя суровыя мѣры противъ священниковъ, противившихся Революціи.

Карательные законы, изданные противъ непокорныхъ священниковъ, были очень суровы. Сперва были изгнаны изъ Франціи всѣ священники, отказавшіеся принять присягу конституціи; начиная же съ 18 марта 1793 года, назначена была смертная казнь тѣмъ, кто будетъ замѣчанъ въ безпорядкахъ, вызванныхъ напоромъ, а также тѣмъ, кто изгнанъ изъ Франціи, но будетъ заарестованъ на территоріи Республики. 21 октября 1793 еще болѣе суровые законы были изданы противъ духовенства, и изгнанію подлежали также священники, присягнувшіе конституціи, если только шесть гражданъ ихъ кантона обвиняли ихъ въ противоязвенномъ поведеніи. Мѣра эта была вызвана тѣмъ, что присягнувшіе священники оказывались столь же опасны для Революціи, какъ и неприсягнувшіе, или такъ называемые «панисты».

Первыя попытки отреченія отъ христіанской религіи были сдѣланы въ Аббевилѣ и Невэрѣ ¹⁾. Комиссаръ Конвента, Фушэ, находившійся въ командировкѣ въ Невэрѣ и, несомнѣнно, дѣйствовавшій въ согласіи, а можетъ-быть даже и подъ вліяніемъ Шомета, съ которымъ онъ встрѣтился въ этомъ городѣ, объявилъ 26 сентября 1793 года войну «суду вѣрью и лицемѣрью», чтобы установить «служеніе республики».

¹⁾ Во всемъ нижеслѣдующемъ изложеніи я придерживаюсь очень близко прекрасной монографіи профессора Олара, *Le culte de l'Étre Suprême et le culte de l'Être suprême*, 2e издание, Парижъ, 1901. Содержаніе этой работы переложено также, въ сокращенной формѣ, въ второмъ французскомъ и въ русскомъ изданіи «Политическая Исторія Революціи», Олара.

и естественной нравственности»¹⁾. Нѣсколько дней спустя, т.-е. 10 октября, когда Конвентъ принялъ уже новый календарь, Фушэ выпустилъ еще приказъ, въ силу котораго богослужебные обряды могли совершаться только внутри храмовъ. Всѣ «религіозныя эмблемы, воздвигнутыя на дорогахъ», должны были быть сняты. Священники не смѣли появляться въ облаченіи, иначе какъ въ храмахъ. Похороны должны были совершаться безъ всякой религіозной церемоніи, въ поляхъ, обсаженныхъ деревьями, «въ тѣни которыхъ будетъ возвышаться статуя, изображающая сонъ». Всякія другія эмблемы будутъ уничтожены, и «на воротахъ такого поля, освященнаго религіознымъ почтеніемъ къ останкамъ предковъ, будетъ сдѣлана надпись: *Смерть есть вѣчный сонъ*». Фушэ разъяснялъ также народу смыслъ своихъ декретовъ матеріалистическими лекціями.

Въ то же самое время другой комиссаръ Конвента, Лэньло (Laignelot), дѣйствовавшій въ городѣ Рошфорѣ, обратилъ приходскую церковь въ «Храмъ Правды», при чемъ восемь католическихъ священниковъ и одинъ протестантскій пасторъ явились въ этотъ храмъ, 31 октября 1793, и сложили съ себя священническій санъ.

Въ Парижѣ, подѣ влияніемъ Шомета, 14 октября было запрещено совершать богослуженіе въ храмахъ, а 16 октября Коммуна приняла сущность декрета Фушэ о погребеніяхъ.

Что это движеніе не было внезапно, а подготовлялось всею Революціею и ея предшественниками, — нѣтъ никакого сомнѣнія. Теперь, подбодренная актами Конвента, провинціальная Франція, во многихъ мѣстностяхъ выступила на путь «отреченія». Такъ, по инициативѣ одного посада, Ри-Оранжи (Ris-Orangis), вся мѣстность около Корбейля отрелась отъ христіанства, и ея заявленіе объ этомъ Конвенту, сдѣланное 30 октября, было принято Конвентомъ съ одобреніемъ.

Нѣсколько дней спустя въ Конвентъ явилась депутація отъ коммуны Меннеси, заявившая о томъ же, и она тоже была принята съ одобреніемъ, при чемъ Конвентъ призналъ «право гражданъ принимать ту вѣру, которую они пожелаютъ принять, и уничтожать обряды, которыхъ они не желаютъ».

¹⁾ Онъ выпустилъ также приказъ, въ силу котораго каждый священникъ, находящійся на жалованьи французскаго народа, обязанъ либо жениться, либо принять на воспитаніе ребенка, либо кормить убогаго старика. — подѣ страхомъ утраты своего мѣста и жалованья Aulard, *Culte de la Raison*, стр. 270.

Депутация отъ департамента Сены и Уазы, просившая, чтобы никого не назначили на мѣсто недавно умершаго Версальскаго епископа, тоже была принята съ почетнымъ отзывомъ.

Конвентъ поощрялъ, такимъ образомъ, движеніе противъ католической вѣры — не только тѣмъ, что принималъ съ сочувствіемъ такія депутации, но также и тѣмъ назначеніемъ, которое давалъ цѣннымъ вещамъ, отобрааннымъ у церкви. Такъ, напримеръ, рака святой Геновефы, считавшаяся святынею города Парижа, была отослана на Монетный дворъ. Надо сказать, также, что въ этомъ случаѣ Конвентъ только продолжалъ дѣлать то, что дѣлалось уже раньше, въ 1790 году, Учредительнымъ Собраніемъ.

Тогда Анахарсизъ Клоотъ и Шометъ рѣшились сдѣлать еще шагъ въ томъ же направленіи. Клоотъ, прусскій баронъ, всѣмъ сердцемъ отдавшійся Революціи и проповѣдывавшій союзъ всѣхъ народовъ, а также прокуроръ парижской коммуны Шометъ, истинный представитель парижскаго рабочаго, уговорили епископа парижскаго Гобэля отречься отъ своего духовнаго сана. Гобэль посоветовался на этотъ счетъ съ епископскимъ совѣтомъ, который одобрилъ его намѣреніе и, извѣстивши заранѣе Совѣты Департамента и Коммуны, Гобэль явился 17 брюмера (7 ноября 1793) въ Конвентъ съ одиннадцатью изъ своихъ священниковъ — сложить атрибуты своего епископскаго сана и отречься отъ него. Его сопровождали мэръ Парижа, прокуроръ Шометъ и два члена Департаментскаго Совѣта, Моморэ (коммунистъ) и Люльё.

Епископъ Гобэль произнесъ по этому случаю рѣчь, въ которой говорилъ, что всю свою жизнь былъ привязанъ къ непоколебимымъ принципамъ равенства и нравственности, необходимымъ во всякой истинно-республиканской конституціи. Теперь онъ повиновался голосу народа и отказывался исполнять „обязанности священника католической вѣры“. Сложивши свой крестъ и снявши епископское кольцо, онъ надѣлъ эмблему равенства — красный шерстяной колпакъ, предложенный ему однимъ изъ членовъ Конвента.

Собраніемъ овладѣлъ тогда энтузіазмъ, который можно сравнить только съ энтузіазмомъ въ ночь 1 августа. Два другихъ епископа, Томасъ Линде (Lindet) и Гэ Вернонъ (Gay Vernon), равно какъ и другіе члены Конвента, принадлежавшіе къ священническому сану, бросились къ трибунѣ и послѣдовали примѣру епископа Гобэля. Только Гобать Грегуаръ (якобинецъ) отказался присоединиться къ

нимъ. Что же касается до аббата Сейеса, то онъ объявилъ, что уже много лѣтъ тому назадъ отказался быть священникомъ, что у него нѣтъ другого исповѣданія, кромѣ исповѣданія свободы и равенства, и что онъ давно уже стремится къ торжеству разума надъ суевѣріемъ и фанатизмомъ.

Эта сцена произвела глубочайшее впечатлѣніе на современниковъ. Объ ней узнали, конечно, во всей Франціи и во всей Европѣ. И вездѣ она вызвала среди правящихъ классовъ усиленную ненависть противъ Республики.

Во Франціи движеніе быстро развилось по всей странѣ. Въ первыя же двѣ недѣли нѣсколько епископовъ и значительное число священниковъ уже сложили съ себя священническій санъ, и иногда это давало поводъ поразительнымъ сценамъ. Такъ, напримѣръ, въ одной брошюрѣ того времени я нашелъ слѣдующее описаніе отреченія священниковъ и монаховъ въ Буржѣ¹⁾.

Сперва упоминаются въ этой брошюрѣ священникъ Ж. Баптистъ Патэнъ и монахъ бенедиктинецъ Жюльенъ-де-Діе, которые сложили съ себя свой санъ; затѣмъ авторъ продолжаетъ: „Прива, Бриссонъ, Патру, Руанъ и Шампионъ, бывшіе митрополитинъ викаріи, выступили не послѣдними. Эпикъ и Каландъ, Дюмантье, Вейретонъ, бывшіе бенедиктинцы, Раншонъ, Коллардо выходятъ вѣдѣ за ними; бывшій настоятель Дезормо и его помощникъ Дюбуа, согбенные годами, идутъ медленными шагами, и вдругъ Жофранкъ восклицаетъ: „Жгите, жгите наши ставленные грамоты, и пусть самое воспоминаніе о нашемъ прошломъ званіи исчезнетъ въ огнѣ. Я приношу на алтарь отечества эту серебряную медаль“... Всѣ грамоты духовенства сжигаются на кострѣ, и тысячи криковъ поднимаются въ воздухъ: „Да погибнетъ навсегда память о духовенствѣ!... Да здравствуетъ великая религія Природы!“ Послѣ чего идетъ перечисленіе патріотическихъ приношеній. Оно просто трогательно. Патріоты и „братья“ — всѣ люди бѣдные, и „приношенія бѣльемъ и серебряными пряжками съ башмаковъ преобладаютъ“.

Вообще движеніе противъ католицизма, въ которомъ „религія Природы“ смѣшивалась съ сильнымъ чувствомъ патріотизма, было, повидимому, гораздо болѣе распространено,

¹⁾ „Extraits du registre de la Société populaire de Bourges séance du quinzième 25 brumaire de l'an deuxième de la République Française une et indivisible“. Брошюры Британскаго музея, томъ F. 16 (17).

чѣмъ можно было думать, если не обратиться къ подлиннымъ документамъ того времени.

Въ Парижѣ Совѣты Департамента и Коммуны рѣшили праздновать слѣдующій «декади» — десятый день — 20 брюмера (10 ноября) въ соборѣ Богоматери и организовать тамъ «Праздникъ Свободы и Разума», во время котораго будутъ исполнены патріотическіе гимны передъ статуею Свободы. Анахарсисъ Клооцъ, Моморé, Эберъ, Шометъ занялись усиленною пропагандою въ Народныхъ обществахъ, чтобы приготовить этотъ праздникъ, и онъ вполне удался.

Мы не станемъ останавливаться на самомъ празднествѣ, — его часто описывали. Замѣтимъ только, что для изображенія Свободы въ этомъ праздникѣ устроители предпочли живое существо, потому что — писалъ Шометъ — «статуя была бы все-таки шагомъ къ идолопоклонству». Какъ уже указалъ Мишлэ (кн. XIV, гл. III), основатели этого новаго служенія Свободѣ и Разуму совѣтовали «избирать для такой величественной роли лицъ, которыхъ характеръ дѣлалъ бы ихъ красотою предметомъ уваженія, которыхъ строгость нравовъ и самаго взгляда не допускала бы легкаго отношенія. Въ результатѣ, праздникъ Свободы и Разума, отпразднованный въ соборѣ, не только не былъ потѣшнымъ представленіемъ, — онъ былъ скорѣе «цѣломудренной церемоніею, — мрачною, сухою и скучною», говорилъ Мишлэ. Вообще это движеніе 1793 года, писалъ дальше Мишлэ, вытекало не изъ вдохновенія Революціею, а «изъ резонерскихъ школъ временъ Энциклопедіи». И дѣйствительно, оно поразительно схоже съ теперешнимъ движеніемъ «Этическихъ обществъ», которыя тоже не находятъ поддержки въ народныхъ массахъ.

Что насъ особенно поражаетъ теперь, это то, что Конвентъ, несмотря на требованія, поступавшія со всѣхъ сторонъ, отказывался поставить на очередь вопросъ объ отнятій государственнаго жалованья священникамъ. Зато Парижская Коммуна и секціи открыто вели дѣло отреченія отъ христіанской вѣры (déchristianisation). Въ каждой секціи, хотя одну изъ церквей переименовывали въ храмъ Разума; а Генеральный Совѣтъ Коммуны даже рискнулъ еще рѣзче поставить дѣло. Въ отвѣтъ на рѣчь, произнесенную Робеспьеромъ 1-го фримэра о необходимости религіи для народа, Совѣтъ Коммуны, подъ вліяніемъ Шомета, выпустилъ 3-го фримэра (23 ноября) постановленіе, въ силу котораго всѣ церкви и храмы всѣхъ исповѣданій должны были быть закрыты;

каждый священникъ становился отвѣтственнымъ за всякіе безпорядки религіознаго характера, и революціоннымъ комитетамъ предлагалось вести строгій надзоръ за священниками. Кромѣ того, Совѣтъ Коммуны просилъ Конвентъ лишить лицъ духовнаго званія права занимать какія бы то ни было общественныя должности. Въ то же время Коммуна учредила «курсъ нравственнаго ученія» для подготовленія проповѣдниковъ новаго исповѣданія. Вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалось сломать все колоколни, а въ нѣсколькихъ секціяхъ праздновали праздники Разума, во время которыхъ потѣшались надъ католическимъ богослуженіемъ. Одна изъ секцій сожгла молитвенныя книги, а Эберъ сжегъ въ Коммунѣ нѣсколько мощей.

Въ провинціи почти все города, особенно въ юго-западной Франціи, присоединились, повидимому, къ новому рачіоналистическому ученію:

Между тѣмъ правительство, т.-е. Комитетъ Общественнаго Спасенія, глухо противодействовало этому движенію. Робеспьеръ рѣзко выступилъ противъ него, и когда Клооцъ пришелъ въ Комитетъ и сталъ рассказывать съ восторгомъ объ отреченіи Гобля, Робеспьеръ рѣзко высказалъ ему свое неудовольствіе, спрашивая, что на это скажутъ бельгійцы, которыхъ присоединенія къ Франціи добивался Клооцъ.

Впрочемъ, Робеспьеръ молчалъ нѣсколько дней. Но 20 ноября Дантонъ вернулся въ Парижъ, послѣ продолжительнаго пребыванія въ Арсенъ-на-Объ, куда онъ удалился со своею молодою женою, съ которою повѣнчался въ церкви, тогчасъ же послѣ смерти своей первой жены. И на другой же день по возвращеніи Дантона въ Парижъ, т.-е. 1 фримера (21 ноября), Робеспьеръ произнесъ въ якоинскомъ клубѣ свою первую, очень рѣзкую рѣчь противъ «культу Разума». Конвентъ, говорилъ онъ, никогда не сдѣлаетъ этого дерзкаго шага и не приметъ мѣръ противъ католической вѣры. Онъ сохранитъ свободу исповѣданій и не позволитъ преслѣдовать мирныхъ священнослужителей. Затѣмъ онъ говорилъ, что представленіе о «Великомъ Существо, бдящемъ за невинно преслѣдуемыми и наказующемъ преступленія» — представленіе вполнѣ народное. Поэтому онъ называлъ людей, начавшихъ борьбу противъ христіанства, *измѣнниками и агентами враговъ Франціи*, стремящимися оттолкнуть отъ Республики тѣхъ иностранцевъ, которыхъ привлекали

къ Республикѣ ея нравственные идеалы, или же пониманіе своей собственной пользы.

Пять дней спустя Дантонъ говорилъ въ Конвентѣ почти въ томъ же смыслѣ, нападая въ особенности на анти-религіозные маскарады. Онъ требовалъ, чтобы имъ было положено предѣлъ.

Что такое случилось въ эти дни, что могло такъ сблизить Робеспьера и Дантона? Какія соображенія, дипломатическаго или иного характера, призывали Дантона въ Парижъ въ эту минуту и заставили его выступить противъ анти-религіознаго движенія, тогда какъ онъ былъ истинный поствдователь Дидро, и даже на судѣ и у подошвы эшафота не преминулъ подчеркнуть свои матеріалистическія убѣжденія? Это выступленіе Дантона тѣмъ болѣе требуетъ объясненія, что Конвентъ, въ теченіе всей первой половины мѣсяца фримэра, продолжалъ относиться одобрительно къ анти-религіозному движенію ¹⁾. Еще 14 фримэра (4 декабря) Робеспьеристъ Кутонъ принесъ въ Конвентъ нѣкоторые монци и съ насмѣшкою говорилъ о нихъ.

Является поэтому вопросъ, не воспользовался ли Робеспьеръ какимъ-нибудь новымъ оборотомъ, принятымъ дипломатическими переговорами съ Англіей, чтобы повліять на Дантона и, съ его поддержкою, смѣло высказаться о необходимости религіи въ томъ смыслѣ, который всегда былъ ему дорогъ, какъ деисту и поствдователю Руссо.

Въ серединѣ фримэра Робеспьеръ, пользуясь поддержкою Дантона, рѣшился уже дѣйствовать; и 16 (6 декабря) онъ потребовалъ отъ Комитета Общественнаго Спасенія декрета о свободѣ богослуженія, котораго первый параграфъ запрещалъ „всякое насиліе и всякую мѣру, противную свободѣ вѣроисповѣданій“. Весьма вѣроятно, что эта мѣра была вызвана боязнью возстаній въ деревняхъ, такъ какъ закрытіе церквей было принято крестьянами очень враждебно ²⁾. Во всякомъ случаѣ, съ этого дня католицизмъ восторжествовалъ. Все поняли, что Робеспьеръ взялъ его подъ свое по-

¹⁾ Ср. Оларъ *Политическая Исторія Революціи*.

²⁾ Нѣкоторые письма комиссаровъ Конвента опредѣленно говорятъ объ этомъ. Однако большая часть изъ нихъ, какъ, напр., письма Дартигоэта, Лефьо, Пфлигера и Гарнье, были написаны послѣ опубликованія этого декрета. Декретъ едва ли былъ вызванъ ими. (См. эти письма въ „Actes du Comité de Salut public“, изд. Огара, т. IX, стр. 385, 759, 780).

кровительство. Католицизмъ снова становился государственною Церковью ¹⁾.

Пока этимъ дѣло ограничилось. Но весною Комитетъ Общественнаго Спасенія, подъ вліяніемъ Робеспьера, попробовалъ выставить противъ религіи Разума религію Верховнаго Существа, задуманную на началахъ, высказанныхъ Руссо въ его «Савойскомъ священникѣ». Однакоже эта религія, несмотря на поддержку правительства и на угрозу гильотины для ея противниковъ, все время смѣшивалась, говорить Оларъ, съ религіей Разума, даже когда ея обряды назывались Культъ Верховнаго Существа. Подъ этимъ послѣднимъ именемъ культъ, наполовину деистскій и наполовину рационалистическій, продолжалъ распространяться до тѣхъ поръ, пока термидорская реакція не положила ему конецъ.

Что касается праздника Верховнаго Существа, который отпраздновали въ блестящей, но казенной обстановкѣ въ Парижѣ, 2 прэріаля (8 іюня 1794), и которому приписывалъ большое значеніе Робеспьеръ, вообразившій себя основателемъ новой государственной религіи, борящейся противъ безбожія, то праздникъ былъ, повидимому, очень красивъ, какъ народное театральное представленіе, но онъ не нашелъ отклика въ сердцахъ народа. Впрочемъ, такъ какъ праздновали его по волѣ Комитета Общественнаго Спасенія, — вскорѣ послѣ того, какъ Шометъ и Гобэль, симпатичные народной массѣ, погибли на эшафотѣ за свое невѣріе, весь этотъ праздникъ имѣлъ характеръ кроваваго торжества якобинскаго правительства надъ крайними элементами. Поэтому онъ не могъ возбудить симпатій въ массахъ. А открытое проявленіе враждебности противъ Робеспьера со стороны нѣкоторыхъ членовъ Конвента, выраженное ими во время самаго праздника, сдѣлало изъ него преддверіе переворота девятаго термидора. Праздникъ Верховнаго Существа былъ прелюдіею конца Революціи.

Но не станемъ забѣгать впередъ.

¹⁾ Такъ какъ нѣкоторые комиссары Конвента приняли очень строгія мѣры противъ католическаго духовенства и противъ богослуженія, то Конвентъ прибавилъ къ декрету статью, въ которой говорилось, что онъ не отмѣняетъ, однако, того, что до сего дня было сдѣлано его комиссарами.

LXIII.

Разложение секцій.

Двѣ враждебныя силы стояли другъ противъ друга въ концѣ 1793 года: Комитеты Общественнаго Спасенія и Общественной Безопасности, которымъ подчинился Конвентъ, и Парижская Коммуна. Настоящая сила Коммуны была, впрочемъ, не въ отдѣльныхъ людяхъ, какъ бы они ни были популярны: не въ ея мэрѣ Хангѣ, не въ ея прокурорѣ Шометѣ, или его помощникѣ Эберѣ, ни даже въ ея Генеральномъ Совѣтѣ. Ея сила была въ секціяхъ. Велѣдствіе чего центральное правительство и направило свои усилія къ тому, чтобы секціи подчинить своей власти.

Когда Конвентъ отнялъ у секцій право самимъ созывать свои общія собранія по мѣрѣ надобности, онѣ начали создавать «Народныя общества» (*sociétés populaires*), или «Секціонныя общества» (*sociétés sectionnaires*). По къ этимъ обществамъ отнеслись очень недружелюбно Якобинцы, которые становились въполнѣ людьми правительственными: и потому, въ концѣ 1793 и въ началѣ 1794 года, въ клубѣ Якобинцевъ много говорилось противъ Народныхъ и Секціонныхъ обществъ, — тѣмъ болѣе, что роялисты въ то время дѣлали усилія, чтобы овладѣть ими. — «Изъ трупа монархія, — говорилъ одинъ изъ Якобинцевъ, Симондъ, — вышло иссмытное количество ядовитыхъ насѣкомыхъ, которыя не такъ глухи, чтобы надѣяться на воскресеніе трупа»; они стараются поддержать конвульсіи въ политической жизни страны ¹⁾. Въ особенности въ провинціи эти «насекомыя» пользовались успѣхомъ. Множество эмигрантовъ, продолжалъ Симондъ, «законниковъ, финансистовъ, агентовъ стараго порядка», наводняютъ деревни, овладѣваютъ Народными обществами и становятся ихъ президентами и секретарями.

¹⁾ „Jacobins“, Протоколы Якобинскаго клуба, изд. Огара, т. V, стр. 723.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Народныя общества, которыя въ Парижѣ были не что иное, какъ собранія секцій, организовавшихся подъ другимъ именемъ¹, вскорѣ «очистились» бы сами, безъ посторонняго вмѣшательства, т.-е. исключили бы скрывавшихся въ нихъ роялистовъ и продолжали бы дѣло секцій. Но вся ихъ дѣятельность не проявлялась якобинцамъ, которые относились враждебно къ этимъ новичкамъ, превосходившимъ ихъ въ «патріотизмѣ» (т.-е. въ преданности Революціи). «Ихъ послушать, — говорилъ Симондъ, — такъ выходитъ, что патріоты 89 года..... не что иное, какъ усталыя и заѣзженные клячи, которыхъ надо приколоть, потому что они не могутъ поспѣвать за новичками на пути революціи». И онъ выдавалъ истинныя опасенія и страхи якобинской буржуазіи, когда говорилъ о «новомъ, четвертомъ Законодательномъ Собраніи», которое эти «новички» хотятъ созвать, чтобы идти дальше, чѣмъ шелъ Конвентъ. — «Наши злѣйшіе враги, — прибавлялъ Жанъ Бонъ Септь-Антр, — въ дверяхъ нашего собранія; мы ихъ видимъ: они среди насъ; они хотятъ идти дальше насъ въ революціонный міражъ»².

Послѣ чего Дюфуринъ говоритъ противъ всѣхъ секціонныхъ обществъ, а Дешанъ (Deschamps) называетъ ихъ «маленькими вандалами». Что же касается Робеспьера, то онъ немедленно выступилъ со своимъ любимымъ аргументомъ, «прислѣжки иностранцевъ». — «Мои опасенія, — говорилъ онъ, — къ сожалѣнію только оправдались. Вы видите, какъ контрреволюціонное лицемеріе преобладаетъ въ этихъ обществахъ. Агенты Пруссіи, Англіи и Австріи хотятъ этимъ способомъ уничтожить власть Конвента и патріотическій авторитетъ якобинскаго общества»³.

Враждебное отношеніе якобинцевъ къ народнымъ обществамъ, очевидно, было враждебностью по отношенію къ самимъ секціямъ города Парижа и къ такимъ же организациямъ въ провинціяхъ; это была враждебность всякаго цен-

¹ См. у Мелльбэ статуты Народнаго общества, организованнаго секціею Пуассоньеръ.

² „Jacobins“, томъ V, стр. 624—625.

³ „Jacobins“, томъ V, стр. 578, засѣданіе 26 декабря 1793. Когда Кордельеръ Моморъ рѣшился замѣтить, что Кордельеры часто себя спрашивали, имѣютъ ли они право мѣшать образованію Народныхъ обществъ, такъ какъ имѣютъ право собираться въ Народныя общества священно. Робеспьеръ сухо отвѣтилъ ему: — „Всё, что предписывается общественнымъ спасеніемъ, несомнѣнно согласно съ принципами“.

тралянаго правительства къ народному самоуправленію. Такимъ образомъ, какъ только революціонное правительство было утверждено декретомъ 14 фримэра II года (4 декабря 1793), право выбирать мировыхъ судей и ихъ секретарей, — право, присвоенное себѣ секціями еще въ 1789 году и впоследствии утвержденное за ними закономъ, было отнято у нихъ. Судьи и секретари должны были впредь назначаться Генеральнымъ Совѣтомъ департамента (декреты 28 декабря 1793 и 12 мая 1794). Мало того, даже право секцій выбирать свои комитеты общественной благотворительности было отнято у нихъ въ декабрѣ 1793 года и было взято въ свои руки Комитетами Общественнаго Спасенія и Общественной Безопасности!

Народная революціонная организація секцій была подрѣзана, такимъ образомъ, въ самомъ корнѣ.

Но всего лучше выступаетъ основная мысль якобинскаго правительства въ томъ, какъ оно сосредоточило въ своихъ рукахъ все полицейскія обязанности. Мы видѣли (гл. XXIV), какое значеніе пріобрѣли секціи, какъ органы муниципальной и революціонной жизни Парижа; мы упоминали о томъ, что онѣ дѣлали для снабженія города жизненными припасами, для записыванія волонтеровъ, для организаціи вооруженія и отправки батальоновъ на войну, для фабрикаціи селитры ¹⁾, для организаціи труда, для безработныхъ и немущихъ и т. п. Но рядомъ съ этими обязанностями секціи города Парижа и другихъ большихъ городовъ отправляли также и полицейскія обязанности. Въ Парижѣ это уже началось съ 14 іюля 1789 года, когда сформировались «окружные комитеты» ²⁾, взявшіе на себя полицейскія обязанности. Законъ 6 сентября 1789 года утвердилъ ихъ въ этихъ обязанностяхъ, а въ слѣдующемъ октябрѣ парижскіи муниципалитетъ, еще временный въ ту пору, устроилъ свою тайную полицію подъ названіемъ Комитета разслѣдованій.

Такимъ образомъ муниципалитетъ, хотя и зародился самъ изъ революціи, возвращался къ одной изъ худшихъ традицій стараго порядка—тайной полиціи. Послѣ 10 августа 1792 года Законодательное Собраніе постановило, что вся «полиція общественной безопасности» должна перейти въ руки Совѣтовъ, департаментскихъ, окружныхъ и муниципаль-

¹⁾ Такъ какъ купить ее было негдѣ для выцѣлки пороха, то выскребали осадки селитры на стѣнахъ старыхъ погребовъ.

²⁾ Парижъ подраздѣлялся тогда на округа, districts.

ныхъ; и подѣ руководствомъ одного общаго Комитета Надзора были установлены подчиненные ему полицейскіе комитеты въ каждой секціи. Вскорѣ, впрочемъ,—по мѣрѣ того, какъ борьба между революціею и ея противниками становилась все ожесточеннѣе,—эти Комитеты были завалены работою, а потому 21 марта 1793 года въ каждой коммунѣ и въ каждой секціи коммуны въ большихъ городахъ, раздѣленныхъ, какъ Парижъ, на секціи, были установлены особые Революціонные Комитеты, изъ 12 членовъ каждый ¹⁾.

Такимъ образомъ секціи, черезъ посредство своихъ Революціонныхъ комитетовъ, обращались въ полицейскія учрежденія. Правда, кругъ дѣйствія этихъ комитетовъ былъ ограниченъ сперва надзоромъ за иностранцами; но мало-помалу они приобрѣли права, такія же обширныя, какъ и управленіе тайной полиціи въ монархическомъ государствѣ. Въ то же время можно было прослѣдить, какъ секціи, бывшія сперва органами народной революціи, понемногу подавлялись полицейскими обязанностями своихъ комитетовъ, а сами эти комитеты, все болѣе и болѣе теряя характеръ муниципальныхъ органовъ, обращались во второстепенные органы полицейскаго надзора, всецѣло подчиненные Комитету Общественной Безопасности ²⁾.

Комитеты Общественнаго Спасенія и Общественной Безопасности отдѣлили такимъ образомъ Революціонные комитеты отъ своей соперницы, Парижской Коммуны, которую они ослабили этимъ способомъ. Пріучая же секціи и ихъ комитеты къ повиновенію, они обращали ихъ понемногу въ части государственнаго, чиновничьяго механизма. Наконецъ, подѣ предлогомъ прекращенія злоупотребленій, Конвентъ обратилъ ихъ въ своихъ чиновниковъ на жалованіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ подчинилъ всѣ 40.000 Революціонныхъ комитетовъ Комитету Общественной Безопасности. Ему же, вмѣстѣ съ тѣмъ, дано было право производить очистку этихъ комитетовъ и самому назначать ихъ членовъ.

Стремясь все централизовать въ своихъ рукахъ, какъ это дѣлала монархія въ XVII вѣкѣ, центральное государственное чиновничество Республики отняло такимъ образомъ у на-

¹⁾ См. права, данныя секціею Пантеона своему комитету, у Мелльсѣ, стр. 185.

²⁾ См. работу Мелльсѣ, стр. 189 и слѣд., гдѣ даны интересныя подробности объ органѣ тайной полиціи, называвшемся „Комитетомъ Общественнаго Спасенія парижскаго Департамента“, и другія свѣдѣнія въ томъ же родѣ.

родного самоуправленія право выбора судей, администраціи благотворительности, распоряженія массою хозяйственныхъ дѣлъ, сношенія съ арміею и т. д., а также ограничило его въ другихъ отправленияхъ и, наконецъ, вполне подчинило себѣ въ дѣлахъ полиціи.

Но этимъ самымъ государство окончательно убило секціи, революціонныя муниципалитеты и революціонный духъ. Почва подготавливалась для реакціи.

Въ самомъ дѣлѣ, послѣ этого секціи въ Парижѣ и Народныя общества въ провинціяхъ окончательно умерли. Государство поглотило ихъ. И ихъ смерть была смертью Революціи. Съ января 1794 года общественная жизнь Парижа была убита, говоритъ Мишлэ. Общія собранія секцій не проявляли больше жизни; вся власть перешла къ ихъ Революціоннымъ комитетамъ; а эти комитеты, переставши быть выборными и обратившись въ чиновниковъ, назначаемыхъ правительствомъ, тоже не проявляли жизненности.

Теперь, когда якобинскому правительству заблагоразсудилось раздавить Парижскую Коммуну, оно могло это сдѣлать, не опасаясь за свое существованіе. Такъ оно и сдѣлало, черезъ два мѣсяца — въ мартѣ 1794 года.

LXIV.

Борьба противъ эбертистовъ.—Схватка между различными партіями.—Роль масонства.

Уже въ декабрѣ 1793 года Робеспьеръ предвидѣлъ близкій конецъ революціонной Республики. «Будемъ настоящимъ, говоритъ онъ, — такъ какъ гибель отечества уже недалека ¹⁾. И не онъ одинъ это чувствовалъ. Та же мысль все чаще и чаще встрѣчалась въ рѣчахъ революціонеровъ.

Дѣло въ томъ, что Революція, задержанная на полдорогѣ, не могла никакимъ образомъ долго продержаться. Положеніе Франціи въ концѣ 1793 года было таково, что, остановившись въ ту самую минуту, когда народъ началъ искать новыхъ путей въ сторону социальныхъ измѣненій, Революція неизбежно разбилась теперь на мелкую внутреннюю борьбу партій, спорившихъ между собою изъ-за власти. Она теряла свои силы въ попыткѣ — безплодной и ошибочной даже съ политической точки зрѣнія — истребленія своихъ противниковъ, охраняя въ то же время ихъ собственность ²⁾.

Самая сила событіи толкала Францію на путь новаго коммунистическаго движенія. Между тѣмъ Революція дала создаться «сильному правительству», и это правительство раздавило стремившихся къ коммунизму крайнихъ, и, подѣ

¹⁾ „L'ebert“, т. V, стр. 527, засѣданіе 12 декабря 1793 года.

²⁾ Мишлѣ прекрасно это понималъ, когда писалъ въ своей Исторіи Революціи книги XIV, глава I) полныя грусти строки, гдѣ, напоминая слова Дюпона: *Пахать надо глубоко*, онъ говорилъ, что Революція потому должна была погибнуть, что и Якобинцы и Жирондисты одинаково были „логиками политики“, и „представляли только двѣ вѣхи на одной и той же линіи“. Самый крайній изъ нихъ, Сенъ-Жюсть, прибавлялъ Мишлѣ, „не смѣетъ тронуть ни религіи, ни образованія, ни самой сущности социальныхъ ученій: трудно даже догадаться, что думаетъ онъ о собственности“. Такимъ образомъ, Революція, „чтобы утвердиться“, продолжаетъ Мишлѣ, „не хватало революціи религіозной и революціи социальной, въ которыхъ она нашла бы свою поддержку, свою силу, свою глубину“.

угрозой гильотины, заставило замолчать всѣхъ тѣхъ, кто думалъ, какъ они.

Что касается до Эбертистовъ, которые преобладали въ клубѣ Кордельеровъ и въ Коммунѣ, и овладѣли, при помощи министра Бюшота, военнымъ министерствомъ, то всѣ ихъ понятія отдаляли ихъ отъ *соціального* переворота. Эбертъ, конечно, писалъ иногда въ своей газетѣ въ коммунистическомъ смыслѣ ¹⁾; но терроръ и захватъ правительственной власти казались ему несравненно болѣе важными, чѣмъ вопросъ о хлѣбѣ, о землѣ или объ организаціи труда. Восемьдесятъ лѣтъ позже Парижская Коммуна 1871 года дала тотъ же самый типъ революціонеровъ.

Что касается Шомета, то по своимъ симпатіямъ къ народу и по своему образу жизни онъ долженъ былъ бы тяготѣть къ коммунистамъ. Одно время онъ былъ даже подъ ихъ вліяніемъ. Но онъ былъ близокъ также съ партією эбертистовъ. А Эбертисты очень мало интересовались этими вопросами. Они не стремились вызвать въ народѣ дѣйствительное проявленіе его экономической, соціальной воли. Для нихъ самое главное было—захватить власть при помощи новой «очистки Конвента». Отдѣлаться отъ «износившихся людей и калѣкъ Революціи», какъ говорилъ Моморé. Подчинить Конвентъ Парижской Коммунѣ при помощи новаго 31 мая, поддержаннаго на этотъ разъ военною силою «революціонной арміи». *Потомъ — видно будетъ.*

Но тутъ Эбертисты обочлись. Они не оцѣнили могущества обоихъ Комитетовъ. Между тѣмъ Комитетъ Общественнаго Спасенія сталъ, за послѣдніе шесть мѣсяцевъ, большою правительственною силою, и былъ признанъ таковою за искусное веденіе войны; а Комитетъ Общественной Безопасности сталъ едва ли не еще болѣе грозною силою, такъ какъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ всю тайную полицію и могъ, кого хотѣлъ, послать на гильотину. Наконецъ Эбертисты завязали борьбу на такой почвѣ, на которой ихъ пораженіе было неизбежно, — т.-е. на почвѣ требованія усиленнаго террора. Здѣсь имъ приходилось вступать въ состязаніе съ правительствомъ, которое тоже считало терроръ необходимымъ и имѣло уже для этого свой официальный органъ въ лицѣ Комитета Общественной Безопасности. Имъ оно и воспользовалось противъ Эбертистовъ.

¹⁾ Тридонъ далъ такія выдержки въ своемъ очеркѣ „Les Hébertistes“ („Oeuvres diverses de G. Tridon“, Paris, 1891, стр. 86—90).

Излишне было бы распространяться обо всѣхъ интригахъ политическихъ партій, боровшихся за власть въ теченіе декабря 1793 и первыхъ мѣсяцевъ 1794 года. Достаточно указать, что четыре группы, или партіи, стремились овладѣть властью: робеспьеровская группа, состоявшая изъ Робеспьера и его друзей — Сенъ-Жюста, Кутона и др.; группа «кустальныхъ», которая спланивалась позади Дантона (Фабръ д'Эглантинъ, Филиппо, Бурдонъ, Камиль Демуленъ и пр.); затѣмъ Коммуна, которая сливалась съ Эбертистами; и, наконецъ, тѣ изъ членовъ Комитета Общественнаго Спасенія (Бильо-Вареннъ, Колло д'Эрбуа), которыхъ называли террористами, и вокругъ которыхъ соединялись люди, не желавшіе, чтобы Революція смягчила свою суровость относительно своихъ враговъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не хотѣвшіе преобладанія ни Робеспьера, противъ котораго они глухо вели войну, ни Коммуны и Эбертистовъ.

Дантонъ, въ глазахъ революціонеръ въ, былъ уже отжившій человѣкъ, — опасный потому, что слѣдуя за нимъ, проталкивались Жирондисты. Но это не помѣшало Робеспьеру идти съ нимъ рука объ руку въ ноябрѣ, чтобы вмѣстѣ бороться противъ анти-религіознаго движенія. Въ клубѣ Якобинцевъ, который производилъ тогда свое «очищеніе», когда Дантону пришла очередь подвергнуться «очистительному голосованію» Общества, — при чемъ противъ него было уже сильное возбужденіе, — Робеспьеръ протянулъ ему руку и спасъ его. Мало того: онъ отождествилъ себя съ Дантономъ. Онъ былъ ему нуженъ, чтобы бороться противъ Крайнихъ.

Кромѣ того, когда Камиль Демуленъ — ярый «Дантонистъ» — выпустилъ, 15 и 20 фримэра (5 и 10 декабря), первые два номера своей газеты, *Старый Кордельеръ*, гдѣ со всѣмъ своимъ талантомъ журналиста, изощрившагося въ клеветѣ, онъ напалъ на Эбера и Шомета, и началъ вмѣстѣ съ тѣмъ кампанію въ пользу ослабленія преслѣдованій, направленныхъ противъ враговъ Республики, Робеспьеръ прочелъ эти два номера раньше публикаціи и одобрилъ ихъ. Во время «очищенія» у Якобинцевъ онъ заступился также и за Демулена. Онъ былъ готовъ, такимъ образомъ, дѣлать въ эту минуту уступки Дантонистамъ, лишь бы они помогли ему въ борьбѣ противъ лѣваго крыла — Эбертистовъ.

На это Дантонисты вполне были готовы, и напали на Эбертистовъ съ необыкновенною яростью: Камиль Демуленъ — въ своемъ *Старомъ Кордельерѣ*, а Филиппо — въ Якобинскомъ клубѣ, гдѣ онъ съ озлобленіемъ критиковалъ поведе-

ше Эбертистскихъ генералсвъ въ Вандеѣ. Робеспьеръ, съ своей стороны, напалъ съ чисто-религіозною яростью на очень вліятельнаго Эбертиста Анахарсиса Клооца, котораго Якобинцы избрали въ эту пору своимъ предсѣдателемъ. Когда очередь дошла Клооцу подвергнуться «очистительному суду» Якобинцевъ, Робеспьеръ произнесъ противъ него самую зловѣстную рѣчь, въ которой обвинялъ этого идеалиста, обожателя Революціи и вдохновеннаго проповѣдника междуна-роднаго союза сантъ-кюлотовъ, въ измѣнѣ противъ Франціи; все это — на основаніи того, что Клооцъ имѣлъ сношенія съ банкирами Вандениверъ и интересовался ими, когда они были арестованы. Якобинцы исключили Клооца изъ своего клуба 22 фримэра (12 декабря), и Клооцъ сталъ такимъ образомъ намѣченной жертвою для эшафота. Черезъ двѣ недѣли, т.-е. 28 декабря, онъ уже былъ арестованъ.

Тѣмъ временемъ протнво-революціонное возстаніе на Югѣ продолжалось, и Тулонъ все еще оставался во власти англичанъ, такъ что Комитетъ Общественнаго Спасенія обвиняли въ неспособности. Поговаривали даже о томъ, что Комитетъ хочетъ предоставить южную Францію контръ-революціи, и были дни, когда Комитету едва-едва удавалось удержаться во власти и не быть отправленнымъ на эшафотъ, — что, конечно, пошло бы на пользу Жирондистамъ и «модерантистамъ» («умѣрителямъ»), а черезъ нихъ — контръ-революціи.

Душою похода противъ Комитета Общественнаго Спасенія въ политическихъ кругахъ былъ Фабръ д'Эглантинъ, — одинъ изъ «умѣрителей», котораго поддерживалъ Бурдонъ (изъ Оазы); и съ 22 по 27 фримэра (съ 12 по 17 декабря) была даже сдѣлана искусно подготовленная попытка возбудить Конвентъ противъ Комитета Общественнаго Спасенія.

Но если Дантонисты интриговали противъ Робеспьеристовъ, то обѣ партіи дѣйствовали заодно противъ Эбертистовъ. 27 фримэра (17 декабря) Фабръ д'Эглантинъ прочелъ въ Конвентѣ докладъ, въ которомъ требовалъ ареста трехъ видныхъ Эбертистовъ: Ронсина (Ronsin), генерала «революціонной арміи» Парижа, Венсана (Vincent), главнаго секретаря военнаго министерства, и Мальяра (Maillard), — того самаго, который 5 октября 1789 велъ женщинъ на Версаль. Всѣ трое были ярые террористы, и это была первая попытка «партіи милосердія» совершить переворотъ въ пользу Жиронды и болѣе умиротворительной политики. Всѣ тѣ, кто нажилъ во время Революціи, торопились, какъ мы уже говорили, вер-

путься къ «порядку», и ради этого они были готовы пожертвовать республикой и водворить конституционную монархію. Многие, какъ Дантонъ, разочаровались въ людяхъ и говорили: «Пора все это покончить!» Другие, наконецъ, — и такіе люди являются во всѣхъ революціяхъ самою опасною партіею, — потерявши вѣру въ Революцію при видѣ враждебныхъ ей силъ, подготавливали себѣ помилованіе со стороны реакціи, которой они уже чувствовали приближеніе.

Однакоже арестъ этихъ Эбертистовъ такъ напомнилъ бы арестъ Эбера въ маѣ 1793 года (см. главу XXXIX), что въ докладѣ Фабра увидали подготовленіе къ правительственному перевороту въ пользу Жирондистовъ и черезъ нихъ — въ пользу реакціи. Раскрытію этой интриги помогло также появленіе третьяго номера *Старого Кордельера*, въ которомъ Дамуленъ вполнѣ показалъ свои карты. Прикрываясь именами изъ римской исторіи, онъ яро нападалъ на революціонное правительство, и вся масса контръ-революціонеровъ въ Парижѣ подняла голову при чтеніи этого номера: они сразу стали уже шумно хоронить Революцію.

Кордельеры немедленно приняли сторону Эбертистовъ; но и они не нашли никакого другого повода обратиться къ народу, какъ только требованіе болѣшихъ строгостей противъ враговъ Революціи. Для нихъ Революція тоже состояла прежде всего въ террорѣ. Они устроили процессію и носили по улицамъ Парижа засушенную голову Шальё, котораго казнили Жирондисты въ Ліонѣ; они звали народъ къ возстанію, — къ новому 31 мая, съ цѣлью произвести новую «очистку» Конвента и удалить изъ него «отжившихъ людей». Но что собирались они предпринять, если бы имъ удалось добиться «очистки» Конвента? Какое направленіе собирались они придать Революціи? — Ничего этого не было видно.

Разъ борьба завязалась на вопросѣ о болѣе или менѣе свирѣпомъ террорѣ и о болѣе сильной власти, Комитету Общественнаго Спасенія легко было отразить нападеніе. Дѣйствительно, 5 нивоза (25 декабря) Робеспьеръ прочелъ въ Конвентѣ докладъ о революціонномъ правительствѣ, и если сущностью этого доклада была мысль о необходимости поддерживать *равновѣсіе* между слишкомъ крайними партіями и умѣренными, — заключеніе его было, какъ у Эбертистовъ, «смерть врагамъ народа», — усиленіе правительственного террора. На слѣдующій же день онъ потребовалъ ускоренія рѣшеній революціоннаго трибунала.

Въ это же самое время, т.-е. 4 нивоза (24 декабря), въ Парижѣ получило извѣстіе, что Тулонъ отбитъ, наконецъ, у англичанъ, а въ слѣдующіе два дня — 5 и 6 нивоза (25 и 26 декабря), узнали, что Вандейцы окончательно разбиты при Савенѣ. 10 нивоза (30 декабря), Рейнская армія, перейдя въ наступленіе, взяла назадъ укрѣпленныя линіи Виссембурга; затѣмъ блокада Ландау была пробита 12 нивоза (1 января 1794), и нѣмецкія войска вынуждены были очистить лѣвый берегъ Рейна и отступить на правый.

Такимъ образомъ Республика пріобрѣтала новую силу, одержавши рядъ побѣдъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ усиливалась власть Комитета Общественнаго Спасенія, и тогда Демуленъ, въ пятомъ номерѣ своей газеты, покаялся въ своихъ нападкахъ на революціонное правительство, — продолжая, однако, свои злостные нападки на Эбера. Благодаря этому, засѣданія клуба якобинцевъ во время второй декады нивоза (съ 31 декабря по 10 января 1794), стали настоящими всеобщими схватками изъ-за личныхъ нападокъ. 10 января якобинцы произнесли исключеніе Демулена изъ своего клуба (что было равносильно близкой казни), и Робеспьеру пришлось пустить въ ходъ всю свою популярность, чтобы Общество отмѣнило, наконецъ, это рѣшеніе.

Однакоже 24 нивоза (13 января) Комитеты рѣшились дѣйствовать и сразу навели страхъ на своихъ порицателей, велѣвши заарестовать Фабра д'Эглантина. Предлогомъ ареста была выставлена поддѣлка одного документа, и Комитеты съ трескомъ и грохотомъ объявили, что открытъ большой заговоръ, имѣвшій цѣлью набросить тѣнь на честность народнаго представительства.

Фактъ, послужившій поводомъ къ аресту Фабра, былъ — поддѣлка одного декрета Конвента въ пользу могучей Индійской Компаніи; но теперь извѣстно, что Фабръ былъ ложно обвиненъ въ поддѣлкѣ этого документа. Декретъ о ликвидаціи дѣлъ Индійской Компаніи дѣйствительно былъ поддѣланъ, но не Фабромъ, а другимъ членомъ Конвента — Делонэ. Этотъ документъ существуетъ по сію пору въ архивахъ, и съ тѣхъ поръ, какъ его открылъ Мишлэ, извѣстно, что поправки, сдѣланныя въ декретъ въ пользу Компаніи, писаны рукою Делонэ, а не Фабра; но такъ какъ прокуроръ революціоннаго суда, Фукье-Тэнвиль, безусловно преданный Комитету Общественной Безопасности, не позволилъ представить въ судъ этотъ документъ, то Фабръ погибъ, какъ поддѣльватель

документа. Робеспьеръ, конечно, за него не вступился; онъ его ненавидѣлъ ¹⁾).

Три мѣсяца спустя Фабръ былъ гильотинированъ вмѣстѣ съ Шаббѣ, Делонэ, аббатомъ Эспаньякомъ и обоими братьями Фрей, австрійскими банкирами.

Такимъ образомъ шла кровавая борьба между различными фракціями революціонной партіи, и легко понять, сколько ожесточенія вносило въ эту борьбу иностраннымъ вторженіемъ и всѣми ужасами гражданской войны. Тѣмъ не менѣе естественно является вопросъ: *что помѣшало борьбѣ партій принять ожесточенный характеръ съ самаго начала Революціи?* Что дало возможность людямъ, столь различнымъ по убѣжденіямъ, какъ Жирондисты—Далтонъ, Робеспьеръ, Тарать, дѣйствовать нѣсколько лѣтъ заодно противъ королевской власти?

Весьма вѣроятно, что интимное и братское общеніе, установившееся еще до начала Революціи въ масонскихъ ложахъ, въ Парижѣ и провинціяхъ, между всѣми видными дѣятелями того времени, способствовало этому единству дѣйствія. Известно, въ самомъ дѣлѣ, чрезъ Луи Блана, Анри Мартэна, и изъ прекрасной монографіи профессора Эрнеста Ниса ¹⁾), что почти всѣ выдающіеся революціонеры принадлежали къ

¹⁾ Дѣло было довольно сложное. На службѣ у роялистовъ былъ очень ловкій человекъ, баронъ Вацъ (Watz), до того смѣлый и такъ ловко умѣвшій скрывать, что про него сложились цѣлыя легенды. Этотъ Баронъ Вацъ, долго старавшійся освободить Марию-Антуанету, затѣялъ теперь уговорить нѣсколькихъ членовъ Конвента, заняться крупною биржевою спекуляціею — на деньги, которыя долженъ былъ доставить аббатъ Эспаньякъ. Вацъ однажды собралъ для этого въ своемъ домѣ Жюльена (изъ Тулузы), Делонэ, Базира (дантониста), а также банкира Бенуа, поэта Лагарпа и графиню Бофюръ, любовницу Жюльена. Шаббѣ, священникъ, отказавшійся отъ священническаго сана, одно время большой любимецъ народа, но теперь женившійся на сестрѣ австрійскаго банкира Фрея, тоже былъ съ ними. На одномъ изъ такихъ собраний, повидимому, былъ Фабръ: его попытались подкупить, и дѣйствительно подкупили Делонэ, чтобы дѣйствовать въ дѣлѣ, касавшемся Индійской Компаніи. На эту компанію, однако, напали въ Конвентѣ, который и велѣлъ ликвидировать ея дѣла и назначилъ для этого специальныхъ комиссаровъ. Написать декретъ, содержавшій рѣшеніе Конвента, поручили Делонэ. Тогда Делонэ написалъ его и далъ прочесть Фабру, который сдѣлалъ въ немъ нѣсколько поправокъ карандашомъ и подписалъ его. Но другія поправки, *выгодныя для Компаніи*, были сдѣланы чернилами, рукою Делонэ, на томъ же проектѣ, и, не представляя болѣе этого проекта въ Конвентъ, его выдали за самый декретъ.

¹⁾ Ernest Nys, „Idées modernes: Droit International et Franc-Maçonnerie“. Bruxelles, 1908.—Имѣется русскій переводъ.

франкъ-масонству. Мирабó, Байли, Дантонъ, Робеспьеръ, Маратъ, Кондорсе, Бриссо́, Лалаандъ и т. д., и т. д., всё принадлежали къ этому братству, а герцогъ Орлеанскій (назвавшій себя во время Революціи «Филиппъ Равенство») остался великимъ національнымъ мастеромъ масонскаго братства, вплоть до 13 мая 1793 года. Кроме того, известно также, что Робеспьеръ, Мирабó, химикъ Лавуазье и вѣроятно многіе другіе принадлежали къ ложа́мъ иллюминатовъ, основаннымъ Вейсхаунтомъ (Weisshaupt), которыхъ цѣль была «освободить народы отъ тираніи князей и духовенства и, какъ немедленный прогрессъ, освободить крестьянъ и рабочихъ отъ крѣпостного состоянія, отъ барщины и отъ ремесленныхъ гильдій».

Нѣтъ никакого сомнѣнія, какъ это говоритъ Э. Нисе, что своими человѣчными стремленіями, своимъ непоколебимымъ чувствомъ достоинства человѣка, и своими принципами свободы, равенства и братства масонство сильно содѣйствовало подготовленію общественнаго мнѣнія къ новымъ идеямъ; и это — тѣмъ болѣе, что «повсемѣстно, на всей территоріи страны, масоны держали собранія, въ которыхъ излагались и росторженно принимались прогрессивныя идеи, и гдѣ — фактъ гораздо болѣе важный, чѣмъ это думаютъ, — подготовлялись люди, умѣвшіе обобщать сообща дѣла и голосовать». «Соединеніе трехъ сословій въ іюнь 1789 года и ночь 4 августа были по всей вѣроятности подготовлены въ масонскихъ ложахъ» (E. Nuz, pp. 82, 83).

Эта предварительная работа, несомнѣнно, установила также между людьми дѣйствія извѣстныя личныя отношенія и *привычки взаимнаго уваженія* — помимо отношеній, вездѣ слишкомъ узкихъ въ партіяхъ, и интересовъ узко-партійныхъ. Вотъ что позволило — мы думаемъ — революціонерамъ очель разнообразныхъ партій, дѣйствовать въ продолженіе четырехъ лѣтъ съ нѣкоторымъ единствомъ противъ королевскаго деспотизма. Позже это единство подверглось слишкомъ суровымъ испытаніямъ, и конечно не удержалось, тѣмъ болѣе, что сами масоны раздѣлились по вопросу о королевской власти, о казни короля, и еще болѣе по отношенію къ коммунистическимъ ученіямъ, — до того, что масонскія ложи были закрыты въ началѣ 1793 года. Отношенія, установившіяся между масонами до Революціи и въ началѣ ея, не сохранились такимъ образомъ до конца революціоннаго періода; и тогда борьба партій разразилась съ отчаяннымъ ожесточеніемъ.

Падение Эбертистовъ — Казнь Дантона.

Зима проходила такимъ образомъ въ глухой борьбѣ между революціонерами и контръ-революціонерами, при чемъ послѣдніе съ каждымъ днемъ все больше поднимали голову.

Въ началѣ февраля Робеспьеръ слѣлался выразителемъ недовольства противъ нѣкоторыхъ комиссаровъ Конвента, дѣйствовавшихъ, какъ Каррье въ Вандеѣ, въ Нантѣ, или Фушэ въ Ліонѣ, съ отчаянною яростью противъ возставшаго населенія, при чемъ они не дѣлали даже различія между тѣми, кто подготовлялъ возстанія и поддерживалъ ихъ, и людьми изъ народа, вовлеченными въ бунты¹⁾. Онъ требовалъ, чтобы эти комиссары были немедленно отозваны, и грозилъ имъ преслѣдованіемъ передъ судомъ. Но изъ этой агитаціи ничего не вышло. 5 вантоза (23 февраля) Конвентъ амнистировалъ Каррье, изъ чего слѣдовало заключить, что вины другихъ комиссаровъ прощаются, каковы бы онѣ ни были. Эбертисты торжествовали. Робеспьеръ и Кутонъ, оба большие, не показывались.

Въ это же самое время Сень-Жюсть, вернувшись изъ дѣйствующей арміи, произнесъ 8 вантоза (26 февраля) длинную, обработанную рѣчь, которая произвела большое впечатлѣніе и вмѣстѣ съ тѣмъ перемѣшала всѣ карты. Сень-Жюсть не только не говорилъ о смягченіи преслѣдованій — онъ цѣлкомъ принималъ террористическую программу Эбертистовъ. Онъ тоже грозилъ — еще сильнѣе ихъ. Онъ обѣщалъ взяться за партію «отжившихъ людей», указывая, какъ на ближайшихъ жертвъ гильотины, на дантонистовъ — эту «политическую секту», которая «идетъ медленными шагами», «обманываетъ всѣ партіи» и подготовляетъ возвратъ реакціи; она гово-

¹⁾ Молодой Жюльенъ, между прочимъ, откровенно написалъ Робеспьеру о безобразіяхъ нѣкоторыхъ комиссаровъ, особенно Каррье. См. *Une mission en Vendée*. Подъ этимъ заглавіемъ Lockroy издалъ книгу, содержащую письма Жюльена.

рить о милосердіи, «потому что эти господа не чувствуют себя достаточно добродѣтельными, чтобы быть страшными». Здѣсь Сенъ-Жюстъ, конечно, сознавалъ свою силу; оставаясь безусловно честнымъ, онъ имѣлъ полное право говорить во имя республиканской чести; между тѣмъ какъ Эбертисты, по крайней мѣрѣ на словахъ, легкомысленно относились къ вопросамъ нравственности, — что давало поводъ смѣшивать ихъ со всею толпою буржуазныхъ хищниковъ, ничего не видѣвшихъ въ Революціи, кромѣ случая для наживы.

Что касается до экономической программы Сенъ-Жюста, то въ своемъ докладѣ 8 вантоза онъ воспроизвелъ, отъ себя, нѣкоторыя изъ мыслей Бѣшеныхъ. Онъ признался, что до тѣхъ поръ не думалъ объ этихъ вопросахъ. «Сила вещей, — говорилъ онъ, — приводитъ насъ, можетъ-быть, къ результатамъ, о которыхъ мы раньше не думали». Теперь, думая объ этомъ, онъ, однако, додумался до немногаго. Онъ ничего не имѣлъ прстивъ богатства вообще: онъ возставалъ противъ богатства только тогда, когда оно было въ рукахъ враговъ Революціи. — *«Собственность патриотовъ священна, — говорилъ онъ, — но имѣнія заговорщиковъ послужать для бѣдныхъ»*. Онъ высказалъ, впрочемъ, нѣсколько замѣчаній о земельной собственности. Онъ хотѣлъ бы, чтобъ земля принадлежала тѣмъ, кто самъ ее обрабатываетъ: пусть отбираютъ землю, говорилъ онъ, у тѣхъ, кто не обрабатывалъ ея въ продолженіе 20 или 50 лѣтъ. Ему представлялась, такимъ образомъ, демократія, состоящая изъ добродѣтельныхъ мелкихъ собственниковъ, живущихъ въ скромномъ достаткѣ. И онъ требовалъ, чтобы земли заговорщиковъ противъ Республики были отобраны для раздачи бѣднымъ. Покуда будутъ бѣдные, немущіе, и покуда гражданскія отношенія въ странѣ ¹⁾ таковы, что они вызываютъ потребности, противорѣчащія формѣ правительства—свобода невозможна. «Какъ можетъ утвердиться свобода, если остается возможность поднять бѣдныхъ противъ новаго общественнаго порядка; и какъ можно сдѣлать, чтобы не было бѣдныхъ, если каждый не будетъ владѣть участкомъ земли... Нищенство надо уничтожить; раздавши національныя имущества бѣднымъ». Онъ говорилъ также объ организаціи въ родѣ національнаго страхованія всѣхъ гражданъ: объ «общественномъ земельномъ фондѣ, существующемъ для того, чтобы приходить на помощь въ случаѣ бѣдъ».

¹⁾ Сенъ-Жюстъ имѣлъ здѣсь въ виду отношенія экономическія.

ствія». Этотъ фондъ послужилъ бы для «вознагражденія добродѣтели», для пособія отдѣльнымъ лицамъ въ случаѣ личнаго несчастія, для образованія.

И на ряду съ этимъ, онъ проповѣдывалъ усиленный терроръ: эбертистскій терроръ, слегка окрашенный социализмомъ. Но социализмъ Сень-Жюста имѣетъ какой-то отрывочный характеръ. Это скорѣе правоучительные совѣты, чѣмъ конкретныя мысли и проекты законодателя. Видно, что Сень-Жюсть стремился, прежде всего, доказать, какъ онъ самъ выразился, что «Гора все-таки остается вершиною Революціи». Она не дастъ себя опередить. Она гильотинируетъ Бѣшеныхъ и Эбертистовъ, но кое-что заимствуетъ у нихъ.

Этимъ своимъ докладомъ (изъ котораго впоследствии якобинцы хотѣли сдѣлать чуть не библію социалистическихъ требованій) Сень-Жюсть добился отъ Конвента двухъ декретовъ. Одинъ изъ нихъ былъ отвѣтомъ тѣмъ, кто требовалъ смягченія преслѣдованій: Комитету Общественной Безопасности давалось право освобождать «задержанныхъ патріотовъ». Другой представлялъ попытку вырвать почву подъ ногами у Эбертистовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ успокоить лицъ, покушавшихъ національныя имущества: имѣнія, купленные патріотами, останутся въ ихъ владѣніи; но имущества враговъ Революціи будутъ отобраны на пользу Республикѣ. Что же касается до самихъ враговъ, то ихъ будутъ держать въ тюрьмахъ, вплоть до заключенія мира, — послѣ чего они будутъ изгнаны изъ Франціи. Въ сущности, отъ рѣчи Сень-Жюста остались одни слова.

Тогда Кордельеры рѣшили дѣйствовать. 14 вянтоза (4 марта) они покрыли чернымъ покрываломъ Таблицу Правъ Человека, висѣвшую въ ихъ клубѣ. Венсанъ говорилъ о гильотинѣ для враговъ Революціи, а Эберъ произнесъ рѣчь противъ Амара, члена Комитета Общественной Безопасности, но рѣшавшагося послать еще 73 Жирондиста на эшафотъ. Онъ даже намекалъ на Робеспьера, — не за то, что онъ представлялъ препятствіе дѣйствительно серьезнымъ экономическимъ преобразованіямъ, но за то, что онъ заступился за Дамулена. Такимъ образомъ Кордельеры не выходили изъ области террора. Объ главныхъ вопросахъ, волновавшихъ населеніе — вопросахъ экономическихъ — ничего не было сказано. Каррьё поставилъ прямо вопросъ о необходимости возстанія. Но ничего такого, что могло бы поднять Парижъ, не было сказано.

Парижъ не поднялся, и Коммуна отказалась слѣдовать за Кордельерами. Тогда ночью 23 вантоза (13 марта) эбертскіе вожди—Эберъ, Моморѳ, Венсанъ, Ронсэнь, Дюкрокъ и Ломюръ—были арестованы, и Комитетъ Общественнаго Спасенія сталъ распространять на ихъ счетъ, черезъ Бильѳ-Варенна, всякія басни и клеветы. Они собирались, говорили Бильѳ, перерѣзать въ тюрьмахъ всѣхъ роялистовъ; они хотѣли ограбить Монетный дворъ; они зарывали въ землю жизненные припасы, чтобы произвести голодъ въ Парижѣ!

28 вантоза (18 марта) Шометъ былъ тоже арестованъ послѣ того, какъ Комитетъ Общественнаго Спасенія своею собственною властью смѣнилъ его и посадилъ на его мѣсто нѣкогого Сельѳ. Точно такъ же самовластно Комитетъ смѣнилъ мэра города Парижа, Пана. Анахарсисъ Клооць былъ уже арестованъ 8 нивоза (28 декабря), подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ навелъ справки, не находится ли имя одной дамы въ спискѣ „подозрительныхъ“. Леклеркъ, другъ коммуниста Шальѳ, пріѣхавшій въ Парижъ изъ Ліона и сотрудникъ Жака Ру, былъ замѣшанъ въ то же дѣло.

Правительство торжествовало.

Настоящія причины этихъ арестовъ въ крайней партіи до сихъ поръ остаются неясными. Не составили ли Эбертисты заговора, чтобы захватить власть при помощи „революціонной арміи“ Ронсэна?—Это возможно, но ничего достовернаго на этотъ счетъ не извѣстно.

Заарестованныхъ Эбертистовъ немедленно послали передъ революціонный трибуналъ, и правительство не постыдилось устроить то, что тогда называли „амальгамой“, т.-е. включило въ одинъ и тотъ же процессъ банкировъ и нѣмецкихъ агентовъ, вмѣстѣ съ такими людьми, какъ Моморѳ, который уже въ 1790 году отличался своими коммунистическими воззрѣніями и безусловно все, что имѣлъ, отдать Революціи, или бѣднякъ Леклеркъ, другъ Шальѳ, Эберъ и Анахарсисъ Клооць,—„ораторъ рода человѣческаго“, который уже въ 1793 году предвидѣлъ республику всего человѣчества и имѣлъ смѣлость говорить о ней.

4 жерминаля (24 марта), послѣ процесса для формы, продолжавшагося три дня, всѣхъ гильотинировали.

Легко себѣ представить, какимъ праздникомъ былъ этотъ день среди роялистовъ, которыми Парижъ былъ переполненъ. На улицы высыпали толпы „Мюскадэновъ“, одѣвавшихся въ самые „невѣроятные“ наряды, и они преслѣдовали приговоренныхъ своими насмѣшками и оскорбленіями, пока тѣхъ везли

на казнь, совершившуюся на Площади Революціи. Богатые господа платили шальные цѣны за места возлѣ гильотины, чтобы вполнѣ насладиться казнью Эбера, издателя газеты «*Père Duchesne*». — «Площадь обратилась въ театръ, — писалъ Мишлэ, — и вокругъ нея былъ родъ ярмарки: массы веселой публики гуляли на Елисейскихъ поляхъ, между палатокъ и лавочекъ». Народъ, мрачный, не показывался. Онъ зналъ, что въ этотъ день убивали его друзей — что Революціи наносятъ смертный ударъ.

Шомета гильотинировали нѣсколькими днями позже, 24 жерминаля (13 апрѣля), вмѣстѣ съ епископомъ Гоблемъ, — тѣмъ самымъ, который отказался отъ своего сана, при чемъ выставленное противъ нихъ обоихъ преступленіе было — невѣріе. Робеспьеръ и его партія явно занекивали у буржуазіи, въ надеждѣ продлить Революцію. Вдова Демулена и вдова Эбера были включены въ ту же группу жертвъ гильотины. Мира Паша не рѣшался казнить, но Комитетъ Общественнаго Спасенія смѣнилъ его и замѣнилъ ничтожностью, Флёрб-Лескô, а Шометъ былъ сперва замѣненъ Селье, а потомъ Клодомъ Пайяномъ, человекомъ вполнѣ преданнымъ Робеспьеру. Въ угоду своему патрону, онъ больше заботился о «Верховномъ Существѣ», чѣмъ о парижскомъ населеніи ¹⁾.

Такимъ образомъ Комитеты, Общественной Безопасности и Общественнаго Спасенія окончательно взяли верхъ надъ Парижскою Коммуною. И такъ заканчивалась борьба, которую выдержалъ этотъ очагъ Революціи, съ 9 августа 1792 года по 13 апрѣля 1794 года, противъ официальныхъ представителей централистской Революціи. Коммуна, служившая, вмѣстѣ со своими секціями, въ продолженіе двадцати мѣсяцевъ, выраженіемъ Парижскаго народа и маякомъ для революціонной Франціи, обращалась теперь въ органъ государственнаго чиновничества.

¹⁾ Въ силу закона 14 фримэра, которымъ установлено было „Революціиное правительство“, взаимныя прокуроровъ Коммунъ, выбиравшихся народомъ и представлявшихъ органы самоуправления, были введены *національные агенты*, назначавшіеся Комитетомъ Общественнаго Спасенія. Шометъ былъ тогда утвержденъ въ своей должности и сталъ, такимъ образомъ, „національнымъ агентомъ“, т.-е. правительственнымъ чиновникомъ. Въ тотъ день, когда Комитеты рѣшили заарестовать Эбертистовъ, т.-е. 23 вантоза (13 марта), Комитетъ Общественнаго Спасенія внесъ въ Конвентъ новый законъ, который позволялъ ему смѣнять людей, избранныхъ коммунами, и замѣнять ихъ чиновниками, назначаемыми имъ самимъ. Конвентъ, конечно, принялъ этотъ законъ, и, пользуясь имъ, Комитетъ смѣнилъ Паша и назначилъ на его мѣсто своего человека, Флёрб-Лескô.

Послѣ этого конецъ Революціи. очевидно, былъ уже близокъ.

Съ Нашемъ и Шометомъ исчезли изъ Революціи два человека, которые олицетворяли въ глазахъ народа *народную революцію*. Когда делегаты, присланные департаментами, чтобы заявить свое согласіе на іюньскую конституцію 1793 года, пріѣхали въ Парижъ, ихъ поразила демократическій характеръ столицы ¹⁾. Мэръ, «дяденька Нашъ», писалъ они домой, приходитъ въ Коммуну изъ деревни, въѣздомъ, принеся съ собою свой хлѣбъ; Шометь, прокуроръ Коммуны, живетъ въ одной комнатѣ со своей женой, которая сидитъ и чинитъ что-нибудь. Кто бы ни постучалъ, ему отвѣчаютъ: Входите! Совсѣмъ, какъ у Марата». Эберъ, товарищъ прокурора Коммуны, и «Ораторъ рода человѣческаго», т.-е. Анахарсисъ Клоотцъ, всѣ одинаково доступны. Этихъ людей теперь огляли у народа, въ угоду буржуазіи.

Казнь Эбертистовъ вызвала, однако, такое ликованіе среди роялистовъ, что Комитеты съ ужасомъ увидали, какъ внезапно приблизилось торжество контръ-революціи. Теперь на «Гарнейскую скалу», столь дорогую Бриссо, его продолжатели требовали уже самихъ членовъ обоихъ Комитетовъ. Дамулена, который велъ себя самымъ гнуснымъ образомъ во время казни Эбера, натравливая на него крикуновъ, бѣжавшихъ за телѣгою, въ которой его везли на казнь (*онъ самъ это рассказалъ*), выпустилъ теперь седьмой номеръ своей газеты, цѣлкомъ посвященный нападеніямъ на революціонный строй. Роялисты предавались бѣшенымъ выраженіямъ восторга и уранивали Дантона начать нападеніе на Комитеты. Вся масса Жирондистовъ, прикрывавшаяся именемъ Дантона, собиралась теперь воспользоваться исчезновеніемъ Эбертистовъ и пораженіемъ Парижской Коммуны, чтобы произвести свой переворотъ; и тогда подъ гильотину пошли бы Робеспьеръ, Кутонъ, Сентъ-Жюсть, Бильо-Вареннъ, Колло д'Эрбуа и множество другихъ. Контръ-революція, въ такомъ случаѣ, взяла бы верхъ уже весною 1794 года. Тогда Комитеты рѣшили нанести сильный ударъ вправо, и пожертвовать, ради этого, Дантономъ и его друзьями.

Въ ночь съ 30 на 31 марта (9 на 10 жерминаля) Парижъ узналъ съ ужасомъ, что Дантонъ, Дамуленъ, Филиппо и Лакруа заарестованы. На основаніи доклада, прочтеннаго Сентъ-Жюстомъ въ Конвентѣ (онъ былъ составленъ по черно-

¹⁾ „Anacharsis Clootz“, par. Avenel. томъ II. стр. 168—169.

вой, написанной Робеспьеромъ и до сихъ поръ сохранившейся въ архивахъ), Конвентъ приказалъ немедленно начать преслѣдованія. Комитеты слова сочинили «амальгаму» и послали передъ революціонный трибуналъ Дантона, Дамулена, Базира, Фабра, обвиненнаго въ подлогъ, Лакруа, обвиненнаго въ грабежъ, Шабо, который признался, что получилъ отъ роялистовъ 100.000 франковъ для какого-то дѣла, оставшагося неизвѣстнымъ (онъ ихъ, впрочемъ, не израсходовалъ), Делона, дѣйствительно учинившаго подлогъ въ пользу Индійской Компаніи, о которомъ мы говорили, и сводчика Жюльена изъ Тулузы.

Процессъ былъ, конечно, лишь для формы. Когда Комитеты увидали, что могучая защита Дантона можетъ вызвать народное возстаніе, они велѣли прекратить защитительныя рѣчи.

Все были казнены 5 апрѣля 1794 года (16 жерминаля III года).

Понятно, какое впечатлѣніе на населеніе Парижа и на революціонеровъ всей Франціи должны были произвести казнь революціонной Парижской Коммуны и казнь такихъ людей, какъ Деклеркъ, Моморъ Эберъ и Клооцъ, за которою послѣдовала казнь Дантона и Дамулена и, наконецъ, Шомета. Въ Парижѣ и въ провинціяхъ народъ понялъ, что эти казни обозначаютъ конецъ Революціи. Въ политическихъ кругахъ знали, конечно, что на Дантона разсчитывали въ данную минуту контръ-революціонеры. Но для Франціи вообще онъ оставался революціонеромъ, стоявшимъ на передовомъ посту во всехъ народныхъ движеніяхъ.

Если эти люди тоже измѣнники, — на кого же тогда полагаться? спрашивали себя въ народѣ. «Но правда ли, что они измѣнники?» спрашивали себя другіе. «Не ясно ли, что пришелъ конецъ Революціи?»

Да, пришелъ ее конецъ. Разъ восходящее движеніе было остановлено, разъ наплась сила, способная сказать Революціи: «Дальше этого ты не пойдешь», какъ разъ въ ту минуту, когда новыя народныя стремленія пытались найти свое выраженіе; и разъ эта сила могла снести головы именно тѣхъ, кто старался найти это выраженіе, — истиннымъ революціонерамъ стало ясно, что Революціи наступаетъ конецъ. Ихъ не могли обмануть слова Сенъ-Жюста, увѣрявшаго ихъ, что онъ тоже начинаетъ думать, какъ тѣ, кого онъ посылалъ на гильотину. Они поняли, что то было начало конца.

И дѣйствительно, торжество Комитетовъ надъ Коммуною было торжествомъ *порядка*, а торжество порядка значитъ конецъ *революціоннаго періода*. Теперь могло произойти еще нѣсколько конвульсій, но Революція была кончена.

Народъ съ тѣхъ поръ потерялъ въ ней всякій интересъ. Въ Парижѣ народъ предоставилъ улицу буржуазнымъ франтамъ — мюскадэнамъ, — и безумно наряжавшимся женщинамъ изъ буржуазіи.

LXVI.

Робеспьеръ и его группа.

Робеспьера очень часто изображаютъ какъ диктатора. Его враги въ Конвентѣ даже называли его тираномъ. И въ самомъ дѣлѣ, по мѣрѣ того, какъ Революція приближалась къ концу, вліяніе Робеспьера росло все больше и больше, такъ что во Франціи и за границей о немъ говорили какъ о главномъ лицѣ въ Республикѣ. А когда онъ погибъ, три мѣсяца спустя, 9 термидора, началась эра реакціи.

Между тѣмъ видѣть въ Робеспьерѣ диктатора было бы совершенно невѣрно. Что многіе изъ его поклопниковъ хотѣли для него диктатуры, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія ¹⁾. Но извѣстно также и то, что Камбонъ, въ своей специальной области, въ комитетѣ финансовъ, пользовался почти безграничною властью, а Карно имѣлъ очень широкія полномочія въ военномъ дѣлѣ, несмотря на нерасположеніе къ нему Робеспьера и Сень-Жюста. Съ другой стороны, Комитетъ Общественной Безопасности слишкомъ ревниво охранялъ свою полицейскую власть, чтобы не противиться диктатурѣ; а нѣкоторые изъ его членовъ прямо-таки ненавидѣли Робеспьера. Наконецъ, если въ Конвентѣ и были представители, охотно допускавшіе сильное вліяніе Робеспьера, они все-таки не захотѣли бы подчиниться диктатурѣ Монтаньяра, столь строгаго въ своихъ нравственныхъ правилахъ.

А между тѣмъ Робеспьеръ дѣйствительно пользовался огромною властью. Мало того, его враги, какъ и его поклопники, чувствовали, что исчезновеніе робеспьеровской

¹⁾ Какъ бы мало историческаго значенія ни имѣло сочиненіе „Notes historiques sur la Convention Nationale“, de Marc Antonin Baudot, Paris, 1893, предложеніе Сень-Жюста, о которомъ упоминаетъ Бодд (стр. 13), и изначить Робеспьера диктаторомъ, чтобы спасти Республику, не имѣетъ ничего невѣроятнаго.—Буонарроти говоритъ объ этомъ намѣреніи, какъ о фактѣ общезвѣстномъ.

групины будетъ чѣмъ оно и оказалось на дѣлѣ торжествомъ реакціи.

Чѣмъ же объяснить себѣ могущество этой групины?

Прежде всего Робеспьеръ оставался *неподкупнымъ* посреди всѣхъ тѣхъ, — а ихъ было очень много, — кого прельстили власть и богатство: обстоятельство, въ высшей степени важное во время революціи. Въ то время, какъ большинство стоявшихъ вокругъ него прекрасно пользовалось распродажею національныхъ имуществъ, биржевыми спекуляціями и т. п., а тысячи якобинцевъ нарасхватъ разбирали мѣста въ правительствѣ, онъ стоялъ передъ ними, какъ строгій судья, напоминая имъ о нравственныхъ началахъ Революціи и грозя гильотиною тѣмъ изъ нихъ, кто слишкомъ предавался наживѣ.

Затѣмъ, во всемъ томъ, что онъ говорилъ и дѣлалъ за все пять лѣтъ революціонной бури, мы чувствуемъ до сихъ поръ, — а современники должны были это чувствовать еще сильнее, — что онъ былъ одинъ изъ немногихъ политическихъ дѣятелей того времени, въ которыхъ ничто не ослабляло вѣры въ Революцію и привязанности къ демократической республикѣ. Въ этомъ отношеніи Робеспьеръ представлялъ настоящую *силу*, и если бы коммунисты могли выдвинуть равную ему силу ума и воли, они, несомнѣнно, придали бы Революціи гораздо болѣе сильный отпечатокъ своихъ стремленій.

Со всѣмъ тѣмъ одни эти качества Робеспьера, признаваемые даже его врагами, не могли бы объяснить огромной власти, выпавшей ему на долю къ концу Революціи. Къ этому надо прибавить еще то, что помимо фанатизма, который давала ему честность его намѣреній, посреди всѣхъ пользовавшихся Революціею въ личныхъ видахъ, онъ самъ старался усилить свою власть надъ общественнымъ мнѣніемъ, хотя бы ему приходилось переступать ради этого черезъ трупы другихъ честныхъ дѣятелей, оказавшихся его противниками.

Наконецъ самое главное то, что въ укрѣпленіи власти Робеспьера ему помогла прежде всего нарождавшаяся буржуазія. Какъ только она сообразила, что среди революціонеровъ онъ представляетъ собою человека золотой середины, т.-е. дѣятеля, стоящаго на равномъ разстояніи отъ «экзальтированныхъ» и отъ «умѣренныхъ», и тѣмъ самымъ представляющаго наилучшую защиту буржуазіи отъ

того, что она называла «излишествами» толпы, она стала выдвигать его

Буржуазія поняла, что Робеспьеръ былъ тотъ человекъ, который, благодаря уваженію, внушаемому имъ народомъ, и благодаря своему умѣренному уму и властолюбію, наиболѣе способенъ образовать *твердое правительство*; и такимъ образомъ положить конецъ революціонному періоду. А потому буржуазія, покуда ей грозила опасность со стороны крайнихъ партій, не мѣшала, а помогала ему и его друзьямъ упрочить ихъ власть, создать правительство, разгромить крайнюю партію. Но какъ только «крайніе» были разгромлены, буржуазія низвергла Робеспьера и его правительство, и праздновала ихъ паденіе, такъ какъ оно дало возможность настоящимъ людямъ буржуазіи, Жироидистамъ, вернуться въ Конвентъ и начать термидорскую реакцію.

Складъ ума Робеспьера прекрасно подходилъ къ этой роли. Въ этомъ можно убѣдиться, между прочимъ, изъ черновой, написанной имъ для обвинительнаго акта противъ группы Фабра д'Эглантина и Шабó, и найденной въ его бумагахъ послѣ его смерти ¹⁾. Эта записка характеризуетъ Робеспьера лучше всякихъ разсужденій.

Дѣйствительно вотъ уже нѣсколько времени открыто соперничаютъ между собою, — такъ началъ онъ свою записку. — Одна изъ нихъ стремится къ модерантизму (излишней умѣренности), другая же къ крайностямъ, въ сущности противо-революціоннымъ. Одна ведетъ войну противъ всѣхъ энергичныхъ патріотовъ и проповѣдуетъ снисхожденіе по отношенію къ заговорщикамъ; другая изводитишка казненіемъ на защитниковъ свободы, стремится уничтожить каждаго патріота, кто хоть разъ въ чемъ-нибудь ошибся, а между тѣмъ закрываетъ глаза на преступные проски самихъ опасныхъ нашихъ враговъ... Одна стремится воспользоваться своимъ вліяніемъ, или своимъ присутствіемъ въ Конвентѣ [здѣсь онъ имѣлъ въ виду дантонистовъ]; другая — своимъ вліяніемъ въ Народныхъ обществахъ [Коммуна, Бѣшеные]. Одна хочетъ обманомъ вырвать у Конвента опасные декреты, или мѣры преслѣдованія противъ

¹⁾ Для обвиненія этой группы Робеспьеръ написалъ черновую обвинительнаго акта, который былъ прочтенъ его другомъ, Сень-Жюстомъ. См. эту черновую въ „Papiers inédits trouvés chez Robespierre, Saint-Just, Payan, etc. supprimés ou omis par Courtois, précédés du rapport de ce dernier à la Convention nationale“, Paris, 1828, т. I стр. 21 и слѣд.

своихъ противниковъ; другая же произноситъ опасныя рѣчи въ публичныхъ собраніяхъ... Торжество и той и другой партіи было бы одинаково опасно свободѣ и представителямъ народной власти». II Робеспьеръ разсказывалъ послѣ этого, какъ обѣ партіи нападали на Комитетъ Общественнаго Спасенія, съ самаго его основанія.

Обвинивши Фабра въ томъ, что онъ хлопотетъ о снисходительности, «для того, чтобы скрыть свои преступленія», Робеспьеръ прибавлялъ:

«Минута, конечно, была выбрана удачная, чтобы проповѣдывать это трусливое ученіе, даже людямъ съ прекрасными намѣреніями, когда всѣ враги свободы толкали къ излишествахъ въ противоположномъ направленіи; когда подкупная философія, продавшаяся тираніи, забывала престолы изъ-за алтарей, противопоставляла религію патриотизму ¹⁾, ставила нравственность въ противорѣчіе съ самою собою, смѣшивала дѣло религіи съ интересами деспотизма, всѣхъ католиковъ — съ заговорщиками, и хотѣла, чтобы народъ видѣлъ въ революціи не торжество добродѣтели, а торжество атеизма, не источникъ народнаго благополучія, а разрушеніе нравственныхъ и религіозныхъ возрѣвій народа».

Изъ этихъ выдержекъ видно, что если Робеспьеръ дѣйствительно не имѣлъ широты взглядовъ и смѣлости мысли, необходимыхъ для того, чтобы стать вожакомъ революціонныхъ партій, онъ въ совершенствѣ владѣлъ искусствомъ пускать въ ходъ тѣ средства, которыми всегда удается вооружить такъ называемое общественное мнѣніе противъ тѣхъ или другихъ лицъ. Каждая фраза въ этомъ обвинительномъ актѣ — ядовитая стрѣла, бьющая въ цѣль.

Что насъ больше всего поражаетъ, это то, что Робеспьеръ и его друзья не понимали роли, которую заставляли ихъ играть истинные враги Революціи. «модерантисты», пока еще не наступила минута свергнуть монтаньяровъ. «Существуетъ цѣлая система толкать народъ, чтобы онъ все уравнивалъ, — пишетъ Робеспьеру его младшій братъ изъ Люна, — если не принять мѣръ, все дезорганизуется». II Максимилианъ Робеспьеръ не шелъ дальше такого узкаго пониманія своего младшаго брата. Усилия крайнихъ партій подвинуть

¹⁾ Изъ книги Олара, „Le culte de la Raison et la culte de l'Être suprême“, можно убѣдиться, насколько противорелигіозное движеніе было, какъ разъ наоборотъ, связано съ патриотизмомъ.

еще дальше. Революцію для него были нечто иное, какъ нападки на правительство, къ которому онъ принадлежитъ. Точь въ точь, какъ его врагъ Бриссо, онъ говоритъ, что эти крайніе — орудія въ рукахъ Англіи и Австріи. Коммунистическія попытки, въ его глазахъ — не что иное, какъ «дезорганизація». «Нужно принять мѣры», пишетъ онъ: нужно раздавить ихъ — терроромъ, гильотиной.

«Какія есть средства прекратить гражданскую войну?» спрашиваетъ онъ себя въ одной замѣткѣ. И онъ отвѣчаетъ:

«Наказать всѣхъ измѣнниковъ и заговорщиковъ, особливо — виновныхъ депутатовъ и администраторовъ;

«послать войска изъ патриотовъ, подъ начальствомъ патриотовъ, чтобы усмирить аристократовъ въ Ліонѣ, Марселѣ, Тулонѣ, въ Вандеѣ, Юрѣ и другихъ областяхъ, гдѣ поднято знамя бунта и роялизма;

«и дать рядъ устрашающихъ примѣровъ, казня всѣхъ злодѣевъ, осквернившихъ свободу и пролившихъ кровь патриотовъ» ¹⁾.

Какъ видно, здѣсь говоритъ человѣкъ правительственнаго склада ума, языкомъ, на которомъ говорятъ всегда всѣ правительства, но отнюдь не революціонеръ. Поэтому вся его политика, начиная съ момента паденія Коммуны вплоть до 9 термидора (27 іюля 1794), оказывается совершенно безплодною. Онъ ничѣмъ не предотвращаетъ готовящейся катастрофы, которою должна закончиться народная революція, но многое дѣлаетъ для того, чтобы ее ускорить. Онъ не отвращаетъ кинжаловъ, которые натачиваются въ темнотѣ, чтобы ими убить Революцію; но онъ дѣлаетъ какъ разъ то что дастъ смертельную силу этимъ ударамъ.

¹⁾ „Papiers inédits“, т. II, стр. 14.

Г е р р о р ь.

Послѣ ударовъ, нанесенныхъ ими своимъ соперникамъ, какъ съ лѣвой, такъ и съ правой стороны, Комитетъ Общественнаго Спасенія и Комитетъ Общественной Безопасности продолжали сосредоточивать власть въ своихъ рукахъ. До того времени имѣлось шесть министерствъ, которые подчинялись Комитету Общественнаго Спасенія, только черезъ посредство Исполнительнаго Комитета, состоявшаго изъ шести министровъ. Теперь, 12 жерминаля (1 апрѣля 1794), министерства были уничтожены и замѣнены двѣнадцатью Исполнительными комиссіями, поставленными, каждая, подъ наблюденіе особой группы Комитета Общественнаго Спасенія⁴⁾. Кромѣ того, Комитетъ получилъ также право отзывать своею властью комиссаровъ Конвента, посланныхъ въ провинціи.

Съ другой стороны было рѣшено, что въ Парижѣ будетъ засѣдать, подъ надзоромъ обоихъ Комитетовъ, верховный революціонный трибуналъ. Обвиняемыхъ въ заговорахъ, гдѣ бы то ни было во Франціи, рѣшено было привозить въ Парижъ, для суда надъ ними. Въ то же время были приняты мѣры, чтобы очистить Парижъ отъ опасныхъ людей. Все бывшіе дворяне и все иностранцы, принадлежавшіе къ націямъ, ведущимъ войну съ Франціей, должны были быть изгнаны изъ Парижа. Дѣлались только немногія, необходимыя исключенія (декреты 26 и 27 жерминаля).

Сосредоточеніе власти въ немногихъ рукахъ и устраненіе, при помощи революціоннаго трибунала, такъ создавалось верховное централизованное правительство обоихъ Комитетовъ. Такова была ихъ главная забота.

⁴⁾ Какъ показалъ James Guillaume (*Procès-verbaux du Comité d'instruction publique de la Convention, t. IV, Introduction, pp. 11 et 12*), большая часть этихъ комиссій была постепенно установлена, уже начиная съ октября 1793 года.

Другую серьёзную заботу правительства представляла война. Въ январѣ 1794 года была еще надежда, что въ англійскомъ парламентѣ либеральная оппозиція, за которой етсѣла значительная часть населенія Лондона, а также нѣсколько вліятельныхъ членовъ Палаты лордовъ, не дасть консервативному министерству Питта продолжать войну. Дантонъ, повидимому, раздѣлялъ эту иллюзію, что и было однимъ изъ преступленій, выставленныхъ противъ него. Но Питтъ увлекъ большинство парламента противъ «безбожниковъ французовъ», и съ начала весны Англія повела войну энергично, вмѣстѣ съ Пруссіею, находившеюся у нея на жалованіи. Въ скоромъ времени четыре арміи, числомъ въ 315.000 человекъ, собрались на границахъ Франціи, имѣя противъ себя четыре арміи Республики, численностью въ 294.000 человекъ. Но то были уже республиканскія, демократическія арміи, выработавшія свою собственную тактику, и въ скоромъ времени онѣ одержали верхъ надъ союзниками.

Самою черною точкою было, однако, состояніе умовъ въ провинціи, особенно на югѣ. Поголовное истребленіе, какъ глазарей контръ-революціи, такъ и поднятыхъ ими темныхъ массъ, къ которому прибѣгли мѣстные якобинцы и комиссары Конвента, породило глубокую ненависть противъ Республики въ городахъ и деревняхъ южной Франціи. Хуже всего было то, что никто, ни на мѣстахъ, ни въ Парижѣ, ничего не могъ придумать, кромѣ самыхъ крайнихъ мѣръ истребленія.

Такъ, напримѣръ, въ департаментѣ Воклюзы, переполненномъ роялистами и бѣглыми священниками, случилось, что въ одной изъ глухихъ деревушекъ, расположенныхъ у подошвы горъ Ванту (Ventoux), въ деревнѣ Бедуинѣ, всегда стоявшей совершенно открыто за старый порядокъ, «закону было нанесено ужасное оскорбленіе!» Перваго мая дерево Свободы было срублено, и «декреты Конвента повергнуты въ грязь!» Военный начальникъ этой мѣстности (Сюшэ-снъ потомъ сталъ имперіалистомъ) потребовалъ «устрашающаго» примѣра. Онъ требовалъ разрушенія всей деревни. Мэнье (Maignet), комиссаръ Конвента, колебался и обратился въ Парижъ, откуда ему приказали «дѣйствовать со всею строгостью». Тогда Сюшэ зажегъ деревню, и 433 дома обратилъ въ развалины.

Понятно, что при такой системѣ оставалось только одно: вѣчно «дѣйствовать со всею строгостью». Такъ и сдѣлали.

Нѣсколько дней спустя, въ виду невозможности отправить въ Парижъ всѣхъ заарестованныхъ въ этой мѣстности гражданъ (потребовалась бы цѣлая армія для сопровожденія ихъ и заготовленія припасовъ по дорогѣ, писалъ Мэнъ), Кутонъ, другъ Робеспьера, предложилъ обоимъ Комитетамъ, которые сейчасъ же приняли его предложеніе ¹⁾, назначить специальную комиссію изъ пяти членовъ, которая засѣдала бы въ городѣ Оранжѣ, чтобы судить враговъ Революціи, арестованныхъ въ департаментахъ Воклюзы и Устье-въ-Роны. Робеспьеръ написалъ своею рукою инструкцію для комиссіи, и эта инструкція вскорѣ послужила основаніемъ для закона о террорѣ, изданнаго 22 преріаля ²⁾.

Черезъ нѣсколько дней Робеспьеръ развилъ тѣ же принципы передъ Конвентомъ, говоря, что до сихъ поръ слишкомъ бережно относились къ врагамъ свободы: что надо упростить суды, отбросивши ихъ формальности ³⁾. И черезъ два дня послѣ праздника Верховнаго Существа онъ внесъ въ Конвентъ, съ согласія своихъ товарищей по Комитету, извѣстный законъ 22 преріаля (10 іюня) о реорганизациіи революціоннаго трибунала. Въ силу этого закона трибуналъ дѣлился на отдѣлы, состоявшіе, каждый, изъ трехъ судей и десяти присяжныхъ. Семерыхъ было достаточно, чтобы составить судъ. Основною приговоровъ должны были служить тѣ самые принципы, которые мы видѣли въ инструкціи, дан-

¹⁾ Я слѣдую здѣсь разсказу Луи Блана (книга XII, гл. XIII), котораго нельзя заподозрить во враждебности къ группѣ Робеспьера.

²⁾ „Враги Революціи,—говорила инструкція,—суть тѣ, которые, какими бы то ни было способами и какими бы видимостями они ни прикрывались, стараются препятствовать ходу Революціи и мѣшать утвержденію Республики.—Наказаніе за такое преступленіе—смерть; доказательства же, нужные для произнесенія приговора, будутъ всякія свѣдѣнія, какого бы рода они ни были, лишь бы они могли убѣдить разумнаго человѣка и друга Свободы.—Правиломъ при произнесеніи приговоровъ должна быть совѣсть судьи, освѣщенная любовью къ справедливости и къ отечеству; ихъ цѣль—общественное спасеніе и гибель враговъ отечества“. Присяжныхъ не нужно, однимъ судей довольно. Итакъ, совѣсть судьи и „свѣдѣнія какого бы то ни было рода“ становились достаточнымъ основаніемъ для произнесенія смертнаго приговора.

³⁾ „Хотятъ управлять революціями при помощи судейскаго крючкотворства“, писалъ Робеспьеръ. „Къ заговорамъ противъ Республики относятся, какъ къ процессамъ между частными лицами. Тираниа убиваетъ, а Свобода произноситъ рѣчи. И кодексъ, составленный заговорщиками, является закономъ, по которому ихъ судятъ!“—„Чтобы казнить враговъ отечества,—продолжалъ онъ,—достаточно установить ихъ личность. Требуется не наказаніе, а уничтоженіе ихъ“.

ной комиссiи въ Оранжѣ; только въ числѣ преступленій, за которыя полагалась смертная казнь, было включено еще распространіе ложныхъ извѣстій съ цѣлью посѣять смуту, или раздѣлить народъ, и развращеніе нравовъ и общественной совѣсти.

Издать такой законъ, значило признать полную неспособность революціоннаго правительства. Это значило, принявъ на себя личину законности, дѣлать то же, что сдѣлалъ парижскій народъ революціонно, открыто, въ минуту паники и отчаянія, во время сентябрьскихъ дней. И результатомъ закона 22 преріаля было то, что въ шесть недѣль онъ помогъ назрѣть контръ-революціи.

Когда Робеспьеръ готовилъ этотъ законъ, — имѣлъ ли онъ только въ виду, какъ это стараются доказать нѣкоторые историки, нанести ударъ тѣмъ членамъ Конвента, которыхъ онъ считалъ наиболѣе вредными для революціи? Его удаленіе отъ дѣлъ, послѣ того какъ пренія доказали, что Конвентъ не выдастъ больше Комитета ни одного изъ своихъ членовъ, не защищая его, придаетъ нѣкоторое вѣроятіе этому предположенію. Но съ другой стороны, тотъ фактъ, твердо установленный, что инструкция судебной комиссiи въ Оранжѣ составлена была Робеспьеромъ, опровергаетъ это предположеніе. Гораздо вѣроятнѣе, что Робеспьеръ просто слѣдовалъ теченію минуты, и что онъ, Кутонъ и Сенъ-Жюсть, въ согласіи со многими другими, включая сюда даже Камбона, видѣли въ террорѣ оружіе борьбы для всей Франціи, а также и угрозу противъ нѣкоторыхъ членовъ Конвента. Въ сущности, къ этому закону подходили уже со времени декретовъ 19 флореаля (8 мая) и 9 преріаля (28 мая) «о концентраціи власти».

Весьма вѣроятно также, что попытка Ладмираля убить Колло д'Эрбуа и странное дѣло дѣвочки Цециліи Рено, представленное какъ покушеніе на жизнь Робеспьера, тоже побудили Конвентъ провести законъ 22 преріаля.

Въ концѣ апрѣля въ Парижѣ совершонъ былъ рядъ казней, которыя должны были пробудить озлобленіе роялистовъ. Послѣ боини 13 апрѣля, въ которой погибли Шометь, Гобэль, вдова Дамулена, вдова Эбера и пятнадцать другихъ, казнили д'Энрэмения, ле-Шапелъё, Турэ, старика Мальзербъ, защищавшаго короля въ его процессѣ, Лавуазье, великаго химика и хорошаго республиканца, и наконецъ сестру Людовика XVI, m-me Elisabeth, которую, конечно,

можно было бы освободить вмѣстѣ съ ея племянницею, безъ всякой опасности для Республики.

Роялисты волновались, и 7 преріала (25 мая) нѣкій Ладмираль, писецъ, лѣтъ 50, пришелъ въ Конвентъ, съ намереніемъ убить Робеспьера. Онъ тамъ заснулъ во время рѣчи, произносившейся Бареромъ, и такимъ образомъ пропустилъ «тирана». Тогда онъ пошелъ въ домъ, гдѣ жилъ Колло д'Эрбуа и выстрѣлилъ въ Колло въ то время, какъ онъ поднимался по лѣстницѣ въ свою квартиру. Между ними завязалась сильная борьба, и Колло обезоружилъ Ладмираля.

Въ тотъ же день молоденькая дѣвушка, лѣтъ 20, Цецилія Рено, дочь содержателя бумажной лавочки, крайняго роялиста, пришла во дворъ того дома, гдѣ Робеспьеръ жилъ у плотника-подрядчика Дюплэ, и потребовала свиданія съ Робеспьеромъ. Ея поведеніе возбудило подозрѣніе: ее арестовали, и въ карманахъ нашли два маленькихъ ножика. Нескладныя ея рѣчи наводили на мысль о покушеніи на жизнь Робеспьера, — во всякомъ случаѣ совершенно ребяческимъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что оба эти покушенія послужили предлогами въ пользу закона о террорѣ.

Оба Комитета немедленно воспользовались случаемъ, чтобы устроить громадную «амальгаму», т.-е. казнь всякаго рода людей, соединенныхъ, какъ попало, въ одинъ процессъ. Заарестовали отца и брата Цециліи, а также нѣсколькихъ человекъ, которыхъ единственнымъ преступленіемъ было знакомство съ Ладмиралемъ. Въ ту же «амальгаму» включили г-жу Сентъ-Амарантъ, которая держала игорный домъ, гдѣ посетители встрѣчали ея дочь, г-жу Сартинъ, известную своей красотой. А такъ какъ этотъ домъ усердно посѣщали всякаго сорта люди, между прочимъ, Шабó (Chabot), Дефьё (Defieux) и Эрó-де-Сешель (Hérault de Séchelles), и туда заходилъ, повидимому, Дантонъ и младшій братъ Робеспьера, то изъ этого постарались сдѣлать роялистскій заговоръ, къ которому хотѣли примѣшать даже Максимилиана Робеспьера, черезъ его брата. Въ тотъ же процессъ включили Сомбрѣйля (того самого, котораго Мальяръ спасъ во время убійствъ 2 сентября), актрису Гранъ-Мезонъ (Grandmaison), пріятельницу известнаго роялиста барона Баца, роялиста Сартина, одного изъ роялистскихъ «рыцарей кинжала» и, рядомъ со всѣми этими господами — несчастную семнадцатилѣтнюю дѣвочку, портниху Николь.

Въ силу закона 22 преріаля, судебное дѣло было рѣшено самымъ быстрымъ образомъ. Въ этотъ разъ на казнь повезли сразу 54 человекъ, одѣтыхъ въ красныя рубашки, какъ отцеубійцы, и казнь продолжалась два часа. Такъ вступалъ въ дѣйствіе новый законъ, который получилъ названіе закона Робеспьера. Онъ сразу дѣлалъ царство террора ненавистнымъ для массы парижанъ.

Легко представить себѣ, какое стало состояніе умовъ среди заарестованныхъ по сентябрьскому закону «о подозрительныхъ», которыми были тогда набиты парижскія тюрьмы, когда они узнали о законѣ 22 преріаля и его примѣненіи къ 54 казненнымъ. Они ждали всеобщаго избіенія, «чтобы очистить тюрьмы», какъ это было сдѣлано въ Нантѣ и Лионѣ, и готовились къ сопротивленію. По всей вѣроятности, составлялись также планы тюремныхъ бунтовъ ¹⁾.

Тогда революціонный судъ сталъ сразу приговаривать къ смерти по 150 человекъ, которыхъ казнили отрядами по 50, уголовныхъ и роялистовъ, отвозимыхъ вмѣстѣ на эшафотъ.

Намъ нѣтъ нужды останавливаться на этихъ казняхъ. Достаточно сказать, что со дня основанія революціоннаго трибунала, т.-е. съ 17 апрѣля 1793 года, вплоть до 22 преріаля II года (10 іюня 1794), т.-е. въ 14 мѣсяцевъ, было казнено въ Парижѣ 2.607 человекъ; но со дня введенія новаго закона, съ 22 преріаля (10 іюня) по 9 термидора (27 іюля 1794), тотъ же судъ послалъ на казнь 1.351 человекъ въ 16 дней.

Парижскій народъ скоро сталъ съ ненавистью смотреть на эти телѣги, подвозившія каждый день десятки приговоренныхъ къ подножію гильотины, при чемъ пять палачей едва успѣвали опоражнивать живой грузъ. Въ городѣ не находилось болѣе кладбищъ, чтобы хоронить эти жертвы, и всякій разъ, когда въ предмѣстьяхъ открывали новыя кладбища, чтобы зарывать тамъ казненныхъ, рѣзкіе протесты поднимались среди населенія этихъ кварталовъ.

Теперь симпатіи парижскихъ рабочихъ обращались уже къ казненнымъ, тѣмъ болѣе, что богатые эмигрировали, или скрывались въ самой Франціи, и подъ гильотину попадали преимущественно бѣдняки. Въ самомъ дѣлѣ, изъ 2.750

¹⁾ При обыскѣ, сдѣланномъ въ тюрьмахъ, были найдены у заключенныхъ значительныя суммы денегъ (864.000 ливровъ), независимо отъ драгоценностей, такъ что считали, что у заключенныхъ было всего на 1.200.000 ливровъ всякихъ цѣнностей.

гильотинированныхъ, общественное положеніе которыхъ могъ установить Луи Бланъ, оказалось, что только 650 человекъ принадлежали къ зажиточнымъ классамъ. Въ то время даже говорили другъ другу по секрету, что въ Комитетъ Общественной Безопасности сидитъ роялистъ, агентъ барона Баца, который толкаетъ на казни, чтобы возбудить ненависть противъ Республики.

Одно только несомнѣнно: это то, что каждая такая партия казнимыхъ ускоряла паденіе якобинцевъ.

Есть вещи, которыхъ государственные люди не понимаютъ. Терроръ пересталъ терроризировать. Устрашеніе болѣе не устрашало, а только озлобляло.

Девятое термидора.—Торжество реакціи.

Если у Робеспьера было множество поклонниковъ, доходившихъ даже до обоготворенія своего героя, то у него не было также недостатка во врагахъ, глубоко его ненавидѣвшихъ. Эти враги пользовались всѣмъ, чѣмъ могли, чтобы возбудить враждебное къ нему отношеніе, приписывая ему всѣ ужасы террора. Они не пропустили также случая представить его въ смѣшномъ свѣтѣ, впутавши его въ нелѣпныя разсказы одной полупомѣшанной на мистицизмъ старухи, Катерины Тэо, которую ея почитатели называли матерью Господа.

Но не личная вражда была, конечно, причиною гибели Робеспьера. Его паденіе потому было неизбежно, что онъ представлялъ собою правительственную систему, которая уже шла къ роковой гибели. Пройдя черезъ свое восходящее время, продолжавшееся вплоть до августа или сентября 1793 года, Революція вступила съ тѣхъ поръ въ свой нисходящій фазисъ. Теперь она переживала фазисъ якобинскаго строя власти, котораго лучшимъ выразителемъ былъ Робеспьеръ. Но этотъ строй, не имѣя передъ собою будущаго, не могъ удержаться. Власть неизбежно должна была перейти къ «людямъ порядка и сильной власти», которые только и ждали случая покончить съ революціоннымъ «безпорядкомъ»; они выжидали минуту, когда имъ можно будетъ свергнуть террористовъ-монтаньяровъ, не вызывая возстанія въ Парижѣ.

Тогда съ полною ясностью обозначилось все зло, происшедшее изъ того, что Революція въ своей экономикѣ основалась на *обогащеніи отдельныхъ личностей*. Революція должна стремиться къ *благу всехъ*, — иначе она неизбежно будетъ задавлена тѣми самими, кого она обогащаетъ на счетъ всего народа. Всякій разъ, когда революція совершаетъ переходъ состояній изъ рукъ въ руки, она

должна была бы это дѣлать, не въ пользу отдѣльных личностей, а въ пользу группъ, сообществъ, обнимающихъ весь народъ. Между тѣмъ французская Революція поступила какъ разъ наоборотъ. Земли, которыя она конфисковала у духовенства и дворянства, она отдала частнымъ людямъ, тогда какъ онѣ должны были перейти сельскимъ и городскимъ обществамъ, потому что въ бывшія времена эти земли принадлежали народу, и только въ силу историческаго насилія стали частною собственностью. Разъ онѣ выходили изъ частнаго владѣнія, ихъ слѣдовало вернуть народу.

Но, руководясь государственными и буржуазными цѣлями, Учредительное и Законодательное Собраніе, а за ними и Конвентъ, отнявши земли у помѣщиковъ, монастырей и церкви, и обративши ихъ въ государственную казну, рѣшили продавать ихъ, отчасти отдѣльнымъ крестьянамъ, но больше всего отдѣльнымъ людямъ изъ средняго сословія.

Легко вообразить себѣ, какой грабежъ начался, когда эти земли, представлявшія собою цѣнность отъ десяти до пятнадцати милліардовъ франковъ (отъ 10.000 до 15.000 милліоновъ) были пущены въ продажу, въ нѣсколько лѣтъ, на условіяхъ, особенно выгодныхъ для покупателей; при чемъ покупателямъ стоило только снискать милость новыхъ мѣстныхъ властей, чтобы всячески еще улучшить эти условія. Такъ создались на мѣстахъ «черныя банды» скупщиковъ и спекуляторовъ, о которыя разбивалась вся энергія комиссаровъ Конвента.

И тогда, понемногу, зловредное вліяніе этихъ скупщиковъ, поддерживаемыхъ всѣми спекуляторами въ Парижѣ, интендантами арміи и мѣстными грабителями, стало подниматься вверхъ, до Конвента, гдѣ честныхъ монтаньяровъ одолѣвали ловкіе дѣльцы, — *les profiteurs*, какъ ихъ тогда называли. Въ самомъ дѣлѣ, что могли честные люди противопоставить этимъ ордамъ грабителей? Разъ секціи Парижа были парализованы, и Бѣшеные были уничтожены, на кого могли опереться честные люди изъ Горцевъ? Правые были, конечно, противъ нихъ, а центръ Конвента уже тогда получилъ характерное прозвище Болота, или Брюха! Тутъ-то и засѣдали чаявшіе «порядка» ловкіе дѣльцы.

Побѣда, одержанная войсками Республики 8 мессидора (26 іюня), при Флёрюсѣ, надъ соединенными силами австрійцевъ и англичанъ, и закончившая, на этотъ годъ, кампанію въ сѣверной Франціи, а также уснѣхи, одержанные Рес-

наблизкою къ Пиренеяхъ, со стороны Альпъ и на Рейнѣ, и наконецъ прибытіе во Францію транспорта съ хлѣбомъ изъ Америки (при чемъ пришлось пожертвовать главными военными кораблями), — самые эти успѣхи становились доводами, въ устахъ «умѣренныхъ», противъ Революціи. — «Къ чему теперь революціонное правительство, — говорили они, — разъ война заканчивается? Пора положить конецъ правленію революціонныхъ комитетовъ и патріотическихъ обществъ. Пора закончить революцію и вернуться къ законному порядку!»

Но терроръ, который всѣ приписывали Робеспьеру, отнюдь не утихалъ, а скорѣе еще усиливался. 3 мессидора (21 іюня), Германъ (Herman), комиссаръ при гражданскихъ администраціяхъ, полиціи и судахъ, внесъ въ Комитетъ Общественнаго Спасенія докладъ, испрашивая разрѣшеніе произвести слѣдствіе о заговорахъ внутри тюремъ, и въ этомъ докладѣ онъ грозилъ всеобщимъ избіеніемъ заключенныхъ, говоря, что «потребуется, можетъ-быть, внезапно очистить тюрьмы». Комитетъ Общественнаго Спасенія разрѣшилъ ему произвести такое слѣдствіе, и тогда начались ужасныя бойни: ряды повозокъ каждое утро везли подъ гильотину десятки мужчинъ, женщинъ и подростковъ, и жителямъ Парижа эти бойни скоро стали противнѣе сентябрьскихъ убійствъ. Имъ не видно было конца, и происходили онѣ посреди баловъ, концертовъ и увеселеній всякаго рода разбогатѣвшей буржуазіи. Мало того, казни сопровождались всевозможными безобразіями и кутежами роялистской молодежи, которая съ каждымъ днемъ все смѣлѣе овладѣвала улицей.

Всѣ чувствовали, что такъ дѣла не могутъ продолжаться, и «умѣренные», вмѣстѣ съ роялистами, пользовались этимъ въ Конвентѣ. Дантонисты, Жирондисты, члены Болота смыкали свои ряды и сосредоточивали свои усилія на одномъ: для начала — сверженіе Робеспьера и прекращеніе террора! А съ тѣхъ поръ, какъ Комитету Общественнаго Спасенія удалось обезначить секціи, бывшія до того истинными очагами революціонныхъ народныхъ движеній, настроеніе умовъ въ Парижѣ такъ понизилось, что контръ-революція могла уже надѣяться на успѣхъ.

Къ тому же 5 термидора (23 іюля) Генеральный Совѣтъ Коммуны, руководимый теперь Клодомъ Пайяномъ, личнымъ другомъ и поклонникомъ Робеспьера, еще болѣе подорвалъ авторитетъ Коммуны въ глазахъ народа, сдѣлавъ постано-

влечіе, совершенно несправедливое по отношенію къ рабочимъ. Несмотря на то, что цѣны на всѣ припасы страшно поднялись въслѣдствіе пониженнаго курса ассигнацій, Совѣтъ Коммуны велѣлъ обнародовать во всѣхъ 48 секціяхъ Парижа максимумъ цѣнъ, установленный закономъ о максимумѣ, которымъ должны были довольствоваться рабочіе. Коммуна, такимъ образомъ, теряла послѣднія симпатіи въ народѣ. Что же касается до Комитета Общественнаго Спасенія, то онъ уже былъ непопуляренъ въ секціяхъ, такъ какъ онъ уничтожилъ, какъ мы видѣли, ихъ независимость и присвоилъ себѣ право самовольно назначать членовъ ихъ комитетовъ.

Минута, стало-быть, была самая подходящая, чтобы совершить государственнѣйшій переворотъ.

Робеспьеръ медлилъ. Онъ ничего не предпринималъ, и только 21 мессидора (9 іюля) открылъ онъ свой походъ противъ заговорщиковъ. Передъ тѣмъ за педѣлю онъ уже жаловался въ клубъ Якобинцевъ на войну, которая велась лично противъ него. Онъ даже наналъ—слегка, впрочемъ—на Барэра: на того самого Барэра, который до того времени всегда былъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ его группы, когда нужно было нанести сильный ударъ ея соперникамъ въ Конвентѣ. Два дня спустя онъ рѣшился напасть открыто, тоже въ якобинскомъ клубѣ, на Фушэ, комиссара Конвента, террориста, за его жестокое поведеніе въ Ліонѣ. Онъ добился даже того, что клубъ рѣшилъ предать Фушэ своему суду.

26 мессидора (14 іюля) началась открытая война, такъ какъ Фушэ отказался явиться на судъ якобинскаго клуба, и открыто выступилъ противъ Робеспьера. Напавши же на Барэра, Робеспьеръ тѣмъ самымъ вооружилъ противъ себя двухъ другихъ членовъ Комитета Общественнаго Спасенія, изъ крайнихъ республиканцевъ, — Колло д'Эрбуа и Бильо-Варенна, равно какъ и двухъ могучихъ членовъ Комитета Общественной Безопасности, — Вадье и Вуллана (Vadier и Voulland), которые часто видѣлись съ Барэромъ и дѣйствовали съ нимъ заодно по дѣламъ о заговорахъ въ тюрьмахъ.

Тогда всѣ вліятельные члены лѣвой въ Конвентѣ, т.-е. Тальенъ, Барэръ, Вадье, Вулланъ, Бильо-Вареннъ, Колло д'Эрбуа, Фушэ, почувствовавъ надъ собой угрозу, соединились противъ «тріумвировъ» террористовъ, т.-е. Робеспьера, Ссизъ-Жюста и Кутона. Что же касается до умѣренныхъ,—

Барраса, Ровэра, Тирьона, Куртуа, Бурдона и др., которые хотѣли бы избавиться, не только отъ Робеспьера и Сенъ-Жюста, но и отъ всѣхъ крайнихъ Монтаньяровъ, т.-е. также отъ Колло, Бильо, Барэра, Вадье и др., то они, вѣроятно, рѣшили, что для начала лучше сосредоточить нападеніе на робеспьеровской группѣ. Они пожимали, что если справятся съ нею, имъ нетрудно будетъ справиться и съ остальными.

Гроза разразилась въ Конвентѣ 8-го термидора (26 іюля 1794). Она не была неожиданностью, такъ какъ зала Конвента была биткомъ набита зрителями. Робеспьеръ, въ очень обработанной рѣчи, напалъ на Комитетъ Общественной Безопасности, обвиняя его въ интригѣ противъ Конвента. Онъ защищалъ въ данномъ случаѣ самого себя и Конвентъ отъ клеветы. Онъ оправдывался отъ обвиненія въ стремленіи къ диктатурѣ, и не щадилъ своихъ соперниковъ,—не исключая даже Камбона: онъ говорилъ о немъ, а также о Маллармэ и Рамессѣ, словами заимствованными у Бѣшеныхъ, т.-е. называлъ ихъ фельянтами, аристократами и плутами.

Всѣ ждали заключеній его рѣчи, и когда онъ дошелъ до нихъ, то всѣмъ стало ясно, что въ сущности онъ требовалъ только усиленія власти для себя и своей группы. Никакихъ новыхъ взглядовъ, никакой новой программы! Передъ Конвентомъ стоялъ просто человекъ правительства, требовавшій усиленія власти, чтобы карать враговъ его власти.

«Гдѣ средство противъ этого зла?—говорилъ онъ въ своемъ заключеніи.—*Наказать измѣнниковъ; назначить новыхъ людей въ канцеляріи Комитета Общественной Безопасности; очистить этотъ Комитетъ и подчинить его Комитету Общественнаго Спасенія; очистить также и этотъ Комитетъ; установить единство въ правительствѣ, подъ верховною властью Конвента, представляющаго центръ власти и высшій судъ.*»

Тогда всѣ поняли, что онъ только требовалъ больше власти для своего тріумvirата, чтобы направить её противъ Колло и Бильо, противъ Тальена и Барэра, Камбона и Каррио, Вадье и Вулана. Заговорщикамъ правыхъ партій оставалось только радоваться. Они могли все предоставить Тальену, Бильо-Варенну и другимъ монтаньярамъ, которые ради самозащиты постараются свергнуть Робеспьера.

Въ тотъ же вечеръ, якобинскій клубъ покрылъ рукоплесканіями рѣчь Робеспьера и яростно отнесся къ Колло и Эрбуа и Бильо-Варенну. Въ клубѣ поднимался даже во-

прось о томъ, чтобы идти съ оружіемъ противъ Комитетовъ, Общественнаго Спасенія и Общественной Безопасности. Все ограничилось, однако, однимъ рѣчамъ: якобинскій клубъ и раньше никогда не былъ центромъ дѣйствія.

Зато въ ту же ночь Бурдонъ и Тальенъ заручились поддержкою правыхъ, и, повидимому, сговорились съ ними не давать на завтра Робеспьеру и Сент-Жюсту говорить съ трибуны. Дѣйствительно, на слѣдующій день, 9 термидора, какъ только Сент-Жюсть началъ читать свой докладъ, — очень умѣренный, надо сказать, въ своихъ заключеніяхъ, такъ какъ докладчикъ требовалъ только пересмотра правительственной организаціи, — Вильо-Вареннъ и Тальенъ не дали ему читать. Они требовали ареста «тирана», т.-е. Робеспьера, и ихъ крики: «Долой тирана!» были подхвачены всѣмъ Болотомъ. Робеспьеру точно такъ же не дали сказать ни слова, и послѣ очень бурной сцены, Конвентъ велѣлъ его заарестовать, вмѣстѣ съ его братомъ, Сент-Жюстомъ, Кутопомъ и Лебѣ. Ихъ отвели въ четыре различныхъ тюрьмы.

Тѣмъ временемъ Априо, начальникъ національной гвардіи, въ сопровожденіи двухъ адъютантовъ и нѣсколькихъ конныхъ жандармовъ, скакалъ по направленію къ Конвенту; но два члена Конвента, увидавъ его въ улицѣ Сент-Опора, велѣли его заарестовать нестерымъ изъ сопровождавшихъ его жандармовъ; — что и было ими исполнено.

Генеральный Совѣтъ Коммуны собрался только въ шесть часовъ вечера. Онъ выпустилъ прокламацію къ народу, приглашая его возстать противъ Барэра, Колло д'Эрбуа, Бурдона, Амара, и послать Кофингаль освободить Робеспьера и его друзей, которые — такъ полагалъ Совѣтъ — должны были содержаться при Комитетѣ Общественной Безопасности. Но тамъ ихъ не оказалось; Кофингаль нашелъ только Априо, котораго и освободилъ. Что же касается до Робеспьера, то его перевели сперва изъ Конвента въ Люксембургъ, гдѣ тюремники его не приняли; и онъ тогда, вмѣсто того чтобы идти въ ратушу, гдѣ заседала Коммуна, и броситься смѣло въ возстаніе, направился въ администрацію полиціи, гдѣ и оставался въ бездѣйствіи. Сент-Жюсть и Лебѣ, освобожденные изъ тюрьмы, пришли въ Коммуну; Робеспьеръ же не хотѣлъ трогаться, и Кофингаль едва заставилъ его подчиниться требованію Коммуны и направиться въ ратушу. Онъ пришелъ туда только въ восемь часовъ вечера.

Совѣтъ Коммуны поднималъ возстаніе; но оказалось, что секціи вовсе не стремились возставать противъ Конвента — вѣроятно потому, что ихъ звали къ бунту во имя тѣхъ, кого онѣ обвиняли въ казни своихъ любимцевъ, Шомета и Эбера, въ смерти Жака Ру, въ удаленіи Пана и въ уничтоженіи независимости секцій. Впрочемъ, народъ Парижа долженъ былъ также чувствовать, что Революція умираетъ, и что люди, изъ-за которыхъ Совѣтъ Коммуны звалъ народъ къ бунту, не представляли собою никакого новаго начала въ народной революціи.

Наступила полночь, а секціи и не думали возставать. Во всѣхъ секціяхъ царило несогласіе, говоритъ Луи Бланъ, такъ какъ ихъ гражданскіе комитеты не были согласны съ ихъ революціонными комитетами и общими собраніями. Тѣ 14 секцій, которыя рѣшили повиноваться Коммунѣ, ничего не предпринимали, а 18 секцій, изъ которыхъ шесть были въ самомъ центрѣ города, вокругъ ратуши, были противъ установленія Коммуны. Члены секцій Гравилье, къ которой некогда принадлежалъ Жакъ Ру, составили даже главное ядро одной изъ двухъ колоннъ, направившихся по приказанію Конвента противъ городской ратуши ¹⁾.

Конвентъ, тѣмъ временемъ, объявилъ инсургентовъ и самую Коммуну «выѣзъ закона», и когда этотъ декретъ былъ прочтенъ на площади Гревы, канониры Анріо, стоявшіе здѣсь безъ всякаго дѣла, разошлись поодиночкѣ. Площадь передъ

¹⁾ Секціи, говоритъ Эрнестъ Меллье, „уже не повелѣвали своимъ комитетамъ, а слѣдовали за ними, при чемъ секціонные комитеты состояли изъ членовъ, займѣвшихъ только отъ Комитетовъ Конвента—Общественнаго Спасенія и Общественной Безопасности. Вся политика шла помимо секцій... Дошли до того, что даже запретили имъ называться первичными собраніями избирателей: 20 флореали II года (9 мая 1794) національный агентъ Коммуны (Пайянъ, замѣнившій Шомета) предупредилъ секціи, что при революціонномъ правительствѣ первичныхъ собраній не предполагается... Онѣ, слѣдовательно,nano иналь имъ, что ихъ отреченіе отъ политики должно быть полнымъ“ (стр. 151, 152). Разсказавши, сколькимъ послѣдовательнымъ „очищеніемъ“ секціи должны были подвергнуться, чтобы угодить клубу Якобинцевъ (стр. 153), Меллье заключилъ такими словами: „Мишло, стало-быть было правъ, когда говорилъ, что въ эту пору общія собранія секцій были уже мертвыми; и что вся власть перешла къ Революціоннымъ комитетамъ, которые сами тоже не высказывали большой значимости“ (стр. 154, 155).—9 термидора, какъ убѣдился въ этомъ Меллье изъ архивныхъ документовъ, почти во всѣхъ секціяхъ Революціонные комитеты были въ сборѣ и ждали приказаній правительства (стр. 159). Нечего, стало-быть, удивляться, что секціи не тронулись противъ заговорщиковъ термидорскаго переворота.

Ратушею такимъ образомъ опустѣла, и въ Ратушу вступила безъ боя вооруженная колонна секцій Гравилье и Арси. Тогда, одинъ молодой жандармъ, который первый вошелъ въ залу, гдѣ находились Робеспьеръ и его друзья, выстрѣлилъ въ Робеспьера изъ пистолета и раздробилъ ему челюсть.

Самый цѣнтръ сопротивленія—Городская Ратуша—былъ такимъ образомъ захваченъ безъ всякаго сопротивленія со стороны инсургентовъ. Леба убилъ себя; Робеспьеръ младшій рѣшилъ покончить съ собою и бросился изъ окна третьяго этажа; Коффингаль взялся за Анріо, обвиняя его въ трусости, и выбросилъ его изъ окна; Сепъ-Жюсть и Кутонъ дали себя заарестовать.

На другое утро, послѣ простого удостовѣренія личности, всѣ были казнены, въ числѣ двадцати-одного человѣка; но раньше чѣмъ привезти ихъ на площадь Революціи, ихъ долго возили по улицамъ, подъ оскорбленіями контръ-революціонной толпы. Высшій «свѣтъ», собравшійся въ полномъ составѣ на это зрѣлище, ликовалъ — еще болѣе, чѣмъ въ день казни Эбертистовъ. Окна, на пути процессіи телѣгъ, вознихъ революціонеровъ на казнь, занимались за баснословныя цѣны. Дамы возсѣдали въ этихъ окнахъ, въ праздничныхъ нарядахъ.

Реакція восторжествовала. Революціи наступилъ конецъ.

Здѣсь и мы остановимся, не вдаваясь въ описаніе оргій реакціоннаго террора, начавшихся послѣ 9 термидора, ни въ описаніе двухъ попытокъ бунта противъ реакціи: преріальскаго движенія III года и заговора Бабёфа въ IV году.

Противники террора, — тѣ, которые постоянно говорили о милосердіи, показали, что о милосердіи они хлопотали только для себя и для своихъ сторонниковъ. Безъ малѣйшаго промедленія, они казнили всѣхъ видныхъ сторонниковъ свергнутыхъ ими Монтаньяровъ. За три дня, т.-е. 10, 11 и 12 термидора (28, 29 и 30 июля) казнено было *сто три* Монтаньяра. Доносы, исходявшіе изъ буржуазіи, сыпались безъ конца, и гильотина работала безъ отдыха — на пользу реакціи. Съ 9 термидора по 1 преріаля, т.-е. менѣе чѣмъ въ десять мѣсяцевъ, 73 представителя Конвента были приговорены къ смерти, или арестованы, тогда какъ 73 Жирондиста вернулись въ Конвентъ.

Теперь наступилъ чередъ «истинныхъ» «государственныхъ» людей. Законъ о максимумѣ цѣнъ былъ отмѣненъ, вслѣд-

ствіе чего начался ужасный торговый кризисъ; во время котораго биржевая спекуляція на ассигнаціяхъ и бумагахъ достигла невѣроятныхъ размѣровъ. Буржуазія ликовала — какъ она ликовала послѣ іюльскихъ дней въ 1848 году и послѣ майскихъ дней 1871 года. «Золотая молодежь», организованная Фрерономъ, хозяйничала на улицахъ Парижа, тогда какъ рабочіе, видя, что Революція побѣждена, вернулись въ свои трущобы, обсуждая шансы слѣдующаго возстанія.

Они дѣйствительно попробовали снова возстать 12 жерминали III года (1 апрѣля 1795), и 1 преріаля (20 мая), требуя хлѣба и конституціи 1793 года. Предмѣстья дружно поднялись; но буржуазія уже успѣла организовать свои силы.

Послѣдніе монтаньяры Роммъ, Бурботъ, Дюруа, Субрани, Гужонъ и Дюкенуа, были приговорены къ смерти военнымъ судомъ — революціонный трибуналъ былъ уничтоженъ — и казнены.

Съ тѣхъ поръ буржуазія вполне овладѣла Революціею, и нисходящій фазисъ продолжался. Реакція вскорѣ стала открыто роялистскою. Члены *Золотой арміи* уже не скрывались: они носили сѣрый кафтанъ шуановъ¹⁾, съ зелеными или синими отворотами, и убивали всѣхъ тѣхъ, кого они называли «террористами», т.-е. республиканцевъ. Убіиства совершались гуртомъ и въ розницу. Тѣхъ, кто способствовалъ чѣмъ бы то ни было казни короля, или его аресту въ Вареннѣ, указывали роялистамъ, и жизнь имъ дѣлалась совершенно невозможной.

Въ провинціи, особенно на югѣ, «роты Іисуса», «роты Солица» и другія роялистскія организаціи мстили огуломъ. Въ Ліонѣ, Э (Aix), Марселѣ, убивали въ тюрьмахъ тѣхъ, кто былъ сторонникомъ и участникомъ Революціи. «Почти каждая мѣстность южной Франціи имѣла свое 2 сентября», говоритъ Мишье, — конечно, роялистское второе сентября. И рядомъ съ огульнымъ истребленіемъ, члены обществъ Іисуса и Солица вели истребленіе въ розницу. Въ Ліонѣ, когда они встрѣчали революціонера, обреченнаго ими на смерть, но до тѣхъ поръ удѣлѣвшаго, они убивали его тутъ же на улицѣ и бросали его трупъ въ Рону. Такъ же поступали роялисты въ Тарасконѣ.

Волна реакціи поднималась все выше и выше, и наконецъ 4 брюмера IV года (26 октября 1795) Конвентъ разо-

¹⁾ Шуанами назывались отряды, сражавшіеся въ Вандеѣ.

мечся. Ему наслѣдовала Директорія, которая и подгото-
вила, сперва — Консульство, а затѣмъ — Имперію. Дирек-
торія, это была вакханалія буржуазіи, тратившей въ без-
умной роскоши состоянія, нажитыя во время Революціи, и
особенно во время термидорской реакціи. Дѣйствительно,
если до 9 термидора Революція выпустила около 8.000 мил-
ліоновъ ассигнацій, термидорская реакція ухитрилась въ
пятнадцать мѣсяцевъ выпустить ихъ на совсѣмъ невѣроят-
ную сумму *тридцати тысячъ милліоновъ*. Легко пред-
ставить себѣ, какія состоянія наживали ловкіе дѣльцы бла-
годаря этимъ массамъ денежныхъ знаковъ, пущенныхъ въ
обращеніе.

Еще разъ попробовали революціонеры-коммунисты, въ
IV году (май 1796), подъ предводительствомъ Бабёфа, под-
нять возстаніе, подготовленное ихъ тайнымъ обществомъ;
но ихъ арестовали раньше, чѣмъ возстаніе успѣло выйти
впередъ. Точно такъ же кончилась неудачей ихъ попытка поднять
лагерь въ Гренэллѣ, въ ночь 23 фрюктидора IV года (9 сен-
тября 1796). Бабёфъ и Дарто были приговорены къ смерти,
и убили себя ударами кинжала (7 преріала V года), раньше
казни. Но и роялисты тоже потерпѣли неудачу, 18 фрюкти-
дора V года (4 сентября 1797); вслѣдствіе чего Директорія
продержалась еще года два, до 18 брюмера VIII года
(9 ноября 1799).

Въ этотъ день, бывший ярый санъ-кюлотъ, Наполеонъ
Бонапарте сдѣлалъ свой государственный переворотъ, и на-
родное представительство было уничтожено генераломъ, за
котораго стояла армія. Война, длившаяся уже семь лѣтъ,
дошла такимъ образомъ до своего логическаго заключенія.
28 флореала XII года (18 мая 1804) Наполеонъ былъ про-
возглашенъ императоромъ, и война возобновилась, — послѣ
чего продолжалась еще, съ короткими перерывами, вплоть
до 1815 года.

З а к л ю ч е н и е.

При видѣ того, какъ Конвентъ, грозный и могучій въ 1793 году, пришелъ въ полный упадокъ два года спустя; какъ Республика, — полная, казалось, живыхъ силъ, — погибла въ нѣсколько лѣтъ; и какъ Франція, пройдя черезъ разлагающій строй Директоріи, подпала въ 1799 году подъ военное иго Бонапарта, нерѣдко ставился вопросъ: — «Къ чему революція, если послѣ нея страна должна опять подпасть подъ чье-нибудь иго?» И въ теченіе всего девятнадцатаго вѣка повторяли этотъ вопросъ; при чемъ люди состоятельные и люди робкіе пользовались имъ, какъ необходимымъ доводомъ противъ всякихъ внезапныхъ переворотовъ.

Страницы этой книги отвѣчаютъ на подобные вопросы. Задавать ихъ могутъ только тѣ, кто видитъ во Французской Революціи одну лишь смѣну правительствъ, и совершенно не замѣчаетъ выполненнаго ею экономического переворота и ея воспитательнаго значенія.

Дѣйствительно, экономическое преобразование Франціи, совершившееся во время Революціи было такъ велико и глубоко, что Франція, какою она представлялась въ самомъ концѣ восемнадцатаго вѣка, въ минуту наполеоновскаго государственнаго переворота, была уже вовсе не та Франція, какою она была наканунѣ 1789 года. Развѣ до-революціонная Франція, въ которой чуть не треть обнищавшаго крестьянскаго населенія голодала едва ли не каждый годъ, могла бы выдержать всѣ тягости и разореніе наполеоновскихъ войнъ, продолжавшихся еще 15 лѣтъ, послѣ войнъ, вынесенныхъ уже Республикою въ 1792 — 1799 годахъ для отраженія нападенья всей Европы?

Но въ 1792 и въ 1793 году создалась уже новая Франція. Во многихъ ея департаментахъ населеніе все еще страдало отъ недостатка хлѣба, а послѣ термидорскаго переворота, когда реакція отмѣнила максимальную таксу на жизненные принасы, выпуская вмѣстѣ съ тѣмъ массы ассиг-

націи, цѣны на все поднялись до ужасающей высоты. Иѣкоторые департаменты и послѣ 1793 года все еще выращивали недостаточно хлѣба для своего пропитанія; а такъ какъ война не прекращалась, и перевозочныя средства поглощались ею, то въ этихъ департаментахъ хлѣба еще не хватало. Но изъ всѣхъ данныхъ, которыми мы располагаемъ, ясно выступаетъ одно: Франція производила уже *гораздо больше* жизненныхъ припасовъ, чѣмъ она производила въ 1789 году.

Никогда еще не было во Франціи такой энергичной нахоты, говоритъ Мишлэ, какъ осенью 1792 года, когда крестьяне били борозду по землямъ, отнятымъ ими у помѣщиковъ, у монастырей, у церквей и, подгоняя своихъ воловъ, кричали на нихъ: «Гяни, Пруссія! Вытягивай Австрія!» Никогда еще не было столько поднято новн, какъ въ эти годы революціи, — съ этимъ согласны даже реакціонные историки. Первый хорошій урожай, въ 1794 году, далъ уже достатокъ двумъ третямъ Франціи, — ея деревнямъ, само собою, такъ какъ города, вслѣдствіе войны, продолжали жить подъ угрозою голодовки. Не потому, чтобы для нихъ не хватало хлѣба, или чтобы муниципалитеты не принимали мѣры для прокормленія безработныхъ; но весь рабочій скотъ въ деревняхъ, свободный отъ полевыхъ работъ, былъ отобранъ для подвоза припасовъ и боевыхъ запасовъ четырнадцати арміямъ Республики, отбивавшимся отъ иностраннаго вторженія. Желѣзныхъ дорогъ тогда не было, а сельскія дороги были еще въ томъ состояніи, въ какомъ онѣ теперь въ Россіи.

Но вездѣ въ деревняхъ народилась уже новая Франція за эти четыре года Революціи. *Крестьянинъ нахдаля досыта*, — въ первый разъ за послѣднія нѣсколько сотъ лѣтъ. Онъ разгибалъ, наконецъ, свою спину! Онъ дерзалъ говорить! Прочтите подробные отчеты о томъ, какъ крестьяне вернули плѣннаго короля, Людовика XVI, изъ Варенна въ Парижъ, и скажите: — Подобное увлеченіе общественными дѣлами, подобная независимость сужденій и дѣйствій среди крестьянъ были ли возможны раньше 1789 года? Новая нація уже народилась за эти годы.

Только благодаря этому возрожденію Франція могла вынести войны Республики и наполеоновской имперіи и разнести принципы Великой Революціи по всей Европѣ: въ Швейцарію, въ Италію, въ Испанію, въ Бельгію, Голландію, Германію — вплоть до границъ Россіи. И когда, пере-

жизни мысленно всѣ эти войны и прослѣдивши за французскими арміями вплоть до Египта и Москвы, мы думаемъ найти, въ 1815 году, вполне обѣднѣвшую, разоренную Францію, мы находимъ; вмѣсто того, ея деревни, даже въ восточныхъ ея частяхъ и въ Юрѣ, гораздо болѣе воздѣланными и зажиточными, чѣмъ были даже берега Марны, когда Наполеонъ, указывая на нихъ Людовику XVI на обратномъ пути изъ Варенна, спрашивалъ его, — есть ли на свѣтѣ другое такое государство, отъ котораго правитель самъ захотѣлъ бы отказаться?

За эти годы, прожитые среди бурь Революціи, внутренняя сила деревень стала такова, что въ нѣсколько лѣтъ Франція сдѣлалась страной зажиточныхъ крестьянъ; и ея сосѣди вскорѣ узнали, къ великому своему изумленію, что несмотря на всѣ свои потери, Франція является страной, самою богатою по своей производительности. Такою она осталась еще теперь. И свои богатства она получаетъ не изъ далекой Индіи и Египта, не отъ міровой торговли, а изъ своей земли, изъ любви къ родной землѣ, изъ умѣнья съ нею обращаться, изъ своего трудолюбія. При чемъ Франція является также страной самою богатою по распредѣленію своихъ богатствъ между наибольшимъ числомъ жителей, и самою богатою по возможностямъ, представляемымъ ею въ ближайшемъ будущемъ.

Вотъ каковъ былъ результатъ Революціи. И если поверхностный взглядъ видитъ въ наполеоновской Франціи одну только любовь къ военной славѣ, къ войнѣ — то историкъ открываетъ, что самыя войны, которыя вела Франція, она вела ихъ, чтобы обезпечить себѣ плоды Революціи: чтобы удержать земли, отнятыя у дворянъ, у церкви, у богачей; чтобы удержать свободы, отвоеванныя у деспотизма. Если Франція готова была истекать кровью, лишь бы немцы, англичане и русскіе не посадили ей на престолъ Людовика XVIII, она дѣлала это потому, что не хотѣла, чтобы возвращеніе роялистской эмиграціи повлекло за собою отнятіе у крестьянъ земель, уже политыхъ ихъ потомъ, и потерю свободъ, добытыхъ кровью патриотовъ.

Въ результатъ, когда, послѣ двадцати-трехлѣтней борьбы Франціи, побѣжденной Европою, не было другого выхода, какъ принять Бурбоновъ на престолъ, — Франція же ставила Бурбонамъ условія. Они будутъ царствовать; но земли останутся за тѣми, кто отнялъ ихъ у феодальныхъ владѣльцевъ. Даже бѣлый терроръ Бурбоновъ не

смогъ этого разрушить. Старый порядокъ не былъ возстановленъ.

Еще одно замѣчаніе.

Въ исторіи всякаго народа неизбѣжно наступаетъ когда-нибудь такое время, что глубокое, существенное измѣненіе во всемъ строе его жизни становится неизбѣжнымъ. Такъ было во Франціи въ 1789 году: королевскій деспотизмъ и феодализмъ доживали свой вѣкъ. Долго удержать ихъ было невозможно: надо было отъ нихъ отказаться.

Но тогда представлялось два возможныхъ выхода: реформа — или революція.

Всегда въ такихъ случаяхъ бываетъ минута, когда реформа еще возможна. Но если этою минутою не воспользовались, если правители страны, вмѣсто того, чтобы пойти навстрѣчу новымъ требованіямъ, упорно сопротивляются проявленіямъ новой, возникающей жизни, и вслѣдствіе этого барьеръ начнетъ литься на улицахъ, какъ это случилось 14 іюля 1789 года, — тогда начинается революція. И разъ началась революція, — т.-е. не простой политическій переворотъ, а нечто болѣе глубокое, революція неизбѣжно развивается до своихъ крайнихъ послѣдствій, т.-е. до той точки, до которой она можетъ достигнуть, хотя бы на короткое время, при данномъ состояніи умовъ въ данный историческій моментъ. Такъ и было во Франціи.

Если мы изобразимъ медленный прогрессъ, совершающійся въ странѣ во время періода эволюціи, т.-е. мирнаго развитія, линією проведенною на бумагѣ, то эта линія будетъ медленно, постепенно подниматься. Но вотъ начинается революція, — и линія дѣлаетъ рѣзкій скачокъ вверхъ. Она быстро поднимается, въ Англіи, напримѣръ, — до Кромвеллевой республики, во Франціи — до республики 1793 года. Но на этой высотѣ, въ эту историческую минуту прогрессъ не можетъ удержаться; враждебныя ему силы еще слишкомъ сильны. Онѣ соединяются между собою противъ намѣченнаго прогресса, и низводятъ жизнь съ этой высоты. Республика побѣждена злыми силами стараго порядка. Наступаетъ реакція, и наша линія быстро падаетъ. Въ политикѣ, по крайней мѣрѣ, линія можетъ упасть очень глубоко. Но мало-по-малу она опять поднимается, и когда снова наступаютъ мирныя времена, во Франціи въ 1815, въ Англіи въ 1688 году, — линія, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ

случай оказывается уже на гораздо болѣе высокомъ уровнѣ, чѣмъ она была раньше, до революціи.

Тогда снова наступаетъ періодъ медленнаго развитія эволюціи: наша линія снова начинаетъ постепенно, медленно подниматься. Но подъемъ ея совершается уже на значительно высшемъ уровнѣ, чѣмъ прежде, и почти всегда онъ идетъ быстрее.

Такое законъ прогресса въ человѣчествѣ. Современная Франція, пройдя черезъ Коммуну, прежде чѣмъ дойти до третьей Республѣки, недавно дала новое подтвержденіе того же закона. Онъ бываетъ вѣренъ также и для отдѣльной личности.

Результаты французской Революціи не ограничиваются, однако, однимъ тѣмъ, что она дала Франціи; они состоятъ также въ основнхъ начальныхъ политическихъ жизни, завѣщанныхъ ею всему девятнадцатому вѣку, — въ ея завѣтахъ будущему, для всѣхъ странъ образованнаго міра.

Всякая реформа неизбѣжно является компромиссомъ съ прошлымъ; тогда какъ всякій прогрессъ, совершонный революціоннымъ путемъ, непременно содержитъ въ себѣ задатки для будущаго. Въ силу этого, Великая французская Революція не только подводитъ итогъ предыдущему столѣтію эволюціи: она также даетъ программу развитія, имѣющаго совершиться въ будущемъ, въ теченіе девятнадцатаго вѣка. Это тоже, по моему мнѣнію, историческій законъ, что періодъ въ сто, вѣрнѣе сто-тридцать приблизительно лѣтъ, протекающій между двумя революціями, получаетъ свой характеръ отъ той революціи, которою начался этотъ періодъ.

Наслѣдіе, завѣщанное революціею, народы стараются воплотить въ своихъ учрежденіяхъ. Все то, что ей не удалось провести вполнѣ въ практическую жизнь, всѣ великія идеи, которыя были провозглашены во время переворота, по которыхъ революція не смогла или не сумѣла осуществить такъ, чтобы онѣ удержались въ жизни, всѣ попытки соціологической перестройки; намѣченныя ею — все это становится содержаніемъ періода медленнаго развитія, эволюціи, слѣдующаго за революціею; при чемъ къ этому прибавятся еще тѣ новыя идеи, которыя будутъ вызваны эволюціею, когда она будетъ проводить въ жизнь программу, унаслѣдованную ею отъ предыдущаго общественнаго переворота. Затѣмъ, черезъ 100—130 лѣтъ, новый переворотъ совершится уже среди другого народа, и этотъ народъ, въ свою очередь,

дать программу дѣятельности для слѣдующаго столѣтія.

Таковъ былъ ходъ исторіи за послѣдніе пять или шесть вѣковъ.

Дѣйствительно, столѣтіе, протекавшее со времени 1789—1793 годовъ, характеризуется въ Европѣ двумя крупными завоеваніями: уничтоженіемъ крѣпостного права и его пережитковъ, и ограниченіемъ самодержавной королевской власти. Хотя одновременно съ этимъ, при поддержкѣ усиливающагося государства, создавалась власть буржуазіи и капитала, но, тѣмъ не менѣе, за это столѣтіе создавалась личная политическая свобода, о которой ни крѣпостные, ни подданные абсолютнаго короля не смѣли даже мечтать въ восемнадцатомъ вѣкѣ. Оба эти завоеванія ведутъ свое начало отъ Великой французской Революціи, которая, въ свою очередь, воспользовалась наслѣдіемъ англійской Революціи, расширяя его и одухотворяя всѣмъ умственнымъ прогрессомъ, совершившимся съ тѣхъ поръ, какъ англійскій народъ, въ 1648 году, вырвалъ власть изъ рукъ Двора и передать ее парламенту.

Совершившись во Франціи во время Революціи, эти два завоеванія составили съ тѣхъ поръ сущность прогрессивной работы девятнадцатаго вѣка, и оба медленно распространялись изъ Франціи на всю остальную, континентальную Европу.

Начатое французскими крестьянами въ 1789 году дѣло освобожденія крестьянъ отъ крѣпостного феодализма разносилось по Европѣ и продолжалось арміями санъ-кюлотовъ въ Савойѣ, въ Испаніи, въ Италіи, въ Швейцаріи, въ Германіи и въ Австріи. Къ несчастію, оно едва проникло въ Польшу и вовсе не проникло тогда въ Россію.

Крѣпостное право исчезло бы изъ Европы уже въ первой половинѣ девятнадцатаго вѣка, если бы французская буржуазія, добравшись до полной власти черезъ трупы крайнихъ, кордельеровъ и якобинцевъ, не остановила революціи, не возстановила монархіи, и не отдала бы Францію въ руки перваго Наполеона, который, ставши императоромъ, конечно, забылъ свои прежнія убѣжденія и свое происхожденіе отъ санъ-кюлотовъ. Но во всякомъ случаѣ, толчокъ былъ уже данъ революціонными арміями во всей Европѣ: крѣпостному праву былъ уже нанесенъ смертельный ударъ. Несмотря на временное торжество реакціи, которая возстановила крѣпостное право въ Италіи и въ Испаніи послѣ изгнанія французскихъ армій, его пережитки скоро были уничтожены въ

этихъ двухъ странахъ. Раненое насмерть въ Германіи, въ 1811 году, оно могло тамъ продержаться только до 1848 года. Россія была вынуждена отказаться отъ крѣпостного права въ 1861 году, а война 1878 года положила ему конецъ и на Балканскомъ полуостровѣ. Въ Соединенныхъ Штатахъ рабство было уничтожено въ 1863 году.

Итакъ, циклъ теперь совершился. Право помѣщика надъ личностью крестьянина уже не существуетъ болѣе въ Европѣ, даже тамъ, гдѣ выкупъ феодальныхъ повинностей, обращенныхъ изъ личныхъ въ поземельныя, еще не законченъ.

Историки недостаточно оцѣниваютъ этотъ громадный фактъ. Погруженные въ вопросы политическіе, они не замѣчаютъ, какое значеніе имѣетъ въ нашей цивилизаціи уничтоженіе крѣпостного права и его пережитковъ, составляющее, однако, главную характеристику девятнадцатаго вѣка. Соперничество между европейскими государствами и проистекавшія изъ него войны, политика великихъ державъ, о которой такъ много говорятъ, — все это вытекаетъ, однако, изъ одного основного факта: уничтоженія *личной* зависимости человека и замѣны ея системою зависимости отъ заработной платы.

Такимъ образомъ *французскіе крестьяне*, — возставши сто двадцать лѣтъ тому назадъ противъ своихъ помѣщиковъ, посылавшихъ ихъ колотить палками по прудамъ, чтобы лягушки не тревожили помѣщичьяго сна, — *освободили крестьянъ всей Европы*. Сжигая бумаги, въ которыхъ была записана ихъ подчиненность помѣщикамъ, сжигая записи и веди въ теченіе четырехъ лѣтъ упорную борьбу противъ тѣхъ, кто отказывался признать ихъ человѣческія права, французскіе крестьяне разбудили всю Европу и побудили ее освободиться отъ позорныхъ учрежденій слегка смягченнаго рабства.

Съ другой стороны, потребовалось также около ста двадцати пяти лѣтъ, чтобы ограниченіе абсолютной монархіи обошло Европу. Послѣ англійской революціи 1639—1648 года и французской, 1789—1793, неограниченная королевская власть стала отживать попомногу въ остальныхъ частяхъ Европы, и теперь мы находимъ народное представительство, даже на Балканскомъ полуостровѣ, даже въ Турціи Россія тоже вступаетъ въ тотъ же циклъ ¹⁾.

¹⁾ Писано въ 1908 году.

Такимъ образомъ, въ этихъ двухъ направленіяхъ, Революція 1789—1793 годовъ выполнила свою программу. *Рациональное устройство всѣхъ гражданъ передъ закономъ и представительное правленіе* вошли уже, болѣе или менѣе, въ Своды Законовъ всѣхъ европейскихъ государствъ, кромѣ Россіи. Въ теоріи, по крайней мѣрѣ, законъ одинаковъ для всѣхъ, и всѣ принимаютъ, въ большей или меньшей мѣрѣ, участіе въ управленіи страной.

Самодержавная власть короля надъ своими подданными и такая же власть помещика надъ своими крѣпостными почти исчезли, такимъ образомъ. Въ Европѣ теперь владычествуетъ буржуазія.

Но одновременно съ этимъ, Великая Революція завѣщала намъ также другія начала, несравненно болѣе широкія: начала коммунистическія. Мы видѣли, какъ за все время Революціи старалась пробиться коммунистическая мысль, и какъ, послѣ паденія Жирондистовъ, въ іюнѣ 1792 года, дѣлалось множество попытокъ въ этомъ направленіи. Фурьеризмъ происходитъ по прямой линіи отъ Л'Анжа, съ одной стороны, а съ другой — отъ Шампѣ. Бабѣфъ — прямой продуктъ идей, волновавшихъ народныя массы въ 1793 году. Онъ, Буонаротти и Сильвѣнъ Марешаль только систематизировали ихъ до нѣкоторой степени, или даже только изложили ихъ въ литературной формѣ. Но тайныя общества Бабѣфа и Буонаротти стали вносльдствіи родоначальниками тайныхъ обществъ «коммунистовъ-матеріалистовъ», въ которыхъ Бланки и Барбосъ дѣлали въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ заговоры противъ буржуазной монархіи Луи-Филиппа. Позднѣе, изъ этихъ обществъ возникъ, прямою преемственностью, Международный Союзъ Рабочихъ (Интернаціоналъ).

Что касается «соціализма», то извѣстно теперь, что это слово было пущено въ ходъ, чтобы не называться «коммунистами», — такъ какъ въ концѣ сороковыхъ годовъ называться коммунистомъ стало опасно, вслѣдствіе преслѣдованій, направленныхъ противъ тайныхъ коммунистическихъ обществъ, бывшихъ тогда центрами революціоннаго дѣйствія.

Такимъ образомъ, между «Бѣшеными» 1793 года и Бабѣфомъ 1795 года и Международнымъ Союзомъ Рабочихъ (Интернаціоналомъ), можно установить прямую преемственность.

Но преемственность существуетъ и въ идеяхъ. Современный соціализмъ ничего. рѣшительно ничего еще не приба-

вить эти идеи и идеи, которые обращались во французскомъ народѣ въ 1789—1794 годахъ, и которые народъ пытался осуществить во время II года Республики. Современный социализмъ только приводитъ эти идеи въ системы и находитъ доводы въ ихъ пользу, либо обращая противъ буржуазныхъ экономистовъ и въкоторыя изъ ихъ собственныхъ опредѣленій, либо обобщая въкоторыя факты изъ развитія промышленнаго капитализма въ теченіе XIX вѣка.

Мало того. Я позволю себѣ также утверждать, что какая бы ни проявлялась иногда неопредѣленность въ стремленіяхъ народнаго коммунизма первыхъ двухъ лѣтъ Республики, и какъ бы мало онъ ни пользовался языкомъ буржуазныхъ экономистовъ, онъ яснѣе понималъ свои задачи и глубже доходилъ въ своемъ анализѣ этихъ задачъ, чѣмъ современный социализмъ. Искѣе и глубже — потому, что люди прямо шли къ коммунизму въ потребленіи, — къ коммунализаци и націонализаци потребленія, — когда они хотѣли установить въ каждой общинѣ магазины, хлѣбные и всякихъ другихъ жизненныхъ припасовъ, куда складывалось бы все нужное для жизни общины. Они лучше понимали сущность того, что мы называемъ теперь коммунизмомъ, когда предпринимали громаднѣйшее разслѣдованіе, съ цѣлью установить «истинную цѣнность» всѣхъ предметовъ «первой и второй необходимости», и когда внушали Робеспьеру эти глубоко-вѣрные слова, что только *избытокъ въ припасахъ можетъ быть предметомъ торговли: необходимое же принадлежитъ всемъ*.

Родившись изъ жизненныхъ потребностей бурной эпохи, коммунизмъ 1793 года со своимъ утвержденіемъ *права всѣхъ на средства существованія и на землю, служащую для ихъ производства*, съ его отрицаніемъ права кого бы то ни было владѣть болѣею площадью земли, — чѣмъ сколько одна семья можетъ сама обрабатывать (около 40 десятинъ), и, наконецъ, со своею попыткою коммунализировать торговлю и отчасти производство, — этотъ коммунизмъ подошелъ гораздо глубже до сущности вещей, чѣмъ всевозможныя программы-минимумы нашего времени и даже посылаемые имъ принципіальныя соображенія-максимумы.

Во всякомъ случаѣ, изучая Великую Революцію, мы убѣждаемся, что она была источникомъ всѣхъ коммунистическихъ, анархическихъ и социалистическихъ воззрѣній нашего времени. Мы слишкомъ плохо еще знаемъ нашихъ родоначальниковъ, но мы открываемъ, наконецъ, что искать

ихъ надо въ 1793 году. и что намъ есть кое-чему у нихъ поучиться

Человѣчество движется впередъ медленными шагами, и каждый крупный его шагъ отмѣчается въ теченіе послѣднихъ столѣтій большою революціею, происходящею въ той или другой странѣ. Такъ, послѣ Нидерландовъ выступаетъ Англія, а послѣ Англіи, совершившей свою революцію въ 1639—1648 годахъ, наступаетъ чередъ Франціи.

Но каждая революція имѣетъ нѣчто свое, ей свойственное. Такъ, Франція и Англія обѣ уничтожили у себя абсолютную власть короля революціоннымъ путемъ. Но, борясь противъ королевской власти, Англія больше всего занялась утвержденіемъ личныхъ правъ челоуѣка, — особенно въ религіозныхъ вопросахъ, — и правами мѣстнаго самоуправленія для каждаго отдѣльнаго прихода и общины. Франція же обратила главное свое вниманіе на земельный вопросъ и нанесла смертельный ударъ феодальному строю, она нанесла также ударъ крупнои собственности и пустила въ міръ идею о націонализациі земли и о социализациі торговли и главныхъ отраслей промышленности.

Какой націи выпадетъ теперь на долю задача совершить слѣдующую великую революцію? Одно время можно было думать, что это будетъ Россія. И тогда являлся такой вопросъ: Если Россія затронетъ *революціонными методами* земельный вопросъ, — какъ далеко пойдетъ она въ этомъ направленіи? Сумѣетъ ли она избѣгнуть ошибки, сдѣланной французскими Національными Собраніями, и отдастъ ли она землю, — обобщественную — тѣмъ, кто самъ ее обрабатываетъ? Но отвѣтить на этотъ вопросъ мы не въ силахъ. Всякій отвѣтъ лежалъ бы уже въ области пророчества.

Но несомнѣнно одно. Какой бы народъ ни вступилъ теперь въ періодъ революцій, онъ уже получитъ въ наслѣдіе то, что наши прадѣды совершили во Франціи. Кровь, пролитая ими, была пролита для всего челоуѣчества. Страданія, перенесенныя ими, они перенесли для всѣхъ націй и народовъ. Ихъ жестокія междоусобныя войны, идеи, пущенныя ими въ обращеніе и самыя столкновенія этихъ идей, все это составляетъ достояніе всего челоуѣчества. Все это принесло свои плоды и принесетъ еще много другихъ, еще лучшихъ плодовъ и откроетъ челоуѣчеству широкіе горизонты, на которыхъ вдали будутъ свѣтиться, какъ маякъ, все тѣ же слова: «Свобода, Равенство и Братство».

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Появление этой книги на Французскомъ языкѣ (въ 1909 году) оживило во Франціи и въ Россіи интересъ къ роли «округовъ» и «секцій» Парижа во время великой Революціи. Уже Мишлэ, понимая роль народа въ этомъ переворотѣ и переоцѣнивая значенія въ немъ законодательныхъ учрежденій, указалъ на то, что дѣлали округа и секціи для развитія революціонной дѣятельности, а также на то, какъ неизбежно было торжество термидорской контръ-революціи, когда независимость парижскихъ секцій была уничтожена Комитетомъ Общественнаго Спасенія.

Позднѣе, въ 1861—82 годахъ, одинъ реакціонный историкъ Террора, Мортимеръ Терно, занявшись изученіемъ архивныхъ документовъ, касавшихся исторіи Парижа въ 1792—95 годахъ, обнаружилъ нѣсколько весьма интересныхъ матеріаловъ, подтверждавшихъ значеніе секцій въ революціи.

Затѣмъ Сигизмундъ Лакруа, въ своихъ введеніяхъ къ изданнымъ подъ его редакціею матеріаламъ, касавшимся Парижской Коммуны, высказалъ рядъ весьма вѣрныхъ мыслей относительно федеративнаго характера революціонной организаціи Парижа. И наконецъ, въ 1898 году, вышла небольшая, но чрезвычайно интересная книга молодого ученаго, Эрнеста Меллье, въ которой, на основаніи архивныхъ матеріаловъ, была указана роль секцій въ политическихъ и, отчасти, экономическихъ движеніяхъ во время Революціи.

Этими трудами, въ особенности книгою Меллье, я и воспользовался въ своемъ очеркѣ Французской Революціи.

Къ сожалѣнію, преобладаніе государственническихъ, централизационныхъ идей, развивавшееся въ исторической наукѣ за послѣднее время, было причиною того, что названныя изслѣдованія прошли незамѣченными какъ во Франціи, такъ и у насъ. «Трудъ Меллье, — пишетъ проф. Н. А. Карѣевъ, — несмотря на новизну своей темы [и, прибавлю я, на серьезность

ей обработки], почему-то оставался малоизвестнымъ, т.-е. о немъ какъ-то совсѣмъ не писали, и вообще на него очень мало ссылались».

Теперь взгляды на «секціи» и «дистрикты» начинается, однако, мѣняться. Во Франціи проф. Оларъ предложилъ профессору Брэшу (Braesch) заняться изученіемъ секцій и помочь ему выполнить эту работу, и въ результатъ получился громадный трудъ въ 1250 страницъ мелкаго шрифта, полный новыхъ данныхъ, посвященный дѣятельности секцій и Парижской Коммуны—преимущественно политической—за пять мѣсяцевъ 1792 года¹⁾. Слѣдующіе полтора года жизни революціонной Коммуны и секцій потребуютъ, вѣроятно, по крайней мѣрѣ, еще одного, или двухъ, такихъ же томовъ.

Всякій, кто ознакомится съ этимъ обширнымъ трудомъ, увидитъ, что я не только не преувеличилъ политическую роль секцій, но могъ бы выставить ее еще рельефнѣе, если бы писалъ послѣ выхода книги Брэша.

Съ другой стороны, въ Россіи проф. Н. А. Карѣевъ тоже занялся изученіемъ роли Парижскихъ секцій и уже напечаталъ нѣсколько работъ по этому вопросу²⁾.

Приступая къ изданію русскаго перевода «Великой Французской Революціи», я имѣлъ въ виду воспользоваться новыми изслѣдованіями Брэша и другими, а также недавно изданными во Франціи документами, касающимися экономическихъ выступленій Революціи, чтобы дополнить и расширить сказанное мною въ текстѣ по этимъ двумъ предметамъ.

Но русское изданіе, печатаясь въ Лондонѣ, настолько запоздало выходомъ, что въ данную минуту я вынужденъ отказаться отъ этой мысли; тѣмъ болѣе, что при быстромъ накопленіи новыхъ матеріаловъ нѣсколькихъ страницъ было бы уже недостаточно.

¹⁾ „La Commune du Dix Août 1792. Étude sur l'histoire de Paris, du 20 Juin au 2 Décembre 1792“, par F. Braesch, Paris (Hachette), 1911.

²⁾ Въ 1912 году онъ издалъ въ „Запискахъ“ нашей Академіи Наукъ нѣсколько новыхъ матеріаловъ, касающихся секцій, найденныхъ имъ въ Парижскихъ архивахъ; кромѣ того, онъ выпустилъ: 1) небольшую книгу, „Парижскія секціи времени Французской Революціи“, Спб. 1911, гдѣ вкратцѣ изложена книга Меллье и дано нѣсколько новыхъ выписокъ изъ архивныхъ данныхъ; 2) двѣ статьи, „Политическія выступленія Парижскихъ секцій въ эпоху Революціи“ („Русское Богатство“, ноябрь и декабрь 1912), гдѣ онъ вкратцѣ изложилъ нѣкоторыя главы изъ книги Брэша, и 3) первую серію новой работы „Бѣглыя замѣтки по экономической исторіи Франціи въ эпоху Революціи“, Спб. 1913, гдѣ онъ говоритъ, между прочимъ, и о книгѣ Брэша.

Кромѣ роли секцій, есть еще одинъ вопросъ, по поводу котораго я намѣревался сказать нѣсколько словъ, въ отвѣтъ на замѣчанія проф. Н. А. Карьева и Е. В. Тарле, который специально занимался закономъ о Максимумѣ¹⁾. Оба упрекаютъ меня за мои отзывы объ этомъ законѣ, и на это я отвѣчу въ нѣсколькихъ словахъ.

Отзывовъ, враждебныхъ закону о максимумѣ, высказанныхъ со стороны Жирондистовъ, — защищавшихъ неограниченное право буржуазіи на эксплуатацію голоднаго народа, — можно, конечно, набрать очень много. Но для историка опп такъ же мало убѣдительны, какъ доводы, приводившіеся въ Россіи противъ сельской общины партіею «Московскихъ Вѣдомостей», остзейскими дворянами и вообще всеми, жаждавшими «дешевыхъ рукъ» для развитія фабрикъ и обработки помѣщичьихъ имѣній. Историкъ, ознакомившійся съ дѣйствительно ужаснымъ положеніемъ Франціи въ неурожайные — вѣрнѣе, голодные — годы 1788 — 1793, при тогдашней бѣдности страны и при войнѣ, разорявшей страну, не можетъ не видѣть, что установленіе максимальной цѣны на жизненные припасы представилось въ этихъ условіяхъ явною необходимостью.

Оттого ся требовали уже указы 1789 года, и даже буржуазный экономистъ Неккеръ высказывался за таксу на хлѣбъ. Нѣкоторые города, какъ, напримѣръ, Гренобль, уже въ 1789 году самовольно вводили ее. Съ тѣхъ поръ, каждый годъ, требованія таксы на все необходимое для жизни раздавались все громче и громче, повсемѣстно; и во многихъ мѣстахъ таксы на припасы вводились самовольно — особенно по мѣрѣ того, какъ разгоралась война. Я увѣренъ, поэтому, что никто изъ изучившихъ реальную жизнь Франціи въ эти годы не усомнится, что случись *теперь*, въ странѣ гораздо болѣе богатой, чѣмъ тогдашняя Франція, такое же сочетаніе обстоятельствъ (неурожай, милліоны нищихъ и война на *всѣхъ* границахъ, сухопутныхъ и морскихъ), — максимальная такса на припасы явится такою же неизбѣжною необходимостью, какою она явилась во Франціи.

Взявъ изъ документовъ, въ какомъ положеніи была Франція въ тѣ годы, и до какого ужаснаго положенія дошла Англія къ концу наполеоновскихъ войнъ; зная, съ другой стороны, какъ даже такая богатая страна, какъ современная Англія,

¹⁾ Е. В. Тарле, „Рабочій классъ во Франціи въ эпоху Революціи“, 2 части, Спб. 1909 и 1911.

живетъ, даже теперь, такъ сказать, изо дня въ день,—по имѣя въ запасъ больше, чѣмъ на три мѣсяца хлѣба для своихъ жителей, и на шесть недѣль сырья для своихъ фабрикъ; кромѣ того, видѣвши недавно, какъ во время такой сравнительно небольшой войны, какъ Бурская война, спекуляція подняла цѣны на всѣ предметы первой и второй необходимости (съѣстные припасы, уголь, кожи и т. д.),—зная это, вполне понимаешь, почему законъ о максимальныхъ цѣнахъ на жизненные продукты былъ признанъ необходимымъ, несмотря на протесты жаждавшей наживы буржуазіи.

Но, говоря о максимумѣ, я указалъ еще нѣчто другое; а именно, что, подобно всякой другой полицейской мѣрѣ, такса на хлѣбъ, мясо и т. д. вовсе не разрѣшала вопроса о томъ, какъ жить городамъ, чѣмъ кормиться бѣдному городскому населенію? И когда это стало ясно въ 1793 году, когда обнаружилось безсиліе таксаціи продуктовъ,—тогда у болѣе смѣлыхъ, не буржуазныхъ революціонеровъ стала вырабатываться новая мысль,—мысль о *націонализациі обмѣна*, объ *обобществленіи національной торговли всѣмъ міромъ*, что не представляетъ (въ данное время) предметовъ роскоши. А изъ этой мысли родилась другая мысль, коммунистическаго характера,—мысль, что предметомъ спекулятивной торговли можетъ быть только *излишекъ*, а отнюдь не то, что *необходимо* для жизни всѣхъ гражданъ данной страны.

Этотъ фактъ потому очень важенъ, что всякій, кто вдумается въ происхожденіе социалистическихъ теорій девятнадцатаго вѣка и ознакомится съ *дѣйствительною*—не легендарною—исторіею ихъ зарожденія и развитія, тотъ неизбежно самъ увидитъ родовую преемственность между социалистическими теоріями тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ и воззрѣніями, высказанными болѣе крайними революціонерами въ 1793 и 1794 годахъ.

Къ стр. 389. — Относительно того, что одною изъ причинъ отступленія прусскихъ войскъ изъ Франціи могло быть желаніе Пруссіи не упустить своей доли въ раздѣлѣ Польши, профессоръ Ernest Nys сообщилъ мнѣ слѣдующую интересную выдержку изъ недавно вышедшихъ мемуаровъ графа до-Брэ. Битва при Вальми,—говоритъ издатель этихъ мемуаровъ, полковникъ Ф. де-Брэ,—состояла только изъ канонады, отъ которой обѣ стороны потеряли всего 500 убитыхъ, но французскія войска выказали стойкость, и пруссаки, ду-

мавшіе встрѣтить только банды разбойниковъ, отступили. Тогда начались переговоры между Дюмурье и герцогомъ Брауншвейгскимъ. Конвентъ потребовалъ очистки территоріи. Пруссакіи, встрѣтивъ непредвидѣнное препятствіе на пути въ Парижъ, поняли, что «это предпріятіе можетъ потребовать значительнаго усилія, которое поглотитъ всѣ ихъ средства, между тѣмъ какъ русскіе будутъ вольны дѣйствовать въ это время въ Польшѣ. Это значило бы упустить добычу ради ея тѣни... Дѣлежъ Польши было легче совершить, чѣмъ завоевать Францію... Польскимъ вопросомъ опредѣлилась политика союзниковъ»¹⁾.

Замѣчаніе полковника де-Брэ весьма похоже на правду, а потому оно дѣлаетъ возможнымъ, что никакихъ опредѣленныхъ обѣщаній насчетъ Людовика XVI герцогу Брауншвейгскому не было дано.

Брайтонъ.
Іюнь 1914 г.

¹⁾ Mémoires du Comte de Bray, ministre et ambassadeur de S. M. Maximilian, premier roi de Bavière. Publiés par le Colonel d'Etat-Major. E. de Bray, t. I, Bruxelles, 1911, pp. 311—312.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Авентъ, 430 примѣч., 439, 441, 463.

Австрія, объявленіе ей войны, 239, 240; См. Война.

Автономія, 199.

Аграрный законъ, страхъ передъ нимъ, 169; требованіе А. 3., 208, 222, 231, 241; отрицательное отнош. Робеспьера, 242, 471; тоже жирондистовъ, 312; поддержка коммунистами, 491, 492.

Анжотанъ, 373, 436.

Анже, Клодъ, аббатъ, 250, 251.

Альбиттъ, 503.

Амаръ, 564.

Америна, поддержка Франціи въ войнѣ съ Англіей, 23.

Американская война, 22.

Американская революція, 21, 22.

Анархизмъ, анархическія начата, 101, 184, 186.

„Анархисты“ въ французской революціи, 197, 353, 476; ихъ роль въ революціи, 353, 357; ихъ взгляды, 354, 355, 356; ихъ тактика, 357.

Англія, война съ Соединенными Штатами, 22; владыка Франціи, 22; ея политика, 252, 326, 327; объявленіе войны 381, 382, 462, 552; подготовленіе возстанія въ Бретани, 496; азготовленіе фальшивыхъ ассигнацій, 441; занятіе Тулона и провозглашеніе Лед. XVII королемъ, 466.

Англійская буржуазія, 95, 96, Англійская революція, 95, 197, 572, 574, 575, 578.

Анжеръ, 385.

Апріо, 401, 403, 564.

Аркасонъ, см. Д'Аркасонъ.

Аристократія, 16, 17, 255.

Армандъ, 485.

Армія республики, 325.

Артуа, герцогъ, 69, 70, 90, 238, 243, 250, 462.

Ассигнаціи, 171, 380, 431, 567; паденіе курса, 440, 441.

Ассоціаціи департаментовъ, 416.

Бабофъ, коммунистъ, 187, 489, 490, 492, 566, 568, 576.

Байль, маркъ Паризжа, главѣ Соціаліи въ деприсяги о негражденин. 51, упом., 56, 100; приѣмъ короля въ Ратушѣ, 89, его Записки, 101; его значеніе, 160, 162; планъ городского устройства, 183, 184; тр. бусъ суда надъ министрами, 192; казнѣ, 515; франкъ масонство, 533.

Бананитетъ, 120.

Барантъ, 51.

Барбару, жирондистъ, 320.

Барбесъ, 576.

Барнавъ, жирондистъ, 60, 138, 162, 515.

Баризина, сѣмья ея, 19, 36, 204, 279; баризини работы 37, 109, 130.

Барреть, членъ конвента, 469, 467, 498, 508, 562, 564.

Бастинія, вѣстїе ея, 77-78, 81-84, 174, 226.

Бельгїи, встунт. французск. войскъ, 325; встунт. австр. войскъ, 382.

Берри, провинція, 24.

Берген-де-Барсе, сент-брюскіи убійства, 302.

Берто, 92.

Бильо-Вареннъ, противъ обн-женія съ монархистами, 261; бр-ство противъ личной собственности, 184; комму-низмъ, 498, 499; противъ Робеспьера, 562, 564.

Бланки, Огюсть, 576.

Блапъ, Луи, см. Луи Бланъ.

„Болото“ въ Конвентѣ, 309, 310, 341, 391, 560, 561.

Болтъ, роялизмъ 513.

Бонневиль, 68.

Бонапартъ, Наполеонъ, 473, 508, 574.

Бонсерфъ, феодальныя права, 131.

Бордо, 450, 457, 458.

Брестъ, 443.

Бретань, крест. бунты, 208; востаніе-револ. востаніе, 371, 383, 462, 416; вражд. отнош. крестьянъ къ по-дунщикамъ земель, 430.

Бретейъ, 64, 78, 153.

Бретонскій роялистскій заго-воръ, 441; клубъ, вносѣд-ствіи якобинскій, 60.

Брида, Пьеръ, 422.

Бриссъ, депрессіонистъ, о ре-формѣ уголов. законовъ, 20; муниципалитетъ, 184; „бросу-тъ пист.“, „защитники инаудствъ“, 198; требуетъ войны, чтобы обороняя съ коро-в. властью, 240; про-граммъ Б. и жирондистовъ, 233, 234, 341, 345—347; обыскъ у Б., 293, 306; о септѣбр. убійствахъ, 304; переговоры въ Англіи, 326 прим.; его памфлеты, 349—351, 354, 391; комитетъ, качествѣ, 467;

колебанія Б. въ 1792 году, 483, 484; франкъ-масонъ, 538.

Брошюра (революціонная), 2, 3, 23, 44, 46, 53.

Брюно, 513.

Бронъ, проф., 311 примѣч., 586.

Буассель, 483, 488.

Буае, 225, 226.

Бунтовской духъ, 14, 18.

Бунты, 22, 23, 24, 25, 43, 68, 69, 128, 218; ихъ характеръ 40, 41; бунты въ Парижѣ 68, 69, 374, 375; крестьянскіе бунты, 128.

Буонаротти, 576.

Бурдонъ, 564.

Буржуазія, одно изъ двухъ теченій вызвавшихъ рево-люцію, 1, 3, 29, 43, 44, 145; принудительн. заемъ, 150; завоеваніе власти, 196, 197; умѣлость въ дѣлахъ, 221; идеалъ французской бур-жуазіи, 96, 222; ея идеи въ революціонный періодъ, 6, 7, 8, 9, 10, 83; либеральная программа, 143, 147; консти-туціонныя идеи, 7, 12, 96, 215, 255; организація буржу-азіи, 75, 76, 107, 113, 116, 127, 161, 163; ея отношеніе къ земельному вопросу, 170, 222; къ крестьянамъ, 113, 114, 116, 117, 127, 128, 219, 222, 223; къ королевской власти, 46, 47, 61, 62, 63, 66, 89, 147, 222, 233—235, 243, 286; къ наро-ду, 29, 51, 58, 61, 72, 73, 74, 88, 89, 103, 107, 147, 159, 160, 162, 163, 197, 220, 234; къ собственности, 72, 74; къ феодальному праву, 202, 213, 220; септѣв., 8, 18, 415; Сера-бурская, 105; экономич. ея понятія и идеи, 8, 9, 222; инкуетъ при паденіи Ро-беспьера, 567.

Буржуазія у власти, 107, 159, 160—167; ея господство, 215, 216, 219; враждеб-ное отношеніе къ демокра-тіи, 233, 234, 242, 255, 310,

473; купленные земли, 509; отнош. къ Робеспьеру, 549; ликование послѣ 9-го термидора, 567, 574.

Бушоттъ, 464.

Бунтъ, 63.

Бѣляевъ, 77 прим.

„Бѣшеные“, Б. и Кордельеры 316; предшественники соц. а. лизма, 371—376; требуютъ очищенія Конвента, 384; движеніе 31 мая, 399, 400; коммунисты, 477, 485; ун., 506; Б. и Сенъ Жюсть, 540; послѣдствія ихъ уничтоженія, 560; ихъ послѣдователи, 576.

Бюзо, 161.

Бюна и Ру, 188, 303.

Баффруа, 496.

Бадье, 562.

Балазэ, 515.

Балансьенъ, осада, 463.

Вальми, побѣда, 323, 324, 381.

Вандея, 421, 451, 454, 462; Вандейское возстаніе, 247, 249, 252, 327, 371, 383, 385, 452, 453, 513; казни патріотовъ, 386; истребленіе вандейцевъ, 454, 455.

Варениъ, арестъ короля, 228, 229, 230.

Вартэ, коммунисты, 372, 384, 485, 488, 501.

Вейсхауптъ, шлюмпаты, 538.

Венсанъ, Обертинъ, 513, 534, 541, 542.

Версаль, народное броженіе, 23, 53; войска для нападешя на Парижъ, 64; походъ народа на В., 152—156.

Виги, переговоры съ Дантономъ, 381.

Вигиль, коллективисты, 11, 194, 361, 483.

Возстаніе 10-го августа, 275—280, 284, 286; 10-го марта, 385; 31-го мая—2 июня, 390, 391, 396—400, 472; 2-го сентября (см. сентябрьскіе дни).

Возстанія, 15, 25, 173; причины, 25, 196, 199; характеръ, 49; возстанія в Пуатье, Виванъ, Севернахъ, Вивара и Живоданъ, 24, въ Бретани, Дюфизъ, Безансонъ, Провансѣ, Лангедокъ, 26, 27, 28; въ Нормандіи, 24, 25; въ Парижѣ, 56, 65-74, 77-85; въ Труа, Страсбургъ, Шербургъ, Руанъ, Мобержъ, Амьенъ, 91, 109; въ Бордо, 457; въ Тулонѣ, 457; походъ на Версаль 152-156; взятіе Тюльери, 254-259, 264, 267, 281, 283; въ Вандеѣ, 386; роялистскіе въ Вандеѣ, Лионѣ, Марселѣ и на югѣ, 450-455, 457, 465; крестьянскіе. Крестыан. возстанія.

„Вожди общественнаго мнѣнія“, 272.

Война, объявлена Австріи, 239, сопротивленіе Робеспьера и Марата 240; присоединеніе Пруссіи, Исп. и Пьемонта къ Австріи, 253; поддержка ихъ Англіей и Россіей, 252, 253; отношеніе партій, 266; вторженіе пѣмцевъ возбуждаетъ ненависть въ дворѣ, 312; В. и революція, 324; неподготовленность, 322; подъемъ духа въ Парижѣ коммуной, 323; побѣда при Вальми, 323; переговоры съ герц. Брауншвейгскимъ, 324; арміи респуб. вступаютъ въ Савойю и Велльгю, 325; вступленіе Англіи въ войну, 326, 327; волонтеры 1792 г., 323; сопротивленіе Вандеи, 327; наборъ, 1793 г., 379; измѣна Дюмурье, 380, 381; походъ въ Голландію, 382; усилія Дантона, Робеспьера и Марата поднять духъ Франціи, 384; возстаніе Вандеи, 385; реорганизация арміи, 459; недостатокъ во всемъ, геройское напряженіе, чтобы отразить нашествіе.

- ствіе, 459—461; Англія при-
соединится къ немцамъ,
465; силы врага, 461; вну-
тренній разруха, 462; насту-
пленіе респуб. армій, ихъ
торжество, 465, 466; причины
перваго отступленія прус-
саковъ, 583.
- Волненія среди войскъ, 224,
225; въ Шанси, 226.
- Волонтеры, 265, 272, 298, 327,
461, 567.
- Вольтеръ, 6, 48.
- Временный исполнительный
совѣтъ, 388.
- Временный судъ, 300.
- Вулпайъ, судья, 562.
- Гальяръ, 502.
- Гаманъ, слесарь Люд. XVI, 292.
- Гара, жирондистъ, 317, 468,
472.
- Гарди, дневникъ, 69, 70.
- Гассенфрацъ, банкиръ, 399.
- Генеральный совѣтъ города
Парижа, 165, 321.
- Генеральный совѣтъ комму-
ны 10-го августа: назначенъ
секціями, 273; вооруженіе и
отправка войскъ, 289; рас-
пущенъ жирондистами, 293;
старается пр. пратить убій-
ства, 298, 299, 303; подго-
товка 10-го августа, 313;
роль въ противу-религіоз-
номъ движеніи, 522, 523; с-
вѣтъ и секція, 526; дѣлается
непопулярнымъ среди ра-
бочихъ, 561, 562; населеніи
роль 9-го термидора, 564, 565.
- Генеральные Штаты, финансо-
вое положеніе, 7; рѣшеніе
созвать Г. Ш., 23; собираются
въ Версаль 31; пробужден-
нія надежды, 43, 49, 174;
первое засѣданіе, 50, 51;
надежды крестьянъ, 112;
рѣчь короля о феодалной
собственности, 198.
- Германія, 211, 253.
- Горо-де-Сенель, коммиссія кон-
ституціи, 472, 474.
- Герцогъ Артуа, 69; Браун-
швейгскій, 306-307, 322-330;
де-Брольи, 71, 72; д'Омонъ
75; Орлеанскій, 64, 67, 150,
161, 228, 229, 232, 538; Про-
ванскій, 161, 238, 248; Энг-
льонъ, 60.
- Гильдін, 60.
- Гильомъ, Джемсъ, 137, 140, 142
примѣч., 143, 200, 516.
- Глезенъ, бретонскій клубъ, 60.
- Гоббсъ, о государствѣ, 6.
- Гоболь, епископъ, слагаетъ
свой санъ, 520; гильотини-
рованъ, 543.
- Годвинъ, анархическій пи-
сатель, 181, 326.
- Голодъ, 16, 43, 46, 52, 61, 69,
111, 140, 155, 327, 394, 406,
433, 436; въ Парижѣ, 46.
- Голодные бунты, 2, 23.
- „Голодный договоръ“, 119, 155.
- Государство, 5, 6, 530; бан-
кротство государства, 149.
150, 168, 170, 171; государ-
ств. инъ капитализмъ, 11;
госуд. займы, 168; госуд. ком-
мунары, 487; госуд. кол-
лективизмъ 362; госуд. на-
логъ, 38; госуд. люди, 197;
госуд. переворотъ, 487.
- Горасъ, жирондистъ, 63.
- Горцы, см. Монтаньяры.
- „Гора“, партія въ Конвентѣ.
309, 310; гора и жиронда,
30-347, 353; разница ихъ
программъ, 368.
- Городская ратуша, 313, 314.
- Городское населеніе, 99, 219;
положеніе бѣдныхъ клас-
совъ наканунѣ революціи,
29, 39.
- Городское самоуправленіе, 97,
99, 100, 102.
- Городскіе совѣты, 97, 100.
- Граждане, активные и пас-
сивные: раздѣленіе принято
Націон. собраніемъ, 163, 164,
165; права активныхъ въ
секціяхъ, 191; въ деревен-
скихъ и городскихъ мунци-

палитетахъ, 212, 218; отмена
этого различія, 277.

Гражданская война: намѣчает-
ся уже въ 1789 г., 51; сохра-
неніе феодальныхъ правъ
дѣлеть къ ней, 136; угроза
со стороны буржуазіи, 171;
революціонные заговоры и сви-
дѣнники, 253, 254; борьба
революц. и ройи, 337.

Гражданскій комитетъ: изъ феод-
скихъ округовъ, 182; изоб-
раженъ секціями, 193.

Грегуаръ, аббатъ, 60, 201, 520.

Гюадэ, жирондистъ, 293, 294,
306.

Данлозъ, Сводъ юриспруден-
ціи, 199, 200, 206, 418.

Дантонъ, походъ женщинъ
на Версаль, 154; округа и
секціи, 183, 192; побѣгъ въ
въ Англію, 234; движеніе
20 іюня, 258; подготовка воз-
станія 10 авг., 271, 272, 273;
сентяб. убійства, 297; Д. въ
Конвентъ, 303, 309; въ минис-
терствѣ, 317, 318; нападки
жиронд. на Д., 319, 320;
переговоры съ герц. Браун-
швейгскимъ, 324; заговоръ
въ Бретани, 325; дипломатія
въ Англіи, 326, 382, 463; Д. и
Дюмурье, 330, 337, 383-3-8;
возстаніе 31 мая, 391, 393,
398, 442; конституціонный
комитетъ, 467; Ком. общ.
спасенія, 506-510; набѣры,
512; безпородное движеніе,
523, 524; походъ противъ Д.,
533, 535; франкъ-масонство,
537, 538; крестъ Д., 544, 545;
каль Д., 552. Дантонисты,
393, 394.

Д'Аржансонъ, 6, 12.

Дарго, заговоръ Баббѣа, 363.

Дворъ, противъ реформъ, 19;
противъ 3-го сословія, 34;
противъ Генер. Штатавъ,
49, 52, 55; подготовляетъ
и реверотъ на 16 с іюля, 56,
59, 60, 64, 65; подготовляетъ

решеніе Собранія, 66, 69,
70, 71; приготовленія 12 іюля,
86, 87, 88; послѣ 14-го іюля,
90, 91; сношенія съ Австрі-
ей, 93; противъ деклараціи
правъ, 146; противъ продажи
церк. имущества, 150; подго-
товляетъ побѣгъ короля, 151,
154; походъ на Версаль, 156;
подкупъ Мирабо, 161, 175,
197; съ духовенствомъ и бо-
гатою буржуазіей, 214, 215.

Дворянство, обществ. 17;
правилъ, 33; попытка под-
нять народъ противъ бур-
жуазіи, 42; Д. и крест. воз-
станіе, 43; не понимаетъ ре-
волюціи, 52; королевское за-
сѣданіе, 55, 59; присоеди-
няется къ 3-му сословію, 60;
выборщики Д. и город. ми-
лиція, 75; избавлялось отъ
податей, 99; крестьянскія
возстанія, 119; феодальныя
права, 120, 122-124, 130, 133,
136; контр-р-вол. настро-
еніе, 214, 216; эмиграція, 238,
249, 252, 254; войпа, 321; за-
хватъ общ. земель, 412.

Де Гю. 85.

Дезель, 337.

Декларация независимости
Соедин. Штатовъ, 141, 142.

Декларация правъ человека и
гражданина, американская,
22; французская, 141, 143, 144,
146, 158, 467, 470, 472, 474
примѣч.

Декреты, 4-11 авг., см. Поста-
новленія; до конституціи
1793 г., 473; Конвента объ
общинныхъ земляхъ, 500;
поддѣлка Д. о ликвидаціи
Индійской комп., 536, 537;
см. также Учредит. Собрание,
Законодат. Соор., Націон.
Соор.

Де-Тона, комендантъ Басти-
ли, 78, 80, 81, 85.

Демократическія реформы, 133.

Демонстраціи ст. Парижѣ, въ
началѣ революціи, 28, 29.

Демонстрація 20 іюня, 262, 271, 312.
 Департаментскі директоріи, 216, 225, 260; Д. совѣтъ, 166.
 Депутатин, 152.
 Десятина церковная, 131, 133, 136, 169, 196; десятиный емиль декретомъ 4—11 августа, 200; законъ 1 марта 1790, 201, 205; десятина свѣтская, 132, 201, 205.
 Децентрализація, 43.
 Денникъ, 527.
 Денро, 432.
 Диктатура 392, 475; комитетовъ обществен. спасенія и общ. блага, 475.
 Директоріи департаментскыя, 168, 260, 367, 409, 327, 433; окружныя, 314.
 Директорія, 168, 478, 568.
 Дни, 24—28 апрѣля, 48; 8—14 іюня, 48, 57, 73; 5—6 октября, 146, 151, 154, 159; 10 августа 1792, 275, 277, 280, 286, 430; 31 мая 1793, 350.
 Дотъ, Эрнестъ, 248, 249, 251.
 Доминго, 242, 485, 492, 493, 495, 497.
 Доніель, о крестьянахъ, 111.
 Донъ, Мартинъ, децугать, 56.
 Дрозъ, 78.
 Друъ, почтарь, 227, 228, 229, 231.
 Духовенство, не хочетъ отказаться отъ привилегій, 33; Королев. засѣданіе, 55, присоед. къ 3-му сословію, 75; не платитъ податей, 99; отрѣченіе отъ десятины, 123, 124, 125; земли Д., 130; десятины „свѣтскія“, 132; защита правъ Д. королемъ, 137; Д. и продажа церкв. имѣній 150, 168—171, 197, 216; подготовляетъ возстаніе въ Вандеѣ, 251, 327; толкаетъ на войну, 321; участіе въ Вандейскомъ возстаніи, 385, 450, 453; конституціонное Д., 404; присвоеніе общин. земель, 412.

Дѣйствительность и теорія, 246.
 Дюбарри, 515.
 Дюко, 336.
 Дюкро, 542.
 Дюмурье, 236; министръ ин. дѣлъ, 239; павильонъ, 379—382, 387—389; 459, 461.
 Дюпартъ, 117, 152, 162.
 Дюрантошъ, 233.
 Дюфурни, 627.
 Дюмъ (Dum), 262.
 Дюмуленъ, Камилль, призываетъ къ возстанію, 57, 70, 71; реакція послѣ 5 окт. 1789, 158; отчаяніе въ 1791 г., 236; его „Старый Кордельеръ“, 533, 535, 536; его арестъ, 541; казнь, 545.
 Екатерина II. по обѣдѣ разилетамъ, 253.
 Епископъ парижскій, отреченіе отъ духовнаго званія, 520—522.
 Жаки, 110.
 Жаксонъ, 467.
 Жанъ Бонъ де Сентъ Андро, 489, 481, 527.
 Жиронда, провинція, 237, 457; партія въ законод. собраніи и Конвентѣ, см. Жирондисты.
 Жирондисты, упом. 62, 105, 135, 459; отнош. къ феодальнымъ правамъ, 198, 199, 212, 213; Дюмурье 236; въ законод. собраніи, 237; составляютъ министерство, 239; объявленіе войны, 239, 240; безучастны къ подготовленію возстанію, 258; порицаютъ движеніе 20 іюня, 260, 262; противятся возстанію 10 авг., 262; ихъ программа, изложенная Бриссо, 263—266; попытка удержать монархію, 282; переговоры съ Лафайетомъ 285 прим.; борьба противъ Коммуны, 290—293, 316, 319, 320; отнош. къ

сентябрьскими убийствами, 303, 304 кь королев. власти, 306, 307, и прим.: значеніе въ Конвентѣ, 309, 318; защита собственности, 325; вызовъ вѣрны монархіямъ, 326; попытка спасти Людовика XVI, 335, 337; начало борьбы съ Горой, 340, 347; вѣрные представители буржуазіи, 349; ихъ программа въ памфлетахъ Бриссо, 354—360; соединительное звено для контръ-революціонеровъ, 363; ихъ федерализмъ, 265—367; отношеніе кь собственности, 343, 368; возстаніе 31 мая, 398; изгнаніе 32-хъ Н. изъ Конвента, 398—404, 472; связь съ роялистами, 404; послѣдствія, 405—410; Ихъ проектъ конституціи, 468—472; борьба съ Коммуной 10 августа, 319, 395, 468, 469; участіе въ роялистскомъ возстаніи на сѣверѣ, 442—445; Шарлота Кордэ, 445, 446; ихъ контръ-революція и казни въ Лионѣ, 447, 455; въ Бордо, 457; арестъ и казни 22-хъ жирондистовъ, 514, 515; жирондистскіе историки, 446, 447.
Горесъ, 240, 326, 367.
Кюльенъ, г-жа, 480.

Завѣты франц. революціи, 576.
Завоеваніе власти, 197.

Заемъ, единовременный принудительный, 409.

Законодательное Собраніе, см. 211, 213, 214, 215, 217, 235, 236, 237, 238, 260, 261; 263, 350, 429, 430, 437, 516; открытіе Закон. Собр. 237; декреты объ эмигрантахъ, 238; объявленіе войны Австріи, 239; характеристика Закон. Собр. 244—246; 251, 268; отношеніе къ королев. власти, 259, 260, 262, 274, 276, 282, 287, 292; 306, 311; декреты

объ общин. земляхъ и уничтоженіи кругов. порукъ, 410; борьба съ Париской Коммуной, 290; декретъ о роспускѣ Ген. совѣта Коммуны, 293; декреты объ обыскахъ 292, 293.

Законы, ихъ исполненіе, 216, 217, 427.

Земельная собственность, 169, 432; 546.

Земельный вопросъ, необходимость перехода земли крестьянамъ, 52; требов. отмены феод. правъ, 121; опасенія землевладельцевъ, 169; общинныя земли, 411—428; спекуляторы, 491; мифіе Дювивье, 492. „черныя банды“ скупщиковъ, 560.

Земельный общественный фондъ, 540, 541.

Земельныя записи; 36, 41.

Земельныя росписи, ихъ пересмотръ, 131, 200, 201.

Земли „мертвой руки“, 29.

Земельныя собранія, 32, 34, 44, 50.

Золотая молодежь, 571.

Идеалъ и практика, 2.

Идейныя теченія въ революціи, 1, 5—10, 11.

Плѣмнищаты, 538.

Имперія, 568.

Имigrantъ, 483.

Иностранное пашествіе 1793 года, 461—465, 553; вызванное имъ озлобленіе, 513; въ 1794 году, 553.

Интеллигенты, 221.

Интер-акціонаты, 576.

Испаръ, 396.

Иаба, коммунистъ, 486.

Казоннъ, министръ, 26; созываетъ собранія нотаблей, 33.

Камбасерасъ, 381.

Камбонъ, 325, 380, 518, 546.

Карлъ I, императоръ, 178.

Карно, 464, 546.

Каррье, 453, 539, 541.

Карлевы, Н. А. положеніе крестьянъ, 39; продажа дворянскихъ земель, 430 прим.: секціи Парижа, 580; законъ о максимумѣ, 581.

Катлино, 385, 453.

Келлерманъ, 457.

Кинэ, Эдгаръ, 35.

Клавьеръ, 259, 263, 291.

Клемонъ-Тонръ, 27.

Клубъ Бретонскій, 60; конституціонный 43.

— Якобинскій, 60, 197, 233, 261, 267, 283, 303, 309, 313, 318, 502, 506, 523, 533, 535, 562, 563.

— Кордельеровъ, 183 прим., 197, 257, 289, 308, 316, 476, 487, 501, 532.

Клятва въ залѣ jeu de Paume 54, 174.

Кобленцъ, роялистская эмиграція, 248, 249, 251, 451.

Коллективизмъ, 11; см. Видалъ и Некеръ.

Колло д'Орбуа, 457, 501, 562, 564.

Комиссія шести, 398, 470; К. двѣнадцати, 266, 291, 226, 441.

Комитетъ возстанія, 387; К. докладовъ, 120; К. земледѣлія и торговли, 496; К. обороны, 388.

Комитетъ общественной безопасности, 526; оглошеніе его къ секціямъ, 364, 529; усиленіе его власти, 532, 543, 552; усиленіе террора, 535; борьба К. съ жирондистами, 544; торжество надъ Коммуной, 546; диктатура ком. общ. без. и К. общ. спасенія, 475.

Комитетъ общественнаго спасенія, Дантонъ его министръ иностр. дѣлъ, 318; замѣняетъ К. обороны, 388; отношеніе къ Вандею, 451, 455; переговоры съ Австріей, 463; обсужденіе конституціи, 472; веденіе войны, 534; усиленіе террора, 535.

Коммуна, 68, 180, 184, 190; коммуны какъ очаги революціи, 181; лионская Коммуна, 376, 378, 383.

Коммуна парижская, 76, 100, 181; адресъ Національному собранію, 185; возникновеніе революціонной Коммуны, 256, 273, 275, 311—313, 321, 364; ея самостоятельность, 189, 190, 193; ея дѣятельность, 290; успѣхъ остановить сентябрьскія убійства, 297—299, 303; призывъ къ общему вооруженію, 292—293, 295; борьба противъ жирондистовъ, 316, 319, 321, 366, 395; противорелигіозное движеніе, 522, 523; вліяніе на Конвентъ, 273, 315, 330, 332, 375, 384, 391, 400—403; учрежденіе революціоннаго трибунала, 384; взысканіе съ богатыхъ прогрессивнаго налога, 394—395; борьба конвента съ К., 396, 564; борьба монтаньяровъ съ К., 478; борьба К. съ ажіотажемъ, 435, 436; К. и эбертисты, 533; Паденіе революціонной Коммуны, 545; объявлена конвентомъ внѣ закона, 566; литература о пар. К., 579, 580.

Коммунализациа торговли, 373.

Коммуналистическое движеніе, 100.

Коммунизмъ, 11, 504; К. въ потребленіи, 577; пропаганда К-ма, 491.

Коммунистическое движеніе, 483, 485, 490.

Коммунистическія стремленія, 12, 241, 243, 362, 499; теоретики коммунизма, 488, 489, 491, 492, 493, 494, 495, 498, 499.

Коммунисты, 222, 487, 488, 568; вліяніе коммунистовъ на Конвентъ, 495; Коммуны въ провинціи, 193, 383.

- ние 10 авг., 276; заговоры
 республиковъ въ тюрьмахъ,
 293; заговоръ съ иностр.
 королемъ, 334; процессъ и
 казни короты, 329—339, влия-
 ние казни на умы, 370, 424;
 историч. значеніе заведе-
 нія во Франціи, 572—576.
 Королевскій совѣтъ, 62.
 Корольское званіе 20-го
 июня 1789 г., 25, 55, 58, 59,
 61, 174.
 Корпорации ремесла, отмѣна
 ихъ, 19.
 Крестовикъ, 97 примѣч.
 Крестовикъ, 564.
 Крестьяне, ихъ положеніе до
 1789 года, 16, 17, 18, 30, 36;
 бунтовскій духъ въ кре-
 стьянствѣ, 19, 29; покупка
 крестьянами земель, 427;
 отношеніе къ Учред. Собр.
 и Законод. Собр., 451; непа-
 чистость деревни къ городу,
 510; крестьяне и республи-
 кан., 573; положеніе крестьянъ
 Пое въ революціи, 570.
 Крестьянская буржуазія, 175,
 крестьянскія возстанія, 2, 18,
 22, 35, 36, 39, 40, 42, 43, 44,
 45, 96, 110, 111, 112, 113, 114,
 139, 176, 203, 212, 325, 411;
 цѣль крестьянск. возстаній,
 38, 40, 41, 42, 115, 213, 219;
 причина кр. возстаній, 111,
 136, 204, 208, 213; требованія
 крестьянъ, 116, 189, 207, 208,
 212, 219, 413.
 Крестьянскія товарищества,
 129.
 Крѣпостная зависимость, ея
 сущность, 130, 131 примѣч.
 отмѣна крѣпостной зависи-
 мости.
 Крѣпостное право, 17, 36, 37,
 38, 574, 575.
 Культъ разума, 522.
 Кутонъ, 399, 457, 472, 506, 539,
 554, 562.
 Кусталь, 337.
 Ла-Брюйеръ, 433.
 Лабуазье, 538.
 Ладмираль, 556.
 Лавозский, 267.
 Лакомбъ, Роза, 483, 486.
 Лакостъ, 239.
 Лакруа Сиги мундъ, о Ком-
 мунѣ, 182, 183, 184, 185, 186,
 187, 579; Лакруа, членъ кон-
 вента, 541, 545.
 Латамъ, 558.
 Латаи-Голландъ, 64.
 Ламбертъ, 482.
 Ламбаль, бултъ, 26; Ламбаль,
 г-жа, 146, 391.
 Ламетъ, 162.
 Ламуретъ, 231.
 Лангедокъ, бунтъ, 28.
 Ланжъ, коммунистъ, 455, 485,
 489, 494, 497, 574.
 Ларошжакленъ, вандеянецъ, 452.
 Лафайетъ, о корол. заговорѣ
 въ юнѣ 1789 г., 64; попытка
 спасти Фулона, 92; коман-
 диръ націон. гвардіи Ла-
 рюка, 109; въ Берсѣ 5 окт.,
 156, 157; планъ побѣды ко-
 роля, 227; извѣстіе народа
 на Марсовомъ полѣ, 234;
 глава феодальн., 241; про-
 тивъ якобинцевъ, 265, 266;
 прѣздъ, въ Парижъ, 269,
 271, 284—285; оправданъ,
 законод. собраніемъ, 274;
 верховный главнокомандую-
 щій, 283; немѣна, 288.
 Ле-Генъ де-Керангаль, 123.
 Леклеркъ, 542.
 Лендъ, 385.
 Лепельтъ, 485, 516.
 Лескортъ, 452.
 Ле-Шателье, 60, 136, 138, 139,
 402.
 Лефранкъ, 521.
 Лионъ, населеніе враждебное
 революціи, 175; безработица
 и нищета, 376; Коммуна и
 жирондисты съ роллистами,
 377; реакціонные батальоны,
 383; конгрѣ-революціи въ Л.,
 402; голодъ, 436; возстаніе,
 455; коммунисты, казни

Шалье, 455; осада войсками конвента, 456; царство террора, 457.
 Доменти де-Бріеннъ, 33.
 Доно, см. де-Доно.
 Лондонъ, 325.
 Лоссеъ, вождь ліонской народной партіи, 377.
 Лува, жирондистъ, 346, 368.
 Луи Бланъ, страхъ буржуазіи передъ 14 іюля, 61; она поддерживаетъ короля, 62; ея преторіанская гвардія, 75; отмена декретовъ 4-11 августа, 135; законъ о военномъ положеніи въ октябрѣ 1791 г., 160; о народныхъ возстаніяхъ въ Парижѣ, 173; роль Л. Б. въ комиссіи въ 1818 г., 194; о сопротивленіи Робеспьера республикѣ, 243; о бунтахъ въ іюнѣ 1792 г., 262; о жирондистахъ, 265; обожатель Робеспьера, 272; отмена Бриссо, 355; о „федерализмѣ“ жирондистовъ, 365; „горячность“ жирондистовъ, 367; о составѣ казначействъ во время террора, 558; о несогласіи въ сенатѣ 9 термидора, 565.
 Лустато, 68, 71, 152, 154, 221, 271.
 Лушицкій, 197, 431.
 Любекъ, 382.
 „Люди дѣйствія“, 506.
 Людовикъ XIV, 17, 212.
 Людовикъ XV, 22.
 Людовикъ XVI, восшествіе на престолъ, 2; реформы, 19; отставка Тюрго, 20; характеристика Л., 21, 23, 88; возвыш. корол. засѣданія, 25; принципиальное отношеніе къ ограниченію королевск. власти, 31; отношеніе къ Генер. Шт., 33—34; рѣчь на королев. засѣданіи, 59; защитникъ феодальн. правъ, 136; отношеніе къ деклараціи правъ человека и гражданина, 146, 147; Люд. и на-

ціональное собраніе, 90—91, 138, 139, 171, 175, 241; отношеніе къ собственности, 198—199; его планы, 90, 150, 151, 154, 231; измѣненіе народу, 157; бѣгство за границу, 227; арестъ въ Вареннѣ и возвращеніе въ Парижъ, 228—230, 232; отношеніе къ Законод. Собранію, 237; жирондистское министерство, 239; удаленіе жиронд. министровъ, 244—265; заговоръ въ Тулузѣ, 256; планъ Л. XVI, сношенія съ Австріей и Пруссіей, 244, 270, 283, 287, 288; народъ въ Тулузѣ 20 іюня, 256, 258, 259; отказъ вернуть жирондистовъ-министровъ, 265; впаденіе народа на дворецъ 10 авг., 274; Л. XVI покидаетъ дворецъ, 275; переводъ Л. XVI и его семьи въ Тамплъ, 276; потайной приказъ и слесарь Тамплъ, 331, 333; судъ надъ Л. XVI, приговоръ, 336—338; доказательства измѣны, 333, 334; равнодушіе къ его судьбѣ Пруссіи и Австріи, 339; казнь, 338, 339, 370.
 Ла-Ронфуко, 120, 245.
 Люксеръ, 265, 266, 269, 284, 288.
 Лонго (Laignelot), 519.

Мабли, 6, 12, 482.

Магистратъ до-революціонный, 102, 103, 104.

Майль, депутатъ, о возвратѣ общинныхъ земель, 280, 415.

Майницъ, сдача, 463.

Майскія деревья, 115.

Максиматимы цѣны на жизненные припасы въ 1790 году, 208; въ конвентѣ, въ 1793 г., 405; предложеніи Л'Анжемъ, 495.

„Максимумъ“—законъ о максимумѣ, 497; разбираемый Шометомъ, 505; отмена его

послѣ 10 термидора, 566;
послѣдствія отмѣны, 567;
мнѣнія Карьева и Тарле,
581; его ненабѣжность, 581;
его недостаточность, 582.

Малуэ, роялистъ, 56.

Мальзербъ, 337.

Мальяръ, 14 іюля 1789 года,
85 прим.; 5 окт. 1789 г., 155;
во время сентябр. убійства,
301; казнь, 534.

Маратъ, о реформѣ уголовн.
законовъ, 20; подготовляетъ
движеніе 5 октября, 154;
противъ объявленія воен-
наго положенія, 160; о ре-
акціи 1790 г., 178; пропаганда
въ секціяхъ, 183; титрафъ
его газеты, 222; вынужденъ
бѣжать въ Англію, 223;
снова вынужденъ скрывать-
ся въ авг. 1791 г., 234, 236;
считаетъ революцію погиб-
шей, 235; противъ войны,
240, 241; указываетъ опас-
ность, создающую загово-
ромъ королеи, 256; указы-
ваетъ причины неудачи
революціи, 264—266; согла-
шеніе съ Дантономъ, Р.-
бессьеромъ и др. для напа-
денія на Тюильри, 271; тре-
буетъ суда надъ виновни-
ками кровопролитія 10 авг.,
292; въ совѣтъ Коммуны,
300 прим.; обвиняетъ чле-
новъ Закон. Собр. въ под-
держку королев. заговора,
306; выборы въ конвентъ,
308; въ партіи Горы, попу-
лярень, 309; въ обновлен-
номъ клубѣ якобинцевъ,
316; обвин. жирондистами
въ потворствѣ сентябрск.
убійствамъ, 320, 321; про-
тивъ теоріи Робессьера и
Сентъ-Жюста о правѣ убить
Люд. XVI безъ суда, 332;
озлобленіе противъ него
жирондистовъ, 346; поста-
новленіе конвента о преда-
ніи суду, 347; отношеніе къ

анархистамъ, 353; статья въ
пользу волнующейся бѣд-
ноты, 374, 375; измѣна Дю-
мурье, 381, 389; „умствен-
ный тріумвиратъ“, 384, 388,
399; указъ объ арестѣ М.,
392; оправданіе, оваціи, 393,
394; его жизнь со времени
революціи, 393; излагаегь
смыслъ движенія 2 іюня
1793 г., 403; поддерживаетъ
принудит. заемъ, 408 прим.;
казнь Шампе, 455, уном.,
466, 488; о власти Коммуны,
468 прим.; убійство Марата,
445—448; франкъ-масонство,
537.

Марешаль, 487, 489.

Марія-Антуанета, королева,
прозвана г-жа „Дефицитъ“,
26; письмо о необходимости
составить министерство, 28;
праздникъ 13 іюля, 87; ха-
рактеръ, 88; послѣ 14 іюля,
90; сопротивленіе отмѣнѣ
феод. правъ, 116; планы по-
бѣга корол. семьи, 150—153;
мнѣніе объ ней въ народѣ,
155; 5 октября, 155—157;
перенесена съ бар. Ферте-
номъ, 236, 239, 261, 314;
побѣгъ корол. семьи, 229;
переговоры о ея судьбѣ,
330; потайной приказъ во
дворцѣ, 331; попытка по-
бѣга въ 1793 г., 513; судъ,
513; казнь, 514.

М р изъ де-ла-Саль, 75; мар-
кизъ де-Сентъ-Юржъ, 152.

Мармонтель, 74.

Марсель, 262, 309, 320, 453,
456, 462.

Марсово поле, избіеніе на-
рода, 283.

Маскараты, 24.

Масонство, см. франкъ-масон-
ство.

Массовые разстрѣлы въ Ліонѣ,
511.

Маттонъ де-ла-Вареннъ, число
убитыхъ въ сентябрьскіе
дни, 302—303.

Мать ё, 472.

Мелле, Эрнестъ, о секціяхъ
Парижа, 511, 579, 578 прим.

Мерси, его дневникъ, 381.

Международное общество ра-
бочихъ, 576.

Миллиция, 7, 72, 75, 121, 127.

Минье, исторія фр. рев., 90,
477, 478 прим.

Мирабо, рѣчь въ народ. собр.,
55; основ. бретонскаго клу-
ба, 60; перемѣна фронта пе-
редъ 14 іюля, 62; порицаетъ
празднество во дворцѣ 13
іюля, 89; о постановленіяхъ
4 августа, 138; вынужденъ
итти съ болѣе крайними,
152; подкупленъ дворомъ,
161, 175, 391; рѣчь 1789 года
о насильственномъ займѣ,
171, 439; принадл. къ ма-
сонству, 538.

Митава, центръ роялистской
эмиграціи, 17.

Мишлѣ, о праздникѣ федера-
ціи, 187; 488, 501, 507, 522,
530, 531 примѣч., 513, 570;
описание 10 авг., 274, 281;
комитетъ коммуны, 300 при-
мѣчаніе; о сентябр. убой-
ствахъ, 302, 305; о якоби-
цахъ, 315; истощеніе народ-
ной энергіи, 317; о жирон-
дистахъ, 318; о Люд. XVI,
336; о народномъ комму-
нистическомъ движеніи, 373, 485, 486, 488,
501; о Дюмурье, 382; о Ван-
дейской войнѣ, 453 прим.,
454; о составѣ револ. коми-
тетовъ, 507; о культѣ сво-
боды и разума, 522; объ
упадкѣ рев. духа, послѣ
упадка секцій, 530; о по-
верхностности Сентъ-Жюста
и якобинцевъ, 531 прим.; о
казни Робера, 513; о нахотѣ
1792 г., 570.

Мишоннѣ, 513.

Мірская сходка, ея уничто-
женіе, 165.

Моморо, 522, 532, 512.

Монархія, ея паденіе, 226.

Монархическое движеніе, 222

Монашескіе ордена, 170, 172

Можауа, 100.

Монморенъ, министръ - роя-
листъ, 290, 293.

Монтаньярская конституція
479.

Монтаньяры (горцы), поддер-
жаны яacob. клубомъ, 391-
неудача револ. въ Бельгій,
325; переговоры съ герц.
Брауншвейгскимъ и Англи-
ей, 330; борьба съ жирон-
дистами, 336, 340—347, 391
дѣленіе на дѣѣ правыхъ, 362;
комиссары докт. 366;
стараніе предупредить воз-
станіе 11 апр. 1793 г., 394;
31 мая, 401; продажа национ.
имуществъ мелкими участ-
ками, 429, 431; свирѣпы-
мѣры въ Вандей. 452; му-
ниципальный законъ, 482;
конституція 1793 года, 470
472, 473; М. у власти, 478-
481, 506; паденіе М., 511;
казнь, 566, 567.

Монтескье, 6, 191.

Моррамеръ Терроръ секціяхъ,
578.

Модль, 513.

Муниципалитетъ, 164, 165,
166, 171, 193, 200, 205, 208,
225, 260, 472; муницип.
организация, 183—189.

Муниципальный законъ, 164,
165, 166, 183, 184, 190, 191,
193, 212, 260, 468, 472.

Муниципализация торговли,
495.

„Мюскадени“, 507, 542, 545.

Мэри, 97, 99.

Наказы, 35, 43, 108, 109, 111,
482.

Натюр, 30, 39, 69, 122, 313

Найтъ, 363.

Народовластіе, 510.

Народное представительство
51, 187.

Народныя возстанія, 2, 15,
24, 29, 41, 42, 65, 67, 70, 71,

72, 73; взятіе Бастиліи, 77—85, 105—107, 180, 208, 257, 272; походъ на Версаль, 152—156; вторженіе въ Тюильри, 227, 231, 232, 254, 258, 259, 261, 264, 267, 284; взятіе Тюильри, 276, 281, 286.

Народъ, 1, 15, 261, 265; положеніе народа до революціи, 16, 35; нищета, 16, 370, 371, 374; идеи, 11, 14, 13; требованія, 11, 93, 99, 103, 136, 149, 194, 196, 197, 241, 384; организація, 102, 181, 182; отношеніе къ корол. власти, 54; къ королю, 146, 147, 155, 157, 196, 230, 231, 232, 233, 310; отношеніе къ королевѣ, 146, 156; къ Марату, 318; роль въ революціи, 15, 66, 76, 91, 107, 108, 124, 125, 158, 167, 175, 178, 179, 191, 226, 228—231, 261, 265, 271, 272, 274, 310, 302; давленіе на національное собраніе, 147, 148, 149, 152, 156, 196; давленіе на „вождей обществ. мнѣній“, 282, 370, 371, 374.

Наслѣдованіе, законъ Конвента, 405.

Націонализація промышленности.

Національная гвардія, 156, 160, 163, 164, 234, 209.

Національное представительство, 51, 62.

Національное собраніе, отношеніе націон. собраній къ крестьянамъ, 13, 43, 44, 116, 117, 120, 122, 127, 209; къ народу, 58, 159, 164, 165; ограниченіе избир. правъ, 234, 235; отношеніе н. с. къ королю, 66, 87, 138, 139, 148, 152, 158, 187, 233, 234; первая побѣда третьяго сословія, 62; истинный характеръ нац. собр., 63; законъ 14 дек. 1789 г. о муниципалитетахъ,

94, 212; ночь 4 авг., 123, 124, 125, 134, 199, 211; собственническій духъ, 129; законод. постановленія нац. собранія 5—11 авг., 131—134, 136, 138, 139, 140, 149, 199, 200; отмѣна старыхъ формъ суда, 166, 167; конституція, выработанная нац. собр., 144; составъ н. с., 148; борьба въ его средѣ, 162; земельный вопросъ, 169, 170; чрезвычайный сборъ съ имуществъ, 171; отношеніе къ округамъ, 191; декреты, возстановляющіе феодализмъ, 199, 200, 201, 202, 204—212, 277, 278; декретъ 6 августа 1790 г. противъ военн. ассоц., 224, 225.

Національныя имущества, 171, 548.

Нація, 178, 187, 221, 268.

Неккеръ, назначеніе министромъ, 20; предложеніе созвать земскія собранія и отказъ короля, 21; его отчетъ о состояніи финансовъ, 32; отставка (1781 г.), 21; снова министръ (1788 г.), 31, 32; скорѣе финансистъ, чѣмъ госуд. умъ, 31; книга Н. „Исполнит. власть“, 31; созывъ земскихъ собраній (1788 г.), 32; созывъ собранія нотаблей, 33; созывъ генеральныхъ штатовъ, 33; стоитъ за голосованіе по сословіямъ, 34; рѣчь въ собраніи генер. штатовъ, 51, 52; компромиссъ въ голосованіи, 54; общ. настроеніе, 55, 56; мѣры противъ голода, 62; отставка, 70; снова министръ, 150; о невозможности собирать подати, 107; его мнѣніе о феод. правахъ до революціи, 198; приказъ объ арестѣ Марата въ 1790 г., 223; его займы 1789 г. и принудительный заемъ, 439.

Нивьеръ-Шоль, 377.

Нисъ, Эрнестъ (Nys), предисловіе; о вліянні масонства, 538; отступленіе герцога Бр уншвейгскаго, 582.

Ницета, 16, 22, 30, 52, 62, 91, 255, 370, 371, 374.

Ноайль, виконтъ, предложеніе о феод. правахъ, 119, 120, 121, 122.

Нотабли, ихъ собраніе, 33.

Ночь 4 августа 1789 г., 118, 119, 123, 145 прим., 136, 199, 211, 451.

Общества, братскія и народныя, 223, 233, 252, 257, 315, 318, 507, 526, 527; патриоты, 445; секціонныя, 526.

„Общій революціонный совѣтъ“ передъ возстаніемъ 31 мая 1793 г., 401.

Общинное землевладѣніе, 416.

Общинныя земли, законъ Людовика XIV о правахъ захвата и в. 212; законъ о правахъ продажи ихъ частнымъ лицамъ, 212; законъ закон. собр. (25 авг. 1792 г.) объ отчужд. круговой поруки и разверсткѣ общ. земель, 279, 415; законъ конвента (11 іюня 1793 г.) о возвратѣ общ. земель и о правахъ разверстки ихъ, 420, 421, 560.

Общинныя управленія, 414.

Округа Париза, ихъ происхожденіе и значеніе, 68, 100, 101; продажа церковныхъ имуществъ, 171; округа и секціи, 180—188; внутренн. организація, 182—184; настрoenіе, 183; дѣятельность, 183—187; ихъ объединеніе въ исполнительный совѣтъ, 188; упразднены муниципальнымъ закономъ 1790 г., 191; возрождаются въ секціяхъ, 191.

Оларъ (Aulard), 100, 218, 221, 291, 366, 471, 503, 504, 518, 524 примѣч., 580.

Организація церкви, 172.

Отмена барщины, 19; круговой поруки, 19; личной крепостной зависимости въ помѣстьяхъ короля, 20; пытки, 20; права „мертвой руки“, 20.

Отреченіе отъ христіанской религіи, 518, 519, 520, 521.

Палэ-Рояль, 53, 60, 61.

Парижская революціонная Коммуна, 187, 193, 256; ея возникновеніе, 273; организуетъ возстаніе 10 августа, 275, 276; требуетъ суда надъ придворными заговорщиками, 287; избраніе генеральнаго совѣта, 289; массовые обыски 29—30 авг., 292; вооруженіе волонтеровъ, 293; распущена жирондистскимъ министерствомъ, 293; мѣра, чтобы остановить сейтѣбр. убійства, 303; обыски у жиронд. министровъ, 306; война съ жирондистами, 321, 316, 317, 350; соперница конвента 321; революціонный характеръ комм. избранной 2 дек. 1793 г., 364; ея генеральный совѣтъ, 364; постановленіе о единовременномъ прогрессивномъ налогѣ, 394; участіе въ возстаніи 31 мая, 400, 402; требуетъ закона о максимумѣ, 408; и о принудительномъ налогѣ, 408; коммунистическія стремленія, 477; крайняя партія, 506; старанія конвента и комитетовъ ослабить ея власть, 509, 510; охрана Тампля, 513; участіе въ противорелигіозномъ движеніи, 519, 522, 523; сила ея въ секціяхъ, 526; борьба съ комитетами, 529; вліяніе эбертистовъ, 532, 533; побѣда комитетовъ, 513; уничтоженіе городской автономіи, 543 прим.; казни, 544,

- 545; литература о пар. коммуны, 579, 580.
- Парижскій народъ, 53, 55, 56, 66, 67, 158, 543, 557; первое столкновение между нимъ и богатыми, 48; его заслуги, 290, 292, 295; организационныя способности, 185; революціонный духъ, 49, 89.
- Парижскій парламентъ, 25, 26.
- Парижскія секціи. ихъ происхождение и организція, 181—188; продажа церковн. имущества, 216; активное выступленіе въ 1792 г., 257, 263; въ извѣженіе короля, 274; подготовившій и начинавъ возстаніе 10 авг. 1792 г., 275, 289, 290; новая сила рядомъ съ собраніемъ, 280; сентябрьскія убійства, 292, 295; прекращеніе ихъ, 306; организція, 312; извѣженіе короля, 313; борьба противъ нихъ жирондистовъ, 321; судъ надъ королемъ, 330; бдительность секцій, 339; избраніе совѣта Коммуны, 364, 365; измѣна Дюмуръ, 387; требуютъ изгнанія 22-хъ жирондист. изъ конвента, 397; возстаніе 31 мая, 398; добровольное ограниченіе потребления, 436; защита Ру, 501; отреченіе отъ вѣры, 522, 523; разложеніе секцій, 526—530; бездѣятельность секцій 9 термидора, 565 прим.
- Парижское возстаніе 14 іюля: два теченія, 57, 58; роль народа, 66, 67; занесъ патриотовъ, 69; негодованіе противъ двора, 69; призвъ Демуллена, 71; см. также въ тѣ Бастилліи и вторженіе въ Тюильри.
- Парижъ, городъ, 46; очагъ революціи, 49, 60, 65, 66, 68; взятіе Бастилліи, 77—94; постоянный комитетъ милиціи, 83; образованіе Коммуны, 100, 149, 177, 182, 183, 194, 198, 254, 257, 288, 327, 332, 384, 395, 396, 401, 402, 462, 507, 542, 544, 546; походъ П. на Версаль, 149—157; празднество федераціи, 177; избирательные округа, 182, 183; секціи, 193—194; нападеніе на Тюильри, 254, 257, 270—276; роялисты, 288; обмундировка и отправка волонтеровъ, 289, 298; приближеніе къ П. непріятеля, 293; волненіе въ П., 294—296; сентябрьскіе дни, 298—307; судъ надъ королемъ, 332; волненія весной 1793 г., 384; угрозы жирондистовъ уничтожить П., 396; возстаніе 31 мая, 397—404; опасное положеніе въ іюнь 1793 г., 462, 463; контръ-революціонныя силы организуются, 507; казнь эбертистовъ и гибель Коммуны, 544; упадокъ духа, 545, 546.
- Парламентская исторія революціи, 4.
- Парламентъ, 148, 167.
- Партія „горы“, 321. См. монганьяры; П. „устатыхъ“, 531.
- Патріоты, 67, 68, 69, 138, 180, 224, 252, 264, 321.
- Пашъ, мэръ Парижа, 321, 364, 384, 388, 542, 543, 544.
- Пажкёръ, коллективистъ, 362.
- Пельтье, сент. убійства, 303.
- Питтъ, 553; деньги Питта, 252, 253.
- Полиньякъ, герцогиня, письмо мэру, 64, 76; праздникъ въ Версаль, 87; эмигрируетъ послѣ 14 іюля, 90.
- Политическіе вожди, 273; пол. союзы, 223.
- Польша, раздѣлъ, 324.
- Постановленія 4—11 августа, 137—140.
- Постоянный комитетъ, 68, 75, 76, 80, 81, 83, 182, 184.
- Походъ на Версаль, 152—154, 227.

Права помещиковъ до революціи, 37.
 Право вето, 147, 148, 152, 239.
 Право мертвой руки, 20, 36, 121, 129, 202, 451; на всеобщее благосостояніе, 343; на трудъ, 191, 174; собственности, 471.
 Праздникъ свободы и разума, 522.
 Праздникъ федераціи, 176, 177, 187, 224, 250, 262.
 Представительное правленіе, 20.
 Преторіанская гвардія, 75.
 Прибавочная стоимость, 491.
 Принудительный заемъ, 150, 405, 407, 408, 409, 4.
 Принципы ненавидимы народомъ, 26; готовить гос. переворотъ, 53, 54, 58, 64; ускорять отставку Неккера, 70; эмигрируютъ послѣ взятія Бастиліи, 88, 90; противятся реформамъ, 147, 150; дволгодный договоръ, 149; направляютъ австрійскія и прусскія войска на Парижъ, 287; центръ ихъ дѣйствій въ Лондонѣ, 325.
 Приселеніи къ общинамъ, 414.
 Присяга короля конституціи, 177, 178.
 Провансѣ, 462.
 Прогрессивный налогъ, 410.
 Продажа національныхъ имуществъ, 428, 429, 431, 452, 497, 499.
 Продажа общинныхъ земель частнымъ лицамъ, 212, 500.
 Пролетаріи, 265.
 Прудонъ, 189, 485, 496.
 Прусская армія, 323, 324.
 Прудомъ, 236.
 Прэси, Роменд, Ліона, 456.
 Пугачевскій бунтъ, 2.
 Пьемонтскія войска, 450, 456, 457.
 Поль, Томасъ, 467.

Рабочіе, 567; ихъ требованія, 220; положеніе городскихъ рабочихъ, 220.
 Раздѣлъ Польши, 324.
 Рамель, судья, 472.
 Реакція, готовить ударъ въ сент. 1789 г., 153; послѣ похода на Версаль, 158, 159, 201; послѣ избіенія на Марсовомъ Полѣ, 164; ея центры въ старыхъ городкахъ управленій, 166; духовенство — ея душа, 172; купечество крупныхъ портовъ, 175; усиленіе въ 1790 и 1791 г.г., 179; уничтоженіе работы секцій въ 1794 и 1795 г.г., 194 прим.; Р. въ земельн. законодательствѣ, 211, 212; приостановка революціи, 214—226; торжествуетъ послѣ побѣда короля, 232, 234, 235; усиленіе послѣ назначенія жирондистскаго министерства, 239, 244; ея сила въ 1792 г., 251, 305; приморскіе и промышленные города, ея центры, 363; усиленіе въ іюнь 1793 г., 391; вліяніе на земельные законы 1790 и 1791 г.г., 429; подготавливается ослабленіемъ секцій, 530; послѣ переворота 9-го термидора, 366, 439, 440; въ концѣ 1793 г., 535; послѣ казни эбертистовъ, 546; послѣ казни робеспьеристовъ, 566, 567; упом., 366, 423; по окончаніи революціи, 572, 574.
 Реаль, 408.
 Ребекки, жирондистъ, 456.
 Ревельоповское дѣло, 47.
 Революціонное правитель-ство, 543 прим.
 Революціонныя комитеты, 365, 507, 510, 522.
 Революціонный духъ, 29, 40, 49, 124, 224; 308, 321, 364.
 Революціонный коммунизмъ. См. коммунизмъ.

Революціонный трибуналъ, 510, 512; судъ надъ Маріей-Антуанетой, 513, судъ надъ Робертисами, 542; верховный революціон. трибуналъ, 544, 585, 552, 557.

Революціонныя движенія въ Страсбургѣ, 105—106; въ Руанѣ 107.

Революція, различіе отъ возстанія, 2; требуетъ идейнаго теченія и революціон. дѣйствія, 3; никогда не бываеъ результатомъ отчаянія, 109; требуетъ подъема мысли и чувства, 124; дѣлается меньшинствомъ, 260, 261; необходимость строительной мысли, 497; Р. англійская, 3, 95; Р. американская, 6; Р. великая французская, переворотъ въ установленныхъ понятіяхъ, зарожденіе новыхъ, 3; два составныхъ ея элемента, 1, 3, 4; ея исторія, 4; идейное теченіе, 5—10; народное дѣйствіе, 11—18; бунтовской духъ, возстанія, 19—30; главныя причины, 22; почему перестройка приняла характеръ революціи, 52; ея два главныхъ теченія, 1, 57, 58, 197; ея главная основа—возстанія крестьянъ, 44, 45, 94; отличіе отъ англ. рев., 94—96; вдохновеніе, созданное ночью 4 августа, 124; идеалъ буржуазіи и стремленія крестьянъ, 96; городская революція, идеалъ свободной городской коммуны, 100; сельская и городская община съ ея секціями, 180; программа, выставленная деклараціею правъ, 144, 145; разница между революціей и госуд. переворотомъ, 167; изъ парламентской револ. становится всенародною, 173; народная революція, 145, 167, 173, 511; отношеніе

Европы къ фр. револ. 177; главное завоеваніе революціи, отмена феодальныхъ правъ, 198, 428, 432; экономическіе результаты фр. революціи, 428; уроки франц. рев., 428, 431; конецъ франц. революціи, 544; ея результаты, 571, 573; источники соврем. социалист., анархич. и коммунистическихъ воззрѣній, 577, 578.

Революція 1818 г., 178, 194.

Религія верховнаго существа, 525.

Религія природы, 521.

Республика, противодѣйствіе буржуазіи, 221, 222; враждебное отношеніе къ ней буржуазіи, 233; якобинцы противъ республиканцевъ, 234; republ. настроеніе Марселя, 262; становится необходимой послѣ 10 авг., 309; якобинцы и конвентъ за нее, 309; колебанія конвента и ея провозглашеніе, 310—315; борьба съ вандейцами, 453, 457, 464, 465, 490; утверждается побѣдами ея арміи, 536, 560; конецъ республики, 569.

Республиканская армія, 459—461, 464, 465.

Реставрація, 428, 433.

Референдумъ, 470.

Реформы и революція, 572—573.

Робертъ Шарль, 234, 241.

Робеспьеръ: членъ Бретонскаго клуба, 60; противъ закона о военномъ положеніи, 161, 194 прим.; реакція, 226; боится стать за республику, 233; противъ жирондистовъ, 239; противъ войны, 630; противъ аграрнаго закона, 242; противъ республики (іюнь 1792), 243; недоуѣріе къ революціи, 256; противъ обращенія къ народу, 270, противъ возстанія,

271; ненависть къ Марату.
 271; Р.-золотая середина Го-
 ры, 315; нападеніе Жироиды
 на Р., 318, 320; требованіе ка-
 зни короли 332; борьба съ
 жирондистами, 344, 359;
 отношеніе къ собствен-
 ности, 362; о сохраненіи
 власти конвента, 475; противъ
 коммунистовъ, 481, 501; рѣчь
 за ограниченіе права со-
 ственности въ деклараціи
 правъ, 471, 498; вліяніе въ
 комитетъ общ. спасенія, 506;
 побѣда въ конвентѣ, 512;
 религія верховнаго суще-
 ства, 525; о „пронскахъ ино-
 странцевъ“ 527; противъ Кло-
 оца, 534; принадлежность
 къ должамъ ипюминатовъ,
 538; заискиваніе у бурикуазинъ,
 543; арестъ жирондистовъ,
 545; вліяніе въ конвентѣ,
 547; неподкупность Р., 548;
 борьба съ коммунистич.
 попытками, 551; о реорга-
 низаціи революціон. граду-
 лада, 554; терроръ, конь ору-
 жіе, 555; противъ Баррера
 и Фуше, 562; рѣчь въ кон-
 вентѣ, 563; арестъ, 564;
 казни Р., 566.

Робеспьеровская группа, 553.
 Робертъ Оуэнъ, 496.

Роланъ, министръ, 198, 239,
 263; обмекъ у него, 293;
 обращеніе къ администр.
 учрежденіямъ, 294; письмо
 отъ 3-го сент., 303, 304; жи-
 рондистское министерство.
 317; преслѣдованія противъ
 участниковъ сентябрьскихъ
 убійствъ, 320.

Роланъ, госпожа, 515.

Роммъ, изобрѣтатель респуб.
 календаря, 517.

Россія, 578.

Ронсэнь, эбертистъ, началь-
 никъ революціон. арміи, 510;
 требованіе ареста Ронсэна,
 534; арестъ, 542.

Роялистская федерація. юж-
 ная, 520.

Роялистское возстаніе, 249,
 253, 456.

Роялистскіе комитеты. ихъ
 агитація, 53; работа, 216.

Роялисты, ихъ организація,
 153; борьба съ патриотами,
 224, 252; питрпчи, 247; Коб-
 ленцъ, 248, 249; отношеніе
 къ народу, 291; заговорщики,
 294; Лондонъ ихъ центръ,
 325; выпускъ ассигнацій,
 440, ихъ эмиссары, 451; заго-
 воръ въ тюрьмахъ, 454;
 возвращ. роялистовъ, 507;
 Казни роялистовъ, 555; роя-
 листская реакція, 567.

Руанъ, городъ, 363.

Ру, историкъ, о праздникѣ
 федераціи, 188, о сент. убій-
 ствахъ, 303.

Ру, Жакъ, коммунистъ, его
 требованіе очищеніе Кон-
 вента, 384; коммунизмъ, 485,
 487; рѣчь во время вы-
 боровъ, 489; о социализаціи
 земли, промышленности и
 торговли, 497; Эбертъ про-
 тивъ Ру, 499; Ру противъ
 спекулянтовъ, 500; изгнаніе
 изъ клуба кордельеровъ, 501;
 смерть, 502.

„Руководители революціон-
 ной мысли“, 384.

Руссо, Жанъ-Жакъ, 6, 12;
 недоверіе къ исполнитель-
 ной власти, 191; о причи-
 нахъ неравенства, 482.

Руэри, маркизь, 442.

Рыцари книжала, 245.

Савойя, занята арміею кон-
 вента, 325.

Сальмуръ, гр. 70.

Салъ-кюлотъ, 180; противъ
 спекуляціи, 373, 374; соз-
 даніе новой Франціи, 406;
 борьба противъ ино-тр. втор-
 женія, 459; льготы при по-
 купкѣ націон. имущества,

- 500: плата за присутствіе на засѣданіяхъ конвента, 511
 Сантерръ, 267.
 Саньякъ, о мелкихъ собствен-
 никахъ, 130; о феодальныхъ
 платежахъ, 205, о маргов-
 скихъ законахъ 1790 г., 206,
 207; о законахъ конвента
 объ общин. земляхъ, 423.
 Свобода промышленности и
 торговл. 8.
 Свобода хлебной торговли, 19.
 Сейесъ, аббатъ.—Что такое
 третье сословіе? 46; осно-
 ватель. Бретон. клуба, 60;
 декларація правъ, 143; за-
 щита третьяго сословія, 143;
 раздѣленіе гражданъ на ак-
 тивныхъ и пассивныхъ, 163;
 въ констит. комитетъ, 467;
 о равенствѣ, 482; отказъ отъ
 священн. сана, 521.
 Секція, возникновеніе, 188, 223;
 дѣятельность, 191—195; оча-
 ги революціи, 267, 290; воору-
 женіе добровольцевъ, 293;
 выраженіе революц. стре-
 мленій, 311; противъ жи-
 рондистовъ, 397; подготовка
 возстанія 31 мая, 398; подав-
 леніе секцій государствомъ,
 530; отношеніе къ нимъ
 конвента и Ком. Общ. Спа-
 сенія, 509, 511; общее соб-
 раііе, 190, 191; ихъ значеніе;
 192; 528, разложеніе, 526,
 528, 530; литература о сек-
 ціяхъ, 579, 581.
 Сентябрьскіе дни, 296, 303,
 305, 306, 375, 384.
 Сентъ-Жюсть, якобинецъ, 309;
 противъ короля, 332; противъ
 конвента, 337; противъ санъ-
 кюотовъ, 374; въ комиссіи
 конституціи, 472; рѣчь въ
 конвентѣ, 502; въ комитетъ
 Общ. Спасенія, 506; требова-
 ніе сохраненія революц. пра-
 вительства, 512; честность
 Сентъ-Жюста, 540; его „соці-
 ализмъ“ 511; постѣд. борьба,
 562, арестъ, 564.
 Сентъ-Мало, портъ, 443.
 Сентъ-Марсъ, сентябрьск. убій-
 ства, 502.
 Сервантъ, министръ жирон-
 дистъ, 263, 317; противъ
 гражданской войны, 304.
 Сплвенъ Марешаль, его ком-
 мунизмъ, 487.
 Симондъ, 526, 527.
 Симонъ, 267.
 Спидникъ, ихъ дѣятельность,
 97, 98.
 Смитъ, Адамъ, экономистъ, 6,
 8, 9.
 Собраніе потаблей, созывъ, 29,
 32; пренія, 109.
 Собственность, разрушеніе ея
 въ деревняхъ, 120; защита
 Эгиптономъ, 122; ночь 4 авг.,
 136; въ деклараціи правъ
 1789 г., 143, демократизація
 закономъ о наследствѣ, 215;
 защита въ закон. собр. и
 конвентѣ, 222; въ памфле-
 тахъ Бриссо, 263; отношеніе
 къ ней Марата, 403; въ де-
 клараціи правъ 1793 г., 474
 прим.: отношеніе Бильо-Ва-
 рена, 481 прим.; мнѣніе Сентъ-
 Жюста, 540.
 Совѣтъ трехсотъ, 159, 160.
 Совѣтъ коммуны, 364.
 Совѣтъ парижскаго депар-
 тамента, 438.
 Соціализація имущества, 503;
 объѣма, 495; промышлен-
 ности, 493, 494.
 Соціализмъ, 11; его основы,
 455; связь современн. соц.
 съ коммунист. теченіями
 франц. революціи, 576-577.
 Спекуляторы, 509.
 Спекуляція, причины ея, 171;
 спекуляціи буржуазіи, 371;
 мѣра противъ С., 436; пони-
 женіе курса ассигнацій, 440,
 441.
 Средневѣковые города-республики,
 185 примъч.
 Старожилы въ общинѣ, 414.
 Старый порядокъ, 509.
 Стофля, 452.

Старасбургъ, его революція, 103-105.

Судебныя преслѣдованія 223.

Суэ, (Souhait), 192.

Сюна, 553.

Гал-Францъ, 169, 170, 245.

Гашень, 562, 564.

Гамонни, 19.

Гарле, проф. 581.

Термидорскій переворотъ, 316, 368, 505.

Термидорская реакція, 409; созданіе двухъ палатъ, 469; конецъ культа Верховн. существа, 525; участіе жарондистовъ, 519; горячество термидорской контр-революціи, 579.

Террористы, въ конвентъ, 457; въ комитетъ общ. спасенія, 506, 533.

Терроръ, начало его, 254; въ конвентъ, 481, 508, 510; 506-я, 532; газета Дамулена, 535; террористическая программа Робеспьера, 539; инструкция Робеспьера, 554; покушеніе на Робеспьера, 556; впечатлѣніе на парижанъ, 557; усиленіе террора, 561.

Терроръ бѣлый, 271, въ царствованіи Бурбоновъ, 305; участіе „Равнины“, 310; терроръ, „сѣній“, 427.

Токвилъ, историкъ, 18.

Торин, 381.

Третье сословіе, его идеи о полит. организаціи Франціи, 6, 7; двойное представительство, 34; указы, 35; политическая сила, 38, 39; рѣшимость преобразовать госуд. строй, 44; отношеніе короля, 51; непониманіе задачи революціи, 52; объявленіе нац. собранія, 53; клятва въ залъ jeu de Paume, 54; собраніе выборщиковъ, 75; сознаніе народа, 89; энтузіазмъ Т. С. въ ночь 4 авг., 122-123;

обогащеніе, 197; конституція Т. С., 215.

Титумвиратъ, „уметвенныи“, 132 прим.

Троеніе общ. земель, 412.

Тронша, 337.

Тулонъ, 450; роялистское возстаніе, взятіе англичанами, 456.

Тулуза, возстаніе противъ конвента, 450.

Тьерри, провинція, голодный бунтъ, 40.

Тьерри, слуга короля, 263.

Тюрго, экономистъ, отецъ полит. экономіи, 8; призваніе въ министерство, 19; отставка, 20; противъ пониженія цѣны на хлѣбъ, 23; реформы, 81, 88; о равенствѣ, 482.

Тюрю, взятіе Бастиліи, 81, 82.

Тюильри, взятіе, 276.

Тэнъ, историкъ, 16; докладъ интендантовъ, 40; объ округахъ, 101; о нравственности революціи, 177.

Уравненіе состояній, 241, 509.

Учредительное собраніе, его характеръ 207; законы противъ крестьянъ, 209; законъ 18 іюня 1790 г., 210; февральскіе декреты, 211; противъ отмены феодальн. правъ, 214; уничтоженіе стараго порядка, 215; противъ низложенія короля, 233; выраженіе монархическихъ чувствъ, 235; законъ 15 марта 1790 г. о феодальныхъ повинн. 277. уничтоженіе мірской сходы, 451; система продажи націон. имущества, 451, 497.

Фабръ, д'Эглантинъ, докладъ конвенту о объ общинныхъ земляхъ, 417; докладъ о республиканскомъ календарѣ, 517; противъ комит. обществ. спасенія, 534; обвиненіе въ подлогѣ, 537, 545.

Фара, 351 примѣч.

„Федерализмъ“ жирондистовъ, 365.

Федералисты, 479 примѣч.

Федераты, марсельскіе, 275; защита конвента, 320; всеобщій наборъ, 512.

Фельянты, правая сторона Закопод. Собр., 237; Нафайетъ, глава партіи, 244, борьба между Фельянтами и патриотами, 252; планы, 269, противъ республики, 367; роялисты, 341; противъ снабженія арміи, 459; сочувствіе богатыхъ, 479.

Феодализмъ, въ „Сводѣ“ Давида, 199; конецъ феодализма, 572.

Феодальное законодательство, принципиальное заявленіе объ отбѣнѣ феодальныхъ правъ, 199, частичное ихъ возстановленіе постановленіями 5—11 авг. 1790 г., 134, 135, 199; законъ 21 февр. — 15 марта 1790 г., 203—205; мнѣніе Савьяна, 204—207; законъ 18 іюня 1790 г., 210—211; декреты 16—25 авг. 1792 г., 278; отбѣна церковной десятины и барщины, 279.

Феодальное право, въ городахъ, 39; въ деревняхъ, 98; заявленіе короля, 119; рѣши Д. Огильона и Ноайя, 119, 122; требованія крестьянъ, 121, 199; провинція о ночи 4 августа, 123; въ національн. собраніи, 201.

Феодальныя повинности, 36; право суда помещиковъ, 37; барщины за работы, 37; даръ королю, 39; налоги, 98, 99; право охоты, 131—133, отбѣна десятины и барщины по праву „мертвой руки“, 392.

Ферзенъ, баронъ, 462.

Филлино, 511.

Философія XVIII вѣка, 1, 2, 9.

Финансовый разруха, 431.

Флерьо-Леско, 543.

Флессель, мэръ, 76, 85.

Фоксъ, глава Виговъ, 463.

Франкъ-масоны, 89; ихъ гротмейстеръ, 330; 537, 538.

Франція, періодъ возстаній, 2; голодные бунты, 16; положеніе до революціи, 30, 31, 177; государствен. долгъ, 33; общество мнѣніе, 34; крѣпостное право, 36; недородъ, 39; развитіе республик. духа, 91; возстанія, 111; граждан. война, 136; банкротство государства, 168; долгъ, 169; конституціонная власть, 174; пропасть между буржуазіей и народомъ, 197; столкновенія, 198; эконом. послѣдствія революціи; 428, 433; военныя неудачи, 513; противорелигіозное движеніе, 521; положеніе въ концѣ 1791 г., 531; экономическія преобразованія, 569, 570.

Фреронъ, 231.

Фуберъ, о планѣ муниципальной организаціи, 189—191.

Фукье-Тэнвиль, прокуроръ революц. суда; 506; законъ объ ускореніи дебатовъ, 515.

Фулонъ, сторонникъ королевской семьи, 513.

Фурнье-американецъ, 267.

Фурье, Шарль-Люи, 455, 496.

Фурьеризмъ, 576.

Фунз, объявленіе войны севѣрю и ландсберю, 518; материалистическія лекціи, 519; Робеспьеръ противъ Фунза, 518.

Хлѣбная торговля, 19.

Централизациа, 215, 529, 543.

Центральное революціонное правительство, его усиленіе, 510, 511; подчиненіе секцій, 526; враждебность къ народному самоуправленію, 528, 528, 530; противъ коммунизма, 531—532.

Централизациа, 191.

Церковная десятина, см. Де-
сятина.

Церковныя имущества, про-
дажа ихъ. 170—173.

Церковь, ея преобразование,
172.

Цецилія Рено, покушеніе на
Робеспьера. 556.

„Черныя банды“ скупщиковъ
и спекуляторовъ. 509, 560.

Чинишъ, 130, законъ 24 февр.
15 марта 1790 г., 203—205;
отмена Чиниша. 278.

Шазо, противъ Лафайета, 281;
противъ королевской власти.
306; казнь. 537.

Шазе, представитель народ-
ной партіи въ Лионѣ. 377.
коммунистическія. 455.
180, 488; вліяніе его на фу-
рберство. 576.

Шассанъ, о вліяніи дворянъ
въ орахъ. 12; о голодныхъ
хлѣбѣ. 13; тайные доклады
министру иностран. дѣлъ. 67;
о нападкахъ. 182.

Шателье-дю, 126.

Швейцарцы, 81, 276, 281.

Шевалье, 386 примѣч.

Шериданъ, 411.

Шареть, его приказъ о раз-
стрѣлахъ республиканцевъ.
153.

Шометь, прокуроръ париж-
ской Коммуны. 245, 364; ме-
мюары. 257, 260, 267; согла-
шеніе съ Робеспьеромъ, Ма-
ратомъ и Дантономъ. 271;
собраніе Коммуны 10 авг.,
273; захватъ государствомъ
фабрикъ, покинутыхъ вла-
дѣльцами. 505; обѣщанія на-
роду. 508; инсинуаціи Сентъ-
Кюста, 512; вліяніе на Фу-
ше, 518; запрещеніе совер-
шать богослуженіе въ хра-
мовъ, 519; симпатіи къ ком-
мунистамъ, 532; арестъ, 542;
казнь, 543, 544.

Штурмъ, финансы Франціи,
408 прим.

Эбертисты, захватъ власти, 532;
торжество надъ Робеспье-
ромъ, 539; арестъ, 542; казнь.
542—544.

Эберъ, комиссаръ революц.
комитета, 273; назначенъ по-
мощи прокурора, 364; при-
надлежность къ Гольбахов-
ской школѣ, 499; выступленіе
противъ Р. 502; проповѣдь
повсемѣстныхъ казней, 519;
пропаганда служенія сво-
бодѣ и разуму. 522; нападки
Дантона, 536; арестъ, 542;
казнь. 544.

Эволюція и революція, 572, 573.

Эвваръ, Катерина, 117.

Эгильонъ, герцогъ, 60, 119, 120,
122.

Экспроприація, 169, 243; э.
церков. имущества, 170—173.

Эмигранты, арестъ иль арес-
тыянами, 183; подготовка
контръ-революціи, 238; указы
Нац. Собранія. 239; дѣятель-
ность, 245; продажа иму-
ществъ, 279; отношеніе къ
иноземнымъ войскамъ, 323.

Эмиграція, начало ея. 159,
центры роялистской эми-
граціи, 248, 250.

Эркманъ-Шатрианъ, 38.

Этамнъ, убиство мэра, 242.

Юмъ, философъ, 6, 41.

Юнгъ, Артуръ, 11, 53, 56, 67.

Якобинскій клубъ, 534.

Якобинцы, отношеніе къ ко-
ролю. 230; отдѣленіе отъ
республиканцевъ, 234, 238.
боязни народнаго возстанія.
240, 242, 248; бои въ Парижѣ.
266; соглашеніе между кра-
пными якобинцами и наро-
домъ, 272; поддержка Горы
и комитета въ конвентѣ, 316.
отношеніе къ секціямъ, 526—
528; исключеніе Клоода изъ
Якобинскаго клуба, 534; за-
хватъ мѣсть въ прави-
тельствѣ, 548.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Предисловіе	v
I. Два главных течения революціи	1
II. Идеиное теченіе	5
III. Народное дѣйствіе	11
IV. Народъ наканунѣ революціи	16
V. Буйтовой духъ. — Восстаніе	19
VI. Необходимость созыва Генеральныхъ Штатовъ	30
VII. Крестьянское возстаніе въ первые мѣсяцы 1789 года	35
VIII. Бунты въ Парижѣ и его окрестностяхъ	46
IX. Генеральные Штаты	54
X. Приготовленіе къ перевороту	57
XI. Парижъ наканунѣ 14 іюля	66
XII. Взятіе Бастиліи	77
XIII. Послѣствія 14 іюля въ Версалѣ	81
XIV. Народныя возстанія	95
XV. Города	97
XVI. Крестьянское возстаніе	109
XVII. 4 сентября и его послѣствія	118
XVIII. Феодальныя права остаются	129
XIX. Декларация Правъ Человека	141
XX. Дни 5 и 6 октября 1789 года	146
XXI. Стрѣлъ буржуазии. — Новая городская организація	158
XXII. Финансовыя затрудненія. — Протѣка имуществъ духовенства	168
XXIII. Праздникъ Федерціи	174
XXIV. Окрута и секція Парижа	180
XXV. Парижскія секціи при новомъ муниципальномъ управлѣн.	189
XXVI. Задержаніе въ унѣженіи феодальныхъ правъ	196
XXVII. Феодальное законодательство 1790 года	206
XXVIII. Превращеніе Революціи въ 1790 году	214
XXIX. Бѣгство Короля. — Реакція. — Конецъ Учредительнаго Собранія	227
XXX. Законодательное Собраніе. — Реакція 1791—1792 годовъ	237
XXXI. Контр-революція на Югѣ	247
XXXII. 20 іюня 1792 года	255
XXXIII. 10 августа. Его и посредствѣнные результаты	268
XXXIV. Междоусобица. — Нахлына	281
XXXV. Сентябрьскіе дни	296
XXXVI. Конвентъ. — Коммуна. — Якобинцы	308
XXXVII. Правительство. — Борьба партій въ Конвентѣ. — Война	317

0
3
9
7
4
9
4
2
0
7
37
76
82
91
98
06
16
26
31
39
47
52
59
68
78
87
607

316
81
186
287
74

B

409

217

